

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

The gift of

**EUGENE SCHUYLER
U.S. CONSUL AT
BIRMINGHAM, ENG.**

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ВОСТОКЪ И ЕВРОПА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

Литература.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-ая.

ФЕВРАЛЬ, 1874.

112-2

ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

Digitized by Google

КНИГА 2-ая. — ФЕВРАЛЬ, 1874.

	Стр.
I.—АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, въ Александровскую эпоху. — По новымъ документамъ. — VI. На зѣб Россіи. 1823—24. — VII. Михайловское. 1824—26. — Окончаніе. — П. В. Анненкова.	481
II.—ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО. — Стихотворенія: I. Духъ матеря. — II. Промалгіе. — П. И. Вейнберга	569
III.—ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ и Д. И. КАЧЕНОВСКІЙ. — Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ. — П. — Окончаніе. — М. П. Де-Пуле.	565
IV.—ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ. — Романъ въ трехъ частяхъ. — Часть вторая. — Г. П. Данилевскаго	589
V.—ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ПЕЧАТІЕ. — Историческій очеркъ новейшихъ работъ. — VI—XIV. — Окончаніе. — П. Я. Фойницкаго.	711
VI.—КУЙ ЖЕЛѢЗО, ПОКА ГОРЯЧО. — Новый англійскій романъ м-сь Бреддонъ. — VI—XII. — А. Э.	763
VII.—ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА и НАУКА. — Идея личнаго владѣнія въ современномъ обществѣ. — Ueber die Freiheit in der Volkswirthschaft, von Dr. H. Maurus. — Р—Ъ.	802
VIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Брачное торжество 11-го января. — Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія. — Праздникъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія. — Адресъ московскаго дворянства и талетные толки. — Промедляла судьба нашей народнои школы и будущее ея развитіе. — Манифестъ о всеобщей воинской повинности. — Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. — Льготы и изыткія. — Очеркъ новаго устройства пооруженныхъ силъ. — Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Валліе	846
IX.—ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи. — А. К. Бухъ	876
X.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Распушеніе валагы общинъ. — Посланіе Гладстона и Дизраели. — Государственный переворотъ въ Испаніи, и новое правительство. — Министерскій кризисъ въ Версали. — Висмаркъ и иностранная печать	896
XI.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА. — Политическій кризисъ въ Германіи. — К.	913
XII.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА. — Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ. — К.	934
XIII.—ЗАМѢТКА. — По поводу quasi-литературной критики „Русскаго Вѣстника“. — А. Н. Пышина	948
XIV.—ОБЪЯСНЕНІЕ Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества и объѣздъ Эд. Линдемана	962
XV.—ИЗВѢСТІЯ. — I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученикамъ.	964
XVI.—БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. вышѣ: I—IV стр.

Объявленіе о подпискѣ на журн. „Вѣстникъ Европы“ въ 1874 г., и объ особомъ изданіи тою же редакціею „Года“, историко-политическаго обозрѣнія 1872—73 гг., см. на оборотѣ.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Ala.

1-3-4
~~Slav 70.2~~
P Slav 176.25

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ПУШКИНЪ

ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКУЮ ЭПОХУ.

По новымъ документамъ.

VI *).

На югъ Россіи.

1823—1824.

Пушкинъ въ Одессѣ. — Романтизмъ. — Усиленные занятія. — Столкновения съ обществомъ. — Моральныя страданія Пушкина. — Неожиданная высылка въ деревню и отъѣздъ его.

Пушкинъ, кажется, сначала и не понялъ значенія переворота, который свершился, какъ въ жизни края, такъ и въ его собственной жизни, съ переменной администраціи. Ему просто думалось, что онъ развязывается съ надоѣвшимъ ему и начинавшимъ ему нудить Кишиневомъ. М. Ѡ. Орловъ съ большей частію ужаснаго его общества покинулъ Кишиневъ, такъ какъ онъ былъ призванъ въ Тульчинъ для Высочайшаго смотря 2-й арміи

*) См. „В. Е.“ 1878, нояб. 5; дек. 457 стр.; 1874, янв. 5 стр.

(сентябрь 1823), послѣ котораго, убѣдясь въ неблаговоленіи къ нему Государя Императора, и вышелъ въ отставку, какъ извѣстно. Промѣнъ Кишинева на Одессу казался очень выгоднымъ Пушкину. Онъ самъ описалъ привлекательную сторону тогдашней Одессы. И дѣйствительно, шумный приморскій городъ съ итальянской оперой, съ богатымъ и образованнымъ купечествомъ, съ новинками и вѣстями изъ Европы, русскими и иностранными путешественниками, наконецъ съ молодыми, способными чиновниками, прибывшими въ край, по выбору его главнаго начальника — все это сулило Пушкину много новыхъ развлеченій, занятій и связей, каковыхъ Кишиневъ, потерявшій между прочимъ и значеніе административнаго центра, уже не могъ дать. Будущее представлялось въ довольно свѣтломъ видѣ и обѣщало, въ виду всѣхъ этихъ элементовъ и условій европейскаго общежитія, возможность болѣе широкаго обмѣна мыслей, — а этимъ Пушкинъ всегда очень дорожилъ.

Преимущества Одессы имѣли, однако же, и свою оборотную, уравновѣшивающую сторону.

Очень скоро обнаружилось, во-первыхъ, для Пушкина, что здѣсь уже не могло быть и помина о той свободѣ, простотѣ и даже фамиліарности отношеній къ управленію, какая существовала въ Кишиневѣ. Новый начальникъ съ блестящей свитой чиновниковъ и адъютантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Александръ Н. Раевскій, съ перваго раза поставилъ себя центромъ окружающаго его міра и самой страны. Образъ его сношеній съ подчиненными одинаково удалялъ, какъ поползновенія ихъ къ служебной низости, такъ и претензію на короткость съ нимъ. Край впервые увидалъ власть со всѣми атрибутами блеска, могущества, спокойствія и стойкости. Прежде всего требовались теперь „порядочность“ въ образѣ мыслей, наружное приличіе въ формахъ жизни и преданность къ службѣ, олицетворяемой главою управленія. Многіе весьма далеко уходили, усвоивъ себѣ однимъ вѣнчимъ образомъ эти качества. Нельзя сказать, чтобы тотъ, сравнительно небольшой, кругъ талантливыхъ людей, которые не могли или не желали устроить свою внутреннюю жизнь по данному образцу, испытывали какого-либо рода притѣвленія: государственный умъ начальника края употреблялъ ихъ такъ же, какъ и другихъ въ дѣло, спокойно ожидая ихъ обращенія. Нѣтъ сомнѣнія, что и Пушкину предоставлена была бы свобода не признавать обязанности для себя никакой программы существованія и поведенія, если бы при этомъ онъ скромно и тихо пользовался своей льготой, но мало-дисциплинированная натура поэта без-

престанно побуждала его къ выходкамъ и поступкамъ, явно враждебнымъ самой системѣ управленія. Понятно, что не имѣя возможности выработать изъ себя «дѣльнаго» человѣка во вкусѣ эпохи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не поддаваясь ни на какую мировую сдѣлку, ни на какое соглашеніе беречь про себя свое представленіе людей и порядковъ, Пушкинъ уже не имѣлъ особенно вѣрныхъ залоговъ успѣха въ новомъ обществѣ, куда попалъ по собственному избранію.

Другое отличіе Одессы состояло въ томъ, что узлы всѣхъ событій распутывались здѣсь уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ. Тамъ легко и скоро сходили съ рукъ Пушкину и такія продѣлки, которыя могли разрешиться въ настоящую жизненную бѣду; здѣсь онъ могъ вызвать ее и ничего не дѣлая, а оставаясь только Пушкинымъ. Тысячи глазъ слѣдили за его словами и поступками изъ одного побужденія — наблюдать явленіе, не подходящее къ общему строю жизни. Собственно враговъ у него совсѣмъ не было на новомъ мѣстѣ служенія, а были только хладнокровныя счетчики и помѣчатели всѣхъ проявленій его ума и юмора, употреблявшіе собранный имъ матеріалъ для презрительныхъ толковъ втихомолку. Пушкинъ просто терялся въ этомъ мірѣ приличія, вѣжливаго, дружелюбнаго коварства и холоднаго презрѣнія ко всѣмъ вспышкамъ, даже и подсвязаннымъ благороднымъ движеніемъ сердца. Онъ только чувствовалъ, что живетъ въ средѣ общества, усвоившаго себѣ молчаливое отвращеніе ко всякаго рода самостоятельности и оригинальности. Вотъ почему Пушкинъ осужденъ былъ волноваться, такъ сказать, въ пустотѣ и мстить невидимымъ своимъ преслѣдователямъ только тѣмъ, что оставался на прежнемъ своемъ пути. Онъ скоро прослылъ потеряннымъ человѣкомъ между «благоразумными» людьми эпохи, и это въ то самое время, когда внутренній міръ его постепенно преобразовывался, мѣсто неистовыхъ возбужденій заняло строгое воспитаніе своей мысли, а умственный горизонтъ, какъ сейчасъ увидимъ, значительно расширился. Опасность его положенія въ Одессѣ не скрылась отъ глазъ нѣкоторыхъ его друзей, какъ напримѣръ, отъ Н. А. Алексѣева. Пушкинъ былъ гораздо ближе къ политической катастрофѣ, становясь серьезнѣе, чѣмъ въ періодъ своихъ увлеченій. Эта иронія жизни или исторія не новость на Руси.

Единодушныя свидѣтельства всѣхъ друзей и знакомыхъ Пушкина не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ первыхъ же мѣсяцевъ пребыванія въ Одессѣ существованіе поэта ознаменовывается глухой, внутренней тревогой, мрачнымъ, сосредото-

точенымъ въ себѣ негодованіемъ, которыя могли разрѣшиться очень печально. На первыхъ порахъ онъ спасался отъ нихъ, уходя въ свой рабочій кабинетъ и запираясь въ немъ на цѣлыя недѣли и мѣсяцы. Мы и послѣдуемъ туда за нимъ, такъ какъ кабинетный трудъ его одинъ и остался въ виду потомства, а все прочее давно унесено временемъ и позабыто.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что важную долю кабинетной дѣятельности Пушкина составляла его переписка съ братомъ и друзьями (Бестужевымъ, Рылѣевымъ, Дельвигомъ, кн. Вяземскимъ), преимущественно посвященная литературнымъ вопросамъ и особенно развившаяся съ 1823 г. Біографическое значеніе этой переписки очень велико: поэтъ является въ ней со всѣми качествами своего гнѣваго, замѣчательно-проницательнаго, подвижнаго ума. Общій характеръ ея можетъ быть сведенъ на одну черту: вся она есть ни болѣе, ни менѣе какъ томленіе по здоровой, дѣльной критикѣ и попытка отыскать теперь-же ея настоящія задачи и затронуть предметы, которыми она должна будетъ заниматься. *Начать критику* въ нашей литературѣ сдѣлалось для Пушкина любимой, завѣтною мыслію. Постоянные вызовы на полемическій споръ, какіе онъ сталъ посылать теперь друзьямъ, сначала много удивляли ихъ, такъ какъ они привыкли считать его человекомъ, только бессознательнаго, непосредственнаго творчества, не призваннымъ къ роли литературнаго судьи. Они довольно долго относили критическія замашки Пушкина къ капризу поэта, вздумавшаго попробовать себя на новомъ и несвойственномъ ему поприщѣ, что видно и изъ небрежныхъ, частію ироническихъ отвѣтовъ на его письма, какія онъ получалъ отъ Рылѣева, Бестужева, кн. Вяземскаго. Въ одномъ они отдавали ему справедливость — именно въ способности чувствовать всякую литературную фальшь и усматривать промахи въ логикѣ, языкѣ и созданіи у современныхъ писателей. Между тѣмъ, можно связать, безъ опасенія впасть въ преувеличеніе и панегирикъ, что по предчувствію истины и по предчувствію нравственной сущности предметовъ — онъ стоялъ выше, какъ критикъ, не только заурядныхъ журнальных рецензентовъ своего времени, но и такихъ ворифеевъ литературной критики, какъ А. Бестужевъ, кн. Вяземскій и др. Онъ, напримѣръ, никакъ не могъ примириться съ заносчивой фразой перваго, со своеволіемъ его основныхъ положеній, но также точно не уживался и съ благовоспитаннымъ поклоненіемъ передъ старыми избранными авторитетами, какимъ отличался второй, старавшійся скрыть снисходительность своихъ оцѣнокъ остроуміемъ изложенія и подборомъ мыслей, болѣе или

менѣ искусно приложенныхъ къ разбираемому автору. Борьба Пушкина съ мнѣніями Бестужева, Рылѣева, Воейкова намъ известна по рукописнымъ снимкамъ съ его посланій къ нимъ, и въ ней онъ является намъ мыслителемъ-новаторомъ, который имѣетъ свое умное, нивѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій русской литературы. Менѣ известны его горячія пренія съ кн. Вяземскимъ, такъ какъ отъ его переписки съ нимъ ничего не дошло до насъ ни путемъ печатной, ни путемъ рукописной литературы; но вотъ какой характеристическій отрывокъ изъ одного черноваго письма еще уцѣлѣлъ въ бумагахъ Пушкина. Пушкинъ опровергаетъ въ немъ сужденія кн. Вяземскаго о И. И. Дмитріевѣ и говоритъ... «О Дмитріевѣ спорить съ тобою не стану, хотя всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры—одного изъ твоихъ посланій, а все прочее—перваго стихотворенія Жуковскаго. По мнѣ, Дмитріевъ ниже Нелединскаго и сто кратъ ниже стихотворца Карамзина. Сказки его написаны въ дурномъ родѣ, холодны и растянуты, а Ермакъ такая дрянь, что нѣтъ мочи... Грустно мнѣ видѣть, что все у насъ клонится Богъ знаетъ куда! Ты одинъ-бы могъ прикрикнуть налево и направо, порѣстрясти старыя репутаціи, приструнить новыя и показать истину, а ты повровительствуешь старому вралю...» ¹⁾

Вообще, Пушкинъ съ 1823 г., послѣ толчка, даннаго его мысли «Полярной Звѣдой», былъ уже недоволенъ всѣмъ, что творилось въ русской литературѣ по части критики. Онъ стоялъ выше ея современнаго положенія и какъ будто ждалъ человѣка, который дастъ ей твердое основаніе и направленіе, призывая къ тому попеременно то одного, то другого изъ своихъ пріятелей. Отвѣта на призывъ, однакожь, не являлось ни откуда, да еще и рано было ему явиться: литература только-что просыпалась отъ долгаго оцѣпенѣнія и находилась въ періодѣ попытокъ, пробованій, исканій всякаго рода. Мысль шла, такъ сказать, ощупью на первыхъ порахъ и для дѣльнаго и серьезнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго литературы, предпринятаго споряча нашими критиками, не доставало основаній, которыя еще не были ими найдены. Тѣмъ удивительнѣе становится встрѣчаться съ нѣ-

¹⁾ Рѣзкость этого сужденія можетъ быть пояснена и участіемъ въ составленіи его раздосадованнаго авторскаго самолюбія. Известно, что Дмитріевъ, при появленіи „Руслана“, сошелся во взглядъ на поэму съ постояннымъ своимъ врагомъ по всѣмъ другимъ вопросамъ, именно съ М. Т. Каченовскимъ, считая ее, одинаково съ нимъ—пустой сказкой, довольно легко написанной и обаянной своимъ успѣхомъ всего болѣе соблазнительными картинами, въ ней заключающимися.

которыми мыслями Пушкина отъ Одесской и позднѣйшаго ея роста — Михайловской эпохи, которыя составляютъ какъ-бы предчувствіе того, что будетъ говорить и подробно развивать послѣдующая анализирующая критика, когда приспѣетъ ея пора. Что, какъ не раннюю отгадку одной изъ ея темъ представляетъ, на примѣръ, извѣстное утвержденіе Пушкина, что ребяческое состояніе нашей критики всего лучше обнаруживается въ общепринятомъ способѣ причислять одинаково въ лику великихъ писателей Ломоносова, Державина, Хераскова, Сумарокова, Озерова, Богдановича и проч., не разбирая, чего каждый стоить по себѣ и въ какомъ отношеніи находится къ европейскимъ литературамъ, откуда каждый изъ нихъ вышелъ. Въ 1825 г. Пушкинъ самъ даже попробовалъ составить типическій очеркъ для дѣятельности Державина, и сдѣлалъ это съ ясностію и мастерствомъ, которыя удерживаютъ за очеркомъ значеніе блестящаго критическаго этюда и доселѣ (въ неизданномъ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго, 1825.)

Еще ближе подошелъ Пушкинъ къ духу и обычнымъ, смѣлымъ и откровеннымъ приемамъ послѣдующей нашей аналитической критики, когда набрасывалъ въ Одессѣ на-скоро слѣдующій отрывокъ. Онъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ. Со своимъ скептическимъ и ироническимъ отливомъ, онъ показываетъ такую свободу отношеній въ именамъ, лицамъ и умственному состоянію общества, какая была рѣдкостію въ то время. Кажется, Пушкинъ и самъ дорожилъ набросанными имъ мыслями, потому что вздумалъ воспроизвести ихъ позднѣе въ извѣстной, дополнительной строфѣ въ Онѣгину: «Сокровища роднаго слова», такъ что мы можемъ считать отрывокъ нашъ настоящей программой этого стихотворенія. Вотъ онъ:

«Причинами, замедлившими ходъ нашей словесности, обыкновенно почитаются: 1-е, общее употребленіе французскаго языка и пренебреженіе русскаго. Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто-же виноватъ, какъ не они сами? Исключая тѣхъ, которые занимаются сплетнями литературными (sic), у насъ нѣтъ еще ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія, съ младенчества почерпнули мы въ книгахъ иностранныхъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ. Просвѣщеніе вѣка требуетъ важныхъ предметовъ для пищи умовъ, которые уже не могутъ довольствоваться блестящими икрушками, но ученость, политика, философія, по-русски еще не изяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуж-

денъ создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и глѣбность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, механическія формы коего давно уже извѣстны. Но, скажутъ мнѣ, русская поэзія достигла высокой степени образованности. Соглашеть, что нѣкоторыя оды Державина, не смотря на неграмотность языка и неровность слога, исполнены порывами генія, что въ «Душеньгѣ» Богдановича встрѣчаются стихи и цѣлыя страницы, достойныя Лафонтена, что Крыловъ превзошелъ всѣхъ намъ извѣстныхъ баснописцевъ, исключая, можетъ быть, того же самаго Лафонтена, что счастливые сподвижники Ломоносова» (Но здѣсь Пушкинъ оставилъ пустое мѣсто, вѣроятно, для подразумѣвавшихся именъ Шишкова, Ширинскаго-Шихматова, Кутузова и проч.), «что Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для италіянцевъ, что Жуковскаго перевели-бы на всѣ языки, если-бы онъ самъ менѣе переводилъ....»

Этотъ ироническій возгласъ, передразнивавшій литературныхъ же-патріотовъ тогдашняго времени ихъ собственными, надутыми фразами, Пушкинъ не докончилъ, оставивъ его и безъ отвѣта, да это въ сущности и не его было дѣло. Его дѣло было показать примѣры самостоятельнаго творчества и возродить въ другихъ людяхъ идею свободнаго и глубокаго поэтическаго созерцанія жизни...

Можетъ показаться страннымъ, что мы находимъ признаки замѣчательной работы мысли въ этомъ хожденіи вокругъ старыхъ и новыхъ русскихъ писателей и въ этомъ взвѣшиваніи ихъ литературнаго значенія, но надо вспомнить, что такое была въ это время и еще гораздо позднѣе литература наша. За немнѣніемъ никакихъ другихъ открытыхъ поприщъ для обнаруженія независимой умственной дѣятельности, литература сдѣлалась сама собой единственною ареною, призывавшею къ себѣ всѣхъ, кто чувствовалъ склонность и способность мыслить. Уйти отъ нея можно было тогда только въ тайные политическіе круги, какъ многіе и дѣлали. Позднѣе арена эта еще разрослась, приобрѣла несвойственные ей размѣры и поглотила всѣ другія направленія, которыя искали случая помѣститься вокругъ тѣхъ-же старыхъ именъ нашихъ писателей и насущныхъ русскихъ произведеній свои завѣтныя идеи. Пушкинъ былъ провозвѣстникомъ замаскированной публицистики, породившей въ послѣдніе годы его жизни сплошной рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей.

Въ Одессѣ же явился для Пушкина и новый предметъ размышленій и изслѣдованій, которому онъ посвящалъ цѣлыя дни,

а потомъ и цѣлые трактаты, какъ оказывается по его бумагамъ. Мы говоримъ о романтизмѣ. Съ точки зрѣнія современной критики, уже знающей, какое мѣсто занималъ романтизмъ въ ряду историческихъ явленій нашего вѣка, чѣмъ былъ порожденъ и куда его направлялъ, можетъ также показаться, что занятія романтизмомъ ничего болѣе не доказываютъ, какъ отсутствіе критическихъ научныхъ основаній въ умѣ, который ищетъ своего спасенія отъ внутренней пустоты въ царствѣ фантази. На дѣлѣ было нѣсколько иначе: романтизмъ имѣлъ у насъ смыслъ и значеніе призыва къ жизненной борьбѣ, а не отбоя или отступленія отъ нея.

Трудно теперь и представить себѣ, что заключалось для нашихъ людей эпохи 1820—30 г. въ одномъ этомъ волшебномъ словѣ «романтизмъ», которое заставляло биться всѣ сердца и работать всѣ головы. Прежде всего романтизмъ освобождалъ писателей отъ гнета условныхъ правилъ творчества и отъ множества стѣснительныхъ школьныхъ предразсудковъ относительно значенія, такъ - называемыхъ, *образцовъ* отечественной словесности. Онъ уже предвѣщалъ эпоху возмужалой мысли, какъ-бы еще сентиментально, туманно и капризно ни выражался иногда самъ. Съ его появленія возникаетъ у насъ предчувствіе о новыхъ неофициальныхъ путяхъ жизненной и творческой дѣятельности. Романтизмъ послужилъ прежде всего возвышенію отдѣльной личности, давая ей право говорить о себѣ, какъ о предметѣ первостепенной важности и уполномочивая ее противопоставлять свои нужды, страданія и требованія, даже заблужденія и ошибки всякимъ, такъ - называемымъ, *высшимъ* интересамъ и представленіямъ. Исповѣдь личности получила интересъ политическаго дѣла, но подъ однимъ условіемъ, чтобы исповѣдь эта находила сочувственныя струны въ сердцахъ другихъ людей и отражала собственную ихъ исторію задушевныхъ страданій, стремленій и надеждъ. До Пушкина, конечно, никто не давалъ ни малѣйшаго образчика такой исповѣди, но уже съ Карамзина началось движеніе въ сторону отъ торжественныхъ родовъ поэзіи, которые одни считались доселѣ заслуживающими вниманія, на встрѣчу къ *мелкимъ* предметамъ человѣческаго существованія, къ анализу сердечныхъ движеній, къ описанію того, что угнетаетъ, тревожитъ и поддерживаетъ отдѣльное лицо, незамѣтную единицу въ государствѣ. Ко времени Пушкина движеніе это выросло до того, что въ конецъ измѣнило понятіе о призваніи литературы. Оно и теперь полагалось, какъ и прежде, при господствѣ одъ, высокопарныхъ поэмъ и псевдо-народныхъ или патріотическихъ траге-

дѣй, въ служеніи общественному дѣлу, но общественнымъ дѣломъ становилось теперь частное возрѣніе, частное горе, частная жалоба. Для Европы все это могло быть безразлично или даже составлять остановку въ ея развитіи; для насъ это было положительнымъ выигрышемъ и шагомъ впередъ. О другихъ сторонахъ романтизма по отношенію къ русской жизни — скажемъ сейчасъ.

Пушкинъ имѣлъ еще свои особенныя, личныя причины заниматься опредѣленіями и объясненіями романтизма. Еще ранѣе публикаціи своей третьей поэмы «Бахчисарайскій фонтанъ» (1823), онъ уже былъ признанъ у насъ, какъ критиками, такъ и публикой—главой романтической школы. Онъ никогда не помышлялъ о завоеваніи себѣ этого титула или этого мѣста, но приобретаая ихъ по общему приговору, увѣровалъ въ свое призваніе вести романтическую школу въ своемъ отечествѣ, какъ передовой ея дѣтель, на высоту, какая ей будетъ подъ силу. Однакоже для того, чтобъ удержать за собой мѣсто главы романтической школы, необходимо было уже ближе познакомиться съ сущностію и внутреннимъ смысломъ ученія. Это необходимо было и по другой причинѣ: слѣдовало отдѣлать понятіе о романтизмѣ отъ такихъ явленій, какъ слезливость послѣдователей Карамзина, какъ фантазмагоріи и чертовщина послѣдователей Жуковского, какъ пережитое имъ самимъ русско-байроническое настроеніе, что все еще слыло за романтизмъ и прерывалось его именемъ. Отсюда и выходили розысканія Пушкина.

Но на пути полного и обстоятельнаго опредѣленія романтизма Пушкинъ встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія, которыхъ и побѣдить не могъ.

Напрасно прибѣгалъ онъ къ возобновленію въ памяти курса французской словесности и начиналъ исторію романтизма съ провансальской поэзіи и труверовъ, отыскивая въ ихъ римованныхъ сонетахъ, рондо, тріолетахъ первыя сѣмена романтизма; напрасно противопоставлялъ свойства и приемы *народныхъ* драмъ Кальдерона, Шекспира и проч. *придворнымъ* трагедіямъ псевдо-классиковъ временъ Людовика XIV, думая уловить въ этомъ контрастѣ коренныя признаки и отличія обѣихъ школъ; напрасно также наконецъ, какъ-бы въ отчаяніи въ неуспѣхѣ своихъ изысканій, совѣтовалъ просто различать классическія произведенія отъ романтическихъ не по духу и содержанію ихъ, ибо тогда въ иномъ классическомъ созданіи найдутся ясныя элементы романтизма, какъ и на оборотъ, а только по ихъ формамъ, которыя уже не могутъ обмануть, будучи типически различными между собою—все

напрасно! Построеніе каковой-либо эстетической теоріи на романтизмъ—не давалось ему, что онъ ни дѣлалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ Пушкина уяснить вопросъ приведены нами были въ «Матеріалахъ» 1855 (см. томъ I сочиненій Пушкина, изд. 1855, стр. 112, 262 и слѣд.), но многочисленныя, длинныя его компиляціи изъ курсовъ, но значительное количество образчиковъ пересказать ихъ содержаніе своими словами и дополнить своими комментаріями, туда не попали, какъ черновая работа, только внѣшне, механически принадлежащая поэту. Можно привести въ дополненіе къ другимъ примѣрамъ его собственныхъ мнѣній о романтизмѣ еще слѣдующій отрывокъ изъ письма къ П. А. Вяземскому, набросанный предварительно поэтомъ вчергѣ: «Перечитывая твои письма, говоритъ Пушкинъ, беретъ меня охота спорить.... Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ отъ А. Шенье... Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ... изъ классиковъ—классикъ. C'est un imitateur. Отъ него пахнетъ Теоокритомъ и Анакреономъ. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ *concezzi* и отъ французскихъ *antitheses*, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли.... Первые «Думы» Рылѣва (послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился: такъ онъ выросъ!)—холодны... Lavigne—школьникъ Вольтера—и бьется въ сѣтяхъ Аристотеля. Романтизма нѣтъ еще во Франціи, а онъ-то и возродилъ умершую поэзію. Помни мое слово—первый поэтический гений въ отечествѣ Буало ударится въ такую свободу, что—что твои нѣмцы! Покажѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ... Что до моихъ занятій... Романъ въ стихахъ... въ родѣ Д. Жуана... Первая глава кончена — тебѣ ее доставлю.... Пишу съ упоеніемъ, чего уже давно со мною не было... О печати и думать нельзя. Цензура наша такъ своенравна, что невозможно разбирѣть кругъ своихъ дѣйствій: лучше и не думать.»

Такъ нащупывали, смѣемъ выразиться, невидимку-романтизмъ во всѣхъ явленіяхъ литературы наши передовые писатели, и не могли согласиться другъ съ другомъ ни въ одномъ выводѣ, хотя относительно Пушкина нельзя не сознаться, что его пророчество о близкомъ появленіи шеолы В. Гюго, по времени, весьма замѣчательно. Кстати сказать. Случайное приравненіе, сдѣланное самимъ Пушкинымъ, Онггина къ «Д. Жуану» Байрона, было подхвачено впоследствии друзьями и послужило источникомъ досады автора на нихъ и объяснительной переписки съ ними, какъ сейчасъ будемъ говорить.

Не лучше, если не хуже, были и всѣ другія опредѣленія

романтизма, исходившія отъ его друзей или отъ записныхъ литераторовъ того времени. Перечеть ихъ мнѣній и сужденій увлечь бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ просто: пониманіе сущности романтизма не давалось русскому міру, и оно понятно почему? Въ Европѣ романтизмъ былъ роднымъ явленіемъ. Корни его обрѣтались въ старой и новой исторіи Запада, и разгадка его явленій добывалась легко и скоро. Даже въ высшемъ своемъ развитіи, когда онъ олицетворялся титаническими характерами, въ родѣ Рене, Манфреда, Обермана и проч., онъ еще отвѣчалъ только общему состоянію умовъ послѣ французской революціи, поднявшей всѣ вопросы духовнаго и политическаго существованія государствъ и оставившей большую ихъ часть безъ разрѣшенія. Каждый человѣкъ, не чуждый вовсе движенія своего вѣка, переживалъ съ этими типами и характерами, въ большей или меньшей степени, какъ-бы собственную свою психическую исторію. Онъ безъ труда находилъ въ себѣ самомъ ихъ безотрадный анализъ, отчаянныя усилія придти къ какому-либо вѣрованію и томившую ихъ скуку. Также точно западный человѣкъ воскresшалъ передъ собой, такъ сказать, свои школьные годы и не выходилъ изъ круга семейныхъ, родственныхъ представленій, когда изъ усталости и противодѣйствія философіи и раціонализму убѣгалъ назадъ, въ средніе вѣка. Влюблялся въ народныя повѣрія, преданія, суевѣрія и сказанія, умилялся передъ гѣсными труверовъ и миннезенгеровъ, утѣшался фантастическими представленіями средневѣковыхъ народныхъ массъ, которыя помогали имъ переносить тяжесть жизни — все это значило на Западѣ только припомнить свой ребяческій возрастъ, оглянуться на свое прошлое. Для западнаго человѣка романтизмъ былъ не открытіемъ, а воспоминаніемъ. Въ переработкѣ всего средневѣковаго матеріала на новый ладъ, люди искали тамъ свѣжести чувства и тѣхъ живыхъ вѣрованій, той пищи для фантазіи и согревающей теплоты религіозныхъ идеаловъ, какихъ имъ уже не доставало. При потворствѣ критики, которая въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ представителей, какъ одного изъ Шлегелей, на примѣръ, и нѣкоторыхъ другихъ, давала даже примѣръ перехода изъ одного вѣроисповѣданія въ другое для лучшаго развитія въ себѣ элементовъ романтизма, направленіе сдѣлалось подъ конецъ вреднымъ и ретрограднымъ въ Европѣ. Иначе выразилось оно у насъ, гдѣ, не имѣя значенія бытового явленія, приняло форму *художественной теоріи*, что составляло большую разницу.

Поводовъ къ возникновенію романтизма въ его соціальной и метафизической формѣ, представляемой героини, сейчасъ упомина-

путями: Рене, Манфредами и проч., не существовало никакихъ въ нашей общественной средѣ, такъ же точно, какъ не было данныхъ на русской почвѣ для процвѣтанія романтизма въ смыслѣ обновленія преданій. Старая русская народная жизнь лежала еще тогда въ сторонѣ, никому невѣдомая и никѣмъ неизслѣдованная: напустить на себя страстное обожаніе предмета, окруженнаго и подернутаго густымъ мракомъ исторіи, конечно, было возможно по нуждѣ, какъ мы и видѣли въ политическихъ нашихъ славянолюбцахъ, но долго выдерживать эту роль въ литературѣ не представляло уже никакой возможности. Мы увидимъ далѣе, что романтизмъ дѣйствительно подвелъ Пушкина незамѣтно къ народной поэзіи, но не ея слабій, никѣмъ еще не распознаваемый голосъ могъ участвовать въ призывѣ новаго ученія къ себѣ на помощь. По-неволѣ романтизмъ долженъ былъ явиться у насъ просто въ формѣ новаго *эстетическаго* ученія, для чего онъ вовсе не имѣлъ содержанія по своей односторонности, и чѣмъ не могъ быть по своей сущности и происхожденію. Онъ сдѣлался школьнымъ вопросомъ изъ живого явленія, какимъ онъ былъ на Западѣ. Очутившись у насъ на этой дорогѣ и принявъ обликъ схоластической теоріи, романтизмъ напелъ скоро безчисленныхъ учителей, толкователей и комментаторовъ. Каждый изъ нихъ предлагалъ свое опредѣленіе романтизма на основаніи признаковъ и подробностей, прежде всего бросившихся ему въ глаза и, такимъ образомъ, романтизмъ для однихъ былъ накопленіе этнографическихъ чертъ и народныхъ выраженій въ произведеніи, для другихъ—тонкій до мелочей психическій анализъ характеровъ, для третьихъ—подробное изложеніе неуловимыхъ отбѣнговъ мысли и ощущеній, а для очень многихъ (т. е. для большинства учителей)—проявленіе необузданной фантазіи, которая пренебрегаетъ всѣми условія искусства. Самъ Пушкинъ, на другой почвѣ, чѣмъ школьныя теоріи, находилъ еще, какъ знаемъ, присутствіе романтизма даже въ иной безпутной жизни, лишь бы она исполнена была включеній всякаго рода.

Итакъ, забудемъ о нашихъ опредѣленіяхъ романтизма и посмотримъ, каково было вліяніе этого направленія на нашу образованность вообще. Здѣсь къ числу благотворныхъ навѣяній и послѣдствій романтизма, о вторыхъ уже говорили, слѣдуетъ присоединить еще одну и можетъ быть важнѣйшую черту. Занесенное къ намъ на этотъ разъ не изъ Франціи, а изъ энциклопедической Германіи—романтическое движеніе имѣло послѣдствіемъ открытіе новаго матеріала не только для авторства, но и для умственнаго воспитанія общества. Благодаря тому уваженію ко

всѣмъ народностямъ безъ исключенія и во всѣмъ видамъ и родамъ народной дѣятельности, которое романтизмъ проповѣдывалъ съ самаго начала, онъ сдѣлался у насъ элементомъ очень важнаго движенія. Избранныхъ литературъ, а съ ними и избранныхъ національностей, predeterminedныхъ, такъ сказать, быть вѣчными образцами гениальной производительности, для романтизма вовсе не существовало, къ великому соблазну классически-воспитанныхъ писателей. Наравнѣ съ высоко-развитыми древними и новыми обществами, вниманіе романтизма обращено было и на племена съ невидными, но своеобразными зачатками духовной жизни. Изъ этого выходило также, что романтики не признавали никакой іерархіи въ родахъ поэтической дѣятельности и народная сага, собраніе пѣсенъ, эпическое или лирическое творчество какаго-либо незначительнаго племени цѣнилось ими иногда выше правильныхъ, холодныхъ драмъ, поэмъ, романовъ, занимавшихъ и восхищавшихъ цивилизованное общество. Этотъ космополитизмъ романтической школы, это благожелательство къ проявленіямъ челоуѣческаго духа, въ каковой бы формѣ оно ни дѣлалось, отрывали школы, такъ сказать, цѣлый міръ предметовъ для вдохновенія, фантазіи и мысли.

Пушкинъ, прозванный, не безъ основанія, «Протеемъ» за способность ловить поэтическіе отбѣнки чувства, образа и мысли во всѣхъ предметахъ, поддававшихся его наблюденію, воспользовался съ избыткомъ отличіемъ своей школы, но она еще увела его и далѣе. Путемъ изученія чужихъ народныхъ произведеній, романтизмъ приводилъ неизбежно и къ русскому народному творчеству, еще никѣмъ не тронутому. Не могло же оно одно оставаться за чертой, въ непонятномъ и позорномъ ostracismѣ, когда всѣ другія страны ласково принимались въ пантеонъ, устроенный для народныхъ литературъ всего свѣта. Конечно, обходъ къ русскимъ поэтическимъ мотивамъ былъ очень дальній, но врядъ ли въ то время шла къ нимъ кака-либо другая дорога. Благодаря романтизму, и вскорѣ послѣдовавшему за нимъ вліянію Шекспира—открылся впервые разнообразнѣйшій русскій міръ, съ чертами нравовъ, понятій и представленій, ему одному свойственными. Оставалось подойти къ нему и, конечно, мы не скажемъ ничего преувеличеннаго, если здѣсь замѣтимъ, что первымъ, подошедшимъ къ нему прямо съ поэтическимъ чутьемъ его дѣйствительнаго содержанія, былъ Пушкинъ.

Дѣло обрусенія Пушкинскаго таланта началось съ Омѣгина, т. е., съ перваго появленія нашего поэта въ Одессѣ, когда онъ серьезно приступилъ къ роману, начатому нѣсколько прежде и

которымъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по свидѣтельству брата, былъ поглощенъ душевно и тѣлесно. При появленіи первой главы новаго произведенія въ Петербургѣ, еще въ рукописи (1825), друзья автора снова закричали о мастерскомъ подражаніи Байрону и его Донъ-Жуану. Пушкинъ былъ изумленъ и огорченъ: друзья не знали того поворота на встрѣчу русской жизни, который былъ уже задуманъ имъ, и остановились на внѣшней формѣ романа. Съ жаромъ принялся онъ имъ толковать, что ничего общаго между Онѣгинимъ и Донъ-Жуаномъ нѣтъ, что первая глава романа есть не болѣе, какъ вступленіе, которымъ онъ остается доволенъ, что слѣдуетъ ожидать другихъ главъ, того, что будетъ далѣе... а далѣе хотя онъ еще и неясно различалъ, какъ говорить самъ въ поэмѣ, ходъ романа, но конечно русская жизнь со своими особенностями носилась уже и тогда передъ его глазами.

Намъ не совсѣмъ понятна теперь ошибка друзей Пушкина, почти единогласно утверждавшихъ, что Онѣгинъ и Донъ-Жуанъ одно и то же лицо, даже упрекавшихъ поэму нашего автора въ пошлости и прозаизмъ содержанія. Этого мнѣнія держался, между прочимъ, и К. Ѡ. Рылѣевъ, а также очень ученый и дѣльный пріятель Пушкина, Н. Н. Раевскій младшій, не разъ поражавшій поэта трезвостію своихъ сужденій, но про котораго авторъ Онѣгина принужденъ былъ замѣтить въ 1823 году, въ письмѣ къ брату изъ Одессы: «Не вѣрь Н. Раевскому, который бранить его (Онѣгина). Онъ ожидалъ отъ меня романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ и порядочно не разчухалъ». А между тѣмъ одно то обстоятельство, что Пушкинъ съ самаго начала относится очень скептически къ своему герою, должно было бы навести его критиковъ на мысль о разницѣ между русской и англійской поэмой. Байронъ вообще никогда не смотрѣлъ иронически на своихъ героевъ, а тѣмъ менѣе на Донъ-Жуана, въ которомъ олицетворялъ нѣкоторыя стороны собственной своей природы. Пушкинъ тоже вложилъ въ Онѣгина часть самого себя и ввелъ въ его обликъ нѣкоторыя черты своего характера, но онъ не благоговѣетъ передъ изображеніемъ, а, напротивъ, относится къ нему совершенно свободно, а подѣ-часъ и саркастически. Конечно, говоря о двухъ поэмкахъ, никогда не должно забывать высокаго преимущества, какое имѣетъ Донъ-Жуанъ въ обширности плана, въ смѣлости замысла, а также и въ силѣ исполненія надъ русской поэмой, но это не мѣшаетъ Онѣгину быть великимъ поэтическимъ памятникомъ русской литературы, поучительнымъ и для другихъ, по художественному разоблаченію умственной и быто-

вой жизни той страны, гдѣ онъ возникъ. По нашему мнѣнію, ничто такъ не подтверждаетъ нравственнаго переворота, совершившагося съ Пушкинымъ въ Одессѣ, какъ способность, обнаруженная имъ въ Онѣгинѣ, отнестись критически къ «передовому» человѣку своей эпохи. Почти въ одно время съ появленіемъ первой главы романа (1825), въ публикѣ нашей распространилась и комедія «Горе отъ ума». Пушкинъ и Грибоѣдовъ уловили, такъ сказать, душу своего времени, заключивъ все его содержаніе въ двухъ неумирающихъ типахъ Онѣгинъ и Чацкомъ, которые принадлежать одинаково къ «большому свѣту», управлявшему тогда умственнымъ развитіемъ страны. И тотъ и другой страдаютъ пустотой жизни, но Онѣгинъ есть представитель известной части свѣтскаго круга, члены котораго, несмотря на всѣ свои претензіи, способны были уживаться со своей обстановкой, а Чацкий есть представитель другого отдѣла того же свѣтскаго круга, котораго эта самая пустота вызывала на проповѣдь, борьбу и подвигъ. Сознаніе своихъ и общественныхъ недуговъ заставляетъ Онѣгина дорожить изяществомъ существованія, тонкими ощущеніями въ области мысли и въ сферахъ жизни, которымъ само презрѣніе къ людямъ и обществу служить еще охраной и покровомъ; то же самое сознаніе разрѣшается у Чацкого, наоборотъ, искреннимъ гнѣвомъ и негодованіемъ на самого себя и на общество: если онъ бьетъ его по лицу всѣми его пороками и позорными сторонами, то не выгораживаетъ и себя изъ его среды. Изъ этихъ двухъ типовъ, въ безчисленномъ распаденіи и развѣтвленіи, дѣйствительно и слагалась тогда многочисленная русская «интеллигенція», сообщившая эпохѣ тотъ своеобразный колоритъ, который мы знаемъ за ней. Параллель между Онѣгинымъ и Чацкимъ можно бы провести и далѣе, показавъ, что и частная ихъ жизнь была какъ-то одинаково неудачна и завершилась отвергнутымъ чувствомъ со стороны тѣхъ, въ комъ они вздумали помѣстить свое сердце и свою любовь; но при ближайшемъ разсмотрѣніи и тутъ оказывается разница. У перваго, Онѣгина, это явилось заслуженнымъ наказаніемъ его нравственной несостоятельности, плохо прикрываемой кичливостію и претензіей, а у Чацкого то же явленіе было возмездіемъ среды, не выносившей его нравственнаго превосходства. Во всякомъ случаѣ и Пушкинъ, и Грибоѣдовъ, какъ достоверно известно изъ многихъ документовъ, очень хорошо знали, что дѣлаютъ, еще при самомъ замыслѣ своихъ созданій и довольно ясно предвидѣли выводы и соображенія, къ какимъ они дадутъ поводъ впоследствии. Не могъ только предвидѣть Пушкинъ того, что его романъ, такъ хорошо отра-

жающій одну изъ сторонъ тогдашней свѣтской жизни, будетъ принять у друзей за простую поддѣлку подъ иностранный образецъ и не возбудитъ никакого другого вопроса ¹⁾.

Но оставляемъ въ сторонѣ исторію недоразумѣній между Пушкинымъ и друзьями его; недоразумѣній ихъ было всегда много между ними, какъ увидимъ далѣе, а теперь продолжаемъ нашу повѣсть о русскомъ романтизмѣ.

По отношенію къ Пушкину, романтизмъ этотъ имѣлъ еще значеніе и чисто практическое, житейское, упразднивъ или ослабивъ вліяніе Байрона, какъ личности. Восторженное удивленіе къ гениальнымъ приѣмамъ и художественной манерѣ Байрона-писателя еще продолжалось довольно долго, и хотя значительно ослабѣло съ эпохи знакомства Пушкина съ Шекспиромъ (1825 г.), но можно замѣтить кое-какіе слѣды его даже въ 1828 году—наканунѣ, такъ сказать, «Полтавы». Люди не скоро расстаются со старыми, могущественными увлеченіями и впечатлѣніями, но Пушкинъ съ одесской жизни расстался съ Байрономъ иначе. Британскій поэтъ пересталъ быть для него кумиромъ, подъ гнетомъ котораго самъ Пушкинъ отрехался отъ собственной личности и дѣлался снимкомъ съ чужой фizioноміи. Байронъ началъ превращаться изъ личности въ *понятіе*, что составляло уже большую разницу. Давленіе личности Байрона, у которой, какъ извѣстно, поэтъ нашъ перенималъ даже многія мелочныя привычки жизни и характера, значительно ослабѣло, когда «самъ родоначальникъ направленія, благодаря свѣту, брошенному на него предпринятымъ изслѣдованіемъ романтизма, переставалъ являться феноменомъ, а становился олицетвореніемъ одного изъ видовъ большого, многосторонняго *литературнаго рода*. Власть идеала была уже потрясена тѣмъ, что онъ дѣлался наравнѣ съ другими явленіями романтизма подсуденъ опредѣленію, разбору, классификаціи, но, конечно, высвободиться отъ прямого вліянія личности было легче, чѣмъ освободиться отъ направленія, даннаго ею самой мысли подражателя, отъ ея взглядовъ на людей и предметы нравственнаго свойства, отъ направленія, ея сооб-

¹⁾ Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что этому заблужденію друзей Пушкина много способствовалъ единственный чисто-отвлеченный вопросъ, который возникъ въ ихъ средѣ и сохраненъ ихъ перепиской, именно вопросъ объ отношеніяхъ восторга или вдохновенія къ искусству. Сторонникамъ вдохновенія, какъ главнаго дѣятеля въ производствѣ поэтическихъ созданій, съ которыми не соглашался Пушкинъ, уважая на важность обдуманнаго плана и предвзятаго авторомъ намѣренія—первая глава Овѣгина показалась даже ниже „Кавказ. Пѣвнника“ и „Бахчисар. фонтана“. Такъ именно выразился одинъ изъ наиболее жаркихъ защитниковъ необходимости „восторга“—К. Ѳ. Рылѣевъ.

ценнаго. Это уже могло совершиться только через посредство самостоятельнаго труда, озарившаго бывшаго поклонника, и въ этомъ смыслѣ услуга, оказанная Онѣгинымъ своему автору, должна цѣниться весьма высоко. Съ Онѣгина начинается нравственное отрезвленіе Пушкина отъ хмѣля восторженнаго подражанія Байрону, какъ поэтъ нашъ самъ давалъ разумѣть, и возвращеніе его къ самому себѣ, въ природѣ и свойствамъ своего таланта и своего характера.

Кромѣ Онѣгина, честь быть свидѣтелемъ и участникомъ нравственнаго переворота въ Пушкинѣ принадлежитъ еще и другому произведенію—«Цыганамъ». Обѣ поэмы эти имѣютъ право на названіе *поэмъ-близнецовъ*, потому что писались въ одно время, чередуясь на столѣ автора по настроенію его духа. Какъ ни различны онѣ по основнымъ своимъ мотивамъ и по характеру своихъ представленій, Пушкинъ велъ это двойное и разнородное дѣло совершенно вровень и притомъ съ неостывающимъ воодушевленіемъ. Это доказывается помѣтками, какія сохранились на черновыхъ оригиналахъ обѣихъ поэмъ. Съ іюля 1823 по декабрь (именно по 8-е число декабря 1823) написаны были Пушкинымъ двѣ первыя главы Онѣгина въ Одессѣ. Въ февралѣ 1824 начата имъ третья, какъ видно изъ замѣтки, стоящей во главѣ ея—„8-е fevrier, la nuit, 1824“. Между второй и третьей главами Онѣгина, стало быть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, декабря 1823 года и января 1824, являются «Цыгане», начало которыхъ украшено изображеніемъ медвѣдя, цыганскаго шатра и подъ нимъ Земфиры. Окончаніе поэмы приходится уже ко времени ссылки Пушкина въ деревню, Михайловское, и носить помѣтку 10-го октября 1824. Вся поэма приблизительно стоила Пушкину около 10-ти мѣсяцевъ труда, далеко не постояннаго, прерваннаго еще длиннымъ путешествіемъ изъ Одессы въ Псковъ и отъ котораго онъ часто еще отвлекался значительнымъ количествомъ лирическихъ своихъ гдѣсней, тогда же имъ произведенныхъ.

А между тѣмъ, «Цыгане», въ противоположность съ реальнымъ «Онѣгинымъ», съ жизненнымъ, бытовымъ отбѣнкомъ его картинъ и характеровъ, представляютъ высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философскою темой. Одновременное производство двухъ такихъ противоположныхъ созданій всего лучше доказываетъ, что съ зимы 1823—24 г. начинается у Пушкина новый періодъ развитія, несмотря на то, что именно въ теченіе ея скопились и всѣ тѣ мелкія и крупныя досады, которыя сдѣлали ему

жизнь въ Одессѣ невыносимой. Никто не будетъ спорить, да никто и не спорилъ прежде, что на «Цыганахъ» мелькаютъ еще лучи байронической поэзіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальность замысла, возмужалость и зрѣлость таланта до того бросались въ глаза современникамъ Пушкина, что они признали въ поэмѣ совершенно свободное, независимое созданіе, несмотря на нѣкоторые признаки его родства съ чужой мыслию. И современники были съ своей стороны правы. Вспомнимъ только, что въ «Цыганахъ» Пушкинъ коснулся неожиданно соціального вопроса и, конечно, далеко не исчерпалъ его (въ области романтизма онъ и не могъ быть обрабатываемъ), но въ полу-свѣтѣ поэтическаго вымысла указалъ часть присущаго ему содержанія чрезвычайно удачно. Вся обстановка вопроса была въ поэмѣ также по преимуществу романтическая: цыганскій таборъ написанъ яркими красками, прикрывшими его, какъ мантией, за которой бѣдная дѣйствительность табора едва и чувствовалась; характеры стараго цыгана. Земфиры, Алеко, переданы мастерскими очерками, но не какъ лица, а какъ олицетвореніе условныхъ представленій о томъ или другомъ характерѣ. Но въ поэмѣ было еще кое-что другое.

Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо, да и съ самимъ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человѣка человѣку полудикаго, патриархальнаго быта. Совершенною новостію было для нея только то, что сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко не выросъ у него, какъ связали, до вполне ощутительнаго образа и характера, но представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потомъ ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самомъ того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но, вмѣсто того, предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи — вотъ, что было оригинально и ново въ поэмѣ и что было почувствовано публикой¹⁾. Восторгамъ ея не было предѣловъ, когда поэма явилась въ печати.

¹⁾ У Пушкина существовали попытки къ большому опредѣленію, подробнѣйшей обрисовкѣ Алеко, но исчезали, совершенно позабыты авторомъ въ своихъ бумагахъ.

Для характеристики того времени нѣкоторую важность представляеть одно обстоятельство: долго, не только публика, но и записные критики предпочитали *романтическую* поэму Пушкина, изъ воображаемаго міра идеальныхъ людей, его *реальной* поэмѣ изъ дѣйствительнаго быта. Самъ авторъ думалъ нѣсколько иначе: сердце его всегда крѣпко лежало въ своему Онѣгину, а на «Цыганѣ» онъ смотрѣлъ, какъ на пробу своего таланта и переходную ступень въ его развитіи: «Только съ «Цыганъ» почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ», говорилъ онъ покойному П. А. Плетневу. Извѣстно, что Пушкинъ никогда не отличался способностію въ теоретическимъ тонкостямъ, и слова его должно понимать не въ томъ смыслѣ, чтобы съ «Цыганѣ» онъ намѣревался посвятить себя драматической литературѣ исключительно, а въ томъ, конечно, что тогда онъ почувствовалъ въ себѣ силу открывать отношеніе между изображаемыми характерами, изъ которыхъ зарождаются обыкновенно драматическія коллизіи. Другими словами, это значило, что «Цыганами» Пушкинъ уже прощался съ чисто романтическимъ творчествомъ, какъ подтверждаютъ и факты. Быстро шло его развитіе. Едва началась его работа мысли надъ задачами романтизма, какъ и принесла всѣ свои плоды. Онъ скоро очутился на иномъ пути, куда мы за нимъ въ свое время и послѣдуемъ.

Казалось бы, что при такомъ серьезномъ настроеніи, при такомъ упражненіи ума и сознанія — нѣкоторый родъ тишины и спокойствія долженъ былъ бы неизбѣжно водвориться въ душѣ поэта и образовать отношенія къ жизни, которыя, по крайней мѣрѣ, исключали бы возможность думать о какой-либо внезапной катастрофѣ въ его существованіи. Однако же, мысль о ней приходила поминутно въ голову, какъ мы уже сказали, кипишевскимъ пріятелямъ Пушкина, навѣщавшимъ его въ Одессѣ, и приходила уже съ первыхъ мѣсяцевъ пребыванія тамъ поэта. Они начинали серьезно бояться за Пушкина, замѣтивъ его раздраженное состояніе и ясные признаки какого-то сосредоточеннаго въ себѣ гнѣва. Пушкинъ видимо страдалъ и притомъ дурнымъ, глухимъ страданіемъ, не находящимъ себѣ выхода. Про-

Такъ монологъ Алеко при рожденіи ему сына Земфирой пролежалъ въ его бумагахъ до 1857, когда мы впервые сообщили его публикѣ (Соч. Пушкина, 1857, т. 7-й, стр. 69), а между тѣмъ онъ именно составляетъ часть несостоявшейся обдѣлки, какую авторъ хотѣлъ сообщить физиономіи и характеру своего героя. Впрочемъ, то же самое намѣревался онъ прежде сдѣлать и для «Кавказскаго Штѣнника» и оба раза бросалъ свои попытки, такъ какъ чистый романтизмъ дѣйствительно не имѣлъ ни средствъ, ни орудій для дѣльнаго анализа подобныхъ характеровъ.

должаться долго это не могло. Все, что обыкновенно разнуздывало страсти Пушкина; пошлость или мелкія цѣли окружающихъ людей, муки ревнивой или неудовлетворенной любви, досада и негодование на измѣну дружбы, тихо подрывающей его надежды и планы — все соединилось здѣсь для того, чтобъ приготовить одну изъ тѣхъ вспышекъ, оскорбляющихъ общество, которыми такъ изобилуютъ вишиневскій періодъ его жизни. Но никакой вспышки не произошло, потому собственно, что теперь не было для нихъ и *мсты*. Порядки жизни, возмущавшіе Пушкина, составляли часть политической системы, зрѣло обдуманной очень умными людьми, которые умѣли сообщить ей внѣшній видъ приличія и достоинства. Личныя оскорбленія наносились ему тоже чрезвычайно умѣлой рукой, всегда тихо, осторожно, мягко, хотя и постоянно, какъ-бы съ помѣсью шутилаго презрѣнія. Было бы сумасшествіемъ требовать удовлетворенія за обиды, которыя можно было только чувствовать, а не объяснить. Матеріала для вспышекъ, такимъ образомъ, не существовало; вмѣсто того, жизнь Пушкина просто горѣла и расплзалась, какъ ткань, въ которой завелось глѣніе.

Извѣстно, какое вліяніе на характеръ и душевное состояніе Пушкина имѣли женщины и его связи съ ними. Въ эту эпоху онъ находился подъ гнетомъ бурныхъ страстей, раздражаемыхъ соперничествомъ и препятствіями разнаго рода. Въ числѣ лирическихъ произведеній Пушкина есть одно «Воспоминаніе» (1822), гдѣ мы встрѣчаемся съ любопытнымъ біографическимъ фактомъ (см. дополненіе къ стихотворенію, приведенное въ нашихъ «Матеріалахъ» 1855, стр. 197). Говоря о двухъ, уже почившихъ ангелахъ, данныхъ ему судьбой когда-то въ лицѣ двухъ женщинъ, поэтъ представляетъ ихъ въ видѣ грозныхъ тѣней:

«Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечомъ,
И стерегутъ... и мстятъ мнѣ оба,
И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ.
О тайнахъ вѣчности и гроба».

По всѣмъ соображеніямъ, обѣ эти личности принадлежать къ Одесскому обществу. Въ чемъ состояло преступленіе Пушкина, за которое онъ *мстили* ему, неизвѣстно, также точно, какъ неизвѣстны и имена ихъ. О томъ и другомъ можно только догадываться. Весьма правдоподобно, что подъ одной изъ этихъ оскорбленныхъ тѣней Пушкинъ подразумѣвалъ довольно часто упоминаемую въ новѣйшихъ біографическихъ розысканіяхъ о поэтѣ ш-те Ризничъ, а подъ другой, умершей за-границей, особу, въ

которой написана пьеса: «Иностранецъ» (На языкѣ, тебѣ невнятною). Подъ послѣдней пьесой стоятъ въ рукописяхъ и слова: «Veuх-tu m'aimer? Point de D*». Не Дегилье-ли, о которомъ мы упоминали? Если собирать намеки для поясненія этихъ именъ, то придется остановиться на выраженіи Липранди, который, перечисляя лица, близкія къ Пушкину, упоминаетъ еще объ «извѣстной Катиньѣ Гикъ». Вѣроятно также, что именно о ней вспоминалъ Пушкинъ, когда уже изъ Михайловскаго писалъ въ Одессу къ Д. М. К. (Дмитрію Максимовичу Княжевичу?): «Слово живое объ Одессѣ; напишите, что у васъ дѣлается, выздоровѣла-ли Катиньва?» Любопытно, что передъ самой женитьбой своей въ 1830 г., Пушкинъ вспомнилъ о милыхъ тѣняхъ и обратился къ нимъ съ невыразимою любовію и страстію, какъ-бы прощаясь навсегда съ ними, чему памятникомъ остались два изумительныхъ по своему паѳосу и поэтической силѣ стихотворенія: «Заклинаніе» и «Разставаніе», оба написанныя въ селѣ Болдинѣ, въ 1830 г. Несмотря, однако же, на память, оставленную обоими этими, теперь уже почти мифическими, лицами въ душѣ Пушкина, преданія той эпохи упоминаютъ еще о третьей женщинѣ, превосходившей всѣхъ другихъ по власти, съ которой управляла мыслию и существованіемъ поэта. Пушкинъ нигдѣ объ ней не упоминаетъ, какъ-бы желая сохранить про одного себя тайну этой любви. Она обнаруживается у него только многочисленными профилями прекрасной женской головы, спокойнаго, благороднаго, величаваго типа, которые идутъ почти по всѣмъ его бумагамъ изъ Одесскаго періода жизни.

Всего этого было достаточно для того, чтобы лишить Пушкина нравственнаго и физическаго спокойствія; но изъ собственныхъ его откровенныхъ замѣтокъ оказывается, что кромѣ перечисленныхъ нами поводовъ къ неудовольствію и раздраженію, были еще и другіе, чуть ли даже не стоявшіе на первомъ планѣ въ собственной его оцѣнкѣ своего положенія.

По способности возбуждать его безсильный гнѣвъ и составлять безвыходное страданіе души, первенствующее мѣсто принадлежало тому учтивому, хотя и высочайшему презрѣнію къ его званію поэта и писателя, которое непремѣнно должно было родиться въ дѣловомъ мірѣ, выдвинутомъ на первый планъ новымъ устройствомъ власти и управленія. Жизнь Пушкина должна была казаться страшнымъ бездѣльемъ всему этому міру, а извѣстно, что у людей заведеннаго порядка, ясныхъ практическихъ цѣлей, и работа мысли есть то же—бездѣлье. Ничто такъ не возбуждаетъ ихъ презрѣнія и тайной ненависти, какъ горде-

ливая претензія человѣка найти себѣ другое занятіе, кромѣ того, которое признано всѣми за настоящее и почетное. У нихъ не было и предчувствія, что Пушкинъ въ своемъ бездѣльи полагаетъ основаніе, какъ будущей своей славѣ, такъ и развитію художественныхъ и просвѣтительныхъ началъ въ своемъ отечествѣ: имъ видѣлся праздный и потому опасный человѣкъ въ лицѣ, которое принадлежитъ только самому себѣ. Ошибки и даже преступленія по службѣ были бы лучше и простились бы скорѣе. Самый успѣхъ такого лица въ извѣстной части публики, вниманіе, оказываемое ему какимъ-либо отдѣломъ русскаго читающаго міра, еще питали аристократическое и бюрократическое презрѣніе къ нему. Люди дѣла объясняли успѣхъ этотъ заискиваніемъ въ толпѣ, свойственнымъ только проходимцу, которому не на что опереться болѣе. Еще хуже дѣлаетъ тотъ, кто, не вуждаясь въ толпѣ, пренебрегаетъ выгодами своего рожденія и положенія въ свѣтѣ, предпочитая унизительную роль потѣшника сволочи своему естественному призванію. Писатель еще можетъ быть терпимъ въ свѣтѣ облагороживающаго и вдохновляющаго его патрона; самостоятельный писатель на Руси есть не что иное, какъ ничтожный и отчасти позорный сколокъ съ западныхъ французскихъ демократовъ, которому у насъ нечего дѣлать. Разумѣется, никто не говорилъ съ полной откровенностью подобныхъ вещей въ глаза Пушкину, но существованіе такого возрѣнія на призваніе его, какъ поэта, было несомнѣнно въ высшемъ одесскомъ обществѣ и давало себя постоянно чувствовать. Что долженъ былъ испытывать Пушкинъ при этомъ косвенномъ отрицаніи и отобраніи его правъ на извѣстность, заслуженное мѣсто въ обществѣ и на уваженіе родины!

Въ надменномъ презрѣніи къ ремеслу Пушкина скрывалось еще и презрѣніе къ неизменному гражданскому положенію, которое обыкновенно связано съ этимъ ремесломъ. Обида наносилась одновременно двумъ самымъ чувствительнымъ сторонамъ его существованія: во-первыхъ, его поэтическому призванію, которое доселѣ устраивало ему повсюду радушный, часто торжественный приѣмъ, а во-вторыхъ, и его чувству русскаго дворянина, равнаго, по своему происхожденію, со всякимъ человѣкомъ въ имперіи, на какомъ бы высокомъ посту онъ ни стоялъ. Конечно, гораздо лучше было бы для поэта вовсе не обращать вниманія на эти усилія понизить его общественное значеніе, такъ какъ оно дѣлкомъ зависѣло отъ него самого и стояло выше всякихъ толковъ и завистливыхъ отрицаній, но Пушкинъ думалъ иначе. Онъ съ увлеченіемъ старался противопоставить отпоръ

гордости чиновничества и вельможества двойную, такъ сказать, гордость знаменитаго писателя, а затѣмъ и потомка знаменитаго рода, часто поминаемаго въ русской исторіи. Онъ сдѣлалъ изъ этой темы нѣчто въ родѣ знамени для борьбы съ господствующей партіей.

Въ 1824 году, бесѣдуя съ Алекс. Бестужевымъ о новой книжкѣ «Полярной Звѣзды» и о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ ея постояннаго «обозрѣвателя», Пушкинъ высказалъ довольно парадоксальную мысль о политической независимости русской литературы, но для насъ ясно теперь, что мысль эта пришла ему въ голову, какъ оружіе, которое можно употребить при столкновеніяхъ съ недоброжелателями своими: «Иностранцы намъ изумляются», говорилъ онъ, «они отдаютъ намъ полную справедливость, не понимая, какъ это случилось¹⁾. Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества. Аристократическая гордость сливается у насъ съ авторскимъ самолюбіемъ. Мы не хотимъ быть покровительствуемы равными: вотъ чего W не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою, а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ шестисотлѣтній дворянинъ. Дьявольская разница!» Письмо Пушкина пошло, какъ и всегда, по рукамъ друзей, но они не угадали, да и не могли угадать обстоятельствъ, которыя его навѣяли, и вообще жизненнаго происхожденія замѣтки. Они просто-за-просто отнесли ее къ обычнымъ байроническимъ замашкамъ Пушкина, къ случайнымъ капризамъ его мысли, и отвѣчали ему полуплутливо, полуукорительно, совѣтуя бросить пустое чванство своимъ происхожденіемъ. Между тѣмъ, и байронизма и пустого чванства было тутъ именно настолько, насколько они могли служить Пушкину въ борьбѣ его съ оскорбительнымъ административнымъ высокомеріемъ. К. Ф. Рылѣевъ вполнѣ выразилъ точку зрѣнія друзей Пушкина, лишенныхъ возможности знать *историческую* обстановку поэта, когда писалъ ему: «Ты сдѣлался аристократомъ: это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ».

Менѣе извинительны поодѣйшіе наши трудолюбивые, но не очень заботящіеся о правдивости своихъ приговоровъ библюофилы и биографы, когда и они, не желая преднамѣренно знать пово-

¹⁾ Дѣло тутъ идетъ именно объ казненной темѣ Пушкина—предполагаемой независимости нашей печати отъ постороннихъ вліяній.

довъ, подсказывавшихъ Пушкину заявленія подобнаго рода, относили ихъ прямо къ свойствамъ его нравственной природы, къ ничтожеству его характера. Впрочемъ, при жизни Пушкина недоразумѣнія по поводу его убѣжденій возникали безпрестанно. Такъ, наперекоръ заявленному имъ мнѣнiю о похвальной независимости русской печати, его считали уже партизаномъ правительственной опеки надъ литературой, и это за то, что онъ опровергалъ мнѣнiе Бестужева въ 1825, утверждавшаго, будто правительственное одобренiе талантовъ только портитъ ихъ, будто его никогда не было у насъ и проч. А между тѣмъ, Пушкинъ не былъ ни за государственное покровительство литературы, ни за пренебреженiе во всякой поддержкѣ ея; вотъ его объясненiя, и хотя они уже не принадлежать къ эпохѣ, въ которой находимся, но, по связи предметовъ, считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь же. Они найдены нами въ видѣ черноваго оригинала, изложены уже довольно спойно и, кажется, могутъ представить для изслѣдователей русской литературы историческiй документъ, не лишенный своего рода значенiя: «Мнѣ досадно, что Р—въ меня не понимаетъ. Въ чемъ дѣло? Что у насъ не покровительствуютъ литературѣ и что—слава Богу! Зачѣмъ же объ этомъ говорить? Напрасно! Равнодушiю правительства и притѣсненiю цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности. Чего-жъ тебѣ болѣе? Загляни въ журналы: въ теченiе 6-ти лѣтъ посмотри сколько разъ упоминали о мнѣ, сколько разъ меня хвалили, по-дѣломъ и по напрасну, а далѣе... ни гугу! Почему это? Ужъ вѣрно не отъ гордости или радикализма таковаго-то журналиста—нѣтъ! Всякiй знаетъ, что хоть онъ расподличайся—никто ему спасибо не скажетъ и не дастъ ни 5 рублей: такъ уже лучше даромъ быть благороднымъ человѣкомъ. Ты сердись за то, что я хвалюсь 600-лѣтнимъ дворянствомъ (NB. мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь, что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянiя писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненiй вельможамъ, ибо, по своему рожденiю, почитаемъ себя равными имъ. Отсебѣ гордость etc. Не должно русскихъ писателей судить, какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (вромѣ меня) изъ тщеславiя. Тамъ стихами живутъ, а у насъ гр. Хвостовъ прожилъ на нихъ. Тамъ ѣсть нечего—такъ пиши книгу, а у насъ ѣсть нечего—такъ служи, да не сочиняй. Милый мой—Ты поэтъ и Я поэтъ, но я сузу болѣе прозаически и чуть-ли отъ этого не правъ». Какъ далеко ушла наша современная литература отъ этого воззрѣнiя въ теченiе послѣднихъ 50-ти лѣтъ, можетъ служить то обстоятельство,

что ни одинъ изъ афоризмовъ письма къ ней уже непримѣнимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ разговорахъ своихъ Пушкинъ излагалъ тѣ же мысли, какія проводилъ и въ письмахъ, но въ болѣе рѣзкой и грубой формѣ, присоединяя ко всему подчасъ и насмѣшку, которая не всегда ясно распознавала своихъ настоящихъ враговъ и своихъ друзей. Такъ, напримѣръ, онъ называлъ и благороднаго начальника края, русскаго въ душѣ и по всѣмъ намѣреніямъ своимъ, милордъ Уоронцовъ—за англійскіе обычаи его жизни. Это было крайнимъ легкомысліемъ; второстепенные дѣятели еще менѣе поддались его озлобленіемъ, неразсчетливомъ и часто несправедливымъ словомъ, а такъ какъ въ этомъ городѣ, несмотря на весь его шумъ и движеніе, ничто не пропало безслѣдно, то, конечно, сумма поводовъ ко враждѣ, взаимнымъ обвиненіямъ и неудовольствіямъ все росла съ обѣихъ сторонъ и можно уже было предвидѣть время, когда настоятельно потребуются свести имъ итоги.

Между тѣмъ, одно благопріятное извѣстіе чрезвычайно ожило Пушкина. Онъ впервые прозрѣлъ въ Одессѣ, что можетъ жить на свѣтѣ *безъ службы*, безъ покровительства властей, одними собственными своими писательскими средствами. До тѣхъ поръ онъ былъ въ состояніи, близкомъ къ нищетѣ, и имѣлъ полное право сказать впоследствии, оглядываясь на проплую Кишиневскую жизнь:

«Я вижу въ праздности, въ несповныхъ пирахъ,
Въ безумствѣ шибельной свободы,
 Въ неволѣ, *въ бдности*, въ чужихъ степяхъ
 Мои утраченные годы» и проч.

На поддержку отъ семейства, жившаго при тѣхъ началахъ и порядкахъ, какіе мы уже знаемъ, Пушкинъ никогда не рассчитывалъ, хотя и отзывался иногда съ горечью объ этомъ равнодушіи къ его судьбѣ со стороны единственныхъ людей, отъ которыхъ онъ могъ требовать нѣкоторыхъ жертвъ. Затѣмъ и «Русланъ» и «Кавказскій Пльнникъ», несмотря на громадный ихъ успѣхъ, оставили его съ пустыми руками. Издатель послѣдняго, Н. И. Гнѣдичъ раздѣлялся съ Пушкинымъ тѣмъ, что прислалъ ему, кажется, 500 р. сер., къ великому недоумѣнію поэта. Не то было съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» (1823). Изданіе его принялъ на себя кн. П. А. Вяземскій, предпославшій ему, какъ извѣстно, свое остроумное предисловіе и вскорѣ послѣ выхода книжки отправившій къ Пушкину въ Одессу 3,000 р. сер., да,

какъ кажется, еще тѣмъ и не ограничившійся. Въ черновомъ письмѣ поэта къ своему щедрому издателю, мы читаемъ слѣдующія радостныя и благодарныя строки:

«Отъ всего сердца благодарю тебя, милый Европеецъ, за неожиданное посланіе, то-есть за посылку. Начинаю думать, что ремесло наше, право, не хуже другаго—и почитать нашихъ книгопродавцевъ! Одно меня затрудняетъ: ты продалъ мое созданіе за 3,000 р., а сколько-же стоило тебѣ его напечатать? Ты все даришь меня, безсовѣстный! Ради Христа—возьми что тебѣ слѣдуетъ изъ остальныхъ денегъ, да пришли ихъ ко мнѣ—рости имъ не за чѣмъ, а у меня не залежатся, хоть я, право, не мочь. Уплачу старые долги и засяду за новую поэмю, потому что мнѣ полюбилось ¹⁾). Я въ XVIII вѣку не принадлежу: пишу для себя, а печатаю для денегъ—ничуть не для улыбки прекраснаго пола...» Пушкинъ только теперь почувствовалъ, что судьба его находится не въ чужихъ, а въ его собственныхъ рукахъ и сознание своей независимости отъ благожелательства постороннихъ лицъ, возбужденное первыми матеріальными результатами литературныхъ его трудовъ, имѣло вліяніе на дальнѣйшія его рѣшенія, какъ увидимъ сейчасъ-же.

Жизнь становилась все труднѣе и труднѣе для Пушкина въ Одессѣ. Со стороны могло казаться, что въ ней ровно ничего не происходило необычнаго, кромѣ обыкновеннаго, естественнаго развитія ея самой. И совсѣмъ тѣмъ она все болѣе и болѣе дѣлала поэта недовѣрчивымъ, мнительнымъ, болѣзненно-чуткимъ человекомъ. Лучшимъ примѣромъ того, какую роль могли играть при подобномъ настроеніи самые пустые, ничтожныя случаи, служить приемъ, сдѣланный Пушкинымъ пресловутой командировкѣ за наблюденіемъ саранчи въ южныхъ частяхъ Новороссіи, которую онъ получилъ отъ начальника края. Теперь уже извѣстно, что послѣдній, зачисляя Пушкина въ экспедицію объ изслѣдованіи саранчи на мѣстахъ ея появленія, былъ движимъ желаніемъ предоставить Пушкину случай отличиться по службѣ и на той дорогѣ, на которую онъ случайно попалъ, обратить вниманіе въ себѣ высшей петербургской администраціи. Въ томъ психическомъ состояніи, въ которомъ находился Пушкинъ, благодаря всѣмъ предшествующимъ обстоятельствамъ, онъ принялъ порученіе это за ядовитую насмѣшку, за тайное желаніе унижить въ глазахъ людей его общественное положеніе, посмѣяться

¹⁾ Т.-е., полюбились посланія или послыжи, въ родѣ полученныхъ имъ отъ своего издателя.

надъ нимъ. Понятно, что при такихъ отношеніяхъ подчиненнаго къ непосредственному своему начальству, разрывъ между ними былъ неизбеженъ, но начала разрывъ этотъ, къ удивленію, именно та сторона, которая была слабѣйшей въ дѣлѣ и могла страшиться самыхъ неприятныхъ послѣдствій для себя отъ своей рѣшимости...

Сгѣшимъ прибавить, что въ этомъ странномъ спорѣ сторона, обладавшая властію и всѣми средствами для уничтоженія безразсуднаго сопротивленія, показала умѣренность, сдержанность и достоинство, стоящія внѣ всякаго сомнѣнія.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось, перебѣленное на-чисто, письмо его къ правителю канцеляріи намѣстника, почтенному и благорасположенному къ поэту, Александру Ивановичу Казначееву. Письмомъ этимъ Пушкинъ отказывался отъ возложеннаго на него порученія, и хотя мы не знаемъ окончательной формы, какую далъ ему авторъ при отправленіи, но, конечно, основныя черты этого заявленія вполнѣ сохранились и въ нашемъ документѣ: ¹⁾

«Почтениѣйшій А. И! Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ—не знаю въ правѣ-ли отозваться на предписаніе Е. С. Какъ-бы то ни было, надѣюсь на вашу снисходительность и приемлю смѣлость объясниться откровенно на счетъ моего положенія.

«7 лѣтъ я службою не занимался, не написалъ ни одной бумаги, не былъ въ сношеніи ни съ однимъ начальникомъ. Эти 7 лѣтъ, какъ вамъ извѣстно, вовсе для меня потеряны. Жалобы съ моей стороны были-бы не у мѣста. Я самъ заградилъ себѣ путь и выбралъ другую цѣль. Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ рифмача или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно простое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость. Думаю что графъ Воронцовъ, не захочетъ лишитъ меня ни того, ни другаго.

«Мнѣ скажутъ, что я, получая 700 рублей, обязанъ служить. Вы знаете, что только въ Москвѣ или П.-б. можно вести книжной торгъ, ибо только тамъ находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно долженъ отказываться отъ самыхъ выгодныхъ предложеній, единственно по той причинѣ, что нахожусь за 2,000 верстъ отъ столицъ. Правительству угодно вознаграждать нѣкоторымъ образомъ мои утраты: я принимаю эти

¹⁾ Правописаніе П—а удержано въ приводимомъ документѣ.

700 руб. не такъ, какъ жалованіе чиновника, но какъ паекъ сылочнаго невольника. Я готовъ отъ нихъ отказаться, если не могу быть властенъ въ моемъ времени и занятіяхъ. Вхожу въ эти подробности, потому что дорожу мнѣніемъ гр. Воронцова, также какъ и вашимъ, какъ и мнѣніемъ всякаго честнаго челоука.

«Повторяю здѣсь то, что уже извѣстно графу М. С. Есlibы я хотѣлъ служить, то никогда бы не выбралъ себѣ другаго начальника, кромѣ Его Сіятельства, но чувствуя свою совершенную неспособность, я уже отказался отъ всѣхъ выгодъ службы и отъ всякой надежды на дальнѣйшія успѣхи въ оной.

«Знаю, что довольно этого письма, чтобы меня, какъ говорится, уничтожить. Если графъ прикажетъ подать въ отставку— я готовъ, но чувствую, что переиѣнивъ мою зависимость, я много потеряю, а ничего выиграть не надѣюсь.

«Еще одно слово: Вы, можетъ быть, не знаете, что у меня аневризмъ. Вотъ ужъ 8 лѣтъ, какъ я ношу съ собою смерть... Могу представить свидѣтельство котораго угодно доктора. Ужели нельзя оставить меня въ покоѣ на остатокъ жизни, которая вѣрно не продлится.

«Свидѣтельствую вамъ глубочайшее почтеніе и серд. пред.».

По всѣмъ вѣроятіямъ этотъ проектъ или черновая программа назначались для полуофициальнаго письма, которое могло бы быть представлено начальнику и замѣнить формальную просьбу. Это оказывается, между прочимъ, изъ сравнительно умѣреннаго и сдержаннаго тона документа, а также и изъ весьма поздней помѣтки, которую онъ носитъ въ бумагахъ Пушкина — именно 25 мая (1824). Въ это время рѣшеніе гр. Воронцова относительно поэта было уже принято. Вотъ почему мы полагаемъ, что оно состоялось совсѣмъ не вслѣдствіе письма Пушкина къ правителю канцеляріи намѣстника, а вслѣдствіе другихъ причинъ, между прочимъ и запальчивыхъ рѣчей, необдуманнхъ словъ, которыя письму предшествовали и отъ которыхъ Александръ Сергѣевичъ не могъ удержаться при первомъ извѣстіи о досадной экспедиціи. Онъ заговорилъ тогда же о немедленной отставкѣ своей, что равносильно было, по условіямъ Одесскаго быта, прямому вызову и оскорбленію начальника края и, конечно, скоро сдѣлалось извѣстно послѣднему. А каковъ былъ тонъ публичныхъ рѣчей Пушкина—можно уже судить по черновому письму его къ тому же А. И. Казначееву, когда правитель канцеляріи, тоже услыхавъ о планѣ выхода въ отставку, дружески предостерегалъ

его отъ послѣдствій необдуманнаго шага ¹⁾). Письмо походитъ на формальное объявленіе войны. Приводимъ его въ переводѣ съ французскаго.

«Весьма сожалѣю, пишетъ Пушкинъ, что увольненіе мое причиняетъ вамъ столько заботъ, и искренно тронуть вашимъ участіемъ. Что касается до опасеній за послѣдствія, какія могутъ возникнуть изъ этого увольненія—я не могу считать ихъ основательными. О чемъ мнѣ сожалѣть? Не о моей-ли потерянной карьерѣ? Но у меня было довольно времени, чтобы свыгнуться съ этой идеей. Не о моемъ ли жалованьи? Но мои литературныя занятія доставятъ мнѣ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ занятія служебныя. Вы мнѣ говорите о покровительствѣ и дружбѣ—двухъ вещахъ, по моему мнѣнію, несоединимыхъ. Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу съ гр. Воронцовымъ, а еще менѣе на его покровительство (мое уваженіе къ этому человѣку не позволитъ мнѣ унизиться предъ нимъ). Ничто такъ не позоритъ человѣка, какъ протекція. Я имѣю своего рода демократическія предразсудки, которые, думаю, стоятъ предразсудковъ аристократическихъ ²⁾. Я жажду одного—независимости (простите мнѣ это слово, ради самаго понятія). Я надѣюсь обрѣсти ее, съ помощью мужества и постоянныхъ усилій. Вотъ уже я успѣлъ побѣдить мое отвращеніе—писать и продавать стихи, ради насущнаго хлѣба. Стихи, разъ мною написанные, уже кажутся мнѣ товаромъ, по-столько-то за штуку. Не понимаю ужаса моихъ друзей (мнѣ вообще не совсѣмъ ясно, что такое мои друзья). Мнѣ только становится не въ мочь зависѣть отъ хорошаго или дурнаго пищеваренія того или другаго начальника, мнѣ надобно видѣть, что меня, въ моемъ отечествѣ, принимаютъ хуже, чѣмъ перваго приплаго пошляка изъ англичанъ (le premier galopin anglais), который пріѣзжаетъ къ намъ безопасно разматывать свое ничтожество и свое бормотанье (sa nonchalante platitudo et son bagagoin). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гр. Воронцовъ, будучи умнымъ человѣкомъ, сумѣетъ повредить мнѣ во мнѣніи публики, но я оставлю его въ покоѣ, наслаждаться триумфомъ, потому

¹⁾ Пушкинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Казначеева, супруга котораго, урожденная кн. Волконская, была женщина литературно-образованная и умная.

²⁾ Довольно замѣчательно, что Пушкинъ по требованіямъ самозащиты, pour les besoins de sa cause, какъ говорятъ французы, прикидывается здѣсь демократомъ, который никогда не былъ. Собственно тутъ надо разумѣть распри между вельможествомъ и бѣдными, неснатымъ дворянствомъ, о которой мы уже упоминали.

что также мало цѣню общественное мнѣніе, какъ и восторги нашихъ журналистовъ....»

Однако же, гр. Воронцовъ нисколько не думалъ о триумфѣ, а, напротивъ, думалъ о томъ, чтобъ разстаться съ безпокойнымъ подчиненнымъ, какъ можно мягче, благороднѣе и гуманнѣе.

Пушкинъ не могъ получить прямо и на мѣстѣ отставки, которой такъ добивался: онъ числился въ м-вѣ иностранныхъ дѣлъ, откуда получалъ и назначенное ему жалованье, а вдобавокъ былъ присланъ на службу въ край по именному повелѣнію. Для принятія какихъ-либо мѣръ относительно поэта, необходимо было снестись предварительно съ администраціей въ Петербургѣ. Въ концѣ марта, 23 числа 1824 года, гр. Воронцовъ обратился къ управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде, прося его доложить Государю о необходимости отозвать Пушкина изъ Одессы, и выставляя для этого причины, которыя наименѣе могли повредить Пушкину во мнѣніи правительства—именно: накопленіе пріѣзжихъ въ Одессѣ во времени морскихъ купаній, ихъ неумѣренныя восхваленія поэта, постоянно кружащія ему голову и мѣшающія его развитію. Вообще, письмо это, составленное на французскомъ языкѣ, по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны.

Онъ начиналъ его свидѣтельствомъ, что заставъ уже Пушкина въ Одессѣ, при своемъ прибытіи въ городъ, онъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ причинъ жаловаться на него, а, напротивъ, обязанъ сказать, что замѣчаетъ въ немъ стараніе показать скромность и воздержность, какихъ въ немъ, говорятъ, никогда не было прежде. Если теперъ онъ ходатайствуетъ объ его отозваніи, то единственно изъ участія къ молодому человѣку не безъ таланта и изъ желанія спасти его отъ слѣдствій главнаго его порока—самолюбія. «Здѣсь есть много людей, — приводимъ собственныя слова гр. Воронцова въ переводѣ, — а съ эпохой морскихъ купаній число ихъ еще увеличится, которые, будучи восторженными поклонниками его поэзіи, стараются показать дружеское участіе непомѣрнымъ восхваленіемъ его и оказываютъ ему черезъ то вражескую услугу, ибо способствуютъ къ затмѣнію его головы и признанію себя отличнымъ писателемъ, между тѣмъ, какъ онъ, въ сущности, только слабый подражатель не совсѣмъ почтеннаго образца — Лорда Байрона (qu'il n'est encore qu'un faible imitateur d'un original très-peu recommandable — Lord Byron) — и единственно трудомъ и долгимъ изученіемъ истинно великихъ

классическихъ поэтовъ могъ-бы ,оплодотворить свои счастливыя способности, въ которыхъ ему невозможно отказать».

Вотъ почему необходимо извлечь его изъ Одессы. Переводъ снова въ Кишиневъ къ генералу Инзову, не пособилъ бы ничему — Пушкинъ все-таки остался бы въ Одессѣ, но уже безъ наблюденія, да и въ Кишиневѣ онъ нашелъ бы еще *между молодыми греками и болгарами* довольно много дурныхъ примѣровъ. Только въ какой-либо другой губерніи могъ бы онъ найти менѣе опасное общество и болѣе времени для усовершенствованія своего возникающаго таланта и избавиться отъ вредныхъ влияній лести и отъ *заразительныхъ, крайнихъ и опасныхъ идей*. Графъ Воронцовъ въ концѣ письма выражаетъ твердую надежду, что настоящее его представленіе не будетъ принято въ смыслѣ осужденія или порицанія Пушкина.

Для поясненія словъ и основной мысли письма нужно сказать, что молодежь Одесскаго Ришельевского лицея, наѣзжихъ туземныхъ помѣщиковъ и самаго штата намѣстника не уступала никому въ прославленіи Пушкина. Много было также, какъ между ними, такъ и въ самомъ одесскомъ обществѣ, поляковъ, видѣвшихъ въ Пушкинѣ предметъ для поклоненія въ двойномъ его качествѣ: славнаго писателя и жертвы (будто-бы) правительства. По случаю безпорядковъ въ Виленскомъ университетѣ, возбужденныхъ тамъ тайнымъ обществомъ «Филаретовъ», недавно тогда обнаруженномъ, предвидѣлось еще увеличеніе этого класса людей. Оно именно такъ и случилось. Въ началѣ 1825 г., когда Пушкина уже не было въ Одессѣ, явились на кафедрѣ Ришельевского лицея Мицкевичъ и Ежовскій, высланные изъ Вильны и вскорѣ опять удаленные съ своихъ мѣстъ за подозрительныя связи съ разными польскими помѣщиками края. Оба они въ слѣдующемъ году поступили на службу въ Москву: Мицкевичъ въ штатъ канцеляріи генераль-губернатора, а Ежовскій съ 1826 года на кафедрѣ греческой словесности въ университетѣ. Наплывъ иностранцевъ—иногда самыхъ рѣзкихъ и крайнихъ возрѣній—былъ также не маловаженъ. Въ самомъ домѣ намѣстника Пушкинъ часто встрѣчался, напримѣръ, съ докторомъ англичаниномъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, страстнымъ поклонникомъ Шелли, который училъ поэта нашего философіи атеизма и сдѣлался невольнымъ орудіемъ второй его катастрофы, о чемъ ниже ¹⁾). Кромѣ того,

¹⁾ Свѣдѣніе о докторѣ атеистѣ сообщилъ намъ почтеннѣйшій А. И. Левшинъ, который прибавилъ, что, дѣтъ пять спустя послѣ исторіи съ Пушкинымъ, онъ встрѣтилъ того же самаго Гунчисона, въ Лондонѣ, уже ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви.

изъ писемъ нашего поэта видно, что вскорѣ ожидали прибытія въ Одессу почти всего общества Раевскихъ-Давыдовыхъ, давшаго изъ себя столько жертвъ правосудію, послѣ подавленія бунта въ Петербургѣ и во 2-й арміи. Какъ бы то ни было, но мягкое и благожелательное представленіе гр. Воронцова заставляло предвидѣть для Пушкина только переводъ на службу во внутреннія губерніи, къ чему оно и было все направлено. Благодаря однакоже опрометчивости самого поэта, дѣло это усложнилось новыми, не предвидѣнными обстоятельствами и получило исходъ, какового никто отъ него не ожидалъ.

Вѣроятно еще до отправленія письма гр. Воронцова въ Петербургъ, Пушкинъ сообщалъ кому-то изъ пріятелей своихъ въ Москвѣ шуточное извѣстіе о себѣ, въ которомъ заключалась слѣдующая фраза: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю—пишу пестрыя «строфы романтической поэмы и *бьру* уроки чистаго Афеизма. «Здѣсь англичанинъ, глухой философъ, единственный умный «Аеѣй, котораго я еще встрѣтилъ». Къ этому, мимоходомъ, Пушкинъ присоединилъ еще заключеніе: «Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе «всего правдоподобная». Письмо было даже и по тону совершенно пустое, нисколько не обнаруживавшее чего-либо похожего на окончательно принятое и серьезное убѣжденіе. Оно принадлежало, видимо, къ тому разряду писемъ, которыя назначены производить шумъ и толки въ кругу близкихъ знакомыхъ. Оно рѣшило, однако же, участь Пушкина. Благодаря не совсѣмъ благородной гласности, которую сообщили ему пріятели Пушкина и особенно покойный Александръ Ивановичъ Тургеневъ, какъ мы слышали, носившійся съ нимъ по своимъ знакомымъ, письмо дошло до свѣдѣнія администраціи. Въ то печальное время напряженнаго мистическаго броженія, внутренняя пустота и несостоятельность записки не могли ослабить ужаса, произведеннаго однимъ вѣдшимъ ея содержаніемъ, *словами*, въ ней заключающимися. Не безъ основанія говорилъ впоследствии самъ ея авторъ, что онъ былъ сосланъ *за двѣ строки* вздорнаго письма. Эти двѣ строки и вызвали именно то рѣшеніе, котораго никто не ожидалъ.

Отвѣчая на представленіе графа Воронцова, управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, сообщалъ ему по-французски отъ 11-го іюля 1824 г., что правительство исполнѣ согласно съ его заключеніями относительно Пушкина, но, къ сожалѣнію, пришло еще къ убѣженію, что послѣдній нисколько не отказался отъ дурныхъ началъ, ознаменовавшихъ пер-

вое время его публичной дѣятельности. Доказательствомъ тому можетъ служить, препровождаемое у сего, письмо Пушкина, которое обратило вниманіе московской полиціи по толкамъ, имъ возбужденнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, правительство приняло рѣшеніе исключить Пушкина изъ списка чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ объясненіемъ, что мѣра эта вызвана его безпутствомъ (*par son inconduite*), а чтобъ не оставить молодого человѣка вовсе безъ всякаго присмотра и тѣмъ не подать ему средствъ свободно распространять свои губительныя начала, которыя подъ конецъ вызвали бы на него строжайшую кару закона, правительство повелѣваетъ, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина въ имѣніе его родныхъ, въ Псковскую губернію, подчинить его тамъ надзору мѣстныхъ властей и приступить къ исполненію этого рѣшенія немедленно, принявъ на счетъ казны издержки его путешествія до Пскова».

Графъ М. С. Воронцовъ получилъ предписаніе въ Крым, гдѣ путешествовалъ въ это время и гдѣ, заболѣвъ лихорадкой, остановился, долго не являясь въ Одессу. По его приказанію, правитель дѣлъ его походной канцеляріи А. И. Левшинъ передалъ исполненіе высочайшей воли относительно Пушкина тогдашнему градоначальнику Одессы, графу А. Д. Гурьеву.

Такъ кончилось послѣднее *юдичное* пребываніе Пушкина въ Одессѣ.

30-го іюля 1824 г., Пушкинъ уже выѣхалъ изъ города, получивъ 389 р. прогонныхъ денегъ и 150 р. недоданнаго ему жалованья. Онъ обязался подпиской слѣдовать до мѣста назначенія своего черезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, нигдѣ не останавливаясь на пути. Маршрутъ этотъ составленъ былъ съ ясной цѣлью удалить его отъ Кіева и тѣхъ польскихъ и русскихъ знакомыхъ, какихъ онъ могъ встрѣтить въ городѣ и его уѣздахъ. Это явствуетъ также и изъ собственноручной приписки градоначальника Одессы, графа Гурьева, къ его отчету о высылкѣ Пушкина, поданному начальнику края: «маршрутъ его до Кіева не касается». Всѣ эти предосторожности убѣждаютъ, что правительство уже знало о существованіи заговора на югѣ Россіи и о вѣтвяхъ, которыя онъ пустилъ въ разныхъ направленіяхъ, и принимало въ соображеніе, при удаленіи Пушкина изъ Одессы, его связи съ лицами, сдѣлавшимися ему болѣе или менѣе подозрительными.

Пушкинъ ѣхалъ скоро, въ точности исполняя обѣщанія своей подписки. По донесенію псковской земской полиціи, 9-го августа онъ уже прибылъ въ родовое свое помѣстье, знаменитое Михай-

ловское, гдѣ его ожидали близкіе—отець, мать, а также братъ и сестра, съ которыми онъ былъ теперь столь же внезапно соединенъ, какъ внезапно разлученъ за 4 года назадъ. Но радость свиданія была теперь значительно отравлена особенностію его положенія и послѣдствіями, какія изъ того истекали.

VII.

МИХАЙЛОВСКОЕ.

1824—1826.

Пушкинъ въ Михайловскомъ.—Тригорское.—Попытки освободиться отъ ссылки.—Планъ бѣгства за-границу.

Къ числу *биографическихъ предразсудковъ*, какъ бы можно было назвать нѣкоторыя преданія о жизни Пушкина, распространенныя его пріятелями и безпрестанно повторяемыя затѣмъ его биографами, слѣдуетъ причислить и многія сказанія ихъ о Тригорскомъ, селѣ, смежномъ съ деревней поэта. Доселѣ еще принято считать, что жизнь Пушкина совершенно по-ровну была раздѣлена между его родимымъ кровомъ въ Михайловскомъ и обиталищемъ его сосѣдокъ по имѣнію, знаменитымъ Тригорскимъ, такъ что для многихъ имена этихъ мѣстностей слились въ одно представленіе и отдѣльно другъ отъ друга почти перестали существовать. Между тѣмъ, поводовъ къ такому умственному сліянію двухъ мѣстностей не очень много представлялось въ жизни Пушкина и на дѣлѣ связь между ними была гораздо болѣе внѣшней, чѣмъ сколько предполагають. Дружелюбныхъ отношеній Пушкина къ своимъ сосѣдамъ нельзя подвергать ни малѣйшему сомнѣнію, но никогда Пушкинъ не принадлежалъ Тригорскому вполне какой-либо частію своего ума, своей души или нравственнаго существованія; никто въ Тригорскомъ не обладалъ вполне его мыслию и сердцемъ. Напротивъ, лучшую часть самого себя Пушкинъ постоянно маскировалъ передъ Тригорскимъ, точно берегъ свое добро для другой арены и для другой публики. Извѣстной хозяйкѣ Тригорскаго—столь часто упоминаемой биографами, Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, а равно и двумъ дочерямъ ея, «красавицамъ горь», по любимому выраженію Дель-

вита и Языкова, и вообще всему молодому женскому поволюбію, по временамъ наѣзжавшему въ село, не мудро было обмануться въ настоящемъ значеніи своихъ связей съ Пушкинымъ. Пушкинъ проживалъ по суткамъ и по цѣлымъ недѣлямъ въ ихъ деревянномъ, привезистомъ домикѣ, раздѣлялъ ихъ забавы и горести, выслушивалъ ихъ жалобы и даже завязывалъ съ ними дружескія, задушевные отношенія. Этой чести удостоились попеременно каждая почти изъ постоянныхъ и временныхъ обитательницъ Тригорскаго, такъ какъ Пушкинъ не желалъ никого обдѣлить своимъ вниманіемъ, котораго тамъ искали всѣ безъ исключенія. Но для нихъ это было очень серьезное дѣло, которому они добросовѣстно придавали жизненный интересъ, для Пушкина это было мимолетное отдохновеніе, изящная забава, средство обмануть время, оставшееся отъ трудовъ, и притомъ такое занятіе, которое можетъ быть порвано на полдорогѣ, безъ тоски и сожалѣнія. Покамѣстъ въ Тригорскомъ размышляли о каждомъ его словѣ и движеніи, Пушкинъ скоро позабывалъ все, что говорилъ и дѣлалъ тамъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ и никогда не говорилъ о томъ, что думаетъ. Настоящимъ центромъ его духовной жизни было Михайловское и одно Михайловское: тамъ онъ вспоминалъ о привязанностяхъ, оставленныхъ въ Одессѣ; тамъ онъ открывалъ Шекспира и тамъ предавался грусти, радости и восторгамъ творчества, о которыхъ сосѣди Тригорскаго не имѣли и предчувствія. Онъ дѣлился съ ними одной самой ничтожной долей своей мысли — именно планами вырваться на свободу, повончить съ своимъ заточеніемъ, оставляя въ глубочайшей тайнѣ всю полноту жизни, переживаемой имъ въ уединеніи Михайловскаго. Тутъ былъ для него неизсякаемый источникъ мыслей, вдохновенія, страстныхъ занятій и вопросовъ моральнаго свойства, а все прочее принадлежало уже къ области призраковъ, которые онъ самъ вызвалъ и лелѣялъ для того, чтобъ обстановить и скрасить внѣшнее свое существованіе. Это положеніе выяснится очевиднѣе изъ дальнѣйшаго нашего разсказа, который и начнемъ здѣсь сначала.

Пушкинъ говоритъ въ 8-й главѣ Онѣгина, что онъ уѣхалъ изъ Одессы —

Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ,

въ далекой сѣверный уѣздъ, и прибавляетъ:

И былъ печалень мой пріѣздъ!

Пріѣздъ былъ точно печалень. Послѣ первыхъ изліяній ра-

достной встрѣчи, трусливому отцу Пушкина и легко воспламеняющейся его супругѣ сдѣлалось страшно за самихъ себя и за остальныхъ членовъ своей семьи при мысли, что въ средѣ ихъ находится опальный человѣкъ, преслѣдуемый властями. Дурное мнѣніе послѣднихъ объ этомъ опальномъ человѣкѣ принято было родителями Пушкина за указаніе, какъ слѣдуетъ имъ самимъ думать о своемъ сынѣ: явленіе не рѣдкое въ русскихъ семьяхъ того времени.

Вотъ почему они уже съ нѣкоторымъ ужасомъ смотрѣли на дружбу, связывавшую нашего поэта съ младшимъ братомъ и сестрой, полагая, вѣроятно, что человѣкъ, сосланный по подозрѣнію въ атеизмъ, уже ни о чемъ другомъ и не можетъ говорить съ ближними, какъ о томъ же самомъ предметѣ. Все это могло бы пройти безслѣдно и, по комической нелѣпости своей, не вызвать со стороны Александра Пушкина особенно сильнаго протеста, но къ этому присоединилась еще другая и болѣе печальная подробность. Начальникъ края, маркизъ Паулуччи поручилъ уѣздному Опочецкому предводителю дворянства, г. Пещурову, — пригласить отца Пушкина, котораго именовалъ въ своей официальной бумагѣ по этому поводу *«однимъ изъ числа добродѣтельныхъ и честнѣйшихъ людей»*, принять на себя надзоръ за поступками сына, общаясь, въ случаѣ его согласія, воздержаться съ своей стороны отъ назначенія всякихъ другихъ за нимъ наблюдателей. По словамъ поэта, отецъ его имѣлъ слабость принять это предложеніе, движимый, можетъ быть, столько же страхомъ передъ начальствомъ, сколько и благимъ намѣреніемъ освободить существованіе сына отъ вышательства постороннихъ лицъ. Поэтъ думалъ, однако-же, иначе объ этомъ предметѣ. Когда дошла до него вѣсть о состоявшейся сдѣлкѣ, онъ вышелъ изъ себя, явился къ Сергѣю Львовичу и между ними произошла невозвѣрная сцена, о которой мы упоминаемъ только потому, что она въ картинѣ нравовъ того времени составляетъ очень крупную черту и рисуетъ домашнюю обстановку поэта чрезвычайно ярко.

Вотъ какъ жаловался Пушкинъ на свое деревенское положеніе во французскомъ письмѣ въ Одессу, черновые отрывки котораго какъ-то уцѣлѣли между его бумагами. Письмо писано на имя особы, которую Пушкинъ называетъ: *«belle et bonne princesse»*. Переводимъ отрывки: «Ваша тихая дружба могла-бы удовлетворить всякую душу, менѣ эгоистическую, чѣмъ моя, но и теперь, каковъ бы я ни былъ—она, дружба эта, еще утѣшаетъ меня во всѣхъ моихъ горестяхъ и поддерживаетъ въ виду того бѣшенства скуки (*la rage de l'ennui*), которая поѣдаетъ мое

глупое существованіе. Сбылось все, что я предвидѣлъ. Присутствіе мое въ средѣ моего семейства удвоило мои муки. Правительство..... вздумало предложить моему отцу роль своего агента въ преслѣдованіи меня. Отецъ имѣлъ слабость принять порученіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ его въ ложное положеніе относительно меня. Меня стали попрекать ссылкой, заявлять страхъ, что мое несчастіе вовлечетъ и другихъ въ погибель, подозрѣвать, что я проповѣдую безбожіе моей сестрѣ, которая есть небесное созданіе, и брату, который очень забавенъ и веселъ. А изъ этого выходить, что я провожу въ поляхъ все то время, когда не лежу въ постелѣ¹⁾. Все, что малѣйшимъ образомъ напоминаетъ мнѣ море—производитъ во мнѣ тоску, шумъ фонтана буквально порождаетъ боль; мнѣ кажется, что я сталъ бы плавать отъ бѣшенства, при видѣ яснаго неба. Что касается до моихъ сосѣдей, я едва ознакомился съ ними: я пользуюсь между ними репутаціей Онѣгина. Единственное развлеченіе мое составляетъ добрая, старая сосѣдка, которую я часто вижу, слушая ея патриархальные разговоры, въ то время какъ ея дочки... разыгрываютъ мнѣ Россини..... Лучшаго положенія для окончанія моего романа врядъ-ли можно и желать, но скука—это холодная муза, и романъ не подвигается. Однако же кланяюсь вамъ одной строфой. Покажите ее W и попросите его не судить о всемъ по этому образчику.....» Эти строки уже даютъ понятіе объ общемъ характерѣ Пушкинскихъ домашнихъ обстоятельствъ, но держатся еще далеко отъ сущности дѣла, а въ одномъ мѣстѣ и намѣренно затемняютъ его. Сосѣдка Пушкина совсѣмъ не была такой старой женщиной, какъ говоритъ поэтъ, бесѣды Пушкина съ ней не имѣли ничего похожего на патриархальный характеръ, и дочки ея занимались не однимъ разыгрываніемъ Россини для гостя. Несравненно искреннѣе, ближе къ дѣлу было то русское письмо, которое поэтъ писалъ къ неизвѣстному намъ лицу въ Петербургъ,

¹⁾ Письмо это, по всѣмъ вѣроятіямъ, писано позднѣе второй половины сентября 1824 г., потому что въ это время настроеніе поэта чувствительно разнится съ тѣмъ, которое онъ тутъ описываетъ, какъ это видно изъ посланія его въ Дерптъ къ студенту А. Н. Вульфъ. Пушкинъ тогда препроводилъ къ нему стихотворную цидулу, въ которой, кавѣщая, что вскорѣ ожидаетъ брата Льва (Лайонъ—стихотвореніе) къ деревню (вѣроятно Левъ Сергѣевичъ увѣжалъ тогда жъ Михайловскаго въ Псковъ для какихъ-либо дѣлъ) и притомъ съ ящникомъ бутылокъ, выражаетъ намѣреніе посвящать дни—Тригорскому, ночи—Михайловскому, восхваляясь заранѣе тѣмъ, что имъ обонимъ предстать или быть жертвками пьяными, или смертельно влюбленными. Стихотвореніе помѣщено у Пушкина: 20-го сентября 1824 г. (См. томъ 7-й Сочиненій Пушкина, 1857 г. стр. 91).

прося у него помощи и восклицая въ величѣйшемъ страхѣ: «спаси меня!» письмо излагаетъ подробности той сцены, о которой говорили. Ниже мы приводимъ отрывки изъ него тоже по черновому оригиналу, а здѣсь позволимъ себѣ небольшое отступление.

Трудъ нашъ уже давно былъ законченъ, когда въ «Русскомъ Архивѣ» 1872 года, № 12-й, явились перебѣленные подлинники тѣхъ писемъ Пушкина, на которыя здѣсь ссылаемся и которыя адресованы имъ были Жуковскому отъ 31-го октября и отъ 24-го ноября 1824. Итакъ, неизвѣстное лицо, нами поминаемое, былъ никто иной, какъ Жуковский. Несмотря на это сообщеніе «Русскаго Архива», мы оставили въ нашемъ текстѣ черновые отрывки Пушкинскихъ писемъ не-тронуемыми, во-первыхъ, потому, что онѣ содержатъ нѣкоторыя подробности, не попавшія въ перебѣленные ихъ копии, а во-вторыхъ, для того, чтобъ дать случай любопытствующимъ читателямъ познакомиться со способомъ окончательной переправки или передачи своихъ замѣтокъ, каковой употреблялъ обыкновенно поэтъ, приводя ихъ въ порядокъ. Оказывается, что онъ всегда сохранялъ основную мысль и даже тонъ черноваго оригинала при его переработкѣ, что даетъ весьма значительную цѣнность нашимъ отрывочнымъ выпискамъ изъ его писемъ, цѣльныя копии которыхъ, можетъ быть, никогда и не найдутся. Не менѣе любопытно и другое сообщеніе «Русскаго Архива» въ томъ же №. Письма Пушкина сопровождаются тамъ еще письмомъ Праск. Алекс. къ Жуковскому, которая, не будучи съ нимъ знакома лично, извѣщаетъ его о томъ, что Пушкинъ съ отчаянія будто бы написалъ письмо Псковскому гражданскому губернатору Б. А. Адеркасу, прося послѣдняго извѣстить правительство, что онъ, Пушкинъ, предпочитаетъ содержаніе въ крѣпости или самую дальнюю ссылку своему пребыванію въ Михайловскомъ. Осипова прилагаетъ и копию съ этого письма, сообщенную ей по секрету Пушкинымъ, прося разумѣется Жуковскаго предотвратить бѣду, которая изъ всего этого можетъ произойти. Черезъ нѣсколько времени П. А. Осипова извѣщаетъ Жуковскаго, что, по счастливому случаю, вмѣшательство его въ это дѣло уже бесполезно: человекъ, которому Пушкинъ вручилъ письмо для доставленія Б. А. Адеркасу, не заставъ его во Псковѣ, вернулся обратно съ своей посылкой, которую Пушкинъ уже и истребилъ. Все это, по нашему мнѣнію, была просто выдумка, направленная къ тому, чтобы сильнѣе подѣйствовать на безгранично добраго и честнаго В. А. Жуковскаго. Мы увидимъ сейчасъ, что къ такимъ выдумкамъ для облегченія своего положенія

Пушкинъ прибѣгалъ и позднѣе и всегда въ сообществѣ казого-либо довѣреннаго лица, посвященнаго въ его тайну. На этотъ разъ сообщникомъ была П. А. Осипова, да она, какъ оказывается изъ того же письма, знала и другой секретъ Пушкина, о которомъ говоримъ далѣе.

Но обратимся въ письмо Пушкина.

«Посуди о моемъ положеніи дома. Приѣхавъ сюда, я былъ встрѣченъ и облаканъ...., но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моей ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь..... Вспыльчивость мѣшала мнѣ съ нимъ откровенно объясниться: я рѣшился молчать. Онъ сталъ укорять брата... что я преподаю ему и сестрѣ безбожіе. Назначенный за мною смотрѣть, П.... (Пещуровъ?) ¹⁾ осмѣлился предложить отцу моему распечатывать мою переписку—короче—быть моимъ шпиономъ!

«.....Желая, наконецъ, вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова... Отецъ разсердился, закричалъ—я сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призвалъ моего брата и велѣлъ ему не знаться авес се monstre, ce fils dénaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ погибели). Голова моя закипѣла, когда я узналъ это. Иду къ отцу, нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что было у меня на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ: «что говорю ему въ послѣдній разъ». Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я *en билл!* потому, что *хотѣлъ бить*.... Передъ тобою я не оправдываюсь, но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?.... Рудниковъ Сибирскихъ и вѣчнаго моего безчестія.... Спаси меня!»

Ужасъ Пушкина былъ основателенъ. Вспышка его отца могла кончиться на этотъ разъ иначе, чѣмъ вспышки его обыкновенно кончались — т.-е., спокойнымъ выжиданіемъ со стороны домашнихъ исхода пароксизма. Если бы *добронравнѣйшій* Сергѣй Львовичъ, поддерживаемый супругой, подъ влияніемъ которой состоялъ всю жизнь, вздумалъ повести обвиненіе далѣе стѣнъ своего дома, сообщить жалобѣ своей нѣкоторую гласность, то послѣдствія для нашего поэта могли быть неисчислимы. Послѣдній

¹⁾ Уѣздный предводитель дворянства, по самому званію своему, носилъ обязанность наблюдать за образомъ жизни и поведеніемъ дворянъ своего уѣзда, а потому правительство, возлагая, по закону, трудъ смотрѣть за Пушкинымъ на г. Пещурова не дѣлало тѣмъ изъ него ни особаго агента, ни притѣснителя *ex officio*, на что онъ, по нравственному характеру своему, и не былъ способенъ.

основательно говорилъ, обращаясь опять къ тому же неизвѣстному лицу: «Я сосланъ за одну строчку глупаго письма. Если присоединится къ этому обвиненіе въ томъ, что я поднялъ руку на отца — посуды, какъ тамъ обрадуются. Шутка эта пахнетъ каторгой.» И онъ былъ правъ. Дѣло, однакоже, до этого не дошло. Мы слышали, что Жуовскій горячо принялся за утешеніе семейной распри этой и вразумленіе стараго Пушкина, который, уже при первомъ извѣстїи о жалобахъ на него сына, отступилъ отъ своихъ словъ и сказалъ: «Эвой дуракъ! Въ чемъ оправдывается! еще бы онъ прибилъ меня!» Но зачѣмъ же было тогда обвинять въ несбыточномъ злодѣйствѣ, замѣчаетъ Пушкинъ, передавая эти слова другу. Мать, Надежда Осиповна, по его же замѣчанію, прибѣгла, для оправданія вспыльчивости супруга, къ каламбуру: «да, онъ, Сергѣй Львовичъ, *убитъ ею словами!*» Впрочемъ, совѣты ли Жуовскаго, или урокъ, полученный отъ сына, подѣйствовали на стараго Пушкина, только уѣхавъ вскорѣ со всѣмъ семействомъ изъ Михайловскаго въ Петербургъ, онъ оттуда въ ноябрѣ 1824 г. послалъ благовидный по формѣ, но рѣшительный отказъ отъ возложенной на него обязанности отеческаго наблюденія за сыномъ. Ссора между отцомъ и сыномъ длилась, однакоже, вплоть до 1828 г., когда они примирились, благодаря усиліямъ Дельвига и особенно тому обстоятельству, что Пушкинъ былъ уже освобожденъ отъ правительственнаго надзора и ласково принять, незадолго передъ тѣмъ, молодымъ Государемъ. Во второй разъ (первый случай относится къ 1815 г.) Сергѣй Львовичъ искалъ сойтись съ сыномъ, озадаченный его успѣхами и приобрѣтеннымъ положеніемъ между людьми.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ остался теперь одинъ въ Михайловскомъ на всю зиму 1824—25 г. Политическое наблюденіе за нимъ перешло опять къ Опочецкому предводителю, а для религіознаго его руководства назначенъ былъ настоятель содѣднаго Святогорскаго монастыря (въ 3 верстахъ отъ Михайловскаго), простой, добрый, и какъ описываетъ его наружность И. И. Пущинъ, нѣсколько рыжеватый и малорослый монахъ, который отъ времени до времени и навѣщалъ поэта въ деревнѣ. Такъ какъ яснаго разграниченія между обязанностями свѣтскаго и духовнаго надзора не могло быть, то настоятель почелъ за нужное явиться въ Михайловское, слышавъ, въ январѣ 1825 г., что въ изгнаннику Михайловскаго неожиданно прїѣхалъ изъ Петербурга какой-то неизвѣстный посѣтитель. Посѣтитель этотъ былъ покойный декабристъ И. И. Пущинъ.

Онъ нашелъ своего лицейскаго пріятеля въ единственной жилой комнатѣ стараго деревяннаго дома, бывшаго нѣкогда палатами Елисаветинскаго ссыльнаго, удалого Осипа Абрамовича Ганибала. Одна комната съ ширмами служила Пушкину спальней, столовой и рабочимъ кабинетомъ; всѣ другія оставались закрытыми и нетопленными. Только на другой половинѣ, — черезъ сѣнной корридоръ, раздѣлявшій домъ, — И. И. Пущинъ видѣлъ еще жилую, просторную комнату, царство няни поэта — Арины Родионовны, доброй старушки, охотно придерживавшейся рюмочки, какъ извѣстно, которая тутъ учила и муштровала толпу швей и ткачихъ, засаженныхъ за эти работы старыми господами. И. И. Пущинъ пробылъ менѣе сутокъ въ Михайловскомъ, слушалъ чтеніе комедіи «Горе отъ ума», имъ же и привезенной, изъ устъ Пушкина, который сопровождалъ чтеніе это своими мѣткими и умными замѣчаніями, и по прежнему старался, насколько могъ, отстранить попытки хозяина узнать связи, соединяющія гостя съ тайными обществами — вопросъ, съ которымъ Пушкинъ приставалъ къ Пущину почти всякій разъ, какъ встрѣчалъ его. Между прочимъ наизвѣстнѣйшій гость сообщаетъ и очень любопытную черту. Видимо тревожимый бѣсомъ политическаго тщеславія, Пушкинъ выпытывалъ у него, что думаютъ о немъ, Пушкинѣ, въ Петербургѣ въ смыслѣ политическаго дѣятеля, много ли говорятъ объ исторіи майора Раевского и друзьяхъ послѣдняго, какія имена особенно поминаютъ при томъ. Впрочемъ И. И. Пущинъ нашелъ большую пережвну въ другѣ: онъ сталъ серьезнѣе, простѣе, разсудительнѣе. Выпивъ послѣднюю бутылку шампанскаго, опять изъ своего собственнаго запаса, провозгласивъ сообща множество тостовъ, а въ томъ числѣ и тостъ: «за нее» (т.-е., за особу, оставленную поэтюмъ въ Одессѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ), Пушкинъ разстался съ своимъ другомъ въ 3 часа утра, — (онъ прибылъ наканунѣ, тоже утромъ, въ 7 часовъ) и разстался, какъ извѣстно, навсегда.... Монахъ провелъ только нѣсколько минутъ въ ихъ обществѣ и не помѣшалъ бесѣдѣ.

Нѣсколько прежде того (въ октябрѣ 1824 г.), Пушкинъ официально былъ вызванъ въ Псковъ для исполненія опущенной имъ формальности, которую ему, однакоже, строго рекомендовали въ Одессѣ — именно для представленія своей особы мѣстному губернскому начальству. Осталось преданіе въ этомъ городѣ, что онъ тогда же являлся на базары и въ частные дома, къ изумленію обывателей, въ мужицкомъ костюмѣ. Можетъ быть, онъ изучалъ народный говоръ и складъ мыслей, такъ какъ это теперь становилось ему необходимо узнать поближе изъ чисто-ху-

дожественныхъ цѣлей, а, можетъ быть, въ основаніи этого переродѣванія лежала просто шутка, отъ которой онъ никогда не умѣлъ воздержаться. Такъ, въ годовщину смерти Байрона, онъ отправился въ Святгорскій монастырь къ своему духовному опекуну и отслужилъ тамъ соборнѣ панихиду по новопреставившемуся бояринѣ Георгіѣ. Этотъ анекдотъ, слышанный нами отъ сестры поэта, наводитъ на мысль: не изъ такихъ ли и подобныхъ тому случаевъ Пушкина-сына сложилось у родителя его возрѣніе на него, какъ на отъявленнаго безбожника?

Пушкинъ не могъ долго оставаться въ Псковѣ безъ особаго дозволенія. Притомъ же въ Михайловскомъ было у него теперь весьма серьезное дѣло, и не далеко отъ Михайловскаго занимательное общество. О послѣднемъ и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу—Вульфъ, владѣлица Тригорскаго (села, получившаго свое имя отъ гористаго берега той же рѣчки Сороти, на которой стояло и Михайловское—Зуево, по народному прозванію), была женщина очень стойкаго нрава и характера, но Пушкинъ имѣлъ на нее почти безграничное вліяніе. Всѣ его слова и желанія исполнялись ею свято. Онъ платилъ за это благорасположеніе постояннымъ выраженіемъ безграничной дружбы, посвящалъ ей стихотворенія, даже выражалъ намѣреніе купить около Тригорскаго клочекъ земли и поселиться на немъ (Михайловское принадлежало еще тогда отцу поэта), что не мѣшало ему (какъ видѣли) говорить объ ней, какъ объ «une bonne vieille voisine» и прибавлять: «j'écoute ses conversations patriarcales». Прасковья Александровна свободно изъяснялась и писала по-французски и старалась дополнить свое образованіе, какъ могла, училась вмѣстѣ съ двумя старшими дочерьми своими у ихъ учителей, много читала, любила заниматься серьезными вопросами и жадно искала бесѣды, въ которыхъ они подымались. Все это, однакоже, не могло, конечно, доставить ей прочныхъ основъ для мысли, такъ какъ дѣло тутъ шло не о прямомъ воспитаніи послѣдней, а только о сообщеніи ей необходимой выправки и развязности. Прасковья Александровна вполнѣ удовлетворилась достигнутыми ею результатами. Черезъ Пушкина она познакомилась съ цвѣтомъ тогдашней литературы: Языковымъ, Дельвигомъ, наконецъ съ Жуковскимъ, Плетневымъ, Вяземскимъ, т.-е., со всей литературной знатью того времени. Самъ Пушкинъ безпрестанно толковалъ ей о роли, которую она играетъ въ его существованіи; друзья его, въ благодарность за радушное отношеніе къ нашему поэту, тоже не скупились на

похвалы и величанія. Самолюбіе Прасковьи Александровны было удовлетворено всѣмъ этимъ съ излишкомъ; но оно было удовлетворено на-счетъ всѣхъ другихъ качествъ, ибо, въ чадѣ похвалъ и лести, высокое мнѣніе о себѣ достигло у нея крайнихъ размѣровъ, настойчивость и упорство въ предпріятіяхъ и рѣшеніяхъ, весьма мало обдуманнхъ, достигли своихъ предѣловъ, и послѣдніе годы ея долгой жизни показали очевидно, что любезность, свѣтскость и начитанность сами по себѣ еще не могутъ упрочить для женщины, даже съ большими природными способностями, счастья и покоя на землѣ...

Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнію. Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта—и много сердець билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ. Пророчество Пушкина о трехъ совахъ, которыя онъ долженъ былъ миновать по этой дорогѣ, вступая на землю Тригорскаго, не сбылось: онъ не разрослись въ рощу, а напротивъ, одна изъ нихъ была срублена какимъ-то старостой и очень просто пошла на мельницу, да той же участи, вѣроятно, уже подверглись, или скоро подвергнутся и остальные, по приговору какого-либо другого старосты. И они правы. Что за надобность имъ беречь предметы, связанные съ литературными и семейными воспоминаніями, совершенно чуждыми имъ, когда тѣми же предметами не очень-то дорожатъ и люди, заинтересованные въ ихъ сохраненіи по родству и воспитанію.

Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдніе уже не носятъ на себѣ, по дѣйствию творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину, Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ ¹⁾—представляла совсѣмъ

¹⁾ Впослѣдствіи она вышла замужъ за генерала Вревскаго и сдѣлалась матерью почтеннаго и многочисленнаго семейства.

другой типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многие называли «коветствомъ» всѣ эти приемы, но кокетство или нѣтъ — манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно-умнаго свойства. Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ: на долю энтузіазма и самоотверженія пришлись суровые уроки, часто злое, отталкивающее слово, которые только изрѣдка выкупались счастливыми минутами довѣрія и признательности, между тѣмъ, какъ равнодушію оставалась лучшая доля постоянного вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанія ¹⁾. Одно время полагали, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіѣ Николаевнѣ. Какъ мало горечи осталось затѣмъ въ воспоминаніяхъ обдѣленной сестры отъ этой эпохи, свидѣтельствуютъ ея слова въ письмѣ къ супругу Александра Сергѣевича, уже въ 1831 г. Когда та, говоря о старыхъ знакомыхъ своего мужа, шуточно намекнула на бывшую привязанность поэта къ «полу-воздушной» дѣвѣ горь, Евпраксіи Николаевнѣ—вотъ что отвѣчала ей Анна Николаевна: «Какъ вдумалось вамъ, пишеть она по-французски, ревновать мою сестру, дорогой другъ мой? Если бы даже мужъ вашъ и дѣйствительно любилъ сестру, какъ вамъ угодно непременно думать—настоящая минута не смываетъ ли все прошлое, которое теперь становится тѣнью, вызываемой однимъ воображеніемъ и оставляющей послѣ себя менѣе слѣдовъ, чѣмъ сонъ. Но вы—вы владѣете дѣйствительностію и все будущее передъ вами». Деликатнѣе отклонить вопросъ и выразить свое собственное чувство — кажется, трудно.

Красивый персоналъ Тригорскаго не ограничивался еще этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтнихъ сестеръ ихъ, носившихъ уже фамилію Осипова ²⁾, тутъ были еще многочисленныя кузины: кузина, напримѣръ, Анна Ивановна (впослѣдствіи Тру-

¹⁾ Евпраксія Николаевна (въ семействѣ ее просто звали „Зина“) была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ, она играла передъ нимъ арія Россіи, мастерски варила шенку и являлась первой во всѣхъ пріятіяхъ по части удовольствій. Сестра ея Анна Николаевна, умершая дѣвужкой въ началѣ 60-хъ годовъ, отличалась быстротою и находчивостію своихъ отвѣтовъ, что было не легкое дѣло въ виду Михайловскаго изгнанника, отличавшагося еще въ разговорахъ прямою и смѣлостію выраженія.

²⁾ Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогалъ имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ, за что и пользовался ихъ постояннымъ благорасположеніемъ.

везерь), которую звали Netty въ семействѣ, кузина Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая, которая оставила „Записки“ о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ (она выдана была замужъ за стараго генерала Керна, едва вышедши изъ дѣтства), наконецъ, падчерица Прасковья Александровны—Александра Ивановна Осипова (впослѣдствіи Беклепова)—Алина по семейному прованію, та самая, которая возбуждала поздніе восторги Сергѣя Львовича, дѣтъ 15 спустя, да обратила на себя вниманіе и сына его гораздо прежде. Вообще, всѣ онѣ, вмѣстѣ съ неупомянутой еще кузиной Вельяшевой, почтены были Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и проч. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный, длинный одноэтажный домъ, наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день отъ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ усталости. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіятскаго разврата Кишинева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь, и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ безъ оглядки плыветъ вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по цѣлымъ суткамъ и болѣе, приводя тотчасъ въ движеніе весь этотъ міръ. Дѣло не обходилось, конечно, при этомъ безъ крошечныхъ семейныхъ драмъ, безъ ревности, катастрофъ и проч. Такъ, въ іюнѣ 1825 года, Прасковья Александровна увозитъ красивѣйшую изъ своихъ племянницъ, Анну Петровну Кернъ, въ Ригу, въ мужу и даже становится, какъ мы слышали, косвенной причиною окончательнаго разрыва между супругами; такъ, по возвращеніи изъ Риги въ сентябрѣ 1825 г., она сама увѣзжаетъ въ другое свое помѣстье, известное «Маленники», Тверской губерніи, и увозитъ съ собою старшую дочь, съ трудомъ отрываясь сама и отрывая ее отъ любимыхъ мѣстъ. Впрочемъ, отсутствіе ея во второй разъ продолжалось не болѣе мѣсяца. Пушкинъ остается хладнокровнымъ зрителемъ этихъ скоропреходящихъ бурь, спокойно и даже насмѣшливо отвѣчаетъ на жалобы ихъ жертвъ и какъ ни въ чемъ не бывало погружается въ свои занятія, соображенія, чтеніе. Настоящая его мысль постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ его уеди-

ненномъ Михайловскомъ. Послѣ XXXII-й строфы 3-й главы Онегина онъ дѣлаетъ приписку: 5-го сентября 1824 года — Une lettre de ***. Сестра поэта, О. С. Павлицева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашеною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата — послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ въ себя. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ осталось въ его произведеніяхъ стихотвореніе «Сожженное письмо», отъ 1825 г. Вотъ гдѣ была настоящая мысль Пушкина.

Старшій сынъ Прасковьи Александровны Осиповой, дерптскій студентъ А. Н. Вульфъ, лучше понималъ Александра Сергѣевича, чѣмъ его семья ¹⁾. Вульфъ прѣзжалъ почти на всѣ вакаціи зимой и лѣтомъ въ деревню и тотчасъ же посвященъ былъ Пушкинымъ въ свои замыслы.

Студентъ тотчасъ же узналъ, напримѣръ, что завѣтной мечтой поэта, съ самаго прѣзда его въ Михайловское, сдѣлалось одно: бѣжать отъ заточенія деревенскаго, а если нужно, то и изъ Россіи. Помыслы о бѣгствѣ за границу начались у Пушкина еще въ Одессѣ, какъ хорошо свидѣтельствуетъ извѣстное стихотвореніе «Къ морю» (1824 г.), гдѣ содержится ясное признаніе, что одна только страсть, приковавъ автора къ берегу, помѣшала устроить ему «поэтический побѣгъ» и тѣмъ отвѣтить на соблазнительные призывы «свободной стихіи». Кромѣ того, въ стихотвореніи выпущена еще цѣлая строфа, содержащая вопросъ къ океану: «куда и на какую жизнь онъ вынесъ бы его».... А затѣмъ, еще въ одномъ письмѣ къ брату, Льву Сергѣевичу, весной 1824 г., изъ Одессы, мы находимъ слѣдующія недвусмысленныя строки послѣ извѣстія, что поэтъ два раза просилъ о заграничномъ отпускѣ съ юга Россіи и оба раза не получилъ дозволенія: «Осталось одно—взять тихонько трость и шляпу и поѣхать по-смотреть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпѣжъ».

Теперь Пушкинъ существовалъ далеко отъ моря, но замыселъ не былъ покинутъ. Поэтъ нашъ видимо приходилъ въ ужасъ отъ мысли провести лучшіе годы своей молодости въ зачолустѣ, не

¹⁾ Пушкинъ очень любилъ Алексѣя Николаевича Вульфа. Къ нему именно относятся эти слова въ запискахъ Пушкина о лицѣ, которое впервые упомянуто при немъ о хомерѣ. „Въ концѣ 1826 года я часто видѣлся съ однимъ Дерптскимъ студентомъ. Онъ много зналъ, чему научаться въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами вкучились танцевать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ и проч.“

иѣ ближайшаго сообщенія съ публикой и лишенный возможности жить многосторонней жизнью толпы, свѣтскаго общества, литературнаго міра. Онъ волновался, какъ неприрученный звѣрь въ клеткѣ, при этой мысли, и былъ вполне несчастнымъ человѣкомъ со всѣми развлеченіями своими въ Тригорскомъ, со всѣми шумными бесѣдами друзей и даже со всѣми творческими минутами, уединенными занятіями и вдохновеніями Михайловскаго. Безумные проекты писемъ къ императору Александру (о которыхъ уже намекали), сочиненіе какихъ-то фантастическихъ диалоговъ, гдѣ онъ самъ становится допросимомъ и судьей самого же себя—свидѣтельствуютъ о томъ достаточно. Онъ просто страдалъ въ деревнѣ боязнію за свою участь, отсутствіемъ, такъ сказать, воздуха, простора, арены, которыя такъ необходимы были для его страстной природы. Эти страданія не имѣли уже характера выдумки, какъ тѣ воображаемыя, физическія страданія, происходящія будто бы отъ аневризма въ ногѣ, на который онъ ссылался, когда въ томъ же 1825 г. рѣшился формально просить дозволенія ѣхать въ столицы или за-границу, для поправленія своего здоровья. Онъ препоручилъ ходатайство по этой просьбѣ своей матери въ Петербургъ и былъ недоволенъ, когда Надежда Осиповна замѣнила его дѣловую просьбу какимъ-то патетическимъ письмомъ къ императору Александру, которымъ, по мнѣнію Пушкина, ослаблялся суровый и болѣе краснорѣчивый фактъ его страдальческаго положенія. Результатомъ ея домогательствъ было, однако же, дозволеніе Пушкину жить и лечиться въ Псковѣ съ тѣмъ, чтобъ губернаторъ имѣлъ наблюденіе за поведеніемъ и *разговорами* больного. Это не измѣняло дѣла и нисколько не отвѣчало его намѣреніямъ.

И ранѣе этого прошенія и одновременно съ нимъ, Пушкинъ не переставалъ строить планы бѣгства изъ Россіи. Надо сказать, что слухи о намѣреніи его ѣхать за-границу были уже сильно распространены въ кругу его друзей и въ литературныхъ кругахъ того времени. Онъ самъ писалъ въ Петербургъ, почти тотчасъ по прибытіи въ Михайловское и жалуясь на семейныя свои неприятели: «Стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо мнѣ. Глупо часъ отъ часу вязнуть въ жизненной грязи»—(изъ черноваго письма). Черезъ нѣсколько времени, въ декабрѣ 1824 г., онъ писалъ опять къ брату, какъ будто уже рѣшившись оправдать теперь общую молву и только боясь, чтобъ она не помѣшала исполненію плана: «Мнѣ дьявольски не нравятся петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ ѣхать? Здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь

у меня, то станемъ трактовать о *банкиръ*, о *перепиискъ*, о *мѣсть пребыванія Чаадаева* — вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться ¹⁾». Пункты, подлежащія разъясненію брата, были ясны: устройство правильной пересылки денегъ и корреспонденціи за-границу, вмѣстѣ съ означеніемъ мѣста, куда они должны были отправляться—т.-е., въ тогдашнюю резиденцію Чаадаева. (Чаадаевъ путешествовалъ по Европѣ уже со времени исторіи Семеновскаго полка, которая была восвешней причиною его выхода въ отставку изъ военной службы). Намѣреніе избавиться отъ ссылки, хотя бы и съ пожертвованіемъ родины, не ослабѣло послѣ рѣшенія водворить его во Псковѣ, а, напротивъ, еще возросло; но предстоялъ трудный вопросъ: какъ выбраться изъ отечества ²⁾?

Студентъ А. Н. Вульфъ, сдѣлавшійся повѣреннымъ Пушкина въ его замыслахъ объ эмиграціи, самъ собирався за-границу; онъ предлагалъ Пушкину увести его съ собой, подъ видомъ слуги. Но не говоря уже о томъ, что подобный рискованный шагъ со стороны молодого человѣка грозилъ испортить ему жизнь на долгое время, сама поѣздка Вульфа за-границу была еще пріятной мечтой и зависѣла отъ множества домашнихъ и постороннихъ обстоятельствъ. Пришлось устранить предложеніе, и тогда оба заговорщика наши остановились на мысли заинтересовать въ дѣлѣ освобожденія Пушкина почтеннаго и извѣстнаго дерптскаго профессора хирургіи И. Ф. Мойера, мужа тогда уже умершей, обожанной племянницы Жуковскаго, Маріи Андреевны Протасовой. Мойеръ былъ человѣкъ и высокихъ нравственныхъ качествъ,

¹⁾ Пушкинъ ждалъ въ Рождеству 1824 г. брата своего изъ Петербурга, а также и Вульфа изъ Дерпта, предполагая устроить съ ними совѣщаніе по предмету своего иллегальнаго воая; оттого онъ и задавалъ первому вопросные пункты, но Пушкинъ-братъ, вѣжется, не пріѣхалъ на конгрессъ.

²⁾ П. А. Осипова находилась тоже въ заговорѣ, но она испугалась секрета, ей сообщеннаго и извѣщала о немъ Жуковскаго въ томъ же письмѣ, о которомъ мы уже говорили и которое приведено „Русскимъ Архивомъ“ 1872 г., № 12. Вотъ это мѣсто ея письма. „Если вы думаете, что *воздухъ и солнце Франціи, или близъ-лежащихъ къ ней, чергъ Альпы, земель* полезны для русскихъ орловъ,—и оный не будетъ вреденъ *нашиму*, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчной тайной; когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлетъ“. Къ этому мѣсту почтенный издатель „Русскаго Архива“, П. И. Бартекевъ, дѣлаетъ одно изъ тѣхъ обычныхъ ему примѣчаній, которыя имѣютъ въ виду направить сужденіе читателя о любопытныхъ документахъ, передаваемыхъ журналомъ, на ложную дорогу. Примѣчаніе, несмотря на ясность приведеннаго мѣста, гласитъ: „*Послѣ наводненія 7-го ноября*“. Какую связь могло имѣть намѣреніе михайловскаго орла отлетѣть къ Альпамъ и наводненіемъ 7-го ноября, котораго вовсе и не было въ Михайловскомъ?

и замѣчательно-разнообразнаго образованія, что позволяло ему слыть въ одно время знаменитостію по своей части и оказываться страстнымъ любителемъ музыки и поэзіи. Онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ В. А. Жуковскаго и имѣлъ вліяніе на самого начальника края, маркиза Паулуччи, глубоко уважавшаго его характеръ, искусство и познанія. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ согласить Мойера взять на себя ходатайство передъ правительствомъ о присылкѣ къ нему Пушкина въ Дерптъ, какъ интереснаго и опаснаго больного, а впослѣдствіи, можетъ быть, предпринять и защиту его, если Пушкину удастся пробраться изъ Дерпта за-границу, подъ тѣмъ же предлогомъ безнадежнаго состоянія своего здоровья.

Конечно, дѣло было не легкое, потому что въ основаніи его лежалъ все-таки подлогъ (Пушкинъ физически ничѣмъ не страдалъ), на который и слѣдовало согласить прямого и честнаго профессора, но друзья наши не остановились передъ этимъ затрудненіемъ. Они положили учредить между собою символическую переписку, основаніемъ которой должна была служить тема о судьбѣ коляски, будто бы взятой Вульфомъ для переѣзда. Положено было такъ: въ случаѣ согласія Мойера замолвить слово передъ маркизомъ Паулуччи о Пушкинѣ, студентъ Вульфъ долженъ былъ увѣдомить Михайловскаго изгнанника, по почтѣ, о своемъ намѣреніи выслать безотлагательно коляску обратно во Псковъ. Наоборотъ, если бы Вульфъ заявилъ рѣшимость удержать ее въ Дерптѣ, это означало бы, что успѣхъ порученнаго ему дѣла оказывается сомнительнымъ. Подобныя же предосторожности отъ почтовыхъ нескромностей приняты были друзьями и для переписки по другому порученію, тоже возложенному на А. Н. Вульфа.

Городъ Дерптъ стоялъ тогда, если не на единственномъ, то на кратчайшемъ трактѣ за-границу, излюбленномъ всѣми нашими туристами, которые тогда преимущественно состояли изъ высшихъ классовъ общества. При трудностяхъ тогдашняго передвиженія, путешественники эти часто подолгу останавливались въ этомъ городѣ, сообщая знакомымъ и свѣжія столичныя новости.

На Вульфа возложена была обязанность слѣдить за всѣмъ, что относилось въ этихъ новостяхъ до Пушкина собственно и передавать ихъ по принадлежности поэту, принявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ ¹⁾. По этому плану, слова главнаго цензора вы-

¹⁾ Все это, впрочемъ, особенно касалось Жуковскаго, который, по слухамъ, долженъ былъ проѣхать черезъ Дерптъ на пути своемъ въ Кенигсбергъ.

ражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно Михайловскаго плѣнника, замѣтки перваго, втораго и т. д. наборщика, мнѣнія того или другаго изъ ея агентовъ и проч. Намеки на этотъ планъ, сохранившіеся въ перепискѣ Пушкина, привели одного изъ биографовъ его, почтеннаго М. И. Семевского, къ ошибочному заключенію, что Пушкинъ имѣлъ дѣйствительно намѣреніе заняться печатаніемъ сборника своихъ стихотвореній въ Дерптѣ.

Исторія съ *коляской* кончилась, однако же, довольно комически. Одновременно съ задачей, возложенной на Вульфа, Пушкинъ и съ своей стороны работалъ, чтобы вызвать черезъ родныхъ содѣйствіе Жуковскаго, который, по своему вліянію на Мойера, долженъ былъ предрасположить профессора къ принятію на себя роли ходатая за бѣднаго больного, изнывающаго въ деревнѣ. Съ этой цѣлью Пушкинъ усилилъ жалобы передъ родными и знакомыми на свои немощи, на отчаянное свое положеніе и проч., выставляя, конечно, прежде всего необходимость личнаго совѣщанія съ знаменитымъ хирургомъ въ Дерптѣ. Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, посвященный въ секретъ брата, спойкойно исполнялъ его порученія въ Петербургѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя были довольно страннаго характера, особенно для аневритика и расслабленнаго. Такъ, поэтъ просилъ о высылкѣ ему вина, рому, сахару, сыру лимбургскаго, и что всего забавнѣе — требовалъ книгу о верховой ѣздѣ: «хочу жеребцовъ выѣзжать, говорить онъ брату, вольное подражаніе Алфіери и Байрону».

Послѣ того, какъ состоялось распоряженіе о предоставленіи Пушкину гор. Пскова для пользованія, родные, утрашенные предшествующею перепиской съ изгнанникомъ, сами писали и вѣроятно склонили также писать къ Мойеру и Жуковскаго въ томъ смыслѣ, чтобы почтенный докторъ пожертвовалъ частію своего времени и прибылъ самъ во Псковъ, для осмотра страдальца и производства надъ нимъ операціи, о необходимости которой они тоже слышали много отъ Пушкина. Кажется, что благородный Мойеръ, ничего не подозрѣвавшій въ этомъ дѣлѣ, склонился на ихъ просьбу, потому что родные сдѣлали уже распоряженіе, прямо изъ Петербурга, о высылкѣ пастоящей, не символической коляски изъ Пскова въ Дерптъ, за Мойеромъ. Когда Пушкинъ услышалъ объ этомъ оборотѣ дѣла, онъ ужаснулся: одна мысль, что профессоръ, оторванный отъ своихъ занятій, можетъ сдѣлать довольно утомительный переѣздъ для того, чтобы увидать передъ собою совершенно здороваго человѣка — должна была привести его въ страхъ. «Друзья мои и родители вѣчно со мной проба-

зять*,—воскликаетъ онъ, обращаясь къ Вульффу, и затѣмъ уже умоляетъ пріятеля возвратить поскорѣе назадъ коляску, отговорить Мойера во что бы то ни стало отъ поѣздки во Псковъ и повинуть весь планъ, съ такимъ трудомъ ими выработанный, посылая при этомъ къ чорту и всѣ коммисіи по изданію его сочиненій съ ихъ цензорами, наборщиками и проч. Все это происходило въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 г.

Планъ дѣйствительно канулъ въ воду, но, думаемъ, стоилъ упоминовенія здѣсь, какъ подтвержденіе мучительныхъ усилій освободиться отъ плѣна, волновавшихъ Пушкина съ самаго прибытія въ Михайловское, да и какъ свидѣтельство, что могло приходиться въ голову людямъ, предоставленнымъ безпомощному своему горю и уединенію.

Возвратимся назадъ послѣ этого эпизода. По веснѣ 1825 г., Пушкинъ здалъ къ себѣ гостей—Дельвига, Плетнева, Баратынскаго, Кюхельбевера (Анахарсиса Клоца, какъ онъ его называлъ), Языкова, и нѣкоторыхъ другихъ, но на зовъ его явился только одинъ баронъ Дельвигъ¹⁾. Пушкинъ ввелъ его тотчасъ же въ общество Тригорскаго, но былъ недоволенъ его равнодушнымъ поведеніемъ въ средѣ красавицъ, которыя напрасно истощали передъ нимъ свои природные дары и любезность. Баронъ предпочиталъ, по замѣчанію Пушкина, лежать дома, на постелѣ, какъ колода, декламировать стихи, бесѣдовать о литературѣ, между тѣмъ, какъ самъ хозяинъ возбуждалъ у сосѣдокъ цѣлыя бури ревности и соперничества, кончившіяся отъѣздомъ ихъ изъ Тригорскаго. Можетъ быть, сдержанность барона происходила и отъ того, что онъ задумалъ уже тогда жениться, и въ августѣ 1825, если не ошибаемся, обвѣнчался съ дочерью одного изъ Арзамасцевъ, С. М. Салтыковой. По выѣздѣ Дельвига и отбытіи вслѣдъ затѣмъ сосѣдей Тригорскаго, сперва въ Ригу, а потомъ въ деревню Тверской губерніи (какъ уже сказали), Пушкинъ оставался одинъ на лѣто и часть осени 1825 г. въ своемъ Михайловскомъ домикѣ и не случалъ. Много занятій нашелъ онъ для себя и много имъ тогда было сдѣлано.

¹⁾ К. О. Рыгѣевъ также обвѣнчалъ Пушкину за себя и за А. Бестужева посѣтить его лѣтомъ 1825 г., но ни тотъ, ни другой не могли исполнить обвѣщанія.

VIII.

Шекспиризмъ.—14-е декабря 1825 г.—Возвращеніе изъ ссылки и появленіе въ Москвѣ.

«Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу»,—пишетъ Пушкинъ въ 1825 г. изъ Михайловскаго къ старому своему другу, какъ мы догадываемся, Николаю Николаевичу Раевскому младшему:— «но что за человекъ Шекспиръ? Я не могу придти въ себя отъ изумленія! Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ». Пушкинъ сообщаетъ далѣе, что пишетъ трагедію, въ которой творческими силами являются у него попеременно то размышленіе, то вдохновеніе, и подъ конецъ восклицаетъ:

«Я знаю, что силы мои развились совершенно, и чувствую, что могу творить».

Письмо осталось въ бумагахъ автора и замѣнено было другимъ, совершенно однороднымъ съ нимъ, уже въ 1829 году, да сомнительно, чтобъ и это послѣднее отдано было на почту. Пушкинъ писалъ болѣе про себя, хотя и могъ выбрать для этого воображаемую, фививную бесѣду съ живымъ лицомъ; примѣровъ такого самообмана у него довольно много. Догадка наша, что Пушкинъ имѣлъ въ виду, при составленіи ихъ, Н. Н. Раевскаго, основывается на слѣдующихъ выпущенныхъ строкахъ въ первомъ отрывкѣ отъ 1825 года, имѣющемъ и биографическое значеніе: «Où êtes-vous? J'ai vu par les gazettes que vous aviez changé de régiment: je souhaite que cela vous amuse. Que fait votre frère? Vous ne m'en dites rien dans votre lettre du 13 mai. Se traite-t-il?

«Voilà ce qui me regarde: mes amis se sont donné beaucoup de mouvement pour obtenir une permission d'aller me faire traiter; ma mère a écrit à S. M. et là-dessus on m'a accordé la permission d'aller à Pskow et d'y demeurer même, mais je n'en ferai rien: je n'y ferai qu'une course de quelques jours. En attendant je suis très isolé: la seule voisine que j'allais voir est parti pour Riga et je n'ai à la lettre d'autre compagnie que ma vieille et ma tragédie; celle-ci avance et j'en suis content».

«Гдѣ вы? По газетамъ я узналъ, что вы перешли въ другой полкъ: желаю, чтобы это могло забавлять васъ. Что дѣлается съ вашимъ братомъ. Вы не упоминаете о немъ въ вашемъ письмѣ отъ 13 мая. Лечится-ли онъ?

«Вотъ что касается до меня. Друзья мои хлопотали изъ всѣхъ силъ, чтобы добыть мнѣ позволеніе полечиться на свободѣ; мать моя писала къ Е. В., и затѣмъ я получилъ разрѣшеніе ѣхать въ Псковъ и даже жить тамъ, но я не намѣренъ воспользоваться имъ: пробуду въ Псковѣ только нѣсколько дней. Пока мѣсть я живу одинъ-одинешенекъ. Единственная сосѣдка, по-сѣщаемая мною, уѣхала въ Ригу и я буквально остался въ сообществѣ съ моей старой няней и съ моей трагедіей: послѣдняя подвигается, и я ею доволенъ». Затѣмъ у Пушкина идетъ разсужденіе о тщетѣ попытокъ къ достиженію полного правдоподобія въ драмѣ, разсужденіе, буквально повторенное письмомъ 1829 года.

Вотъ что принесло Пушкину уединеніе Михайловскаго.

Нужно ли распространяться о томъ, что поклоненіе Шекспиру, окончательно потушившее старое служеніе Байрону, уже сильно поколебленное и до того, — было шагомъ впередъ для Пушкина? Прежде всего новое направленіе значительно укоротило дорогу поэту для сближенія его съ русскимъ народнымъ духомъ, съ приемами народнаго творчества и мышленія. Трудно себѣ и представить, чтобы при изученіи Шекспира можно было пропустить безъ вниманія значеніе національныхъ элементовъ вообще, какъ воспитателей фантазіи и мысли поэта. Пушкинъ, по смыслу своихъ писемъ, остановился въ Шекспирѣ прежде всего на ясности его психическаго анализа, позволявшей великому драматургу находить во всякое время настоящее, приличное положеніе и слово для своихъ лицъ, но остановиться на одной только этой чисто-художественной оцѣнкѣ шекспировскаго вліянія на мысль Пушкина мы уже съ своей стороны не можемъ. Въ значеніи біографическаго факта она недостаточна и должна быть еще дополнена указаніемъ тѣхъ сторонъ Шекспировскаго гениа, которыя окончательно переработали самого Пушкина, какъ человѣка и дали ему новое созерцаніе жизни и своего призванія въ ней. Кажется, Пушкинъ прежде всего остановился въ созданіяхъ Шекспира на «Хроникахъ». Прилежное изученіе многихъ ихъ приемовъ, хода дѣйствія и лирическаго языка нѣкоторыхъ ихъ монологовъ отразилось и у Пушкина въ «Комедіи о Царѣ Борисѣ». Но это еще было простое заимствованіе формъ, а главный, существенный результатъ Шекспировскаго вліянія состоялъ въ томъ, что оно привело Пушкина къ объективно-историческому способу пониманія и представленія эпохъ, людей и событій. Шекспиръ дѣйствительно приводилъ къ такому созерцанію жизненныхъ явленій своей извѣстной, философской, гуман-

ной справедливостію ко всѣмъ лицамъ своихъ трагедій, безъ исключенія, что не мѣшало ему выражать явныя симпатіи къ однимъ, строгій приговоръ и осужденія для другихъ. Непогрѣшимость его психическаго анализа характеровъ зиждется именно на этомъ качествѣ философско-исторической справедливости. Пушкинъ до того полно усвоилъ себѣ главную черту британскаго гения, при изученіи его твореній, что съ тѣхъ поръ она уже стала окрашивать всѣ сужденія нашего поэта о явленіяхъ не только прошлаго, но и настоящаго времени. Перемѣна въ образѣ мыслей обнаружилась у него очень скоро. Такъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ 14-го декабря онъ приглашаетъ своихъ друзей смотрѣть на все дѣло безъ суевѣрія и пристрастія, а глазами Шекспира, т.-е., взвѣсивая и оцѣняя причины, давшія событію его настоящую форму. Достаточно извѣстно, что историческое созерцаніе, разъ усвоенное человѣкомъ, измѣняетъ всѣ привычки его мысли и даже нравственный его характеръ: человѣкъ становится не такъ жестокъ къ своимъ противникамъ, не такъ довѣрчивъ къ господствующимъ мнѣніямъ, получая взаменъ этого способность обсуждать и повѣрять самыя любимыя, самыя завѣтныя изъ собственныхъ своихъ убѣжденій. Все это именно и произошло теперь съ Пушкинымъ, но, прибавимъ, отличало его только въ нормальномъ состояніи духа, потому что съ каждымъ порывомъ страстей (а такихъ у него было много) настроеніе опрокидывалось и уносило вихремъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Пушкинъ былъ безсиленъ передъ собственной своей огненной природой. Эти случайные переходы въ крайность и увлеченіе именно и мѣшали современникамъ Пушкина уразумѣть правильно основной характеръ его настроенія въ данную минуту. Со всѣмъ тѣмъ, даже и принимая въ соображеніе это обстоятельство, нельзя не удивляться крайне малой догадкѣ близкихъ ему людей относительно хода умственной его жизни. Они и теперь еще не видѣли въ немъ переменны, и продолжали считать его по прежнему однимъ изъ застрѣльщиковъ въ авангардѣ современнаго радикализма, когда онъ уже отдался историческо-критическому направленію, каково оно тамъ ни было, по своей сущности. Продолженію сумерекъ вокругъ дѣйствительнаго образа мыслей Пушкина много способствовалъ тотъ родъ застѣнчивости, который былъ свойственъ поэту и не допускалъ его грубо обнаруживать себя передъ людьми, не понимавшими намековъ и признаковъ. И не то, чтобъ Пушкинъ сдѣлался равнодушенъ къ вопросамъ своего времени и удалился отъ нихъ на высоту педантическаго толкованія ихъ,

безъ желанія участвовать въ ихъ разрѣшеніи: онъ только освободился отъ либеральной фразы, отъ стереотипныхъ приѣмовъ, такъ сказать, вольнодумства и отъ слѣпотаго подчиненія однообразнымъ идеямъ и формамъ, въ которыя оно облекалось тогда. Въ томъ же 1824 году онъ написалъ два извѣстныхъ своихъ посланія «Къ цензору» (Тимковскому). Оба эти знаменитыя посланія не могутъ быть названы сатирами въ настоящемъ смыслѣ слова, это скорѣе эпическія произведенія, исполненныя размышленій и указаній; но они, конечно, должны считаться образцовыми произведеніями нашей литературы, столько же по своей эпиграмматической соли, сколько и еще болѣе по общественному, гражданскому смыслу своему, по обдуманной защитѣ интересовъ слова, мысли и разума, въ приложеніи ихъ къ тогдашнему русскому быту. Таковъ былъ его либерализмъ теперь ¹⁾.

Шекспиръ послужилъ Пушкину и другой стороной своего обширнаго гениа, о которой уже говорили: онъ открылъ ему новые пути и новые матеріалы для авторскаго его призванія. Соединеніе въ одномъ лицѣ Шекспира такого изобилія фантазіи, такой массы художественскихъ идей, образовъ и представленій, такого неисчерпаемаго богатства поэзіи и изобрѣтательности, было бы просто непонятнымъ дѣломъ, если бы загадка не пояснялась участіемъ народнаго творчества въ его созданіяхъ. Изъ народныхъ легендъ, сказаній, думъ, изъ историческихъ преданій европейскаго и англійскаго міра черпалъ онъ полной рукой не только сюжеты для драмъ, но и многія частныя подробности при осуществленіи ихъ. Громадное количество практической народной мудрости, житейскихъ замѣтокъ и характеристикъ, накопленное собственной его страной, вошло также въ ихъ составъ. Извѣстно,

¹⁾ Въ эпоху наибольшаго распространенія Шекспира между нами, именно въ тридцатыхъ годахъ, дѣло не обошлось безъ того, чтобы результаты чтенія и изученія его твореній не приняли у насъ особенной русской окраски, не проявились въ особенной, оригинальной формѣ, какъ то было съ Байрономъ, романтизмомъ, да и со многими послѣдующими европейскими произведеніями и началами на нашей почвѣ. Такъ Шекспиръ породилъ у насъ толпу мудрыхъ политиковъ безъ всякой подготовки къ своему званію, вереницы глубокомысленныхъ государственныхъ умовъ, безъ соприкосновенія съ какою-либо областію публичной дѣятельности, и множество великихъ психологовъ, безъ научнаго образованія. Но благодѣтельная сторона Шекспировскаго вліянія была важнѣе комической стороны, съ ней связанной. Достаточно вспомнить, что Шекспиръ далъ возможность цѣлому поколѣнію чувствовать себя мыслящими существомъ, способнымъ понимать историческія задачи и важнѣйшія условія человѣческой жизни въ то самое время, когда поколѣніе это, на реальной почвѣ, не имѣло никакого общественнаго занятія и никакого голоса, даже по самымъ ничтожнымъ предметамъ гражданскаго быта.

что Шекспиръ былъ послѣднимъ результатомъ цѣлой школы драматурговъ, двигавшихся въ средѣ народныхъ массъ и передавшихъ ихъ повѣрья и рассказы, вмѣстѣ съ типами, которые тамъ же встрѣчаются. Шекспиръ прибавилъ къ этому матеріалу свое гениальное пониманіе характеровъ, да сообщилъ ему такую художественную обработку, которая, обнаруживъ всю его поэзію, угадала и его философско-историческое значеніе. Все это было откровеніемъ для Пушкина и вырвало изъ души его то восклицаніе, которое раздается въ одномъ изъ упомянутыхъ французскихъ его писемъ: „*Quel homme ce Schakspire! Je n'en reviens pas!*“ Съ тѣхъ поръ Пушкинъ бросился на собраніе русскихъ пьесъ, пословицъ, на изученіе русской исторіи, и такъ какъ силы его находились почти въ лихорадочномъ напряженіи отъ сближенія съ Шекспиромъ, то онъ тотчасъ же и предался мысли осуществить все, имъ навѣянное и указанное, и въ теченіе одного 1825 года написалъ свою «Комедію о Царѣ Борисѣ», которой уже прощалься со всѣми старыми своими направленіями и которой начиналъ совершенно новый періодъ своего развитія ¹⁾.

Послѣ всего сказаннаго довольно трудно представить себѣ, что біографы Пушкина, — впрочемъ, со словъ самого поэта нашего, только понятыхъ ими черезчуръ узко, — заставляютъ участвовать въ развитіи Пушкина и даже направлять это развитіе няню его, Арину Родіоновну. Это одно изъ тѣхъ недоразумѣній, которыя отходятъ въ область «біографическихъ предразсудковъ», о которыхъ говорили. По смыслу этого преданія выходитъ такъ, какъ будто добрая и ограниченная старушка, Арина Родіоновна, играла нѣчто въ родѣ роли безсознательнаго, мистическаго дѣятеля въ жизни своего питомца и отрывала ему область народнаго творчества, благодаря своему знанію русскихъ сказокъ, пьесъ и преданій. Арина Родіоновна была дѣйствительно вѣрнымъ и усерднымъ посредникомъ въ ознакомленіи Пушкина съ нѣкоторыми примѣрами и мотивами народной фантазіи, но, конечно,

¹⁾ При появленіи „Бориса Годунова“ въ 1831, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ эпохи, Н. А. Полевой, не угадалъ значенія хроникки. Онъ упрекалъ Пушкина за то, что рабски слѣдуя разсказу Карамзина, онъ лишилъ себя возможности дать новый смыслъ событіямъ и новое толкованіе характеровъ того времени. Но Пушкинъ искалъ совсѣмъ не разрѣшенія историческихъ загадокъ, которыя и теперь еще остаются загадками, а думалъ только о воспроизведеніи духа польской и русской національности, въ ихъ пониманіи жизни и въ ихъ историческихъ роляхъ, что и успѣлъ сдѣлать вполне. Каждая изъ національностей выражается у него типами, обнаруживающими народный складъ мыслей, культуру, бытъ и характеръ своего отечества. О поэтической атмосферѣ, въ которой они двигаются, и говорить нечего.

не ея слабая и немощная рука указала поэту ту дорогу, на которой онъ теперь очутился: тутъ были указатели другого рода и порядка.

Свидѣтелемъ добросовѣстныхъ усилій Пушкина попробовать себя на строго-исторической почвѣ и усвоить себѣ приемы исторической критики служатъ его «Замѣтки на Анналы Тацита», опубликованныя нашими Материалами въ 1855 году. Замѣчанія Пушкина на лѣтопись Тацита не всѣ попали въ изданіе его «Сочиненій» 1855 г., а потому—и въ другія. Приводимъ здѣсь, встать, отрывки, не удостоившіеся чести появиться на свѣтъ вмѣстѣ съ другими, хотя по формѣ и содержанію они были совершенно однородны съ ними. Вотъ по порядку три начальныхъ отрывка, выброшенные при печатаніи:

I.

«Тиберій былъ въ Иллиріи, когда получилъ извѣстіе о бѣдѣ престарѣлаго Августа. Неизвѣстно—засталъ ли онъ его въ живыхъ. Первое его злодѣяніе (замѣчаетъ Тацитъ) было умерщвленіе Постума Агриппы, внука Августова. Если убійство... можетъ быть извинено государственной необходимостью, то Тиберій правъ. Агриппа—родной внукъ Августа, имѣлъ право на власть и правилъ черни—необычайною силою, дерзостью и даже *простотою ума*. Таковыя лица всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника. Неизвѣстно,—говоритъ Тацитъ,—Тиберій или его мать Ливія убійство сіе приказали. Вѣроятно, Ливія, но и Тиберій не пощадилъ бы его».

II.

«Когда Сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія, Тиберій позволилъ сіе съ *насмѣшливой скромностью*. Тиберій никогда не мѣшалъ изъявленію подлости, хотя и притворялся иногда, будто бы негодовалъ на оную. Вначалѣ же рѣшительный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, кажется онъ запутаннымъ и скрытнымъ въ однихъ отношеніяхъ своихъ къ Сенату».

III.

«Августъ вторично испрашивалъ для Тиберія трибунство. Точно ли *въ насмѣшку и для невыгоднаго сравненія съ самимъ*

собою хвалилъ онъ наружность своего пасынка и наслѣдника? Въ своемъ завѣщаніи, *изъ единой-ли зависти* совѣтовалъ не распространять предѣловъ имперіи, простиравшейся тогда отъ— до—?».

[Затѣмъ уже 3 печатныхъ отрывка за № I, II, III должны уже значиться подъ цифрами IV, V, VI; послѣ которыхъ слѣдуютъ VII и VIII отрывки, тоже пропущенные въ изданіи 1855 г.]

VII.

«Тиберій отказывается отъ управленія государства, но извѣляетъ готовность принять на себя ту часть онаго, которую на него возложить.

«Связь раболѣпства Галла Азинія видитъ онъ его гордость и предприимчивость, негодуетъ на Савра, нападаетъ на Готорія, который подвергается опасности быть убиту войнами. Они спасены просьбами Августа и Ливіи.

«Тиберій не допускаетъ, чтобы Ливія имѣла много почестей и вліянія. *Не изъ зависти*, какъ думаетъ Тацитъ: онъ не увеличиваетъ, вопреки мнѣнію Сената, число преторовъ, установленное Августомъ».

VIII.

«Первое дѣйствіе Тиберіевой власти есть уничтоженіе народныхъ собраній на Марсовомъ полѣ—слѣдственно и совершенное уничтоженіе республики. Народъ ропщетъ, Сенатъ охотно соглашается. (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ)».

Въ заключеніе слѣдуетъ связать, что послѣдній отрывокъ, приведенный изданіемъ 1855 г. за № IV и заключающій анекдотъ о нѣкоемъ Вибіи Серенѣ, имѣетъ въ рукописи слѣдующее продолженіе: «Чѣмъ болѣе читаю Тацита, тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ государственныхъ умовъ древности». По поводу того же отрывка необходимо еще прибавить, что онъ не составляетъ прямо часть Пушкинскаго разбора Тацитовской лѣтописи, а взятъ изданіемъ 1855 г., по аналогіи содержанія, изъ письма Пушкина къ Б. Дельвигу отъ 23-го іюля 1825. Анекдотомъ о Вибіи Серенѣ Пушкинъ намекалъ другу на собственное свое положеніе въ деревнѣ и выражалъ желаніе, чтобы къ нему примѣнили приговоръ Тиберія, который воспротивился рѣшенію сослать Серена на необитаемый островъ, говоря, что кому дарована жизнь, того не слѣдуетъ лишать способовъ къ поддержанію жизни.

Но вотъ какъ теперь читалъ Пушкинъ вообще. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не повидаль ни одной изъ прежнихъ своихъ работъ. Какая-то горячечная дѣятельность овладѣла имъ въ Михайловскомъ, словно внутренней голосъ говорилъ ему, что какъ ни лживы покажутся всѣ его жалобы на свои болѣзни, жизнь ему отмѣрена судьбой все-таки короткая и надо торопиться. Такъ, дописавъ «Цыганъ», создавъ своего «Бориса», онъ уже набросалъ въ 1-му января 1825 г., приблизительно, 4 главы Онѣгина, какъ видно изъ помѣтки его подъ XXIII строфой этой четвертой главы: «31-го декабря 1824 г.—1-го января 1825 г.» Да и одно ли это дѣлалъ онъ? Къ эпохѣ Михайловской жизни относятся и его превосходные переводы и выдержки изъ Алворана. Онъ былъ до того увлеченъ гиперболической поэзіей произведенія, что пошелъ за долгъ распространять имя Магомета, какъ гениальнаго художника въ литературныхъ кругахъ, и К. Ѳ. Рылѣевъ не даромъ, умоляя Пушкина покинуть рабское служеніе Байрону (подобныя мольбы раздавались еще въ 1825 г.), употребилъ въ письмѣ своемъ фразу: «хоть ради твоего любезнаго Магомета». Собственно въ этомъ выборѣ оригинала для самостоятельнаго воспроизведенія его у Пушкина была еще другая причина, кромѣ той, которую онъ выставлялъ на видъ. Алворанъ служилъ Пушкину только знаменемъ, подъ которымъ онъ проводилъ свое собственное религіозное чувство. Оставляя въ сторонѣ законодательную часть мусульманскаго кодекса, Пушкинъ употребилъ въ дѣло только символику его и религіозный пафосъ Востока, отвѣчавшій тѣмъ родникамъ чувства и мысли, которые существовали въ самой душѣ нашего поэта, тѣмъ еще не тронутымъ религіознымъ струнамъ его собственнаго сердца и его поэзіи, которыя могли теперь впервые свободно и безбоязненно зазвучать подъ прикрытіемъ смутнаго (для русской публики) имени Магомета. Это видно даже по своеобразнымъ прибавкамъ, которыя въ этихъ весьма свободныхъ стихотвореніяхъ нисколько не вызваны подлинникомъ. Осенью 1825 г. Пушкинъ написалъ пьесу, «19-е октября 1825 г.» (Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ),—стройное, въ высшей степени задушевное и трогательное воспоминаніе Лицея, за которое Дельвигъ благодарилъ его довольно оригинальнымъ образомъ изъ Петербурга: «За 19-е октября—пишетъ онъ въ январѣ 1826 г.—благодарю тебя съ лицейскими скотами-братцами вмѣстѣ». Черезъ два мѣсяца послѣ стихотворенія разразилась катастрофа 14-го декабря 1825 г., но объ этомъ послѣ.

Въ томъ же году явились у Пушкина новыя хлопоты по первому изданію сборника своихъ стихотвореній. Онъ и прежде

думалъ объ этомъ, даже заранѣе продавалъ право на будущую книжку своихъ стихотвореній нѣсколькимъ лицамъ вдругъ, но только съ паденіемъ враждебнаго ему министерства князя А. Н. Голицына, въ 1824 году, открылась возможность приступить къ дѣлу серьезно. Надо было воспользоваться теперь присутствіемъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова. Какъ еще ни относился враждебно суровый старецъ къ современной ему литературѣ, называя ее сплошь «легкомысленной», какъ много ни обманулъ онъ ожиданій относительно новыхъ цензурныхъ порядковъ, все же онъ былъ самъ литераторъ, не могъ ужасаться выражений, въ родѣ «небесныхъ глазъ» и т. п., и понялъ бы жалобу на безграмотное и безцѣльное извращеніе смысла и стиха въ произведеніи, что такъ часто и развязно дѣлали люди прежней администраціи. Притомъ же извѣстно было, что онъ публично выражалъ негодованіе на тупоту и чудовищность цензурныхъ помарокъ¹⁾ и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже официально²⁾. Все это заставило Пушкина стремительно ухватиться за мысль издать теперь же первое собраніе своихъ стихотвореній, такъ какъ откладывать далѣе планъ печатанія значило бы упустить счастливую минуту, которая для него настала. Раздѣлавшись кое-какъ съ прежними покушницами стихотвореній, Пушкинъ приступилъ теперь къ изданію и съ необычайной энергіей обратился за помощью къ брату и друзьямъ въ Петербургѣ, указывая имъ распредѣленіе пьесъ, порядокъ,

1) На основаніи именно этихъ соображеній, Пушкинъ почтилъ А. С. Шишкова въ посланіи „къ цензору“ великогнѣимъ стихомъ „Сей старецъ дорогъ намъ“ и проч. и упрекалъ еще А. Бестужева, зачѣмъ онъ не упомянулъ въ своемъ „Обозрѣніи“ о счастливой перемиѣ въ министерствѣ, говоря: „Ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманъ нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старяку Шишкову. Кому же, какъ не ему, обязаны нашимъ оживленіемъ?“ Это было писано въ 1824 г.

2) См. „Русскій Архивъ“ 1865 г., стр. 1353. Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ с.-петербургскаго университета 1822 г., Шишковъ, требуя бдительной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говоритъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо *строгая не дастъ говорить ни уму, ни правдѣ*), и притомъ *разумьющая силу языка*. Тутъ же приводитъ онъ и примѣры цензурскаго неразумія въ этомъ смыслѣ. Одинъ цензоръ въ стихѣ: „0, дай мнѣ, другъ, дай крылья серафима“ — вычеркнулъ слово „серафима“. Это все равно, что не допускать къ печати выраженія: „какой ангелъ! Какой у него ангельскій нравъ!“ Другой цензоръ представилъ примѣръ, еще несравненно сего чуднѣйшій, говоритъ Шишковъ. Въ стихахъ: „Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ, гдѣ смерть и рокъ царя?“ цензоръ вычеркнулъ слово *рокъ*, а все остальное оставилъ по прежнему. Вышла нелѣпость и притомъ крайне неблаговидная.

второму они должны слѣдовать, присылалъ исправленія и дополненія и заботился издали даже о внѣшнемъ видѣ изданія, о типографскихъ его подробностяхъ. Первое собраніе его стихотвореній дѣйствительно и появилось въ 1826 г., но ему еще предшествовала начальная глава Онѣгина. И то и другое изданіе все еще не обошлись безъ цензурныхъ затрудненій и хлопотъ, но, по крайней мѣрѣ, они могли явиться на свѣтъ все-таки цѣльнѣе и свободнѣе, чѣмъ за годъ или полтора года тому назадъ.

Кстати, еще одно слово о перепискѣ Пушкина изъ деревни. Не подлежитъ сомнѣнію, какъ уже было сказано, что она составляетъ просто литературную драгоценность, объясняя отношенія писателей той эпохи между собою и вопросы ихъ занимашіе. Но у ней есть и еще одно достоинство: она рисуетъ намъ самый образъ Пушкина въ изящномъ, нравственно-привлекательномъ видѣ. Тому, конечно, много способствуетъ ея языкъ: это постоянно одинъ и тотъ же блескъ молодого, свѣжаго, живого и замѣчательно основательнаго ума, проявляющійся въ безчисленныхъ оттѣнкахъ выраженія. О главныхъ мотивахъ, которые она разрабатываетъ, мы уже говорили прежде. Существенную ея часть, какъ извѣстно, составляютъ пренія съ А. Бестужевымъ по поводу его «взглядовъ» на литературу, изложенныхъ въ «Поляр. Звѣздахъ». Но и кромѣ своего содержанія переписка эта еще крайне поучительна въ другомъ смыслѣ: въ ней вѣтъ ни малѣйшаго признака какого-либо напряженія, не чувствуется ни малѣйшей капли того отшельническаго яда, который обыкновенно накапливается въ душѣ гонимыхъ или оскорбляемыхъ людей; напротивъ, всѣ письма свѣтлы, благородны, доброжелательны, даже когда Пушкинъ сердится или выговариваетъ друзьямъ и брату за ихъ вины передъ нимъ или передъ публикой. Богиня добродушнаго веселья была ему знакома, конечно, не менѣе другой воспѣтой имъ богини, своей музы. Онъ обѣ посѣщали его даже въ минуты горя, тревогъ и сомнѣній. Дѣйствіе переписки на читателя неотразимо, какое бы мнѣніе ни составилъ онъ заранѣе о характерѣ ея автора: необычайная, безыскусственная простота всѣхъ чувствъ, замѣчательная деликатность, смѣемъ такъ выразиться, сердца, при оригинальности самихъ поворотовъ мысли и всѣхъ сужденій, привоываютъ читателя къ этой перепискѣ невольно и выносятъ передъ нимъ образъ Пушкина въ самомъ благоприятномъ свѣтѣ.

Занятія Пушкина въ деревнѣ еще не ограничивались созданіемъ образцовыхъ произведеній, обширнымъ чтеніемъ, сборомъ

этнографическихъ матеріаловъ и перепиской съ друзьями. Онъ тогда же началъ составлять записки своей жизни, употребляя для этого, какъ увѣдомлялъ брата въ октябрѣ 1824, свое до-обѣденное время и подтверждая ему еще разъ въ ноябрѣ, что продолжаетъ свои «Записки». Такъ шло дѣло до декабря 1825 г.; но отъ этого годичнаго непрерывнаго труда осталось только нѣсколько отрывковъ, да довольно значительное количество сырыхъ, необработанныхъ матеріаловъ. Пушкинъ уничтожилъ всю свою работу въ 1825 г., какъ самъ говорить въ пропущенномъ мѣстѣ своихъ печатныхъ «Записокъ», составляющихъ бѣдный, уцѣлѣвшій ихъ обломокъ. «Въ концѣ 1825 года, говорить онъ тамъ, при открытіи несчастнаго заговора, я принужденъ былъ сжечь записки». Затѣмъ онъ уже нѣсколько разъ возвращался къ идеѣ начать вновь лѣтописи своего времени, а именно въ 1831 году, когда жилъ въ Царскомъ Селѣ — въ эту тяжелую для Россіи годину польскаго бунта и повсемѣстной холеры, и вторично, въ 1833 году, когда онъ уже находился въ центрѣ и круговоротѣ петербургскаго большого свѣта. Оба раза дѣло ограничилось немногими замѣтками: бѣльшая часть тѣхъ, которыя принадлежать къ первой изъ этихъ попытокъ, сообщена была нами въ 1859 году извѣстному библиографу Е. Я., вмѣстѣ съ другими выдержками изъ бумагъ Пушкина, который и напечаталъ документы эти съ собственными своими объясненіями въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года, № 5 и 6. О второй попыткѣ возобновленія «Записокъ» мы можемъ только сказать, на основаніи вѣрныхъ источниковъ, что Пушкинъ велъ журналъ или дневникъ семейныхъ и городскихъ происшествій съ ноября 1833 по февраль 1835 г. Мы позволяемъ себѣ думать также, что не даромъ Пушкинъ берегалъ въ своихъ бумагахъ и записныхъ тетрадяхъ такой богатый автобіографическій матеріалъ, такую громаду писемъ, замѣтокъ, документовъ всякаго рода и проч.

Пушкинъ не отступалъ до самой смерти своей отъ намѣренія представить картину того міра, въ которомъ жилъ и вращался, и потому сохранялъ тщательно всѣ, даже незначительные, источники для будущаго своего труда; но трудъ, разрушенный въ самомъ началѣ, такъ сказать, при положеніи первыхъ камней, уже не давался ему болѣе въ руки. Не трудно понять, каковой памятникъ оставилъ бы послѣ себя поэтъ нашъ, если бы успѣлъ извлечь изъ своего архива матеріаловъ полныя, цѣльныя записки своей жизни; но и въ уничтоженіи той части ихъ, которая была уже составлена имъ въ 1825 г., русская литература понесла не-

вознаградимую утрату. При гениальномъ способѣ Пушкина передавать выраженіе лицъ и фізіономію событій немногими родовыми ихъ чертами, и проводить эти черты глубокимъ неизгладимымъ рѣзцомъ—публика имѣла бы такую картину одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ русской жизни, которая, можетъ быть, могла бы уразумѣнію нашей домашней исторіи начала столѣтія лучше многихъ трактатовъ о ней. Если Томасъ Муръ говорилъ объ уничтоженныхъ имъ «Запискахъ Байрона», что по жгучести и занимательности содержанія онѣ дали бы много бессонныхъ ночей образованнымъ людямъ всей Европы и склонили бы много головъ къ своимъ страницамъ—то подобную же роль, вѣроятно, играли бы у насъ и цѣльныя «Записки» Пушкина, если бы существовали. Выразивъ это сожалѣніе, мы уже спѣшимъ къ тому, что осталось отъ поэта, а осталось, къ счастью, довольно много для уразумѣнія этого многообразнаго и въ высшей степени замѣчательнаго типа.

Такъ работалъ Пушкинъ въ Михайловскомъ. Между тѣмъ жизнь со всѣми своими заботами, планами и волненіями текла обычной чередой. Въ октябрѣ 1825 г. собралось снова общество въ Тригорскомъ и возобновились прѣжнія сношенія между его населеніемъ и отшельникомъ Михайловскаго. Казалось, все такъ будетъ идти, какъ шло доселѣ, и эта мысль, какъ знаемъ, не давала покоя Пушкину; но въ концѣ слѣдующаго ноября получено было внезапно извѣстіе о кончинѣ императора Александра I-го. Вслѣдъ за этой вѣстію получена была на берегахъ Сороти еще другая и столь же важная вѣсть, которая уже непосредственно связывалась со всѣми долгими думами Пушкина о своемъ освобожденіи. Ему показалось, на первыхъ порахъ, что освобожденіе это является къ нему негаданно-нежданно съ такой стороны, откуда онъ всего менѣе предвидѣлъ его появленіе.

Вотъ какъ передаетъ М. И. Семевскій, въ своихъ описаніяхъ Тригорскаго, со словъ М. И. Осиповой—еще ребенка въ 1825 г.—впечатлѣніе, произведенное на Пушкина извѣстіемъ о 14 декабрѣ 1825 г.

Пушкинъ находился въ Тригорскомъ, когда дворовый чело-вѣкъ владѣлицы, посланный съ комиссіями въ Петербургъ, вернулся оттуда съ извѣстіемъ, что тамъ бунтъ, дороги перехвачены войсками и онъ самъ едва пробрался между ними на почтовыхъ. Пушкинъ страшно поблѣдѣлъ, услыхавъ новость, досидѣлъ кое-какъ вечеръ и уѣхалъ въ Михайловское.

Можно себѣ представить мысли, которыя должны были волновать его въ эту ночь. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что главной

и господствующей изъ нихъ была мысль, что онъ долженъ самолично встрѣтить политическій переворотъ, дарящій ему такъ внезапно полную свободу, и принять участіе, по крайней мѣрѣ, въ его дальнѣйшей судьбѣ, если уже онъ не могъ участвовать въ его подготовленіи. Ему казалось совершенно необходимымъ явиться поскорѣе въ среду новыхъ людей, конечно, нуждающихся теперь въ пособникахъ и совѣтникахъ... Какъ бы то ни было, но раннимъ утромъ слѣдующаго дня Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Михайловскаго по направленію къ Петербургу, а потомъ, не доѣхавъ до первой станціи, вернулся обратно въ деревню. Что же такое случилось? Преданіе говоритъ, согласно увѣреніямъ самого поэта, что рѣшимость его поколебалась, благодаря дурнымъ примѣтамъ, въ которыя онъ вѣровалъ. При выѣздѣ изъ Михайловскаго именно, онъ встрѣтилъ попа, а затѣмъ, когда онъ выбрался въ поле, какой-то злобщій заяцъ трижды перебѣжалъ ему дорогу. Поэтическое изъясненіе! Но примѣты примѣтами, а извѣстная осмотрительность Пушкина, наступавшая у него по-часту тотчасъ же за первымъ увлеченіемъ, играла тутъ тоже немаловажную роль. Она-то, вѣроятно, и повернула его назадъ, внушивъ ему мысль подождать болѣе подробныхъ извѣстій объ исходѣ петербургскаго дѣла. Извѣстія не замедлили явиться и были такого свойства и содержанія, что Пушкинъ на время замолеъ и притихъ въ Михайловскомъ.

Серьезная сторона петербургскаго дѣла многихъ поразила изумленіемъ. Не одинъ Пушкинъ думалъ тогда, что все броженіе умовъ и всѣ затѣи тайныхъ обществъ принадлежать къ числу обычныхъ элементовъ образованной жизни, которую они украшаютъ, сообщая ей движеніе, занимательность и разнообразіе. Самыя предполагаемыя цѣли этого броженія должны были осуществиться, по мнѣнію многихъ дилеттантовъ заговора, легко, сами собою, съ теченіемъ времени, не очень нарушая ходъ жизни и не разбивая въ прахъ тысячи отдѣльныхъ существованій. Но когда долгое волненіе разрѣшилось явнымъ возстаніемъ, и когда вслѣдъ за нимъ унесено было цѣликомъ отъ современниковъ почти все молодое ихъ поколѣніе, Пушкинъ естественно пришелъ въ ужасъ. Не говоря уже о томъ, что онъ бросилъ въ огонь свои «Записки», какъ знаемъ, но онъ понизилъ голосъ и, не измѣняясь внутренно, ибо далеко уже не былъ прежнимъ революціонеромъ, сталъ искать тоновъ и мотивовъ рѣчи, наиболѣе подходящихъ къ духу и настроенію времени: «Милый баронъ! писалъ онъ Дельвигу, услыхавъ о начавшихся арестахъ и о разборѣ преступниковъ, вы о мнѣ безпокойтесь и напрас-

но. Я человекъ мирный. Но я беспокоюсь — и дай Богъ, чтобъ было понапрасну! Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ¹⁾. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности, но онъ боленъ ногами и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня. Прощай, мой милый другъ». Много лицъ и семействъ писали тогда на Руси подобныя письма и задавали такіе же безпкойные вопросы своимъ знакомымъ. Вопросъ Пушкина имѣетъ еще и то значеніе для насъ, что показываетъ, какъ первой мыслию поэта, послѣ извѣстія о петербургскомъ погромѣ, была старая знакомая ему «*Каменка*» и ея общество. Къ счастью, ни одинъ изъ Раевскихъ не былъ причастенъ заговору, но много другихъ членовъ ихъ семейства, какъ сказали уже, подпали слѣдствію и осужденію. Между тѣмъ, кругъ арестовъ все болѣе и болѣе расширялся, захватывая большинство его знакомыхъ. Каждый день приносилъ извѣстія, часто самыя неожиданныя, объ арестованіи лицъ, всего менѣе подозрѣвавшихся кѣмъ-либо въ дерзкихъ замыслахъ противъ государства. Мало-по-малу вокругъ Пушкина начинало образоваться нѣчто похожее на пустоту, которая является въ средѣ товарищей послѣ жаркаго дѣла. Нѣсколько разрозненныхъ и чудомъ уцѣлѣвшихъ личностей поглощено было теперь мыслию о спасеніи самихъ себя въ общемъ крушеніи ихъ дружины. То же приходилось теперь дѣлать и Пушкину. Съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что единственный способъ выйти на свободу, которой Пушкинъ такъ страстно домогался, состоялъ въ томъ, чтобъ обратиться за нею къ новому правительству, не имѣвшему такихъ поводовъ сердиться и преслѣдовать его, какъ прежде. Пушкинъ не былъ виновенъ передъ нимъ ни въ какомъ посягательствѣ на его права, ни въ какомъ сопротивленіи его намѣреніямъ, и ждалъ только, чтобы благопріятное политическое состояніе страны, обрисовавшись вполне, позволило новой власти снисходительнѣе смотрѣть на ошибки и проступки прошлаго времени. Въ началѣ 1826 года, Пушкинъ уже пишетъ Дельвигу слѣдующее любопытное письмо, видимо составленное и начисто перебѣленное такъ, чтобы можно было его показать и постороннему лицу, которое приняло бы въ сердцу его содержаніе. Вотъ оно: «Насилу ты мнѣ написалъ и то безъ толку, душа моя. Вообрази, что я въ глуши ровно ничего не знаю; переписка моя отовсюду превратилась, а ты пишешь мнѣ, какъ будто вчера мы цѣлый день были вмѣстѣ и на-

¹⁾ Арестованъ былъ братъ его, Пик. Ник. Раевскій, но и онъ, послѣ откровеннаго объясненія своихъ отношеній къ заговору, вскорѣ былъ освобожденъ.

говорились досыта. Конечно, я ни въ чемъ не замѣшанъ и если правительству досугъ подумать обо мнѣ, то оно въ томъ легко удостовѣрится. Но просить мнѣ какъ-то совѣстно, особенно нынѣ; образъ мыслей моихъ извѣстенъ. Гонимый 6-тъ лѣтъ сряду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строчки перехваченнаго письма, я, конечно, не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ; но никогда я не проповѣдывалъ ни возмущенія, ни революціи. Напротивъ. Классъ писателей, какъ замѣтилъ Alfieri, болѣе склоненъ къ умозрѣнію, нежели къ дѣятельности. И если 14-е декабря доказало у насъ иное, то на это есть особая причина. Какъ-бы то ни было, я желалъ бы *только и искренно* ¹⁾ помириться съ правительствомъ и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны.

«Съ нетерпѣніемъ ожидаю рѣшенія участи несчастныхъ и обнародованія заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего Царя. Не будемъ ни суевѣрны, ни односторонни, какъ французскіе трагики; но взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира. Прощай, душа моя».

Вотъ при какихъ случаяхъ Шекспиръ являлся Пушкину, какъ мы связали, прибѣжищемъ для мысли и опорой, на которой она могла остановиться и собраться съ силами.

Дельвигъ, Жуковскій, родные и многочисленные благожелатели поэта не оставили указаній Пушкина безъ вниманія. Мысль о возможности добыть поэту столь желанную свободу легальнымъ путемъ стала между ними общимъ вѣрованіемъ и непоколебимой надеждой. Прошло, однако же, добрыхъ семь или восемь мѣсяцевъ, прежде чѣмъ освобожденіе явилось въ Пушкину и притомъ въ особенной, совсѣмъ неожиданной формѣ. Изъ Петербурга сообщены были Пушкину тѣ правильные, формальные пути, которые ведутъ къ нему и уклоненіе отъ которыхъ можетъ поставить на карту все предпріятіе. Пушкинъ исполнилъ программу друзей въ точности.

Когда наступила надлежащая минута, Александръ Сергѣевичъ представилъ псковскому гражданскому губернатору барону фонъ-Адервасу прошеніе на Высочайшее имя, все писанное имъ собственной рукой (на простой бумагѣ) и буквально гласившее такъ:

¹⁾ Слова подчеркнуты авторомъ.

«Всемилоствѣйшій Государь!

«Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно Афеизма, вложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ) рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою:

Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневрияма давно уже требуютъ постояннаго леченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ или въ чужіе края.

Всемилоствѣйшій Государь

Ваше Императорское Величество

вѣрноподанный

Александръ Пушкинъ».

Къ прошенію были приложены два документа, изъ коихъ одинъ, тоже писанный рукой Пушкина, содержалъ обязательство: «Я нижеподписавшійся обязуюсь впредь ни къ какому тайному обществу подъ какимъ-бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ. 10-го класса Александръ Пушкинъ. 11-го мая 1826 года».

Второй документъ былъ формальное медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы, на 3-хъ-рублевомъ гербовомъ листѣ, отъ 19 июля 1826 года и за № 426 ¹⁾. Въ этомъ свидѣтельствѣ ученая коллегія гор. Пскова говорила, что, по предложенію гражданскаго губернатора за № 5497, ею освидѣтельство-

¹⁾ Всего вѣроятнѣе, что освидѣтельствованіе Пушкина врачами происходило тоже въ маѣ 1826 г. и только свидѣтельство управы о томъ заповдало однимъ мѣсяцемъ.

ванъ былъ коллежскій секретарь А. С. Пушкинъ и «оказалось, что онъ дѣйствительно имѣеть на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности на правой голени повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ (*Varicositas totius cruris dextri*), отъ чего г. коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще»¹⁾).

Пустивъ, такимъ образомъ, въ ходъ правильно оформованную просьбу, Пушкинъ предоставилъ судьбѣ довершить остальное; но уже одна рѣшимость его на этотъ шагъ имѣла вѣроятно необычайное значеніе въ глазахъ его друзей и покровителей, ибо внушала имъ самыя розовыя надежды. Дельвицъ, напримѣръ, узнавъ, что Пушкинъ составилъ просьбу, пророчески писалъ уже, отъ 1 іюня 1826 г., въ Тригорское къ г-жѣ Осиповой: «Пушкина вѣрно пустятъ на всѣ четыре стороны, но надо сперва кончиться суду». Дѣйствительно, до окончанія суда надъ декабристами не возможно было ожидать никакого рода амнистій, которыя, по слухамъ, должны были состояться только въ день коронованія покойнаго Государя. Можно полагать, что къ этому свѣтлому и радостному дню торжества и помилованія Пушкинъ старался пригнать и свою просьбу.

Несмотря, однако-же, на философское созерцаніе дѣль, усвоенное Пушкинымъ, онъ болѣзненно вздрогнулъ, когда страшный мечъ правосудія упалъ на голову пяти заговорщиковъ въ Петербургѣ. Спустя 11 дней послѣ казни ихъ, Пушкинъ дѣлаетъ замѣтку на одномъ стихотвореніи: «Услыхалъ о смерти Р. П. М. К. Б.—24» (іюля), а въ другомъ мѣстѣ эти же инициалы сопровождаются припиской: «видѣлъ во снѣ». Но трагедія и должна была кончиться трагически.

Между тѣмъ, лѣто 1826 г. сдѣлалось для обитателей Тригорскаго и Зуева (Михайловское) непрерывнымъ рядомъ праздниковъ, гуляній, шумныхъ бесѣдъ, поэтическихъ и дружескихъ изліяній, благодаря тому, что въ средѣ ихъ находился Н. М. Языковъ, привезенный, наконецъ, изъ Дерпта А. Н. Вульфомъ. Болѣе двухъ лѣтъ его звали и ожидали въ Михайловскомъ, и только въ 1826 г. онъ сдался на просьбы Пушкина и приглашенія Прасковьи Осиповны. Языковъ исполненъ былъ почти религіознаго благоговѣйнаго чувства къ нашему поэту, для котораго не находилъ достаточно пѣсенъ и восторговъ на своей ли-

¹⁾ По числу, которымъ помѣченъ этотъ документъ, можно заключить, что и просьба на Высочайшее имя пошла тоже въ іюль, хотя, какъ мы думаемъ, составлена опять Пушкинымъ въ маѣ мѣсяцѣ. Наша копія съ нея не имѣетъ числовой пометки.

рѣ—и оно понятно. Соединеніе въ одномъ лицѣ простоты обращенія съ даромъ угадывать людей и цѣнить ихъ вѣрно по душевнымъ признакамъ, полное отсутствіе чего-либо похожего на мелочное тщеславіе при постоянныхъ проблескахъ гениальнаго таланта и ума—все это должно было поразить воображеніе пылаю, еще не установившагося студента, котораго жизнь и поэзія слагались преимущественно изъ однихъ порывовъ. Пушкинъ чрезвычайно высоко цѣнилъ поэтическій даръ Языкова. Онъ былъ прельщенъ виртуозностью, такъ сказать, его стиха, ни у кого не достигавшаго, ни прежде, ни послѣ, такихъ мастерскихъ, поражающихъ и ослѣпляющихъ оборотовъ, хотя запасъ поэтическихъ мотивовъ былъ у него крайне однообразенъ и скуденъ. Дѣй эти противоположныя природы сошлись на почвѣ Тригорскаго и Зуева весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и рожи обоихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 года, такъ граціозно и весело встрѣчало друзей молодое женское населеніе перваго, такъ вдохновенны и поэтичны были ночи и долгіе дни, проведенные ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновеніемъ.

Покуда друзья наслаждались въ Опочецкомъ уѣздѣ, дѣло Пушкина шло своимъ порядкомъ. Псковской гражданскій губернаторъ баронъ фонъ-Адеркасъ препроводилъ просьбу его къ эстляндскому генераль-губернатору, маркизу Паулуччи, въ вѣдѣніи котораго состояла и Псковская губернія, присоединенная въ прошлое царствованіе къ его генераль-губернаторству, изъ видовъ распространенія на нее благодѣяній крестьянскаго освобожденія, не совершившагося однако-же, даже и на извѣстный балтійскій манеръ. Въ бумагахъ Пушкина, очень хорошо узнаваемаго впоследствии, повидимому, всѣ мѣры и соображенія, къ которымъ онъ подавалъ поводъ, находится копія съ официальнаго письма маркиза Паулуччи къ графу К. В. Нессельроде отъ 30-го іюля 1826 г. и за № 922. Извѣщая гр. Нессельроде о полученіи просьбы А. С. Пушкина съ извѣстными приложениями, маркизъ Паулуччи прибавляетъ отъ себя слѣдующее: «Усматривая изъ представленныхъ во мнѣ вѣдомостей о состоящихъ подъ надзоромъ полиціи, проживающихъ во вѣренныхъ главному управленію моему губерніяхъ, что помянутый Пушкинъ ведетъ себя хорошо, я побуждаюсь въ уваженіе приписаннаго имъ раскаянія и обязательства никогда не противорѣчить своимъ мнѣніемъ общепринятому порядку, препроводить при семъ означенное прошеніе съ приложениями къ вашему сіятельству, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прося по-

вергнуть оное на всемілостивѣйшее Его Императорскаго Величества возвращеніе, полагая *мнѣніемъ не позволять Пушкину выѣзда за-границу*, и о послѣдующемъ почтить меня увѣдомленіемъ»¹⁾.

Благопріятный отзывъ маркиза Паулуччи доказываетъ, во-первыхъ, что псковское губернское начальство, надзору котораго былъ порученъ нашъ поэтъ, исполняло свои обязанности весьма гуманно, а во-вторыхъ, что къ его честному образу дѣйствій и свидѣтельству присоединилось, можетъ быть, еще и вліяніе такихъ людей, какъ докторъ Мойеръ, Жуковский и другіе. Впрочемъ, благопріятный отзывъ о настроеніи и поведеніи сосланнаго могъ быть полученъ еще и съ другой стороны. По многимъ признакамъ можно заключить, что Пушкину не безызвѣстно было о посылкѣ изъ Петербурга особеннаго агента, еще въ началѣ 1826 г., и задолго до вышеприведенной просьбы, съ порученіемъ объѣхать нѣсколько западныхъ губерній для узнанія мѣстныхъ злоупотребленій и при проѣздѣ черезъ Псковъ собрать точныя и положительныя свѣдѣнія о самомъ поэтѣ, что, по связямъ послѣдняго со многими декабристами, было тогда мѣрой, входившей въ общій порядокъ начатаго слѣдствія надъ заговорщиками. Вѣроятно, указанія агента не противорѣчили тому, что говорилъ самъ Пушкинъ о себѣ и, такимъ образомъ, двойное свидѣтельство правительственныхъ лицъ, удовлетворивъ всѣ требованія осторожности, порѣшило участь нашего плѣнника.

Прошеніе Пушкина лежало безъ движенія къ Москвѣ, куда переѣхалъ дворъ, до дня коронаванія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого событія, именно 28-го августа, состоялась резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., барономъ Дибичемъ, такъ: «Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдгегера. Пушкину позволено ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдгегера, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо во мнѣ. Писать о семъ псковскому гражданскому губернатору. 28-е августа». Въ псковскомъ губернскомъ архивѣ и въ бумагахъ Пушкина сохранилось отношеніе генерала Дибича къ начальнику губерніи отъ 31-го августа, № 1432, въ которомъ генераль, повторяя буквально слова резолюціи, прибавляетъ только: «по прибытіи-же въ Москву имѣть (Пушкинъ) явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Император-

¹⁾ Мы нашли подчеркнутыя нами слова такими-же подчеркнутыми и въ бумагѣ, но не знаемъ, кѣмъ сдѣланы были эти отмѣтки.

скаго Величества»¹⁾ Въ томъ же архивѣ существуетъ и отвѣтъ начальнича губерніи барона фонъ-Адеркаса генералу барону Дибичу отъ 4-го сентября 1826 г., № 188, изъ котораго оазывается, что вечеромъ того же 4-го числа, сентября мѣсяца, Пушкинъ уже выѣхалъ изъ Пскова, согласно предписанію. Быстрота исполненія, по истинѣ, изумляющая. Потребовалось только 4 дня на проѣздъ 700 верстъ фельдъегерю изъ Москвы до Пскова по нешоссейной дорогѣ, на посылку оттуда за Пушкинымъ въ Михайловское, на провозъ его въ губернсвій городъ, по скверному проселку, безъ лошадей и, наконецъ, на отправленіе его по назначенію.

Естественно, что актъ помилованія, налетѣвшій на поэта съ такой неожиданностію и быстротою, долженъ былъ поразить ужасомъ и недоумѣніемъ всѣ сердца въ Михайловскомъ и Тригорскомъ, какъ нѣсколько позднѣе поразилъ онъ и родныхъ Александра Сергѣевича, въ Петербургѣ. Всѣмъ имъ показалось, что поэтъ исчезалъ изъ среды живыхъ людей въ то время, когда онъ возвращался въ ихъ среду. Г. Семейскій, въ своихъ разсказахъ о Тригорскомъ (Спб. Вѣдомости 1866 г., № 139—168), приводитъ довольно любопытную черту изъ этого эпизода, характеризующаго эпоху.

Одна изъ нынѣшнихъ обитательницъ Тригорскаго, о которой уже упоминали, разсказывала ему, что 1-го или 2-го сентября (должно быть 3-го сентября), Пушкинъ много и весело гулялъ у нихъ и часу въ 11-мъ вечера отправился домой, въ Михайловское, провожаемый до дороги, по обыкновенію, молодымъ женскимъ поколѣніемъ семьи. На другой день оно было разбужено еще до разсвѣта прибытіемъ въ Тригорское няни Пушкина, Арины Родионовны, съ поразительнымъ извѣстіемъ. Какой-то человекъ, не то солдатъ, не то офицеръ (это былъ посланный Адеркаса), наскочившій въ Михайловское подъ вечеръ, увезъ съ собой Пушкина тотчасъ, какъ онъ явился домой и притомъ такъ заторопилъ его, что Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только

¹⁾ Вотъ копія съ этой бумаги начальнича главнаго штаба: „Секретно. Господну псковскому гражданскому губернатору.

По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему по всеподданнѣйшей просьбѣ, прому покорнѣйше ваше превосходительство, находящемуся во вѣренной вамъ губерніи чиновнику 10-го класса, Александру Пушкину, позволить отправиться сюда при посылаемомъ вмѣстѣ съ симъ нарочнымъ фельдъегеремъ. Г. Пушкинъ можетъ ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, не въ видѣ арестанта, но въ сопровожденія только фельдъегеря; по прибытіи-же въ Москву имѣетъ явиться прямо къ дежурному генералу главнаго штаба Его Императорскаго Величества“.

накинуть на себя пинель и захватить деньги. Посланный ничего не осматривалъ въ деревнѣ, ничего не ворошилъ, нигдѣ не рылся. «По отбѣздѣ его съ барининомъ, говорила няня, я уже сама кой-что уничтожила». — «Что такое?» — «Да вотъ этотъ сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно пахнетъ...»¹⁾ Посланный губернатора Ф. Адерваса привезъ Пушкину слѣдующее письмо:

«Милостивый государь мой, Александръ Сергѣевичъ!

«Сейчасъ получилъ я прямо изъ Москвы съ нарочнымъ фельдъегеремъ высочайшее разрѣшеніе, по всеподданнѣйшему прошенію вашему, съ воего (sic!) копію при семъ прилагаю. Я не отправляю къ вамъ фельдъегеря, который остается здѣсь до прибытія вашего. Прошу васъ поспѣшить пріѣхать сюда и прибыть ко мнѣ.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребыть честь имѣю, м. г. моего, покорнѣйшій слуга Б. Ф. Адеркасъ, 3-го сентября 1826 г. Псковъ».

Въ Псковѣ ожидало еще Пушкина любезнѣйшее письмо отъ барона Дибича, которое не только успокоило его относительно своей участи, но, какъ говорилъ самъ поэтъ, могло бы поселить въ немъ очень высокое мнѣніе о себѣ, если бы онъ былъ самолюбивъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этого письма. Путь до Москвы совершенъ былъ имъ уже сравнительно не съ такою молніеобразною скоростію, съ какою дѣлалъ его фельдъегеръ въ одиночку. Они употребили на него всего 4 дня, и если принять въ соображеніе, что официальный спутникъ поэта уже второй разъ летѣлъ безъ сна нѣсколько ночей по кочкамъ и рытвинамъ, то физическій завалъ людей его рода долженъ показаться дѣйствительно богатырскимъ. Фельдъегеря звали Вальшемъ.

8-го сентября они прибыли въ Москву прямо въ канцелярію дежурнаго генерала, которымъ былъ тогда генераль Потановъ, и послѣдній, оставивъ Пушкина при дежурствѣ, тотчасъ же извѣстилъ о его прибытіи начальника главнаго штаба, барона Дибича. Распоряженіе послѣдняго, сдѣланное на самой запискѣ дежурнаго генерала и показанное Пушкину, гласило слѣдующее:

¹⁾ Что М. И. Семеѣвскій рассказываетъ далѣе о причинахъ этого увоза, будто связаннаго отчасти съ открытіемъ рукописнаго стихотворенія Пушкина „Андрей Шенье“, не имѣетъ основанія, такъ какъ исторія о распространеніи въ рукописяхъ „Андрея Шенье“ до появленія его въ печати и съ прихвачаніями самихъ переписчиковъ началось въ сентябрѣ 1826 г., когда Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. Эта исторія составляетъ совсѣмъ особое дѣло отъ привоза поэта и разыгралась довольно сильно, въ 1828 году, кончившись въ этомъ же году довольно благоприятнымъ образомъ для Пушкина.

«Нужное, 8-го сентября. Высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворець, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни».

Чудовъ или николаевскій дворець занимало тогда августѣйшее семейство и самъ государь императоръ, которому Пушкинъ и былъ тотчасъ же представленъ, въ дорожномъ костюмѣ, какъ былъ, не совсѣмъ обогрѣвшійся, усталый и кажется даже не совсѣмъ здоровый. Можно полагать, что покойный государь читалъ произведенія Пушкина еще будучи великимъ княземъ и находился, какъ вся грамотная тогдашняя Россія, подъ влияніемъ его поэтическаго таланта. По крайней мѣрѣ этой чертой всего легче объясняется родъ ласки и нескрываемой нѣжности, какую онъ всегда выказывалъ по отношенію къ Пушкину, не измѣняя, конечно, своихъ строгихъ требованій порядка и подчиненности для него и часто сдерживая его порывы. Покойному государю угодно было однажды и рассказать нѣкоторыя подробности своего перваго свиданія съ Пушкинымъ, переданныя намъ М. А. Корфомъ, имѣвшимъ счастье ихъ слышать. Государь, между прочимъ, спросилъ Пушкина, гдѣ бы онъ былъ 14-го декабря, если бы находился въ Петербургѣ? Пушкинъ отвѣчалъ, не колеблясь: «въ рядахъ мятежниковъ, государь!» Можетъ быть, эта искренность и простота отвѣта, разоблачавшія прямой характеръ поэта, и были причиной высокой довѣренности къ честному слову Пушкина, какую возымѣлъ государь. Онъ потребовалъ у него взаимъ свободы и забвенія всего прошлаго—только честнаго слова, что сдержитъ обязательства, высказанныя въ подпискѣ. Затѣмъ государь выразилъ намѣреніе занять Пушкина серьезными трудами, достойными его великаго таланта, и объявилъ, что для успѣшнаго продолженія его литературной дѣятельности, обещающей принести славу Россіи, онъ самъ беретъ на себя званіе цензора его произведеній. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ необычайно-милостиваго приѣма и прямо изъ дворца явился, какъ мы слышали, въ домъ изумленнаго своего дяди, Василя Львовича Пушкина. Затѣмъ, онъ перебрался на житье къ другу С. А. Соболевскому, на «Собачью площадку», и все дѣло о внешнемъ его переселеніи въ Москву кончилось извѣщеніемъ псковскаго губернатора (21-го ноября), что «по распоряженію г. начальника главнаго штаба его императорскаго величества вытребованный изъ Пскова чиновникъ 10-го класса, Александръ Пушкинъ, оставленъ въ Москвѣ» ¹⁾.

¹⁾ Прибѣгаемъ снова къ примѣчанію по поводу одной новѣйшей публикаціи, именно сборника «Деятельный Вѣкъ» изд. Бартенева, 1872 г., который со-

Между тѣмъ, вѣсть объ освобожденіи Пушкина и о милостивой аудиенціи, полученной имъ у Государя, быстро разнеслась по Москвѣ и надо прибавить, что въ торжествахъ, сопровождавшихъ день коронованія, она была радостно встрѣчена публикой, особенно литературно образованной.

Остановимся здѣсь и, въ заключеніе, подведемъ итоги всему, что было приобрѣтено и пережито Пушкинымъ въ этотъ совершенно отдѣльный и законченный періодъ его жизни, который мы старались здѣсь представить. При концѣ его Пушкину было уже 27 лѣтъ, и весь пылъ молодости, политическихъ увлеченій, слѣпыхъ пристрастій къ словамъ и представленіямъ извѣстнаго рода,

держитъ въ себѣ, между прочимъ, любопытный документъ—записку Пушкина о народномъ образованіи, представленную императору Николаю Павловичу. Документъ этотъ напечатанъ совершенно согласно съ черновымъ его оригиналомъ, какой находится въ нашихъ рукахъ, но снабженъ примѣчаніемъ П. Вартенева, которое мало способствуетъ къ разъясненію его происхожденія и смысла. Мы не хотѣли говорить объ этой запискѣ Пушкина, потому что разборъ ея переступилъ бы за границы той задачи, которую себѣ положили—представить поэта въ первый, *Александровскій* періодъ его развитія; но такъ какъ она теперь опубликована г. Вартеневымъ, то уже не можемъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. Сообщеніемъ записки Пушкина, почтенный издатель „XIX-го вѣка“ увеличилъ права свои на благодарность нашей публики, которая ему обязана такой любопытной коллекціей матеріаловъ для новѣйшей исторіи Россіи; но примѣчаніе г. П. В. показываетъ еще разъ образецъ извортливаго отношенія къ предмету, о которомъ авторъ не имѣетъ сказать ничего серьезнаго. Кому не придетъ въ голову, что вмѣсто ссылокъ на стихотворенія Пушкина для уясненія записки и *предположеній* о томъ или другомъ образѣ его мыслей, автору примѣчанія слѣдовало бы обратить вниманіе на самое выдавшееся, рельефное мѣсто Пушкинскаго документа, то именно, гдѣ поэтъ призываетъ строжайшую кару правительства на переписчиковъ и распространителей возмутительныхъ рукописей (стр. 213, „XIX-го вѣка“). Въ устахъ человѣка, который самъ былъ еще недавно распространителемъ такихъ „рукописей“ и котораго обвиняли въ томъ же и теперь, рѣчь эта, конечно, заслуживала бы, если не оправдательныхъ словъ отъ биографа, то, по крайней мѣрѣ, такихъ, которыя помогли бы читателю уразумѣть причины и поводы ихъ появленія. А между тѣмъ, г. П. В. оставилъ личность поэта, со всѣми своими намеками на его стихотворенія, совершенно открытой и ничѣмъ не защищенной. Дѣло въ томъ, что упомянутое мѣсто связывается съ биографическимъ фактомъ. Въ сентябрѣ того же 1826 года, открыта была, какъ уже говорили, у одного вандядата харьковскаго университета, г. Леопольдова, и у двухъ офицеровъ гг. Молчанова и Алексѣева, полная рукопись „Андрей Шенье“ безъ цензурныхъ пропусковъ и съ примѣчаніемъ переписчиковъ, что эта пьеса Пушкина написана по поводу 14-го декабря и имѣетъ въ виду извѣстнаго декабриста В. Кюхельбекера. Естественно, что подозрѣніе въ первомъ распространеніи снискало (и совершенно несправедливо) на автора пьесы. Пушкинъ, только-что успѣвшій освободиться отъ ссылки и удаляясь отъ погрома, разсѣивающаго революціонную партію, къ которой стоялъ такъ близко, пришелъ въ ужасъ при мысли попасть снова въ ссылку, и на этотъ разъ уже безъ

остался у него позади. Умственное и нравственное его воспитание еще не кончилось, да оно въ сущности никогда и не кончается для развитыхъ людей, но найдены были основы для мысли, съ которыхъ Пушкинъ уже болѣе не сходилъ. Между бѣдностію его умственного міра въ Петербургскій періодъ существованія и тѣмъ нравственнымъ содержаніемъ, которымъ онъ владѣлъ при появленіи въ Москвѣ, въ 1826 г. лежала цѣлая пропасть. Въ короткій промежутокъ 5—6 лѣтъ, развиваясь необычайно быстро, онъ переходилъ постепенно отъ бессознательной роли великосвѣтскаго радивала, которую игралъ въ Петербургѣ, къ отчаянному протесту личности, ничего не признающей, кромѣ самой себя, къ неистовому байронизму, которымъ зараженъ былъ

всякаго блеска, какъ простой нарушитель цензурныхъ и полицейскихъ правилъ. Отсюда, для отвода всякихъ подозрѣній отъ себя, и требованія „Записки“ относительно строгихъ мѣръ противъ пронагадистовъ неблаговидныхъ сочиненій; но уловка все-таки не удалась, потому что Пушкинъ принужденъ былъ въспослѣдствіи прямо отвѣчать на запросы гражданскаго суда, которому передано было дѣло, — какъ настоящій подсудимый. Къ сожалѣнію, мы еще не можемъ кончить на этомъ съ любопытнымъ примѣчаніемъ г. П. Бартенева. Онъ находитъ далѣе, что отвѣтъ гр. Бенкендорфа на записку Пушкина, приведенный нами вѣрнѣе въ „Матеріалахъ для біографіи А. С. Пушкина“ 1855—мало отвѣчаетъ сущности Пушкинскаго трактата, — и полагаетъ, что им перепутали дѣло въ „Матеріалахъ“ и отнесли ошибочно замѣчаніе шефа жандармовъ къ тому трактату о воспитаніи, о которомъ вѣорится здѣсь. Приводимъ фактическія доказательства вѣрности нашего указанія, для разубѣжденія почтеннаго критика, хотя и безъ нихъ небольшое критическое соображеніе могло бы ему показать, что на предложеніе Пушкина искать въ полномъ, свободномъ и откровенномъ преподаваніи исторіи и нравственныхъ наукъ панацею противъ политическихъ увлеченій и заблужденій молодежи, гр. Бенкендорфъ и не могъ отвѣчать, по времени, иначе, какъ отвѣчалъ.

Въ бумагахъ Пушкина сохранилось слѣдующее сообщеніе гр. Бенкендорфа, важное по свѣту, который оно бросаетъ на величественный характеръ покойнаго государя и на предметъ, особенно занимающій насъ теперь: „М. Г. А. С. Я ожидалъ прихода вашего, чтобы объявить высочайшую волю, по просьбѣ вашей, но отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вашего въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испривавали разрѣшенія чрезъ письмо.

„Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на передачіе потомству славы нашего отечества, передавъ вѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, Его Им. Ве-ву благоугодно, чтобы вы занимались предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія — и представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на оныя видѣны совершенно всѣ нагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

„Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ.

въ Клипшиновѣ и отъ него, черезъ умѣряющее дѣйствіе романтизма и черезъ изученіе Шекспира, въ объективности, историческому и критическому созерцанію, а, наконецъ, и къ задачамъ, которыя представляютъ для творчества и для анализирующей мысли русской старый и новый бытъ. Когда Пушкинъ очутился снова въ столичномъ нашемъ обществѣ, онъ принесъ съ собою только зачатки послѣдняго изъ этихъ направленій, но потребовалось еще четыре безповойныхъ года (съ 1826 по 1830) для того, чтобы превратить эти зачатки въ обдуманную теорію, которая открыла

„Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете, для представленія Его Величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите и проч.

№ 205.

30-го сентября 1826.

Москва.

Его благородію А. С.

Пушкину.”

Получивъ, такимъ образомъ, дозволеніе на прѣздъ въ Петербургъ, Пушкинъ прежде всего посвятилъ себя на составленіе порученнаго ему трактата и уже черезъ два мѣсяца представилъ его по начальству, на что и получалъ слѣдующее второе сообщеніе отъ гр. Бенкендорфа:

„М. Г. А. С.

„Государь Императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи—и поручилъ мнѣ изъявить вамъ Высочайшую свою признательность.

„Его Величество при семъ замѣтилъ изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и гений служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекши васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толкое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе, предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ.

„Съ отличными уваженіемъ, честь имѣю и проч.

№ 163.

23-го декабря 1826.

Его благородію А. С.

Пушкину“.

Послѣ этихъ фактовъ, сомнѣнія и колебанія г. Бартечева, вѣроятно, будутъ усюкоены и мы можемъ уже оставить въ сторонѣ, безъ отвѣта, и приговоръ его нашему труду, выраженный имъ въ слѣдующихъ словахъ: „Итакъ, надобно заключить, что записка (Пушкина) была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана, но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что-либо другое. *Бу-маги Пушкина требуютъ точнѣшаго разсмотрѣнія*“ (XIX Вѣкъ, стр. 218).

бы разумъ и цѣли современнаго русскаго существованія. Пѣ-
лыхъ четыре года тревожной, непосѣдной, скажемъ просто—ко-
чующей жизни, употребилъ Пушкинъ на то, чтобъ приглядѣться
и приладиться къ новымъ порядкамъ и условіямъ времени, ко-
торые такъ мало были похожи на времена его молодости. Ра-
бота эта доставалась ему не даромъ: гнетущая тоска и скука,
постоянно отравлявшія существованіе поэта въ это время, свидѣ-
тельствуютъ о томъ достаточно. Они-то гнали его съ мѣста на
мѣсто по Имперіи, сбѣлали изъ него азартнаго игрока, подсказали
ему мысль просить о причисленіи его къ китайской миссіи
и отразились въ уничтоженной главѣ любимой его поэмы, въ
«Путешествіи Онѣгина». Съ обрѣтеніемъ упороченнаго положенія
въ свѣтѣ (въ 1830 — 31 г.) весь тяжелый искусъ этотъ, каза-
лось, долженъ былъ кончиться и уступить мѣсто мирному труду,
ровной дѣятельности и свѣтлой жизни. Въ головѣ его дѣйстви-
тельно и стали навопляться всѣ тѣ замыслы по истинѣ громад-
ныхъ созданій, о которыхъ мы можемъ судить теперь только по
отрывкамъ, сравнительно бѣднымъ, оставшимся въ бумагахъ, послѣ
его смерти (Мѣдный Всадникъ, Русалка, Средневѣковая драма,
много не написанныхъ драмъ и поэмъ, намекающихъ на свое
содержаніе одними программами или первоначальными строфами).
Но въ душѣ Пушкина жила потребность, мѣшавшая ему за-
мкнуться исключительно въ кругъ своихъ художественскихъ идей.
Онъ сгоралъ жаждой многосторонней общественной жизни, ко-
торая гнала его въ большой свѣтъ, гдѣ онъ думалъ найти ее,
но еще сильнѣе томился онъ мучительною страстію осмыслить
современный ему бытъ, открыть законныя причины его явленій,
увѣровать въ его необходимость и разумность, и, наконецъ, уга-
дать смыслъ самой русской исторіи, какъ лучшаго оправданія
народа и страны. Только этой цѣной покупались для него и
спокойствіе духа, и счастье чувствовать себя членомъ дѣльнаго
и достойнаго общества, безъ чего почти и немислима возможность
какой-либо широкой, творческой дѣятельности. Съ обычной своей
энергіей онъ бросился на розыски и опредѣленія по вопросамъ
и задачамъ, поставленнымъ имъ для себя и, разумѣется, встрѣ-
тился съ возраженіями и противорѣчіями жизни, которая поми-
нутно разбивала его работу. По странной участи, ни одна изъ
партій, господствовавшихъ у насъ надъ общественнымъ мнѣніемъ,
не признавала Пушкина, также точно въ пору его молодости,
какъ и теперь, вполнѣ своимъ человекомъ; напротивъ, каждая
изъ нихъ скрывала отъ него болшую часть своихъ настоящихъ
мыслей и требованій, вѣроятно, не надѣясь на безусловное его

повиновеніе, хотя каждая изъ нихъ, безъ исключенія, обращалась съ нимъ очень осторожно, словно опасаясь его обличеній. Да и было чего опасаться: независимый голосъ изъ собственного лагеря глубже потрясаетъ, чѣмъ крики, укоры и нападки непріятеля. Въ послѣднее время Пушкинъ поминутно расходился съ тѣмъ обществомъ, которому хотѣлъ сослужить свою великую службу. Чѣмъ болѣе силился онъ найти ему историческое философское оправданіе, чѣмъ усерднѣе воздвигалъ ему фундаментъ и основанія, которыхъ не стыдно было бы показать всему свѣту, тѣмъ чувствительнѣе становились для поэта всѣ безчисленныя опроверженія и посмѣянія, какія наносимы были каждодневно его идеализирующимъ теоріямъ на практикѣ и притомъ весьма развитыми и вліятельными людьми эпохи. Пушкинъ переходилъ поминутно отъ вѣрованій и надеждъ къ скептицизму и отчаянію. Безпрестанно падая и возставая, онъ упорствовалъ держаться противъ обличеній жизни, хотя и безъ особенныхъ надеждъ въ душѣ, но съ горделивымъ и quasi-независимымъ видомъ. Одинъ неожиданный ударъ повалилъ его на землю. Горькая обида, высланная той же средой, объ оправданіи и интересахъ которой такъ много хлопоталъ, мгновенно подняла его африканскую кровь и обнаружила опять коренныя, родовыя черты его природы, нисколько не сглаженныя временемъ и выступившія съ необычайной силой, какъ-бы послѣ долгаго отдыха. Онъ ринулся на призрачнаго врага своего, подосланнаго обществомъ и заслонявшаго его собой—и былъ вынесенъ за-мертво съ арены свѣта, которой такъ дорожилъ. Полная исторія развитія Пушкина есть также и психическая исторія общества, гдѣ личности поэта пришлось, по собственному его слову—жить, мыслить и страдать.

П. АННЕНКОВЪ.

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО

I

ДУХЪ МАТЕРИ.

Народная легенда.

Томъ Дейринъ изъ странствій вернулся домой
Съ красавицей чудной, женой молодой;

Семь лѣтъ безмятежно блаженствовалъ съ ней
И шестеро прижито было дѣтей.

Но Смерть на добычу въ ихъ землю пришла
И съ корнемъ чудесную розу сожгла.

Томъ Дейринъ поѣхалъ — и снова домой
Изъ странствій вернулся съ другою женой.

Съ другою женою, — но эта жена
Надменности грубой и злости полна.

Вѣзжаетъ во дворъ — и стоять передъ ней
Шесть плачущихъ горько сиротъ-дѣтей.

Что дѣтскія слезы для мачихи злой?
Она оттолкнула малютокъ ногой.

Ни хлѣба, ни пива не стала давать, —
Сказала: «Заставлю я васъ голодать».

Взяла одѣяльца, взяла тюфячки:
«Довольно съ васъ будетъ и голой доски».

Свѣча восковая у нихъ отнята:
«Пусть будетъ у васъ по ночамъ темнота».

Отъ холода стали малютеи кричать;
Тѣ крики въ могилѣ услышала мать;

Услышала дѣтскія слѣзы она:
«Къ несчастнымъ сироткамъ пойти я должна».

И къ Богу явилась, и стала просить:
«Позволь мнѣ малютокъ моихъ навѣстить»!

Просила такъ долго, такъ нѣжно, что Богъ
На просьбу отказомъ отвѣтить не могъ:

«Чуть крикнетъ пѣтухъ съ наступленьемъ зари, —
Въ могилу свою возвращайся, смотри».

Вотъ кости въ порядокъ она привела,
Сквозь твердыя стѣны гробницы прошла,

Летить, не бѣжать по деревнѣ родной...
Собаки проснулись и подняли вой.

У стараго дома, у самыхъ воротъ,
Чего-то печально дочь старшая ждетъ.

«О чемъ ты горюешь? Скажи, не тай,
Дитя дорогое? что дѣти мои?»

— «Ты матушка наша? О нѣтъ, никогда!
Родная была хороша, молода,

Съ румянымъ, и бѣлымъ, и свѣжимъ лицомъ, —
А ты измозженнымъ глядишь мертвецомъ».

— «Какъ быть мнѣ красивой? какъ быть молодой?
Давно ужъ лежу я въ могилѣ сырой!

Какъ быть мнѣ съ румянымъ и свѣжимъ лицомъ?
Въ землѣ такъ давно я лежу мертвецомъ!»

Мать въ дѣтскую комнату входитъ и въ ней
Встрѣчаетъ рыдающихъ горько дѣтей.

Она приласкала, утѣшила ихъ,
Умыла, пригладила всѣхъ пятерыхъ,

И дочери старшей сказала: «Поди,
И Дейрина Тома сюда приведи».

Томъ Дейринъ приходитъ — и, гнѣва полна,
Стыдить, упрекаетъ супруга она:

«Я сдѣлала хлѣба и пива запасъ,
А дѣти мои голодаютъ у васъ;

Я всѣмъ тюфячковь, одѣяльцевъ дала,
А голыя доски сегодня нашла;

Оставила много свѣчей восковыхъ, —
Темно по ночамъ у малютокъ моихъ.

Пусть разъ хоть еще появлюсь я сюда —
Большая надъ вами страдется бѣда!..

Но красный гнѣтухъ прокричалъ... Мертвецамъ
Съ земли расходиться пора по домамъ.

Вотъ слышу я, крикнулъ и черный... Теперь
Раскрыта ужъ настезь небесная дверь.

Чу! крикнулъ и бѣлый... Бѣгу я сейчасъ;
Мнѣ больше нельзя оставаться у васъ».

Съ тѣхъ поръ, заворчатъ лишь собаки, — скорѣй
И хлѣба, и пива несутъ для дѣтей.

Завоютъ собаки, — Томъ Дейринъ съ женой
Боятся: «Не смерть ли приходитъ за мной»?

Залаютъ собаки, — ужъ мнится четѣ,
Что смерть передъ ними стоитъ въ темнотѣ.

II

ПРОКЛЯТІЕ.

Смутно я припоминаю
Поэтическій разсказъ;
Въ старой хроникѣ испанской
Я читалъ его не разъ:

Храбрый Санхеъ предъ Заморой
Палъ, — и армія его
Мрачно въ лагерѣ стояла
Безъ владыки своего.

Донъ Діего ди-Ордóнъецъ
Грозно выступилъ впередъ
И послалъ слова проклятья
Въ осаждаемый народъ.

Всѣхъ въ Заморѣ. — настоящихъ,
Прошлыхъ, будущихъ людей,
Какъ злодѣевъ, проблялъ рыцарь
Въ дикой горести своей.

Проклялъ тѣхъ, кто были живы,
Проклялъ мертвыхъ въ ихъ гробахъ,
Проклялъ хлѣбъ, вино съ елеемъ,
Воду чистую въ рѣкахъ...

Есть другое войско: больше
И грознѣй; у всѣхъ воротъ
Нашей жизни собираясь,
Все ростеть оно, ростеть...

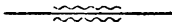
Въ вѣчной битвѣ съ ницетою
Проклинаеть насъ оно,
Какъ злодѣевъ, — проклинаеть
Наши хлѣбы и вино.

И севозъ шумъ пировъ, севозъ волны
Ароматовъ и огня,
Эти стоны, эти вопли
Долетаютъ до меня.

Вижу — въ окна смотреть лица
Жѣлты, злы, измозжены,
И въ крохѣмъ, летящимъ на полъ,
Сотни рукъ устремлены.

Здѣсь, внутри — все блескъ и пышность,
Наслажденій полнота;
Тамъ — рыданья и проклятья,
Стужа, голодъ, темнота.

И въ степи, гдѣ это войско
Вѣчнымъ лагеремъ стойтъ, —
Вожь божественный страдальцевъ,
Смертью скованный, лежитъ...

III

КЛЮЧЬ И ВОЛНА.

Изъ родного утеса источникъ
Выбивается, тихо журча,
И бѣгутъ по песку золотому
Серебристыя ножки ключа.

Далеко отъ него, въ океанѣ,
На просторѣ несется волна, —
То вздымается съ воемъ сердитымъ,
То печально ложится она.

Но, впередъ и впередъ подвигаясь,
Ключь сошелся съ волною, и въ ней
Успокоилъ мятежное сердце
Безмятежной прохладой своей!..

ПЕТРЪ ВЕЙНБЕРГЪ.

ХАРЬКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

■

Д. И. КАЧЕНОВСКІЙ

Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.

II *).

На впечатлительнаго юношу (Каченовскому было всего 15½ лѣтъ) всѣ университетскія вліянія подѣйствовали самымъ рѣшительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что и по тогдашней близости факультетовъ словеснаго и юридическаго, и по своей подготовкѣ, Каченовскій, можно сказать, принадлежалъ имъ обоимъ, особенно на первыхъ двухъ курсахъ. Подготовленъ онъ былъ къ слушанію университетскихъ лекцій по этимъ двумъ факультетамъ превосходно, какъ немногіе: онъ въ совершенствѣ зналъ древніе языки, говорилъ по-французски и по-нѣмцеи, серьезно учился классической музыкѣ и лучше многихъ студентовъ зналъ предметы общаго образованія. Словомъ, Каченовскій былъ, по общему мнѣнію, феноменомъ¹⁾. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что молодой человѣкъ былъ бѣднякъ, сирота безъ отца и что началь-

*) См. выше: янв. 75 стр.

¹⁾ Д. И. Каченовскій былъ въ дальнемъ родствѣ съ известнымъ московскимъ профессоромъ М. Т. Каченовскимъ, уроженцемъ гор. Харькова, и приходился этому послѣдъ нему внукомъ; но ни отецъ, ни родной дѣдъ Дмитрія Ивановича не находились ни въ какихъ отношеніяхъ съ московскимъ профессоромъ.

ное его образованіе было не въ какомъ-нибудь блестящемъ пансіонѣ, а въ приходскомъ училищѣ родного его города Карачева (Орловской губ.), а потомъ въ Орлѣ, въ одномъ изъ несуществующихъ теперь училищъ, нѣкогда специально подготовлявшихъ канцелярскихъ служителей. Предназначенный съ дѣтства, вслѣдствіе горькой необходимости, въ канцелярскіе чиновники, Каченовскій солидностью своего общаго образованія обязанъ единственной тогда, а теперь 1-й харьковской гимназіи. Въ гимназій языки и политическія науки (исторія и географія) были любимыми предметами его занятій. Изъ гимназическихъ наставниковъ онъ всегда съ особенною любовью вспоминалъ своего учителя исторіи Н. С. Рындовскаго. По поводу отъѣзда послѣдняго въ Западную Сибирь, на должность главнаго начальника тамошнихъ училищъ, совпавшаго съ моимъ переѣздомъ изъ Воронежа въ Вильну, котораго не одобрялъ Каченовскій, вотъ что онъ мнѣ писалъ: «Когда я узналъ, что Н. С. Рындовскій ¹⁾ ѣдетъ въ Сибирь инспекторомъ училищъ, я ему вслѣдъ порадовался. Это дѣло благородное. Когда же вы мнѣ написали о своемъ рѣшеніи, я заскучалъ». Корженевскій, Тихоновичъ, какъ ученый латинистъ, и свящ. Лебедевъ, какъ свѣтлая и многосторонне образованная личность, имѣли на него также доброе вліяніе. Кромѣ курсовыхъ факультетскихъ лекцій онъ посѣщалъ лучшихъ профессоровъ словеснаго факультета, которые сдѣлались ему столь же близкими, какъ любимые имъ профессора тѣхъ предметовъ своего факультета, которыми онъ началъ съ особенною любовью заниматься,—т.-е. Гордѣнко, Мицкевичъ и Степановъ. Вотъ почему для студентовъ-словесниковъ Каченовскій былъ своимъ человѣкомъ: его всѣ знали. Ко временамъ же студенчества относится и мое съ нимъ знакомство, но не сближеніе: его не было, кажется, по причинѣ разности въ лѣтахъ (я былъ 5-ю годами его старше), или по другимъ, не помню какимъ, но несомнѣнно случайнымъ причинамъ. Мы сблизились съ Каченов-

1) Объ этомъ лицѣ, къ сожалѣнію, сошедшемъ съ педагогическаго поприща еще въ 1867 г., недавно напечатанъ неодобрительный отзывъ покойнаго А. Н. Аванасьева, въ его посмертныхъ „Воспоминаніяхъ“ („Рус. Архивъ“ 1872 г. №№ 3 и 4-й, стр. 823). Но Аванасьевъ учился у Рындовскаго всего одинъ годъ, въ 3-мъ классѣ, между тѣмъ, какъ мы съ Каченовскимъ были вполне его учениками и знали потому его, какъ человѣка и какъ замѣчательнѣйшаго изъ русскихъ педагоговъ. Товарищъ мой по воронежской гимназій, но воспитанникъ московскаго университета, покойный А. Н. Аванасьевъ въ указанной статьѣ не вѣрно судитъ и о другихъ лицахъ и, между прочимъ, о самомъ харьковскомъ университетѣ. Настоящая статья, надѣемся, если не опровергаетъ, то объясняетъ и значительно дополняетъ односторонность и непопугу такихъ взглядовъ.

скимъ позже, видѣлись рѣдко, но вели постоянную переписку двѣнадцать лѣтъ. Вотъ потому я и ограничусь теперь изображеніемъ Каченовскаго такимъ, какимъ онъ высказывается въ перепискѣ, какъ я его всегда понималъ и какимъ я узналъ его во время нашихъ, хотя кратковременныхъ, но самыхъ искреннихъ и дружескихъ встрѣчъ. О его профессорской дѣятельности, о вліяніи на студентовъ и вообще о жизни въ Харьковѣ, какъ о предметахъ мнѣ лично незнакомыхъ, — пусть скажутъ другіе.

Начало ученой дѣятельности Каченовскаго относится къ невеселой порѣ, къ самому концу 40-хъ годовъ, къ попечительству въ Харьковѣ Ковошкина. Бывшій долгое время оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ, генераль-губернаторъ Ковошкинъ водворилъ въ своей резиденціи, Харьковѣ, внѣшнее благоустройство и чистоту, способствовалъ къ поднятію изъ деревни на степень города лѣтней своей резиденціи, Полтавы, и, вѣроятно, еще чѣмъ-нибудь былъ полезенъ краю; но въ исторіи университета было иначе, хотя полной отвѣтственности за то онъ, конечно, нести не можетъ. Сначала онъ всѣхъ занималъ своею неутомимою дѣятельностію, доставившею ему нѣкоторую популярность: его, бывало, встрѣтишь всюду, въ самыхъ глухихъ улицахъ, пѣшкомъ и съ тростью въ рукѣ; всѣ были на сторбѣ, провинціальное неращество подбиралось и охорашивалось, полиція не дремала. Довольный результатами водворяемаго имъ благочинія и чистоты въ городѣ, новый попечитель не выносилъ и поэтическихъ вольностей въ студентскомъ востюмѣ. Онъ началъ оставивать студентовъ, застегнутыхъ не на всѣ крючки и пуговицы, критиковать подробности ихъ востюма, требовать соблюденія формы, о чемъ при Головкинѣ и Долгорукомъ никто и не думалъ, требовать строгаго отчета, — почему они все «шатаются» по городу, а не сидятъ дома и «не учатъ уроковъ». Началось дѣло выговорами и замѣчаніями, а потомъ пошли аресты и исключенія. Передаемъ нѣкоторыя подробности изъ этой эпохи по личнымъ наблюденіямъ, въ 1847 и въ началѣ 1848 года. Мы не были свидѣтелями дальнѣйшаго, да и самый Харьковъ съ того времени болѣе 20 лѣтъ не посѣщали; но что было въ Харьковѣ, — то же было тогда вездѣ: въ Москвѣ, Казани, Киевѣ — было паденіе факультетовъ словеснаго и юридическаго, пониженіе до minimum'a уровня общаго образованія и деморализація не только университетской коллегіи, но и всего педагогическаго сословія. Тогдашній мой харьковскій корреспондентъ, А. Л. Метлинскій, извѣщавшій меня, что улицы мирнаго Харькова, гдѣ, несмотря на присутствіе генераль-губернатора, почти не было военныхъ,

огласились 101 пушечнымъ выстрѣломъ по случаю побѣды надъ венграми,—былъ очень скупъ на подробности, отдѣлывался намеками и преподавалъ мнѣ правила мудрой осторожности въ перепискѣ. Но толкуя со мной о тогдашнихъ литературныхъ и ученыхъ новостяхъ (весьма бѣдныхъ), о журналистикѣ, о моихъ занятіяхъ, благодушный профессоръ не скупился на извѣстія о томъ, что случилось съ людьми, много общавшимися на университетской скамейкѣ, за которыми онъ слѣдилъ съ любовью,—съ Тюринимъ, Запарой, Каченовскимъ, Сухомлиновымъ, Петровымъ и др. Оказывалось, что одинъ, какъ Тюринъ, уже приобретаетъ извѣстность: «Тюринъ началъ подписываться, писалъ Амвросій Луевъ-новичъ въ самомъ началѣ 1850 г., я на него много надѣюсь; у него много жизни, чувства, естественности. Онъ собралъ до 200 малороссійскихъ голосовъ и собирается издать ихъ». Другой (Запара) разработываетъ мѣстный (Изюмскій) архивъ,—и бывшій профессоръ, заподозрѣнный въ бездарности и «литературничаньи», одному, пріѣзжавшему на лѣто изъ Петербурга, помогаетъ въ собираніи пѣсенъ и мелодій, другого надѣляетъ столбцами и рукописями, третьяго—ободряетъ, шевелить и возбуждаетъ къ работѣ. Оказывалось, что прочіе (Каченовскій, Петровъ, Сухомлиновъ) писали магистерскія диссертация, получали степени и вступали на кафедръ. Между тѣмъ духъ времени дѣлалъ свое дѣло: аудиторія университетская опустѣла; голоса или смолкли, или замерли навѣки; умственная «тишь и гладь», т.-е. посредственность и духовная нищета, стали считаться идеаломъ, «божьей благодатью»; харьковскіе натуралисты постѣпили именемъ Ковошкина назвать какое-то растеніе—«Ковошкинія мятельчатая».

Каченовскій выдержалъ экзаменъ на магистра и вступилъ на кафедру въ 1849 г., имѣя всего 22 года отъ роду,—пору, въ которую почти всѣ студенты еще сидятъ на университетскихъ скамейкахъ. Ретивый юноша, превосходно образованный и отлично подготовленный къ своей дѣятельности, Каченовскій съ самаго вступленія своего на университетскую кафедру сталъ звѣздою первой величины. Онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ лучшихъ предшественниковъ все, что они могли дать ему,—глубину знанія, идеализмъ, честность и непреклонность убѣжденій и высоту помысловъ; но онъ рѣшился пойти дальше ихъ—и пошелъ! Не безъ задней мысли, но не изъ какихъ-либо матеріальныхъ расчетовъ и соображеній, онъ рѣшился въ 1855 году ѣхать въ московскій университетъ за полученіемъ степени доктора, которую онъ приобрѣлъ бы въ Харьковѣ безъ особенныхъ усилій: онъ, провинціалъ, харьковскій ученый, т.-е. одинъ изъ заподозрѣнныхъ въ

недоучености, въ «литературничаньи», явился на состязаніе въ центр тогдашней русской учености. Это состязаніе окончилось для него блистательнымъ триумфомъ и тотчасъ же поставило имя его въ ряду извѣстнѣйшихъ представителей русской науки; докторская диссертация его «О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ» приобрѣла большую, даже европейскую извѣстность. Не забудемъ, что Каченовскій явился въ Москву еще въ блестящую пору тамошняго университета: кружокъ Грановскаго еще не распался, напротивъ — лучшіе представители его, всѣ свѣжія наличныя литературныя и научныя силы собрались тогда вокругъ редакціи «Русскаго Вѣстника», открывшагося въ 1856 г. Каченовскій познакомился съ кружкомъ Грановскаго и Кудрявцева, сошелся съ редакціей «Русскаго Вѣстника» и особенно сблизился съ г. Капустинимъ, профессоромъ международного права въ московскомъ университетѣ. Въ первые годы существованія «Русскаго Вѣстника» всѣ труды Каченовскаго помѣщались въ этомъ журналѣ, который передавалъ подробности о его заграничномъ путешествіи, объ уваженіи и сочувствіи, которыя встрѣчалъ онъ во Франціи и Англіи, въ ученыхъ собраніяхъ и митингахъ, гдѣ, благодаря своему знанію этихъ языковъ, на которыхъ онъ не только свободно говорилъ, но и писалъ, рѣчи его возбуждали неподдѣльный восторгъ. Словомъ, «Русскій Вѣстникъ», насколько могъ, способствовалъ къ распространенію популярности Каченовскаго. Имя Каченовскаго также слилось съ именемъ харьковскаго университета, въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, какъ въ 40-хъ было имя Лунина, въ 30-хъ — имя Кронеберга: это изъ образованныхъ людей въ Россіи не зналъ его! Въ послѣднія 10 лѣтъ передъ смертію Каченовскій сталъ рѣже являться въ печати. Распаденіе основной редакціи «Русскаго Вѣстника» и выдѣленіе изъ нея новыхъ періодическихъ органовъ имѣло нѣкоторое, хотя болѣе вѣдшее вліяніе на литературную производительность Каченовскаго. Изъ «Русскаго Вѣстника» онъ перешелъ въ новыя изданія, — «Атенея», «Русскую Рѣчь», «Русское Слово», прежней редакціи; затѣмъ, въ самое послѣднее время единственнымъ близкими изданіями оставались для него только газета «С.-Петербургскія Вѣдомости» и журналъ «Вѣстникъ Европы».

Лицъ, интересовавшихся Каченовскимъ, но не знавшихъ его лично, тѣмъ болѣе отдаленныхъ отъ Харькова, конечно могъ интересовать вопросъ: отчего этотъ ученый, столь плодотворный вначалѣ, сталъ рѣже являться въ печати? Лица, ближе живущія къ Харькову, по слухамъ знали больше: они знали, что профессоръ, при слабомъ здоровьѣ, очень много трудится, занимаетъ двѣ ка-

оedры (международнаго и государственнаго права) и каждый год по нѣсколькx мѣсяцевъ путешествуетъ по Европѣ; стало быть, литературой заниматься некогда, тѣмъ болѣе, что онъ издаетъ курсы и что-то такое пишетъ въ англійскихъ и французскихъ журналахъ. На подобныхъ слухахъ наша любознательность всегда успокоивается: Каченовскій не облѣнился (она думаетъ),—ну, и довольно! Къ имени извѣстнаго ученаго онъ присоединилъ имя извѣстнаго русскаго туриста, котораго знаютъ въ Европѣ,—чего же больше! Такое добродушіе способно простить многое и, вѣроятно, простило Каченовскому даже извѣтъ въ крайнемъ, и не безъ коварства, западничествѣ, взведенный на него однимъ изъ мѣстныхъ корреспондентовъ «Москвы», по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ о славянскомъ съѣздѣ въ 1867 г., которому онъ не придавалъ никакого особеннаго значенія. Но кто зналъ ближе Каченовскаго, кто понималъ, что это былъ живой, а не кабинетный только человекъ, что профессорской аудиторіи ему было мало, что литературная дѣятельность была ему болѣе по-душѣ,—тому извѣстны были и причины, приостановившія эту дѣятельность въ ея ходѣ. Какъ живой человекъ, Каченовскій вполне и беззавѣтно жилъ общественною жизнію,—радовался ея радостями, болѣлъ отъ ея немощей, въ букввальномъ смыслѣ этихъ словъ. Общія и мѣстные, харьковскіе, недуги его сокрушали его всегда слабая организація, которую не могли укрѣпить рання, усиленные занятія, его впечатлительность, мягкость его натурн, не выдержали борьбы, которую онъ не могъ не вести, такъ какъ не могъ не противодѣйствовать тѣмъ моральнымъ натискамъ, которые со всѣхъ сторонъ его обступали. Онъ боролся дѣломъ или словомъ, или, при невозможности такой борьбы, осуждалъ себя на молчаніе; но молчаніе самого его ломало и надрывало его силы. Эта внутренняя и внѣшняя, не всѣмъ извѣстная, борьба все объясняетъ въ жизни Каченовскаго за послѣдніа 10 лѣтъ: и уменьшеніе его популярности, и толки о его раздражительности и неуживчивости, и то, почему онъ мало пишетъ. Умалчивать теперь о подробностяхъ этой борьбы, не называть вещей настоящими ихъ именемъ,—значить, по нашему мнѣнію, не уважать истины, которая раньше или позже всплыветъ наружу и можетъ насъ же самихъ обличить въ умолчаніи. Вотъ почему мы рѣшаемся, насколько возможно объективно, коснуться этихъ подробностей, во всякомъ случаѣ характеризующихъ близкую намъ эпоху, нисколько не задаваясь мыслію—во что бы то ни стало, оправдать Каченовскаго. Мы заставимъ говорить его самого, не скрывая отъ читателей ни нашей близости, ни нашей къ нему симпатіи.

По условіямъ нашего развитія, нашей жизни и ея отправленій, наша мысль, при своемъ движеніи и возбужденіи, обыкновенно начинаеть или болѣть и чахнуть, или же принимать уродливыя формы, — такъ, по крайней мѣрѣ, часто бывало до сихъ поръ. Славянофильство и украинофильство, идеализмъ и реализмъ, позитивизмъ и отрицаніе, — вотъ съ чѣмъ пришлось вѣдаться покойному Каченовскому. Будь иными условія нашего быта, имѣй полный просторъ всѣ эти фракціи общественной мысли, такому человеку, по натурѣ въ высшей степени мягкому и гуманному, такому писателю и ученому, какъ Каченовскій, съ свѣдѣніями разнообразными и многосторонними, ничего не могло быть пріятнѣе и оживленнѣе, какъ вѣдаться съ ними, какъ отстаивать и защищать то, что онъ считаетъ истиной, добромъ и благомъ; но когда отпрыски мысли отламываются или загоняются въ стволъ, когда побѣгъ, выбѣжавшій изъ него далеко впередъ, громко кричить спрятавшимся: *vae victis!* — тогда невозможна борьба, тогда и хладнокровіе остается удѣломъ только немногихъ счастливицевъ. Смысла можно сказать, что нашей общественной мысли въ послѣдній періодъ ея развитія ничто не надѣлало столько зла, какъ польское возстаніе, породившее всякаго рода подозрѣнія и страхи, для свободнаго мышленія не менѣе, если не болѣе тяжелыя всякихъ цензурныхъ препятствій. Уроженецъ великорусской губерніи, но прожившій почти всю жизнь въ Харьковѣ, и оттого ставшій по натурѣ и привычкамъ больше малороссомъ, Каченовскій, напр., не могъ сочувствовать ни украинофильству, ни славянофильству, не могъ, и по самому складу своего образованія, какъ не могли имъ сочувствовать и ихъ понимать прежніе харьковскіе ученые, напр., Метлинскій, прежняго закала харьковцы; — а между тѣмъ, оба направленія его задѣвали, и славянофильское, принявшее въ «Москвѣ» и «Москвичѣ» неблаговидный характеръ, взвело на него такіа обвиненія, въ которыхъ самая возможность оправданія его глубоко возмущала. Ученикъ старыхъ харьковскихъ идеалстовъ, блистательно опровергнувшій строгую критику академика Срезневскаго своимъ докторскимъ диспутомъ въ Москвѣ, Каченовскій, тѣмъ не менѣе, отъ этого торжества и своихъ ученыхъ успѣховъ, не сдѣлался москвичемъ, не сдѣлался петербуржцемъ, не сталъ отвлеченнымъ европейцемъ, а былъ и оставался до конца (какъ ни странно это покажется) глубочайшимъ провинціаломъ, простодушнѣйшимъ украинцемъ, какихъ, кажется, теперь не найдешь; подъ этимъ именемъ, или типомъ, мы разумѣемъ мягкое, женственное (если позволено будетъ такъ выразиться) начало русскаго духа, которое, конечно, возможно вездѣ,

но въ старое время встрѣчалось преимущественно только въ Малороссіи. Но, какъ человѣкъ, живущій одною жизнію съ своимъ вѣкомъ, Каченовскій, при всей своей мягкости, не могъ оставаться сповойнымъ, не могъ быть вторымъ Лунинымъ, погруженнымъ въ интересы только отвлеченнаго мышленія. Онъ бросился въ борьбу и въ ней, конечно, могъ быть рѣзокъ, раздражитель, желченъ; но все это, если и было, вытекало не изъ основъ его деликатной и необыкновенно мягкой природы, а являлось въ немъ какъ слѣдствіе борьбы,—боролся же онъ не съ упорствомъ малоросса (чѣмъ не былъ), но съ упорствомъ идеалиста, какимъ остался до конца. Чистокровный идеалистъ, страстно любившій родной университетъ, полный его преданіями, ревновавшій къ его доброму имени, Каченовскій, при всей высотѣ своего образованія, могъ, полагаемъ (для избѣжанія упрека въ пристрастія), неправильно отнестись къ нѣкоторымъ лицамъ и явленіямъ, могъ быть чрезмеръ требовательнымъ въ учащейся молодежи, могъ расколоться съ нею, съ людьми, близко къ нему стоявшими; но всѣ его требованія и неизбѣжныя ошибки и недостатки вытекали изъ чистаго, благороднаго источника. Правда, честь, совѣсть, знаніе, образованіе, въ его устахъ и на дѣлѣ были такія широкія, многообъемлющія понятія, ставились имъ на такую высоту, что малѣйшая уступка имъ, съ чьей бы то ни было стороны, глубоко и болѣзненно его возмущала. Будущій историкъ нашего общества, быть можетъ, осудитъ Каченовскаго за неумѣренность его требованій; быть можетъ, выведетъ ее изъ внутренней, скрытой гордости, изъ желанія всѣхъ и каждаго перекроить на свой аршинъ, хотя и по прекрасному, но, по времени и обстоятельствамъ, неосуществимому идеалу. Нижеслѣдующія выдержки изъ писемъ къ намъ покойнаго помогутъ, пожалуй, произнести такое обвиненіе; но оно будетъ послѣшно и ошибочно, если не приметъ во вниманіе слѣдующихъ, смягчающихъ обстоятельствъ: необыкновенной личной его скромности, скромности его требованій отъ людей и отъ жизни вообще и необыкновенной строгости къ самому себѣ. Въ письмахъ онъ былъ, конечно, глубоко искрененъ; но вѣдь письмо—отвлеченное, литературное слово, а не живая бесѣда, не сама жизнь и, наконецъ,—не весь человѣкъ. Предваряемъ читателя, что въ этихъ письмахъ, не рѣдко писанныхъ въ тяжелыя минуты, Каченовскій является чрезъ мѣру пессимистомъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, въ жизни, онъ вовсе не былъ. Вотъ что Каченовскій писалъ мнѣ въ Вильну отъ 30-го октября 1867 г.:

«Журналистика даетъ и клевететь теперь на всѣхъ. Въ

Москва фанатизмъ дошелъ до послѣдней степени: тамъ съ людьми нельзя говорить ни о чемъ, нельзя спорить объ интересахъ Россіи, даже нельзя сходиться, не возбуждая противъ себя подозрительности. Харьковъ москвичи очень не любятъ и безпрестанно унижаютъ. Въ послѣднее время я самъ испыталъ московское недоброжелательство. Вамъ, вѣроятно, извѣстна клевета, пущенная на мой счетъ по поводу славянскаго съѣзда. Она вышла, конечно, отсюда, изъ враждебнаго мнѣ лагеря, но была принята радушно. Я не поднялъ руки въ свою защиту, хотя друзья мои того желали. Но странно было бы мнѣ оправдываться противъ такихъ обвиненій! Если, напр., кто-нибудь обзывается воромъ и между тѣмъ не красть, то неужели ему нужно сказать во всеуслышаніе: ей Богу не красть! Къ тому же теперь на всѣхъ клеветуютъ, и нельзя требовать для себя привилегій. Да, всѣмъ намъ нуженъ покой, но едва ли мы его найдемъ. Подъ-часъ думаешь, что мы живемъ слишкомъ долго и пережили свое время. Кто-то справедливо назвалъ насъ, людей сороковыхъ годовъ, эпигонами. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, вѣрны тѣмъ преданіямъ, въ которыхъ мы были воспитаны! Я, съ своей стороны, стараюсь за нихъ держаться до конца. Желалъ бы я также убѣдить васъ въ неизмѣнности моихъ чувствъ къ вамъ. Вы для меня остаетесь студентомъ роднаго университета... Пошли вамъ Богъ миръ и лучшую дѣятельность въ центральной Россіи, гдѣ мы родились и выросли».

«Гуманизмъ для меня, — говорится въ другомъ письмѣ 1865 г., — почти равносильнъ челоуѣколюбію, и только поэтому я останусь ему вѣренъ. Пусть на него нападаютъ другія поколѣнія! Мое западничество, разумѣется, не исключаетъ сочувствія къ Россіи; но я не могу смотрѣть глазами Аксакова ни на православіе, ни на народность, ни на славянскій міръ». Въ другомъ письмѣ, отъ 25-го апрѣля того же года, онъ опять возвращается къ той же мысли: «Развѣ не гуманизму обязаны мы, — спрашиваетъ онъ, — оппозицію противъ крѣпостнаго права и другихъ свирѣпыхъ учрежденій? Гуманизмъ смягчилъ насъ и направилъ къ лучшему. Вѣдь мы съ вами не современные реалисты и даже слабо на нихъ надѣмся. Будемъ же и останемся такими, какъ были до конца! Я съ своей стороны желалъ бы умереть неисправимымъ западникомъ. Это мнѣ нисколько не мѣшаетъ любить Россію».

Черезъ четыре года, по поводу отзыва мѣго о книжкѣ, составленной Я. О. Баляснымъ по Роммелю ¹⁾, «пять лѣтъ изъ исторіи

¹⁾ Нѣмецъ Роммель былъ профессоромъ харьковскаго университета въ 1811—1815 г. О времени своего пребыванія въ Харьковѣ онъ рассказываетъ въ своихъ *Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit*, напечатанныхъ въ сборникѣ Вюлау: „Geheime Geschichten“ и т. д. Лейпц. 1854 г.

Харьковскаго университета» (С.-Петер. Вѣд. 1869 г. № 165), Каченовскій, между прочимъ, пишетъ: «Статью вашу о Роммелѣ читалъ и очень вамъ благодаренъ за доброжелательный отзывъ о моей дѣятельности, къ сожалѣнію, поставленной въ невыгодныя условія, особенно теперь, а потому едва ли пригодной университету. Но что касается до нынѣшняго состоянія университета, — оно вамъ мало извѣстно. Есть люди, съ которыми меня нельзя примирить; есть идеи, отъ которыхъ я не могу отказаться. Вы назвали (въ статьѣ) Баяснаго и К—аго нигилистами (названы иронически), а N позитивистомъ: ни то, ни другое не вѣрно. Между западничествомъ и нигилизмомъ стоитъ цѣлая бездна; между позитивизмомъ и культомъ личнаго интереса — также. Вы сами отказались бы отъ этихъ терминовъ, если бы жили ближе (въ Харьковѣ). Говоря о 40-хъ годахъ, вы забыли упомянуть о Костомаровѣ, вышедшемъ также изъ нашего университета». Моя замѣтка была очень краткая, а потому пробѣлы и неточности въ ней были неизбежны. «Указывая вамъ откровенно на эти пробѣлы и неточности, — продолжаетъ Каченовскій, — я нисколько не думаю заподозрить вашихъ добрыхъ и чистыхъ намѣреній, но глубоко въ нихъ убѣжденъ. Изъ предыдущаго письма вы могли убѣдиться, что я увѣренъ вполне въ вашей любви къ университету и въ желаніи ему счастья». Дѣло въ томъ, что брошюра, изданная г. Баяснымъ, или точнѣе, то мѣсто въ ней, въ которомъ говорится объ университетскихъ партіяхъ времени профессорства Роммеля, иностранной и русской, возбудила въ Харьковѣ сильную полемику *за* и *противъ* г. Баяснаго, товарища по гимназій и университету Дмитрія Ивановича. Каченовскій защищалъ г. Баяснаго въ «Вѣстникѣ Европы», подписавшись подъ статью буквами «К—ій», чтобы не подать, говоритъ онъ, повода къ неприятнымъ для автора толкамъ. Рассказывая мнѣ эту исторію, вотъ что, между прочимъ, писалъ Каченовскій въ письмѣ, которое онъ называетъ предыдущимъ: «Вы знаете, что я никакъ не думалъ обругать всѣхъ русскихъ и возвеличить иностранцевъ (полемика велась о прежнихъ профессорахъ). Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, — кто именно своими поступками позорилъ университетъ, и возложить отвѣтственность за это на виновныхъ. Мои противники не понимаютъ, какъ тяжело воспитаннику нашей *alma mater* слышать огульныя ея порицанія въ столицахъ. Этому-то глумленію нужно положить конецъ изысканіями. Я не считаю себя историкомъ Харьковскаго университета, какъ другіе, но, какъ старый студентъ, знаю и люблю свой университетъ больше»...

Обращаюсь теперь къ хронологическому порядку въ выдержкѣ изъ писемъ Каченовскаго. Наша переписка началась съ 1860 г. Къ сожалѣнію, по причинѣ моихъ переездовъ съ 1865 г. изъ мѣста въ мѣсто, нѣкоторые изъ писемъ, относящіеся къ 1861—1863 гг., включительно, или затерялись совсѣмъ, или заложены гдѣ-нибудь между моими книгами и бумагами; а потому, приводимыя ниже извлечения начинаются только съ 64-го.

«Теперь никто не можетъ похвалиться большимъ влияніемъ: времена не такія! Странно подумать о нынѣшнемъ направленіи умовъ и людей. Я, право, не знаю, что изъ этого выйдетъ. По-видимому, не слѣдуетъ жаловаться на судьбу тому, кто живетъ въ эпоху освобожденія крестьянъ. Вѣдь для народа сдѣлано много и все идетъ къ лучшему; не такъ ли? А между тѣмъ воспитаніе и просвѣщеніе едва-ли подвигаются впередъ, если посмотрѣть на университеты и гимназии. Число любознательныхъ и честныхъ студентовъ не только не увеличивается теперь, но чуть ли не уменьшается. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить по Харькову. Прежде, помните, словесный факультетъ выпускалъ много людей и дѣлалъ много добра; теперь онъ превратился въ славно-филологическій, теперь изъ него выходятъ тупые бувовады, изъ которыхъ ничего не выжмешь. Журналистика, можетъ быть сама того не зная, портитъ молодежь и путаетъ ея понятія. Я отказался писать: извѣдая только посылаю что-нибудь Коршу въ «Петербург. Вѣдомости». Онъ и Аксаковъ, кажется, остаются единственными честными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Подождемъ свободы книгопечатанія: не воскреснетъ ли тогда провинціальная литература? Петербургская, по моему, сдѣлала свое дѣло. Отъ нея ожидать больше нечего» (1864).

Не совѣтуя мнѣ ѣхать въ Западный край и одобряя мой отказъ на первое предложеніе, сдѣланное еще при Муравьевѣ, Каченовскій вотъ что, между прочимъ, писалъ ко мнѣ отъ 27-го ноября 1864 г.: «Мысль ваша о переходѣ въ Москву (изъ Воронежа) больше мнѣ нравится. Я самъ въ послѣднее время объ этомъ думалъ; но, подобно вамъ, остановился на желаніи. Харьковъ въ самомъ дѣлѣ кажется мнѣ несноснымъ (я люблю въ немъ только свою аудиторію, но друзей почти не имѣю); но въ нынѣшнее время, говорить, вездѣ северно. Не лучше ли намъ съ вами пообождать и оставаться пока на мѣстѣ? Неудобства провинціи мы вполне извѣдали; но имѣемъ ли мы силу, готовы ли мы переносить неудобства столицъ? Тамъ нужно быть очень бодрымъ и энергическимъ человѣкомъ... А я, къ несчастью, уже усталъ и не могу такъ работать, какъ умѣлъ прежде.

Что же, спрашивается, придется дѣлать въ столицѣ? Хорошо, если есть въ виду мѣсто, служба, но ужъ въ литературу едва ли можно пуститься. Проѣзжая черезъ Петербургъ, я видѣлъ С. Положеніе его очень не завидно, равно какъ и положеніе К. Кажется, столичная журналистика отживаетъ свой вѣкъ. Какъ ни много она грѣшила, но мнѣ жаль ее уже потому, что провинціальная не скоро поднимется. Что касается до новыхъ людей, уважать въ самомъ дѣлѣ некого. Хоть бы народились такіе, которые бы казались сносно. Я вообще пришелъ къ убѣжденію, что наше университетское воспитаніе падаетъ. Между нынѣшними профессорами немногимъ можно сочувствовать; молодые будутъ еще слабѣе, а, между тѣмъ, еще самолюбивѣе и нетерпимѣе. Я самъ видалъ такихъ олимпійцевъ, какъ П.; нужно, впрочемъ, прибавить, что они сходятъ на землю, когда преслѣдуютъ личный интересъ. Кажется, отъ нынѣшняго времени ничего нельзя требовать, кромѣ новыхъ учреждений. Жаль только, что учреждения безъ людей—вещь отвлеченная, по крайней мѣрѣ, для насъ. Съ одними надеждами на будущее жить плохо людямъ, перешагнувшимъ за 35 лѣтъ. Какъ бы то ни было, нужно сносить все терпѣливо и до конца...» — «Въ Харьковѣ воровство и убійство на улицахъ — обыкновенныя явленія. Наряду съ ними случаются въ университетѣ диспуты и выборы. Историко-филологическій факультетъ вы бы не узнали: онъ принялъ характеръ совершенно новый. Славянщина въ немъ господствуетъ; люди выбираются одноцвѣтные и даже родственные. Юридическій факультетъ наполненъ студентами (по случаю судебной реформы), но каедръ замѣщать не вѣмъ: всѣ стремятся въ жизнь практическую. Какъ ни тяжела профессура, но нужно оставаться въ университетѣ, чтобы приготовить людей къ дѣлу судебному и адвокатскому; отъ успѣха этого дѣла зависитъ у насъ очень многое. А, между тѣмъ, я имѣю больше охоты къ литературѣ, чѣмъ къ педагогическимъ занятіямъ. Левціи отнимаютъ у меня все время. При слабомъ здоровьи, я не могу даже кончить начатыхъ трудовъ. Медики совѣтуютъ отдохнуть, какъ можно дольше... Я въ послѣднее время занимался біографіею М. Анджело, чтобы развлечься и отдохнуть отъ политики. Статья эта почти готова, но печатать ее, право, негдѣ. Съ журналами я какъ-то разошелся».

Мѣсяцемъ раньше, въ концѣ сентября, вотъ что писалъ мнѣ Каченовскій: — «Съ мѣсяцъ тому назадъ пріѣхалъ я изъ-за границы и съ тѣхъ поръ все мнѣ не здоровится. Должно быть, харьковскій климатъ мнѣ вреденъ, потому что на Западѣ я

чувствовалъ себя хорошо. Или ужь, вѣрно, я такой несправильный западникъ. Какъ бы то ни было, горько замѣчать въ себѣ упадокъ силъ и думать, что умрешь банкротомъ, не кончивши начатыхъ работъ. Лекціи страшно меня обременяютъ, потому что нужно читать два предмета. Кстати о лекціяхъ. Въ В. собирается читать публичныя лекціи одинъ изъ моихъ слушателей Z., человекъ, между нами сказать, не лучшаго разбора. Онъ прислалъ намъ программу. Она составлена по моимъ тетрадямъ (о чемъ, впрочемъ, авторъ не упоминаетъ), съ искаженіями и претензіями на самостоятельность. Любопытно бы было слышать, кому и какъ онъ будетъ читать эти лекціи. Кажется, онъ рассчитанъ на то, чтобы служить интересамъ дворянства и прикрыты благородною цѣлю—распространенія грамотности. Надѣюсь, вы не подумаете, что я служу интересамъ какого бы то ни было сословія моими трудами и мыслями».

Это письмо, написанное прежде, объясняетъ частію пессимистическій характеръ предыдущаго. О своей болѣзни покойный писалъ намъ еще раньше 64 года; болѣзнь эта — предрасположеніе къ чахоткѣ, отъ развитія которой онъ и сошелъ въ могилу. Непосильные труды, непосильная борьба съ неодолимыми препятствіями и съ мелкими, повидимому, но въ сущности тяжелыми мѣстными харьвовскими дрязгами, при его разбитомъ уже здоровьи,—все это не могло одушевлять и возбуждать его. Какъ ни смѣшна, повидимому, та контрафакція съ лекціями, но она, тѣмъ не менѣе, тяжело подѣйствовала на такого впечатлительнаго человека, какъ Каченовскій, и значительно оправдывала его въ тѣхъ упорахъ въ ультра-практичности, которые онъ дѣлаетъ университетской молодежи и которые едва-ли кто можетъ серьезно опровергнуть. Выдержки изъ слѣдующаго письма отъ 1-го февраля 1865 года представляютъ и окончаніе этой исторіи съ лекціями, любопытной для характеристики современныхъ нравовъ, и дополняютъ сказанное прежде объ отношеніи Д. И. Каченовскаго къ своему университету.

«Въ Харьвовѣ новаго мало. Университетъ постепенно наполняется новыми людьми и чѣмъ больше пріобрѣтеть *своихъ* и хорошихъ людей, тѣмъ скорѣе будетъ имѣть опредѣленный характеръ. Къ несчастію, до этого еще далеко. Теперь харьвовцы въ совѣтъ составляютъ незначительное меньшинство и между ними не всѣ выбраны, какъ слѣдуетъ. Бурсаки и проходимцы даютъ тонъ и держатся вѣрнѣе другъ за друга, а молодое поколѣніе профессоровъ разрознено. Филологическій факультетъ потерялъ прежній характеръ. Исторія и литература въ немъ уступила мѣсто

славянщинѣ и разнымъ специальностямъ архаическаго свойства. Эта односторонность замѣтна и на студентахъ. Юридическій факультетъ не имѣетъ полнаго состава профессоровъ, хотя и наполненъ студентами...»

Прерываемъ на этомъ мѣстѣ выдержки изъ письма, чтобы повончить со взглядомъ Каченовскаго на обусловленное личными отношеніями положеніе дѣлъ, едва-ли не общихъ всѣмъ университетамъ. По поводу такихъ личныхъ отношеній (мнѣ, впрочемъ, неизвѣстныхъ) я полемизировалъ съ Каченовскимъ; но вотъ что онъ писалъ мнѣ въ Петербургъ въ августѣ 1869 г.:—«что касается до X. (личность, давно выбывшая изъ Харькова и жившая тогда въ одной изъ восточныхъ губерній), онъ терпѣть меня не можетъ, и я вамъ не совѣтую даже упоминать при немъ мое имя. Эти враждебныя отношенія были бы вамъ вполне понятны, если бы вы знали, сколько страдалъ харьковскій университетъ отъ наѣзда подобныхъ господъ: они систематически душили мѣстныя дарованія, держали пансіонеровъ и думали только о наживѣ».

Перехожу въ левціямъ:—«Z. прислалъ сюда бумагу, въ которой доказываетъ свою самостоятельность, но рѣшеніе его дѣла зависитъ отъ попечителя. Я въ этомъ вовсе не принимаю участія, какъ онъ думаетъ. Мнѣ только дали просмотрѣть его программу. Замѣтивши въ ней странное сходство съ моею, я выразилъ удивленіе, что онъ не упоминаетъ объ источникахъ. Когда, затѣмъ, у меня спросили: согласенъ ли я, чтобы безъ моего согласія читали публичныя лекціи по моимъ запискамъ и статьямъ?—я отвѣчалъ, что я бы себѣ не позволилъ пользоваться такимъ образомъ чужими трудами, безъ спроса у автора или у факультета, въ которомъ я учился, и потому не могу дать согласіе на это. Но тѣмъ и окончилось мое заявленіе факультету. Въ рѣшеніи самаго дѣла я предоставилъ членамъ факультета и совѣта полную свободу, а съ попечителемъ даже не говорилъ объ этомъ дѣлѣ. Судите же сами, насколько здѣсь замѣшано мое самолюбіе! Z. въ своей бумагѣ говоритъ, что сходство нашихъ программъ зависитъ отъ пользованія одними источниками, но какіе это источники, не упоминаетъ. Между тѣмъ извѣстно, что я путешествовалъ по Англии и собралъ тамъ множество фактовъ и наблюденій, ему извѣстныхъ только отчасти чрезъ мои лекціи. Значитъ, тутъ что-то не ладно. Кто-нибудь изъ насъ да обкрадываетъ другаго. А дѣло было бы проще, если-бы прямо сказать, что я-де пользовался отчасти чужими лекціями. Пускай онъ обрабатываетъ свои тетради по нѣмецкимъ книгамъ, и ему никто не запретить читать ихъ предъ публикою. Я же, съ своей стороны,

увѣренъ, что другіе студенты будутъ справедливыѣ въ отношеніи къ своимъ преподавателямъ и не откажутся признать за ними то, что принадлежитъ имъ по праву. Если же записки З. дѣйствительно, самостоятельны; то почему онъ не прислалъ ихъ, или не выразилъ своей самостоятельности въ программѣ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ ошибокъ въ орфографіи и заключительныхъ восклицаній характера? Тяжело говорить объ этихъ дрязгахъ...»

Приводимыя слова, надѣемся, послужатъ опроверженіемъ противъ обвиненія (крайне опоздннаго въ послѣднее время) въ нечувствіи или антипатіи Каченовскаго къ *молодому* поколѣнію своихъ слушателей. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что Каченовскій горячо любилъ *своихъ* слушателей, харьковскихъ студентовъ, какъ и все харьковское, — университетъ, его прошлое, старыя харьковскія идеалистовъ. Предъ смертію, по духовному завѣщанію, изъ своихъ ничтожныхъ средствъ Каченовскій назначилъ до тысячи рублей на пособія студентамъ и для премій за сочиненія; онъ же былъ однимъ изъ главныхъ ревнителей недавно учрежденнаго въ Харьковѣ общества для пособія бѣднымъ студентамъ. Врагомъ юношества, если подобное явленіе только свойственно человѣческой природѣ, онъ, вѣчно юный въ душѣ, сердечный человѣкъ, никогда не былъ; но, какъ человѣкъ, зрѣлый мыслию и знаніемъ, онъ не былъ поклонникомъ культа всякаго рода незрѣлости, интеллектуальной и возрастной; въ высшей степени снисходительный къ человѣческимъ немоцамъ и недостаткамъ, онъ являлся гордымъ и неуступчивымъ только тогда, когда послѣдніе становились въ вызывающее положеніе и бросали ему перчатку.

Въ приводимыхъ выдержкахъ читателю можетъ показаться страннымъ мнѣніе такого человѣка, какъ Каченовскій, о литературѣ и журналистикѣ, о ихъ раздѣленіи на провинціальныя и столичныя и объ ихъ отношеніяхъ. Не забудемъ, прежде всего, что это говорилось подъ вліяніемъ того литературнаго возбужденія, которое у насъ обнаружилось въ концѣ 50-ыхъ и въ началѣ 60-ыхъ годовъ, Каченовскій, какъ человѣкъ крайне впечатлительный, могъ долѣе другихъ находиться подъ этимъ вліяніемъ. Въ ту пору мысль о необходимости провинціальной литературы и журналистики, повидимому, созрѣла, по крайней мѣрѣ выразилась такими явленіями, какъ журналъ «Основа», выходившій хотя въ Петербургѣ, но редактируемый большею частію харьковцами, и нѣсколько провинціальныхъ сборниковъ (Воронежскіе, Саратовскій, Пермскій), хотя печатавшихся и въ столицахъ, но происхожденія мѣстнаго. Нужно ли доказывать, что литературная децентрализація намъ необходимѣе, чѣмъ кому-либо, и что, при

возбужденіи провинціальной мысли, нѣкоторая горечь въ отноше-
ніи къ журналистикѣ, общей, привилегированной, является чув-
ствомъ совершенно понятнымъ. Провинціальная литература, конечно,
не значить *обывательская*, какъ ее понимаетъ Щедринъ, не лите-
ратура мелкихъ городскихъ и губернскихъ слетень, а органъ
цѣлыхъ, большихъ крупныхъ мѣстностей, напр., Украины, Ма-
лороссіи, Бѣлороссіи, Новороссіи, — возможность проявленія и вы-
раженія въ словѣ всѣхъ оттѣнковъ русскаго типа, не скроеннаго
по одному шаблону; такая литература не только не истощаетъ,
а, напротивъ, — питаетъ общую литературу-мать. Видѣть въ ней
сепаратизмъ, по меньшей мѣрѣ странно; ибо съ точки зрѣнія ма-
лорусса и бѣлорусса и московское славянофильство, имъ непонятное,
будетъ такимъ же сепаратизмомъ, или точнѣе — провинціализмомъ.

Въ началѣ 1867 г. Каченовскій писалъ ко мнѣ въ Вильну:
«У меня на шеѣ срочныя и давно начатыя работы. Здоровье
разбито, силъ мало *и, кромѣ біографіи М. Анджело, предназна-
ченной для «Вѣстника Европы», я едва-ли что-нибудь напишу
для журналовъ въ остальные годы службы; пушно издать курсъ
прежде всего». Онъ дѣйствительно издалъ курсъ и написалъ для
«Вѣстника» большую статью о флорентійскихъ живописцахъ. Съ
этого времени онъ сталъ думать объ окончаніи службы и меч-
талъ о времени, когда, выслуживъ пансіонъ, онъ будетъ имѣть
возможность удалиться въ свой родной Карачевъ и тамъ, живя
въ уѣздной глуши, обрабатывать и приготавливать къ печати об-
ширный запасъ своихъ путевыхъ впечатлѣній по Западной Европѣ,
изрѣдка дѣлая поѣздки по Россіи. Этой мечтѣ, обличающей въ
Каченовскомъ стараго харьковскаго студента и неисправимаго
идеалиста, не суждено было исполниться! Но проживи онъ еще
два-три года, мы убѣждены, что онъ угадъ бы также тихо и
безъ шума, какъ неизвѣстный ни въ науцѣ, ни въ литературѣ
Запара, котораго покойный Дмитрій Ивановичъ искренно и серд-
ечно любилъ. Намъ всегда казалось, что громкая извѣстность,
пріобрѣтенная Каченовскимъ, какъ-бы давила, стѣсняла его.
Скромность его почти граничила съ смиреніемъ; вотъ почему лю-
дямъ, мало его знавшимъ, онъ могъ казаться, пожалуй, ниже
своей извѣстности.

Какъ бы то ни было, отказавшись до времени отъ литератур-
ной дѣятельности и нетерпѣливо ожидая времени, когда можно
будетъ бросить службу, Каченовскій въ послѣдніе годы своей
жизни располагалъ своимъ свободнымъ временемъ по плану,
заранѣе обдуманному. Зимкою, на рождественскіе праздники, ѣздилъ
онъ въ Петербургъ, гдѣ еще оставались у него прежнія связи и

отношенія съ 50-хъ годовъ, дѣломъ одинъ годъ онъ путешествовалъ по Европѣ, другой хотѣлъ посвятить поѣздкамъ по Россіи. Последнюю мысль онъ, кажется, не успѣлъ исполнѣ осуществить; но намъ извѣстно путешествіе его по Орловской и Тульской губерніямъ (1867), въ Воронежъ, Нижній и Кіевъ. Въ Бѣлевѣ онъ открылъ домъ Жуовскаго и первый высказалъ мысль (въ «Спб. Вѣдомостяхъ») о покупке и обращеніи его на шволу. Гдѣ-то въ Орловской губерніи онъ нашелъ народныхъ маляровъ, о которыхъ рассказывалъ намъ съ восторгомъ славянофила, замѣтивъ въ нѣкоторыхъ крестьянахъ-самоучкахъ проблески истиннаго дарованія и даже сносную технику. Отличный знатокъ живописи, покойный Каченовскій думалъ обратить на нихъ особенное вниманіе по переселеніи своемъ въ Орловскую губернію. Изъ русскихъ городовъ ему больше всѣхъ понравились Нижній и Кіевъ, какъ представители двухъ типовъ—великорусскаго и малорусскаго. Уже Орловскую губернію, свою родину, онъ называлъ «родной Великороссіей», но все украинское, южное, было, кажется, ему болѣе по душѣ: такъ онъ былъ въ восторгѣ отъ Кіева и постоянно стѣговалъ, что въ Харьковѣ малороссійскій элементъ съ каждымъ годомъ исчезаетъ. Помню, съ какимъ восторгомъ онъ говорилъ, провожая меня въ Полтаву, въ маѣ 1870 г., что «вотъ съ Валовъ уже начинается настоящая Малороссія, которую вы еще не знаете!» Нужно ли распространяться о томъ, что путешествіе на Западъ, жизнь во Франціи, Италиі, Испаніи и Англии, гдѣ у него были обширныя связи и искренніе друзья, дѣйствовали на него самымъ освѣжающимъ образомъ. Вотъ, что онъ, напримѣръ, пишетъ въ октябрѣ 1866 г., по возвращеніи изъ-за границы: «Путешествіе за-границу нѣсколько освѣжило меня. Я пробылъ около пяти недѣль въ Лондонѣ, въ кругу друзей и знакомыхъ. Странно сказать,—чужіе люди иногда бываютъ любезнѣе своихъ. Въ Харьковѣ, какъ и вездѣ у насъ, личныя отношенія теперь очень непрочны. Какъ ни дорожишь личными связями, онѣ легко разрываются и чувство одиночества въ старости становится несноснымъ». Каченовскій не былъ слѣпымъ поклонникомъ какой-нибудь отдѣльной національности, но не скрывалъ своихъ симпатій въ народамъ романскаго племени. Въ нашей памяти сохранились слѣды оживленныхъ его рассказовъ объ Италиі, о ея прошломъ и теперешней современности, такъ не похожія на то, чтó сообщается, такъ-называемою, политическою печатью, изъюдь кисти которой жизнь всегда выходитъ холодною, представляется не въ живыхъ образахъ, а въ отвлеченныхъ схемахъ. Художникъ въ душѣ, Каченовскій эти схемы одѣвалъ плотію и не-

рѣдко придавалъ имъ иной, не-политическій смыслъ. Такъ, въ его устахъ «объединенная Италія» и «римское папство» были далеко не символами прогресса и попятнаго движенія, даже не представителями Ормузда и Аримана. Разсматривая государственныя и общественныя формы жизни, онъ прежде всего останавливался на ихъ историческомъ происхожденіи и какъ-соро видѣлъ, что та или другая форма еще не оскудѣла бѣдромъ, прогрессивною жизнію, въ такомъ случаѣ онъ являлся врагомъ всякихъ ломовъ и насильственныхъ мѣръ, хотя бы и во имя прогресса. Все угнетаемое и принижаемое возбуждало въ немъ глубокую симпатію: такъ онъ смотрѣлъ на Ирландію, при всѣхъ своихъ сочувствіяхъ къ Англіи. Само собою разумѣется, что «бисмаркизмъ» и «пруссіе порядки» не могли возбуждать симпатій въ человѣкѣ, подобномъ покойному Каченовскому. Его взгляды, какъ и cadaго, конечно, не были чужды ошибокъ и крайностей, но они отличаются именно тою художественною полнотою, которой нѣтъ у публицистовъ, и тѣмъ добродушнымъ и безпристрастнымъ отношеніемъ къ жизни, котораго не достаетъ у новѣйшихъ историковъ. Подобное отношеніе не исключало въ Каченовскомъ высоты политическаго пониманія, въ чемъ онъ не уступилъ бы никому изъ нашихъ записныхъ публицистовъ, если бы ему пришлось дѣйствовать на этомъ поприщѣ, и чѣмъ онъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность. Но, за исключеніемъ аудиторіи, иной способъ дѣйствія въ этомъ родѣ былъ ему антипатиченъ. Нельзя не пожалѣть, что русская публика не имѣетъ никакого понятія о Каченовскомъ, какъ о замѣчательнѣйшемъ русскомъ путешественникѣ: вотъ почему на харьковскихъ друзьяхъ покойнаго, въ рукахъ которыхъ находятся его бумаги, лежитъ обязанность пересмотрѣть и издать чтѣ можно изъ его громаднаго запаса путевыхъ замѣтокъ, хотя такое изданіе, конечно, не замѣнитъ того, которое предполагалъ сдѣлать самъ покойный авторъ.

Но ни внутреннія, ни заграничныя поѣздки не могли спасти бѣднаго Каченовскаго отъ преждевременной смерти: чахотка дѣлала свое дѣло такъ быстро, что, судя даже по письмамъ Каченовскаго, надобно было ожидать скорой его кончины. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ во мнѣ въ октябрѣ 1871 г.:— «Вотъ уже годъ, какъ у меня продолжается кашель съ кровью, одышка и крайнее утомленіе, доходящее иногда до изнеможенія, а между тѣмъ лекаря нисколько не помогаютъ. Хочу поѣхать къ Боткину въ Петербургъ посоветоваться, но боюсь зимы и сдѣлаю это, вѣроятно, весной. Здѣшніе эскулапы утверждаютъ, будто у меня геморрой и—только. Какъ бы то ни было, жизнь моя раз-

строена. Особенно страдают занятія отъ запрещенія читать, писать, говорить и т. п., которымъ нужно повиноваться хоть отчасти, именно во время самыхъ припадковъ болѣзни. Между тѣмъ никогда такъ не хотѣлось работать, какъ теперь, въ виду неудачныхъ реформъ въ нашемъ управленіи, общаго обскурантизма и прусскихъ побѣдъ надъ Франціею, или, лучше сказать, надъ Европою. Все это въ совокупности общаетъ намъ невеселую старость. Просто не хочется смотрѣть на внѣшній міръ; напротивъ, книги и домашнія занятія кажутся завлекательными. Думаешь, что сдѣлалъ бы много, если бы не проклятая болѣзнь. Вы знаете теперь, что такое Малороссія. Каково же провести въ ней всю жизнь! Хуже всего то, что здѣсь, помимо университетскаго товарищества, нѣтъ ни связей, ни крѣпкихъ отношеній между людьми. Все рыхло, вяло, шатко и хрупко». Послѣднія письма Каченовскаго все въ томъ же грустномъ тонѣ. Но и въ этихъ предсмертныхъ письмахъ Каченовскій говоритъ о родномъ университетѣ, о студентахъ, о прежнихъ профессорахъ, даже объ умершемъ 25 декабря 1871 г. Рославскомъ-Петровскомъ, которому онъ никакъ не могъ простить утрату записокъ Лунина и небрежное отношеніе его къ памяти этого ученаго ¹⁾. «Боже мой!» восклицаетъ онъ по поводу этой потери, «какъ пропадаютъ у насъ не только добрыя мысли, но и труды! Крутомъ эгоизмъ». Мысль о біографическихъ очеркахъ прежнихъ харьковскихъ профессоровъ давно и одинаково занимала насъ съ Каченовскимъ, но положительное отсутствіе матеріаловъ не позволяло ничего сдѣлать въ этомъ родѣ. Приглашая меня въ своемъ послѣднемъ письмѣ (отъ 16 января 1872) въ Харьковъ, для занятій, Каченовскій, между прочимъ, пишетъ:—«Собирайте, ради Бога, все, что можете, о жизни порядочныхъ людей, только не будьте снисходительны къ такимъ, какъ Артемовскій. Метлинскаго у насъ считали бездарнымъ профессоромъ, но вы, вѣроятно, цѣните его любовь къ народной повѣи».

Задолго еще до личнаго знакомства я имѣлъ возможность составить себѣ понятіе о личности Каченовскаго, извѣстнаго мнѣ юношей, но не мужемъ, вполне потомъ оправдавшееся. Это случилось лѣтомъ 1856 г., до начала переписки между нами, и произошло по слѣдующему обстоятельству, подробностями котораго надѣюсь не наскучить читателямъ. Приходитъ разъ ко мнѣ утромъ (это было въ Воронежѣ) отставной солдатъ лѣтъ 50-ти,

¹⁾ Вскорѣ послѣ смерти Рославскаго онъ писалъ ко мнѣ:—«Здѣсь объ немъ едва ли напишутъ что-нибудь, кромѣ панегирика, и вамъ не мѣшало бы помѣстять краткій его некрологъ въ С.-Петербур. Вѣдом.»

въ тогдашней гарнизонной формѣ, говорить, что онъ прибылъ изъ Харькова и что Меглинскій (тогда опять переселившійся въ этотъ городъ) и Каченовскій мнѣ влѣнаются. Я допытываюсь подробностей объ этихъ лицахъ, о причинѣ, почему они ко мнѣ не написали, ожидая найти въ инвалидѣ просителя; но, къ удивленію моему я услышалъ отъ него не *просительную*, а свободную и даже образованную рѣчь, отзывавшуюся нѣскольکو книжнымъ отгѣнкомъ. «Да вы не Лихачевъ ли?» спрашиваю я мнимаго просителя. — «Лихачевъ!» былъ мнѣ отвѣтъ. «Ну, такъ милости просимъ», сказалъ я уже своему гостю. Современный читатель, конечно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о книжкѣ, изданной въ Харьковѣ въ 1852 г., подъ названіемъ «Стихотворенія Егора Лихачева». Стихотворенія эти лишены были всякихъ поэтическихъ достоинствъ, а потому тогдашняя журналистика отдѣлалась отъ нихъ нѣсколькими словами и если не разбрала ихъ, такъ изъ сожалѣнія къ автору, гарнизонному унтеръ-офицеру. Самой книжки я не читалъ, но имя автора и мѣсто изданія помнилъ тѣмъ болѣе, что въ биографической замѣткѣ, предпосланной стихотвореніямъ, между прочимъ, говорилось, что профессоръ Меглинскій принималъ въ немъ живое участіе. Новый гость тѣмъ болѣе меня занялъ, что передалъ подробности о такомъ же участіи къ нему профессора Каченовскаго, находившагося тогда въ апогеѣ своей извѣстности. Лихачевъ прожилъ потомъ въ Воронежѣ года три и бывалъ у меня почти ежедневно. Это былъ старикъ болѣзненный, глухой и плохо видѣвшій. Онъ продолжалъ писать стихи въ большомъ количествѣ и осыпалъ меня и моихъ пріятелей своими посланіями и даже псевдо-экспромтами. Стихотворство стало у него мономаніей, тѣмъ болѣе смѣшной и скучной вмѣстѣ, что онъ только объ этомъ и говорилъ, не-шутя считая себя вторымъ Пушкинымъ и выше Кольцова и Неккина. Полученіе чина коллежскаго регистратора, при отставкѣ, еще болѣе сбило старика съ толку, заставивъ его считать себя двойною замѣчательностію, «и по таланту, и по званію», какъ онъ выражался. На самомъ дѣлѣ онъ и былъ замѣчательнъ, только не въ томъ смыслѣ. Лихачевъ (Егоръ Филипповъ) — личность типическая, совершенно еще неизвѣстная въ русской литературѣ: это былъ *крѣпостной* поэтъ, *крѣпостной* литераторъ добраго стараго времени. Изъ мальчиговъ-лазеевъ, изъ казачковъ, онъ сдѣланъ былъ своимъ бариномъ (Губинымъ, помѣщикомъ Ярослав. губерніи, Моложскаго уѣзда) тещомъ, писцомъ, секретаремъ, бібліотекаремъ, наконецъ литераторомъ. Чета Губиныхъ, не имѣя дѣтей, полюбила по-своему даровитаго казачка и не

только не мешала, но и поощряла его заниматься «свободными искусствами», т.-е., чтеніемъ, подражаніемъ и потомъ писаніемъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что эти занятія не только не приносили Губинымъ, имѣвшимъ свою библіотеку, никакого убытка, но еще были выгодны, а главное давали возможность похвалиться передъ знакомыми «своимъ крѣпостнымъ поэтомъ», — рѣдкостью любопытѣйшею, чѣмъ «крѣпостные музыканты и актеры». Такъ явился на Руси крѣпостной поэтъ, на котораго, въ нѣкоторомъ родѣ, даже снизошелъ ореолъ славы, въ видѣ одобренія тогдашнихъ литературныхъ извѣстностей, — Свиньина, кн. Шаликова, Каченовскаго и Мерзлякова; лучи этой славы отражались, конечно, и на помѣщикѣ. Но наследникъ Губиныхъ, кажется, не очень дорожилъ ею, по крайней мѣрѣ, за какой-то неважный проступокъ онъ не задумался отдать «своего» поэта въ солдаты, — и вотъ Лихачевъ, отъ природы слабый и хилый, попалъ въ гарнизонъ, гдѣ и прослужилъ 27 лѣтъ, странствуя по разнымъ городамъ (Смоленскъ, Кіевъ, Курскъ, Харьковъ и Воронежъ) и вездѣ находя людей, сочувствовавшихъ его горькому положенію. Замѣчательно, что лакейская и казарма не подѣйствовали на него деморализующимъ образомъ. Онъ былъ человекомъ всегда трезвымъ, честнымъ и не только чуждымъ малѣйшаго искательства, но съ чувствомъ собственного достоинства, даже не безъ гордости. Въ Воронежѣ, до полученія мѣста, онъ жилъ въ большой бѣдности; но, несмотря на это, онъ не только не согласился принять отъ меня денежной помощи, но даже не воспользовался моимъ предложеніемъ — расположиться у меня на квартирѣ, въ совершенно свободной комнатѣ. Лихачевъ былъ любопытенъ и въ арканческомъ отношеніи, какъ литературный человекъ 20-хъ годовъ, замѣчательно-полно сохранившійся. На литературу этого времени, отлично ему знакомой, онъ остановился и не пошелъ далѣе; отсюда происходила также навѣваемая имъ скука, какъ отъ зажившейся на блѣдомъ свѣтѣ литературной муміи. Мои воронежскіе пріатели недоумѣвали, какимъ образомъ такой извѣстный профессоръ, какъ Каченовскій, могъ *выносить Лихачева*. Я это понималъ и не удивлялся, какъ не удивился, прочтя въ журналахъ о симпатіи къ нему А. Л. Метлинскаго. Какъ ни близко отстоитъ Воронежъ отъ Харькова, но вѣянія въ немъ были всегда другія, — можно сказать, — *срединныя*, болѣе великорусскія, чѣмъ украинскія; личность, подобная, на примѣръ, Метлинскому, въ Воронежѣ была бы немыслима. Лихачевъ передалъ мнѣ о Каченовскомъ то же самое, что рассказывалъ недавно въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ Дмитріѣ Ивановичѣ бывшій его

слушатель, г. П. Лейбинъ (см. «Спб. Вѣдомости» 1873 г., № 15),—именно подробности о его частной жизни, о его вечерахъ, гдѣ смѣшивались студенты съ профессорами, гдѣ попеременно оживленные бесѣды смѣнялись звуками классической музыки, страстно любимой молодымъ хозяиномъ. Радужной, во всемъ одинаково внимательной хозяйкой была мать профессора, единственный нѣжный другъ его съ 2-хъ-лѣтняго возраста, по смерти отца, и до могилы. На этихъ вечерахъ не было тѣсно и инвалиду-стихотворцу. Онъ никому не мѣшалъ; онъ только поглощалъ большое количество стакановъ чаю, слушалъ и слышалъ музыку (не всегда разслушивая и понимая бесѣду) и читалъ себѣ стихи въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ (кромѣ стиховъ, онъ почти ничего не читалъ, потому что прозаическую рѣчь понималъ съ затрудненіемъ); но мать и сынъ и здѣсь, при множествѣ гостей, не оставляли его безъ вниманія; оно было тѣмъ полнѣе и симпатичнѣе, когда они оставались одни. Считаю излишнимъ доказывать, что черты подобнаго добродушія, теперь, кажется, исчезающія, было бы болѣе, чѣмъ странно, объяснять бѣдностію интересовъ провинціальной жизни; эта бѣдность никогда, однакоже, не мѣшала всякаго рода посредственности вѣчаться не въ мѣру, объ этой бѣдности, наконецъ, нельзя говорить тамъ, гдѣ была возможность существованія вечеровъ учено-литературныхъ и музыкальныхъ.

Личное мое знакомство и сближеніе съ Каченовскимъ, начавшееся въ 1868 г., въ Вильнѣ, вполне оправдало рассказъ о немъ Лихачева и сложившееся, на основаніи его, мое мнѣніе о покойномъ Дмитріѣ Ивановичѣ, проводимое въ настоящей статьѣ. Въ послѣднее, самое продолжительное наше свиданіе, я узналъ его еще короче, но тѣмъ болѣе я убѣдился въ безошибочности моего взгляда на этого замѣчательнаго русскаго человека. Въ началѣ мая 1870 г. ѣхалъ я изъ Петербурга въ Полтаву. Въ Харьковѣ, гдѣ прошли мои студенческіе годы, я не былъ 22 года; по этой причинѣ и для свиданія съ Каченовскимъ я расположился провести въ Харьковѣ двое сутокъ. Утомившись въ дорогѣ, я смертельно хотѣлъ спать; но, однакоже, не вытерпѣвъ, отправился въ университетъ, обѣжалъ аудитории, былъ въ университетскомъ саду, что за городомъ, близъ института. Незнакомый съ матушкой Дмитрія Ивановича, я послалъ ему изъ университета нумеръ своей гостинницы и спрашивалъ, какъ и гдѣ намъ удобнѣе видѣться, но просилъ сдѣлать это не ранѣе вечера, такъ какъ теперь, въ полдень, утомленный качвою вагономъ, я собираюсь спать. Но едва я возвратился изъ сада, еще

болѣе утомленный подъ давленіемъ воскреснувшихъ воспоминаній о прошломъ, какъ Каченовскій уже былъ въ моемъ номерѣ. Встрѣча была непродолжительная, а потому и бесѣда не долгая; не помню, какъ и въ чему, но Каченовскій узналъ отъ меня, что я не читалъ повѣсти Тургенева «Собака». Мы условились вечеръ провести у насъ въ гостиницѣ (я ѣхалъ съ сестрою), а на весь слѣдующій день отдавали себя въ полное распоряженіе Каченовскаго. Дмитрій Ивановичъ явился ранѣе условленнаго времени, съ «Петербургскими Вѣдомостями» въ рукахъ, и просидѣлъ онъ у насъ до свѣта. Не помню, о чемъ мы тогда говорили, да, признаюсь, я не былъ тогда способенъ вести бесѣды, не отъ желанія сна и утомленія, которыхъ уже не было, а отъ причинъ, которыя читатель легко себѣ представить можетъ, ставши въ тогдашнее мое положеніе. Но я помню чтеніе, но не самую повѣсть, а мастерски читавшаго Каченовскаго. Я не столько слушалъ любимаго моего автора, сколько смотрѣлъ на воодушевленнаго чтеца. Въ немъ, какъ бы за нимъ, вокругъ его и въ отдаленіи перспективы возставали передо мною картины прошлаго, живые образы старыхъ харьковскихъ идеалистовъ, нашихъ учителей. На другой день Каченовскій уже по-своему распорядился нами. Мы были въ университетской библиотекѣ и нѣсколько часовъ посвятили разсмотрѣнію художественнаго, весьма скромнаго, конечно, по составу музея, которымъ завѣдывалъ покойный профессоръ. Главнымъ вкладчикомъ музея былъ И. И. Бецкій, издатель «Молодика», о которомъ Каченовскій отзывался съ величайшимъ уваженіемъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Вотъ они, люди то 40-хъ годовъ, которыхъ теперь бранять! Вдали отъ родины, на старости лѣтъ, человекъ не забываетъ своей alma mater!» Вообще, въ этомъ маленькомъ музеѣ, находящемся при университетѣ, Каченовскій, показывая намъ, своимъ слушателямъ, не болѣе, какъ дилеттантамъ живописи, картины и рисунки, былъ краснорѣчивымъ профессоромъ, увлекшимся своимъ предметомъ до такой степени, что забылъ о пустотѣ своей аудиторіи и о чрезмѣрной продолжительности лекціи. Затѣмъ мы съ нимъ отправились гулять по городу и потомъ въ нему обѣдать. Онъ квартировалъ въ глухой улицѣ, чуть ли не въ той же и не въ томъ же самомъ домѣ, гдѣ бывали у него, въ 1856 г., гг. Лейбинъ и Лихачевъ. Улица, домъ и квартира такъ и переносили въ глухой уѣздный городъ, какой-нибудь Карачевъ: они находились за Лопанью и разжирѣвшаго Харькова не напоминали нисколько. Даже дворъ былъ пустъ и поросъ травой; даже каменная соединялась съ вереею воротъ толстою желѣзною цѣпью,

подъ которою надобно было наклоняться всякому входящему въ квартиру профессора, такъ какъ подъѣзда при ней не было. Улица и домъ, квартира съ ея обстановкою, если угодно, самое меню обѣда,—все это вѣяло такою глубокою провинціей, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, что я, только двое сутокъ тому назадъ покинувшій Петербургъ, почувствовалъ себя необыкновенно хорошо: воскресли дѣтскіе, деревенскіе инстинкты, уѣздная глушь и тишина губернскаго великорусскаго города! Сердечное добродушіе и натуральная простота (если можно такъ выразиться) хозяина положительно вась очаровывали и заставляли вѣрить еще въ возможность идиллій въ наше время, чему не вѣрилъ, впрочемъ, самъ Гоголь, поэтъ идиллической Украины. Вечеромъ мы поѣхали за городъ, на Холодную-гору, и гуляли въ такъ-называемомъ Карповскомъ саду, теперь прорѣзанномъ рельсами азовской желѣзной дороги. Отсюда, какъ и вообще съ Холодной-горы, лучший видъ на городъ, расположенный въ котловинѣ, между двумя жалкими рѣченками. Изъ массы городскихъ зданій рѣзко выдѣлялись университетскія постройки, не особенно красивыя, но расположенныя на горѣ, а потому и выдающіяся; между ними высоко бѣжала къ синему небу соборная колокольня. Видъ былъ, повторяю, очень не дурень, а Каченовскому онъ напоминалъ Саламанку. Понятно было бы мое восхищеніе старыми знакомыми мѣстами послѣ двадцатилѣтней съ ними разлуки; но Каченовскій любовался, кажется, больше, не разъ обращая мое вниманіе на «нашу Саламанку», какъ онъ называлъ университетъ, не разъ восклицая: «а жаль повинуть!» Наша послѣдняя бесѣда (больше я съ нимъ не видался) велась о путешествіяхъ покойнаго, о его будущихъ литературныхъ занятіяхъ и образѣ жизни, а главное—о дорогой ему «Саламанкѣ», объ университетѣ,—о необходимости хоть что-нибудь сдѣлать для его исторіи, разогнать мракъ, разоблачить клевету, спасти отъ забвенія честныя имена прежнихъ труженниковъ. «Идеалистъ!»—мнѣ хотѣлось воскликнуть, слушая эти задушевные, но послѣднія рѣчи Каченовскаго. «Провинціалъ, несмотря на свое западничество!» И этотъ человѣкъ приводилъ въ смущеніе славянофильствующую «Москву», быть можетъ, омрачая свѣтлость торжествъ по поводу славянскаго съѣзда! И этотъ человѣкъ могъ имѣть толпу враговъ, и притомъ еще ожесточенныхъ!..

М. ДѢ-ПУДЪ.

Полтава.—1-го іюня, 1873.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

XIV.

Тѣни прошлаго.

Вечерѣвъ сталъ оправляться. Благодаря наставшему затишью въ семьѣ и общимъ заботамъ о немъ, онъ, дня черезъ три, всталъ съ постели, а еще черезъ день вышелъ и въ садъ.

— Работаете надъ моимъ переводомъ? — спрашивалъ онъ Велугина, заходя къ нему въ бесѣдку.

— Работаю; но... мнѣ нужны справки въ вашей библиотекѣ.

— Сдѣлайте одолженіе; мои книги къ вашимъ услугамъ. Одно меня беспокоитъ...

— Что же именно?

— Я до сихъ поръ не исполняю просьбы вашего отца... Но хоть бы и хотѣлъ, еще не могу: видите, силъ нѣтъ и докторъ пока запрещаетъ всякія занятія. Да и дѣла мои не очень-то вообще исправны, порядкомъ запущены. Вотъ, оправлюсь, думаю Николая Ильича, Милунчигова, просить. Не возьмется ли поуладить мое хозяйство? Только горячь онъ, несдержанъ и служба ему мѣшаетъ. А некого больше пригласить. Другіе, ближайшіе мои, еще болѣе ненадежны...

*) См. выше: янв., 116 стр.

Старикъ побобрѣлъ. Но обычный строй его жизни нарушился. Эта жизнь до тѣхъ поръ такъ была размѣрена, что, по извѣстнымъ привычнымъ занятіямъ Кирилы Григорьяча, можно было въ точности угадывать часы: поднималась занавѣска въ его окнѣ, — было четыре часа утра, и онъ, значить, сидѣлъ за своимъ дневникомъ; шель съ простыней купаться, — было пять часовъ; пилъ чай — было шесть; садился съ книгой на балконъ — семь; отворялъ буфетный шкапчикъ за дверью въ корридоръ и, выпивая рюмку какой-то настойки, говорилъ: «банкетецъ! чело-вѣкъ выпьетъ рюмку, лучше о себѣ думаетъ!» — былъ полдень, то-есть, часъ завтрака; а съ тростью и съ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ возвращался отъ теплицъ, — чаша съ супомъ стояла на столѣ и бронзовый рыцарь на тумбѣ въ залѣ билъ въ колоколъ четыре часа.

Теперь не то.

Кирила Григорьячъ и купался, и съ книгой на балконѣ сидѣлъ, и гулялъ. Но все это выходило у него какъ-то иначе и путалось. То встанетъ поздно, купанье пропустить. То садеть съ книжкой подъ навѣсомъ крыльца, но очевидно не читаетъ ее. О банкетной рюмочкѣ забывалъ. Спустится въ садъ, пройдетъ двѣ-три дорожки и остановится, опустится на ближайшую скамью и, вдыхая, по часамъ глядитъ за рѣку, или въ гущину имъ же насаженныхъ деревьевъ.

«Уйдетъ она, уйдетъ, — тихо шепчетъ онъ, дотрогиваясь до любимаго куста: и жизнь моя кончится».

Одно проливало нѣкоторую надежду и воскрепало силы старика. Хотя онъ лично съ дочерью еще не объяснялся о ея намѣреніи, но никогда она не была съ нимъ такъ нѣжна и заботлива, какъ теперь. Аглая не спускала съ него глазъ; сторожила его пробужденіе, приготовляла и носила ему утренній чай, убирала его столъ, чинила карандаши и предлагала ему читать вслухъ.

— Ну, чтб ты мнѣ будешь читать? улыбался Вечерѣвъ, ласково трепля дочь по плечу: вѣдь я грѣшныя, свѣтскія книги читаю — романы; а тебѣ бы «Гласъ трубный» пріятнѣе, или «Воздыханіе голубицы»? Не такъ ли, признайся?...

Аглая молчала на эти слова, еще нѣжнѣе жалась въ отцу и повидала его только въ то время, какъ ее зачѣмъ-нибудь звали въ матери, или когда въ нимъ подходилъ Ветлугинъ.

— Что ты уходишь отъ гостя? спросилъ ее какъ-то, съ досадою, отецъ: онъ дѣльный такой, милый, умный. Еще обидится.

— Я? право не знаю! равнодушно отвѣтила Аглая: мнѣ вазалось, у васъ дѣла...

— Именно дѣла, усмѣхнулся старикъ, только не особенно суть важныя, литературныя...

— Ну, мой добрый критикъ, — обратился однажды, при всѣхъ за обѣдомъ, Вечерѣвъ къ Ветлугину: какъ идетъ просмотръ моихъ тетрадей?

— На-половинѣ; скоро кончу.

— А какъ находите мою библіотеку?

— Хороша, но требуетъ пополненія. Многихъ новѣйшихъ книгъ въ ней нѣтъ, и по части художественныхъ произведеній, и по различнымъ отраслямъ знаній.

— Не составите ли списка, какія именно книги слѣдовало бы приобрести? У меня есть въ Петербургѣ поставщикъ, и я бы къ нему обратился съ заказомъ. Кстати же, на-дняхъ я ему пишу.

— Съ удовольствіемъ.

— И у меня просьба къ Антону Львовичу, тихо сказала, взглянувъ на гостя, Ульяна Андреевна.

Ветлугинъ смѣшался. Онъ никакъ не ожидалъ обращенія лично къ себѣ, обыкновенно молчаливой и задумчиво сидѣвшей при немъ, хозяйки дома.

— Какая просьба? спросилъ онъ.

— Видите ли... какъ бы это, — сказала Ульяна Андреевна: вы познакомились съ нашей библіотекой. Такъ я хотѣла узнать, спросить... не попадалась ли вамъ, между прочимъ, одна книга, которой теперь я никакъ не могу отыскать? Всѣ полки на-дняхъ перерыла... Изданіе рѣдкое... старинное...

— Названіе книги? спросилъ Ветлугинъ.

— Но вы можете быть такихъ книгъ не любите? онъ не въ вашемъ духѣ? — поглядывая на мужа и на дочь, продолжала Вечерѣва: теперь инныя сочиненія въ ходу... Вислиценусъ о Библии, Давидъ Штраусъ о жизни Спасителя...

— Да ты ужь, матушка, прямо бы говорила, — перебилъ ее мужъ: что тутъ за намеки? Не люблю я ихъ... охъ, не люблю... «Духовное Млеко» тебѣ, что ли нужно? или «Угрозы Свѣтостоговъ» понадобился?

Аглая наклонилась къ тарелкѣ.

— «Тайнства» Массильона, сказала Вечерѣва: такъ ли это, Алинъка?

— «Mystères» и «Oraisons funèbres», отвѣтила Аглая.

— Далекѣе отъ «Млека» и отъ «Угроза» не ушли, милая моя, съ горечью заключилъ Вечерѣевъ.

Аглая, не дождавшися конца обѣда, встала, поцѣловала руку матери и молча ушла.

Въ тотъ же вечеръ, ѣдучи откуда-то, завернулъ въ Дубки Милунчиковъ.

Онъ взялъ Аглаю подъ руку и долго съ нею ходилъ по саду.

— Ну, что, какъ онъ тебѣ? спросилъ онъ Аглаю.

— Кто?

— Да гость вашъ...

— Право, не знаю.

— Онъ тебѣ говорилъ что-нибудь?

— О чемъ?

Милунчиковъ помолчалъ.

— Аглая!

— Что, дядюшка?

— Уѣдемъ.

— Куда?

— Ахъ, я не знаю... Но ты не повѣришь... Мнѣ кажется, скажи ты только слово, и я бы тебя увезъ отсюда за тридевять земель.

— Довольно и безъ меня тамъ всякихъ.

— Да ты себѣ цѣны не знаешь, ты... будь я на мѣстѣ...

— Тс! остановила его Аглая: слышите, насъ уже зовутъ?

— «Аглая! Аличча» раздавался въ это время по саду голосъ Ульяны Андреевны.

Дня черезъ два Ветлугинъ, роясь надъ новыми справками въ библиотекѣ и высматривая, не увидитъ ли въ гостиной Аглая, вспомнилъ о просьбѣ Вечерѣевой.

«Списокъ книгъ старику я составилъ; надо и ей поискать эти «Тайнства», подумалъ онъ. Просмотрѣвъ одинъ шкафъ, другой, онъ совершенно случайно, за кучей старыхъ газетъ, наткнулся на связку поряжѣлаго, истрепаннаго и полуизгрызеннаго мышами книжнаго хлама. Между послѣднимъ оказался и одинъ изъ желанныхъ томовъ Массильона.

Антонъ Львовичъ сдулъ съ него пылъ и пошелъ, съ цѣлью отдать его Вечерѣевой. Это было послѣ обѣда. Кирила Григорьевичъ, по обыкновенію, сидѣлъ на балконѣ.

— Гдѣ ваша жена? спросилъ Ветлугинъ.

— Въ старый садъ, къ теплицамъ, кажется, пошла. А что, нашли для нея книгу?

— Нашель.

— Бросьте вы эту дребедень въ печку, сказалъ Вечерѣвъ: вонъ Егоровна въ каменкѣ печку топить,—подите и бросьте... мужу и дѣтямъ вашу варить.... Право, это будетъ полезнѣе. А ей дайте Гюго или Беранже... встати, вонъ я одного изъ нихъ перечитываю...

— Не могу, даль слово.

— Ну, идите, несите ей. Я шучу.

Ветлугинъ остановился.

— Скажите, спросилъ онъ: говорили-ль вы съ Аглаей Кириловной? какъ ея намѣреніе?

— Нѣтъ еще, я съ нею не говорилъ.

— Что же вы медлите? или вы полагаете, что она одумается, уступить?

— Вотъ видите-ли, отвѣтилъ Вечерѣвъ: скоро день моего рожденія, — черезъ недѣлю, — надѣюсь, и вы его проведете съ нами?... Что вамъ слѣзпшть? Ну, я и придумалъ — я ее тогда и спрошу. Я убѣжденъ, она подаритъ мнѣ при этомъ свое согласіе, раскается и забудетъ свои бредни...

Зайдя къ Егоровнѣ, Ветлугинъ узналъ, что старая барыня только-что была у нея съ барышней, навѣдывалась къ ея больной дочери Пашутѣ, и пошла въ паркъ за ручей.

— Такъ барышня любить тебя, заходить къ тебѣ? спросилъ Ветлугинъ.

— Какъ ей, голубушѣ, не жалѣть меня! Мужъ-то мой, садовникъ, день-деньской при дѣлѣ. Ну, дѣтокъ же, сами видите, сколько. Пашутка испугалась, какъ брата мавб, кузнеца Антропа, судъ ссылалъ—съ той поры все и хвораетъ...

— Живъ ли твой братъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Бѣгалъ два раза изъ ссылки, а въ третій-то, какъ окружили его солдаты острожные, въ лѣсу-то... онъ просить: пустите голубчики,—а они его и пристрѣлили...

Ручей, о которомъ упомянула Егоровна, пересѣвалъ садъ и въ концѣ его впадалъ въ рѣку. Перейдя черезъ мостъ, Ветлугинъ очутился въ обширномъ, дикомъ паркѣ, гдѣ еще ни разу не былъ. Хозяева, очевидно, также рѣдко здѣсь гуляли. Дорожки его были запущены. Со стороны дома, эта мѣстность была заслонена плодовыми плантаціями; къ рѣкѣ она поднималась нѣсколько въ гору, причемъ съ ея, увѣнчанной старыми дубами, крутизны

открывался видъ на рѣчной заливъ и на село, раскинутое дугой по его берегу.

Ветлугинъ прошелъ паркъ, исколесилъ нѣсколько его просѣкъ и взшелъ на крутизну; но Вечерѣвой не было видно. Онъ уже хотѣлъ отправиться обратно за ручей, какъ изъ-за деревъ, съ зонтикомъ и съ четками въ рукахъ, вышла Ульяна Андреевна

Видъ ея былъ задумчивъ и растерянъ. Она шла, не поднимая головы... Нѣсколько озадачившись неожиданнымъ появленіемъ Ветлугина, она было остановилась; но оправилась и, принимая отъ него книжку, сказала:

— А, вы нашли!.. Какъ я вамъ благодарна; садитесь.

Они сѣли подъ деревомъ, на каменной скамьѣ, стоявшей у края прибрежной крутизны.

— Великій мыслитель, сказала Ульяна Андреевна, указывая на томия Массильона: самъ Вольтеръ отдавалъ ему справедливость... И какая простота! Хороня Людовика Четырнадцатаго, знаменитый проповѣдникъ указалъ на пышный дворъ, на золотомъ окованную гробницу славнаго короля, поднялъ глаза и только сказалъ: «одинъ Господь великъ, мои братья, одинъ онъ...» И всѣ были поражены силой этихъ простыхъ словъ и плакали...

«Спрошу я ее о дочери», подумалъ Ветлугинъ, глядя на старуху. Но онъ не находилъ словъ для вопроса.

Молчала и Вечерѣва...

При видѣ молодого лица и полныхъ жизни, ласковыхъ глазъ Ветлугина, Ульянѣ Андреевнѣ вспомнился ея покойный сынъ Володя, а потомъ и нѣкогда столь же молодой и цвѣтущій силами, Кирила Григорьичъ. Женившись на ней, онъ привезъ ее сюда и такой же ласковый, съ такими же свѣтлыми, добрыми глазами, сидѣлъ съ нею здѣсь, на этой самой скамьѣ... Но какъ это было давно!

Это былъ первый годъ ихъ женитьбы.

Тридцати-пяти лѣтъ, съ небольшимъ, Кирила Григорьичъ, въ чинѣ полковника гвардіи, вышелъ въ отставку, навѣстилъ разоренное село покойнаго отца, увидѣлъ Ульяну Андреевну, тогда еще статную, двадцати-четыре-лѣтнюю, красивую дѣвушку, на балѣ уѣзднаго предводителя Милунчикова, ея дяди (отца Николая Ильича) — влюбился въ нее безъ ума, женился на ней, и оба они, полные надеждъ и счастья, поселились здѣсь. Старое село называлось Весѣлымъ.

Гдѣ они, эти невозвратные дни?

Двадцать-пять лѣтъ назадъ, былъ таковой же теплый, весенній день.

«Бросимъ старую, мрачную и полную непривѣтливыхъ воспоминаній, усадьбу отца» — сказала тогда Кирила Григорьичъ: «тамъ онъ кутилъ и буйствовалъ; тамъ узнала горе и, брошенная съ первыхъ годовъ замужества, зачахла моя мать... Мы, дорогая моя, построимъ новую усадьбу, ниже старой, здѣсь въ дубовой роцѣ, у ключа подъ этой крутизной. И вся наша жизнь будетъ тиха и ясна, какъ этотъ ключъ».

Дѣло было рѣшено. Молодые, любящіе другъ друга и горячо вѣрившіе въ жизнь, мужъ и жена не разъ потомъ сидѣли здѣсь, подъ этими старыми деревьями, уносясь мечтами въ будущее и любуясь видомъ полей, подроставшаго сада и бѣгущей въ густыхъ камышахъ рѣви.

Работа завипѣла. Застучалъ топоръ. Старая дубовая роца, по-этотъ бокъ ручья, перерѣзана полянами и дорожками. По другой его бокъ, разбитъ новый, въ англійскомъ вкусѣ садъ, построены бесѣдки, теплицы и возведенъ новый, въ два этажа домъ. Село названо Дубками. Въ комнаты новаго дома, изъ прежней отцовской усадьбы, перенесены фамилные портреты, бібліотека и часть старинной, еще дѣдовской мебели. Остальное все замѣнено новымъ. Копіи съ картинъ, обои, ковры, зеркала, бронза и посуда, съ общаго согласія, выписывались изъ столицъ. Бібліотека обогатилась поуповой по случаю на какомъ-то заграничномъ аукціонѣ. На мѣстѣ сломаннаго, отцовскаго дома, заблѣла красивая, каменная церковь. Крестьяне вдохнули свободнѣе. Избы, сараи и амбары ихъ перестроены. Света у нихъ прибавилось; повинностей уменьшилось. Вечерѣвъ терпѣливо занимался хозяйствомъ, уплатилъ отцовскіе долги и вскорѣ сталъ у сосѣдей прикупать земли, лѣса и луга. Онъ выписывалъ книги, журналы и ноты; въ семейные праздники, при помощи кое-кого изъ сосѣдей, устраивалъ квартеты. Жена только мало помогала ему въ трудахъ—въ устройствѣ сада, усадьбы и въ хозяйствѣ. Дѣтей у нихъ не было въ теченіи чetyрехъ лѣтъ. На пятомъ году, послѣ женитьбы, у нихъ родился сынъ. И какъ они ему были рады! Всѣ завидовали ихъ счастью. Они выѣзжали, изрѣдка давали вечера... А дагѣ что?

Дагѣ, старый, деревенскій, жизненный складъ взялъ свое. Жена болѣе и болѣе оказывалась не подъ пару мужу. Она любила наряды, выѣзды въ городъ, къ сосѣдямъ, любила танцы, шумное общество, балы...

Работа Кирилъ Григорьичу вскорѣ стала не по сердцу. Да и для чего, для кого было трудиться? На его рассказы о хозяйствѣ жена его зѣвала и говорила: какъ это скучно! Сосѣди читающіе—вскорѣ замѣнились сосѣдами нечитающими, за то танцующими, играющими въ карты и охотниками до милаго ничего недѣланья, смѣха, прогулокъ и вѣчныхъ пересудъ. Ульяна Андреевна перестала стѣсняться: не пропускала ни одного званаго сѣзда у знакомыхъ помѣщиковъ и даже ни одного бала, не только въ губернскомъ, но и въ уѣздномъ собраніи, представляя другимъ заботиться о ребенкѣ, забавлять его, а потомъ и учить.

Кирила Григорьичъ, видя такое настроеніе жены, сперва спорилъ съ нею, а потомъ сталъ и свои досуги проводить отдѣльно отъ нея: за книгами и газетами, съ виолончелемъ, либо съ лопаткой и съ ножомъ въ саду.

Володя подростъ. Явились гувернантки. Ульяна Андреевна не могла нахвалиться одною изъ нихъ; а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, стала ее ревновать въ мужу и удалила. Праздная молва подхватила это событіе и стала его повторять на десятки ладовъ. За толками объ одной гувернанткѣ, пошли толки о другой. Многие увѣрили, что Вечерѣва напрасно мучить ревностью мужа, что онъ передъ нею правъ, что ему не до волокитства. Тѣмъ не менѣе, начался сперва негласный, а потомъ и гласный разладъ мужа съ женой. Ульяна Андреевна на время бросила было выѣзды, засѣла дома, а тамъ опять стала разѣзжаться. Чтобъ избавить себя отъ соперницъ, а мужа отъ соблазна, она уговорила Кирилу Григорьича нанять для Володи учителя. Но сама она вскорѣ влюбилась въ одного изъ наставниковъ, по очереди съ тѣхъ поръ наѣзжавшихъ въ Дубки. Раздушенный французъ-педагогъ, съ шелковистыми русыми усиками, масляными глазками и умѣньемъ играть въ пикетъ, вскружилъ голову вѣтренной и пылкой женщины. «Это не чета моему бирюку, корпящему надъ своими альдами, да эльзевирами!» думала она... Но бѣсъ запретной любви не долго держалъ въ своихъ оковахъ Вечерѣву. Французъ соблазнился прелестями горничной Малашки, былъ уличенъ и съ позоромъ изгнанъ. Володѣ пошелъ двѣнадцатый годъ. Отецъ, оставя на время свои книги, отвезъ его въ губернской городъ, съ цѣлью подготовить въ гимназію. Мальчикъ былъ хилый. Разлука съ родительскимъ домомъ чуть не вогнала его въ чахотку. Онъ въ то время жилъ у Льва Саввича Ветлугина. Его опять взяли въ деревню, причемъ съ нимъ туда на лѣто переѣзжалъ и Левъ Саввичъ.

Распри жены съ мужемъ не прекращались. Ульяна Андреевна, въ припадкѣ новой ревности, стала подозрѣвать мужа въ ухаживаніи то за одной сосѣдкой, то за другою. При этомъ она нѣсколько разъ даже сбѣжала отъ мужа къ дядѣ—предводителю, умершему вскорѣ затѣмъ. Въ это-же время произошелъ и прискорбный случай съ кузнецомъ Антропомъ, — его ссылка, пожаръ его избы и смерть отъ потопленія его сына. «По дѣломъ ей! шептались втихомолку сосѣди: такъ ревнуетъ къ мужу, а сама...» — А встѣдъ затѣмъ, въ началѣ сырой и гнилой зимы, въ деревнѣ заболѣлъ, какъ думали сперва, лихорадкой, и Володя. Кирила Григорычъ потерялъ голову. Экипажи и верховые гонцы были разсланы за лучшими врачами. Но Ульяна Андреевна не вѣрила въ опасное положеніе сына. Ея невѣріе и спокойствіе дошли до того, что когда одинъ изъ мѣстныхъ врачей поручился ей за скорое выздоровленіе сына, она, несмотря на просьбы мужа, уѣхала въ другую ихъ вотчину, с. Пряхино, куда должна была по пути заѣхать ея вкестная мать, игуменья отдаленнаго монастыря, Сусанна. На утро отъ мужа къ Ульянѣ Андреевнѣ была доставлена эстафета. «Опомнись, писалъ Вечерѣвъ: что ты дѣлаешь, безумная? поспѣшай... у Володи тифозная горячка...»

Тутъ только дѣйствительно одумалась и пришла въ себя Вечерѣва. И никогда послѣ того она не могла забыть мучительныхъ часовъ, проведенныхъ ею въ дорогѣ, когда она, въ грязь и слякоть, на подставныхъ лошадяхъ, спѣшила домой. Ни что не помогло. Володя жилъ недолго. Онъ черезъ нѣсколько дней свончался на рукахъ матери. У изголовья умирающаго сына, Вечерѣвой ясно представилось все ея прошлое, вся пустота и все ничтожество ея жизни, какъ матери и жены. Она упала передъ мужемъ на колѣни и умоляла его объ одномъ: о возможности спасти отъ зараженія тифомъ другое ихъ дитя, а именно дочь, которая въ это время также подрастала въ Дубкахъ и на которую Ульяна Андреевна, до той минуты, обращала еще меньшее вниманіе. Игуменья Сусанна, не заставъ Ульяну Андреевну въ Пряхинѣ, завернула въ Дубки. Это было въ день похоронъ Володи. Аглаю, съ кормилицей Егоровной, посадили въ карету къ бабушкѣ, и та увезла ее къ себѣ въ обитель.

Ясно помнила Ульяна Андреевна другое мгновеніе, когда послѣ перваго посѣщенія Аглаи, гостившей въ скитѣ у бабушки, она возвратилась домой, забилась въ старый, пустынный садъ, вышла сюда на крутизну, взглянула на крестъ церкви, на дорогу въ имѣніе покойнаго дяди, и горько зарыдала. Садовый

ключь, по прежнему, тихо бѣжалъ подь ея ногами. Долго здѣсь молилась и плакала она, вспоминая прошлые, свѣтлые дни и прося у неба ихъ возврата. «Нѣтъ! они не возвратятся!» съ горечью рѣшила она: «я грѣшница, великая грѣшница; и нѣтъ мнѣ прощенія и забвенія моихъ проступковъ на землѣ!»

Здѣсь-то, мучимая раскаяніемъ за прошлое и тревогой о будущемъ счастья дочери, она послѣ долгой, томительной мольбы въ Богу—о прощеніи ея тяжкихъ грѣховъ, поклялась спасти по-своему Аглаю отъ участи, испытанный ею самой... И съ той поры она въ Дубкахъ уже была почти гостьей, а постоянно жила либо въ монастырѣ у крестной матери, отъ которой, подь разными предлогами, не торопилась брать дочери, либо въ Прихиномѣ. Кирила Григорычъ на все махалъ рукой и только изрѣдка, отрываясь отъ своихъ книгъ и цвѣтовъ, съ тоской оглядывался и спрашивалъ себя: «Да гдѣ же Аглая? и что она ее, безумная, таскаетъ съ собой? Вотъ и крестная ея померла; а она все съ ней ѣздитъ туда и въ другіе монастыри... Не добромъ это пахнетъ, не добромъ. Надо принять мѣры, образумить чужачку...» Но мѣры не принимались...

Многое передумала Ульяна Андреевна, сидя въ эту минуту съ Ветлугинимъ на каменной скамьѣ.

Глядя на исхудалое, когда-то красивое лицо Вечерѣвой, на ея строгіе, каріе, нѣсколько затуманенные и тревожно смотрѣвшіе глаза, на ея высохшіе тонкіе пальцы и на рано-посѣдѣвшіе волосы, Ветлугинъ въ свой чередъ унесся мыслями въ далекое прошлое. Онъ соображалъ, что съ такими же остатками бывшей красоты, хоть не столько печальная, была бы теперь и его покойная мать; и какъ бы онъ хотѣлъ, чтобы его мать была теперь жива, или чтобы Ульяна Андреевна стала его матерью!... Безумныя и дикія мечты, и имъ не осуществиться никогда...

— Очень вамъ благодарна, повторила Вечерѣва, пожимая руку Ветлугина и пробѣгая глазами принесенную имъ книгу: мужъ мнѣ сказалъ, что вы оказали ему еще и другую услугу, сняли копію съ плана проданнаго имъ лѣсного участка...

— Снять эту копію было легко. Я просидѣлъ надъ нею вчера не болѣе часа... Планъ сдѣланъ превосходно.

— Вы находите? улыбнулась и чуть замѣтно вздохнула Вечерѣва: а знаете ли, кто снималъ этотъ планъ съ натуры?

— Какой-то землемѣръ... Онъ живетъ теперь у одного изъ вашихъ сосѣдей... Фокинъ, кажется...

— О! объ немъ такъ легко не отзывайтесь; это искатель руки Фросиньки!—перебирая четки, шутила Вечерѣва: что-же; дай имъ Богъ счастья. Оно такъ рѣдко на землѣ... Только дочь отца Адрияна что-то переборчива; ужъ дважды отказывала этому жениху... «Толстѣ, говорить, да и больно ужъ простѣ.»—Вотъ вы и подите нынче съ дѣвушками. А простые, казалось бы, для деревенскихъ обычаевъ лучше... Вы какого объ этомъ мнѣнія?

— Афросинья Адрияновна дѣвушка достойная, отвѣтила Ветлугинъ: и за хорошими женихами у нея, вѣроятно, дѣло не станетъ... Пока же могу сказать одно, что лучшей подруги для вашей дочери трудно желать...

Ульяна Андреевна склонилась къ книгѣ Массильона и снова стала ее пробѣгать.

Ветлугинъ подошелъ къ краю крутизны.

— Это вотъ, чернѣть,—обратилась къ нему Вечерѣва: видите? глѣбе за рѣкой... это дорога въ имѣніе моего дяди Милунчикова... Только, увы! и дяди моего давно уже нѣтъ на свѣтѣ, и имѣніе его за долги досталось другимъ... Николай Ильичъ живетъ въ другой сторонѣ, въ помѣстьи своей покойной матери.

— Приятно вамъ наслаждаться плодами своихъ рубѣ! сказалъ Ветлугинъ: рѣдкому выпадаетъ такая доля.

— У деревьевъ, что ни годъ, весна,—продолжала, вставая, Ульяна Андреевна: только у людей весна и счастье бывають въ жизни разъ и болѣе не повторяются...

Передъ Вечерѣвой опять невольнo стали проноситься образы прошлаго: ея свѣжесть и молодость, первые дни счастья, въ этомъ тихомъ, уютномъ гнѣздѣ, кудравый и ласковый, нѣжно-любившій ее Володя, быстроглазая и рѣзвая малютка Алинъка, и много-много сладкихъ упованій и надеждъ.

Гость и хозяйка вышли на поляну. Пчелы звенѣли надъ цвѣтами. Ласточки рѣяли, весело гоняясь за мошками. Иволги перекликались надъ рѣкой.

Антонъ Львовичъ высматривалъ, не мелькнетъ ли вдаль, за кустами, Аглая, и думалъ: «Не спросить ли Вечерѣву, изъ-за чего она такъ безсердечно хочетъ погубить свою дочь?»

— Охота вамъ, Ульяна Андреевна, сказалъ Ветлугинъ: думать о смерти, когда, взгляните,—веруть васъ все цвѣтеть, все радуется и стремится къ жизни... Мало того—правда ли?... мнѣ говорили... не хочется вѣрить... правда ли, будто ваша дочь... намѣрена отказаться отъ свѣта и пойти въ монастырь?

Вечерѣва остановилась. Тревожные огоньки сверкнули въ ея угасшихъ глазахъ.

— Это еще не рѣшено,—подумавъ, отвѣтила она: но если бы и такъ, что сказали бы вы на это?

— Болѣе печальной, — выражусь прямѣе—болѣе непоправимой ошибки еще не дѣлали тѣ, отъ кого зависитъ счастье дѣтей...

— Я другого мнѣнія, сказала Вечерѣва: на дняхъ, на сонъ грядущій, я читала одну французскую книгу... Называется она «Le lendemain de la mort»... Знаете ли, что я вынесла изъ нея? Я убѣдилась, что если бы на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, чернѣли двѣ свѣжія могилы, и если бы въ нихъ были зарыты я и моя дочь,—мнръ былъ бы еще прекраснѣй и счастливѣй, потому что однимъ горемъ было бы менѣе на землѣ...

— Нѣтъ, Ульяна Андреевна, нѣтъ. Чѣмъ больше горе, тѣмъ слаще побѣда надъ нимъ. Мы не должны падать духомъ... Намъ сила воли дана, разумъ. А передъ вами—готовый рай... У васъ прекрасная дочь... Какая мать не нашла бы утѣшенія въ счастьи дочери?

— Вотъ вы какое слово сказали! проговорила, опускаясь на ближнюю свамью, Вечерѣва: а кто отвѣтчикъ за дочь, съ кого взыщется тамъ за каждое ея прегрѣшеніе, за каждый въ жизни шагъ? Нѣтъ, вы скажите откровенно...

— Есть возрастъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: въ которомъ человекъ отвѣчаетъ самъ за себя.

— Послушайте, обратилась къ нему Вечерѣва: отвѣтите мнѣ одно: уважаете ли вы чужія искреннія убѣжденія?

— Хотя бы они противорѣчили общимъ, яснымъ, какъ день, законамъ природы и человѣческаго ума? спросилъ Ветлугинъ.

— Да, и въ особенности, если вы съ ними несогласны? дрожащими руками перебирая четки, спросила Вечерѣва.

Ветлугинъ медлилъ отвѣтомъ. Она не спускала съ него тревожно-внимательнаго взора.

— Есть явленія, передъ которыми нельзя оставаться равнодушнымъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: разумѣется, я посторонній, случайно заѣзжій человекъ... Но смотрите, чтобъ вы послѣ сами не рассказали и горько не оплакивали того, что еще можно остановить...

Вечерѣва встала. Пятна проступили на ея блѣдномъ худомъ, лицѣ. Пока говорилъ Ветлугинъ, она судорожно развязывала и опять завязывала лепты чепца.

— Сердечно васъ благодарю, сердечно, — сказала она: вы молоды и много совѣта отъ васъ трудно, да и нельзя было ожидать. Но я бы васъ попросила объ одномъ: не говорите болѣе объ

этомъ съ своимъ мужемъ... Онъ еще слабъ. Ему нуженъ покой и покой... А это его можетъ пуце разстроить.

Гость и хозяйка возвратились въ домъ.

«Такъ вотъ каковъ этотъ человѣкъ! пробѣжало въ умѣ Вечерѣвой: о! это у него вырвалось не случайно! Надо принять мѣры, надо поспѣшить. Какъ жаль, что опять заболѣла матушка Изма-рагда. Просить навѣдаться. А какъ теперь оставить одну Аглаю?»

XV.

Въ скитѣ у бабушки.

Просмотрѣвъ переводъ Мильтона, Велугинъ, по предложенію Вечерѣва, согласился и на просмотръ его записокъ. Они сходились для общихъ сужденій, спорили, дѣлали отмѣтки того, что слѣдовало въ запискахъ выпустить, разъяснить или пополнить. Посѣтилъ Вечерѣва и Талищевъ. Кирило Григорьичъ, впрочемъ, не очень былъ радъ посѣщенію этого сосѣда и даже не предложилъ ему повидаться съ Велугинимъ.

Нѣсколько разъ въ Дубки опять навѣзжалъ и Милунчиковъ. Вечерѣвъ съ отцемъ Адрияномъ игралъ въ шахматы; Милунчиковъ съ Аглаей читалъ въ подлинникѣ Вальтеръ-Скотта. Аглая всегда охотно проводила время съ дядею. Николай Ильичъ обыкновенно говорилъ ей о своей общественной службѣ, о письменныхъ и словесныхъ стычкахъ съ врагами, о темныхъ про-дѣлкахъ разныхъ пройдохъ и пошляковъ, и о томъ, что онъ работаетъ почти одинъ, безъ поддержки, безъ союзниковъ и безъ малѣйшей надежды на успѣхъ.

«О! если бы я могла помочь этому доброму, честному чело-вѣку!» думала, глядя на дядю, Аглая.

— Знаешь, что, Аглая? сказалъ онъ одинъ разъ.

— Что?

— Брось свои помыслы о монастырѣ, выходи замужъ за хорошаго человѣка, и ты — ты будешь мнѣ пособницей, союзницей.

Аглая вспыхнула, потомъ поблѣднѣла и, залившись слезами, молча убѣжала отъ дяди.

Устраивались въ Дубкахъ и чтенія вслухъ: романовъ Ку-нера и Диккенса, повѣстей Гофмана, поэмъ Жуковскаго и Пушкина. Въ томъ числѣ была прочтена переведенная Жуковскимъ Овидіева поэма «Цейсъ и Гальціона». Читали поочереды Велу-

гинь и Милунчиковъ, а иногда Фросинья. Ульяна Андреевна, изъ приличія только, сидѣла въ началѣ этихъ чтеній; богѣ же ссылалась на нездоровье и оставалась въ своей комнатѣ. Особенно заняла Аглаю Овидіева поэма. У ней изъ головы не выходили образы Цейкса, утонувшаго въ разлукѣ съ Гальціоной, и Гальціоны, въ отчаяніи бросившейся съ утеса.

Милунчиковъ, въ перерывы чтенія, объясняя Аглаѣ авторъ, бралъ ее подъ-руку, уходилъ съ нею въ садъ, и оба они, болѣею частью, возвращались не по себѣ: онъ — недовольный, нахмуренный, Аглая — съ окаменѣлымъ, внутрь себя устремленнымъ взоромъ и еще болѣе блѣдная.

— Что? плохи твои дѣла, Николай Ильичъ? говорилъ въ такія минуты Вечерѣевъ: вижу по тебѣ, — опять возни противъ тебя? опять подвохи?

— Такова моя доля, отвѣчалъ Николай Ильичъ: вѣрите ли, такъ иной разъ жутко, такъ, что, кажется, все бросилъ бы, все...

Послѣ одного изъ заѣздовъ въ Дубки, Милунчиковъ объявилъ, что ему надо готовиться къ собранію гласныхъ у Талищева и на прощаньи прибавилъ, что теперь онъ сюда будетъ уже не скоро.

Аглая съ уворизной взглянула на дядю.

— А съ вами, Антонъ Львовичъ, мы, вѣроятно, еще увидимся въ городѣ? сказалъ Николай Ильичъ, обнимая племянницу.

— Да, и я... надѣюсь въ тому времени, по пути... и мнѣ пора... отвѣтилъ какъ-то разсвѣнно Ветлугинъ.

«Итакъ, онъ тоже уѣдетъ», пробѣжало въ головѣ Аглаи: «а за нимъ»... Она себѣ не договорила. Передъ ней носился образъ утонувшаго въ морѣ Цейкса. Она развернула переводъ Овидіевой поэмы и стала читать описаніе бури, погубившей возлюбленную Гальціоны:

«Вдругъ поднялся и бѣжитъ, раскочавшись, ударить—
 «Валь огромный... Воздвигся страшный, девятый...
 «Мачта за бортъ и руль пополамъ... И, вставъ на добычу,
 «Грозевъ, жаденъ, смотреть изъ бездны валь-побѣдитель...»

Было утро.

Фросинья вошла въ комнату Аглаи. Здѣсь же, разложивъ по столу кусокъ какой-то черной ткани, сидѣла и Ульяна Андреевна. Аглая за пальцами вышивала, золотомъ по бархату, воздуши на церковь. Фросинья поздоровалась съ ними, бросила бѣглый, досадливый взглядъ вокругъ по комнатѣ, вздохнула и,

молча, съ иглой усѣлась помогать Аглаѣ съ другой стороны плечецъ.

— Вотъ, Алинъка, ты опять плохо спала эту ночь, продолжала начатый разговоръ Ульяна Андреевна: а все оттого, что матери не во всемъ слушаешь, въ свѣтскому болѣе, чѣмъ въ духовному, помыслы свои обращаешь. Лучше бы, когда смута на душу падеть, помолилась лишній разъ, страстной просвирки съѣла бы, крещенской бы водицы напилась... А ты романы этого верхогляда, Николая Ильича, вздумала слушать...

Аглая на это смолчала. Только брови ея сдвинулись, да рука съ иглой дрогнула.

— Также вонъ и мать-казначей, дружокъ, замѣтила, что ты все еще грѣшишь,—въ свѣтломъ платьѣ по сю пору ходишь; книжку тоже какую-то, не очень одобрительную, видѣла она у тебя. Черная раска тебѣ давно приготовлена; кожаный бушачекъ, шапочка тоже. Думаю вотъ кроить тебѣ и другую переѣму. Пора объ иномъ нарядѣ думать, а не о романахъ... Чтó сказалъ пророкъ? ...благо есть человѣку, егда возьметъ яремъ закона въ юности своей, сядетъ наединѣ и умоленеть...

— Ахъ, маменька, не томите вы моей души,—вскрикнула, не вытерпѣвъ, Аглая: хочу—поступлю въ монастырь, хочу—здѣсь останусь. Силой ничего не возьмете. И чтó вы меня корите! Дайте надуматься; дайте хоть вдоволь... наплакаться...

Слезы не дали Аглаѣ договорить. Она склонилась головой въ пальцамъ.

— Ну, ну, полно, дай тебя поцѣлую, — оправляя волосы дочери, ласково проговорила Вечерѣва: прости ты меня... Такъ сорвалось... Матушка Измарагда вонъ все хвораеть; говорятъ, ей лучше. А все надо бы ее навѣстить. Да вотъ видишь сама, еще нельзя... Работайте, мои милыя, работайте... Богъ съ вами...

Вечерѣва, кряхтя и дѣлая знаки Фросиньѣ, чтобъ та утѣшила Аглаю, спустилась внизъ въ свою комнату.

Фросинька всочила, сѣла на диванъ и, хватая книги, лежавшія на столѣ, стала ихъ раскрывать и бросать на столъ.

— Вотъ опять, опять, чѣмъ тебя окружили! сказала она раздражительно: «Мечъ духовный», «Виноградъ церковный»... Это еще чтó?... «Діавониссы древней церкви», «Жизнь Параскевы-Пятницы»... А это?... «Монастырскія письма»... «Свѣтъ съ Востока»... Ахъ ты, Господи, Боже мой... Этакую красавицу, милую, добрую, въ гробъ живую владуть!

— Да что же мнѣ дѣлать? спросила, не поднимая головы отъ палець, Аглая: вѣдь я обѣтъ дала, я обѣщанная... Не могу же я, не могу... Пойми ты это! Не терзай хоть ты меня...

— Что дѣлать? А вотъ что: прогони всѣхъ этихъ келейницъ, на глаза къ себѣ ихъ не пускай, а тамъ—перегода—не долго думая, и замужь выходи...

— Кто? а? въ ужасѣ отшатнулась Аглая: образумься... что ты говоришь?

— Да, ты, ты... Что шепчешь и глядишь такъ на меня? Не думаешь ли, что некому посвататься? Есть такой человекъ и ты отлично это знаешь...

— Послушай, перебила ее, вставая и гордо выпрямляясь Аглая: если ты мнѣ хоть разъ еще осмѣлишься намекнуть, если упомянешь—помни, мы съ тобой незнакомы. Я согласилась подождать нѣсколько дней. Но вотъ тебѣ моя рука—завенись ты, или кто другой, еще хоть словомъ,—я пойду къ отцу, объявлю ему свое рѣшеніе и немедленно, слышишь? — немедленно уѣду отсюда навсегда.

— Спасибо и на томъ! въ свой чередъ вставая и кланяясь въ поясъ, горько усмѣхнулась Фросинька: что ты упорна, я знаю; что ты на своемъ захочешь поставить, коли пойдетъ на то, я также не сомнѣваюсь. Прощай. Но помни, будешь горькія слезы лить, будешь руки ломать и молить, чтобъ воротилось прошлое, и чтобъ я съ тобой о немъ, какъ тогда, хоть словечкомъ перемолвилась... Будетъ поздно, и ты на меня не пеняй.

Фросинька взяла зонтикъ, накинула на голову платокъ и, не оглядываясь, вышла.

«Воротись, воротись», хотѣла ей крикнуть Аглая. Но слова ее не слушались, и она, опершись рукой о палець, стояла неподвижная, блѣдная, убитая.

Что сталося за эти дни съ Аглаей? Она не могла отвѣтить и себя не узнавала.

Мысли ея путались. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ. Тяжелая, тупая подавленность и растерянность чувствовались во всемъ ея существѣ. Ихъ смѣняли порывы вспыльчивости и непонятнаго раздраженія.

Притгвѣдившись въ сумерки въ углу дивана, или раздѣвшись, но не ложась еще въ постель, она по цѣлымъ часамъ сидѣла на верху, въ своей комнатѣ, со сдвинутыми бровями, сухимъ, оваменѣлымъ взоромъ упорно глядя въ одну точку: на платьяный шкафъ, на «Кедръ-Ливанскій» на стѣнѣ, на лампу или въ раскрытое окно. Она плакала и не знала, о чемъ плачать?

Ей мерщились темныя, душыныя вельи, высокая церковь за каменной стѣной, множество свѣчей и возгласы молитвъ. Въ черныхъ мантияхъ и въ клобукахъ, ее встрѣчаютъ монахины. «Когда же ты, красавица, къ намъ-то, въ наше тихое пристанище?» говорить онѣ. А впереди ихъ выступаетъ сама игуменья. «Пора, Аглаюшка, охъ, ужъ пора!» говорить она: «годы бѣгутъ, — а грѣхи, что тяжелыя каменя, на вѣки заваливаютъ душу... А еретики, хульники и нечестивцы только и ждутъ того, какъ бы тебя соблазнить и отвратить отъ опасенія... Оле, богохульства — рѣчи ихъ! Спасайся, спасайся... Человѣкъ, аще общаетъ обътъ Богу, да не осквернитъ словесе своего, и да сотворить...» — Ей слышатся ласковыя шутки и тихія, льстивыя рѣчи велейницъ. Чернорясницы кланяются ей и общимъ соборомъ манятъ ее скорѣе къ нимъ, въ недоступныя мѣрскому соблазну и современныя вельи, увѣрая, что къ ней очень будетъ идти и эта черная ряса, и этотъ черный, бархатомъ обшитый клобучекъ... — «Не слушай его, не слушай» говорить онѣ: «самарянинъ онъ, и бѣса имать»...

«Прочь, искушительницы, прочь. Дайте жизни, простора и свободы!» шепталъ ей иной, внутренній голосъ: «Есть иные, далекіе края. Есть суровая, полная дикой красоты, пустыня сѣвера. Туда бы тебѣ улетѣть, туда...» — Тянется тамъ широкая, многоводная рѣка. Дремучій боръ стоитъ по ея берегамъ, съ смолистымъ запахомъ лиственницъ и елей, съ дикими анемонами и богородицыными-слезками. И все это, лѣсъ, рѣка и цвѣты, залито солнечнымъ блескомъ, пышными красками краткой, но дружной весны. Крики птицъ и крики лодочниковъ на ясной глади водъ. Съ горъ спускается, съ товарами, караванъ. Разбиваются палатки, развьючиваются усталые верблюды. Зажигаются костры. Солнце гаснетъ, а горный воздухъ сотрясаютъ влики летящихъ съ юга журавлей. И самой бы Аглаѣ хотѣлось, въ этотъ мигъ, быть на свободѣ, тамъ на берегахъ этой синей, многовидной рѣки, съ этими дремучими, дикими лѣсами, лодочниками, анемонами и вольными журавлями. И онъ, одинъ онъ, молодой и смѣлый, предприимчивый и столько испытанный на своемъ вѣку, могъ бы дать ей эту свободу и эту жизнь. Развѣ и тамъ, рядомъ съ нимъ, нельзя спастись? Развѣ и тамъ не люди? Онъ ей такъ хвалилъ эти далекіе, нездѣшніе, привольные края...

Но опять передъ глазами монастырь. Заунывно звучитъ церковный колоколъ. Слышатся звуки подвижническихъ молитвъ. Кого-то постригаютъ.

Холодъ пробѣгаетъ по жиламъ Аглаи. Она бросается на колѣни передъ образомъ, молится, но молитва бѣжить отъ ея мы-

слей. «Одинъ могъ бы тебя спасти, одинъ! думается ей: тотъ, котораго тебѣ такъ хвалилъ дядя... Онъ иначе устроитъ твою судьбу. Съ нимъ будетъ жизнь, понимаешь ли ты, жизнь, а не смерть!»...

Но гдѣ онъ, что дѣлаетъ, думаетъ и съ кѣмъ говоритъ въ эти мгновенія? И неужели этотъ скромный и такой сдержанный человѣкъ рѣшился бы, — какъ увѣряетъ эта смѣлая и вѣтренная, все замѣчающая Фросинька, — объясниться съ ней и помѣшать ей, вопреки ея рѣшенію, надѣть расу и клубукъ? Неужели наконецъ и она, дочь Уляны Андреевны, способна совершить такой невѣроятный, таковой страшный грѣхъ: забыть данный обѣтъ и все то, на что она, ѣдучи сюда, такъ еще недавно, окончательно и торжественно рѣшилась? «Человѣкъ, аще обѣщаетъ обѣтъ Богу, да сотворить...»

Смертный ужасъ охватываетъ Аглаю. Страшные призраки растутъ, тѣснятся надъ нею. Вотъ вончина, вотъ гробъ и могила, а за нею темная, безрасвѣтная ночь, вѣчныя муки и страданія безъ конца. Малѣйшій порохъ за дверью приводилъ ее въ содроганіе. Ей казалось, что кто-то поднимается по лѣстницѣ, идетъ къ ней, сталъ за дверью, и готовится войти, обнять ее, осипать ласками и поцѣлуями. Гдѣ скрыться, куда бѣжать отъ него, отъ самой себя?

Аглая изнемогала въ борьбѣ съ призраками. И хотѣлось ей, въ эти же мгновенія, видѣть еще хоть разъ этого самаго Ветлугина, котораго она такъ боялась, о чемъ-то его спросить и что-то съ нимъ переговорить. Она то садилась за пядьцы, то снова горячо и страстно, до изнеможенія силъ, молилась, или по часу сидѣла молча, какъ убитая, безсознательно свертывая и развертывая какую-нибудь ленточку, или раскрывая книгу, которой, между тѣмъ, передъ собой не замѣчала. Ей хотѣлось и внизъ сойдти, и было жутко. И послушалась бы она, кажется, сразу во всемъ этаго же Ветлугина и былъ онъ ей въ то же время страшнѣе и ненавистнѣе. Хоть однимъ глазомъ, невзначай, въ какую-нибудь щель, или въ это раскрытое окно, кажется, глянула бы она на него. Но нѣтъ его. Изъ-за откоса окна видѣтъ весь садъ: вотъ поляна, вершины дальнихъ деревъ, а вонъ крыша и уголь его бесѣдки. Но его не видно. Гдѣ онъ? Да, впрочемъ, и лучше, что его не видать. Она страдаетъ... И неотвязчивымъ шмелемъ жужжать ей въ уши и жалать ее грозныя рѣчи матери: «Помни же, Аглая. Полюбишь кого изъ мужчинъ, ужъ этимъ самымъ ты смертельно и на вѣки согрѣшишь... Богъ тебя за то накажетъ и душа твоя погибнетъ. Бойся грѣха, а паче бойся мужчинъ. Всѣ

они съ виду нѣжны и милы таковы; а у каждаго бѣсъ въ душѣ. И вѣрь ты мнѣ, полюбить тебя мужчина только для того, чтобы насмѣяться, загубить тебя и потомъ бросить...»

Аглая севозь землю бы провалилась отъ этихъ словъ матери. «И ужь правду ли говорить бѣдная, потерявшая вѣру въ жизнь, женщина?» думала она и не знала, съ кѣмъ бы ей посоветоваться, съ кѣмъ бы отвести душу? Посоветоваться съ дядей? Но и онъ не ѣдетъ... Да и какъ ему все объяснить? Она бродила по комнатамъ, занималась ничтожными вещами. То въ кормилицѣ Егоровѣ заберется въ комнату, возится съ ея дѣтьми, ляжетъ на знакомый ей съ дѣтства кормилицы сундучекъ и плачетъ. То къ дѣвушкамъ въ прачешную зайдетъ, возьметъ утюгъ и, слушая ихъ болтовню, гладитъ по полчаса кавой-нибудь воротничекъ; или такъ, наконецъ, безъ всякаго дѣла, бродитъ по комнатамъ, въ одну заглянетъ, — какъ будто ищетъ кого, — въ другую, и опять поднимется на верхъ, молится.

Аглаѣ въ такіа мгновенія ясно вспоминалась вся ея жизнь — между страдавшей матерью и одиноко-старѣвшимися отцомъ. Этотъ грустный семейный разладъ рано возбудилъ любопытство и горькое раздумье въ наблюдательномъ, сосредоточенномъ и пыломъ ребенкѣ. Ея искренняя печаль и подъ часъ невольныя, необъяснимыя слезы сдѣлали ея, по немногу, другомъ и повѣренной ея матери. Аглая вездѣ ея сопровождала. Особенно ей понравился далекій, лѣсной скитъ бабушки Сусанны...

Сперва онѣ тамъ прогостили только осень и зиму. Потомъ онѣ стали навѣдываться сюда и въ лѣтніе мѣсяцы. Здѣсь-то худенькая, быстроглазая и постоянно-молчаливая дѣвушка стала, ни съ того, ни съ сего, уединяться отъ всѣхъ, не пропускать ни одной церковной службы, молиться часто и долго, вглядываясь во все окружающее и отыскивая разрѣшенія тяжелыхъ, мучившихъ ея вопросовъ и сомнѣній. Она вслушивалась въ толки бабушки съ инокинями. «Такъ молода, а ужь ищешь истины небесной!» говорила о ней съ гордостью мать Сусанна. Здѣсь-то, наконецъ, Аглая незамѣтно стала уклоняться отъ дѣвическихъ игръ и отъ подругъ и мечтать объ одномъ, о грѣхопадении бѣднаго міра и о неустанной, вѣчной молитвѣ за него. А однажды бросилась на шею матери и сказала ей: «Ты согласишься, родная, — ты хотѣла спасти меня... спасеніе въ одномъ говорила ты — я думаю о монастырѣ»... Мать въ восторгѣ прижала ее къ груди. «Ты угадала мою мысль», сказала она: «Господь просвѣтилъ тебя... Слушай его и не измѣняй слову»...

Это случилось четыре года назадъ.

Аглаѣ кончилось четырнадцать лѣтъ. Гостила она съ матерью, въ ту пору, по обыкновенію, въ бабушкиномъ скиту. Незадолго передъ тѣмъ она впервые и совершенно случайно, отъ одной изъ инюкинъ узнала кое-что изъ тайнъ своей семьи и, между прочимъ, о ссыльѣ кузнеца Антропа, объ утопленникѣ, его сынѣ, и о кончинѣ брата, Володи, котораго Аглая страстно любила, хотя смутно помнила.

Она выждала время и, при случаѣ, затанъ волненіе, обратилась съ распросами о томъ къ гостившей съ ними въ обители Егоровнѣ. Кормилица передала ей, какъ старая барыня, за ссорой съ бариномъ, проглядѣла болѣзнь Володи, и перешла къ разсказу о судьбѣ Антропа. — «Ушелъ Антропушка, съ другими острожниками», причитывала въ слезахъ Егоровна, забывъ, съ кѣмъ она говорить: «охъ, барышня-лебедушка!.. а ихъ солдаты-то и окружили въ болотѣ.— Не бейте, солдатушки, молитъ братецъ Антропъ: дайте мать родну-землю повидать, на могилкѣ родителей, сына, помолитъ. А они изъ ружей какъ выпалать, да прямо то ему въ самую грудь... Склонился онъ, сердечный; кровь такъ и бѣжить по рубахѣ, а самъ говорить: за что, солдатушки, за что?»—Егоровна отъ слезъ не могла говорить далѣе.

Сидѣла она въ то время съ Аглаей у опушки монастырскаго лѣса. Прямо передъ ними была поляна; за ней рѣва, а надъ берегомъ старое монастырское кладбище. Поразилъ Аглаю разсказъ кормилицы. Антропъ всталъ передъ нею, какъ живой.

«Бѣдный, бѣдный» подумала Аглая: «и сынъ его утонуть, и жена его бросила, и убили его безъ покаянія»... Слушая Егоровну, она прилегла къ копьѣ сѣна, подъ деревомъ, — въ то время кончили косить монастырскіе дуга и поле опустѣло, — задумалась и стала дремать. Кормилицу въ это время кто-то крикнулъ изъ обители къ Ульянѣ Андреевнѣ. «Сиди-жь ты, моя лебедушка», сказала Егоровна: «а я вотъ на минутку сбѣгаю»—и ушла.

Въ глазахъ Аглаи помутилось. «Видно, солнце зашло за гучку» подумала она.—Въ лѣсу и на полянѣ настала мертвая тишина. Только высокая, пахучая, некошенная трава на кладбищѣ чуть колыхалась, да изъ-за лѣса, безъ всякой по видимому причины, какъ по покойнику, раздался тихій, дребезжащій церковный благовѣстъ.

И вдругъ Аглая увидѣла, что между зеленыхъ могилъ, какъ бы играя тамъ, мелькнуло одинокое дитя. Ближе и ближе. Оказывается мальчикъ, да такой худенькій, робкій, блѣдный. На немъ бѣлая рубашечка. Ножи у него были босыя. А хорошенькій

мавой! Русые кудри, голубые глаза. За нимъ подалѣе другой мальчикъ, поменьше... Да что-же это и почему онъ босой?... Сердце Аглаи дрогнуло. Она замерла, не вѣрять себѣ. — «Ты ли это, Володя? ты ли?» радостно вскрикиваетъ она, бросаясь къ первому мальчику: — «Не подходи!» кивая головой, отвѣчаетъ онъ: «это я; но во мнѣ еще нельзя»... — «Да какъ же ты выбился, Володечка? какъ вышелъ на свѣтъ? ахъ, какъ я рада! Кормилица, гдѣ ты? сюда, сюда!» кричить, вѣ себя отъ восторга и вѣсть отъ ужаса, Аглая. — «Не зови никого» говоритъ ровнымъ, тихимъ голосомъ блѣдный, худенькій мальчикъ: «мнѣ Антропъ помогъ; на рукахъ онъ вынесъ оттуда меня и своего сына... Онъ спрятался за канавой, боится, чтобъ не увидѣли... Прощай; намъ долго нельзя, пора назадъ»... — «Подожди, о! подожди хоть минутку, дай на тебя насмотрѣться!» молила Аглая. — «Нельзя», горестно качая головой мальчикъ: «тяжела, охъ, да какъ же тяжела земля надъ нами... И ты одна, сестра, можешь отвалить ее, можешь дать намъ подышать... Помогни, помогни»... — «Чѣмъ, Володя, говори?» — Мальчикъ не отвѣчаетъ, хочетъ уйти. — «Куда же ты, Володя, Володечка?» ломая руки, кричала Аглая. Но блѣдный мальчикъ не послушалъ ее, убѣжалъ и опять скрылся между могилами...

Аглаю замертво нашли въ травѣ, у кладбищенской канавы, привели въ чувство и стали спрашивать, что съ ней. «Волка подъ лѣсомъ увидѣла» отвѣтила она и никому не сказала настоящей причины. Такъ бы это дѣло и кончилось. Но мысль, чѣмъ бы именно она могла пособить брату, мучила ее и не давала ей покоя. Блѣдный мальчикъ подходилъ во свѣ къ ея постели, становился передъ ней, улыбался и тихо говорилъ: «Аличка, помори мнѣ, помори; силы нѣтъ; сжался — давить».

Разъ, передъ выѣздомъ изъ бабкиной обители, Аглая увидѣла, какъ постригали какую-то писанную красавицу, вдову-мѣщанку. Пѣли вступительный тропарь: «Объятія отчи отверсти ми потщися». — «Что пришла еси, сестро? — спрашивалъ постригающій игумень. — «Житія ради постническаго.» — «Вольною ли мыслию желеаши сподобитися ангельскаго образа, — сохранили себя, до конца живота, въ дѣвствѣ, цѣломудріи и послушаніи?» — «Ей Богу содѣйствующу, честный отче...» — «Се Христосъ невидимо здѣсь предстоитъ» — возглашалъ игумень: «возьми ножницы и подаждь ми»... «Вотъ, о чемъ просилъ меня Володя» рѣшила, уходя изъ церкви, Аглая и на другой же день сперва матери, а потомъ игуменьѣ Сусаннѣ объявила о своемъ желаніи также по-

стричься въ монастырь. Остальное взялась устроить Ульяна Андреевна.

Велугинъ, съ перваго появленія, смутилъ и взволновалъ Аглаю. Она до того испугалась своего настроенія, что тогда же рѣшилась обо всемъ переговорить съ Фросинькой. «Фросинька, ангель мой! — сказала она, кинувшись ей какъ-то въ садъ на шею: — объясни ты мнѣ, что это такое? и когда *это* со мной сдѣлалось? Отчего я вдругъ стала *такою*»? «Какою?» спросила ее съ изумленіемъ Фросинька. — «Да развѣ ты не видишь? не понимаешь?» «Хоть убей, не возьму въ толкъ» терялась Фросинька. — «Ахъ, ты ничего не хочешь видѣть, или я глупа!» съ сердцемъ всерывнула и, расплававшись, убѣжала отъ нея Аглая. Когда же Фросинька, съ своей стороны, какъ-то вздумала пуститься съ ней въ толки о гостѣ, Аглаѣ показалось, что мечтательная и вѣтренная подруга сама влюбилась въ него по уши. Она вспыхнула отъ страха и отъ стыда и, едва дослушавъ ее, подумала: «Теперь всему этому надо положить вонецъ, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Попрошу дядю, чтобы онъ уговорилъ его уѣхать; а не уѣдетъ, я сама ему скажу»...

Нѣсколько разъ Аглая собиралась вызвать Велугина на объясненія, чтобы тутъ же сразу отнять у него всякую надежду. Она тщательнѣе одѣвалась, по нѣскольку разъ принималась расчесывать свои волосы и — что рѣдко съ ней бывало — накалывала на грудь какой-нибудь бантикъ, или пучокъ цвѣтковъ, и, раскраснѣвшись, чуть сдерживая волненіе, быстро сходила внизъ, а оттуда въ садъ... Но сомнѣнія росли, выводы и соображенія падали, путались. Желаніе видѣть Велугина, объясниться съ нимъ, — уступало мѣсто смущенію, робости... Иной разъ невзначай она встрѣчалась съ нимъ, съ видимымъ равнодушіемъ слушала его, а когда онъ уходилъ, начинала плавать, ломать руки, вздыхать и теряться въ догадкахъ.

— Да такъ-ли ужъ это все? сказала разъ въ такія минуты матери Аглая?

— Что такое? спросила Ульяна Андреевна.

Дочь застала ее за укладкой бѣлья въ спальнѣ.

— Такъ ли все это? повторила, какъ бы про себя, съ страннымъ блескомъ глазъ Аглая: я все думаю, думаю... Письма объ Аeonѣ я читала сейчасъ...

— Ой, читай, Алинька, читай, слушай угодниковъ. Послушаніе — паче поста...

— Страшные подвиги на Аeonѣ совершаютъ отшельники, —

продолжала, не слушая матери, Аглая: отъ людей отрекаются, отъ страстей, плоть и душу свою клянуть и предають на истязаніе... По десяти, по пятнадцати часовъ изъ церкви не выходить, молятся до омертвѣнія...

— Мать Паисія, Алинъба, на Аeonѣ не была, нельзя,—тамъ пятьсотъ лѣтъ женскій полъ ногою не ступалъ,—а въ Ерусалимѣ была—святотробскаго дерева и масла привезла, святой огонь ѣла и слышала, какъ души воють въ аду... Вотъ еѣ спроси...

— Да не о томъ, маменьба, не о томъ, перебила, хватаясь за голову, Аглая.

— О чемъ же?

— Ну что, если по пусту, даромъ всѣ эти муки и истязанія? Что если, тамъ, за гробомъ — мракъ... если нѣтъ награды за это отреченіе отъ жизни? Что... да нѣтъ! страшно! вы о томъ не думали и этого не поймете...

Аглая ушла. Ульяна Андреевна отъ изумленія только руками развела. Она была поражена.

«Это все дядя ее научаетъ! это его слова! — замирая отъ страха, думала она:—надо ѣхать къ матушкѣ Измарагдѣ... надо ѣхать»...

Ульяна Андреевна получила новыя, важныя вѣсти изъ монастыря и на этотъ разъ не вытерпѣла,—послѣ утренняго чая—уѣхала туда на цѣлый день. Уѣзжая, она просила Аглаю не разставаться съ отцемъ и быть съ нимъ, какъ можно ласковѣе. «Ты знаешь, черезъ недѣлю ужъ и срокъ...» прибавила она.

Ветлугинъ въ то утро кончилъ пересмотръ записокъ Вечерѣва и также собирался, черезъ день—черезъ два, окончательно уѣхать изъ Дубковъ. Хотя, вслѣдъ за прибытіемъ сюда, онъ и извѣстилъ отца, что порученіе его будетъ по всей вѣроятности выполнено и что, если онъ прогоститъ здѣсь лишнее время, то на это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на дружескій плѣнъ со стороны Вечерѣва, но этотъ плѣнъ становился, наконецъ, ему не подъ силу. «Зачѣмъ я здѣсь?—разсуждалъ онъ—какая польза? Аглая видимо избѣгаетъ меня. Застану ли ее въ саду, съ книгой, она издали еще замѣтитъ меня, встаетъ со скамьи и уходитъ. Говорю ли съ ней, она точно не слышитъ меня, едва отвѣтитъ и, кажется, думаетъ: «ты здѣсь при чемъ? и когда, наконецъ, уѣдешь?»

Въ день отъѣзда Вечерѣвой, послѣ обѣда, Ветлугинъ опять взявъ у Филата ружье и пошелъ за рѣку въ луга. Онъ бродилъ тамъ до вечера, возвратился уже въ сумерки, не заглядывая въ домъ, прошелъ къ себѣ въ бесѣдку, заперъ дверь на ключъ и, не за-

жгача свѣчи, какъ былъ, въ платьѣ и въ сапогахъ, бросился на постель. Жаркій ли день его такъ утомилъ, душевная ли тревога его подломила, только онъ чувствовалъ себя, какъ въ лихорадкѣ. Голова горѣла; по тѣлу пробѣгалъ ознобъ. Онъ на мгновеніе забывался тяжелымъ сномъ, но опять раскрывалъ глаза, прислушивался и приглядывался къ темнотѣ.

То ему грезилось, что въ окно бесѣдки заглядываетъ и ищетъ его глазами Ульяна Андреевна. То въ углу за печкой ему мерещился, полуосвѣщенный лампадой молеельни, спрятавшійся тутъ Вечерѣевъ. Кирило Григорьевичъ внушительно подмигивалъ ему и будто говорилъ: «Что? обошли меня, стараго хрыча, обошли и никто мнѣ не помочь!» А раза два Ветлугину почудилось, что Ульяна Андреевна уже не подъ окномъ, а здѣсь же, въ потемкахъ, сидитъ на стулѣ, возлѣ его дивана, смотритъ на него, шепчетъ: «все да прѣзрять, все да отринуть!» и холодомъ могилы вѣетъ отъ нея... Смерть, конецъ...

Антонъ Львовичъ очнулся и долго не могъ понять, гдѣ онъ и отъ чего такъ быстро проснулся?

Точно кто-нибудь его громко назвалъ по имени или толкнулъ. Въ ухахъ его звенѣло. Въ воздухѣ было душно. Сидя на постели, онъ сталъ прислушиваться и гадать кругомъ. Въ темнотѣ, за окнами бесѣдки, вспыхивали яркія зарницы. Ветлугинъ сообразилъ, что его разбудило сильнымъ ударомъ грома.

Онъ вышелъ на крыльцо, постоялъ здѣсь, послѣдилъ за молніей, раза два пышно озарившей садъ, возвратился въ бесѣдку, распахнулъ всѣ окна настежь, прилегъ и опять хотѣлъ заснуть. Сонъ бѣжалъ отъ него. Что-то непонятное творилось вокругъ...

За бесѣдкой раздавался странный, непрерывный шорохъ, будто шумѣли встревоженные вихремъ деревья — вѣтра между тѣмъ не было — или въ потьмахъ надъ садомъ летѣла безконечная гуча насѣкомыхъ. Ветлугинъ снова вышелъ изъ бесѣдки. Деревья молчали. Ни одинъ листъ не шевелился на нихъ.

«Что за странность?» подумалъ Ветлугинъ и только что ступилъ отъ крыльца, зарево молніи блеснуло ему прямо въ глаза и, въ то же мгновеніе, новый громовой ударъ оборвался надъ садомъ и, казалось, упалъ въ пяти шагахъ отъ бесѣдки. Тутъ только Ветлугинъ, въ блескѣ молніи, разглядѣлъ разбуженныхъ необычной, ночной грозой птицъ, пугливо метавшихся во мракѣ по верхъ деревь, и понялъ причину слышаннаго имъ шороха.

Вспышки молній становились чаще и чаще, сливаясь въ одно, то голубое, то желтое, то алое сверканіе. Ббахъ, ббахъ! залпами ушаченной канонады вторили имъ оглушительные удары грома,

отдаваясь во мракъ полей и, то и дѣло, сотрясая окна и стѣны бесѣдки. При блескѣ молніи было видно, какъ дальнія вербы неселились отъ налетающаго вѣтра и, точно уходя отъ берега, качали огромными, косматыми головами.

И опять темнота. Зги не видно. Гдѣ-то за рѣкой, минуя садъ, падалъ дождь. Гдѣ-то въ оврагахъ бѣжали и журчали проворные дождевые ручьи. Кажется, конецъ грозѣ...

Но мгновенно опять и еще ярче вспыхиваетъ все пространство сада, парка и взгорья за рѣкой. Изъ мрака выдѣляются аллеи, дальнія липы и дубы, въ концѣ сада, на крутизнѣ, домъ и крыши надворныхъ строеній, а за ними, въ темномъ небѣ, крестъ церкви и вспугнутыя ночной грозой птицы...

«Спать ли она теперь?» подумалъ Ветлугинъ, отходя отъ бесѣдки. Онъ обогнулъ первые кусты. Песокъ слегка хрустѣлъ подъ его ногами. Онъ миновалъ одну дорожку, другую, вышелъ къ дому, взглянулъ на окно Аглаи. Вездѣ тихо. Онъ постоялъ нѣсколько мгновений. «Безуміе, безуміе, помыслилъ онъ: завтра же ѣду отсюда!» и только-что хотѣлъ идти обратно, какъ издали отъ него послышались другіе шаги. «Кто бы это былъ? неужели?...» мелькнуло въ головѣ Ветлугина. Холодъ пробѣжалъ по его жиламъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Филать, это ты? произнесъ изъ потѣмокъ тихій, дрожащій голосъ.

Ветлугинъ замеръ. То была Аглая.

XVI.

Благовѣстѣ.

— Проводи меня, мнѣ страшно... мнѣ показалось,— продолжала, не двигаясь съ мѣста, Аглая.

— Вы ли это? вы не спите? отозвался, шагнувъ къ ней черезъ поляну, Ветлугинъ.

Онъ подошелъ къ ней. Она молчала. На ней, прикрывая ея плечи и руки, былъ наскоро наброшенъ платокъ.

— Что съ вами? повторилъ Ветлугинъ.

Онъ чувствовалъ, какъ кровь мгновенно прилила ему въ лицо. Руки его дрожали.

Мысли въ Аглаѣ по немногу возвратились. Судорожно кутаясь въ платокъ, она нѣсколько постояла, обернулась, испуганно взглянула къ сторонѣ дома, врѣще взялась за руку, протя-

нутую ей Ветлугинимъ, и, точно убѣгая отъ чего-нибудь, тѣготившаго ее, неровной поступью пошла съ нимъ вдоль поляны.

— Ахъ, какъ страшно, какъ я испугалась! сказала, вздрагивая, Аглая: я рада, что это вы... а мнѣ показалось...

— Что съ вами? скажите мнѣ, не бойтесь,—успокоивалъ ее Ветлугинъ: не помогу ли я вамъ?

Они дошли до конца поляны, сѣли подъ деревомъ на скамью. Но Аглая, черезъ минуту встала опять, при блескѣ зарницъ, прошла далѣе, повернула къ парку и, дойдя до второй, скрытой за деревьями, поляны, сказала: «здѣсь». Они сѣли подъ навѣсомъ бесѣдки изъ диваго винограда.

— Вы хотите мнѣ помочь? все еще не приходи въ себя, проговорила Аглая: вы слишкомъ добры, и я ничѣмъ этого не заслужила.

Она перевела духъ.

— Позвольте, позвольте, не возражайте! продолжала она, оглядываясь: выслушайте меня. Я такъ испугалась. Мнѣ представилось... Нѣтъ, не то... Мысли мои совсѣмъ путаются... Вы знаете, у Егоровны, моей кормилицы, заболѣла дочь... Здѣсь постоянно столько больныхъ... несчастное мѣсто...

Аглая остановилась.

— Такъ вотъ, продолжала она: мужъ Егоровны вчера уѣхалъ въ другое наше имѣніе; я и отпустила ее къ дѣтямъ и осталась ночевать на верху одна. Маменька тоже уѣхала. Я не трусиха. Но посудите сами... Чуть только я легла и закрыла глаза, страшно и вспомнить,—онъ опять и явился.

— Кто? спросилъ Ветлугинъ.

— Онъ... онъ подошелъ ко мнѣ, сталъ и глядитъ такъ жалобно...

— Да кто же онъ? кто? допрашивалъ Ветлугинъ.

— Онъ... да Боже мой!... бѣлый мальчишъ... Вотъ... Володя нашъ... отвернувшись, отвѣтила Аглая.

— Какъ? что вы сказали?

— Ахъ, не то, опять не то! просящимъ, безыкойнымъ взоромъ взглянула на него Аглая: мнѣ бы не слѣдовало... И я никому не говорила... Но Боже, какая пытка! Я теряюсь, я не вынесу этого. Судите, какъ знаете; я вамъ первому это передамъ.

Волненіе болѣе и болѣе охватывало Аглаю. Съ трудомъ преодолевая внутреннюю дрожь, она ерѣпче закуталась въ платокъ, робко придвинулась къ Ветлугину, еще разъ оглянулась къ дому и за рѣку, въ темноту, откуда слышались послѣдніе вздохи ушедшей вдаль грозы, и чуть слышнымъ шопотомъ, съ перерывами,

недомолвками и со слезами, рассказала Ветлугину, какъ, во-время пребыванія у бабки, ей впервые привидѣлся ея покойный братъ, Володя.

— Но вѣдь это было во снѣ! усвоивалъ ее Ветлугинъ.

— Знаю, знаю, и сама понимаю, что не слѣдуетъ вѣрить снамъ. Но измучишься. Притомъ есть знаменія... Послушайте! я не могу этому не вѣрить!.. Еслибъ вы видѣли его, еслибъ взглянули... Какая жалость! худенькій, робкій, блѣдный,—совсѣмъ дитя... Подойдетъ, станетъ и молить... Ахъ, да о-чемъ-же онъ молить, скажите вы мнѣ! заключила, хватая себя за голову, Аглая: не даромъ-же все это... не даромъ...

Слезы не дали ей договорить. Платокъ скатился съ ея плечъ. Волосы въ беспорядкѣ упали на лицо.

«Её ли я слышу? разсуждалъ Ветлугинъ: и она ли сидитъ теперь рядомъ со мной, складками платья касается меня? Я ей все скажу, все. Я раскрою ей бездну, куда её толкають. Передамъ, что мнѣ жаль её, что я её полюбилъ и спасу, во чтобы то ни стало; что она грезилась мнѣ всюду, съ дѣтства, въ юности, въ лучшія мои мгновенія».

— Знаменіе, вы сказали?—спросилъ, Ветлугинъ: хорошо, пусть это будетъ знаменіе. Вы добиваетесь его смысла. Вамъ тяжело и вы спрашиваете, какъ вамъ быть? Я вамъ отвѣчу за вашего брата, — сердечнымъ, дрогнувшимъ голосомъ несмѣло сказала и смола Ветлугинъ: не того ждешь отъ васъ и не о томъ молить вашъ братъ, что, подъ влияніемъ другихъ, вы рѣшили сдѣлать...

Аглая молча взглянула на него.

— Не вѣрете ни-чѣмъ совѣтамъ. Вѣрете себѣ одной! смѣлѣе и тверже продолжалъ Ветлугинъ: ваши тревоги, ваши сомнѣнія и эти страстные поиски за истиной—это борьба за жизнь. И вы достойны жизни. Не идите въ монастырь. Оставайтесь въ свѣтѣ, будьте лучшимъ его украшеніемъ. Вамъ ли преждевременно посвятить себя затворничеству и отрѣченію отъ міра и отъ ближнихъ; когда вы можете принести столько пользы и счастья себѣ и другимъ? Вы—дочь богатыхъ родителей. Бѣдность, Аглая Кирилловна, вопреки толкамъ монаховъ — не благополучіе, а злое горе для человѣка, —тяжкіе кандалы на ногахъ, не дающіе множеству хорошихъ людей свободно идти по жизненной дорогѣ... Достатокъ—прежде всего, долгъ, обязанность. И вы въ долгу передъ свѣтомъ, обществомъ...

Аглая не глядѣла на Ветлугина. Но гнѣніемъ райской птицы въ ея душѣ отдавались его слова. Перебирая въ рукахъ платокъ

и не поднимая глазъ, она жадно слушала Ветлугина и думала: «онъ правъ, да мнѣ-то что изъ того?»

— Взгляните, что творится хоть бы здѣсь, передъ вашими глазами, убѣждалъ Ветлугинъ: посѣлокъ вашихъ бывшихъ крестьянъ, по ошибкѣ ли прежнихъ владѣльцевъ, или по собственному ихъ невѣдѣнію, расположенъ по болотистому заливу рѣки. Лихорадки, горячки и всякія повальныя болѣзни, какъ вы-же говорите, изнуряютъ взрослыхъ, безжалостно убиваютъ дѣтей. Богъ о чемъ, вѣрите мнѣ, между прочимъ, просилъ васъ тотъ... тревожившій васъ мальчикъ... Вашимъ влияніемъ могутъ быть осушены болота. И васъ благословятъ сотни людей...

Ветлугинъ помолчалъ.

— Да мало-ли, продолжалъ онъ: всмотритесь въ нужды этихъ и окрестныхъ бѣдняковъ. Сколько добра они ждутъ отъ васъ и отъ другихъ... Вы-ли, Аглая Кириловна, на вашемъ искусствѣ, будете служить какою-нибудь выжившей изъ ума, но всѣмъ обезпеченной, темной старухи, когда воеругъ васъ, по избамъ, столько семействъ тонуть въ непроходимомъ невѣжествѣ, или подъ часъ, безъ пособій, мрутъ какъ мухи, и когда ваши услуги въ монастырѣ легко можете замѣнить любая поденщица? Наконецъ, вы убьете отца... Скажите, ужь одно это дастъ-ли вамъ счастье, дастъ-ли желанный покой?

Аглая подняла голову.

— Поздно мнѣ все это слышать! сказала, вставая, она; я дала обѣтъ и должна его исполнить.

— Но вы еще такъ молоды,—вставая въ свой чередъ, возразилъ Ветлугинъ, какое поприще могло-бы еще открыться передъ вами и сколько добра вы разсѣяли бы воеругъ себя?

— Сны, видѣнія, я согласна съ вами, сказала Аглая: это плодъ вволнованной, разстроенной души. Но разъ принятое рѣшеніе должно быть исполнено.

Она ступила нѣсколько шаговъ.

— Аглая Кириловна! вскрикнулъ ей вслѣдъ Ветлугинъ, чувствуя, какъ вдругъ упало его сердце.

Она остановилась.

— Я васъ слушаю, не оборачиваясь, тихо сказала Аглая.

— Я завтра ѣду... Во имя дружбы, которою вы меня сегодня подарили, сказалъ Ветлугинъ: еще разъ заклинаю васъ, одумайтесь, не губите себя.

— Поздно, поздно!—рѣшила, уходя, Аглая: дай Богъ вамъ счастья на вашемъ пути! я съ своего не сойду...

Ветлугинъ остался убитый, ошеломленный. Въ воздухѣ еще пахло грозой. За рѣкою начинало бѣлѣть.

Утромъ того дня возвратилась въ Дубки Ульяна Андреевна. — «Что барышня?» спросила она на крыльцѣ встрѣтившую ее Егоровну. — «Спать еще», отвѣтила кормилица. Ульяна Андреевна на цыпочкахъ вошла на верхъ въ комнаты дочери, не слышно отворила дверь съ лѣстницы и въ умиленіи пробыла нѣсколько мгновений... Аглая, спиной къ ней, стояла на колынахъ передъ образомъ и, устремивъ на него глаза, со сжатыми руками, неподвижно и горячо молилась.

Ветлугинъ проспалъ чай, проспалъ и время завтрака. «Видно, наморился надъ писаньемъ», разсуждалъ Филатъ, приходя къ нему и опять уходя, съ размышленіемъ: «ишь, и вещи свои уложилъ, собрался; должно быть уѣзжать хочетъ — пусть выспится». — Антонъ Львовичъ спалъ тревожно. Ему грезились то голубыя, то алія молніи, дружный ливень и косматыя вербы, а въ небѣ врестъ церкви и стаи вкружившихся, спугнутыхъ ночью грозой птицъ. Грезилась ему и Аглая...

Онъ проснулся не за долго передъ обѣдомъ. Голова его была тяжела. Онъ всталъ, вспомнилъ встрѣчу и разговоръ подъ виноградной бесѣдкой, позвалъ Филата, узналъ, что Вечерѣва уже возвратилась и что господскія лошади теперь въ сборѣ, попросилъ чаю и, сказавъ, что выйдетъ только къ обѣду, сѣлъ за перо. То было письмо къ Аглаѣ. Онъ хотѣлъ его передать черезъ Фросиньку. Мысли не слушались. Прошелъ часъ, другой. Письмо не писалось.

— Кухать просать, — объявилъ показавшійся въ дверяхъ Филатъ.

Ветлугинъ разорвалъ начатое письмо, привелъ себя въ порядокъ и вышелъ въ садъ. День былъ знойный. Парило. Кругомъ стоялъ густой, смолистый паръ отъ деревъ и цвѣтовъ.

— Что это, дѣдушка, было сегодня ночью? спросилъ Антонъ Львовичъ дѣда Лувашку, увидя его, съ пучкомъ готовыхъ тычиновъ, подъ ракикою въ саду.

— Воробьиная ночь, милый, ногѣ была.

— Къ добру же это, или не къ добру?

— Какъ кому. Молодымъ все къ добру. А вотъ я такъ лежалъ всю ночь въ землянѣхъ, да думалъ, ужъ не конецъ ли сѣту пришелъ? Передъ концомъ всего, оно этакъ-то будетъ; въ книгахъ написано и барышня, какъ махоньвая была, сказывала...

— Что же она тебѣ, дѣдушка, сказывала? спросилъ Ветлугинъ.

— Земля, говорить, загорится и вода загорится. Такъ огнемъ-то рѣки по землѣ и потекутъ и пожгутъ всѣхъ грѣшниковъ... Охъ, страшно-то таково! Вѣришь ли? вскопичилъ это я нонѣ ночью, хочу молиться и не могу... Забылъ, милый, какъ есть, всѣ молитвы... Грѣхъ-то какой! Надо къ дьячку сходить, чтобы опять выучилъ. Памятью, братецъ ты мой, плохъ становлюсь...

— Ну, и мнѣ, дѣдушка, не по себѣ...

Дѣтъ, мигая отъ солнца, посмотрѣлъ на Ветлугина.

— Что такъ? спросилъ онъ.

— Точно хмѣльной... Иду вотъ мимо цѣтковь, голова кружится...

— Оно бываетъ, сердечный. Кого сегодня не спроси, всѣ быдто въ угарѣ. Ишь, и цѣтики ожили, — точно вадильнички курятся... А пчель-то, пчель послѣ грозы! ровно мошени рѣютъ... Всякому жить хочется, всякому... и старому, прости Господи, и молодому...

За обѣдомъ собралась вся семья. Даже Фросинька, такъ было недружелюбно разставшаяся съ Аглаей, сидѣла здѣсь же, рядомъ съ нею. Всѣ, кромѣ Кирилы Григорьевича, знали мысль Ветлугина ѣхать въ тотъ день. Ему только Антонъ Львовичъ еще не успѣлъ этого сообщить.

Минувшая ночь оставила глубокіе слѣды въ Аглаѣ. Она сидѣла, почти не замѣчая того, что вокругъ нея говорилось и дѣлалось, и несвязно отвѣчала на шуточные разспросы отца о ея пребываніи съ матерью, годъ назадъ, въ какой-то пустынѣ, гдѣ, подъ видомъ іеромонаха-проповѣдника, нѣсколько мѣсяцевъ проживалъ бѣглый солдатъ.

— Представьте, Антонъ Львовичъ, сказалъ при этомъ Вечерѣевъ: благочестиваго дезертира тѣмъ только въ этой обители и училили, что ловкій слѣдователь подврался къ нему въ келью и громко сказалъ: «Сазоновъ, гдѣ фельдфебель?» — Тотъ въ испугѣ и отвѣтилъ: «Не могу знать, ваше благородіе». — А эти добродушныя барыни, да и другія съ ними, наперерывъ искали его вниманія, слушали его поученія...

— Совсѣмъ же онъ не поучалъ, а только съ прочими пѣлъ на клиросѣ, защищалась Ульяна Андреевна.

Аглая виду не показывала, какъ ее тяготили эти шутки отца. Только лихорадочно блестящіе глаза ея, минуя Ветлугина, пугливо и пристально порой взглядывали на мать.

— И охота тебѣ, Кирило Григорьевичъ, сказала Ульяна

Андреевна: говорить такія вещи? Что за празднословіе! Этимъ ты бросаешь тѣнь и на истинно, благочестивыхъ людей, живущихъ по монастырямъ.

— Благочестивыхъ? съ досадою вскрикнулъ и закашлялся старикъ: ну, нѣтъ... Не знаю, гдѣ больше благочестія... Дубки — тотъ же монастырь. Спрятаться отъ бурь житейскихъ, коли пошло на то, можно и здѣсь, въ родномъ гнѣздѣ.

Мать и дочь переглянулись.

— Вотъ хоть бы и я, продолжалъ Вечерѣвъ: пусть мятется свѣтъ. Пусть работаютъ пылкіе молодые умы. Мнѣ не опасны никакія бури и волненія. Чтѣ мнѣ! Я вошелъ въ пристань и своей жизни не измѣню. Время мое кончилось, пѣсня спѣта. Остается жить, какъ живутъ птицы, деревья, да эти цвѣты. Я такъ и живу... А тамъ, за этимъ домомъ, садомъ и полями—хоть трава для меня не расти...

— Это эгоизмъ, сказалъ Ветлугинъ.

— Эгоизмъ? Извините: лучше быть скромнымъ злавомъ, послѣднимъ быльемъ родныхъ полей, лучше откровенно ничего не дѣлать, чѣмъ представлять изъ себя шутиху и вѣрой въ мнимый ходъ спящаго общества надувать себя и другихъ... Словомъ, я отрѣзанный ломоть... Или нѣтъ, постоитъ... Читали-ль вы, Антонъ Львовичъ, про индѣйскихъ факировъ, какъ они цѣлыя годы, въ родныхъ лѣсахъ, стоятъ на одномъ мѣстѣ, созерцая тихій священный потокъ?

— Читаль.

— Ну-съ, я тоже теперь въ нѣкоторомъ родѣ индѣйскій факиръ. А факіры несчастны только тогда, если кто помутитъ ихъ завѣтный потокъ... Надѣюсь, убѣжденъ, что моего не помутитъ никто... Я спрятался въ нору и—за всѣ блага шумныхъ душныхъ городовъ—не отдамъ этого зеленого затишья...

Кирило Григорьевичъ внушительно взглянулъ вокругъ себя.

— Правъ ли я?—съ сердитымъ, громкимъ сморканьемъ, обратился онъ къ Ульянѣ Андреевнѣ: я знаю, ты не согласна со мной; чтѣ же дѣлать? Останемся всякъ при своемъ. Мой рай грѣховень, но я вѣрю въ него и его не покину...

Всѣ на это промолчали.

— Вы, Антонъ Львовичъ, кажется, также со мной несогласны? улыбнулся Вечерѣвъ: или есть что-нибудь прочіе моихъ книгъ, моей музыки и этого мирнаго деревенскаго затишья?

— Я съ вами несогласенъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: картины сельскаго счастья, которыя вы сейчасъ рисовали, не вѣчны... Но вы, извините меня, упомянули также о волненіи свѣта, о бу-

ряхъ общественныхъ, о работѣ молодыхъ и пылкихъ умовъ. Та-
кіе умы, быть можетъ, гдѣ-нибудь и работаютъ, только—увы! не
у насъ. У насъ вообще любятъ больше болтать, чѣмъ работать.
Большинство нашихъ усилій до сихъ поръ походило на нѣчто
въ родѣ прыганья бѣлки въ колесѣ. И мы, я думаю, скорѣе
должны бояться другого,—не чрезмѣрнаго движенія,—а возврата
общества вспять... Надо много дружныхъ усилій честныхъ и мы-
слящихъ людей, чтобы удержаться отъ напора враждебныхъ, за-
держивающихъ вліяній...

— Такъ, такъ, молодая вы моя душа! люблю въ васъ адво-
ката юности. Но вы меня не переувѣрите. Не только мы съ
вами, но, ручаюсь, ваши внуки и правнуки не дождутся того,
чего бы вы желали. Припомните мои слова: вотъ я теперь одинъ
изъ первыхъ землевладѣльцевъ въ уѣздѣ; а Филать Иванычъ,
хотя и вольный человѣкъ, опять не въ мѣру выпивши, стоитъ
вонъ у меня за стуломъ... Тоже—вѣрите мнѣ—будетъ черезъ де-
сять, черезъ двадцать лѣтъ и болѣе. Явленіе грустное; но чело-
вѣчество всегда, и въ каменный періодъ, и на свайныхъ построй-
кахъ, дѣлилось на слугъ и на господъ. Таково оно было въ Египтѣ—
при фараонахъ, въ Америкѣ при Монтезумѣ, и при Ноѣ, когда
всѣ еще ходили, безъ одеждъ. Другимъ оно не будетъ и въ тѣ
времена, когда желѣзныя дороги замѣнятся воздушными шарами,
а наследственные собственники, по новому ученію, выборными...
Всесвѣтнымъ прогрессистамъ, чтобы ни говорили, не удастся бро-
сить камня, которымъ бы окончательно замутился потокъ жизни
общества... и этого уголова...

— Опасны не прогрессисты, негромко возразилъ Ветлугинъ.

— Кто же? кто? допрашивалъ Вечерѣвъ.

Обѣдъ въ это время кончился. Всѣ встали и перешли въ
садъ, на балконъ.

— Равнодушіе общества, вотъ что опасно! сказалъ, чувствуя,
какъ все въ немъ при этомъ заговорило, Ветлугинъ: равнодушіе
умнаго—передъ заблужденіями глупца, богатаго—передъ неискон-
ною бѣдностью нищаго, всѣхъ—передъ вопіющими нуждами другъ
друга. Всякій ссылается на другого. Вотъ, извините, хоть бы и
вы... Я не понимаю этого гордаго вашего отношенія въ окру-
жающему. Вы говорите: пусть врываются въ окна этого дома и
въ этотъ садъ новыя вѣянія времени; вы остаетесь ко всему ра-
внодушны. Но и вы не отставали отъ вѣка: вы выписывали ма-
шины, новѣйшія руководства въ хозяйству, и сами надо всѣмъ
трудились. Положимъ, что хорошо въ теоріи, то у насъ подь-
часъ оказывается непримѣнимымъ на дѣлѣ. Вы не захотѣли про-

должать попытокъ далѣе; бросили все, сложили руки и сказали себѣ—довольно! по Сенъевъ шапка. Но у васъ, повторяю, была молодость. Неужели въ васъ окончательно изсякло негодованіе противъ ненужныхъ стѣсненій, противъ грубаго нахальства однихъ и живаго потворства всякому произволу другихъ? Я этому не вѣрю... Человѣкъ долженъ жить такъ, чтобъ каждое мгновеніе быть готовымъ на призывъ своего долга... И добрые честные люди уже тѣмъ полезны, что живутъ въ данное время на свѣтѣ...

Аглая не спускала глазъ съ Ветлугина. Онъ еще ни разу не казался ей такъ дорогъ и милъ. Она невольно любовалась имъ, его плавающимъ, смѣлымъ взоромъ и одушевленнымъ лицомъ, и съ тайнымъ трепетомъ, замирая, думала: «Боже мой! да неужели-жъ меня, дикую и простую, можетъ полюбить этотъ, не погрозившій въ общей тѣнѣ, съ такимъ горячимъ сердцемъ и чуткою душою, человѣкъ? Нѣтъ! это искушеніе, бѣсовскій обманъ, и больше ничего! Боже, прости меня грѣшную и помилуй!» Она искала силы покаянія и съ ужасомъ сознавала теперь, какъ и прежде, въ этомъ свое безсиліе...

— Ого! bravo! bravo!.. воскликнулъ Вечеревъ: что значить молодая кровь! Да вы—чистый трибунъ. Вамъ не по торговой части, а прямо бы тамъ же, по близости, въ Японію, что ли, въ миссіонеры. Охъ, юность, юность. И все это отъ того, что у васъ самихъ, милый мой, нѣту ничего... Были бы вы сами собственникомъ, не то бы заговорили...

Слушая разговоръ Ветлугина съ отцомъ, Аглая думала: «Брата Володи нѣтъ въ живыхъ. Что, если бы онъ не умиралъ и сидѣлъ здѣсь же, среди насъ? Походилъ ли бы онъ на этого челоуѣка? Или, рано бросивъ ученіе и мысли о добрѣ, онъ пошелъ бы, какъ и другіе, подъ уровень окружающаго, измѣлялъ бы и погрязъ въ общей пустотѣ?»

При мысли о ночной встрѣчѣ съ Ветлугинимъ, Аглая казалось, что это случилось уже давно, и она радовалась, что это было и что этого никто не знаетъ.

Ветлугинъ помолчалъ. Нѣсколько замаявшись и обращаясь къ Вечереву, онъ сказалъ: «Теперь позвольте, Кирило Григоричъ, съ вами проститься».

— Какъ? что? полноте, полноте, въ четвергъ день моего рожденія; неужели вы насъ оставите?

— Очень вамъ благодаренъ; но у меня дѣла; надо побыть съ отцомъ, да и далѣе ѣхать.

— Нѣтъ, мы васъ не пустимъ. Жена, проси...

Ульяна Андреевна пробормотала что-то вѣжливое, хотя

и не столько радушное и ласковое, какъ въ первый день приѣзда гостя. Фросинья дѣлала какіе-то знаки Аглаѣ. Та сидѣла молча. Когда наконецъ старикъ, видя, что гость не остается, сказалъ: «ну, нечего дѣлать; останьтесь хоть еще день—другой»,— Аглая встала, передвинула у рѣшотки какой-то цѣвѣтокъ и вышла. За нею ушла Фросинья, а потомъ и Ульяна Андреевна.

Хозяинъ и гость посидѣли еще нѣсколько времени. Вечерѣва вызвали къ прикащику.

— Такъ не останетесь до четверга? спросилъ, уходя, старикъ.

— Не могу; завтра я просилъ бы у васъ лошадей.

— Ну, спасибо и за-то. А сегодня вечеромъ мы окончательно поговоримъ объ устройствѣ дѣла вашего отца. Жду только одной справки и затѣмъ я въ вашѣмъ услугамъ.

Велугинъ сошелъ съ балкона. Ему хотѣлось еще разъ взглянуть на то мѣсто, гдѣ онъ вчера сидѣлъ и говорилъ съ Аглаей. Онъ направился къ виноградной бесѣдкѣ, побылъ тамъ и пошелъ въ паркъ.

Въ это мгновеніе раздался благовѣстъ къ вечернѣ. На утро было воскресенье. — «Пойду, загляну въ церковь», подумалъ Велугинъ: «Аглая, вѣроятно, будетъ тамъ».

Но едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, какъ, — невдала отъ выхода изъ парка въ садъ, — встрѣтилъ Аглаю.

— Остановитесь! отрывисто сказала она, глядя въ сторону.

Велугинъ замеръ. Земля заколыхалась подъ его ногами.

— Сверните сюда, скороговоркой продолжала она: вотъ такъ, за эти деревья...

Они стали за густую изгородь, окаймлявшую одну изъ полянъ.

XVII.

З в ѣ з д ы.

— Скажете ли вы мнѣ правду? не поднимая головы, груднымъ, надорвавшимся голосомъ спросила Аглая... нѣтъ, не то... Исполните ли вы мою просьбу?

— Я весь въ вашѣмъ услугамъ. А на мою искренность вы можете всегда разсчитывать.

— Да, вы добрый и... честный человекъ, — продолжала Аглая: я въ этомъ убѣждена... Думая долго, я, наконецъ, готова вѣрить и тому, что наша встрѣча и все это... наше знакомство...

произошли случайно... Но что вамъ надо отъ меня? скажите откровенно... Вы слѣдите за мной... Вы у меня постоянно передъ глазами...

Она выпрямилась, подняла голову, но тутъ же, какъ бы въ изнеможеніи, прошептала:—Боже, какое мученіе, какая казнь!

— Да въ чемъ же, въ чемъ дѣло? порывался сказать Ветлугинъ.

Но его губы дрогнули, не произнеся ни слова. Горло сжалось. Въ глаза откуда-то ударилъ яркій снопъ лучей. Ему вспомнились зарницы минувшей ночи...

Онъ чуть не зашатался. Въ приливѣ робости и смущенія, съ изнывавшимъ отъ любви и жалости сердцемъ, онъ глядѣлъ въ умоляющее, измученное ожиданіемъ, блѣдное лицо Аглаи, и не зналъ, что ей сказать.

Впослѣдствіи, много времени спустя, мысленно переносясь къ этому мгновенію, Ветлугинъ ясно припоминалъ; какъ и что съ нимъ тогда произошло. Аглая говорила ему какія-то слова, а передъ нимъ почему-то мелькала картина синяго озера, мрачная скалистая стремнина, и молодой, обезсиленный травлей олень, кидаящийся въ бездну со скалы; гдѣ-то темной ночью видѣнный лѣсной пожаръ, а въ дыму и въ пламени горящаго села—слабый, чуть слышный плачъ забытаго ребенка...

Онъ склонился къ Аглаѣ, взялъ ее за руку и сказалъ ей:

— Не бойтесь меня... передъ вами другъ... братъ, готовый жизнь свою положить, лишь бы вы были счастливы.

— Если вы, возразила, тихо освобождая отъ него руку, Аглая: если моя дружба хоть чѣмъ-нибудь вамъ дорога, умоляю васъ, уѣзжайте отсюда, безъ колебаній, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, — завтра же, сегодня, если можно... Лучше намъ разстаться друзьями.

— Хорошо... Если мой отъѣздъ необходимъ, если вы того желаете, дайте мнѣ, на прощанье, сказать еще слово... Выслушайте меня.

— Говорите, слушаю,—робко сказала Аглая, чувствуя, какъ холодъ и трепеть побѣжали у нее съ головы до пятъ.

Ветлугинъ медлил. Онъ понималъ, что это свиданіе было послѣднимъ, и что, спустя мгновеніе, между нимъ и Аглаей ляжетъ пропасть, черезъ которую для нихъ обоихъ уже не будетъ возврата.

— Вы понимаете, началъ онъ: минута разставанья... Она все собой заслоняетъ! Я хотѣлъ многое вамъ передать, а нѣтъ силъ, чтобъ сказать одно слово—прощайте. Неужели мы больше не увидимся? Неужели...

— Послушайте, перебила его Аглая: зачѣмъ эта перѣши-

тельность, слабость? Вы не хоронили друзей? Считайте, что я умерла и что мы съ вами теперь на моихъ похоронахъ...

— Право, разберитѣ все это, продолжала она, ступивъ опять на дорожку и идя рядомъ съ Ветлугинымъ: стѣить ли вамъ, Антонъ Львовичъ, думать о комъ-нибудь въ этихъ мѣстахъ? Ваше поприще на иномъ пути. Вы другого міра человекъ. Здѣсь же глушь, сонъ или, какъ говорить мой дядя,—а онъ васъ очень уважаетъ,—застой. Вы такъ одарены... Вамъ ли помириться съ ничтожной долей? Вамъ ли закабалить себя въ жалкой житейской пустотѣ?

— Скорѣе о васъ слѣдуетъ это сказать, отвѣтилъ Ветлугинъ, вы стремитесь къ пути, не свойственному ни вашимъ лѣтамъ, ни вашему положенію въ свѣтѣ...

— Моя судьба и ваша—большая разница, возразила Аглая: что ожидаетъ каждую изъ насъ? Какова доля русской женщины въ семьѣ, въ обществѣ? Я мало жила, но я знаю, я видѣла много несчастныхъ примѣровъ. Стѣить ли жить? Сколько несчастій выпадаетъ на долю женщины въ наше время... Гдѣ ея поприще, въ чемъ ея призваніе, гдѣ примѣнить ей душевныя силы?

— Болѣе вѣры въ жизнь, Аглая Кириловна, болѣе надежды на себя. Гдѣ одинъ не сможетъ, сможетъ другой; гдѣ одинъ ослабѣетъ въ борьбѣ съ житейской долей, тамъ... не ослабѣютъ двое...

Ветлугинъ сказалъ это и никогда потомъ, въ другихъ обстоятельствахъ и подъ другими впечатлѣніями, не могъ забыть, какъ дѣтски-растерянно взглянула на него при этомъ Аглая, какой неподдѣльный ужасъ изобразился въ ея лицѣ, и какъ она хотѣла что-то сказать, склонила голову и молча пошла далѣе.

Они приблизились къ мостику черезъ ручей, но не взошли на него, а обогнули смежную съ нимъ аллею и, снова направясь въ паркъ, остановились у его отдаленной поляны.

Въ это мгновеніе, въ виду цвѣтущихъ, осыпанныхъ пчелами травъ и кустовъ, подъ теплымъ лучемъ тихаго, весенняго вечера, Аглая показала Ветлугину такой желанной, такою полной прелести и чистоты, что онъ невольно подумалъ: «Какъ бы ласково и нѣжно я бы обнялъ тебя, какъ бы приголубилъ и высказалъ тебѣ всю душу, если бы ты была моею!...»

Онъ искалъ словъ, воображалъ себѣ ея борьбу и волненіе. Земля точно уплывала изъ подъ его ногъ.

— Еслибъ вы были... моей женой... началъ онъ и остановился: кто помѣшалъ бы нашему счастью? Кто сказалъ бы—умирайте, когда бы обоимъ намъ хотѣлось жить?

Аглая не отвѣчала. Бѣлая накидка медленно вздымалась на ея груди.

Они сдѣлали еще нѣсколько шаговъ, незамѣтно достигли края парка, взошли на крутизну и сѣли на скамьѣ, на которой, столько лѣтъ назадъ, впервые сидѣли отецъ и мать Аглаи.

— Вы со мною не согласны? спросилъ Ветлугинъ.

Аглая молча положила обѣ руки на плечи Ветлугина. Губы ея были блѣдны, глаза сухи. Сердце билось шибко.

Она вся похолодѣла. Что-то расплѣталось, загоралось внутри ея. Тайственная завѣса будто распахнулась передъ ея глазами и лучезарные горизонты открывались за нею. «Ты искала истины, боролась, колебалась!» шептала ей внутренній голосъ: «вотъ истина... ты ее нашла,—бери...»

— На дняхъ, сказала Аглая: мнѣ снилось, что я молила дядо спасти меня — онъ не слушалъ меня и не понималъ... Вдругъ стѣны моей комнаты сами собой исчезли, упали; я неожиданно, чудомъ вылетѣла отсюда... Я была, какъ на крыльяхъ... Рядомъ со мной было другое существо...

Она не договорила. Ветлугинъ взялъ ее за руку. Рука ея была холодна. Онъ нѣжно обнялъ Аглаю. Она не сопротивлялась.

— А Божій судъ? спросила она, обращая блѣдное лицо къ Ветлугину.

— О! мы заслужимъ прощеніе всякаго суда.

Аглая вѣрнѣе прижалась къ груди Ветлугина.

— Божій судъ! шептала она: да! все это такъ неожиданно... Вы мало меня знаете... Я боюсь... Ахъ, зачѣмъ мы прежде не встрѣтились?

— Не бойтесь, молю васъ...

— А если вы не будете со мной счастливы? Что вы нашли во мнѣ? Что?

— Вы себѣ цѣны не знаете, вы...

— Съ однимъ условіемъ! перебила, чуть вздрогнувъ, Аглая: даете ли мнѣ слово?

— Клянусь... Приказывайте... все исполню...

Аглая взглянула въ направленіи къ дому, взяла за руку Ветлугина и сказала:

— Объ одномъ молю—сами ужъ вы тамъ... все это... скажите отцу, матери... У меня силъ не хватитъ...

Церковь, поселокъ и даль за рѣкой горѣли въ лучахъ заката. Старые дубы и липы таинственно молчали вокругъ. Надъ ихъ вершинами синѣла кроткая, безоблачная глубина вечерющаго

неба. Слышенъ былъ малѣйшій порохъ въ травѣ, ступъ съ вѣтки на вѣтеу падающаго сучва. Жаворонки смолкли. То тамъ, то здѣсь начинали по саду отзыватья соловьи...

На колокольѣ прозвонили опять.

— Ну, голубчикъ Алинъка, будетъ же тебѣ отъ матери! встрѣтила Аглаю, у церковной ограды, Фросинъка: поздравляю, ты прогуляла вечерню. А я, хоть дѣль дома по-горло, пошла, чтобъ только тебя увидѣть...

Аглая не смотрѣла на свою подругу.

— Раздумалась это я, продолжала Фросинъка: о твоей, да и о своей судьбѣ. Ты права... Ни ему, да и никому другому, я болѣе не пособница и не покровительница.. Въ нихъ влюбилъся, а они, противные, такіе гордецы... Вздумалъ ѣхать! Ну, и пусть ѣдетъ, — счастливаго пути... Охъ, охъ... Видно, такъ ужъ намъ на роду написано. А чуть ты уѣдешь въ Красный-Куть и найднешъ кlobуекъ, и я, Алинъка, за тобою...

Дѣвушки подошли къ паперти. Служба кончилась. Отецъ Адрианъ былъ уже дома. Дьячокъ заперъ церковь и, гремя ключами, съ поклономъ прошелъ за ограду, ярко залитую лучами догорающей зари.

Аглая, потупившись и точно не видя ничего, съ опущенными, какъ у статуи руками, стояла передъ Фросинъкой.

Вдругъ она подняла голову, вздохнула; блуждающимъ взоромъ взглянула вокругъ себя, порывисто и страстно обхватила ничего неожиданную подругу, склонилась ей на плечо и, осыпая ее страстными, горячими поцѣлуями, стала ей что-то шептать.

— Да полно... что ты шушукаешь? ничего ровно не слышу, — перебила ее съ досадою Фросинъка: ты иной разъ такъ тихо говоришь, такъ тихо, что и сама себя вѣрно не слышишь...

— Ахъ, Фроничка, другъ ты мой, слушай!—вся закраснѣвшись, торопливо и испуганно заговорила Аглая: не до вечерни мнѣ теперь; и ни въ Красный-Куть, ни въ другой монастырь я, вѣроятно, болѣе не поѣду... все кончено, все...

— Да что же такое кончено? Ахъ, да говори же... ничего, хоть убей, не понимаю!—начала теряться въ догадкахъ Фросинъка.

— Я... я..., дрогнувшимъ голосомъ проговорила Аглая.

— Тьфу ты! сердито вырвалась отъ нее Фросинъка: говори, или я уйду...

Аглая бросилась къ ней и опять сказала ее въ объятіяхъ.

— Я.., сказала она, цѣлуя подругу: я... дала слово Велугину... и... и...

Опять поцѣлуй. Аглая не договорила.

— Какъ? что? въ испугѣ отшатнулась Фросинья: что ты сказала? да говори же...

— Я... выхожу за него... и онъ увезетъ меня... О! мы убѣжимъ отсюда за тридевять земель...

Фросинья всплеснула руками. Блѣдная отъ радости и волненія, она въ свой чередъ бросилась обнимать и цѣловать Аглаю.

— Такъ ты его полюбила? Такъ онъ тебя переубѣдилъ? Ахъ, какъ я рада! переубѣдилъ? Да говори же, скрытница, говори! допрашивала она, тормоша за плечи и за холодныя, худыя руки Аглаю.

— Что мнѣ говорить? и не спрашивай лучше! съ нескрываемымъ торжествомъ, вся просіявъ, отвѣтила Аглая.

— Но какъ же, какъ онъ тебя переубѣдилъ? Неправда ли? умный, достойный человѣкъ?

— Какъ заговорилъ онъ опять о монастырѣ, мнѣ до того совѣстно стало, до того Фроничеа, и за матушку-игуменью, и за все, знаешь, что она и маменька такъ хвалятъ, что съвозъ землю бы, кажется, передъ нимъ провалилась...

— Вотъ новость, вотъ неожиданность! ломаю руки отъ радости, восклицала Фросинья: что же вы теперь? А? да говори же, неприступная, говори.

Объ дѣвушки, обнявшись, пошли изъ церковной ограды.

— А когда объявите родителямъ? спросила Фросинья: надо скорѣе.

— Нѣтъ. Я ему посовѣтовала написать прежде въ его отцу.

— Это зачѣмъ? съ удивленіемъ спросила Фросинья.

— А какъ-же, безъ родительскаго благословенія нельзя. Развѣ долго списаться? день—два...

— Ну, ужъ извини; я бы не медлила. Ты знаешь свою мамашу.

— О, полно! неужели она помѣшаетъ моему счастью? неужели...

— Да счастье-то, по ея убѣжденію, въ чемъ состоитъ? перебила Фросинья.

— Такъ отцу надобно сказать. Какъ полагаешь?

Фросинья задумалась.

— Не совѣтую, сказала она: Кирило Григорычъ не вытерпитъ, проговорится.

— Такъ какъ-же? спросила Аглая.

— Ужъ лучше, въ такомъ случаѣ, молчи...

Смерклось.

Отъ церкви дѣвушки, обнявшись и толкая, прошли въ садъ и долго тамъ ходили, утопая въ морѣ золотыхъ мечтаній и надеждъ.

Онѣ плавали, радуясь, что не все на свѣтѣ горе и обманъ, что дружба ихъ чиста и неразрывна, что сердца ихъ не даромъ бились вѣрой въ жизнь и что одной изъ нихъ вскорѣ улыбалась картина полного счастья.

Мѣсяца не было видно. За то небо ярко мерцало тысячами звѣздъ...

— Гдѣ же однако наши дѣвицы? спросилъ Вечерѣвъ, сидя съ гостемъ и съ женой на балконѣ: что-то не въ мѣру сегодня загулялись.

— Слушаютъ соловьевъ, отвѣтила Вечерѣва: скоро конецъ ихъ пѣснямъ.

— А каково поютъ, воскликнулъ Вечерѣвъ: слушайте, Антонъ Львовичъ, слушайте. Вонъ тотъ, что надъ рѣкой... или этотъ, у виноградной бесѣдки... Весны я жду всегда, какъ праздника. Въ пѣсняхъ соловьевъ слышу души Гайдна, Бетховена, Моцарта... А каковы звѣзды? Смотрите,—вы знакомы съ космографіей? Вонъ бѣлый Сатурнъ,—вонъ, точно голубой, Сиріусъ. А какъ сильно блещетъ и будто волнуется Млечный-Путь... У каждого человѣка своя звѣзда.

— И у меня? спросилъ Ветлугинъ.

— И у васъ, у всякаго. У Аглаи тоже. Аглая—значить блистающая, прекрасная. Этимъ именемъ называлась младшая изъ трехъ харитъ, дочь Юпитера и Эвримоны. Этимъ названо одно кохинхинское деревцо, *Aglaja odorata*, и весьма красивая, небольшая планета—вонъ въ той сторонѣ неба... между Юпитеромъ и Марсомъ... Этотъ астероидъ обращается вокругъ солнца разъ въ четыре года и триста двадцать семь дней...

— Я не знакома ни съ ботаникой, ни съ космографіей, сказала Вечерѣва: но я убѣждена, что это небо и эти звѣзды также легко угаснуть, какъ наша жизнь и жизнь цѣлыхъ народовъ; вѣчны только добрыя дѣла наши, во славу Божью...

— И въ удовольствіе матушки-Измарагды, подсказалъ Вечерѣвъ.

Ульяна Андреевна закусила губы.

«Не вѣрится, не вѣрится!» разсуждалъ въ это время Ветлугинъ: «не все ли это сонъ? и меня ли ждетъ блаженство, котораго я не отдамъ за вѣчность всего міра?...»

Обрадованный неожиданнымъ согласіемъ гостя—пробыть еще нѣсколько дней въ Дубкахъ,—Вечерѣвъ оставилъ Антона Львовича съ женой, а самъ вышелъ въ залъ, усѣлся съ виолончелемъ, у раскрытаго въ садъ окна, и сталъ играть. Плавные, гулкіе звуки опять огласили тѣмный залъ и балконъ.

Вслушиваясь въ эти звуки и вглядываясь въ сумрачныя аллеи сада, Ветлугинъ сидѣлъ, какъ очарованный.

Онъ не замѣтилъ, какъ ушла Ульяна Андреевна и долго ли игралъ Кирило Григорьевичъ. Ему казалось, что на балконѣ онъ не одинъ. Нѣкто другой, облокотясь о его кресло и положи руку на его плечо, молча стоялъ возлѣ него. Изъ мрака на него глядѣли чьи-то глаза. Кто-то тихо дышалъ и, не шелохнувшись, любовался его грѣзами и счастьемъ... То былъ другой Ветлугинъ, и оба они точно были близки другъ другу и вмѣстѣ чужды. И тотъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, мыслилъ: «Тебя ли я вижу? и неужели путь твоихъ испытаній пройденъ—и ты у берега, у пристани,—на порогѣ хлынувшаго на тебя, неожиданнаго, свѣтлаго счастья?»

XVIII.

П и с ь м о.

Настало воскресенье.

Утромъ въ праздники отъ Вечерѣвыхъ обыкновенно ѣздили на почту. Ветлугинъ написалъ два письма и передалъ ихъ Филату, съ просьбой отослать съ барскимъ нарочнымъ.

Едва онъ одѣлся и выпилъ чаю, какъ въ бесѣдку въ нему вошелъ Вечерѣвъ. Старикъ былъ въ духѣ, но какъ-то странно улыбался и разсѣяннo смотрѣлъ по сторонамъ.

— Спасибо вамъ, Антонъ Львовичъ, сказано ' онъ, съ чувствомъ пожимая руку Ветлугину: спасибо; вы уважили мою просьбу, погостили у насъ, освѣжили собой стариковъ.

Сказалъ и замолчалъ. Ветлугинъ, роясь въ бумагахъ, беспокойно выжидалъ, что онъ сообщитъ далѣе.

— Теперь надо подумать и о выполненіи просьбы вашего батюшки, продолжалъ Вечерѣвъ: сродъ полученія долга съ покупщица моего лѣса, Талищева, сегодня. Я получилъ отъ него письмо, что онъ готовъ, и по условію съ нимъ, долженъ отправиться для расчета на его заводъ. Это, впрочемъ, не далеко, потребуетъ менѣе дня времени. И, чтобъ не откладывать, я дамъ

ему знать, что выѣду на свиданіе съ нимъ завтра или послѣ завтра.

Ветлугинъ поклонился.

— Да еще одно слово... прибавилъ, съ нѣкоторою заминкой, Вечерѣевъ: одно ваше письмо—къ отцу, переданное вами для отсылки на почту Филату, я отослалъ давеча прямо въ городъ; встрѣтилась надобность въ губернское казначейство: вы завтра и отвѣтъ можете получить... А другое письмо—вотъ вамъ обратно... Я случайно взглянулъ на его адресъ. Вы пишете въ городъ... на пакетъ адресъ—Петру Ивановичу Ключову... А онъ—ближайшій мой сосѣдъ... всего въ десяти верстахъ отсюда.

Ветлугинъ смѣшался. Ему крайне стало досадно, что отецъ взялъ съ него слово молчать объ участіи Ключова въ его дѣлахъ.

— Скажите, вы почему знаете этого господина? спросилъ Вечерѣевъ.

— Онъ мнѣ товарищъ по университету.

Старикъ нахмурился.

— Извините меня, сказалъ онъ: это вредный и негодный человекъ, въ полномъ смыслѣ слова. Его считаютъ дѣльцомъ. Отъ души жалю дѣловыхъ людей, если такіе, какъ Ключовъ, между ними не рѣдкость и не исключеніе.

— Что же онъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Да какъ вамъ сказать? Это образецъ самаго возмутительнаго, черстватаго и набитаго помыслами о собственномъ благѣ мѣщанства. Жажда къ наживѣ у этого господина такъ сильна, что покойнаго своего дядю, при раздѣлѣ бабьинаго имѣнія, изъ-за какихъ-то луговъ, онъ до того оскорбилъ, что съ тѣмъ сдѣлался ударъ, и дядя умеръ. Общество было заговорило; но какъ-то отвергълся прохода и теперь опять даже въ большемъ ходу. Этотъ его дядя былъ неизвѣрный добрякъ и простота, не бывалой честности человекъ; онъ, пока отецъ Ключова служилъ въ столицѣ, сохранилъ отъ продажи съ молотка его имѣніе—и получилъ, какъ видите, должное возмездіе...

— Вы съ нимъ видаетесь? спросилъ Ветлугинъ.

— Я? нѣтъ, Богъ спасъ. Изъ-за нѣкоторыхъ его экспериментовъ надъ моей особой, я не принимаю его уже давно...

Ветлугинъ вспомнилъ слова дѣда Лукашки о томъ, будто Ключовъ обилъ жену кузнеца у Вечерѣева.

— Эксперименты надо мной—еще пустяки, продолжалъ Вечерѣевъ: но спросите другихъ, такъ услышите нѣчто въ родѣ дѣлой эпопеи. Впрочемъ, скажу и о себѣ... Бывая у меня довольно часто, какъ сосѣдъ и въ нѣкоторомъ родѣ свой, — онъ

мнѣ внучатный племянникъ, — Петръ Ивановичъ, въ одинъ прекрасный день, не долго думая, такъ иснодтишка поднадуть меня, что я просто ахнулъ. Дѣло, впрочемъ, нехитрое. Онъ воспользовался неясностью нѣкоторыхъ, въ одной моей съ нимъ сдѣлкѣ по хозяйству, условій. Я вѣроятно все это скоро бы позабылъ. Но вотъ, чѣмъ онъ меня срѣзвалъ: когда я, спохватившись, уперся было и сталъ его стыдить, какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? «Полноте, говорить, дяденька, сами виноваты, — зачѣмъ такъ оплошно написали условіе? Проманхнись я, вы бы пожалуй тоже не простили...» Хорошъ баринъ? а?... Да такъ это добродушно сказать, съ вѣжливой улыбкой и мягкимъ голосомъ.

Вечерѣвъ плюнулъ.

— Я было, каюсь, и на это отсердился, продолжалъ онъ: чего въ глуши не простишь сосѣду? Нѣтъ, не утомился, — подкупилъ одну тутъ сваху и, годъ назадъ, вздумалъ сватать за Аглаюшу одного сосѣда. Та вонъ и теперь еще дита; перепугалъ дѣвочку чуть не до смерти...

Краска бросилась въ лицо Велугину.

— Кого же онъ сваталъ? это любопытно...

— Сѣвадилъ къ ируменьѣ Сусаннѣ, познакомился съ ней, и подослалъ сперва эту сваху, а потомъ и самъ ей открылся: устройте, говорить, чтобъ дочь Вечерѣва вышла за мужъ за старшаго сына Талищева, — онъ ремонтеромъ служить и зовутъ его, Рашей, то есть, Романомъ. Какъ получить, говорить, за нею Вечерѣвское состояніе, подѣлится съ вами. Каковъ гусь? а?... Вы, кажется, говорили, что познакомились съ Талищевымъ на станціи?

— Да, познакомился.

— Этого старшаго сына его видѣли?

— Нѣтъ, видѣлъ младшаго.

— Одинъ другого стоятъ. Представьте, лицо у этого старшаго, Раши, чисто лошадиное. А надутъ, какъ смѣть, какъ индѣйскій пѣтухъ. Глухъ и золь, и еще особенность: краснѣетъ не только лицомъ, какъ обидится, но и затылкомъ.... И затылокъ таковой у него плотный, бѣлый и сердитый. Старуха-то, повойница Сусанна, сообщила о его сватовствѣ моей женѣ, а я узналъ отъ Милунчинова. Мы посмѣялись. Съ тѣхъ поръ ни Ключовъ, ни этотъ Раша ко мнѣ ужъ, разумѣется, ни ногой. Отецъ Раши, однакоже, навѣдывается; будто по дѣлу, — но вижу, что мысли объ устройствѣ сына имъ еще не оставлены...

— Скажите, обратился Велугинъ къ Вечерѣву: Ключовъ отъ васъ всего въ десяти верстахъ?

— Да; а что вы? съѣздить къ нему хотите? спросилъ Вечерѣевъ.

Веллугинъ прошелся по комнатѣ, поглядѣлъ въ окно, сълъ и, со словами: «Отъ васъ, Кирило Григорьичъ, я не утаю!» — передалъ Вечерѣеву все, что зналъ объ отношеніяхъ Ключкова къ отцу и что его теперь тяготило въ этихъ отношеніяхъ.

— Понимаю васъ, добрый мой другъ, понимаю! съ суровою нѣжностью, крѣпко позимая руку Веллугина, сказала Вечерѣевъ: вы истинный сынъ; уважаете все, даже слабости въ отцѣ, — и оберегаете его. Лучшаго сына и я бы не желалъ имѣть... Ъхать вамъ къ Ключкову надо, надо! И вы не отблудывайте: я поѣду на свиданіе съ Талищевымъ, а вы въ нему...

— А знаете ли, прибавилъ совсѣмъ развеселившійся старикъ: что вашъ сотоварищъ по ученію, Ключковъ, считается у насъ первымъ финансистомъ въ губерніи? Банковъ наотерывалъ, ссудо-сберегательныхъ кассъ, взаимныхъ и всякихъ вспоможеній... А между тѣмъ удивляешься: неужели онъ былъ въ университетѣ? Вѣрите ли. онъ, напримѣръ, не шутя, подѣ словомъ юрисдикція, подразумѣваетъ «дикцію юристовъ», то-есть, адвокатское краснорѣчіе, да всюду въ такомъ смыслѣ и прилетаетъ это слово.

— Явившись отъ васъ изъ столицы, продолжалъ Вечерѣевъ: онъ было, каюсь, плѣнилъ и меня. Тогда только-что вводились нынѣшніе порядки. Большинство сѣтовало на уменьшеніе доходовъ. Ключковъ рѣшилъ не унывать. Одѣлся въ простую дубленку и въ высокіе сапоги, сталъ посѣщать ярмарки, торговать, вступилъ въ подряды. Имя его загремѣло. Онъ казался здоровой, свѣжей силой. Ему повѣрили... Теперь не то... Его я раскусилъ. Это, повторяю, представитель вреднѣйшаго нарастающаго поколѣнія себялюбцевъ. Помыслы его вертятся на одномъ — на прибыли. Душа у него хищная и нравомъ онъ хищникъ — шакаль-шакаломъ и смотреть: лапы мягкія, но когти — мое почтеніе. Нѣтъ! подальше отъ такихъ людей. Онъ, слышно, мостится свергнуть Милунчиова и быть у насъ предсѣдателемъ управы. Уже набираетъ партію...

— Что же? ѣдете въ Ключкову? спросилъ, выходя отъ Веллугина, Вечерѣевъ.

— Подумаю... время еще терпѣть...

— Ну, какъ знаете, — я же встати пошлю справиться, въ деревнѣ ли онъ теперь.

До обѣда Веллугину не удалось встрѣтиться съ Аглаей и переговорить съ нею наединѣ. Онъ былъ, какъ въ туманѣ. Вче-

раннее объясненіе, его признаніе и слово, данное Аглаей. казались ему невѣроятнымъ, чуднымъ сномъ.

Аглая была весела, ласкалась къ отцу, суетилась съ услугами ему и на все дѣтски, безопасно улыбалась: на шутки отца и на споръ его съ гостемъ о какомъ-то философскомъ вопросѣ, на ворчанье матери и на собственное веселье. Самое солнце какъ-то особенно радостно освѣщало комнаты, балконъ, садъ и всю душу Аглаи...

Ульяна Андреевна, какъ всегда, была сдержанна, суха и молчалива. Только разъ, оставшись съ гостемъ на балконѣ, она какъ показала Велугину, что-то ужъ очень пристально и недоувѣрчиво посмотрѣла вслѣдъ проходившей Аглаи и сказала Велугину: «Жаль, что вы ѣдете. Но что же дѣлать. Вашъ добрый отецъ, вѣроятно, сильно ужъ по васъ соскучился. За то намъ было пріятно. Уѣдете, не забывайте насъ.»

За обѣдомъ Вечерѣвъ разговорился о двухъ предметахъ: о ярмаркѣ и о частномъ сѣвѣдѣ гласныхъ, по вопросу концессіи, имѣющемъ быть завтра въ помѣстьи Талищева, селѣ Рѣчномъ. По сосѣдству же съ Рѣчнымъ, какъ слышалъ Кирило Григорычъ, завтра утромъ, для освященія церкви, вновь построенной при чьей-то купеческой фабрикѣ, ожидали мѣстнаго архіерея.

— Вы поѣдете мимо этой фабрики? спросилъ Велугинъ.

— Нѣтъ, дорога на винокуренный заводъ Талищева идетъ лѣвѣе. Рѣчное правѣе и всего отсюда въ пятнадцать верстахъ. Хотя мѣстность тамъ красивая, — черезъ рѣку отъ Рѣчнаго, въ дремучемъ, сосновомъ бору, на высокой мѣловой горѣ, располагается женскій, Краснокутскій монастырь, любимое мѣсто прогулокъ моихъ барынь, — но я туда не поѣду: ярмарку я давно знаю, земскій сѣвѣдъ меня не занимаетъ, — вотъ, если бы концертъ Серве или покойнаго Паганини, — а съ архіереемъ я не знакомъ...

Послѣ обѣда на балконъ подошла и Фросинька.

— Къ вамъ, Кирило Григорычъ, сказала она: кто-то тамъ въ передней пришелъ.

Старикъ позвалъ Филата, и тотъ черезъ минуту подаль ему на подносѣ три письма. Одно было къ Вечерѣву, два къ Велугину. Пока старикъ читалъ свое, Велугинъ издали еще на одномъ изъ пакетовъ узналъ руку отца и вскрылъ это письмо.

Оно состояло изъ слѣдующихъ строкъ: «Антонюшка, другъ мой! Долѣе тавтъ отъ тебя я не могу. Со мной случилось великое горе. Выручай меня. Я выдалъ Ключову скрытое отъ тебя, по его желанію, обязательство, которое разорить, погубить меня. Твое промедленіе выводитъ его изъ себя. Онъ грозитъ предста-

вить это обязательство ко кзысканію. Ради любви твоей ко мнѣ, ради всего, что тебѣ дорого, либо безотлагательно возвращайся сюда, либо навѣсти Ключкова въ его деревнѣ и умоли меня пощадить...»

Ветлугина какъ громомъ поразило.

— Представьте, обратился къ нему, между тѣмъ, Вечерѣвъ: пріятель-то мой Чепшинъ, въ которому я ѣздилъ, когда вы меня здѣсь не застали,—совсѣмъ кажется рехнулся... Мало одного желѣзно-дорожнаго сѣзда; на нашъ затѣялъ явиться. Пишетъ, что завтра надѣется быть въ Рѣчномъ и меня туда просить.

— Что же, поѣзжай, сказала Вечерѣва.

— Съ ума ты сошла! да я и его не пуцую... Ему ѣхать какъ разъ мимо завода, гдѣ я буду сводить счеты съ Талищевымъ. Останусь нарочно тамъ ночевать, договорю лѣсниковъ беречь его, арестую и доставлю завтра къ вечеру сюда. А прогляжу его, поѣду къ Талищеву и все-таки приведу его къ намъ...

— Кстати, прибавилъ Вечерѣвъ: теперь и вы, Антонъ Львовичъ, если хотите, оставайтесь у Ключкова ночевать. Успѣшнѣе кончите съ нимъ, чтó надо. Онъ завтра, нужно думать, отправится въ Рѣчное, а вы сюда. Ну, къ обѣду или къ вечеру опять мы и сѣдемся. Сейчасъ я узналъ, что Ключковъ, со вчерашняго вечера, благополучно обрѣтается въ своей Ключковкѣ. Что же, ѣдемъ? Я велю готовить лошадей.

— Ыдемъ,—черезъ силу проговорилъ Ветлугинъ.

На немъ не было лица.

Черезъ часъ къ крыльцу были поданы лошади: Вечерѣву четверня сѣрыхъ въ коляскѣ, а гостю, пожелавшему прокатиться въ недалекую Ключковку верхомъ, осѣданный гнѣдой.

Сообщая о томъ Ветлугину, Вечерѣвъ сказалъ: «Захотите, поѣзжайте мимо церкви, тамъ сейчасъ и битая дорога; а не то черезъ бродъ, — и прямо полемъ. Конь лихо скачетъ и не спотыкается. Эхъ! будь я помоложе, я бы вамъ его не уступилъ, и, пославъ впередъ подставу, верстъ десять-пятнадцать сдѣлалъ бы на кровномъ скакунѣ»...

Вечерѣвъ и его гость еще не сейчасъ уѣхали. Къ старику, какъ всегда передъ отѣздомъ хозяевъ, явились, съ разными вопросами, приващикъ, конторщикъ и садовникъ. А тѣмъ временемъ, какъ баринъ, бесѣдуя съ ними, отдавалъ нужныя приказанія, Антонъ Львовичъ окольными дорожками пробрался за ручей, миновалъ одну поляну парка, другую, взглянулъ на право, на лѣво, и нѣкоторое время былъ въ большой тревогѣ.

Ему послѣ обѣда удалось шепнуть Аглаѣ, чтобъ та пришла сюда къ одной изъ полянъ, бывшей въ сторонѣ отъ всѣхъ

дорожекъ. И вотъ хрустнулъ валежникъ, раздакъ шорохъ платья. Кто-то, гущиной, напрямикъ пробирался къ нему. Между вѣтвей мелькнулъ сѣрый зонтикъ и бѣлая накидка.

Аглая стояла передъ Ветлугинимъ.

— Ну, вотъ я и здѣсь, — запыхавшись и въ силу перевода духъ, проговорила она: едва сюда добѣжала; отецъ кончаетъ разговоръ съ приващникомъ и, какъ разъ, васъ спохватится... Спѣшите къ нему; не простившись съ вами, онъ не уйдетъ. До свиданія...

Ветлугинъ медлилъ.

— Неужели мы все-таки простимся? сказалъ онъ: и на цѣлые сутки?

Онъ боялся огорчить ее вѣстью объ отцѣ.

— Слушай! вдругъ сорвалось задушевное, нѣжное слово у Аглаи: слушай! — продолжала она, сквозь вѣтви деревь ища глазами крестъ церкви: страшно мнѣ, жутко; я боюсь и заглянуть впередъ! Упреки, можетъ быть даже проклятiя матери, стыдъ передъ людьми, ужасъ загробнаго наказанiя... Но я всѣмъ, какъ видишь, пренебрегла. Ты мой и я твоя... Смотри же мнѣ прямо въ глаза, — прибавила она: и вотъ тебѣ мой завѣтъ — я хочу тебя успокоить... Помни: если кто-нибудь и когда-нибудь тебѣ скажетъ, что я тебя разлюбила, клянусь тебѣ этою церковью, могилой моего брата и всѣмъ святымъ, что я никого до тебя не любила, никого, кромѣ тебя, не буду любить и останусь тебѣ вѣрна до могилы и за могилкой. Ну, ты доволенъ? доволенъ?..

Она страстно схватила его за руки и притянула къ себѣ.

— А ты... ты мнѣ клянешься? спросила она, пряча пылающее лицо на его груди.

— Клянусь... Но ты будто неспокойна, колеблешься?

Аглая взглянула на Ветлугина. Въ глазахъ ея были слезы.

— Какъ быть спокойной? Вѣдь это грѣхъ, Боже, какой грѣхъ! сказала она, закрываясь руками: и какъ все это со мною такъ неожиданно случилось?

— Мужайся, крѣпись. Чего намъ теперь бояться? — успокоивалъ ее Ветлугинъ.

— Такъ, такъ. Но все... вдругъ... Ты, напримѣръ, можешь получить депешу отъ твоихъ хозяевъ. Другое-что неожиданно помѣшается...

— Полно; да развѣ кто теперь властенъ надо мной, кромѣ тебя?

— Однако, ты ѣдешь.

— Я остаюсь. Сейчас пойду и скажу, что раздумать. Дѣло не спѣшное; можно и послѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ласково зажимая ротъ Ветлугину, прогорела Аглая: дѣла твоего отца... Я не знаю, но убѣждена, что тебѣ ѣхать надо.

Ветлугинъ передалъ ей подробно причину поѣздки къ Ключеву.

— Вотъ видишь, я угадала, сказала Аглая: поѣзжай, устройвай дѣло своего отца; но—прошу тебя, здѣсь и всегда—думай о Богѣ... Молись ему, и я буду молиться, чтобъ онъ укрѣпилъ тебя и еще болѣе просвѣтилъ твою душу...

— Была бы ты крѣпка въ данномъ словѣ, а объ остальномъ я не забочусь.

Аглая задумалась. Она вдругъ точно перенеслась куда-нибудь...

Не выпуская изъ рукъ рукъ Ветлугина и глядя въ чащу деревъ, будто ожидая оттуда кого-нибудь, она сказала:

— Прости меня, но я скажу правду... Я боюсь за тебя. Ты вѣдь маловѣръ, а то, пожалуй, и вовсе невѣрующій... Ну, да Господь поможетъ... Твоя любовь—таже твоя вѣра. Будетъ любовь, будетъ и вѣра! переведа взоръ на церковь, прибавила Аглая.

Она вынула изъ кармана финифтяный, въ золотой оправѣ. образокъ, переверстилась, поцѣловала его и надѣла на шею Ветлугина.

— Это вотъ тебѣ, сказала она: иконка Богоматери Одигітріи, повровительницы странствующихъ... Ею меня благословила, передъ смертью, бабушка Сусанна. Ты ѣдешь не далеко и не надолго: но я прошу тебя не снимай ее, молись ей... Дашь слово?

— Даю...

— Не осуждай меня... Ты ученый, развитой человекъ; я простая. Въ чемъ твое назначеніе и въ чемъ призваніе, я не вполне еще знаю. Но я вѣрю, что ты можешь идти только къ высокимъ, честнымъ дѣламъ, и я отъ тебя не отступлю ни на шагъ. Смотри только, какъ бы въ этой глуши, изъ-за меня, ты не отступился отъ своихъ заветныхъ помысловъ и какъ бы, хотя на мигъ, не ослабѣлъ въ своихъ трудахъ. Ну, да объ этомъ еще впереди. А теперь прощай, милый странникъ, прощай.

Она склонилась къ плечу Ветлугина. Онъ крѣпко обнялъ ее.

— Когда же конецъ? спросилъ онъ.

— Возвращайся; завтра будетъ отвѣтъ отъ твоего отца. Я приготовлю своего.

— А матушка твоя?

Аглая на это замаялась.

— Я сообщу, отвѣтила она: и все тебѣ сообщу.

Черезъ нѣсколько минутъ Вечерѣевъ поѣхалъ на свиданіе съ Талищевымъ, а Ветлугинъ сѣлъ на гнѣдаго, распросилъ Филата о дорогѣ и, черезъ бродъ, отправился къ Ключкову.

Но, едва онъ выѣхалъ за рѣку и сталъ подниматься на взгорье, какъ увидѣлъ, что по мостинѣу изъ сада вышла Фросинька и Аглая и, стоя на берегу, издали махали ему платками. Онъ возвратился къ нимъ.

— Алинька рѣшила, — сказала, оглядываясь къ сторонѣ сада и подходя — по луку, Фросинька: чтобы, вслѣдъ за вашимъ возвращеніемъ, вамъ объясниться, какъ съ Кириломъ Григорьичемъ, такъ и съ Ульяной Андреевной. Отгадывать долже нельзя. Я, между тѣмъ, уговорю своего отца, и онъ васъ здѣсь, если будетъ нужно, въ тотъ же день обвѣнчаетъ. Къ сожалѣнію, отца моего теперъ нѣтъ дома, — а то бы хотъ и сегодня... Онъ уѣхалъ къ благочинному — съ другимъ здѣшнимъ духовенствомъ встрѣчать архіерея. Послѣ завтра возвратится.

— А какъ вы думаете, согласятся ли родители Аглаи Кириловны? спросилъ Ветлугинъ.

— Кирило Григорьичъ будетъ радъ; за него я ручаюсь. А на Ульяну Андреевну, ужъ коли на то пойдетъ, мы и не посмотримъ. Главное, что пока еще никто и ничего здѣсь не знаетъ. Алинькѣ и безъ того не до признаній, — а я нѣма, какъ рыба... Лишь бы это устроилось. Такъ согласны?

— Тысячу разъ согласенъ, и не знаю, какъ васъ, Афросинья Адрияновна, благодарить..:

— Ну, такъ съ Богомъ же, поѣзжайте и возвращайтесь, да поскорѣе, сказала Фросинька: охъ, ужъ эти влюбленные, — хлопочи о нихъ! Посажу Аглаю за пяльцы; станемъ васъ ждать, да обсуждать подробности дѣла. Ахъ, еслибы все это удалось!

— До свиданія. Смотрите же, не попадитесь въ чемъ-нибудь. Какъ бы не догадалась Ульяна Андреевна. Она что-то ужъ очень двусмысленно весь день сегодня на меня посматривала...

— О, будьте сповойны, не бойтесь. Все пойдетъ, какъ по писаному. Возвратится мой отецъ, и тогда увидите, — все разомъ устроится...

Ветлугинъ тронулъ поводомъ.

Породистый конь, фыркая и перебирая тонкими, красивыми ногами, снова выбрался въ гору.

Ветлугинъ еще разъ оглянулся на стоявшихъ у берега двушекъ, на садъ и на окна дома, бѣлѣвшаго поверхъ деревь. Оттуда никто въ это время сюда не смотрѣлъ. Аглая и Фро-

синька, обнявшись, безпрещетвенно махали ему изъ подъ вербъ платками.

Веллугинъ сталъ переѣзжать за восогоръ. Усадьба, врьсть церкви и дуга по ту сторону рѣки исчезли. Веллугинъ вспомнилъ о другомъ, привезенномъ ему отъ отца, письмѣ.

Онъ остановился, распечатать его и сталъ читать.

Письмо было отъ его бывшего учителя, товарища и друга, Аввакума Столешникова.

Столешниковъ ему писалъ:

«Ахъ ты, сахаръ медовичъ, оптимистъ и идеалистъ! Насмѣшилъ ты меня совсѣмъ. Какъ вольтеровскій докторъ Панглоссъ, ты скоро станешь, важется, говорить, что все идетъ къ лучшему въ этомъ изъ лучшихъ міровъ. Поздравляю за открытіе. Ты даже перецеголялъ невиннаго воробышка,—Огюста Конта. Сей пресловутый соціологъ, вопреки своимъ великимъ предшественникамъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ защищать собственность, а о капиталѣ выразился, что онъ сила почтенная, такъ какъ составляетъ необходимое основаніе раздѣленія труда. Ты же, пріѣхавъ на родину, началъ романтическими грѣзами о какой-то плѣнившей тебя на станціи монашенѣ (зри приписку въ одномъ изъ твоихъ писемъ!) а кончилъ идилліей по поводу перерожденія твоего отца, бросившаго хлѣбъ духовный для поисковъ хлѣба иного рода. Ты надъ нимъ трунишь. Эй, другъ Антонъ, образумься. Вспомни насъ, придавленныхъ и голодающихъ, трудящихся во тѣмъ и неспособныхъ на свойственныя тебѣ сдѣлки съ толпой грабителей, захватившихъ въ свои руки судьбы брэннаго міра. Воротись къ намъ, суровымъ и озлобленнымъ, пока еще есть время и пока мы считаемъ тебя своимъ союзникомъ, а не врагомъ. Вѣрь ты мнѣ, что весь твой оптимизмъ—дѣтская мечта. Сѣдовласый старецъ, твой отецъ—извини ты меня—съ затѣями о школѣ для бѣдныхъ, по совѣсти не стоитъ выгѣденнаго яйца. Твоя же монашенка,—опять-таки извини ты меня, не-отѣсу!—можетъ быть, она уже тобой розыскана и ты съ нею пустился въ любовныя объясненія,—при первомъ вѣрномъ случаѣ, промѣняетъ тебя на проповѣди любого, медоточиваго и тонворуннаго, современнаго попа, или на увѣщанія какой-либо вздыхательницы, малушки Перепетуи, поклоняющейся снамъ, да Пятницѣ съ Буреломомъ и съ Паликопой. Бросай все и возвращайся къ намъ. Срогъ моему сидѣнью также, наконецъ, истекъ, и я, какъ и ты, могу теперь двигаться, куда угодно. Средствъ только мало! А потому переѣду пока въ Москву. Являйся и ты. Разумѣется, что и говорить,—на нашей дорожкѣ тебя ждутъ терніи, а можетъ быть и

еще что-нибудь похуже. За то мы честно выполнимъ свое призваніе. И такъ, жду тебя или твоего письма. Отеликнись. Друзей у насъ прибываетъ и еще прибудеть. Пора дѣйствовать наступать, вѣроятно, вскорѣ. Отвѣчай. Твой—Аввакумъ Столешниковъ».

— «Тотъ же мечтатель и грубый, хоть добрый ворчунъ!» подумалъ съ усмѣшкой Ветлугинъ, разрывая и бросая по вѣтру письмо: «какъ жаль, что такъ излѣнился. Оттого и сердится на всѣхъ!»

Онъ оправился, далъ волю коню и поспѣвалъ по указанной ему дорогѣ въ Ключковку.

XIX.

Подъ сноковницей.

— Кого вижу! Антонъ Львовичъ, камарадъ! какими судьбами? вотъ разоделжили!

Такъ восслицалъ Петръ Ивановичъ Ключковъ, съ крыльца стараго домика Ключковен, въ лицѣ вѣзжавшаго въ ворота всадника узнавая Ветлугина.

— Милости просимъ, сюда, сюда...

Ветлугинъ взоселъ на крыльцо.

— Ну, помучили вы насъ,—продолжалъ, здороваясь съ нимъ, Ключковъ: очень радъ! Видно Вечерѣвъ и васъ поприважалъ... Какъ вы нашли старика? Не правда-ли, чудакъ? Подчивалъ музкой, стихами? и что нашъ заѣмъ? Да говорите же, не мучьте...

— Кто это у васъ?—вполголоса спросилъ Ветлугинъ, указывая глазами на добродушнаго, сильно загорѣлаго, сутуловатаго и съ короткими ножками господина, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, сидѣвшаго на бѣговыхъ дрожжахъ.

Подушку дрожекъ этого господина замѣняли потертый коврикъ. Лошадка была небольшая, хомуть и возжи веревочныя. Онъ сидѣлъ сгорбившись и, вслѣдствіе разговора съ Ключковымъ, былъ, очевидно, не въ духѣ. При появленіи Ветлугина, онъ слегка приподнялъ сплюснутую шляпу, тронулъ возжами и медленно поѣхалъ за ворота.

— Это землемѣръ, управляющій моего кума, Талищева, сказалъ Ключковъ: я продалъ куму лошадей; то-есть, собственно, продалъ даже и не я, а, по своей глупости, мой прикащикъ, Кузьма; и представьте, такъ продешевилъ, что просто обидно. Срокъ сдачи подошелъ, а цѣны, между тѣмъ, поднялись чуть не вдвое.

— Ну, для кума можно и уступить, замѣтилъ, еще не входя въ сѣни, Ветлугинъ: между пріятелями счестся легко.

— Такъ-то, такъ, вздохнулъ Ключковъ: только всему же есть границы. Не будь у приращающа довѣренности, я бы даже имѣлъ право не признавать этой сдѣлки Фокина.

«Фокина? вотъ это кто!» подумалъ Ветлугинъ, вспоминая слова Ульяны Андреевны, что Фокинъ сватался за Фросиньку.

— Ну-съ, дорогой гость, милости же просимъ подь мою смововницу, любезно сказалъ Ключковъ, вводя Ветлугина въ залъ, а оттуда въ кабинетъ: извините за беспорядокъ. Вы у человѣка дѣла, застрѣльщика и піонера практики, а не бѣлоручки. Помните университетскія времена? Не то было тогда. А потому не удивляйтесь, если родительскій залъ у меня зачастую, при ссынкѣ хлѣба, идетъ за амбаръ, а спальня матери за кладовую или за швальню конской сбруи. Родители чуть не до тла промотали состояніе; за то я наживаю.

Залъ-амбаръ невольно занялъ Ветлугина. Половина этой комнаты, чуть не до потолка, была завалена связками выдѣланныхъ кожъ, льна и пеньки. Другая половина была загромаждена сдвинутой мебелью, на спинкахъ которой висѣли образцы веревокъ и хомуты. Тутъ же кучами лежали свѣже-остриженные овечьи руна, мѣшки съ пробами муки и снятые со стѣнъ фамилные портреты, изъ которыхъ однимъ былъ даже прикрытъ ящикъ съ каимъ-то многоплоднымъ ячменемъ.

— Ко мнѣ ѣздить люди дѣловые, сѣренькіе, сказалъ Ключковъ: они не обижаются при видѣ этой житейской лабораторіи. Дорожка пыльна, за то цѣль свѣтла... Разбогатѣемъ, и въ золоченыхъ палатахъ сумѣемъ жить. Батюшка былъ генераль, да постоянно безъ гроша денегъ; а я, какъ поустрою дѣла, такъ никакого мнѣ и генеральства не будетъ надо...

При входѣ въ отцовскій кабинетъ, Ключковъ нѣсколько смутился и бросился даже кое-что прибрать.

Да и какъ не смутиться?

На стѣнѣ, на старинной и дорогой раскрашенной гравюрѣ Дианы-охотницы, висѣли снятые съ дороги парусинные панталоны; на портретѣ Ермолова просушивалось бритвенное полотенце. Нѣсколько заношенныхъ, съ невынутыми запонками, рубашекъ было брошено по стульямъ и по диванамъ. На письменномъ столѣ, рядомъ съ бюстомъ Кавура, было выстроено нѣсколько запечатанныхъ разноцвѣтныхъ флаговъ съ водкой. На невысокомъ шкафикѣ, за печью, лежала кучка книгъ свѣтскаго и, судя по перелетамъ, духовнаго содержанія, а возлѣ нихъ виднѣлись просвира и

четки. На этажерѣ, съ вышитыми золотомъ рукавами и воротникомъ, былъ брошень мундиръ почетнаго мирового судьи. На оттоманѣ, подъ наряднымъ шелковымъ халатомъ, спала борзая собака. На окнѣ, сердито косясь на вошедшаго Велугина, сидѣла другая собака—лягавая. Въ полурастворенную дверь изъ корридора, рыча, просовывалась морда третьего пса—водолаза...

— Охранителей у васъ однако не мало, сказала, сторонясь отъ собакъ, Велугинъ.

— Не бойтесь, не кусаются. Я охотникъ; да и мѣста здѣсь глухія. Не ровенъ случай. Вотъ я и держу.

— Эти флаги съ виномъ зачѣмъ у васъ?

— Держу нѣсколько питейныхъ въ главныхъ селахъ. Нельзя—надо вліять на писарей и старшинъ... царство бабака-съ...

— А эти четки?

— Такъ... одна знакомая духовная особа прислала, отвѣтилъ Ключевъ, пряча просвиру и четки въ шкафъ.

Онъ ушелъ распорядиться съ чаемъ.

Велугинъ взглянулъ на книги, лежавшія на шкафѣ и, сверхъ всякаго чаянія, рядомъ съ «Повѣдкой на Валаамъ» и какою-то брошюрой «Агафьюшковой», увидѣлъ «Островъ Утопію» Томаса Мора, — «Будущность обществъ» Консидерана, и еще что-то подобное.

— Зачѣмъ вамъ эти книги? спросилъ онъ вошедшаго Ключева: и какъ онѣ у васъ мирятся съ Агафьюшкой?

— А какъ-же... нельзя... Надо со всѣми задить... Вращаетесь въ разныхъ слояхъ. Священникъ, вліятельная монахиня заговорятъ, я имъ объ Агафьюшкѣ. Милунчиковъ съ братіей припрутъ къ стѣнѣ, я изъ Конта или изъ Спенсера. Да соглашались, другъ, оно вѣдь и любопытно заглянуть, какъ моль, душегубы-прогрессисты нашему брату, собственнику, висѣлицу готовить... Въ особенности милъ Консидеранъ, какъ онъ излагаетъ шельмеца Фурье, — эти его фаланстеріи, унарковъ и омнарковъ. Настанетъ, говорить, общее удовлетвореніе страстей, — и тогда, говорить, на полюсахъ будутъ расти лимоны... Это недурно. Не правда-ли? Что можетъ быть выше ублаженія грѣшной плоти? Тамъ, на небесахъ, будетъ ли хорошо, философы еще не рѣшили. Здѣсь же мы спуску не дадимъ ничему, — не правда-ли? А все жаль: анаемски Кузьма продешевилъ лошадей... Больше тысячи цѣлковыхъ потеряю... А теперь милости просимъ въ садъ; хотя онъ тоже нѣсколько запущенъ, но тамъ на просторѣ пріятнѣе.

Они прошли въ садъ, гдѣ у пруда подъ яблоней уже пых-

тѣль самоваръ, были разложены подушки и стояли всѣ принадлежности къ чаю.

— Да-съ, продолжалъ, протягиваясь на травѣ и предлагая тоже сдѣлать и гостю, Ключовъ: пріятна доля притѣсненнаго землевладѣльца, когда у него, благодаря посильнымъ трудамъ, въ карманѣ очутится пятьдесятъ тысячъ и онъ приляжетъ отдохнуть подъ своею смоковницею. Не правда-ли? хе-хе... А еще пріятнѣе доля того землевладѣльца, у котораго въ карманѣ очутится не пятьдесятъ, а сто или даже и двѣсти тысячъ... Тогда... о, да что и говорить...

Ключовъ вздохнулъ и замолчалъ. Лежа на спинѣ, съ закунутыми за голову руками, онъ глядѣлъ на Ветлугина, на деревья и на тихо-шумевшій самоваръ, и отъ избытка собственнаго благодушія, очевидно, даже умилился. Вечеръ, между тѣмъ, разыгрался во всей красѣ. Отъ кустовъ запахло росистой листвою. Гдѣ-то вблизи, за садомъ, началъ выщелкивать перепелъ. Солнце пышно золотило верхи дальнихъ деревьевъ. Изъ-за пригорка доносилось мычаніе подходившихъ съ поля коровъ, блѣяніе овецъ и веселые крики загонявшихъ ихъ ребятишекъ.

— А наживи землевладѣлецъ триста тысячъ,—заключилъ въ сладкомъ раздумьи Ключовъ: его отдыхъ подъ смоковницею былъ еще отраднѣе.

Ветлугинъ слушалъ его разсѣянно.

— Интересно, однако бы, знать, Петръ Ивановичъ,—обратился къ нему, чтобы чѣмъ нибудь поддержать рѣчь, Ветлугинъ: зачѣмъ вамъ большое богатство? Меня давно занимаетъ вопросъ: что именно шевелится въ душѣ людей, подобно вамъ, ищущихъ быстрой и значительной наживы? Я и другихъ объ этомъ спрашивалъ. Отвѣчайте мнѣ откровенно... Положимъ, вы, наконецъ, нажили пятьдесятъ, ну, даже сто тысячъ... Что же далѣе?

— Выдумали, сто... Пятьсотъ тысячъ!.. О меньшемъ, милый вы мой ягнѣнокъ, я и не мечтаю... На пяти-стахъ, вотъ на чемъ, будетъ моя пристань...

— Хорошо, пусть и пятьсотъ. Вы ихъ, со временемъ, можете быть, и наживете... Ну, признайтесь-же, что вы съ ними станете дѣлать?

— Что стану дѣлать?

— Да...

Ключовъ не отвѣчалъ. Ветлугинъ разсматривалъ его съ прерзительнымъ, брезгливымъ любопытствомъ.

— Вотъ видите, вы молчите, сказалъ онъ: да иначе и быть не можетъ. Вы ничего новаго, по части житейскихъ благъ, не

придумаете. Привычки у васъ останутся тѣ же. Вкусъ развѣ притупится, да ослабѣтъ желудокъ. Но не ослабѣтъ позывъ къ бѣльшей и бѣльшей наживѣ. Вѣдь жажда къ богатству, Петръ Ивановичъ, это современная, бездонная бочка Данаидъ... Развѣ вы этого не знаете? Сколько туда ни лейте, все будетъ мало...

— Я отъ васъ, Антонъ Львовичъ, такого мнѣнія не ожидалъ,—даже обидѣвшись, сказала Ключевъ: эхъ, вы, извините,—простота, простота. А еще дѣловой человекъ. Пятьсотъ тысячъ!.. Да, вѣдь это, другъ вы мой, полмилліона... Ай-ай! Чего только ни сдѣлаешь на эти деньги, чего ни приобрѣтешь?

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ, не отставалъ Ветлугинъ: что же именно сдѣлаешь и что приобрѣтешь?

— Всякая прихоть твоя будетъ исполнена, продолжалъ, съ искреннимъ увлеченіемъ и точно въ какомъ-то опьяненіи, Ключевъ: каждая, наконецъ... красавица... ну, женщина-перль... первѣйшая французенка... станеть тебѣ доступна...

— Странно мнѣ, перебилъ его Ветлугинъ: чуть только рускій человекъ задумаетъ объ увѣнчаніи своего задушевнаго дѣла, ему прежде всего мерещатся заѣзжія французенки.

— Настроишь дворцовъ, продолжалъ, откинувшись къ дереву и не слушая Ветлугина, Ключевъ: пожуйруешь въ Парижѣ, умрешь въ Ниццѣ... А ужъ кланятся-то тебѣ будутъ разные губернскіе ротозѣи, ноги—руки стануть цѣловать, тѣни твоей будутъ молиться, отъ Рюриковой дружины родъ твой произведутъ...

Мысль о губернскихъ ротозѣяхъ и о Рюрикѣ окончательно умилила Ключева. Онъ улыбался про себя, что-то мычалъ и, слегка подремывая, даже забылъ о самомъ присутствіи своего гостя.

Съ соломенной крыши кирпичнаго, нештукатуреннаго зданія, видѣвшагося въ концѣ сада, слетѣла какая-то ночная птица. Она уныло крикнула въ деревьяхъ.

— Что это у васъ за зданіе? спросилъ, Ветлугинъ.

— А?.. что?.. Да... это куполь надъ памятникомъ моего родителя... онъ вѣдь скончался здѣсь — будучи въ отпуску...

— Что же этотъ памятникъ въ такомъ видѣ?

— Крыша годъ назадъ провалилась, такъ я ее прикрылъ соломою... Нѣвогда починить... Да, по правдѣ, родитель полегить и такъ... Починю, какъ окончательно поправятся обстоятельства...

— Но какихъ же вамъ еще обстоятельствъ?

— Вотъ раскончу кое-какія затѣи... устроимъ, какъ слѣдуетъ, съ вашимъ батюшкой контору, тогда и расскажу... Позвольте,

однако, какъ ваше посольство къ Вечерѣву? мы еще и не говорили съ вами.

Ветлугинъ помолчалъ.

— Ну зачѣмъ вамъ мой отецъ? сказалъ онъ: право, удивляюсь! Развѣ онъ годится вамъ въ товарищи? Не лучше ли вамъ поискать другого, побойчѣе и поопытнѣе?

Клочковъ привскочилъ и сѣлъ на корточки. Глаза его мгновенно проснулись.

— Извините вы меня, милый другъ, сказалъ онъ, стараюсь быть какъ можно спокойнѣе: буду говорить откровенно. Душенька у васъ отцовская, мяконькая. Оба вы практичны на дѣлѣ, но не въ душѣ. Вонъ вы и горяченькія тамъ статейки подписывали въ журналахъ, и любовный романъ, чай, способны разыграть съ какою-нибудь дѣвчонкой. Все это въ вашей натурѣ. Оттого такъ и боитесь всего. Забыли пословицу: «держи носъ по вѣтру»?.. А не забыли—такъ и баста. О нѣжностяхъ, о пустягахъ не думайте... А чтобъ васъ, милѣйшій камарадъ, окончательно успокоить на счетъ отца, я кое-что вамъ покажу. И это даже мой долгъ: я совершенно понимаю ваши сомнѣнія, понимаю и цѣню...

Съ этими словами Клочковъ пригласилъ гостя обратно въ домъ, провелъ его въ кабинетъ, зажегъ лампу, отоменилъ ящикъ письменнаго стола и, выкладывая изъ него разныя бумаги, сказалъ:

— Вы, очевидно, сомнѣваетесь въ моихъ средствахъ? угадалъ я? Успокойтесь. Отъ отца моего я получилъ мало или почти ничего. Говоря на древнемъ руссiйскомъ языкѣ, у него была сотняшка душъ, да и тѣ заложеныя и перезаложеныя. Кое-что я получилъ еще отъ бабки. Ну-съ, это все, однако, было вздоръ. Долги моего превосходительнаго родителя чуть не поглотили всего. Да я взялся за умъ. Приѣхалъ сюда и сталъ работать. Ничѣмъ не пренебрегалъ,—торговалъ хлѣбомъ, пенькой, даже воскомъ и пухомъ. Первны въ Москву поставлялъ. Охъ, тяжелыя были времена. Я унижался, корчился въ три погибели, отказывалъ себѣ во всемъ. Но вскорѣ вздохнулъ свободнѣе. И уже теперь могу сказать, что собственнымъ трудомъ я родовое имѣніе почти удвоилъ, да обзавелся, милый вы мой, капиталцемъ. Это съ тѣхъ поръ, какъ сталъ бумагами торговать. Вотъ вамъ въ доказательство закладная купца на пивной заводъ; а вотъ нѣсколько векселей съ одного матушкинаго сына — по пятиалтынному за рубль, даденъка, достались; что, хорошо? Эти вотъ съ трактирщика, этотъ... ну, этого не стоитъ... (Клочковъ замаялся и

сунуль вынутый вексель въ кучу другихъ бумагъ)... А это, камрадъ, съ Милунчикова... да-съ! на тысяченку, не болѣе... Но все полезно, чтобъ держать его на уздечкѣ, при иныхъ его общественныхъ подвигахъ. Это вотъ опять росписка съ прокурора судебной палаты, — въ карты его на всякій случай на пятьсотъ рублей обыгралъ: что ни говори, пригодится! — они теперь сила... Итого сорокъ семь тысячъ!.. Еще три тысяченки — и пятьдесятъ. А тамъ и выше и выше. А вотъ письма отъ первѣйшихъ торговыхъ и промышленныхъ тузовъ: зовутъ меня въ свои предприятия, шлютъ на заключеніе разные проекты, предлагаютъ занятія, мѣста... Что, милордъ, хорошо? И все это добыто собственнымъ трудомъ... Да! ночей не досыпалъ; по-уши иной разъ сидѣлъ въ грязи... И скоро, скоро отероются передъ вашимъ поворнымъ слугой такіе жизненные пути, о которыхъ теперь еще жутко и думать.

— Только все же я полагаю бы, сказалъ Ветлугинъ: что мой отецъ вамъ не пара.

— Оно, если хотите, и я наконецъ такъ думаю, отвѣтилъ Ключковъ: но кто мнѣ замѣнить его, добряка, ну, и его средства?

— Пояскали бы другого; авось найдется.

Ключкову блеснула счастливая мысль. Онъ неопредѣленно глянулъ въ отпертый ящикъ, медленно задвинулъ его, звонко щелкнулъ замкомъ и точно про себя сказалъ:

— Вы не хотите ли занять его мѣсто?

— Да... ужъ лучше хоть бы и мнѣ! — отвѣтилъ Ветлугинъ, не зная, какъ приступить къ рѣшительному объясненію объ обязательствѣ отца и вмѣстѣ остерегаясь сдѣлать ложный шагъ.

— Такъ значить, держи носъ по вѣтру? подмигнулъ, хихикая, Ключковъ.

— Именно, — отвѣтилъ Ветлугинъ.

— Такъ и отцовскій векселекъ подмахнете своимъ поручительствомъ? спросилъ Ключковъ, опять собираясь отоменуть столъ: а не то, можетъ быть, и вовсе его на себя перепишете? Мнѣ это, если сказать по правдѣ, было бы даже покойнѣе, — то старикъ, а то вы... У васъ вонъ какія связи торговая, опытность. Вы скорѣе устоите въ дѣлѣ; да съ васъ, извините, и взыскать вѣрнѣе. Вѣдь я говорю на чистоту, — своя рубашка, знаете...

— О какомъ векселѣ вы сказали? спросилъ Ветлугинъ.

— А какъ же; вашъ батюшка выдалъ мнѣ, за вступленіе его въ мои дѣла, вотъ это обязательство. Нельзя, — надо было на всякій случай себя обезпечить. Вѣдь его домъ и дворъ заложены при моемъ пособіи другому...

Ветлугинъ взглянулъ въ бумагу: то былъ дѣйствительно вексель на его отца и вексель на весьма крупную цифру. Сердце его сжалось. — «Вотъ что проглядѣлъ я при повѣрѣ счетныхъ книгъ»: подумалъ онъ: «какъ-бы однако помочь дѣлу? какъ бы выручить отца?»

Ветлугинъ выдержалъ себя и спокойно замѣтилъ:

— Что-жь, я готовъ подписаться и на вексель. Надо только это оформить. Мы посчитаемся съ вами, составимъ домашнее условіе о вступленіи моемъ въ ваши дѣла, вмѣсто отца; вы подпишете это условіе, а я отъ себя вексель.

— Когда-жь? сегодня? спросилъ, поглядывая на него, Ключковъ: и притомъ, старый ли вексель вы подпишете или мы замѣнимъ его отъ вашего лица новымъ? У меня и бумага для этого есть...

— Я на все согласенъ, отвѣтилъ Ветлугинъ: и готовъ это устроить хоть и сегодня.

Послѣ ужина Ключковъ провелъ гостя въ отведенную ему комнату. Они посчитались и старый вексель былъ уничтоженъ, а новый переписанъ на имя Антона Львовича. Условіе въ огражденіе векселя они рѣшили написать поутру. Проезъ его Ветлугинъ хотѣлъ обдумать повнимательнѣе.

Гость и хозяинъ провели ночь подъ разными впечатлѣніями. Ключковъ былъ очень доволенъ и разсуждалъ: «Изъ этого вертуна выйдетъ прокъ».

Ветлугинъ почти не спалъ. — «Я взялъ на себя немаловажное обязательство, — но я спасъ отца!» думалъ онъ: «какъ-нибудь выплачу, извернусь — за то отцу теперь не будетъ грозить полное разореніе, а не то и тюрьма»...

За утреннимъ чаемъ въ кабинетѣ Ключкова, Ветлугинъ засталъ вчерашняго посѣтителя, Фокина. На этотъ разъ онъ его лучше разсмотрѣлъ.

Управляющій Талищева оказался человѣкомъ лѣтъ сорока — небольшого роста, съ добродушными, лѣнивыми и будто смѣющимися, зеленоватыми глазками. Круглое загорѣлое лицо, мясистый пухлый носъ, свѣтлорусая клиномъ борода и объемистое, нѣсколько отвисшее брюшко — дополняли его черты. Онъ былъ въ сѣромъ потертомъ пиджакѣ, въ полиняломъ голубомъ шейномъ платкѣ и съ кнутомъ въ рукѣ. Сидѣлъ онъ у письменнаго стола, влѣво. Ветлугинъ, со стаканомъ чая, помѣстился у того жъ стола, вправо. Ключковъ расположился между нихъ посрединѣ.

Ветлугинъ хотѣлъ покончить съ условіемъ, но выжидалъ повѣдать Фокинъ.

— Ну-съ, возырь Иванычъ, — началъ прерванный разговоръ

съ Фокинымъ Ключковъ: скажите... такъ, знаете, откровенно, по-сосѣдски, — почему Кузьма продать вамъ лошадей?

— Какъ почему? удивился Фокинъ.

— А такъ же, многозначительно подмигнувъ Ветлугину Ключковъ: цѣны бываютъ всякія, тайныя и явныя.

Фокинъ уныло окинулъ глазами концы разставленныхъ своихъ ножекъ, и молча вздохнулъ.

— Странное, Петръ Ивановичъ, дѣло, сказалъ онъ: мы съ вами толковали вчера, да видно будемъ говорить о томъ же и сегодня... Сами изволите знать, почему? Мы не впервые съ вами встрѣчаемся. Были-таки въ общихъ дѣлахъ. Цѣну вашему приказнику вы сами назначили въ письмѣ. Я прочелъ это письмо и тогда только приступилъ къ покупкѣ... Такъ кто же здѣсь виноватъ?

— Условіе... росписва Кузьмы... съ вами? спросилъ, взглядывая на Ветлугина, Ключковъ.

Его глаза какъ-бы говорили: «что? слышали? каковъ гусь?»

— Еще бы не со мной, отвѣтилъ Фокинъ: я ваши обычаи, Петръ Ивановичъ, знаю; шутить въ дѣлахъ не любите... Изъ молодыхъ вы, да ранній... Балагуръ, но требуете точности...

— Покажите росписку...

Фокинъ изъ кармана панталонъ вытащилъ объемистый сафьянный бумажникъ; щурясь, поглядѣлъ въ него, какъ въ нѣкій глубокій колодезь, бережно вынулъ оттуда требуемую росписку; послушнѣе палецъ, развернулъ ее, разгладилъ на колѣнѣ и не подалъ, а какъ сидѣлъ, нѣсколько издали показалъ ее Ключкову.

Петръ Ивановичъ улыбнулся. Улыбнулся, глядя на него, и Фокинъ. Оба они, какъ видно, хорошо знали другъ друга.

— Ну-съ, — какъ-бы успокоившись, сказалъ Ключковъ: радуйтесь; поддѣли меня. Чуть не даромъ теперь придется отдавать вамъ лошадей.

— Полноте, Петръ Ивановичъ, полноте, — глядя въ бумажникъ и снова собираясь туда уложить росписку, перебилъ Фокинъ: вамъ ли это говорить? И такія ли вы поправляли дѣла? Известная вещь — торгъ; нынче дешево, завтра втрое дороже... А будете по совѣсти расплачиваться, на чистоту, вѣрьте, время все вамъ возвратитъ сторицей...

— А покажите, однако, еще мнѣ эту росписку, замѣтилъ Ключковъ: срокъ, кажется, еще не вышелъ...

И когда Фокинъ, продолжая поученіе, сказалъ: «Желай пользы другимъ, будетъ польза и тебѣ... на этомъ-съ, Петръ Ивановичъ, стойте теперь вся шеюла позитивистовъ!» и въ разсѣянно-

сти двинулъ росписку по столу, — Ключковъ мизинцемъ лѣвой руки незамѣтно столкнулъ росписку въ ящикъ, щельнула ключемъ и тихо отодвинулся отъ стола.

— Ну-съ, любезный позитивистъ, объявилъ онъ: теперь давайте торговаться снова...

— Какъ снова?

— А такъ же: я въ свѣтѣ джентльменъ; въ торговыхъ же оборотахъ — я кулакъ и кремень. И такова ужъ почва въ Россіи: какъ видите, я этого даже и не скрываю.

— Чтѣ вы, чтѣ вы, Петръ Ивановичъ, захихикалъ и задвигался животомъ оторопѣлый Фокинъ: оставьте шутки. Я вашему Кузьмѣ подъ росписку далъ тысячу цѣлковыхъ... И деньги не мои...

— Да я и не шучу. О какомъ задаткѣ и о какой роспискѣ вы говорите? Нѣтъ росписки и вы не докажете, что она была. Меня надули и я тѣмъ же отвѣчаю... Не хотите снова торговаться, не прогнѣвайтесь: я васъ болѣе не задерживаю...

Фокинъ всталъ. На немъ лица не было.

— Это ваше послѣднее слово? спросилъ онъ, судорожно сжимая ручку кнута.

— Послѣднее...

— Вы не шутите?

— Не шучу.

Фокинъ сдѣлалъ два шага къ двери и опять возвратился.

«Чтѣ же это онъ?» подумалъ, краснѣя, Ветлугинъ: «за кого же меня-то онъ, негодяй, считаетъ»? — Позвольте, сказалъ онъ Фокину: Петръ Ивановичъ дѣйствительно пошутилъ. Онъ вамъ сейчасъ отдастъ росписку обратно.

Въ глазахъ Ключкова свернули змѣйки.

— То-есть, какъ отдасть? спросилъ онъ, не глядя на Ветлугина.

— Ну, да; вы г. Фокину возвратите этотъ документъ, такъ какъ вы же сами... мнѣ давеча сказали, что хотите надъ нимъ только подтрунить: иначе и быть не могло...

— Когда я вамъ это говорилъ?

Ветлугинъ не отвѣтилъ.

— На пару словъ, сказала, вставая, Ключковъ.

Ветлугинъ вышелъ съ нимъ въ смежную комнату.

— Чтѣ все это значить? глухо спросилъ Ключковъ: вы, м лѣйшій, серьезно вздумали вмѣшаться въ это дѣло?

— Да, серьезно! отвѣтилъ Ветлугинъ: и мнѣ жалъ, что я не оцѣнили моей услуги.

— А если я васъ не послушаюсь?—дергая себя за галстухъ, злобно прошептала Ключковъ.

Онъ задыхался.

— Не думаю, отвѣтилъ Веллугинъ: вы должны поступить по моему совѣту... для вашей же пользы.

— Такъ и ты, Брутъ, противъ меня?—съ изуродованнымъ отъ бѣшенства лицомъ, постарался улыбнуться Ключковъ.

— Послушайте, глядя въ глаза Ключкову, твердо сказала Веллугинъ: если вы сейчасъ же и при мнѣ не отдадите этому господину росписки, я буду свидѣтелемъ противъ васъ на судѣ... А не то — лучше одумайтесь,—я ни за что не ручаюсь...

— О-го, такъ вотъ вы какъ! этого еще не доставало! угрозы въ моемъ домѣ...

Ключковъ оглянулся. Руки его судорожно вздрагивали. На углахъ губъ проступила пѣна. Онъ вспомнилъ стычку съ Веллугинимъ въ университетѣ.

— Вы не очень-то, продолжалъ онъ запальчиво: теперь вы мой должникъ! Вексель безсрочный. Я подамъ его во взысканію, и вамъ не сдобровать.

— Можете дѣлать все, что вамъ угодно, спокоейно отвѣтилъ Веллугинъ: ни я, ни отецъ мой въ обиду вамъ отнынѣ не дамъ... примемъ мѣры...

— Ахъ вы, заяцъ Иванычъ! вдругъ засмѣялся и даже на диванъ отъ смѣха упалъ Ключковъ: да вѣдь я въ самомъ дѣлѣ только понутилъ! Вотъ, смотрите, смотрите...

Съ этими словами онъ бросился въ кабинетъ, отперъ столъ, отдалъ Фокину росписку и, съ извиненіями, весьма любезно проводилъ его на крыльцо.

— Ну, не стыдно ли вамъ, обратился онъ къ сумрачно-стоявшему на прежнемъ мѣстѣ Веллугину: эхъ, эхъ, камрадъ, не хорошо! вообразили, что я и въ заправду...

«Тѣфу ты, какая гадость!» думалъ тѣмъ временемъ, стоя у окна, Веллугинъ: «надо же было наткнуться на это северное происшествіе... Въ какія руки было попался отецъ!»

— Впрочемъ, что же я? Не хотители закусить? Не поѣдемъ ли вмѣстѣ въ Талищеву? засутился вдругъ него Ключковъ: пока вы спали, я и лошадей велѣлъ приготовить; вонъ и вашъ верховой. Его разсѣдлатъ бы... Отсюда недалеко...

Веллугинъ пришелъ въ себя и уже хотѣлъ обернуться, заговорить. Онъ вспомнилъ, что условія, въ объясненіе и огражденіе векселя, Ключковъ еще не подписалъ. Но вдругъ и уже противъ его воли въ немъ закипѣло такое негодованіе и омер-

зеніе къ этому Ключкову, въ его вспотѣвшему, взволнованному лицу и старавшимся принять прежній, добродушный видъ, маслянымъ глазкамъ, что онъ схватилъ фуражку, не оборачиваясь къ Ключкову, вышелъ на крыльцо, сѣлъ на коня и безъ оглядки посквель со двора.

«Отлично, однако, я отъ него отдѣлался! размышлялъ тѣмъ временемъ, глядя на него изъ-за занавѣски окна, Ключковъ; чего добраго, еще учинилъ бы скандалъ. А если я съ Фоевыми сплеховалъ, за то вмѣсто старика Ветлугина моимъ должникомъ теперь самъ этотъ господчикъ, — да еще по безсрочному и безденежному векселю — не дурно, Петя, не дурно!»

Ключковъ погладилъ себя по животу, досталъ ключи, отперъ шеафчикъ, досталъ съ его полки бутылку стараго портвейна, серебряную старинную чарочку и банку съ ананасовымъ вареньемъ. Налилъ чарочку, отпилъ, посмаковалъ, и всю ее допилъ; налилъ, погоя, и выпилъ другую. Наложилъ на блюдце варенья, сѣлъ его съ разстановкой, заперъ все по прежнему въ шеафъ, ключи положилъ въ карманъ и, закуривъ сигару, прошелъ во внутренніи комнаты. Тамъ, съ чулкомъ въ рукахъ, въ дешевенькомъ, ситцевомъ, густо-накрахмаленномъ платьѣ и въ башмакахъ на босу ногу, сидѣла круглолицая, съ красными руками, ямочками на щекахъ и съ нѣжными кариными глазами, дѣвушка — повидимому, недавно взятая гдѣ-нибудь на селѣ. Губы ея при входѣ Ключкова подернуло, на рѣсницахъ висѣли слезы.

— Ничего, Вѣрочка, ничего, заговорилъ Ключковъ, прохаживаясь передъ нею по дѣвичьей: вотъ разживусь... поправлюсь... ну, и тебѣ и теткѣ... ну, и ты — заживемъ...

«Молчалъ бы, пучеглазый! срыпалось съ языка дѣвушки молчалъ бы, аспидъ!... тошно!...»

Но она ничего не сказала; только пригнулась ближе къ работѣ, и слезы чаще стали капать на руки, державшія чулокъ.

«Да и въ самомъ дѣлѣ, разсуждалъ, уходя въ кабинетъ. Ключковъ: изъ-за чего я стану сорить деньгами, великодушничать? Вотъ въ председатели бы скорѣе, въ предводители, а тамъ... Все, что пока скопилъ, въ оборотъ... Наличныхъ, свободныхъ денегъ нѣтъ...»

Сказалъ это онъ себѣ о деньгахъ и совралъ. Въ послѣднюю поѣздку въ городъ, онъ на акціяхъ торговаго банка заработалъ нѣсколько тысячъ чистоганомъ и собственноручно положилъ ихъ на текущій счетъ въ обществѣ взаимнаго кредита.

XX.

Бойцы сель и городовъ.

Очутившись въ полѣ, Ветлугинъ вскорѣ замѣтилъ, что сбился съ дороги.

Онъ проѣхалъ одинъ перекрестокъ, другой, но пути къ Дубкамъ не находилъ. Ключовка давно серылась за пологимъ холмомъ. Хлѣбныя нивы шли вправо и влево, въ перемежку съ пахотями. Вдали синѣли, покрытыя лѣсами, какія-то возвышенности. Кое-гдѣ торчали стоги сѣна, чернѣли межевыя тропинки. Но ни жилья, ни одинокого путника не было видно.

Ветлугинъ рѣшилъ возвратиться въ Ключовку, чтобъ лучше распросить дорогу къ Вечерѣвымъ. Но проѣхалъ версты двѣтри и увидѣлъ, что попалъ еще въ болѣе незнакомую мѣстность. Начались овраги, глубокія долины. На днѣ какого-то лога журчалъ ручей.

«Что за странность!» разсуждалъ Ветлугинъ, оглядываясь по сторонамъ. За однимъ изъ холмовъ онъ примѣтилъ пыль, поѣхалъ въ ту сторону и, подъ небольшимъ лѣскомъ, нагналъ какую-то телѣжку. На облучкѣ сидѣла и правила тощею лошадиной дѣвочка лѣтъ десяти. За телѣжкой, держась за ея кузовокъ, шли трое нищихъ слѣпыхъ. На вопросъ Ветлугина, не знаютъ ли они дороги въ Дубки, дѣвочка только сильнѣе стала погонять еле-двигающую ногами клячонку, а нищие отвѣтили, что они не здѣшніе, а ѣдутъ на ярмарку въ Рѣчное. «Гдѣ же Рѣчное?» спросилъ Ветлугинъ.—Кто ихъ зна. Версть семь, коли не болѣ.—«Значить, опять надо назадъ!» подумалъ Ветлугинъ.

Но не проѣхалъ онъ обратно и двухъ верствъ, какъ на встрѣчу ему, изъ молодой осиновой рощи, на тройкѣ сытыхъ саврасокъ, вылетѣлъ небольшой тарантасъ. Въ тарантасѣ сидѣлъ Милунчиковъ.

Они поздоровались.

— Вы вѣрно отъ Талищева? спросилъ Милунчиковъ.

— Нѣтъ, отъ Ключова; но никакъ не попаду обратно въ Дубки.

— Вы сбились. Къ Вечерѣвымъ отсюда не менѣе двѣнадцати верствъ. А къ Талищеву версты три. Я ѣду туда и могъ бы васъ подвести. вмѣстѣ оттуда бы мы проѣхали и къ Вечерѣвымъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣтилъ, поглядывая на своего

усталого коня, Ветлугинъ: но я запыленъ; да и конь мой, видите, врядь ли поспѣетъ за вашими.

— Мы его привяжемъ за тарантасомъ и потихоньку доберемся; а при въздѣ въ Рѣчное пріодѣнемся на постояломъ.

«Можетъ быть и Кирило Григорьичъ туда подѣдетъ, если не перехватилъ по дорогѣ своего пріятеля!» помыслилъ Ветлугинъ.

— А что это за церковь бѣлѣтъ, вонъ на горѣ? спросилъ онъ, указывая вдаль.

— Это Красный-Кутъ, монастырь. Онъ черезъ рѣку за Рѣчнымъ; а невдали за нимъ и моя усадьба.

Ветлугинъ принялъ предложеніе Милунчиковъ, и вскорѣ передъ ними открылся поселокъ и барская усадьба Рѣчнаго. Пова они умывались, чистились и вновь одѣвались на постояломъ дворѣ, Ветлугинъ разсказалъ о столкновеніи Ключкова съ Фокинымъ.

— Вотъ они, мои соперники по общественнымъ дѣламъ, съ отвращеніемъ свазалъ Милунчиковъ: а что прикажете дѣлать? Надо бороться. Самый этотъ съѣздъ собственно устроенъ противъ меня. Я везу туда одинъ проектъ, хотя знаю, что на этомъ пробномъ сеймикѣ, на этой маленькой биржѣ, передъ осеннимъ собраніемъ, сдѣлаютъ попытку заранѣе и навѣрняка уронить мое же имя. Талищевъ и Ключковъ все это время работали, ѣздили и подбирали голоса, чтобы смѣстить меня, во что бы то ни стало.

— Да, и я слышалъ, что противъ васъ готовится походъ.

— Я не боюсь, отвѣтилъ, выходя съ постоялаго двора, Милунчиковъ: за меня будутъ крестьянскіе и мѣщанскіе голоса. Я недоучка, и это мое великое и тяжелое горе; но я, по возможности, старался чтеніемъ наверстать оборыши воспитанія. Я искренно полюбилъ дѣло народа и не измѣню ему до конца...

— Но что вы сдѣлаете одинъ?

— О, я не одинъ. Армія честныхъ людей понемногу пополняется новобранцами. Ихъ будто мало, не видно; но это такъ только кажется. Выбылъ изъ строя одинъ, взамѣнъ его являютя другіе.

— Вы думаете, я мало вынесъ отъ этихъ наглцовъ? продолжалъ Милунчиковъ, подходя въ тарантасу: съ перваго моего появленія въ здѣшнемъ околоткѣ, обо мнѣ заговорили, какъ объ измѣнникѣ своему сословію; ославили меня, какъ опаснаго демагога и революціонера... На меня посыпались всякія сплетни; мерзвѣйшіе пасквили сочинялись обо мнѣ здѣшними тупицами, не только въ прозѣ, но и въ стихахъ.

Милунчиковъ нервически закашлялся.

— Вѣрите ли, ко мнѣ и къ моимъ знакомымъ, по почтѣ,

разсылались безчестѣйшія анонимныя письма,—въ газеты про-
нигали невѣроятныя выдумки и клеветы.

— Понимаю, какъ васъ это должно было огорчить.

— Огорчить и озлобить, подхватилъ Милунчиковъ: но что
же дѣлать? Такъ хороша природа и такъ среди нея, подь-часъ,
безобразно человѣчество, особенно его всѣмъ обезпеченная и сы-
тая половина...

— Въ чемъ главныя нападки вашихъ враговъ? спросилъ
Ветлугинъ.

Милунчиковъ помолчалъ.

— Все изъ-за того же, отвѣтилъ онъ, какъ-то робко глянувъ
въ сторону: изъ-за упорнаго нежеланія признать силу вещей и
честно откликнуться на голосъ вѣка.

— Впрочемъ, рѣшительно прибавилъ Милунчиковъ, садясь
въ тарантасъ вслѣдъ за Ветлугинымъ: противъ личныхъ оскор-
бленій—а безъ нихъ, вѣроятно, дѣло опять не обойдется—я при-
нялъ нѣкоторыя мѣры. Вонъ въ ногахъ у меня—ящикъ съ пи-
столетами... Я полагаю, что давно пора пустить кровь клеветни-
камъ. Не мало накопилось всякой дряни, которую слѣдуетъ вы-
вести на свѣжую воду.

Павель Федорычъ Талищевъ весьма радушно встрѣтилъ Вет-
лугина.

— Очень радъ, сказалъ онъ, вводя его въ залъ: будьте
гостемъ. Но какими судьбами вы попали въ нашъ околотокъ?

Ветлугинъ передалъ, что ночевалъ у Ключкова, а по пути
отъ него встрѣтился съ Милунчиковымъ, который и привезъ
его сюда.

— Такъ это вы ночевали у Ключкова? многозначительно
замѣтилъ Павель Федорычъ: ну, вдвойнѣ же радъ васъ видѣть...
Вы тамъ изъ-за меня воевали съ моимъ еумомъ. Охъ, ужъ этотъ
куманекъ. Онъ, впрочемъ, тоже здѣсь. Милости просимъ.

Талищевъ представилъ Ветлугина своей женѣ и познакомилъ
его съ обоими своими сыновьями, гусаромъ Рашей и гимназистомъ
Николушкой, а также съ нѣкоторыми изъ гостей.

— Не поскучайте у насъ, сказалъ онъ: прежде въ дерев-
няхъ было веселѣе. Собственная музыка, пѣвчіе... Теперь же мы
разбитые, припертые къ стѣнѣ. Какъ отшельники первыхъ вѣковъ,
мы одѣлись во вретиче, посыпали пепломъ главу и, точно въ
подземелья, изрѣдка только собираемся въ оставленныя усадьбы,
посѣтовать на развалинахъ нѣкогда процвѣтавшихъ хозяйствъ...
Словомъ, передъ вами—бойцы селъ и городовъ...

Бойцы сель и городовъ, однако, какъ сразу замѣтили Ветлугинъ, отнюдь не походили на древнихъ отшельниковъ: не одѣвались во вретиче и пепломъ своихъ головъ не посыпали. Сѣздъ былъ, какъ сѣздъ. По комнатамъ мелькали высокіе шиньоны, шуршали длиннѣйшіе шлейфы, а за ними увивались щегольскіе фраки, лиджаки и скртуви. Всюду слышался оживленный, беззаботный разговоръ о модахъ, мѣстныхъ и столичныхъ новостяхъ. Словомъ — все было по старинѣ и отнюдь не напоминало ни объ упадкѣ веселья вообще, ни о развалинахъ сельскихъ хозяйствъ въ особенности.

«Ишь, старый плуть, какого Лазаря мнѣ нѣлъ тогда на станціи!» подумалъ Ветлугинъ, прогуливаясь съ Талищевымъ по залѣ.

— Не угодно ли закусить? отнеслась въ Антону Львовичу хозяйка дома.

Объ руку съ ней Ветлугинъ направился въ столовую. Гдѣ-то послышалось нетерпѣливое пощелкиванье картъ. Онъ обернулся. Съ бубновой десяткой въ рукѣ и съ улыбкой посланца строгихъ, но милостивыхъ боговъ, на встрѣчу ему съ старшимъ Талищевымъ показался Ключевъ. Въ новомъ фракѣ, въ лаковыхъ полусапожкахъ и въ бѣломъ галстукѣ, Петръ Ивановичъ, объ руку съ другомъ, неся по залѣ, отыскивая, для одной важной и чиновной особы, партію въ ералашъ.

— Вы не играете? спросилъ онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Ветлугина.

И не успѣлъ тотъ опомниться, какъ Ключевъ прибавилъ:

— Очень радъ... Ну, какъ находите здѣшнее общество? Анна Романовна, приберите стараго моего соученика къ рукамъ... Найдите ему невѣсту. Что? попались? Посмотрите-ка, сколько хорошенькихъ.

Хозяйка собственноручно поднесла Ветлугину закусить и налила ему вина. — «Куда, однако, дѣлся Милунчиковъ?» подумалъ Антонъ Львовичъ, усѣвшись въ сторонѣ.

— Вы говорите объ управѣ, но хорошъ и новый судъ! произнесъ кто-то изъ кучки фрачниковъ, стоявшихъ у стола: поѣхалъ я по дѣлу въ городъ. Смотрю, наши митрохинскіе по улицамъ шляются, милостыню просятъ... Что вы, братцы? спрашиваю. — «Мы присяжные», отвѣчаютъ: «нагнали насъ эвонда, держать въ судѣ, а денегъ на харчи не даютъ; мы и ну-ка-си просить на хлѣбушку». Вотъ наши російскіе жури!.. Вотъ на па неподрашенная народная совѣсть...

— Ха-ха-ха! — отзывались на это густые и сытые голоса: именно — жури... народная совѣсть!

— А Милунчиковъ съѣздъ учителей затѣялъ, о волостныхъ банкахъ толкуеть! сказалъ кто-то.

— Да гдѣ онъ?

— Говорять, здѣсь.

— Какъ? пріѣхалъ?

— Да.

— Ну, много же, видно, у него храбрости. Не одобровать ему. Отзовутся бошеѣ мышьяины слезки.

— А слышали вы, перебилъ кто-то: въ газетахъ опять явилась пасквильная статья о нашей губерніи. Тутъ все: и меньшая братія въ обидѣ, и тупость высшихъ слоевъ, и невѣсты, и небережшія свѣтильничковъ, въ ожиданіи жениха.

— Кто же, кто ея авторъ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Авторъ открытъ, произнесъ, подходя изъ залы съ газетнымъ листомъ, старшій сынъ Талищева, Романъ Павлычъ: вотъ и статья. Сейчасъ получилъ отъ сестры Петра Ивановича.

— Открытъ? это любопытно.

Гусара оружили.

— Дѣтей сестры Ключева, началъ онъ, косясь на Велугина: какъ вы можете быть знаете, обучалъ медикъ-студентъ... братъ предсѣдателя нашей управы, Милунчиковъ...

— Говорите, слушаемъ! — не совсѣмъ впрочемъ смѣло и оглядываясь, подхватили нѣкоторые изъ слушателей.

— Этотъ именно молодой человекъ и обаялся авторомъ статьи, въ которой въ такомъ черномъ видѣ изображенъ весь дѣшній край...

— Будьте осторожнѣе, шепнулъ кто-то изъ непосвященныхъ ремонтеру: у васъ, говорятъ, въ настоящее время, въ гостяхъ братъ Милунчиковъ.

— Мнѣ стѣсняться нечего, въ благородномъ негодованіи, храбро сказалъ старшій Талищевъ, краснѣя не только лицомъ, но и затылкомъ: пусть, кто хочетъ, меня слушаетъ... У молодого человека сдѣланъ обыскъ; найдена переписка съ чужими краями... Его схватили и, вѣроятно, выплютутъ за Уралъ. Графъ ѣздилъ въ жандармскому генералу и просилъ его избавить нашу губернію отъ этихъ пословъ интернаціоналки.

«И все, представьте, вретъ!» чуть слышно шепнулъ кто-то зади Велугина.

Велугинъ оглянулся.

За нимъ стоялъ его утренній знакомецъ, управитель Тали-

щева, Фокинъ. Руки послѣдняго съ трудомъ обхватывали шевелившійся отъ позывовъ къ смѣху животъ, а насмѣшливо прищуренные глаза, лѣниво и презрительно обращаясь кругомъ, какъ бы говорили Ветлугину. «Какова, батюшка, коллекція? и каково это вамъ, на свѣжій-то носъ, такъ сказать, съ вольнаго воздуха»?..

— Такъ это неправда? спросилъ, отходя съ нимъ въ сторону, Ветлугинъ.

— Прежде всего, позвольте васъ поблагодарить за давешнюю услугу,—сказалъ, пожимая руку Ветлугина, Фокинъ: сейчасъ только узналъ, кто вы. А теперь и объ этихъ господахъ. Все, что вы сейчасъ слышали, чистое вранье. Я все ихъ гадкое ну-тро насквозь вижу и знаю... Помилуйте... Впрочемъ, нѣтъ, тутъ не совсѣмъ удобно... Если вы удостоите пройти ко мнѣ во флигель, такъ я вамъ и не то о нихъ расскажу...

— А Вечерѣва, Кирилы Григорыча, здѣсь нѣтъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Не видно что-то. Онъ ночевалъ у насъ нынче на заводѣ, съ принципаломъ моимъ счеты сводилъ, и остался тамъ кого-то дожидать.

Ветлугинъ съ Фокинымъ прошли во флигель.

— Вотъ моя пещерка,—сказалъ Фокинъ, усаживая гостя въ кресло своей комнаты, а самъ располагаясь противъ него на кровати: что же касается до исторіи со студентомъ Милунчиковымъ, такъ она разыгралась почти на моимъ глазахъ. Я сосѣдъ сестры Ключкова и, какъ нарочно, въ ту пору, — это было дня четыре назадъ,—ѣздилъ навѣстить свое хозяйство. Отсюда недалеко — верста двадцать. Учитель Милунчиковъ, добрый и весьма не глупый малый, сталъ поперегъ горла у Ключкова, во первыхъ, тѣмъ, что его братъ предсѣдателемъ здѣшней управы, трудится, какъ муравей, и не явшается съ прочею здѣшнею мразью; а во-вторыхъ и потому, что сперва сдержанно, а потомъ и безъ всякихъ стѣсненій, сталъ сообщать, какъ сестрицѣ Ключкова, такъ и все кому изъ сосѣдей, о множествѣ не-совсѣмъ нравственныхъ дѣлишекъ ея брата... Тамъ, знаете, въ числѣ иного прочаго, случилась незадолго весьма печальная исторія съ одной крестьянской сироткой, Вѣрочкой, — у слѣпой тетки онъ ее сманилъ... Ну, да это въ сторону... Статью же о здѣшнихъ палестинахъ, можетъ быть, точно написалъ и студентъ Милунчиковъ. Я про то не знаю и не спору. Да я бы и самъ ее написалъ, если бы только напечатали. Но никакой переписки съ чужими краями у студента не было и не нашли; политиче-

скими дѣлами онъ не занимался, и графъ, губернский предводитель, жандармскаго генерала противъ него не вооружалъ. А напротивъ, самъ Ключковъ, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, при мнѣ, налетѣлъ съ пріятелемъ становымъ въ своей сестрицѣ. У юноши учителя сдѣлали формальный обыскъ и отобрали все какия, по всей вѣроятности, даже цензурныя рукописи и книжки. А послѣ обыска бѣднягу расчитали, да, не говоря худого слова, и вывели за межу имѣнія: вотъ-де, каковы всѣ эти Милунчиковы. Контракта у студента съ этими господами не было. Братъ его находился въ отлучкѣ. Защитить было некому... Я его въ ту пору нагналъ на дорогѣ и даже подвезъ до первой станціи... Случилось все это такъ неожиданно... Плакать сердечный не плакалъ; за то ужъ ругался такъ-то зло и хорошо, и столько про всѣхъ этихъ господъ причитывалъ, что я, вѣрите ли, чуть со смѣху дорогой не умеръ... Между прочимъ, завѣрялъ онъ честию, — да это и изъ другихъ источниковъ я знаю, — что будто мой принципаль, совмѣстно съ Ключковымъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду сочиняетъ нѣкій новый и совершенно гениальный проектъ российской конституціи...

— Какъ, что? неволью улыбнулся Ветлугинъ.

— Честию завѣрялъ, что не лжетъ.

— Въ чемъ же состоитъ этотъ проектъ?

— Между прочимъ, въ такомъ преобразованіи сбора податей, чтобы несостоятельныхъ плательщиковъ изъ крестьянъ разрѣшено было отдавать въ особыя уѣздныя, арестантскія, недоимочныя роты... Вы не вѣрите? Ей Богу, я не шучу. Эта конституція замѣчательна, наконецъ, и тѣмъ, что предлагаетъ возобновить Семибоярскую Думу и, какъ-бы вы думали, еще что? новгородское вѣче, куда бы, впрочемъ, отъ народа могли быть избираемы не всѣ, а лишь тѣ, кто чиномъ не ниже статскаго совѣтника...

Сказавъ это, Фокинъ разразился такимъ дѣтски-пискливымъ и раскатистымъ смѣхомъ, что рассмѣшилъ опять и Ветлугина.

— И едва лишь гдѣ-либо, — продолжалъ, помахавъ на себя шапкой, Фокинъ: разумѣется, послѣ доброй дружеской выпивки, заходитъ рѣчь о будущихъ боярахъ-министрахъ этой Думы, министромъ финансовъ называютъ Ключкова, а внутреннихъ дѣлъ и сельскаго хозяйства — Талищева...

— Вы упомянули о своемъ имѣніи, сказалъ Ветлугинъ: отчего вы сами тамъ не хозяйничаете?

Фокинъ вздохнулъ.

— Долго рассказывать... Душа болитъ. Слишкомъ тяжело мнѣ тамъ было-бы одиночество. Имѣніице крошечное, оборот-

наго капитала нѣтъ, и я бы давно его продалъ. Но тамъ умерла моя мать... Послѣ смерти отца, мы остались съ нею вдвоемъ. Я былъ еще дитя; у нее долги. Не на что было меня учить. Она нанялась въ сосѣду помѣщику, другу Вечерѣва, Ченшину—въ влючницы, а меня, на свои сбереженія, при пособіи этого добраго человѣка, отправила въ межевой институтъ. И жила она по найму у Ченшина, пока я вышелъ въ землемѣры. Домъ и хозяйство наше пустѣли. Поспѣвшиль я на родину, часы считалъ, чтобы скорѣе перевезти старушку на родное пепелище. И мы съ ней тамъ поселились. Но только-что она вздохнула на свободѣ, принялась за устройство стараго гнѣзда, размечталась о счастья, думала, наконецъ, меня женить, какъ простудилась въ хлопотахъ по хозяйству, заболѣла,—докторовъ въ нашей глуши мало, время было зимнее, на силу ихъ дозволялся,—у нее открылась скоротечная чахотка и она умерла...

— Однако, пора намъ, заключилъ, вставая, Фокинъ: пойдете въ домъ... Будущій министръ финансовъ уже навѣрное гласить тамъ о любимомъ своемъ предметѣ, о близкомъ будто-бы, изъ-за нынѣшнихъ порядковъ, государственномъ банкротствѣ Россіи,—чтобъ ему черти ѣсть не давали на томъ свѣтѣ, какъ онъ утромъ-то меня, расподлѣющій человѣкъ, настращаль съ этою роспиской...

Возвратясь къ остальнымъ гостямъ, Фокинъ оставилъ Ветугина, а самъ ушелъ заняться размѣщеніемъ привезенныхъ военныхъ музыкантовъ и фейерверка. Ветугинъ присѣлъ въ залъ.

Въ одномъ углу этой комнаты, за карточнымъ столомъ, сидѣли Ключковъ, хозяинъ дома и два посредника. Они говорили о назначеніи новаго губернатора, причемъ одинъ изъ посредниковъ утверждалъ, что губернаторъ изъ теперешнихъ, богатъ, имѣеть сто тысячъ дохода и вмѣстѣ таковой обходительный, таковой обходительный.

— А ужъ на счетъ глядѣнія въ сторону, — замѣтилъ Ключковъ: такъ этотъ еще почище, чѣмъ нашъ нынѣшній-то, двуязычный... Никакихъ, говорить, направленій не потерплю,—ни за земство, ни противъ земства, ни за школы, ни противъ школъ;—сиди въ своемъ вертоградѣ и молчи, какъ бы ничего этого не было, или какъ-бы всё это было и даже въ избыткѣ. У меня, говорить, взглядъ прямолинейный—гляди въ одну точку, ои дай внушеній и баста; всё остальное — соблазнъ, котораго, я думаю, я не допущу, и въ этомъ безъ сомнѣнія, мнѣ помогутъ всё добронадежныя силы губерніи.

— Но ихъ ужъ нѣтъ, этихъ силъ, — сказала со вздохомъ, сдавая карты, хозяйка дома.

— Какъ нѣтъ? спросилъ Ключковъ.

— А также—продолжалъ Талищевъ: развѣ вы не читали послѣднихъ извѣстій?

— Какихъ?

— Пишутъ, что вскорѣ стануть обсуждать вопросъ о введеніи общей воинской повинности.

— Это еще впереди—замѣтилъ Ключковъ: и бабушка вообще на двое сказала...

— Ну, ужъ извините, не на двое, отозвалась отъ другого карточного стола важная дама: приступаютъ и вскорѣ приступаютъ. И чѣмъ, я васъ спрашиваю, вознаграждать насъ за то, что наши Васи, Вани и Поли будутъ сравнены съ солдатами, и ротнымъ офицерамъ, дядюшкамъ нашихъ лакеевъ, стануть сапожищи чистить?

— И притомъ, за что-же это все? за что? сказала, прикрывая королею шестерку сосѣда, одинъ изъ посредниковъ: вѣкъ идетъ и мы идемъ. Хотѣли, чтобъ мы либералами были,—мы ими стали: въ комитетахъ о собственности, какъ о прошлогоднемъ свѣгѣ, отзывались; всякій искусъ, терпѣніе и сокращеніе выносили, свелись почти на нѣтъ... Раздался голосъ о патриотизмѣ, о нравственномъ преобореніи,—гдѣ мы были? тутъ-же... Мы страхомъ божьимъ исполнились, церковныя попечительства вездѣ завели...

— И зачѣмъ имъ все это понадобилось? прибавилъ Талищевъ: или Суворовъ и Румянцевъ, говоря по совѣсти, были слабѣе безъ этихъ новѣйшихъ російскихъ прелестей?..

— А нравственность? нравственность? отозвалась отъ другого карточного стола жена мирового судьи: что почерпнуть у солдатъ наши дѣти? Какой духъ отъ нихъ вынесутъ?

— А манеры, ма-шеръ, манеры?—возводя глаза къ потолку, сказала сидѣвшая возлѣ нея хозяйка дома: вѣдь въ полкахъ такой сбродъ, такой... дѣти коноваловъ, барабанщиковъ...

— Притомъ и всякой пропагандѣ при этомъ будетъ легче,—продолжалъ Талищевъ: не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ... Всталъ бы Суворовъ, отпѣлъ бы онъ имъ... впрочемъ, говорить о перемѣнахъ...

Тутъ Талищевъ, оставя карты, въ полъ-голоса передалъ слухъ о выходѣ въ отставку нѣсколькихъ высшихъ сановниковъ, въ томъ числѣ разомъ чуть не трехъ министровъ, и о замѣнѣ ихъ такими лицами, о которыхъ нието и не слышалъ и которыхъ онъ чуть ли не самъ откопалъ гдѣ-то въ глубинѣ двадцатыхъ годовъ—а, нако-

вещь, и о близкомъ будто-бы упраздненіи всѣхъ, не только произведенныхъ, но и предположенныхъ реформъ...

Ветлугинъ не дослушалъ. Силь у него не хватило.

Да гдѣ-же это я? разсудалъ онъ, оглядываясь по сторонамъ. Онъ всталъ и вышелъ въ гостиную. Тамъ онъ подсѣлъ къ дивану и принялся просматривать лежавшія на столѣ иллюстраціи.

— Слышали, Авдотья Петровна? — спросилъ старшій сынъ Талищева нарядную дамочку, жену почетнаго мирового судьи, сидѣвшую съ нимъ у рояля.

Столъ, у котораго расположился Ветлугинъ, отдѣлялся отъ рояля рѣшоткой, обвитой плющомъ.

— Что? спросила дамочка.

— О магери Измарагдъ?

— Ну?

Гусарь произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ Ветлугинъ не слышалъ.

— Да что вы шепчетесь? говорите громче! сказала дамочка.

Гусарь указалъ глазами на плющевую рѣшотку, за которою сидѣлъ Ветлугинъ.

— Quelle idée! — усмѣхнулась, прерываясь вѣромъ, дамочка: онъ не опасенъ... правда-ли, говорятъ, что это купеческій прикащикъ изъ Кяхты?

— Что вы, что вы! возразилъ, оглядываясь на рѣшотку, гусарь.

— Да присмотритесь — отъ него, право, нанкой и корицей пахнетъ...

Гусарь, уткнувшись въ платокъ, такъ усердно разсмѣялся, что дамочка принялась его останавливать: дѣлала ему знаки и махала на него платкомъ; онъ-же сталъ весь красный, а старобразное лицо его даже прослезилось.

— Ну, такъ что-же Измарагда? что? — спросила въ полголоса дамочка, видя, что сидѣвшій у стола Ветлугинъ омончательно углубился въ разсматриваніе иллюстрацій.

— Да Вечерѣвскую-то дочку? отвѣтилъ гусарь: не ужели не слышали?

— Вашу бывшую страсть?

— Бывшую, да! сказалъ, сладко жмура глаза, Талищевъ: теперь вы знаете, кто моя богиня...

— Garçon! — отвернулась дамочка, шаловливо ударяя его вѣромъ по рукѣ: такъ что-же Измарагда съ Вечерѣвой?

— Сподобилъ...

— Какъ сподобила?

— А также, настоящимъ, то-есть, манеромъ,—въ акуратъ, и пикнуть не дала... Какъ хотите, дѣло выгодное... Старики не долго протянутъ. Ну, а послѣ нихъ ужъ, разумѣется... и не долго ждать...

— Кто же помогаль? кто? неужели?..

Талищевъ опять заговорилъ въ полъ-голоса; Ветлугинъ раза два услышалъ имя Клочкова. Въ гостинную въ это время вошли другіе гости. Кто-то сѣлъ за рояль. Раздались звуки изъ прекрасной Елены. Чей-то голосъ фальцетомъ запѣлъ: «Я царь, тѣфу! я мужъ царицы». — Ветлугинъ прошелъ въ садъ. — «Толкуйте себѣ, разсуждайте онъ: строите планы — каково-то будетъ ваше разочарованіе?»

Возвратясь черезъ нѣсколько времени къ остальнымъ гостямъ, Ветлугинъ увидѣлъ Милунчикова.

— Гдѣ вы были? спросилъ онъ его: я васъ искалъ...

— Я встрѣтилъ здѣсь нашего земскаго подрядчика, и все его уговаривалъ что-нибудь сбросить въ цѣнѣ на мостъ, отвѣтить Милунчиковъ.

— Когда же обсужденіе вашего проекта?

— Что-то медлятъ; вѣроятно, послѣ обѣда. На сытый желудокъ, видно, спокойнѣе.

Подошелъ Ниволушка Талищевъ и сообщилъ, что отецъ проситъ Николая Ильича и Антона Львовича въ кабинетъ.

— Вотъ, господа,—началъ Талищевъ отецъ, подвигая кресла Милунчикову и Ветлугину: изъ Петербурга пишутъ, что податная комиссія подходитъ къ концу и что вѣроятно въ ней высвѣжуются за всесловныя подати.

— Что же, давай-то Богъ,—отвѣтилъ, спокойно усаживаясь, Милунчиковъ: я думаю, этого нельзя не желать.

— Какъ кому, нѣсколько въ сторону сказалъ старшій Талищевъ: есть люди, которымъ, безъ сомнѣнія, нечего терять. Эти господа, можно сказать, даже еще выиграютъ въ общемъ водворотѣ... Перепадутъ кое-какія крупинки...

Милунчикова передернуло. Всѣ молча впились въ него глазами.

— Вы утверждаете, началъ онъ: что люди бѣдные, люди безъ состоянія, готовы на всякія крайности. Устраните ихъ бѣдность, и они вамъ грозить не станутъ. Если у меня нѣтъ собственности, это еще не значитъ, чтобы я ее не признавалъ и не уважалъ. Нѣтъ собственности сегодня, она, у меня, при моихъ трудахъ, можетъ быть завтра... Но вы не мѣшайте мнѣ трудиться а главное—не берите съ меня болѣе того, что вы сами даѣте...

— Ну, дяденька, — не вытерпѣлъ на это Ключковъ: поздравляю васъ — это ученіе санкиолотовъ...

Взрывъ хохота покрылъ эти слова.

— Я ужъ вамъ однажды сказалъ, что вы неудавшійся фари́сей, отвѣтилъ, стараясь не выйти изъ себя, поблѣднѣвшій Милунчиковъ: но, впрочемъ, вы и этого названія не стѣбите... потому что...

— Договаривайте, договаривайте, російскій Мирабо, — на сильно посмѣиваясь, сказалъ Ключковъ.

— Да, что! презрительно отрѣзалъ, вставая, Милунчиковъ: еще вѣрнѣе выразиться, вы даже не земскій дѣятель, а земскій ярыжка...

Въ кабинетѣ настала мертвая тишина. Большинство слушателей потушило глаза. Талицевъ отецъ не зналъ, что дѣлать. Ключковъ сидѣлъ опѣшенный, съ раскрытымъ ртомъ и куда-то пропавшими глазами. Милунчиковъ, объ руку съ Фокинымъ, молча вышелъ изъ кабинета.

— Однако, онъ тебя отбрилъ! замѣтилъ кто-то Ключкову.

— Сочтемся... Не то еще ему будетъ, злобно отвѣтилъ, уходя съ Романомъ Талицевымъ, Ключковъ: я все ему припомню... да и Фокину, который съ нимъ дружить...

— Вотъ подите съ ними, заговорилъ, подсаживаясь къ Ветлугину и угирая лицо, Талицевъ отецъ: индо въ потъ прошибли. Не могутъ не сдѣлаться. Какъ сошлись, такъ и пошла писать Соперники...

— Что же, пора бы и обѣдать? въ полголоса отнеслась къ мужу вошедшая хозяйка.

— И я думаю. Все ждали вотъ и къ дѣлу еще не приступили.

— Кого вы ждете? спросилъ Ветлугинъ.

— Вечерѣва. Онъ остался ожидать у меня на заводѣ своего пріятеля Ченшина. Да видно тотъ припоздалъ. А отъ завода не далеко и до другой вотчины Вечерѣва. Какъ бы не проѣхалъ туда на встрѣчу своему пріятелю. Очень ужъ они дружны...

— Кто этотъ Ченшинъ?

— Золотопромышленникъ, богачъ. Намъ бы его участіе было очень полезно.

Позвали всѣхъ обѣдать. Въ окна столовой съ крыльца раздался хоръ трубачей. Идя съ другими изъ кабинета, Ключковъ сказалъ въ столовой Фокину: «А вы, дружище, готовьте свои кишечки; будетъ у насъ погромъ, на перваго на васъ наступимъ доморощенныхъ Пугачевыхъ, чтобъ вы поменьше любез-

ничали съ меньшими братьями и не прибавляли имъ, на чужой счетъ и въ подрывъ сосѣдямъ, разныхъ льготъ и облегченій».

— Я не долго буду вашимъ сосѣдомъ... уже просилъ у Павла Федоровича расчитать... Не могу-съ»...

— Ну, это еще мы увидимъ!

За обѣдомъ Ключковъ, перешепнувшись съ старшимъ Талищевымъ, то и дѣло подливалъ Фокину вина.— «Да не пью-же я, Петръ Ивановичъ», отшывался тотъ: «говорять вамъ, что не пью! Мнѣ не здорово; запрещено».— «Вздоръ!» перебивали его услужливые сосѣди.

Настроеніе взрослыхъ перешло и на юное поколѣніе, подъ предводительствомъ Николушки Талищева, воссѣдавшее на другомъ концѣ стола. Хозяинъ дома сперва было защищалъ своего управляющаго. А потомъ и онъ, подвыпивъ портеру и соображая, что этотъ бува Фокинъ, какъ разъ передъ рабочей порой, попросилъ у него расчета, махнулъ на все рукой и самъ, не безъ удовольствія, сталъ слѣдить за нападеами на него Николушки и его друзей. «Да потѣшайтесь вы, чтобъ васъ!» думалъ Павелъ Федорычъ, поглядывая на шумѣвшую вокругъ него веселую компанію: «въ самомъ дѣлѣ, отчего бы Фокину и не пить? Въ наши дни, въ старину, такимъ господамъ вино выливали за галстухъ»...

Взволнованной и подгулявшей компаніи нужна была искупительная жертва. И эта жертва нашлась...

XXI.

Посолъ.

Послѣ обѣда дамы рѣшили кататься. Онѣ уговорили хозяйку и нѣкоторыхъ изъ мужчинъ, въ томъ числѣ Ветлугина, и въ трехъ экипажахъ спустились въ рѣкъ, съ цѣлью проѣхать въ заливу, противъ котораго былъ расположенъ Краснукутскій монастырь. Ветлугинъ охотно согласился на эту прогулку: Вечерѣвъ не являлся; Милунчиковъ съ прочими гласными былъ приглашенъ въ кабинетъ, гдѣ, наконецъ, началось обсужденіе разныхъ проектовъ, въ томъ числѣ записки Ключкова. Остальные гости не занимали Ветлугина.

«Какая тоска,—думалъ онъ, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ: все измѣняется на свѣтѣ; только сужденія и анекдоты этихъ

господь тѣ же, что были еще въ тѣ времена, какъ я учился азбукѣ и ходилъ въ курточкѣ и въ дѣтскихъ воротничкахъ».

Поѣздка къ заливу не удалась: рѣка, отъ прорыва чьей-то плотины, затопила въ томъ мѣстѣ дуга. Вѣзли въ монастырскую рошу. Возвратились поздно вечеромъ.

Ветлугинъ отыскалъ Милунчикова.

— Что съ вами, Николай Ильичъ? спросилъ онъ: вы будто не въ духѣ...

— А, прахъ ихъ побери; это не слуги края, а враги. Ужъ я спорилъ, спорилъ. Непремѣнно подамъ протестъ. Потому только и норовятъ вести дорогу на эти мѣста, что здѣсь ихъ собственные норы.... Возмутительно. Особенно этотъ Ключковъ. Онъ меня до того разбѣсилъ, до того... Ёдемъ!.. Велю сейчасъ запрягать. Надо только условиться еще кое о чемъ съ нашимъ подрядчикомъ. Подождите меня.

Милунчиковъ вышелъ въ садъ. Въ это время на крыльцѣ разносили чай, ликеръ и мороженое.

На одной изъ дорожекъ къ нему подошелъ младшій хозяйскій сынъ. Объ руку съ Николушкой шелъ его пріятель, гимназистъ, Коребякинъ.

— Разрѣшите нашъ споръ, отнесся послѣдній къ Милунчикову.

Николай Ильичъ остановился.

Коребякинъ былъ юноша лѣтъ восемнадцати, нѣсколько суроваго вида, плотно остриженный, дебелый, сутуловатый и застыбчивый. Круглый сирота, безъ протекцій и поощреній, пробившись до седьмого класса гимназiи, онъ, отъ природы неодаренный блестящими способностями, учился весьма усердно, былъ на хорошемъ счету у товарищей и страшно трусилъ срѣзаться на выпускномъ экзаменѣ. Онъ въ тихомолку строилъ планы о томъ, какъ, по выходѣ изъ гимназiи, займетъ у отца Талищева денегъ, уѣдетъ въ Петербургъ, поступитъ тамъ въ университетъ, выдержитъ экзаменъ на кандидата, а тамъ и на магистра, добьется каѳедры, — словомъ плавалъ въ волшебныхъ мечтахъ. Экзамены были на носу. Въ Рѣчное, по зову Николушки, прѣхалъ онъ дня на два, съ кѣмъ то изъ городскихъ гостей. «Подготовлю почву», думалъ онъ: «а тамъ и за экзамены. Николушка моими тетрадами только и живъ, — и не замѣтитъ моей нужды онъ не можетъ». — Николушка, однако, его нужды не замѣчалъ. Онъ успѣлъ уже приобрести ту своеобразную дальновзоркость, при которой иные смертные ничего не видятъ вблизи, хотя за то все и отлично видятъ вдали. Юный Талищевъ давно

уже глядѣль на остальныхъ людей не прямо, не въ лицо, а какъ-то поверхъ головы, черезъ челоуѣка, точно стоявшіе передъ нимъ были до того мелки, что ихъ нельзя было и замѣтить.

— Въ чемъ же у васъ, господа, споръ? спросилъ Милунчиковъ, бывший въ дружбѣ съ Коребякинымъ.

— Коребякинъ увѣряетъ, началъ Николушка: будто скоро уничтожать чины. Возможно ли это?

— Да, отвѣтилъ разсѣянно Милунчиковъ: онъ правъ. Въ Англіи, да и въ другихъ странахъ, чиновъ давно нѣтъ. Тамъ я сегодня пивоваръ, завтра—членъ палаты общинъ, а черезъ мѣсяцъ министръ и канцлеръ королевства, или, какъ въ Америкѣ,—даже и главнокомандующій.

— То въ Англіи и въ Америкѣ, а мы въ Россіи, возражалъ Николушка, глядя сквозь лорнетку на носки собственныхъ ботинокъ.

— Такъ что же, что въ Россіи? перебилъ Коребякинъ: издадутъ законъ, и у насъ не будетъ чиновъ.

— А то, усмѣхнулся юный Талицевъ, что пока вы, господа, будете мечтать объ изданіи этого закона, я попаду въ мировые судьи, а тамъ, при связяхъ отца, въ члены окружнаго суда; года черезъ три-четыре меня сдѣлаютъ предсѣдателемъ суда; а тамъ уже не далеко и въ члены судебной палаты, а, слѣдовательно, и въ генералы... Вотъ и говори мнѣ тогда: ваше превосходительство... И буду я васъ, молодчиковъ, въ тѣ поры, принимать не иначе, какъ по докладу дежурнаго...

— Ну, это еще мы увидимъ, сказалъ не совсѣмъ увѣренно Коребякинъ: до той поры какъ бы не упразднили, не только чины, но и способъ раздачи мѣсть...

Юноши, какъ видно, черезъ чуръ хватили либеру и потому болтали нѣсколько неумѣренно.

— Ай, ай, въ ваши годы, Николай Павлычъ, и такія сужденія! какъ бы про себя, хмура брови, замѣтилъ Милунчиковъ: немного же вы внесете въ ваше поколѣніе...

— Чего-съ? обидѣлся и вспыхнулъ по уши юный Талицевъ: лучше бы вы читали наставленія своему брату, а не друтъ съ.

— Нечего мнѣ ему читать наставленій; онъ самъ за собой са трить.

— Плохо же онъ смотреть, усмѣхнулся озлившійся юноша: бы въ бы умень, не попался бы въ исторію, что его обыскали и са гаютъ.

— Что за вздоръ? въ какой исторіи? — мѣняясь въ лицѣ, спросилъ Милунчиковъ: кто вамъ это сказалъ? отвѣчайте, или...

— Нечего грозить, нечего; я и такъ съ удовольствіемъ сообщу. Тайны нѣтъ никакой. Спросите у любого; это всѣмъ рассказать братъ мой...

«Новая безчестная клевета! что за мерзости!» пробѣжало, при этой вѣсти, въ головѣ Милунчикова. Онъ не взвидѣлъ свѣта передъ собой и, не слыша, что ему далѣе говорилъ юный Талищевъ, бросился отыскивать его старшаго брата, Романа Павлыча.

Пользуясь отсутствіемъ дамъ, старшій Талищевъ, въ саду подъ вербами, затянулъ «Феню.» Друзья подхватили хоромъ. Онъ скинулъ венгерку и, въ красной канаусовой рубахѣ, вскрикивая и вскидывая вверхъ руки, пустился въ присядку. Его примѣру послѣдовалъ его другъ, уланъ Подсыпанинъ, за уланомъ—секретарь окружнаго суда. Всѣ были въ духѣ, веселы и беззаботны. Ливѣрь и прочіе напитки начинали оказывать свое дѣйствіе.

Когда гусарь кончилъ пляску, Ключиковъ взялъ его подъ руку, отошелъ въ сторону и сталъ съ нимъ шептаться. Вслѣдъ затѣмъ гусарь вмѣшался въ кругъ молодежи и въ полъ-голоса сказалъ: «Господа! дамы еще въ уборной.... Слѣдовало-бы кое-съ-ѣмъ раздѣлаться. Среди насъ есть человѣкъ, котораго не мѣшаетъ прочитъ, хоть бы только для острастки...

— Кто таковой? кто? подхватили слушатели.

— Нашъ управляющій, Фоеинъ, — отвѣтилъ, озираясь, гусаръ: онъ непременно что-нибудь умышляетъ. За обѣдомъ ничего, какъ есть, не пилъ; а послѣ обѣда, ни съ того, ни съ сего, попросилъ у отца расчетъ. Онъ только слушалъ насъ... Не напоить ли его общими силами?

— Напоить, напоить! — отозвались довольные голоса.

Тотчасъ-же вызвалась кучка охотниковъ. Самого гусара въ это время отозвалъ въ сторону подошедшій, съ нахмуреннымъ лицомъ, Милунчиковъ. А пока они отправились объясняться въ домъ, остальные бросились отыскивать Фокина. Они его нашли у пруда, за устройствомъ выписаннаго изъ города фейерверка. Подъ предлогомъ разрѣшенія какого-то пари, они дружески провели его въ садъ и сперва ласково, потомъ настойчивѣе, стали требовать, чтобъ онъ пилъ.

Ничего не подозрѣвая и вида въ настояніи подгулявши шалуновъ одну изъ обычныхъ этой братіи забавъ, Фоеинъ началъ было отшучиваться, упираться ногами и руками, брыкаться и даже подпрыгивать, при чемъ оброкинулъ нѣсколько поднесенныхъ ему стакановъ вина. Шутники перемигнулись, подхв

тели его подъ руки и увели въ амбаръ, временно преобразованный въ довольно удобное помѣщеніе для гостей. Вслѣдъ затѣмъ здѣсь произошла сцена, каковой, разумѣется, не ожидали не только управляющій Талищевъ, но и сами расходившіеся путники.

Фокинъ, въ неравной борьбѣ, порядкомъ толкнулъ младшаго хояйскаго сына. Николушка освирипѣлъ, при помощи другихъ повалилъ Фокина на кресло, а потомъ на диванъ, надавилъ, ему грудь колѣномъ и кривнулъ: «Ну, господа, теперь помогайте!» Кто-то схватилъ Фокина за руки, а остальные съ хохотомъ стали ему насильно лить въ ротъ вино, а потомъ и водку. И когда, наконецъ, появившій грозу Фокинъ началъ съ ругательствами стыдить обезумѣвшихъ озорниковъ, стиснулъ челюсти и спряталъ въ уголъ дивана голову, нападающіе вспомнили, что они еще недавно были всемогущими potentатами своихъ околотковъ, и общими силами—юные и взрослые—навалили на Фокина...

Ветлугинъ ничего этого не зналъ. Клочковъ, подзадоривъ другихъ, подослалъ къ Антону Львовичу одного изъ членовъ уѣздной управы. Этотъ послѣдній догналъ Ветлугина въ концѣ двора и, выйдя съ нимъ за ворота, сталъ ему объяснять свой давнишній проектъ о необходимости поощренія прочныхъ и неизмѣнныхъ стихій въ государствѣ, о замѣнѣ сельскихъ школъ древонасаженіями и почвоорошеніями. — Говорилъ этотъ господинъ долго и съ азартомъ, присюсюкивая и брызгая слюною. Ветлугинъ не зналъ, куда отъ него дѣться.

На пути ко двору, Антонъ Львовичъ услышалъ каковой-то странный и какъ-бы задержанный, щемившій душу крикъ. Онъ остановился, повелъ глазами къ крышѣ Талищевского амбара и остолбенѣлъ...

По гребню амбара, прятаясь за его слуховое окно, безъ шапки и въ разорванномъ сюртукѣ, пробирался Фокинъ. Во дворѣ, глядя на амбаръ, толпилась часть Талищевскихъ гостей.

Въ сторонѣ, съ ручной пожарной трубой, стоялъ Николушка Талищевъ. Онъ началъ изъ бочки воду. Другіе пересмѣиваясь и, громко разговаривая, ждали, что изъ этого будетъ.

— Что вы, что вы, господа? сказалъ, подходя къ Талищеву, Ветлугинъ: какъ вамъ не стыдно? управляющій вашего батюшки...

— Да вода не холодна, — отозвался, совсѣмъ охмѣлѣвшій, Николушка: надо-же его согнать оттуда... Еще ушибется... Онъ вырвался отъ насъ и пролѣзъ въ слуховое окно...

— Да что глядѣть! — кривнулъ кто-то изъ толпы... качай, Талищевъ, и цѣйся,...

— Антонъ Львовичъ, крикните людей! отозвался съ крыши Фокинъ.

— Лучше лѣзьте опять въ окно! захохоталъ, цѣлясь въ него трубой, Николушка...

Судьбѣ угодно было положить этой исторіи предѣлъ. Съ выгона загремѣли колеса двухъ экипажей. То подвѣзжали новые гости.

Шутники разбѣжались.

Осада съ Фокина была снята.

Ветлугинъ, при помощи подоспѣвшихъ на его зовъ дворовыхъ, досталъ лѣстницу и снялъ съ амбара взволнованнаго и огорченнаго до слезъ Фокина. Они прошли во флигель.

— Вотъ они, передовые то! вотъ вожди народа! — съ скрежетомъ зубовъ, въ бѣшенствѣ, восклицалъ Фокинъ: и это теперь-то, теперь, во дни реформъ... Что-же было прежде, Антонъ Львовичъ, прежде?

Обмывъ грязь и даже слѣды крови съ своихъ рукъ и съ лица и кое-какъ снова пріодѣвшись, Фокинъ приказалъ воезпапому мальчегѣ - слугѣ скорѣе снаряжать ему въ повозку коня и объявилъ, что тотчасъ же ѣдетъ въ городъ, съ жалобой къ судебному слѣдователю. — Ветлугинъ также рѣшилъ немедленно отсюда ѣхать. Онъ пошелъ отыскивать Милунчикова.

— Это вы, Антонъ Львовичъ? спросилъ, встрѣтясь съ нимъ среди окончательно стемнѣвшаго двора, Коребякинъ: куда идете?

— Ищу Милунчикова. Мы условились съ нимъ отсюда ѣхать вмѣстѣ.

— Опоздали, онъ уже уѣхалъ.

— Куда?

— Да гдѣ-же вы были, что ничего не знаете?

— Я былъ у Фокина.

— Да, слышалъ, слышалъ, и съ нимъ исторія... бѣдный!

— Но что-же съ Милунчиковымъ?

— У него что-то вышло съ Романомъ Павлычемъ. Они долго и крупно говорили, и вслѣдъ за тѣмъ Ключковъ увелъ Талищева въ кабинетъ, а Милунчиковъ крикнулъ лошадей и уѣхалъ. Это у нихъ часто бываетъ. Вамъ-же онъ поручилъ сказать, что извиняется—дѣло встрѣтилось... Охъ, въ воздухъ накопилось мноо горючихъ веществъ. Быть, кажется, грозѣ... Надо въ городъ возвращаться, выпускные экзамены у насъ начинаются, а надо въ Милунчикову, онъ очень просилъ къ себѣ...

Ветлугинъ возвратился къ Фокину и сообщилъ ему слѣдующее.

— Что-же, ѣдемъ въ городъ теперь вмѣстѣ, сказалъ ему Фокинъ: не скакать-же вамъ ночью въ Вечерѣевымъ верхомъ.

— Нѣтъ, не могу, я имъ далъ слово возвратиться сегодня. Попрошу у васъ провожатаго...

Въ сѣняхъ въ это время послышался разговоръ.

— Кто тамъ? окрикнулъ Фокинъ.

— Письмо барину, отвѣтилъ мальчикъ-слуга, подавая Велугину пакетъ.

— Кто привезъ? спросилъ не совсѣмъ сповойнымъ голосомъ Велугинъ, вскрывая печать.

— Вечерѣевскаго попа, что-ли, дьячекъ... Полювна, связываетъ, на бѣговыхъ дрожкахъ прислала...

Письмо было отъ Фросиньки. Оно состояло въ слѣдующемъ:

«Произошло непостижимое и ужъ на этотъ разъ совершенно неожиданное, печальное событіе. Перо падаетъ у меня изъ руки. Но васъ надо предупредить, и я пишу.—Вслѣдъ за вашимъ отъѣздомъ, Аглая Кириловна, не смотря на извѣстныя вамъ объясненія и рѣшенія, вдругъ и ужъ теперь, кажется, окончательно, измѣнила образъ своихъ мыслей. Она, по двумъ-тремъ словамъ, переданнымъ мнѣ, въ минувшую ночь увидѣла какой-то глубоко-поразившій ее сонъ и сегодня рано объявила матери, что безповоротно и немедленно поступаетъ въ монастырь... Матушка-ли ея все у нее выпытала и снова притростила ей всякими страстями; или и въ себѣ ужъ она, сердечная, усумнилась... Только теперь онѣ заперлись у себя и никуда не выходятъ. Ульяна Андреевна стережетъ ее, какъ архангелъ съ грознымъ мечемъ, и никого, даже Егоровны, къ ней не допускаетъ. Какъ онѣ поступать? неизвѣстно. Полагаю однако, что дождутся Кирилы Григорьича».

Примиска: «Это я вамъ писала утромъ. Посланный возвратился отъ Клочкова и сказалъ, что васъ тамъ нѣтъ. Посылаю въ Рѣчное. Не тамъ-ли вы? — Наши ждутъ съ часа на часъ Кирилу Григорьича. Пріѣзжайте скорѣе. Можетъ быть не все еще потеряно. Васъ старикъ любить и послушается. Не придумаете-ли съ нимъ чего-нибудь для спасенія Аглаи? Посылаю нашего дьячка съ тѣмъ, чтобы онъ сперва заѣхалъ на заводъ Талищева, — не тамъ ли вы съ Кириломъ Григорьичемъ, — а потомъ въ Рѣчное. Спѣшите, хотя надежды мало, но быть можетъ сила любви сдѣлаетъ то, чего не способны сдѣлать другія людскія средства. Вы другъ друга такъ полюбили... Притомъ-же... ну, да остальное при свиданіи... Спѣшите... Уважающая васъ, покорная слуга — Ефросинія Верхоустинская».

Велугинъ, какъ сумасшедшій, бросился въ сѣни и на крыль-

цо, потомъ возвратился, хотѣлъ что-то сказать Фокину и обезснѣнный упалъ въ кресло.

— Что съ вами? испуганно спросилъ Фокинъ, видя блѣдное, измѣнившееся лицо Ветлугина.

— Ничего, такъ себѣ. По одному торговому дѣлу получилъ непріятное извѣстіе отъ Вечерѣвыхъ.

Фокинъ подозрительно покосился на него. «Странно!» подумалъ онъ: «гостилъ у Вечерѣвыхъ, а переписывается съ Фросянкой. Ужъ не влюбился ли онъ въ нее?»

— Письмо къ вамъ Верхоустинская прислала? спросилъ нерѣшительно Фокинъ.

— Да.

— Какъ вы ее находите?

— Славная, славная она, добрая такая—осчастливить хорошаго человѣка, осчастливить, — протянулъ Ветлугинъ, самъ же сознавая, что говорить.

И вдругъ онъ опять вскопился.

— Не могу, сказалъ онъ, не могу, — извините меня. Прощайте, до свиданія. Надо ѣхать... А будете когда-нибудь въ городѣ, вотъ вамъ адресъ; не меня найдете, такъ отца.

Крѣпко пожавъ руку озадаченнаго Фокина, онъ опять вышелъ на крыльцо, отыскалъ дьячка, предложилъ ему въ дрожки запретъ свѣжаго Вечерѣвскаго коня и сказалъ:

— Веди его, голубчикъ, стороной, къ пруду; а я схожу, въ домъ, прощусь съ хозяевами... своего коня привяжи сади.

Онъ вошелъ въ переднюю, одѣлся. Его никто не замѣтилъ. Слуги толпились у двери въ залъ. Изъ сада гремѣлъ хоръ гусаровъ-трубачей. Начались танцы. Ветлугинъ рѣшился уѣхать, нивого не безпокоя. Онъ прошелъ въ садовую калитку. Обогнувъ уголь дома, онъ обернулся. Въ одно изъ оконъ въ садъ было видно, какъ по залѣ двигались танцующія пары и какъ, въ какой-то фигурѣ кадрили, мелькая фалдочками фрака, легкимъ зефиромъ носился по паркету и любезничалъ съ первой красавицей бала Ключковъ. Визави съ нимъ, съ Авдотьей Петровой танцовалъ румяный, раздушенный и завитой гусаръ, Раша Талищевъ.

Пройдя садъ, Ветлугинъ вышелъ въ плотинѣ, сѣлъ съ дьячкомъ на дрожки и поѣхалъ въ Дубки.

— Что, почтенный, такъ припоздалъ? спросилъ онъ дьячка.

— На заводъ еще было велѣно заѣхать.

— Кирилы Григорыча тамъ уже не засталъ?

— Отѣхали.

— Куда?

— Знать, домой. Какъ-нибудь разминулись въ лѣсу. На заводѣ кумъ у меня при амбарѣ; такъ лошаденку подкормилъ и самъ маленечко вздохнулъ. Теперь мы на-прямикъ. Мигомъ доѣдемъ.

— Ну, рассказывай же, другъ, дорогу.

Путь нѣкоторое время шелъ лугами.

Проѣхавъ версту, другую, Ветлугинъ черезъ рѣку, въ темнотѣ, какъ бы на воздухѣ, увидѣлъ ряды яркихъ огней.

— Что это? спросилъ онъ: не монастырь?

— Онъ, сударь, самый и есть, отвѣчалъ дьячекъ: преосвященнѣйшій владыко храмъ вчера здѣся-ча, у купцовъ на заводѣ, святилъ и переѣхалъ по дорогѣ въ Красный-Куть. Нешто вы не были нонче въ обители у обѣдни? Много, сказываютъ, было народу, здѣшнихъ и дальнихъ... А это вонъ монастырскія оена такъ сияютъ на радости, что всемилостивѣющій нашъ владыко архипастырь сподобилъ посѣщеніемъ—какъ мать игуменью, такъ и всѣхъ тутошнихъ сестеръ. Нынѣ-же, сказывалъ встрѣчный народъ, въ присутствіи архипастыря, введенскій городской іеромонахъ естатіи постригалъ очередныхъ бѣлицъ... Оно, къ случаю, всегда такъ бываетъ... Вы, баринъ, однако, потише... Гоните, точно на курьерскихъ... Моя пѣгашка, въ такомъ разѣ, за вашею не поспѣетъ, — какъ-бы еще и ногъ не протянула.

Тутъ только Ветлугинъ обратилъ вниманіе на то, что вонъ его спутника былъ далеко не изъ рѣзвыхъ, притомъ значительно притомленъ. Да и мирный служитель храма давно уже, одною рукою держась за коврикъ дрожекъ, а другою за собственную, сѣрую пуховую шляпу, на каждомъ толчкѣ подпрыгивалъ за спиной Ветлугина, едва успѣвая переводить духъ.

Путь отъ Рѣчнаго въ Дубкамъ, то ускоряя, то замедляя бѣгъ коня, Ветлугинъ проѣхалъ въ сильномъ волненіи.

Бойкій конь Фокина несся шибко. Поповская пѣгашка такъ же сначала было рассказкалась, но потомъ стала сильно натягивать поводъ.—«Нѣтъ, лучше я встану,—поѣду верхомъ!» сказала дьячокъ: «а то оторвется еще, и не поймаешь.»—Это было уже невдалекѣ отъ Дубковъ, когда съ вершины зарѣчнаго холма, въ лунномъ сіяніи, обрисовывался очеркъ Вечерѣвской усадьбы и повѣяло запахомъ близкаго сада и рѣки.

Чего ни передумалъ, въ эти часы, Ветлугинъ!

Вглядываясь въ ночную тьму, онъ соображалъ, отчего не

видно огня въ верхнемъ окнѣ дома? Тамъ ли Аглая или внезу въ кабинетъ у матери? И что за таковой сонъ видѣла она?

Странныя картины проходили въ мысляхъ Ветлугина. Онъ будто въ церкви. Стоитъ передъ алтаремъ, рядомъ съ Аглаей. Ихъ вѣнчаютъ. Съ клироса гремитъ хоръ пѣвчихъ. А въ глупинѣ, между темныхъ колоннъ, въ длинныхъ черныхъ мантияхъ и суфьяхъ, толпятся нахлынувшія монахини. Онѣ окружаютъ Ульяну Андреевну и, съ блѣдными, угрожающими лицами, что-то шепчутъ, показывая на него... «Грѣхъ, великій грѣхъ!» говоритъ еле-живая отъ страха Аглая. — «Ты не бойся,» — отвѣчаетъ онъ: «все кончено, ты моя...» Они выходятъ изъ церкви, садятся въ карету. Свѣжій вечеръ гаснетъ надъ полями. Лошади мчатся. А сзади несется грозная погоня черныхъ мантий и клобуковъ... Слышатся крики: «держи ихъ, держи!»...

— Вотъ и пріѣхали, сказалъ, нагнавъ Ветлугина на взгорьѣ, дьячокъ: вы себѣ спускайтесь, а я дойду пѣшкомъ; что-то ужъ больно подбился... на вашей раструскѣ... поясницу ломить...

Ветлугинъ поблагодарилъ дьячка, сѣхалъ къ рѣкѣ, миновалъ бродъ, привязалъ лошадь съ дрожками у сада къ вербѣ, перелѣзъ черезъ ограду и въ потьмахъ, знакомыми дорожками, направился къ балкону.

Мѣсяцъ склонился къ закату. Теплая майская ночь стояла во всей красотѣ и таинственности, безъ птичьихъ криковъ и звона стреловъ, съ ярко-мерцавшимъ звѣзднымъ небомъ, съ свѣтляками въ травѣ и въ кустахъ и съ благоуханіемъ полного дремоты, росистаго сада.

Ветлугинъ остановился.

«Не пойти ли прежде къ Фросинькѣ?» подумалъ онъ: «не разбудить-ли и не вызвать-ли ее? Что произошло, послѣ ея письма ко мнѣ, съ Аглаей? Э! Прямая дорога самая короткая... Надо немедленно и теперь-же видѣться не съ Фросинькой, а съ самой Аглаей... Но какъ съ ней видѣться? Какъ ей дать знать, что я здѣсь, въ саду, у ея окна?»

Ветлугинъ терялся въ догадкахъ. — «Переднее крыльцо въ домѣ», разсуждалъ онъ: «навѣрное заперто. Съ двѣдичаго же крыльца и подавно невозможно проникнуть къ Аглаѣ, такъ какъ у входа къ ней изъ корридора—спальня Ульяны Андреевны. Сверхъ того на крыльцахъ, по деревенскому обычаю, надо думать, спятъ очередные сторожа. Балконъ и подавно вѣроятно запертъ. А повидаться съ Аглаей, сказать ей нѣсколько словъ — необходимо».

Ветлугинъ неслышными шагами обошелъ домъ, постоялъ у

обокъ крылецъ, гдѣ явственно слышался храпъ спавшей при-
слуги, и, съ замираніемъ сердца, тронулъ ручку балконной две-
ри... Дверь оказалась не заперта.

«Не войти ли въ домъ и не проникнуть ли, черезъ бібліоте-
ку и корридорную лѣстницу, вверхъ, въ комнаты Аглаи?»

Эта смѣлая мысль явилась непрошено, мгновенно. Точно
грубный звукъ, она отозвалась въ ушахъ Ветлугина и обдала
его холодомъ и страхомъ. Волосы шевельнулись на его головѣ...

«Невозможно... безуміе! сказалъ онъ самъ себѣ: но почему-
же невозможно?... Въ домѣ спать; я пройду тихо, незамѣтно—
уговорю ее—завтра будетъ поздно...» Ему вспомнились бѣгство
Базановы изъ-подъ свинцовой, тюремной крыши въ Венеціи,—
справица изъ какой-то легенды о лѣстницѣ, свитой изъ бѣлоку-
рыхъ косъ заточенныхъ на башнѣ и обреченныхъ на казнь мо-
нахинь...

Дыханіе Ветлугина замерло; глаза застлало туманомъ. Онъ
вошелъ въ гостиную. Полъ скрипнулъ подъ его ногами. Въ за-
лѣ также раздакъ какой-то звукъ, будто тоже подъ чьєю-то но-
гой заскрипѣла тамъ половица. Ветлугинъ переждалъ, вошелъ
въ бібліотеку и остановился. Ему показалось, что кто-то въ это
время глянулъ на него въ окно изъ сада: то былъ блѣдный ликъ
заходившаго надъ деревьями мѣсяца...

«Что со мной и что я дѣлаю?» пробѣжало опять въ головѣ
Ветлугина: «я гость, я посторонній, заѣзжій, и пробираюсь ночью
въ комнаты дочери приютившаго меня человѣка! Нѣтъ, прочь
отсюда, прочь!»

Ветлугинъ, однако-же, не остановился. Онъ вошелъ въ дѣ-
вичью, въ корридоръ, постоялъ передъ дверью Ульяны Андреевны
и началъ взбираться по лѣстницѣ къ комнатамъ Аглаи. Окно въ
дѣвичьей было раскрыто и въ него, съ ночной прохладой, про-
никало сіяніе заходившаго мѣсяца.

Въ это мгновеніе, буда ночную тишину, раскатисто и звон-
ко заржалъ оставленный за садомъ конь. Ему по близости отвѣ-
тило ржаніе поповой пѣгашки.

«Ну, и отлично,—подумалъ Ветлугинъ: дьячокъ отвяжетъ коня
и отведетъ его на конюшню».

Съ этою мыслию, Ветлугинъ миновалъ послѣднія ступени
лѣстницы и уже взялся за ручку двери въ комнату Аглаи.

На дворѣ ясно прозвучали копыта Фокинскаго коня, домо-
вого и ласково фыркавшаго, въ ожиданіи близкаго стойла и корма.
На дѣвичьемъ крыльцѣ потянулся одинъ изъ сторожей и громко

зѣвнувъ, что-то проговорилъ, точно сказалъ товарищу: «А баринъ-то этотъ?.. пробирается въ барышнѣ... Не всполохнуть ли его?»

Вправо, на селѣ, какъ бы невзначай нарвавшись на кого, трусливо и злобно залаяла испуганная голосистая собаченка. Гдѣ-то въ сторонѣ, и ужъ точно не въ этой деревнѣ, а далѣе, крикнулъ одинокій, чуть слышный пѣтухъ... И опять тишина...

Велугинъ перевелъ дыханіе.

Держась одной рукой за поручень лѣстницы, другую онъ протянулъ передъ собой, коснулся въ потьмахъ двери, бережно нажалъ ея свободу, и дверь безъ усилій отворилась.

Лунный свѣтъ слабо освѣщаль эту комнату.

— Аглая, Аглая! шепнулъ Велугинъ.

Отвѣта не было.

— Аглая, повторилъ онъ.

Никто не отвѣчалъ.

Велугинъ подошелъ къ окну, въ которое изъ сада виднѣлась вершина сосѣдней липы, отворилъ его и сталъ соображать, что это за комната?

«Что, какъ дьячокъ, отвѣда коня, изъ усердія разбудить кого-нибудь изъ прислуги и меня стануть тутъ искать?» пронеслось въ мысляхъ Велугина.

Не успѣлъ онъ это подумать, какъ внизу подъ липой, въ то же мгновеніе, послышался шорохъ чьихъ-то торопливыхъ, и началось, тревожныхъ шаговъ...

XXXII.

МОЛИТВЕННИЦЪ.

Велугинъ сталъ ни живъ, ни мертвъ. Въ глазахъ его потемнѣло. Онъ сталъ за откосъ окна, и изъ-за него взглянуть внизъ: въ саду подъ липой дѣйствительно мелькало что-то бѣлое... Не то служанка, не то сторожъ шарилъ, повидимому, отыскивая его.

Велугинъ еще переждалъ. Наконецъ, онъ вздохнулъ свободно: изъ подъ дерева беззвучно выежилась сѣрая собаченка. Прислушиваясь кругомъ, она нѣсколько постояла и, обнюхивая дорожки, убѣжала въ глубь сада.

«А что, если здѣсь гдѣ-нибудь, подъ столомъ или подъ диваномъ, спитъ другая собаченка?» подумалъ онъ: «и что если она съ лаемъ кинется на меня и перебудитъ весь домъ?»

Но въ комнатѣ было тихо, какъ и на дворѣ.

Въ правомъ углу, передъ стариннымъ кѣлотомъ съ образами, стояла, погашенная теперь, большая лампада. По кресламъ и по столу были разбросаны книги, гарусъ и узоры. Къ дивану были придвинуты раскрытыя, съ недоконченной работой, пальцы. На письменномъ столѣ стояли двѣ до половины обгорѣвшихъ, стеариновыхъ свѣчи, и вазочка, съ полузавядшимъ пучкомъ ночныхъ фіалокъ...

Ветлугинъ нѣсколько мгновений постоялъ надъ этимъ пучкомъ, досталъ изъ кармана спичечницу, зажегъ одну изъ свѣчей, заслонилъ ее рукой и поглядѣлъ вкругомъ. Изъ комнаты вели двое дверей: одна направо, въ которую онъ вошелъ, другая на право.

Ветлугинъ заперъ дверь на лѣстницу, и подошелъ къ комнатѣ на право.

«Если Ульяна Андреевна проснется, услышитъ мои шаги и придетъ сюда», разсуждалъ онъ: «я все ей выскажу, все... Я буду съ ней безпощаденъ... Такъ поступать нельзя. Это не католическій монастырь... Мнѣ дано слово... Я женихъ... Если же успѣю увидѣть Аглаю одну, безъ свидѣтелей, я ее бережно уведу, мимо матери и сторожей, и мы убѣжимъ... Или нѣтъ,—я ее спрячу въ домѣ у Фросиньки, и завтра же отецъ Адрианъ насъ обвиняетъ...»

«А что, если Аглая спать не одна?» пробѣжало въ его умѣ: «и неужели, наконецъ, здѣсь, за этимъ порогомъ, ея спальня?..»

Онъ отворилъ дверь направо. Комната за ея порогомъ оказалась не спальней, а чѣмъ-то въ родѣ классной. Въ такомъ видѣ она, вѣроятно, оставалась съ тѣхъ поръ, какъ въ ней жилъ и учился покойный сынъ Вечерѣва: съ географическими картами, съ рисунками звѣрей, птицъ и насѣкомыхъ, и съ засушенными полевыми цвѣтами, подъ стекломъ, на стѣнахъ. Не найдя никого и здѣсь, Ветлугинъ прошелъ въ слѣдующую, какъ видно, послѣднюю комнату. Но и она оказалась также пуста. На этотъ разъ, это была дѣйствительно спальня. Бѣлый кисейный пологъ закрывалъ чистую несмятую постель. Шитые шелкомъ бархатные туфли лежали возлѣ нея на коврѣ. У изголовья, на кругломъ столикѣ, стояла недопитая кружка воды и лежалъ, заложенный бумажкой, старинный молитвенникъ.

«Аглая не спитъ», подумалъ Ветлугинъ: «неужели она еще внизу у матери? Надо ее подождать. Но гдѣ и какъ я спрячусь здѣсь?» Онъ пристальнѣе взглянулъ вкругомъ. Рядомъ съ уютностью и чистотой, въ комнатѣ былъ странный беспорядокъ. Въ одномъ углу стоялъ раскрытый сундукъ, съ частью выброшеннаго на ди-

ванъ и даже на полъ бѣлья. Въ другомъ, на кучѣ сметеннаго, но невынесеннаго сора, валялась половая щетка. Старинный платяной шкафъ былъ также раскрытъ, и въ него, очевидно въ торопяхъ, кучей были набросаны платья, пустыя картонки и башмаки.

«Что же это значить?» разсуждалъ Ветлугинъ: «или она ужъ уѣхала? Но куда? Неужели въ монастырь? И не дождавшись меня? А она такъ мнѣ клялася!»

«Нѣтъ, она не уѣхала!» замирая отъ радости, подумалъ Ветлугинъ. Сзади его послышался какъ бы шелестъ шаговъ.

Онъ возвратился въ предыдущую комнату.

Тамъ не было никого. Шорохъ послышался отъ впорхнувшей въ окно летучей мыши.

Ветлугинъ возвратился въ спальню, раскрылъ лежавшій на столикѣ молитвенникъ, сталъ его перелистывать и тутъ только замѣтилъ, что заложенъ онъ былъ какимъ-то письмомъ. Въ глаза ему бросилось имя Аглаи. Онъ невольно пробѣжалъ первыя строки письма, сталъ читать далѣе, и свѣча чуть не выпала у него изъ рукъ.

На большой четвертѣ толстой, желтоватой бумаги, крупными каракулями, были безграмотно написаны слова:

«Поспешай, государыня ты моя, матушка Гюльямія Андрѣвна. Поспешай, наша денная покровительница, ночная богомольница. Преосвященный здѣсь. Отецъ Гервасій при такой оказіи станитъ пастирать нашихъ двухъ бѣлицъ; пастиржетъ и твою милую Аглаюшку. Надѣйся на Господа. Нѣтъ его крапе, нѣтъ добрае. А о вносѣ на келью сказъ будетъ и опосля. Благодаримъ тя и такъ, на щедрыхъ твоихъ подарочкахъ, на рыбѣхъ, да на медахъ, на мучицѣхъ, да на боченочкахъ. Довольны, ахъ, какъ довольны твоею милостію и будемъ ждать. Ты наша охрана, наше тепло некупленное. Не доведѣшь жа, штобъ клели за несдержаніе твоего слова. Припасайтесь къ Небесному-Жениху, ой, припасайтесь: да надѣнетъ Онъ на васъ, на обѣихъ, златъ вѣнецъ, чинъ ангельской.—Ваша моельщица, скудоумная и смиренная раба Божія, отродія нищаго, Измарагда».

Ветлугинъ вторично пробѣжалъ письмо, безъ памяти бросился внизъ по лѣстницѣ, тихо отперъ дверь въ комнату Ульяны Андреевны, убѣдился, что и эта комната пуста, прошелъ въ столовую и въ кабинетъ Кирилы Григорьича и остановился. Здѣсь также не было ни души. Домъ совершенно опустѣлъ. Вечерѣвъ еще не возвращался, а жена и дочь его, очевидно, выѣхала изъ имѣнія. «Все кончено!» подумалъ Ветлугинъ: «все, и счастье, и

жизнь... Куда теперь идти? и что станется отнынѣ съ моею свободой и вѣрой въ себя и въ людей?»

Ветлугинъ стоялъ передъ рабочимъ столомъ Вечерѣева. Среди кучи разныхъ дѣловыхъ бумагъ, на этомъ столѣ лежала подготовленная къ печати тетрадь переводовъ изъ Мильтона; а въ углу, за печью, какъ мумія, торчалъ футляръ съ виолончелемъ. Ветлугину припомнился другой старикъ, его отецъ. Тотъ страдалъ отъ бѣдности; этотъ—въ избыткѣ богатства...

Ветлугинъ ухватился за грудь. Сердце его надрывалось. Ноги подкашивались.

Со свѣчей въ рукѣ, онъ вышелъ въ пустой, высокой залъ, гдѣ въ памятный, первый вечеръ пребыванія его здѣсь, онъ съ Аглаей слушалъ игру на виолончели ея отца. Высоко приподнявъ свѣчу, онъ взглянулъ на потемнѣвшіе, въ старинныхъ рамахъ; портреты предковъ этой семьи, на дамъ въ пудрѣ и въ кружевахъ, на разноцвѣтные кафтаны, мундиры и парики мужчинъ, и съ горькой усмѣшкой сказала: «Таетъ-то, господа богачи... Гдѣ же ваше счастье?...»

Онъ задулъ свѣчу, поставилъ ее на столъ, прошелъ къ двери на балконъ, отперъ ее и съ рыданьемъ упалъ на скамью, съ которой столько лѣтъ и съ такой, повидимому, гордою вѣрою въ неизмѣнность людского счастья, Кирило Григорьичъ любовался видомъ полей, цвѣтами и деревьями насаженнаго имъ сада. Вспомнились теперь Ветлугину и слова Фросиньки о томъ, что Аглая—кладъ на днѣ глубокаго и темнаго колодезя.

«Въ священный потовъ факира упалъ обвалъ скалы!» подумалъ, вставая со скамьи Ветлугинъ: «какъ старикъ переживетъ это горе? А я-то, я-то!.. Старикъ отжилъ свое—мой вѣкъ только что еще начинается...»

На востокъ бѣгло.

Отъ рѣки сталъ подниматься туманъ. Пернатое населеніе сада, какъ и въ ночь перваго объясненія Ветлугина съ Аглаей, начинало просыпаться и, чирикавая, кое-гдѣ уже взлетывало надъ вершинами еще темныхъ, росистыхъ деревьевъ. Занималась заря.

Ветлугинъ прошелъ къ бесѣдкѣ, посидѣлъ на ея крыльцѣ, собралъ и уложилъ свои вещи, еще разъ оглянулся на домъ и на садъ, постоялъ надъ спускомъ къ купальнѣ, увидалъ вдали, межъ ягодныхъ кустовъ, уже вставшаго и отгонявшаго воробьевъ дѣда Лукашку, и еще сумрачными дорожками направился ко двору отца Адриана.

Священника не было дома. Отъ его воротъ, на встрѣчу Ветлугину, съ ведрами въ рукахъ, шелъ вчерашній его знакомецъ

дьячокъ. Онъ его остановилъ, узналъ, что Фросинька уже не спитъ, и попросилъ его вызвать ее на крыльцо.

Фросинька вышла. На нерасчесанныхъ волосахъ ея былъ накинутъ платокъ; глаза были сильно заплаканы.

— Что, скажите, здѣсь произошло? спросилъ Ветлугинъ: не жалѣйте меня, говорите все откровенно.

Дѣвушка повела взглядомъ къ опустѣлой усадьбѣ Вечерневыхъ, вздохнула и молча подала Ветлугину письмо.

Онъ его распечаталъ. Письмо было отъ Аглаи къ Ветлугину.

Она писала:

«Бездѣнный и на вѣки любимый другъ. Не корите и не проклиняйте меня. Я раньше нашей встрѣчи дала другой обѣтъ и должна его исполнить. Послѣ вашего отъѣзда, я испытала такія муки, такія угрызенія совѣсти, что изнемогла, не выдержала и, окончательно рѣшась покориться своей долѣ, дѣлаюсь теперь вамъ измѣнницей. Увлечшись расположеніемъ къ вамъ, я не сообразила силы первой преданности, преданности обѣту. Не ищите меня тамъ, за чертой, гдѣ иная жизнь. Не тратьте напрасно душевныхъ силъ и не дѣлайте попытокъ меня исторгнуть отсюда. Я жалкая, слабая, грѣшная, но—прежде всего—горячо вѣрующая женщина. Для васъ не тайна: я васъ люблю... Болѣе скажу: я васъ не разлюблю до могилы и за могилой. Но я не могу быть вашею. До васъ мое сердце было свободно. И если бы я стала великой грѣшницей и преступницей, если бы,—чего, разумѣется, не случится никогда!—оставила когда-нибудь монастырь, то я, не задумавшись, вышла бы замужъ только за васъ... Но я надѣваю рясу и клобукъ, и никогда ихъ не сниму. И вы меня не смущайте. Умоляю—пощадите меня. Считайте, что я умерла, терзаясь, любя васъ, молясь за ваше будущее и желая вамъ тамъ, въ свѣтѣ, быть лучшимъ, честнѣйшимъ и первымъ между людьми. Доля со мной умалила бы, затемнила бы васъ. Служите на пользу родины. Вы, быть можетъ, не вѣрите въ загробную жизнь. Я же въ нее вѣрю и моя молитва за васъ дойдетъ до Бога. Антонъ Львовичъ! Молю васъ: берегите свою душу. Не бросайте вашихъ силъ даромъ. Не падайте духомъ. Отдайте себя тѣмъ, кому помощь ваша будетъ дорога. Аглаи болѣе нѣтъ. Она отыгнѣ въ могилѣ. И не считайте всего, что случилось, загадкой. Говорю вамъ прямо и отъ всей души: я иду въ монастырь потому, что признаю за неискупимый смертельный грѣхъ нарушить данный обѣтъ постриженія. Пожалѣйте меня, но не проклиняйте. Прощайте. До свиданія, тамъ—далеко, за гробомъ.—Ваша—Аглая».

Ветлугинъ прочелъ это письмо разъ и другой.

Въ глазахъ его вертѣлись огни. Что-то отрывалось отъ него, прощалось съ нимъ, уходило прочь и навсегда...

Рядомъ съ нимъ слышалось сдержанное, глухое рыданіе. Онъ оглянулся на Фросиньку. Та сидѣла, склонясь на руки головой.

— И такъ, началъ Ветлугинъ, стараясь говорить, какъ можно спокойнѣе: гдѣ же Аглая Кириловна?

— Вчера уѣхала и вчера же... постриглась въ Красноутомъ монастырѣ...

Громовой ударъ менѣе сразилъ бы Ветлугина, чѣмъ эта вѣсть. Но онъ съ виду остался спокоенъ. Только пальцы рукъ его судорожно сдвинулись.

— Жаль Кирилу Григорьича... Гдѣ онъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Еще не возвращался.

— Но неужели его не извѣстили и онъ не знаетъ ничего?

— Кирило Григорьевичъ возвращался вчера изъ другой своей вотчины и случайно, на постояломъ монастырскомъ дворѣ, узналъ обо всемъ. Онъ бросился въ обитель. Были уже сумерки. Подъ горой онъ встрѣтилъ карету преосвященнаго. Онъ вышелъ изъ экипажа, хотѣлъ остановить владыку, хотѣлъ ему что то передать. Но старика либо не узнали, либо въ темнотѣ не замѣтили. Тогда Кирило Григорьичъ поѣхалъ въ монастырь и потребовалъ свиданія съ женой и съ дочерью. Что между ними было, неизвѣстно. Люди только сказываютъ, что Кирило Григорьичъ сильно гнѣвался и пожелалъ видѣть игуменью. А когда та къ нему вышла, онъ сталъ ей грозить процессомъ, потомъ началъ что то объяснять, но не докончилъ, на всѣхъ вдругъ затопалъ ногами, закричалъ, заплакалъ... и расхохотался...

— Что же, заключила, утирая слезы, Фросинья: мудренаго тутъ нѣтъ ничего... Хоть кого убьютъ такіа дѣла. Будь и посылнѣе его человекъ, такъ тронется умомъ. А бѣдная Аличка! Бросилась къ нему, повисла на шеѣ. Но уже было поздно: онъ ее не узнавалъ... Тогда его опять посадили въ коляску и вучерь, съ Ульяной Андреевной, повезъ его къ Ченшину, гдѣ, говорятъ, есть докторъ. Всѣ эти вѣсти и письмо отъ Алинки къ ночи привезла мнѣ, провожавшая ее въ монастырь, Егоровна.

— И вы думаете, что теперь все кончено? спросилъ Ветлугинъ.

У него еще теплилась надежда.

— Все... О, я хорошо знаю Аглаю! Она вѣрно выразилась: теперь ужъ она зарыта, въ могилѣ.

— Нельзя ли мнѣ добыть здѣсь лошадей? спросилъ, затаивъ

тяжѣй вздохъ, Велугинъ: я бы уѣхалъ... Хоть до станціи нельзя ли, или обратно въ Рѣчное? Тамъ мнѣ далъ бы другихъ лошадей Фовинъ.

Фросинька, при имени Фовина, вспыхнула.

— Разумѣется, можно, сказала она: вотъ я пошлю за Филатомъ. Онъ все вамъ устроитъ. Люди здѣсь потеряли головы. Хоть бы Филатъ... Передъ вами вотъ прибѣжалъ во мнѣ, дрожить и клянется, что въ барскихъ хоромахъ домовые,—что кто то тамъ по верху и по низу ходить со свѣчей. На силу его успокоила.

— А батюшка вашъ когда возвратится? спросилъ Велугинъ.

— Жду его съ минуты на минуту. Видно, благочинный задержалъ.

Пова Филатъ ладилъ лошадей, подѣжалъ и отецъ Адрианъ. Этотъ на себя не походилъ отъ горя и досады, что такія бѣды стряслись надъ почтенной семьей Вечерѣвыхъ. Онъ задыхался отъ волненія. Воротникъ рясы давилъ ему горло. Посуда на поставцѣ дрожала отъ его тяжелыхъ шаговъ по комнатахъ.

— Вы бы, папенька повляяли, сказала Фросинька: вы бы сообщили ключарю, отцу протопопу Захейю... Онъ человекъ съ вѣсомъ, близкій къ владыкѣ — и могъ бы оказать помощь, открыть ему глаза...

— Протопопъ? Захей?

— Да...

Отецъ Адрианъ тяжело нагнулся къ окну.

— Онъ неразлученъ съ владыкой въ дорогѣ, продолжала Фросинька: и если бы сказалъ, я убѣждена...

— Неразлученъ? сказалъ бы? изволь матушка, слушай!—отвѣтилъ, глядя въ окно, отецъ Адрианъ: изволь... И ужъ такъ-то неразлученъ, что и другихъ не допускаетъ къ нему! Сажаетъ въ карету и высаживаетъ подъ руки... Да что! Вѣришь ли? Ночевать владыка рѣшилъ въ Марьиномъ. Ну, и я тамъ по пути прибілся,—только не у отца Савла, а у пономаря,—знаешь, черезъ дворъ. И посмотрѣлся же я на заботы, да на хлопоты ключаря этого, Захейя... Сказалъ бы! Неразлученъ!.. Одинъ соблазнъ, да и только...

— Что же? что? приготовилась слушать Фросинька.

— А вотъ что, — обернулся отецъ Адрианъ къ дочери и къ гостю: зашелъ ключарь въ кухню отца Савла и говоритъ его страпухѣ: собаки злыя? — Злыя, отвѣчаетъ бабенка. — А пѣтухи есть?—Какъ не быть! смѣется та.—Да ты, говорить, не смѣйся, кричать по утрамъ? — Кричать. — Ну, бабочка, смотри же ты у

меня, чтобъ ни одинъ пѣтухъ у тебя не подавъ голосу до утра, и чтобъ ни одна пѣся глотка не тивенула. — Да какъ же быть тому? смѣется пуще прежняго стряпуха. — А какъ знаешь... собака спрячь въ подвалъ, а пѣтухамъ хотъ носы позавязывай. — Озадачилъ онъ бабу. Одначе своего добился: ни пѣтухъ, ни единая шавка, представьте, голосу не подали до утра, пока спалъ владыка...

— Мало того,—продолжалъ, принимаясь ходить по комнатѣ, отецъ Адрианъ: всталъ я нынче, чуть зорьба, и пошелъ у отца Савла табачку на трубочку попросить. Глянулъ съ галлейки въ оконце,—а ключарь ужъ всталъ и сидитъ одѣтый у двери, за которою владыко опочивалъ,—сторожить значить. Но отчего, думаю, сидитъ онъ подъ часами? Смотрю, часы остановилъ, чтобъ маятникомъ, да боемъ не беспокоить владыку... Постоялъ я, подумалъ: знаетъ ли самъ-то пастыръ, какъ старается для него соборный протопопъ? Подумалъ, табачку не сталъ просить, да такъ сюда и отбѣхалъ... Дай-ка, Ефросинья, своего; набьемъ нашимъ съ горя трубочку....

Въ полдень Ветлугинъ простился съ Верхоустинскими.

— Позвольте, сказала, отозвавъ его на прощаньи въ сторону, Фросинька: еще слово... Вы были вчера въ Рѣчномъ... и видѣли тамъ Талищевскаго управляющаго, Фокина...

— Видѣлъ.

— Не собирался онъ сюда?

— Нѣтъ, не собирался.

Фросинька замаялась.

— Видите ли, продолжала она, стараясь говорить небрежно: онъ обѣщалъ обмежевать здѣшнюю церковную землю, и мой отецъ его просилъ объ этомъ... Неужели онъ забылъ?

— Не знаю... Мнѣ объ этомъ онъ не говорилъ.

— Жаль... А я было, встати, хотѣла сообщить ему... одно тутъ, впрочемъ небольшое дѣло,—начала Фросинька, но поераснѣла и не договорила.

«Что дѣлать? какъ быть?» думалъ Ветлугинъ, выѣзжая изъ Дубковъ, гдѣ для него блеснуло было такое счастье: «ее обманули и насильно увезли въ монастырь. Иначе быть не могло...»

XXIII.

Мать Измарагда.

— Гдѣ васъ, сударь, приважете высадить? спросилъ Ветлугина Филать, на этотъ разъ пробѣжавшій нѣсколько кабаковъ и нигдѣ не рѣшавшійся выпить.

Горе барина, котораго онъ съ приващивомъ ѣхалъ провѣдать, разомъ вышибло у него всякую мысль о хмѣлѣ.

— А? что? отозвался погруженный въ раздумье Ветлугинъ.

— Въ Рѣчномъ у Талищева встанете, или съ нами поѣдете въ Ченщину?

— Разумѣется, въ Ченщину, сказалъ Ветлугинъ: не видясь съ Кириломъ Григорьичемъ, не уѣду. Жаль старика, вотъ какъ жаль.

— Ужъ и какъ не жаль,—искренно вздыхать Филать: пропали наши головушки. Рѣшилась... рѣшилась наша барышня... изъ сударыни, изъ господской дочки, черницей стала!

Путники миновали Рѣчное. Лошади ихъ, пробѣжавшія въ ночь съ Егоровной, притомились. Да и зной былъ довольно силенъ. «Покормить бы, сударь, слѣдовало», сказалъ приващивъ: «а то за заводами пойдутъ пески; не пристали бы наши кони. По холоду дождемъ скорѣе.»

Тележка заѣхала на постоянный дворъ, стоявшій подъ лѣсомъ, у озера, на перекресткѣ нѣсколькихъ дорогъ. Филать задать корма лошадямъ, закатилъ тележку подъ сарай и, закусивъ, отправился, съ приващивомъ, отдыхать на сѣнникѣ.

Ветлугинъ также забрался въ какую-то темную бовоушку и, наморенный тревогами прошлой ночи, такъ крѣпко заснулъ, что, когда его разбудили, на дворѣ уже вечерѣло. Подвормленная тройка весело похрапывала у крыльца. Путники двинулись далѣе. Обогнувъ лѣсокъ, они стали спускаться къ рѣкѣ. За рѣкой открылся рядъ горъ. На одной изъ нихъ блеснули церковныя главы и заблѣла ограда монастыря. Сердце Ветлугина сжалось.

— Это чья усадьба? спросилъ онъ, отвернувшись отъ горы.

— Гдѣ? отозвался съ облучеа Филать.

— За рѣкой вонъ, лѣвѣе монастыря? Садъ по горѣ и зеленая крыша видна...

— Ниволая Ильича, Милунчикова, отвѣтилъ Филать: нешто вы тутъ не были? Намъ ѣхать мимо ихъ двора.

Пробравшись по мосту и свернувъ берегомъ влѣво, въ объ-

ѣздъ монастырской горы, телега вскорѣ дѣйствительно поравнялась съ усадьбой Милунчиова, миновала его дворъ, шумѣвшую темными колесами — водяную мельницу и стала подниматься въ гору. Когда она проѣзжала окраиной сада, зелеными уступами спадавшего къ рѣкѣ, вверху, на одномъ изъ уступовъ, раздался рѣзкій и отрывистый звукъ, какъ бы отъ брошенной полосы желѣза, или отъ пистолетнаго выстрѣла.

— Что это? спросилъ Ветлугинъ.

— Молодые господа, видно, воробьевъ пугаютъ, отвѣтилъ Филать: у Николая Ильича постоянно гостятъ ихніе сродственники и друзья, Покромскіе барченки, Коребякинъ, Подсыпанина, ихъ сосѣда, шурья. Очень Николая Ильича всѣ любятъ.

Тележка взобралась на вершину горы. Лошадямъ дали вздохнуть.

— Вонъ наша дорога, сказалъ Филать: а эвона синѣть и къ Ченшину.

Вправо и влѣво съ горы открылась неоглядная даль холмовъ, лѣсовъ и полей, будто плавающихъ въ голубой пеленѣ тумана. Отъ монастыря послышался благовѣстъ къ вечернѣ.

Ветлугинъ вздрогнулъ.

— Вотъ что, Филать, сказалъ онъ: поѣзжайте-ка вы впередъ. А я зайду къ Милунчиову; есть дѣло. Да встати уговорю его тоже навѣстить Кирилу Григорьича. Мы съ нимъ васъ догонимъ.

— Счастливо оставаться, раскланялись приващивъ и Филать: а вещи ваши мы возьмемъ съ собой.

— Берите.

Ветлугинъ, однако, отправился не къ Милунчиову.

Когда телега скрылась изъ виду, онъ напрямикъ, вершиной горы, обогнулъ усадьбу Николая Ильича, выбрался на торную, проѣзжую дорогу, достигъ монастырской ограды, вошелъ въ ворота и, не замѣченный никѣмъ, проникъ въ церковь, гдѣ въ то время кончалась вечерня и находилось немало окрестнаго и дальняго народа, гостившаго здѣсь со вчерашняго праздничнаго дня. Съ влироса несло мѣрное пѣніе стихирь. Кадильный дымъ застилалъ полуосвѣщенную церковь. Ветлугинъ посмотрѣлъ во всѣ стороны: ни Аглаи, ни ея матери не было видно. Пропѣли «Свѣте тихій». — Вечерня кончилась. — Народъ сталъ выходить изъ церкви. Вышелъ и Ветлугинъ. По мосткамъ монастырскаго двора, съ потупленными головами, отвѣшивая поклоны встрѣчнымъ, въ черныхъ мантияхъ, рясахъ, съ четками и въ клобукахъ, потянулись старицы, послушницы и влирошанки.

Велугинъ освѣдомился, гдѣ помѣщеніе игуменни, подошелъ къ ея крыльцу, доложилъ ей о себѣ, какъ о проѣзжемъ путникѣ, и получилъ отвѣтъ: «Матушка Измарагда просить обождать въ ихней горенкѣ, сейчасъ выйдутъ».

Сѣлъ Велугинъ въ горенкѣ игуменни, поглядѣлъ вокругъ себя и сталъ гадать, что за человекъ была матушка Измарагда?

Келья, гдѣ онъ сидѣлъ, находилась въ верхнемъ отдѣленіи главнаго обительскаго зданія. Окнами она выходила на рѣку и на зарѣчные лѣса и луга. Это была просторная, прохладная, чистая и весьма нарядная комната, съ бѣлыми кружевными занавѣсками, съ мягкой шелковою мебелью, съ дорогими лампадами у горящихъ золотомъ образомъ и съ портретами духовныхъ знаменитостей по стѣнамъ. Цвѣты стояли на всѣхъ окнахъ; полъ былъ устланъ дорогимъ мягкимъ ковромъ. На столѣ лежало нѣсколько священныхъ книгъ. За открытымъ окномъ, въ большой красивой, проволочной кѣлеткѣ, поглядывая на синѣющіе по низу луга и лѣса, съ жердочки на жердочку мѣрно прыгала черныя, съ желтымъ клювомъ, дроздь.

«Изнѣженная, сластолюбивая черничка!» злобно подумалъ Велугинъ, подходя къ окну: «заранѣе вижу ее — чистоплотная, худенькая, на ладонь дышащая старушка, съ желтоватымъ, въ мелкихъ складочкахъ личикомъ, съ пласивыми и усталыми отъ долгаго, церковнаго бдѣнія, глазками. Придетъ, сядетъ, смиренно сложить на болѣняхъ ручки, зѣвнетъ, перекреститъ ротъ и, перебирая четки, станетъ ждать, что я ей скажу. Я стану говорить, а ей, въ предвкушеніи скорого ужина и сна, вонъ за той вѣроятно дверью, будетъ мерещиться другая, еще болѣе уютная и прохладная горенка, занавѣшанная кисейнымъ пологомъ постель, мягкія подушки, отсутствіе мухъ и сладкій, заслуженный долгихъ молитвеннымъ стояніемъ, покой. Воображаю, какъ она растеряется, когда я ей себя назову: сонныя глазки мигомъ проснутся. И ей ни съ того, ни съ сего, пожалуй, представится еще темная, осенняя ночь: разбойники съ ножами ломаются въ дверь, къ желѣзному сундуку съ монастырскою вазной. Сверкаетъ лезвее широкаго ножа. «Съ вами крестная сила!» вскрикнетъ она, ломая руки: «пощади, кормилецъ, пощади отродію нищаго, не погуби...»

— Что угодно вашей милости?—спросилъ не громкій, но твердый голосъ, за спиной Велугина.

Онъ оглянулся.

Передъ нимъ стояла высокая, дородная, съ красивымъ бѣлымъ и полнымъ лицомъ и съ большими сѣрыми глазами, иноиня. Густыя черныя брови, усики надъ вздернутой губой, взглядъ

строгий, властный и пронизательный. Вся она будто изъ камня изваяна, стройная, гордая; точно говорить: вотъ я какая, смотри на меня и робѣй передъ моею силой и красотой.

— Что вашей милости нужно?—вѣжливо повторила инокиня, указывая гостю на кресло у стола и пристально оглядывая его: вѣроятно, не здѣшніе, устали съ дороги? садитесь.

Ветлугинъ невольно сѣлъ. Онъ угадалъ, что передъ нимъ была игуменья Измарагда.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—перебирая четки и также садясь съ другой стороны стола, съ разстановкой, небрежно спросила она.

— Я Ветлугинъ, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ, вглядываясь, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на игуменью.

Что-то въ родѣ легкаго облачка мелькнуло въ сѣрыхъ, ясныхъ, какъ у сокола, и полныхъ ума глазахъ Измарагды. Но ни одна черта въ сповойномъ, мраморномъ ея лицѣ не дрогнула; ни одна складка шерстяной, черной рясы ея не шевельнулась.

— Очень почтена вашимъ посѣщеніемъ,—съ снисходительнымъ поклономъ, проговорила игуменья: но чѣмъ же я могу быть вамъ полезна?

— У васъ, сударыня, въ обители находится дочь г. Вечерѣва.

— Такъ точно. А вамъ она сродственница приходится, что-ли?

— Она мнѣ дала слово, — проговорилъ Ветлугинъ: я ей женихъ.

Игуменья помолчала.

— Что же отъ меня-то вамъ, сударь, угодно? спросила она.

— Аглаю Кириловну заперли здѣсь противозаконно, отвѣтилъ Ветлугинъ: силой увлекли ее сюда...

— Противозаконно! Какъ вы изволили сказать? не ослышалась ли я?

— Да, ее заманили сюда обманомъ, воспользовались ея неопытностью... Вы это хорошо знаете.

— Во-первыхъ, не противозаконно,—и, во-вторыхъ, не обманомъ,—строго, но вѣжливо продолжала Измарагда: мірской полъ, сказано въ законѣ, да не постризаютъ монаховъ; дѣвицу Вечерѣву постригъ іеромонахъ. Не достоинъ, сказано тамъ же, безъ искуса постригати и возлагати рясу на нихъ. Аглая Кириловна, почитай три года, въ мірской одеждѣ и безъ принужденія, у назначенной ей въ пріимицы-старицы, всякій искусь, на дому и въ нашей честной обители, выносила... Что же, милостивецъ, гдѣ беззаконіе и гдѣ притѣсненіе? Отвѣчайте, слушаю...

Ветлугинъ не узнавалъ себя. Куда дѣлась его смѣлость, находчивость и непреклонность? Судорожно ухватясь за ручку кре-

сель, онъ сидѣлъ, не шелохнувшись, глядѣлъ на бѣлолицую, съ темными усиками, свѣтлоокую инокиню, и не зналъ, что ей говорить. Онъ чувствовалъ, — предъ нимъ была сила...

— Молодую дѣвушку, проговорилъ онъ: невидѣвшую свѣта, почти дитя, сповойно допустить до такого шага, принять ее къ себѣ! Гдѣ же совѣсть, полноте, гдѣ уваженіе къ духу закона?

Измарагда смѣряла его глазами.

— Можеть вы, сударь, полѣгаете, что ваша невѣста одумается? возвратится въ свѣтъ? Такъ, что-ли, я поняла ваши слова?

— Я не выйду отсюда—слышите?—сказалъ рѣшительно Велугинъ: до тѣхъ поръ, пока вы ее не отпустите.

Четки дрогнули въ рукахъ Измарагды.

— Что-жъ я, батюшка, однако, должна дѣлать? приказывайте! спросила она: нешто я ей мать? Родительница ея здѣсь же, съ нею...

Надежда блеснула Велугину.

— Разрѣшите... не мѣшайте мнѣ, сказалъ онъ: повидаться съ Аглаей Кириловой.

— Это зависитъ не отъ меня; я ужъ вамъ доложила—здѣсь ея мать.

— Ну, такъ вотъ что, сказалъ онъ, стиснувъ зубы: я напишу записку, и вы не откажите сейчасъ же переслать ее къ Аглаѣ Кириловнѣ.

— А далѣе?

— Предоставьте ей поступить такъ, какъ она сама пожелаетъ.

Чуть замѣтная, съ примѣсю лукавства и презрѣнія, усмѣшка мелькнула въ безстрастныхъ глазахъ игуменьи.

— А ты, сударь, поступишь ли такъ, какъ тебѣ скажетъ Аглая Кириловна?—съ грубой откровенностью, покачивая головой, спросила Измарагда: даешь ли слово?

— Даю.

— Въ такомъ разѣ пиши,—небрежно сказала игуменья.

Велугинъ вынулъ изъ бумажника визитную карточку, придвинулся къ столу и дрожащей рукой сталъ на ней писать. Слова не связно ложились подъ карандашемъ.

Измарагда въ раздумьи стала перебирать четки. Многое ей вспомнилось въ это мгновеніе: собственная молодость, лютая купеческая семья, темныя ночи, густой лѣсокъ, бракъ уходомъ, пирушки въ какомъ-то пѣхотномъ полку, измѣна, разлука—влобувъ...

«Искушеніе!» искоса поглядывая на гостя, думала игуменья:

«искушеніе! глаголю безбрачнымъ и вдовицамъ—добро имъ есть... О дѣвахъ же повелѣнія Господня не имамъ... Охъ, искушеніе!»

А тихій вечеръ ласково глядѣлъ со двора. Душистой прохладой тянуло въ раскрытое окно. Гдѣ-то внизу, подъ горой, гоготали гуси, куковала кукушка, раздавался грохотъ и плескъ мельничныхъ колесъ...

Дроздъ въ клѣткѣ пересталъ прыгать. Онъ сидѣлъ и слушалъ,—слушалъ кукушку, шумъ мельницъ и крики гусей. И вдругъ, протянувъ желтый носъ, онъ вздрогнулъ, закрылъ глаза и защекалъ такъ порывисто и звонко, что, казалось, вообразилъ и себя не въ клѣткѣ, а тамъ—на привольи—внизу, гдѣ шумѣли мельницы, кричали птицы и стояли, полныя вечерней прохлады, синѣющія озера и лѣса.

Ветлугинъ писалъ: «Аглая Кириловна! Я здѣсь въ монастырѣ, у вашей игуменьи. Смѣло идите ко мнѣ. Я никому васъ не дамъ въ обиду и, если пожелаете, отвезу васъ обратно въ вашему отцу. Тамъ вы рѣшите свою судьбу. Жду отвѣта.—А. Ветлугинъ».

— Вы кончили? спросила Измарагда.

— Кончилъ.

Игуменья позвонила.

Вошла и въ поясъ настоятельница поклонилась бѣлокурая, съ румянцемъ во всю щоку, съ карими лучистыми глазами и съ густою косой, молодая келейница. Измарагда строго сказала ей: «Неси, Лушенька, знаешь, къ той... къ барышнѣ Вечерѣвой...

Келейница взяла записку Ветлугина, опять низко поклонилась игуменьѣ и удалилась. Прошло нѣсколько мгновеній. Дроздъ за окномъ то смолкалъ, то опять неистово щелкалъ, севозъ проволочные прутья клѣтки, косясь на синѣющую подъ горою даль. Измарагда шевелила четками... Ветлугину мгновенія казались часами. «Покажутъ ли Аглаѣ мое письмо? думалъ онъ: и допустить ли ее ко мнѣ?»

Лушенька возвратилась. Отвѣсивъ на этотъ разъ поклонъ и Ветлугину, она ему подала на подносѣ двѣ записки, а сама стала поодаль, не глядя на него, но какъ бы думая: «жаль мнѣ тебя, сердечный, вотъ какъ жаль».

Ветлугинъ сталъ читать принесенныя записки.

Въ одной былъ отвѣтъ Аглаи.

«Зачѣмъ вы не исполнили моей просьбы?» писала она: «зачѣмъ вы меня смущаете? Еще разъ и окончательно повторяю вамъ, что я здѣсь не по принужденію, а по своей доброй волѣ. Я посвящаю себя молитвѣ и прошу меня забыть навсегда.— Аглая В.»

Другая записка была отъ Ульяны Андреевны.

«Признаюсь», писала Вечерѣва: «я никогда не ожидала, чтобы сынъ добраго, почтеннаго и всѣми нами уважаемаго, Льва Саввича, позволилъ себѣ такой недостойный поступокъ. Неотлучно находясь при моей дочери, какъ ея другъ и мать, я отношу ваше поведеніе къ промаху молодости и прошу васъ, милостивый государь, оставить въ покоѣ, какъ этотъ, ни въ чемъ передъ вами неповинный домъ молитвы и смиренія, такъ равно и всѣхъ насъ—тѣмъ болѣе, что въ эту минуту я сильно разстроена болѣзнью мужа и, возвратясь сюда, сама слегла въ постель, а потому и лишена всякой возможности лично вамъ доказать всю не позволительность и легкомысліе вашей выходки.—Готовая во услугамъ, уважающая васъ—Іуліянія Вечерѣва».

Сердце Ветлугина облилось кровью.

«Бѣдная, бѣдная Аглая!» разсуждалъ онъ, сжимая въ рубѣ оба письма и сознавая, что черезъ мгновеніе, едва онъ отсюда уйдетъ, между нимъ и Аглаей навсегда ляжетъ бездна.

Онъ обернулся, съ цѣлю сказать на прощанье игуменѣ все, что накопило въ его душѣ. Но ни игуменьи, ни келейницы Лушеньки въ комнатѣ уже не было. За дверью раздавался шопотъ. Слышны были сдержанные шаги.

На порогѣ, съ ключами въ рукахъ, улыбаясь и кланаясь, появилась сѣдая, съ лицомъ ребенка и совсѣмъ глухая инокиня-старушка. Что ей ни говорилъ Ветлугинъ, она только трясла маленькою головою, моргала бровями и, топчась на мѣстѣ, да разводя руками, ласково повторяла: «Ничего, соколикъ ты мой, какъ есть, не слышу. Десять годовъ ужъ не слышу; оглохла еще въ тѣ-веси поры, какъ лѣса наши монастырскіе было загорѣлись...»

Ветлугинъ въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ.

— Не хочешь ли, сударикъ, въ трапезу, съ дороги закупить? спрашивала сердобольная ключница: у насъ свѣжа севрюжка, грибочки, балычки; а не то лапшицы не хочешь ли молочной, медку?

— Выпустите вы меня, матушка, отсюда прочь; вотъ что мнѣ нужно! — прокричалъ на ухо глухой старухѣ Ветлугинъ.

Ключница сначала озадачилась, но потомъ сильно обрадовалась, что поняла, наконецъ, нетерпѣливые знаки гостя. Она провела его за ворота, указала ему каменную лѣстницу, просѣченную внизъ по горѣ, и, низко кланаясь, точно по заученному, проговорила: «Господа купцы, вы наши отцы; мы вами сыты, не забываете насъ и на дальніе дни».

XXIV.

С о н ъ.

Становилось темно. У монастырскаго постоялаго двора, по милости вчерашняго праздника, было не мало народа.

«Милунчикова успѣю навѣстить и завтра», подумалъ Ветлугинъ: «надо спѣшить повидаться съ Вечерѣевымъ. Что-то съ нимъ бѣднымъ?»

Онъ отыскалъ попутчика, договорилъ его и, благодаря сытой крестьянской лошаденкѣ, пріѣхалъ къ Ченшину часа черезъ два. Но Кирилы Григорьича здѣсь уже не было. Ему къ вечеру стало хуже, и докторъ, жившій у его друга, посоветывалъ немедленно везти его въ городъ, куда онъ, съ Ченшинымъ, этимъ докторомъ и съ Филатомъ, и уѣхалъ.

«Ну, я его хоть тамъ еще увижу», подумалъ Ветлугинъ. Онъ переночевалъ въ домѣ Ченшина, — при помощи Вечерѣевскаго приващива, добылъ добрую тройку и уѣхалъ въ городъ. «Старикъ болѣнь» — разсуждалъ Ветлугинъ: «ему теперь не до меня. Спасти Аглаю можетъ еще одинъ человекъ... Милунчиковъ. Онъ ей дядя, и она его любитъ, вѣрить ему. Навѣщу старика и сейчасъ обратно сюда, къ Милунчикову».

По пути, въ какомъ-то селѣ, гдѣ была волость и гдѣ нужно было кормить нанятыхъ лошадей, онъ познакомился съ становымъ. Разговорились о томъ, о другомъ, Ветлугинъ передалъ ему и о случаѣ въ Вечерѣевской семьѣ.

Старичокъ становой былъ изъ отставныхъ моряковъ, балагуръ и нѣкогда щеголь, любившій и до-нынѣ при случаѣ кутнуть и поволочиться. Онъ выслушалъ Ветлугина, со вниманіемъ, и даже слезы выступили на его глазахъ.

— Эхъ, сказалъ онъ: эхъ! я знаю Вечерѣева, знаю и его жену. За нею я даже когда-то и ухаживалъ. Барынька была деликатная и обходительная. Дочурки, впрочемъ, ихней не знаю и не видѣлъ. Но только тутъ ужъ не подѣлаешь ничего...

— Почему же?

Становой крикнулъ въ усъ.

— А вотъ почему-съ, сказалъ онъ, разставляя пальцы: эта баба-съ, сказать, Измарагда, самая язвительная. Случится что въ монастырѣ, и на порогъ не пустить. Иди, говорить, не иначе, какъ по закону и съ понятиями. А ужъ о поклонѣ какомъ и не думай... Самая прекратительная и недоступная горячца. Уваже-

ня къ намъ нынче мало; все слѣдователи забрали въ свои руки. А работы не уменьшилось: вездѣ поспѣвай, по первоначальнымъ дознаніямъ. Тамъ убійство, тамъ коноврадство и пожаръ, здѣсь дуэль...

— Какъ? даже и дуэль? спросилъ Ветлугинъ.

— Что же вы удивляетесь? не далѣе, какъ вчера, была дуэль возлѣ тѣхъ мѣстъ, откуда вы теперь ѣдете.

— Между кѣмъ?

— Исторія скверная. Дрались... предсѣдатель уѣздной управы Милунчиковъ и одинъ здѣшній помѣщикъ...

— Ключковъ? спросилъ Ветлугинъ.

— Нѣтъ, не Ключковъ, а гусарскій ремонтёръ Талищевъ, сынъ здѣшняго предводителя, коли знаете. Дѣло вышло изъ-за сплетни о братѣ Милунчикова, обучавшемъ дѣтей сестры Ключкова.

«Вывернулся и тутъ», подумалъ Ветлугинъ: «даже на дуэль за себя выставилъ другого...»

— Есть раненые? спросилъ онъ.

— Раненъ вызвавшій на дуэль, отвѣтилъ становой: и, какъ говорятъ, весьма тяжело...

— Кто? Талищевъ?

— Нѣтъ, Милунчиковъ.

— Гдѣ они дрались?

— Въ имѣніи Милунчикова.

Ветлугинъ вспомнилъ выстрѣлъ, слышанный имъ наканунѣ, при проѣздѣ мимо усадьбы Милунчикова. «И эта надежда спасти Аглаю ускользаетъ!» пронеслось въ его мысляхъ.

— Не туда ли вы изволите ѣхать? спросилъ онъ станового.

— Туда. А что?

— И я бы съ вами... Я знакомъ съ Милунчиковымъ.

— Извините меня. Кажется, это будетъ напрасно...

— Почему же?

— Да никого тамъ не застанете, отвѣтилъ становой: раненаго увезли въ городъ; а ранившій, съ повинной головой, уѣхалъ въ расположеніе своего полка, въ другой уѣздъ. Остаются секунданты.

— Кто они?

— Смѣшно сказать: со стороны Талищева какой-то нѣмецъ учитель, а со стороны Милунчикова гимназистъ старшаго класса, Коребякинъ.

Ветлугинъ простился съ становымъ и уѣхалъ.

«Бѣдный Коребякинъ», разсуждалъ онъ: «пропалъ его окончательный экзамень и вся его карьера. А Ключевъ? Даже въ се-

кунданты не пошелъ, а уступилъ эту честь нѣмцу-учителю... Жаль Милунчинова! Нарвался-таки на кровавую развязку... И гдѣ же? У себя дома. Какъ-то обойдется ему эта дуэль?»

— «Но Аглая, Аглая!» схватывая себя за голову и чуть не задыхаясь отъ слезъ, повторялъ себѣ, подъ звонъ колокольчика, Ветлугинъ.

Онъ терялся въ догадкахъ и не могъ себѣ простить отъѣзда въ Ключову, не могъ понять, какъ случилась такая быстрая переменъна съ Аглаей.

Дѣло, между тѣмъ, произошло такимъ образомъ.

Проводивъ Ветлугина, Аглая осыпала поцѣлуйми Фросиньку и, сказавъ ей: «Иди теперь, иди, милочка, я останусь одна; дай мнѣ надуматься!» — до поздняго вечера бродила по саду, радостно перебирая въ умѣ все странное и все неожиданное и дорогое, что произошло съ нею за эти быстро-мелькнувшіе дни.

Ульяна Андреевна издали видѣла, какъ та ходила по дорожкамъ, садилась на скамьи, опять вставала и принималась ходить. Старуха недоумѣвала, что значило это состояніе Аглаи. Настали сумерки. Въ домѣ все стихло. Узнавъ, что дочь прошла къ себѣ въ комнату, она также поднялась къ ней на верхъ, подождала, пока Аглая раздѣлась, прилегла на диванѣ, противъ ея кровати, и проговорила съ нею далеко за полночь. О многомъ онѣ бесѣдовали: о прошломъ, о своихъ поѣздкахъ, о нѣкоторыхъ знакомыхъ. О монастырѣ старуха не упоминала.

«Сказать ли матери? обрадовать ли ее моимъ счастьемъ?» срывалось у Аглаи съ языка. «Вотъ бы удивилась... не повѣрила бы!» думала она, улыбающимися, счастливыми глазами вглядываясь въ суровое и тощее, омраченное раздумьемъ, лицо лежавшей передъ нею матери.

— Я тебѣ почитаю Лѣствицу, сказала Ульяна Андреевна: хочешь?

— Читайте, родная, читайте, — съвозъ золотыя грезы, сладко свернувшись на постели, отвѣтила Аглая.

Слушала она, однако, недолго. Сонъ началъ ее одолевать и она не замѣтила, какъ, подъ тихое чтеніе старухи, заснула...

Потушивъ свѣчу и прислушиваясь къ спавшей дочери, задремала и Ульяна Андреевна.

Быль третій часъ ночи.

Аглая проснулась. Ей померещился какой-то шумъ. Она вскочила, сѣла на кровати и стала вслушиваться. Въ комнатѣ

было тихо. Ульна Андреевна также спала, склонясь на ручку дивана.

«Душно что-то» подумала Аглая. — Она встала, отворила окно, перевѣсилась съ подоконника въ садъ и, жадно потянувъ въ себя свѣжаго воздуха, прошептала: «гдѣ же ты? хоть бы приснился...»

И Ветлугинъ Аглаѣ приснился.

... Гдѣ она?.. Въ скитѣ у бабушки. Онъ обѣщалъ къ ней придти. Но какъ и когда? Она дрожитъ отъ страха. Что, какъ его увидать? Огни по кельямъ гаснутъ. Надвигается ночь. Въ окна свѣтятъ звѣзды. Вездѣ тишина. Но неужели онъ, безумный, войдетъ въ ея горенку ночью? Она прислушивается. Нѣтъ, она этого не вынесетъ. Лучше бы онъ не приходилъ. А въ концѣ длиннаго, темнаго корридора, тамъ, гдѣ уже не видно и ночныхъ огней, раздаются чьи-то знакомые, легкіе шаги. Она вскакиваетъ, запираетъ на ключъ дверь и гаситъ лампаду. Неужели онъ войдетъ и теперь?

...Шаги ближе и ближе. Кто-то сталъ у самой двери, тронуть ручку замка. «Нѣтъ, онъ не войдетъ», думаетъ Аглая: «дверь замкнута на ключъ». А онъ — и вотъ онъ... И что же это? Дверь безъ малѣйшаго звука распахнулась. Кто-то незримый шагнулъ черезъ порогъ и остановился. Это не Ветлугинъ. Его не видно, но Аглая чувствуетъ, что онъ — власть имѣющій. Благоуханіе смурны и ладона распространяется отъ его одеждъ. Онъ простеръ руки, ищетъ ее во мракѣ. Гдѣ отъ него спрятаться? Куда уйти? Аглая въ страхѣ бросается съ постели, хватается за подоконникъ. Поздно... Она слышитъ шелестъ его одеждъ. Что-то, будто крылья, движется за нимъ по воздуху... Горячее дыханіе касается лица Аглаи. Голова ея кружится... Борьба съ нимъ безсильна... Страстные подѣлуи осяпаютъ ея руки, плечи.

Сонъ улетѣлъ.

Сидитъ Аглая и сладко ей, и слезы ее душать. Да гдѣ же онъ? куда скрылся? И кто это былъ? Ветлугинъ ли? И неужели онъ ей нынче больше не приснится?

Аглая увидала новый сонъ.

Грезится ей, что она стоитъ на краю отвѣснаго утеса. У ногъ ея бушуетъ море. Она ждетъ Ветлугина. Небо ясно, но волны пѣнятся, шумятъ и съ ревомъ бросаются на берегъ. Гдѣ онъ, гдѣ? и скоро ли возвратится? думаетъ Аглая. И видитъ она — къ берегу по волнѣ несется трупъ. Лицо его блѣдно. Глаза закрыты... Она вглядывается, — это Ветлугинъ. «Милый, милый!» силится она крикнуть. Но голосъ ея замираетъ, оборвался. Она хочетъ сбѣжать къ волнамъ и двинуться съ мѣста не можетъ.

Ноги ее не слушаются. «Ты погибь и я жить не хочу! вскрикиваетъ наконецъ она: прощайте люди, прощай міръ!» Аглая бросается со скалы... Но у ней за спиной вырастаютъ крылья, она взлетаетъ въ воздухъ и бѣлой чайкой уносится по зыбкимъ волнамъ...

— Мамочка, родная! проснитесь, да проснитесь же! очнуйтесь въ ужасѣ, звала свою мать Аглая.

— Что? что тебѣ? Господь съ тобой! испуганно успокоивала ее Ульяна Андреевна.

— Сонъ... ахъ, какой мнѣ привидѣлся сонъ! блуждающими глазами вглядываясь въ темноту, повторяла Аглая.

— Страшный или пріятный?

— Сперва пріятный, потомъ таковой... таковой, что я ужь и не знаю...

— Что же за сонъ?

И въ забытїи, почти еще въ бреду, пересѣвъ на диванъ къ матери, Аглая, не долго думая, передала ей все, что видѣла въ ту ночь во снѣ.

Ужасъ объявъ Ульяну Андреевну, когда она, среди отрывочныхъ и несвязныхъ словъ Аглаи, дважды услышала имя Ветлугина.

«Такъ вотъ что!...» огненной струей пробѣжало въ сѣдой головѣ старухи: «такъ вотъ куда теперь ея мысли! А я-то при-сматривалась, гадала...»

Ульяна Андреевна встала, зажгла свѣчи, дала дочери напиться святой воды и опять сѣла возлѣ нея.

— Добрые сны, Аличка, отъ Бога, злые отъ дьявола, сказала она: вспомнимъ же о Богѣ. Станемъ ему молиться, чтобъ онъ тебя простилъ и во всемъ бы помиловалъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! шептала Аглая, обнаженными, жаркими руками страстно сжимая шею матери: не то... совсѣмъ вы не о томъ... Вы его не знаете... Позвольте мнѣ, разрѣшите... Я люблю его... благословите меня на счастье съ нимъ...

«Медить нечего», раскидывала умомъ Ульяна Андреевна, тихо освобождаясь отъ объятїи и поцѣлуевъ Аглаи: «пропущу это мгновенїе, тогда ужь ничего не воротить...»

Она скрыла бурю, вставшую въ ея душѣ, покорила себя и до конца ласково и тихо выслушала тайну дочеринной любви, вывѣдала весь ходъ ея встрѣчь, сближенїя и объясненїи съ Ветлугиннымъ.

Аглая кончила свою исповѣдь.

— Что же, родная, вы согласны?.. благословяете насъ? спросила она.

Старуха прошлась по комнатамъ, накинула на плечи Аглаю платокъ, упала на колѣни передъ образомъ, и ломая руки, говорила:

«Велика и неисповѣдима твоя милость, Господи. Ты ослѣпилъ меня; ты же и открылъ мнѣ глаза...»

— Ну, Аглая, теперь слушай! обратилась, подходя къ дочери, старуха: я все теперь тебѣ должна открыть... Сонъ твой развзаль мнѣ руки... Грѣхъ, великій грѣхъ жаловаться дочери на отца... Ну, да ужъ такъ тому вѣрно и бытъ. Слушай...

Ульяна Андреевна помолчала, собралась съ духомъ и рассказала Аглаѣ объ отношеніяхъ Кирилы Григорыча къ женѣ кузнеца Антропа. Она не скрыла своего негодованія и ревности и своихъ мученій безъ конца.

Аглая слушала ее, устремляя нѣмой, молящій взглядъ на иконы и по временамъ вздрагивая. Смертныи ужасъ хлынулъ въ лицо Аглаи, когда мать кончила рассказъ. Ульяна Андреевна прижала ее къ своей груди. Горькія, жгучія слезы катились изъ глазъ старухи.

— Ты молода еще, Аличка, сказала она: но теперь-то тебѣ и подумать о спасеніи. Далѣе будетъ поздно. Всѣмъ, всѣмъ намъ грозитъ такая же судьба.

— Да не всѣ же люди на одинъ ладъ, — ломая похолодѣвшія руки, восклицала Аглая: за что всѣхъ осуждать? Я жить, мамочка, хочу, жить...

— Жить? грозно отшатнулась старуха: а что значить сонъ? отвѣчай... Въ какую бездну ты готовишься упасть?

— Вы знаете, возразила Аглая: отецъ никогда не позволитъ мнѣ пойти въ монастырь...

— Отецъ? А знаешь ли, чему ты можешь подвергнуться, если... послушаешь его?.. Ты станешь женой, будешь матерью... А знаешь ли ты, чѣмъ стала, по милости твоего отца, твоя мать?..

Ульяна Андреевна встала, выпрямилась. Глаза ея зажглись недобрымъ огнемъ. Она поблѣднѣла. Губы ея дрожали.

— Мамочка! молчите! ради Бога молчите! кинулась къ ней, зажимая ей ротъ, Аглая: не гнѣвите Бога!

— Поздно! сказала глухо Вечерѣва: поздно! я стала... я...

Ульяна Андреевна произнесла нѣсколько несвязныхъ, чуть слышныхъ словъ.

— Изба? изба? — въ ужасѣ спросила Аглая: мамочка, неужели это правда?

— Хуже! отвѣтила старуха: хуже, хоть въ этомъ... въ избѣ... я и не виновата...

— Что же? что?—хватая за руки мать, вскрикнула Аглая.

— Я, проговорила старуха: я великая грѣшница! и въ искупленіе своей вины, я общала тебя Богу... Я... видѣла,—при мнѣ тонуло дитя той женщины,—я стояла въ кустахъ, на берегу... никого кругомъ не было... и я не помогла ему, когда оно утопало... заключила шепотомъ свое признаніе старуха.

Аглая запаталась и, замертво упала къ ногамъ матери.

«Мученица Оиваида, цѣломудрія ради убиенная, помоги ей!» твердила Ульяна Андреевна, приводя дочь въ чувство и не спуская глазъ со старыхъ иконъ, по которымъ уже скользили лучи загоравшейся зари.

Черезъ часъ мать и дочь отослали впередъ гостившую въ Дубахъ обительскую казначею, наскоро уложились, велѣли запрагать и, не задолго до полудня, уѣхали въ Краснокутскій монастырь.

XXV.

В о з в р а т ь .

Былъ теплый, тихій вечеръ, когда Велугинъ, снова подѣхалъ къ воротамъ отца. Солнце еще не заходило.

Льва Саввича дома онъ не засталъ, какъ и при первомъ свиданіи. Няня Бласьева встрѣтила его, пригорюнившись и со вздохами. Она уже очевидно знала о его неудавшемся сватовствѣ.

— Ты, няня, еще здѣсь? спросилъ Велугинъ: а я думалъ, что ты ужъ оставила отца и торгуешь въ лавочкѣ на базарѣ...

— Какъ же! у тебя все торговать... Брошу я его, на старости лѣтъ, особливо теперь. У него, сердечнаго, душа по тебѣ не на мѣстѣ, и самъ-то ужъ онъ не радъ, что и посылалъ тебѣ въ эдакія дѣла...

— Гдѣ же отецъ?

— Тутъ, батюшка ты мой, такая окаянія подошла, что жалости подобно. Утромъ-то привезли больного, пребольного этого Вечерѣва...

— Какъ? гдѣ онъ, гдѣ? говори, я сейчасъ къ нему поѣду.

— Не знаю, соколъ. Самъ-отъ старой придетъ, скажетъ.

— Но какъ же здоровье Вечерѣва? Говорилъ отецъ?

— Сперва Ченшинъ баринъ прѣхалъ, сказать, что у него ударъ, а послѣ звали дохтуровъ, говорятъ—рехнулся, что ли.

— Буда же, скажи, отецъ теперь уѣхалъ?

— А приходилъ за нимъ толстой-претолстый таковой, землемѣръ онъ, что-ли-ча, шутъ его побери. Глянула я на него — тунба тунбой, и съ возлиной бородой. Отъ тебя адресную записку приносилъ. И оба они, съ нашимъ-то, вдвоемъ поѣхали къ другому, опять-таки больному... какъ бишь его? Тоже, связываютъ, твой знакомый... и его также быдто привезли сюда къ дохтурамъ... Застрѣлили его это-то, что ли...

— Къ Милунчикову отправились?

— Ну, да, да... къ этому самому и есть...

— Гдѣ же это, няня? Я бы съѣздить пока хоть туда.

— Опять таки, милый, не знаю, не говорили. Не наше бабье дѣло, да очень ужъ и торопились.

— Ахъ, какъ жаль! Но кого звали изъ докторовъ?

Власевна назвала.

— Ну, няня, такъ поѣзжай же хоть къ кому-нибудь изъ этихъ докторовъ. Узнаешь тамъ адреса Вечерѣва и Милунчиковова и розыщи у нихъ отца. Да, встати, я напишу записку... Будешь у Вечерѣва, узнай, коли онъ при памяти, то попроси прочитать.

— Пиши записку, вздохнула Власевна: поѣду... Эка горето на людей... Тотъ умомъ горемычный тронулся, а этого, какъ галку, ахвицеры подстрѣлили... Не водись съ ними! Я мимо ружья иду, такъ отъ страху-то индо въ пятеи колетъ. А они стрѣляются! Давай записку, отвезу.

Велугинъ къ Вечерѣву написалъ слѣдующее: «Если ваша болѣзнь не такъ тяжела, если вы въ силахъ меня принять, не откажите мнѣ въ этомъ. Дайте мнѣ, до отъѣзда отсюда, вылить душу передъ отцомъ Аглаи Кириловны. Дайте высказать вамъ благодарность за ваше гостепріимство и за ласки ко мнѣ и къ моему отцу».

Отославъ Власевну, Антонъ Львовичъ взобрался на вышку. Сколько событій свершилось съ поры, какъ онъ сидѣлъ здѣсь на крыльцѣ! Онъ сталъ глядѣть на городъ, на его зарѣчье и на обрестныя поля.

Заря догорала. Голубые сумерки легкимъ туманомъ застилали главы городскаго собора, рядъ освѣщенныхъ лучами заката домовъ, церкви предмѣстья, ближніе огороды и сады и вершины лѣса, сплошнымъ вряжемъ уходившаго за снѣжюція из-

дали равнины и холмы, туда, гдѣ еще таѣ недавно былъ Велугинъ.

Все, что пережилъ онъ давно и что случилось въ эти, быстро-мелькнувшіе дни, воскресло и встало теперь передъ его глазами.

Онъ вспомнилъ такой же вечеръ. То было давно, а именно двѣнадцать лѣтъ назадъ. Въ горькомъ раздумьи, убитый тоской, стоялъ онъ съ оццомъ на городскомъ кладбищѣ. На утро онъ оставялъ родину и пришелъ проститься съ могилой матери.

Помнилъ Велугинъ, какъ и гдѣ онъ въ ту пору стоялъ. Помнилъ онъ гимназическую, поношенную курточку, тетрадь дневника и какихъ-то стихотвореній въ карманѣ панталонъ; подступившія въ горлу слезы, мысль о чужбинѣ, тѣни заката и сильно подбитые сапоги... Одной ногой онъ стоялъ на дорожкѣ, а другою, какъ живо онъ помнилъ теперь, потрогивалъ траву на могилѣ матери. Ласточки рѣяли. Чиривали воробьи. Отецъ стоялъ возлѣ.— «Антоша», сказалъ онъ тогда: «не забудь этой минуты... Ты вырастешь, станешь человекомъ... Меня, вѣроятно; уже не будетъ на свѣтѣ. Приходи сюда почаще... Ея, матери твоей, нѣтъ въ живыхъ... Она не дождалась тебя видѣть большимъ. Но она таѣ тебя любила». — Отецъ закрылъ руками лицо и отошелъ... Онъ плавалъ. А Антоша Львовичъ продолжалъ смотрѣть на могилу и думалъ: вотъ, именно здѣсь, подъ этой травой, лежитъ она; и не увидитъ онъ болѣе никогда ея вроткихъ, ласковыхъ глазъ, не услышитъ ея нѣжнаго голоса. И не хотѣлось ему тогда вѣрить, что его мать умерла, хотя онъ ясно помнилъ ея тихую вончину и весь печальный, надрывавшій душу, похоронный обрядъ. Онъ прислушивался, въ то время, не вздохнетъ ли она подъ землей и не скажетъ ли: «Антонушка, возьми меня отсюда; мнѣ жить хочется, любоваться тобой»...

Мысли роились. Велугинъ глядѣлъ съ балкона. Ему грезилась иная темная могила и въ ней иное дорогое существо...

«А бѣднякъ Милунчиковъ?» спрашивалъ онъ себя: «будетъ ли онъ спасенъ, или уже мучится въ послѣдней, предсмертной борьбѣ?»

Снизу на вышнюю это-то взопелъ, сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько шаговъ и остановился.

— Кто тутъ? спросилъ Антоша Львовичъ, вглядываясь въ темноту.

Стоявшій за дверью ступилъ на крыльцо.

Отецъ и сынъ бросились въ объятія другъ къ другу.

— Что, Антонушка, оборвалось? сказалъ Левъ Саввичъ: что дѣлать! неудача мнѣ и тебѣ...

Они сѣли. Антонъ Львовичъ началъ рассказывать. Левъ Саввичъ его остановилъ.

— Все знаю, мой другъ, все, сказалъ онъ: сперва этотъ помѣщикъ Ченшинъ, что привезъ Вечерѣва, кое-что мнѣ сообщилъ, да Вечерѣвскій камердинеръ; потомъ землеѣръ Фокинъ.

— А самъ Вечерѣвъ? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Никого не узнаётъ. Бредить, какъ въ горячкѣ, и кажется, отъ нервнаго удара, дѣйствительно, даже тронулся умомъ... Вотъ катастрофа, вотъ жалость... Ну, а еще скажи ты мнѣ: Аглая-то, Аглая!.. Ахъ, бѣдная, бѣдная! Неужели?.. Еще до твоего письма я слышалъ о ней. Ее такъ хвалили. А встрѣча твоя! нужно же было тебѣ ѣхать. И все я виноватъ, я...

— Полноте, папенька, вы-то здѣсь при чемъ?

— Ну, не говори, не говори. И это правда, скажи? Въ самомъ дѣлѣ она осталась въ монастырѣ? Въ городѣ только и разговора. Вотъ времена... Каковы явленія въ обществѣ, каковы повороты!.. Милый ты мой, извини; но, если тебѣ не очень въ тягость, облегчи душу, расскажи, сдѣлай милость, какъ все это случилось?..

Антонъ Львовичъ, съ остановками и отступленіями, въ подробности передалъ отцу весь ходъ своего знакомства съ Аглаей, свое сближеніе съ ней, окончательное объясненіе и свой отъѣздъ.

— Но какъ же, какъ она рѣшилась измѣнить тебѣ, нарушить слово и остаться въ монастырѣ?

— Поздно, видно, встрѣтились мы, отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: ранѣе было надо. Не судьба.

— А какъ находишь мать? спросилъ, переходя, старикъ: она всегда мнѣ казалась какою-то странною. Что-то тайное, необъяснимое проглядывало въ ней.

— Много тайнаго, сказалъ и замолчалъ Антонъ Львовичъ.

— Ну, а игуменья? игуменья? спросилъ отецъ: ты, говоришь, пытался видѣться съ Аглаей, былъ въ монастырѣ. Что за челоуѣкъ эта благовѣрная Измарагда?

— Особа, изъ рукъ второй Аглаѣ, ужъ разумѣется, не вырваться никогда.

— Бой-баба, Антонушка? бой? Говорять, едва грамотѣ знаетъ, — а какія обдѣлываетъ дѣла...

— Сила, — отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: и если тамъ достаточно такихъ силъ, борьба съ ними не такъ легка.

— Еще бы, вздохнулъ отецъ: однихъ богатствъ сколько у нихъ... Земли, воды, лѣса, постоянные дворы, а у иныхъ даже

лавки, гостинницы... Могилами на кладбищахъ торгуютъ. Какъ не быть силѣ... Дай-ка ихъ миллионы на науку, въ помощь народу, не сидѣлъ бы онъ въ кабакахъ.

— Что Милунчиковъ? спросилъ, погодя, Антонъ Львовичъ: вотъ еще кого мнѣ жаль. Что съ нимъ, и есть ли надежда на его выздоровленіе?

— Охъ, и не спрашивай. Я прямо отъ него... Раненъ онъ въ правую грудь и, вообрази, говорятъ, смертельно... По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе здѣшнихъ медицинскихъ тузовъ. Вотъ тебѣ и дуэли, и судъ чести. Вызвалъ негодая, думалъ его прочить; а выходитъ, что гибнешь самъ...

— Не поѣхалъ ли намъ къ нему? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Что же, я охотно. Онъ съ Фокинымъ въ Московской гостинницѣ, а Вечерѣва помѣстили въ Петербургской.

На дворѣ, между тѣмъ, окончательно стемнѣло. По ближнимъ улицамъ и по зарѣчью засвѣтились ряды огней. Левъ Савичъ, поглядывая на сына, молчалъ. Молчалъ и Антонъ Львовичъ.

Многое проносилось въ головѣ старика: горе сына, собственныя, несбывшіяся надежды. Онъ повторялъ про себя: «Кто могъ думать, кто могъ ожидать? Ключковъ—этотъ дѣлецъ, эта бойкая, неутомная природа, — оказался такимъ недостойнымъ, такимъ темнымъ человѣкомъ. Фокинъ все мнѣ рассказалъ теперь о немъ. Правъ былъ сынъ, что не довѣрялъ ему, опасался его. Надо распросить Антонушку... да ужъ спрашивать ли? Треклятыя полчища!... Нѣтъ съ ними общаго, нѣтъ примиренія! Не жить овцѣ съ волкомъ, не плавать плотвѣ со щукою...»

Антонъ Львовичъ всталъ. Облокотясь о перилы крыльца, онъ взглянулъ внизъ. Темное пространство усѣянаго огоньками города затихало у его ногъ. Такъ затихло прошлое Антона Львовича; такъ мелькнетъ и затихнетъ неясное, подступающее будущее. Чье-то стихотвореніе о тихомъ, свѣтломъ ангелѣ, съ бѣлыми крыльями и золотыми кудрями, слетающемъ въ душу страдальцевъ, вспомнилось Ветлугину. Ангелъ улетѣлъ. Душа осиротѣла.

И было теперь опять два Антона Львовича: одинъ стоялъ здѣсь, на крыльцѣ отцовской вышки. Другой виталъ далеко, тамъ, гдѣ — на вершинѣ зеленой горы — ограда и церковь, а возлѣ церкви, въ глухой вельѣ, Аглая...

Увидеть ли онъ ее когда-нибудь? Или все улетѣло, все простилось и умерло на всегда?

За спиной Антона Львовича снова послышались шаги. Кто-

то опять и еще тише взошелъ на верхъ по лѣстницѣ, прибли-
зился къ порогу крыльца и остановился.

— Это ты, няня? спросилъ Антошъ Львовичъ.

— Я...

— Была у Милунчинова?

— Нешла. Чуть собаки хвоста на площади не оторвали.

— А у Вечерѣева?

— Этого ровыскала.

— Принесла отвѣтъ?

— Принесла... на словахъ...

— Самого Вечерѣева видѣла? что онъ, скажи: лучше ли ему?

— Какъ не самого! Жди... Племянничекъ подѣхалъ...

— Какой племянничекъ?

— А нашъ-то оболдуй, Петръ Ивановичъ Ключковъ, чтобъ ему, лѣшему, счастья не было ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ. Я ему, треаназимсой, продовольственной душѣ, и подарки его отнесу назадъ... Знала бы и не ходила бы къ нему; да наткнулась на него въ гостиницѣ, возлѣ Вечерѣевского номера. Онъ говоритъ: мнѣ подай письмо; съ какой, говорю, стати? не къ вамъ... А онъ, аспидъ, вырвалъ, распечаталъ твою записку; прочиталъ, да и говоритъ при ихъ-то людяхъ: скажи, говоритъ, тетенька, молодому-то своему барину, да и старому тоже скажи, чтобъ мимо меня теперь больше къ Кирилѣ Григорьичу, къ Вечерѣеву, не обращались... Его жена, говоритъ, и дочка переехали въ монастырь, такъ предводитель, говоритъ, по эштахветѣ вызвалъ меня и упросилъ взять дядюшку на мое попеченіе. Можетъ статься и опекуномъ его буду... Да я, говоритъ, при томъ кое-что узналъ — отъ игумена письмо получилъ. И въ колодезь совѣтую не плевать, какъ молодой-то твой, у меня въ Ключковеѣ, плюнулъ; придется напиться, да еще можетъ — какъ! Видѣли мы, говоритъ, такихъ... Скажи ему, прибавилъ дьяволъ, чтобъ готовилъ денежки по векселью за отца... у того, говоритъ, скоро ничего не будетъ, продадутъ его домъ и дворъ, со всѣмъ его курятникомъ и голубятникомъ, а онъ, говоритъ, расписался мнѣ теперь за отца.

Послѣднія слова Власьева проговорила черезъ силу, отвернувшись, плюнула и, не выдержавъ, расплакалась.

— Какъ расписался за меня? спросилъ, вспыхнувъ, Левъ Саввичъ.

Сынъ объяснилъ.

— Ахъ онъ, негодяй, ахъ наглецъ! вскрикнулъ старикъ: да я на него... да онъ у меня... Какъ онъ смѣетъ! Слышите-ли? Срокъ векселью еще къ Покрову; да и дѣла у насъ тоже со-

вѣстныхъ... Сколько общаго товару... Примусъ-ка считать, такъ можетъ еще и на него насчитаю. А онъ тебя впуталъ, угрожалъ....

— Полноте, папенька, оставьте его въ покоѣ. Ваши дѣла съ Ключковымъ я разобралъ и васъ въ обиду ему не дамъ. Хотя вы, извините, и банеротъ,—но еще не унывайте. Я не уйду отсюда, до тѣхъ поръ, пока не избавлю васъ, какъ отъ товарищества Ключкова вообще, такъ и отъ его угрозъ въ особенности. Обращусь въ купечеству. Моихъ сибирскихъ хозяевъ, чай, здѣсь знаютъ. Нужно будетъ, и по телеграфу съ Сибирью сплшемся. Словомъ, будьте спокойны. Мы съ няней снимемъ выѣску съ крыльца; а вы, куда слѣдуетъ, немедленно заявите о прекращеніи вашего агентства. Живите, папенька, по прежнему, съ старыми вашими друзьями, съ книгами, съ садомъ. А устроятся, не нынче — завтра, мои дѣла, тогда мы, и безъ вашего агентства, откроемъ задуманную вами школу. Такъ ли? идти?

— Идетъ, тихо вздохнулъ старикъ.

— А я и кахетинскихъ куръ опять посмотрѣла, радостно воскликнула Власевна: троицкая дяконница дешево продаетъ. Нашлось столько, что весь огородъ у нихъ выѣли. И самыя настоящія,—перо къ перу,—желтыя, есть и бѣлыя; а ноги тебѣ, какъ у гарнадера...

— Ну, и отлично, няня, заключилъ Антонъ Львовичъ: а теперь, папенька, пойдите, проводите меня въ Милунчикову...

— Мы пѣшкомъ, Антонюшка, пѣшкомъ. Тутъ недалеко, и проходиться не мѣшаетъ.

— Съ удовольствіемъ.

Сперва улицей, потомъ переулками отецъ съ сыномъ прошли на площадь, гдѣ была Московская гостинница и гдѣ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ, было помѣщеніе Милунчикова и Фокина.

Передъ одной изъ комнатъ, въ узенькомъ, полуосвѣщенномъ корридорѣ, Ветлугиныхъ встрѣтилъ совершенно растерявшійся Фокинъ.

Безъ галстука и въ растегнутомъ жилетѣ, онъ въ полголоса отдавалъ сѣшныя приказанія заспанному, гостинничному слугѣ, и сперва не замѣтилъ гостей. Лицо его было намучено тревогой и безсонницей, глаза красны, волосы всклоочены. Въ рукѣ онъ держалъ записку. «На извощива скорѣе, за докторомъ», сказалъ онъ, понукая слугу.

XXVI.

У П Р И С Т А Н И.

— Какія событія! восхлигнуль, завидя Антона Львовича и его отца, Фокинъ: кто бы могъ ожидать? Я думалъ о своемъ дѣлѣ начать хлопоты, а пришлось... Таковъ отличный человѣкъ, въ цѣлѣ дѣятельности, надежда общества, и вдругъ.

— Оно большею частью, съ подобными людьми, такъ-то вдругъ! замѣтилъ со вздохомъ Левъ Саввичъ: и изъ-за чего онъ себя погубилъ?... Дѣла общества плохи; но они еще не дошли до такого трагическаго діапазона, чтобъ прибѣгать къ этому утонченному виду самоубійства. Надо было бы терпѣть, ждать... Жаль его, жаль...

— Ну, что же теперь съ нимъ? спросилъ Антонъ Львовичъ: есть надежда?

— Вотъ, войдите, увидите сами,—сказалъ, глядя куда-то въ уголь, Фокинъ: тоскуетъ онъ; все это время метался, стоналъ... Боль очевидно адская... Сильная жажда, изрѣдка бредъ... Все говорить: воздуху мало... А какое мало! пуля, по словамъ доктора, пробилъ ребро и, зацѣпивъ верхушку праваго легкаго, остановилась въ груди... Я ему настежь раскрылъ всѣ окна... Говорить, напрасно увезли его изъ деревни,—тамъ бы свѣжѣе... Я отправилъ нарочнаго къ его брату—студенту; онъ тутъ, у одного учителя-пріятели, въ тридцати верстахъ. А это опять послалъ за докторомъ... Что-то ужъ очень подозрительно сталъ онъ поносить и даже будто храбрѣе... Это либо въ поправленію, либо скоро вапуть. Васъ-же, Антонъ Львовичъ, онъ раза три сегодня вспоминалъ... О какой-то все вашей статьѣ толковалъ въ бреду...

— Ну, а дѣло ваше... съ обидчиками? Были у слѣдователя?

— Ну, ихъ — я радъ, что и такъ отъ нихъ отдѣлался. До того-ли теперь!

Фокинъ махнулъ рукой. Онъ на цыпочкахъ провелъ гостей сперва въ свой номеръ, потомъ отворилъ дверь въ комнату Милунчикова.

Первое впечатлѣніе, при взглядѣ на эту комнату и на самого больного, подало посѣтителемъ нѣкоторую надежду. Ни запаха лѣкарствъ, ни вида бинтовъ, ворсіи и вообще какихъ-либо грозныхъ хирургическихъ препаратовъ, не было здѣсь. Гостилица этою стороною выходила въ смежный купеческій садъ. Въ

окна комнаты врвался свѣжій, напоенный ночнымъ запахомъ травъ и деревь, воздухъ.

Милунчиковъ лежалъ на кровати, облокотясь лѣвымъ бокомъ о подушки. Правый бокъ, прикрытый чистой простыней, странно вздувался отъ наложеннаго на него пузыря со льдомъ. Маленькое лицо Милунчикова стало какъ-бы еще меньше и было мертво-блѣдно. Глаза горѣли сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ. Грудь дышала порывисто и тяжело. Носъ заострился и потемнѣлъ.

— У пристани, у пристани! — надтреснутымъ, звенящимъ голосомъ проговорилъ Милунчиковъ, усиливаясь улыбнуться на встрѣчу входившихъ гостей: жизнь ставить точку, пунегумъ... Вотъ всѣ мнѣ пророчили, что умру отъ чахотки. А меня, — добавилъ онъ, тревожно вглядываясь въ лица посѣтителей: поддѣнила глупая пуля гусарскаго ремонтера... и вся-то она, представьте, съ горошину величиной, — засѣла проклятая въ самыхъ ребрахъ... Кто бы могъ думать, Антонъ Львовичъ, а? А бѣдняжка-то племянница моя, Аглая?... Ъдучи сюда, я о ней узналъ... Она умерла нравственно, я умираю физически...

— Полноте думать о смерти, перебить его, стараясь скрыть и собственное смущеніе, Антонъ Львовичъ: я полагалъ, что вамъ хуже; а вы молодцомъ. Крѣпитесь. Да и что падать духомъ? Еслибъ вы были ранены въ грудь на вылѣтъ, дѣло другое; а ваша рана положительно не опасна... Люди — съ пуль въ груди — живутъ по десяткамъ лѣтъ...

— Я и самъ такъ думаю, — пободрѣвъ и устремляя ласковый взглядъ на Фокина, сказалъ Милунчиковъ: вотъ, благодаря моему спасителю, пулю на дняхъ вынуть. Теперь еще нельзя. Придется, разумѣется, потерпѣть. Ну, да что-жъ дѣлать... Хочу, господа, безъ хлороформа... Теперь за то, пока, жуѣрую... Ахъ, васъ вспоминалъ сегодня, Антонъ Львовичъ. Представьте, нѣтъ худа безъ добра...

— Не говорите, Николай Ильичъ, такъ много, — вамъ вредно! остановилъ его Фокинъ.

— Нѣтъ, позвольте, не перебивайте, надо досказать, — закашляваясь страннымъ, звенящимъ кашлемъ, возразилъ Милунчиковъ: хочу Антону Львовичу сообщить одну весьма пріятную новость, а при этомъ скажу и одни стихи...

— Поезія! гдѣ она?... Аглая. — вотъ поезія, не правда-ли? лепнула, притягивая къ себѣ за руку Ветлугина, Милунчиковъ: знаете что? посватайтесь, вы ее можете спасете... Впрочемъ, извините — говорю, кажется, въ бреду, — жалъ ее, вотъ какъ жалъ...

Милунчиковъ, морщась, но удерживаясь отъ стоновъ, при-

поднялся на подушкѣ, закрылъ на мгновение отъ боли глаза, помолчалъ и, улыбаясь, проговорилъ вслухъ:

— Да, Антонъ Львовичъ, поздравьте... Губернская управа приняла, наконецъ, на дняхъ мои проекты, какъ объ открытїи новыхъ школъ въ здѣшнемъ уѣздѣ, такъ и объ изданїи самостоятельнаго, мѣстнаго органа нашего земства... Теперь-то мы станемъ работать, не нуждаясь въ столичныхъ изданїяхъ... Теперь-то закипать у насъ вопросы... Не въ Петербургѣ умъ, въ провинціяхъ...

Милунчиковъ опять помолчалъ.

— Я, какъ узналъ объ этомъ сегодня отъ доктора, продолжалъ онъ: то все думаю, думаю,—земство такъ и стоитъ у меня передъ глазами: споры, борьба съ враждебными элементами, съ собственною лѣнью и равнодушіемъ. Вѣдь земство, господа, единственная надежда общества...

— Полноте, полноте, не говорите такъ долго! остановилъ его Велугинъ-отецъ.

— Нѣтъ, погодите, перебилъ, замахавъ рукой, Милунчиковъ: едва оправлюсь, возьму отпускъ и напишу въ деревнѣ, для первой-же книжки нашего изданїа, статью, по мысли родственную съ вашей... о будущемъ... Да!.. нельзя не радоваться... Какъ это выразился поэтъ? помните?..

Милунчиковъ снова закрылъ глаза. Онъ еще болѣе поблѣднѣлъ, помолчалъ и, задыхаясь, тихо проговорилъ:

— Бессмертный Пушкинъ... Вотъ нашъ вождь. Вотъ гражданинъ... Рядомъ съ отчаяніемъ, у него всегда надежда. Помните его стихи изъ не вполне изданной, девятой главы Евгенїа Онегина? Какъ бишь это?.. Да, вспомнилъ:

«На берегъ радостный выносить
Мою ладью девятый валъ...»

— Онъ надѣялся, вѣрилъ, что и девятый, грозный валъ не всегда топить утле, житейскіе корабли...

Съ послѣдними словами, Милунчиковъ орончательно не выдержалъ, обезсилѣлъ, покачнулся и упалъ спиной на подушки. Глаза его полузакрылись. Щеки подѣрнулись синевою. Изъ груди продолжалъ вылетать рѣзкій, какъ-бы обо что-то цѣплявшійся и обрывавшійся свистъ.

Черезъ день Милунчикову стало хуже. Черезъ два онъ уже былъ въ непрерывномъ бреду. Велугины навѣщали его по нѣскольку разъ въ день. Зайдя къ нему какъ-то вечеромъ, они его застали въ лучшемъ состоянїи. Фокинъ отъ усталости и тревоги

не походилъ на себя. Больному нужно было перемѣнить повязку. Его приподняли, — онъ хотѣлъ что-то сказать, склонился и блѣдный, съ померкшими глазами, упалъ на руки Ветлуговыхъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги.

— Что? тихо спросилъ вошедшій докторъ.

— Обморокъ, отвѣтилъ Фокинъ.

Докторъ нагнулся въ кровати. У него были рѣдкіе, ровные и необыкновенной бѣлизны зубы, круглая лысинка и щегольскіе, свѣтлорускіе бакены. За нимъ вошелъ фельдшеръ. Удалясь въ сосѣдную комнату, Антонъ Львовичъ слышалъ, какъ Милунчикова приводили въ чувство, какъ онъ опять заговорилъ и какъ докторъ, прописавъ ему лекарство и сдавая его на ночь фельдшеру, на вопросъ больного: «скоро-ли операція? и буду ли я живъ?» отвѣтилъ: «операцію можно завтра: послѣ нея, вамъ овершенно будетъ лучше...»

— Ну что, докторъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ еще выздоровѣть? спросилъ Антонъ Львовичъ медика, выходя съ нимъ и съ Фокинымъ въ корридоръ. Ветлугинъ не хотѣлъ помириться съ мыслью, что онъ въ Милунчиковѣ потеряетъ послѣднюю надежду на спасеніе Аглы.

— Если у него есть отецъ, мать, сѣстры или братья, — сказалъ съ разстановкой докторъ, тонкими, въ перстняхъ, пальцами расчесывая шелковистые бакенбарды: то я бы на эту ночь посоветовалъ посадить у его изголовья кого-нибудь изъ сердечно-любимыхъ имъ его близкихъ... Остальнымъ же, господа, совѣтую лучше отсюда уйти...

— Почему? не смѣло спросилъ подошедшій Левъ Саввичъ: мы бы возлѣ него посидѣли, помогли бы ему.

— Помощи ему не нужно... Не мѣшайте ему... Пусть остается одинъ, съ своими надеждами на жизнь... Намъ болѣе нѣтъ тутъ дѣла. Мы... въ концѣ нашей латыни. Она здѣсь уже не при чемъ.

— Вы думаете? испуганно спросилъ Левъ Саввичъ.

— Онъ завтра въ вечеру, или много къ ночи, умрѣтъ... Агонія-же начнется, вѣроятно, около полудня. Его задушитъ эссудатъ, отѣкъ легкаго... Въ такихъ случаяхъ, это скоро... чикъ, и конецъ...

Докторъ слегка поклонился, сурово принявъ отъ Фокина что-то въ бумажкѣ, сѣлъ въ новенькіе щегольскіе дрожжи, нахмурился и, выпрямившись, какъ шесть, уѣхалъ.

— Погибъ! прошепталъ Левъ Саввичъ.

— А, вретъ онъ! сердито сказалъ Антонъ Львовичъ: точно всезнающій! медицина ошибалась, да еще какъ!

Прощаясь съ Фовинымъ, Ветлугины взяли съ него слово извѣстить ихъ, если съ больнымъ произойдетъ какая-либо перемена въ худшему, и также ушли.

— Какъ мнѣ его жаль, какъ жаль! повторялъ, идя обратно съ отцомъ, Антонъ Львовичъ: да! я бы, кажется, жизнь за него отдалъ... Сколько искренности, беззаветнаго увлеченія. Кажется, дѣла кругомъ вотъ какъ плохи, а онъ умираетъ, надѣясь и вѣря... Даже смѣшно...

Льву Саввичу показалось, что сынъ, говоря это, утиралъ слезы.

Ветлугины не сразу возвратились домой. Они, сами того не замѣчая, прошли въ ближайшее предмѣстье, взобрались, уже почти за городомъ, на обрывистый берегъ рѣки и, бесѣдуя, просидѣли тамъ, пока начался разсвѣтъ.

— Не вѣрю я въ будущее общества, — сказалъ, вставая, отецъ дуэль Милунчигова что? Явленіе исключительное... Страшенъ повсемѣстный застой, страшно равнодушіе всѣхъ къ своимъ дѣламъ.

Антонъ Львовичъ молчалъ. Свѣтлые, чистые образы Аглаи и Милунчигова не отходили отъ его глазъ.

Еще сумрачными, полными дремоты, улицами, Ветлугины пошли домой. Они не переставали говорить о Вечерневѣ и о его дочери, о Милунчиговѣ и о тѣхъ, кто выигрывалъ отъ ихъ общаго горя.

— Да неужели-же, сказалъ Левъ Саввичъ: и въ самомъ дѣлѣ, на весь этотъ сильный міръ негодяевъ, невѣждъ и глупцовъ, не явится кары по заслугамъ? Густая, ухъ, какая густая тьма еще кругомъ. И гдѣ, спрашиваю я тебя, спасеніе отъ общаго зла? Неужели мы такъ и не дождемся надежной пристани?

— А зачѣмъ намъ пристань? останавливаясь у своего двора, съ сердцемъ возразилъ Антонъ Львовичъ: рано намъ еще заботиться о пристани... Мы—общество юное. Намъ еще думать не о повоѣ. Вонъ, говорятъ, у насъ четыреста столичныхъ и провинціальныхъ журналовъ и газетъ; но за то и пятьсотъ монастырей. Видно, нашей ладѣ еще немало поситъя по бурнымъ житейскимъ волнамъ...

— По волнамъ-го, по волнамъ, сказалъ, переступая порогъ калитки, Левъ Саввичъ: только не всѣ мореходы возвращаются оттуда, куда пошли. Вотъ и Милунчиговъ сказалъ намъ полные надежды стихи о девятомъ валѣ... А старые моряки говорятъ, что на кого набѣжитъ этотъ роковой грозный валъ, тому не сбробовать. Захлестнѣтъ онъ и потопить всякаго... И выбрать же

Милунчиковъ какіе стихи!.. Даже и Пупынь, какъ нарочно, не кончилъ именно этой самой девятой главы, которую въ шутку сравнилъ съ гибельной для мореходовъ, но будто бы не для него, рокового волной.

— Да... какъ кому!—въ раздумьи, какъ-бы про себя, замѣтилъ Антонъ Львовичъ: иной разъ человѣкъ, кажется, вотъ-вотъ окончательно погибъ. А глядишь, его опять вынесла эта-же грозная пучина на радостный берегъ...

У него еще роились кое-какія надежды. Онъ уповалъ на выздоровленіе Милунчикова, а съ нимъ и на перемѣну въ судьбѣ Аглаи.

Отецъ сомнительно покачалъ головой. Они подошли къ крыльцу. Здѣсь, прикорнувъ у ступеней, ожидала ихъ Власьева.

— Ты, няня, уже встала? спросилъ Антонъ Львовичъ: не спишь?

— Я всю ноченьку, другъ ты мой, глазъ не смыкала... Вотъ тебѣ записка...

Власьева утирала слезы.

— Отъ кого? спросилъ Антонъ Львовичъ.

— Эготъ-то толстый, Фовинъ, что-ли, сперва самъ на извозчикѣ прибѣгалъ, а, не заставъ васъ, прислалъ это письмо.

— Что же, видно, Милунчикову хуже? спросили въ одинъ голосъ сынъ и отецъ.

— Читайте; вотъ я и свѣчу зажгу,—сказала Власьева: ланпадеку въ спальнѣ давно засвѣтила... сказываютъ, плохо ему...

Антонъ Львовичъ вслухъ прочелъ слѣдующія строки Фокина: «Докторъ ошибся. Агонія у нашего бѣднаго друга началась ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ уже въ безпамятствѣ...»

— Ну, Антоша, ты человѣкъ молодой, ложись спать, — сказалъ, опять сходя съ крыльца, Левъ Саввичъ: а я—старикъ... пойду, взгляну на Милунчикова. Закрою ему глаза...

— Нѣтъ, папенька, пойдѣте вмѣстѣ... Мнѣ дорого принять его послѣдній вздохъ. Да, навонецъ...

Антонъ Львовичъ не договорилъ.

Ветлугины вышли снова на улицу, разбудили спавшаго вблизи извозчика, доѣхали до гостинницы и робко ступили въ корридоръ.

Здѣсь, сверхъ ожиданія, все еще спало и было спокойно. Только изъ крайней двери на право раздавался какой-то странный, гудящій и звенящій звукъ, точно тамъ проснулся ретивый и неугомонный мастеровой, слесарь или токарь, — сѣлъ онъ за станокъ и завелъ уже свою далеко-слышную и надоѣдающую мирнымъ сосѣдямъ шестерню.

— Не ошиблись ли мы комнатою? подхожда къ этой двери, сказалъ Левъ Саввичъ.

Но они не ошиблись. Ихъ на порогѣ той комнаты встрѣтилъ Фокинъ и фельдшеръ.

— Что у васъ... тамъ за дверью? робко спросилъ старикъ, испуганными, растерянными глазами указывая налѣво.

Фокинъ бережно отворилъ эту дверь.

Комната Милунчикова приняла нѣсколько другой видъ. Перегѣ ея теперь помѣщалась створчатая, обитая зеленымъ, потемнѣлымъ коленкоромъ ширма. По одну сторону ширмы, передъ круглымъ столикомъ, стоялъ въ старенькой рясѣ и со свѣчей въ рукѣ, не громко читая отходную, худенькій священникъ. Левъ Саввичъ нагнулся, поглядѣлъ въ щелку ширмы и дрожащею рукою привлекъ къ ней сына.

— Къ пристани, къ пристани идетъ! зашептала, всхлипнувъ, старикъ: скоро счастливѣе всѣхъ насъ будетъ...

Антонъ Львовичъ также приникъ къ ширмѣ. За нею, вытянувшись во весь ростъ и со сложенными на груди руками, неподвижно лежалъ на кровати Милунчиковъ. Онъ дѣйствительно подходилъ къ пристани: бредилъ въ послѣдней агоніи.

Ему грезилась нѣкая обширная храмина, ораторы на трибунѣ, рѣчи о благѣ страны, рукоплесканія... Грудь его вздымалась судорожно и высоко. Нечеловѣческіе, гудящіе и свистящіе звуки, какъ отъ расшатавшейся, сорвавшейся съ оси шестерни, вылетали изъ этой груди. Видно было, какую борьбу за жизнь поддерживали эти, еще недавно живыя силы.

— Если это смерть,—пожимая руку сыну, сказалъ блѣдный, какъ полотно, Левъ Саввичъ: то могу одно замѣтить, что это желая, мрачная исторія...

На похороны Милунчикова Антонъ Львовичъ не пошелъ. Въ день этихъ похоронъ, онъ поднялся на вышку, легъ ничкомъ на постель и такъ, не раздвѣваясь, пролежалъ болѣе сутокъ.

— Что съ тобою, Антонушка, другъ мой? спросилъ, навѣстивъ его, Левъ Саввичъ. Сынъ ничего не отвѣтилъ. Старикъ нѣсколько разъ послѣ того опять поднимался на вышку, стоялъ на порогѣ комнаты сына, прислушивался, не стонетъ ли, не вздыхаетъ ли онъ, качалъ головой и уходилъ.

Сынъ легъ однимъ челովкомъ, всталъ другимъ. Лицо его стало блѣдно, осунулось. Глаза были сухи. Но онъ не жаловался ни на что. Всталъ и принялся за дѣла. Снесся съ хозяевами, посѣщалъ купцовъ, биржу.

Выѣска съ крыльца была снята и спрятана на чердакъ; картонки и касса отосланы знакомому нотаріусу. Разсылный рассчитанъ. Власьева наняла поденщицу и съ нею вымыла щелочкомъ не только полы, окна и двери въ домѣ, но и оба крыльца. А когда все было приведено въ прежній порядокъ, достала святой воды и обрызгала ею всѣ комнаты. Левъ Саввичъ велѣлъ затопить печь въ кабинетѣ и тайкомъ отъ сына бросилъ въ нее кучу книгъ, которыя было завелъ: туда попали—руководство къ промышленнымъ предпріятіямъ и къ высшей коммерціи, вексельный уставъ и другія. Портреты Ротшильда и Стефенсона также были брошены въ огонь.

Черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ Милунчикова, Антонъ Львовичъ собрался, наконецъ, въ путь и послалъ за почтовыми лошадьми. Вечерѣвъ, котораго онъ въ это время не разъ навѣщалъ, по прежнему его не узнавалъ. Доктора нашли Кирилу Григорыча безнадежнымъ. Аглая, по слухамъ, также заболѣла.

— Куда же ты теперь, Антонушка? спросилъ, стараясь казаться бодрымъ, Левъ Саввичъ: опять умчишься далеко!...

— Я устроилъ, папенька, ваши дѣла, перевелъ и остальные ваши обязательства на себя,—отвѣтилъ Антонъ Львовичъ: теперь вамъ остается начать вашу прежнюю, беззаботную жизнь. Не печальтесь. Я предчувствовалъ, что ваши затѣи съ агенствомъ—случайное, навѣянное другими настроеніе — и я отъ души радуюсь тому, что вы отъ него отказались...

Сынъ обнялъ и поцѣловалъ отца.

— Но куда же ты теперь, куда? спросилъ опять отецъ.

— Я долженъ немедленно заняться дѣлами моихъ хозяевъ-сибиряковъ. Вы уже знаете, что съ ними, въ мое отсутствіе, приключилась немалая бѣда: московскіе, первостатейные купцы, отъ имени которыхъ они вели азіатскую торговлю, получили отъ нихъ послѣдніе товары и вдругъ прекратили платежи... Дѣло обыкновенное, заурядное... Надо, видно, приниматься за прежнія занятія юстиціей и начинать въ защиту хозяевъ процессъ.

— Что же, помоги тебѣ судьба.

Передъ выѣздомъ отъ отца, Антонъ Львовичъ отправилъ въ Москву, въ Столешникову, слѣдующее письмо:

«Благодарю тебя, любезный Аввакумъ, за указаніе новаго мѣста твоего жительства. Это пригдилось мнѣ скорѣе, чѣмъ я ожидалъ. Послѣ столь долгой разлуки съ тобой, въ твое жилище въ Москвѣ, вѣроятно, вскорѣ за симъ явится и самъ писавшій эти строки. Ты во многомъ еще идеалистъ; но касательно меня, кажется, угадать... Между нами и тѣми, кто въ настоящее время

не съ нами, кто на той, болѣе сильной теперь сторонѣ, примиреніе, дѣйствительно, повидимому, не возможно. Меня подхватила роковая волна... Куда она меня унесетъ, не знаю. Но не будемъ унывать и пойдемъ на встрѣчу ожидающей насъ и нашихъ друзей борьбы... Пока ѣду въ Сибирь, а тамъ, черезъ мѣсяць, черезъ два,—я у тебя.—Твой А. Ветлугинъ.»

Къ отцу Ветлугинъ, мѣсяць назадъ, пріѣхалъ рано утромъ. Выѣхалъ онъ отъ него теперь поздно вечеромъ. Власевна плакала на взрыдъ. Она дѣйствительно отнесла Ключову обратно его подарки,—какъ кофту, такъ и часы съ кукушкой.

Ключковъ, однако же, не унывалъ...

Въ благородномъ клубѣ, въ тотъ день, былъ по подпискѣ обѣдъ. Проѣзжая мимо клуба, Ветлугинъ, на убранномъ цвѣтами его балконѣ, увидѣлъ оживленное общество. Среди нѣсколькихъ губернскихъ тузовъ, во фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ и съ сигарой въ рукѣ, стоялъ Ключковъ. Онъ очевидно былъ въ отличномъ настроеніи духа: о чемъ-то ораторствовалъ, размахивалъ руками. Тузы глубокомысленно его слушали. «Не стѣсняется и во всемъ вѣренъ себѣ!» подумалъ, глядя на него, Ветлугинъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, Ветлугина захватила ночь.

Теплый воздухъ снящихъ полей былъ неподвиженъ. Мѣсяць въ эти ночи уже вовсе не всходилъ. Небо за то мерцало тысячами звѣздъ.

«Аглаа!... думалъ Ветлугинъ: отецъ ея сказалъ, что этимъ же именемъ называется одна изъ звѣздъ, между Юпитеромъ и Марсомъ, и что путь ея совершается вокругъ солнца въ четыре года и во сколько-то дней...»

Ветлугинъ невольно поднялъ глаза къ небу и сталъ на немъ чего-то искать.

Тележка быстро катилась по мягкой, столбовой дорогѣ. Звѣзды тихо мерцали въ безоблачной вышинѣ.

Г. ДАНИЛЕВСКІЙ.

ОБЩЕГЕРМАНСКОЕ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЕЧАТИ

Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.

VI *).

Наставая на юридическомъ порядкѣ по дѣламъ печати, практическіе дѣятели Германіи необходимо должны были натолкнуться на вопросъ: удовлетворяетъ ли вообще печать условіямъ преступнаго способа дѣйствія, можетъ ли печатное слово быть разсматриваемо какъ одно изъ средствъ, способныхъ произвести дѣйствительное нарушеніе различныхъ правъ? Предлагавшіеся на него отвѣты были весьма разнообразны, что зависѣло не только отъ различія интересовъ тѣхъ партій, которыя его поднимали, но—и главнымъ образомъ—отъ общаго состоянія духа данной эпохи и у даннаго народа.

Если мы бросимъ взглядъ въ глубину вѣковъ, когда печатный станокъ еще не былъ изобрѣтенъ, то мы натолкнемся на такое состояніе общественнаго духа, въ виду котораго утвердительный отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ не могъ быть подвергнутъ ни малѣйшему сомнѣнію. Человѣческое слово вообще, и въ частности писаное слово, признавалось силою, имѣющею всѣ атрибуты всякой другой силы и способною непосредственно производить измѣненія въ мірѣ объективныхъ явленій.

*) См. выше: мнв. 284 стр.

Своимъ словомъ человѣкъ вызывалъ духовъ и повелѣвалъ ими, слово было гигантскимъ орудіемъ чародѣйства. Граница между субъективнымъ и объективнымъ еще не установилась, то и другое представлялось въ непосредственной связи. Давая такое громадное значеніе слову, считая безспорною возможность совершать имъ непосредственно различныя нарушенія чужихъ благъ, человѣкъ того времени долженъ былъ безъ всякихъ оговорокъ признать слово равнымъ дѣлу. «Dicere est facere», говорилъ онъ, и переносилъ на dicere начала отвѣтственности, успѣвшія выработаться и окрѣпнуть для facere. Слово могло оскорбить божество, могло погубить весь народъ, точно также, какъ землетрясеніе, наводненіе и т. п., только потому, что вылетѣло изъ устъ говорящаго или заносилось на бумагу. Въ особенности слово писанное долго удерживало за собой мистическій смыслъ ¹⁾. Тѣмъ же порядкомъ представленій объясняется, что слово, какъ и другія явленія, человѣкъ стремился свести въ сверхъестественному источнику, въ вѣдѣнію высшихъ силъ, управляющихъ природою. Какъ хорошее слово представлялось голосомъ божества или духовъ свѣта, такъ дурное — голосомъ сатаны или духовъ тьмы. Борясь противъ тѣхъ или другихъ идей, человѣчество долго было убѣждено, что оно борется противъ сатаны, и это убѣжденіе сообщало поразительную энергію его преслѣдованіямъ. Потому же оно запрещало не только писать, но даже читать дурное слово: это значило входить въ сношенія съ сатаной и подвергаться его искушеніямъ. Глубоко поучительны въ этомъ отношеніи многія страницы, встрѣчающіяся у Ллорента, въ его исторіи испанской инквизиціи. Даже на высокопоставленныя духовныя лица это запрещеніе распространялось во всей его строгости, и когда, въ 1564 году, при папѣ Піѣ IV, найдено было необходимымъ пре-

¹⁾ Да не сохранило ли его оно до нашихъ дней въ нѣкоторыхъ классахъ народа? Изслѣдованіе этого вопроса дастъ весьма богатый и благодарный матеріалъ тому, кто возьмется поднять его. Не цитируя множество мѣстъ, подтверждающихъ эту мысль, я приведу лишь одинъ интересный случай, котораго я былъ свидѣтелемъ. Въ кружкѣ, гдѣ было нѣсколько кавказцевъ, какъ-то зашла рѣчь о достоинствахъ одного лица; мнѣнія были разныя. Кто-то называлъ его подлецомъ. Одинъ изъ кавказцевъ горячо протестовалъ противъ этого обвиненія, но видя, что его доводы не смягчаютъ обвинителя, предложилъ ему написать связанное имъ. Когда послѣдній на клочкѣ бумаги написалъ: „NN подлець“, кавказецъ видимо оторопѣлъ, нѣсколько разъ прочитавъ написанное, пробормоталъ: „такъ это вѣрно... вѣрно...“, и болѣе не рѣшился возражать ни слова. Чорту можно было продать душу только письменно; кавказецъ вѣрить обвиненію только послѣ того, когда оно написано. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ мистицизмомъ, съ тѣмъ состояніемъ человѣческаго духа, которое свѣшивается въ одну безразличную массу субъективное съ объективнымъ.

доставить кардиналамъ конгрегаціи право преслѣдованія ересей и даже обязанность читать еретическія книги, какъ для публичнаго опроверженія лжеученій, такъ и для убѣжденія еретиковъ отступиться отъ своихъ заблужденій; то намѣстникъ римскаго престола счелъ необходимымъ успокоить ихъ совѣсть своимъ высокопастырскимъ разрѣшеніемъ этого необходимаго грѣха (*absque aliquo conscientiae scrupulo*). Положеніе Гусса: *Libri haereticorum sunt legendi, non comburendi, dum in ipsis veritas continetur* (еретическія книги должны быть читаемы, а не сожигаемы, потому что въ нихъ содержится и истина) вызвало цѣлую бурю въ духовномъ мірѣ того времени, и тѣ богатые цитаты изъ сочиненій отцовъ церкви, тѣ остроумныя сближенія, которыми полна его диссертация «*De libris haereticorum*», только прибавили энергии его врагамъ. Много еще лѣтъ спустя, этотъ взглядъ держался въ жизни, и даже протестантизмъ заплатилъ ему крупную дань. Лютеръ считалъ необходимымъ запретить въ школахъ книги Ювенала, Катула, Марціала, Виргилія и другихъ писателей времени римскаго язычества; его нетерпимость къ сектантамъ протестантизма составляетъ не менѣе извѣстный историческій фактъ. У Квика и Эймона, собравшихъ акты евангелическихъ синодовъ Франціи, есть множество примѣровъ запрещенія читать сочиненія различныхъ авторовъ. Въ Пруссіи, Фридрихъ В. тщетно старался помирить реформаторовъ съ лютеранами, боровшихся за право взаимной нетерпимости. Въ области религіозной смѣшенію субъективнаго съ объективнымъ и мистическому взгляду на слово отдали дань языческая древность, католицизмъ и протестантизмъ. Но одинаковая причина должна была вызвать аналогическіе результаты и въ другихъ областяхъ человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ ихъ и въ области политической. Теологи непреложно вѣрили, что дурное слово есть результатъ злого духа, сатаны, и что потому преслѣдованіе такого слова есть лучшая мѣра борьбы съ сатаной. Въ силу того же закона мышленія, политики прежняго времени непреложно вѣрили, что мнѣніе, возникающее противъ существующихъ общественныхъ формъ, есть результатъ исключительно злого человѣческаго духа, нежеланія видѣть очевидную истину, и потому репрессивное преслѣдованіе антигосударственнаго мнѣнія разсматривалось, какъ лучшее — даже болѣе, какъ единственное средство обезцѣпить нормальный ходъ государственной жизни. Тѣ и другіе были убѣждены, что мнѣніе само собою можетъ разрушать то, противъ чего оно направлено. Ошибка теологовъ и политиковъ была одна и та же: они смотрѣли на мнѣніе, какъ на голый и непосредственный результатъ духа,

въ его теологической или метафизической обрисовкѣ, забывая, что процессъ возникновенія и образованія мнѣній гораздо болѣе сложенъ. Всю реальную почву впечатлѣній, порождающую въ человѣкѣ его мнѣнія и сообщающую характеристическія черты каждой исторической эпохѣ, по неумѣнью распознать ее они замѣняли причинами болѣе простыми, скорѣе бросающимися въ глаза при смѣшеніи субъективнаго съ объективнымъ, но за то и гораздо болѣе сомнительными, — сводя всякое мнѣніе къ индивидуальной волѣ, поддавшейся разнымъ злымъ духамъ. То же самое явленіе мы встрѣчаемъ и въ области частныхъ отношеній. Человѣкъ прежде придавалъ гораздо больше значенія слову и вѣрилъ, что оно само по себѣ можетъ нарушать его разнообразныя частныя права. Онъ хранилъ свою жену отъ наговора, свою дочь — отъ дѣйствія любовныхъ талисмановъ, своихъ сыновей — отъ дьявольской порчи словомъ злого человѣка, свою скотину — отъ зловѣщій чародѣя. Когда онъ былъ въ силахъ мстить, его мсть за дурное слово была страшна и не знала предѣловъ. Тутъ все позволялось.

Этотъ самый порядокъ представленій процвѣталъ и въ государствахъ того времени, на долю котораго выпала славная честь изобрѣтенія типографскаго станка. Въ эту эпоху, государство еще нерѣдко отождествляло свои интересы съ интересами церковными и проводило идею управленія обществомъ, между прочимъ, при посредствѣ религиозныхъ догматовъ. Вотъ почему, пока на знамени его была написана опредѣленная церковь, предлагавшая по взглядамъ эпохи объективный масштабъ истиннаго и ложнаго, правительство выступало противъ религій, принадлежавшихъ къ противоположному лагерю и объявлявшихъ другія начала для распознанія истинности нравственныхъ понятій. Но смѣшеніе субъективнаго съ объективнымъ, характеризующее болѣе раннія страницы исторіи каждаго государства, должно было смѣниться въ его дѣятельности гораздо раньше, чѣмъ сознаніе отдѣльности и самостоятельности ихъ успѣло развиться въ дѣятельности частной. Выбщая въ себѣ многообразные элементы, государство не могло долго давать предпочтеніе одному изъ нихъ передъ всѣми другими, съ одной стороны потому, что этотъ порядокъ вещей нарушалъ существеннѣйшіе его интересы, съ другой — и потому, что вызывавшаяся имъ коллизія силъ не всегда окончивалась благопріятно для господствующихъ интересовъ и постоянно ослабляла ихъ. Вотъ почему исторія не даетъ намъ примѣровъ долгихъ, безпрестанныхъ періодовъ религиознаго преслѣдованія: предписанія высшихъ властей или разбивались о

сопротивленія низшихъ элементовъ управленія, или уступали мѣсто новымъ постановленіямъ противоположнаго свойства. Вареевская ночь дала нантскій эдиктъ, протестантскія начала въ Англіи быстро мѣнялись государствомъ на католическія, и наоборотъ. Словомъ, уже въ виду чрезвычайно вѣскихъ соображеній соціальной экономіи, которыя нерѣдко протестовали съ мечомъ въ рукахъ, государство начинаетъ раньше отказываться отъ смѣшенія субъективнаго съ объективнымъ, чѣмъ частное лицо въ своей частной сферѣ дѣятельности. Англія эпохи Вильгельма Оранскаго и Анны уже успѣла сдѣлать многое въ интересахъ религіозной терпимости, а между тѣмъ Анна и многіе врачи ея времени еще вѣрили, что прикосновеніе руки монарха къ больному способно исцѣлять нѣкоторыя болѣзни лучше всякихъ лекарствъ. Исторія полна подобными примѣрами.

Но несравненно болѣе важное вліяніе оказало на этотъ вопросъ общее духовное развитіе человѣчества. Съ расширеніемъ знаній и увеличеніемъ массы наблюденій, человѣкъ мало-по-малу началъ отказываться отъ прежняго мистическаго взгляда на слово вообще и на писанное въ частности. Съ одной стороны, слово перестаетъ представляться ему какъ результатъ дѣятельности духовъ, добрыхъ или злыхъ, и ставится имъ на болѣе сложную, но зато и болѣе вѣрную почву обстоятельствъ и условій, окружающихъ человѣка, вызывающихъ въ немъ тѣ или другія впечатлѣнія, потребности и мнѣнія. Эти многообразныя условія, прежде смѣшивавшіяся въ одну безразличную массу подъ знаменемъ мистицизма, не умѣвшаго отдѣлить субъективнаго отъ объективнаго, начинаютъ мало-по-малу завоевывать признаніе своей самостоятельности, являясь элементами существенно необходимыми для произведенія того или иного мнѣнія. Измѣненіе же во взглядѣ на возникновеніе мнѣній, съ другой стороны, должно было вызвать и дѣйствительно вызвало измѣненіе въ отношеніи человѣка къ мнѣніямъ, которыя провозглашались другими лицами. Явилась критика, возможная только съ того момента, когда мнѣніе, переставъ быть произвольнымъ результатомъ духа, стало разсматриваться въ связи съ вызвавшими его условіями. Явилось убѣжденіе, что непосредственно слово не въ состояніи произвести измѣненій во внѣшнемъ мірѣ, такъ какъ, переставъ быть орудіемъ духовъ, оно спустилось въ область, гдѣ дѣйствіе его стало обуславливаться тѣмъ, готовы ли третьи лица принять его, или нѣтъ. Потерявъ свой прежній характеръ непосредственности, слово стало разсматриваться лишь какъ возможное орудіе посредствующихъ вліяній на область внѣшнихъ явленій. Измѣненіе здѣсь совер-

шенно аналогично тому, которое замѣчено во взглядѣ на процессъ возникновенія мнѣній. Тамъ выяснилась сложная группа реальныхъ условій возникающихъ мнѣній; здѣсь—между словомъ и его дѣйствіемъ на внѣшній міръ—стала группа посредствующихъ элементовъ, безъ которыхъ слово осуждено на смерть. Отсюда рядъ весьма богатыхъ практическими результатами выводовъ, въ корень измѣнившихъ отношеніе государственной дѣятельности къ мысли и ея автору. Пока мистическій взглядъ на слово уничтожалъ возможность критики, репрессивныя мѣры теологическихъ и административныхъ органовъ государства были единственными орудіями, которыя находились въ рукахъ человѣка для борьбы съ мнѣніями, становившимися въ антагонизмъ съ условіями человѣческой общественности. Пока продолжалась вѣра въ силу духовъ, въ ихъ теологической или метафизической обрисовкѣ, на возникновеніе мнѣній, и въ непосредственное вліяніе на внѣшній міръ вызываемаго ими слова, послѣднее было «воломъ искупленія» за всѣ бытовыя условія, сдѣлавшія его необходимымъ или возможнымъ. Отпала эта вѣра—и человѣкъ, путемъ воспитанія, образованія и реформы общественной жизни, выучился управлять чужими мнѣніями; выучился распознавать, какія мнѣнія должны явиться при данныхъ условіяхъ, и какихъ результатовъ можно ждать отъ нихъ. Отпала эта вѣра—и вмѣстѣ съ нею отпала та страстность репрессивнаго преслѣдованія мнѣній и ихъ автора, которая характеризуетъ мистическую эпоху. Но окончательно преслѣдованія слова не уничтожились. Подъ вліяніемъ постепенно измѣнявшихся взглядовъ, онѣ приняли лишь новое направленіе, получили новую точку прицѣла, замѣнили одинъ признакъ преступности другимъ, въ свою очередь смѣнившимся послѣдующими.

Въ самомъ дѣлѣ, въ существѣ этого новаго направленія въ исторіи отношенія государства къ мысли и слову вовсе не заключается требованія, чтобъ слово было освобождено отъ всякаго репрессивнаго преслѣдованія. Слово перестало быть орудіемъ, которое могло оказывать непосредственное дѣйствіе на явленія внѣшняго міра,—это правда,—и отсюда былъ сдѣланъ логически необходимый выводъ, что *въ этомъ своемъ качествѣ* слово не подлежитъ преслѣдованію. Но, потерявъ значеніе непосредственнаго орудія воздѣйствія на внѣшній міръ и, слѣд., на область юридическихъ отношеній, слово стало разсматриваться какъ возможное орудіе посредствующаго вліянія, при помощи тѣхъ силъ, которыя направляются имъ къ этой цѣли. Силы эти суть силы читателей или вообще слушателей слова. Исторія извѣстно мно-

жество примѣровъ слова, которое, упавъ на соответствующую ему почву, производило дѣйствительные и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма крупныя измѣненія въ мірѣ человѣческихъ отношеній. Сознаніемъ этой идеи проникнуты и писатели, энергія которыхъ можетъ быть объяснена только глубокимъ убѣжденіемъ въ плодотворность ихъ дѣятельности, т.-е., вѣрою въ слово, какъ въ одну изъ великихъ силъ общественной жизни. Попытка Эмиля де-Жирандена обезпечить юридическую безотвѣтственность печатнаго слова на томъ будто бы основаніи, что въ мірѣ политическихъ силъ оно является ничтожествомъ, обреченнымъ на импотенцію — не болѣе, какъ одинъ изъ *tourgs de force* французскаго остроумія, приправленный обыкновеннымъ софизмомъ этого писателя. Даже то обстоятельство, что слово не можетъ быть признано орудіемъ непосредственнаго вліянія на социальныя отношенія, вовсе не составляетъ такой черты, которая чужда другимъ человѣческимъ дѣйствіямъ. Напротивъ, ни одно дѣйствіе, какъ бы ни было ясно право государства примѣнить къ нему мѣры репрессивнаго преслѣдованія, не можетъ вызвать какія бы то ни было измѣненія въ сферѣ юридическихъ отношеній, какъ свои непосредственныя послѣдствія: всякое дѣйствіе требуетъ для этого массу посредствующихъ силъ и условій. Возьмите примѣръ самый очевидный—убійство выстрѣломъ изъ пистолета. Дѣйствіе убійцы ограничивается тѣмъ, что онъ прицѣливается и давить собачку пистолета въ опредѣленномъ направленіи; выстрѣлъ же происходитъ и окончивается смертью другого лица въ виду устройства пистолета, свойствъ пистона и пороха, устройства организма жертвы преступленія и массы другихъ силъ и условій, которыя не создаются дѣятелемъ, но на которыя онъ рассчитываетъ, точно также какъ писатель, предлагающій свое слово, рассчитываетъ на силы читателей и на условія ихъ окружающія. Только благодаря этимъ посредствующимъ силамъ и условіямъ, какъ дѣйствіе въ собственномъ смыслѣ, такъ и слово во всѣхъ его формахъ, производятъ тѣ измѣненія во внѣшнемъ мірѣ, на которыя онѣ направляются и которыя зовутся ихъ послѣдствіями.

Но, сходясь въ этомъ отношеніи съ внѣшнимъ дѣйствіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, слово представляетъ и рѣзкія особенности. Первое, направляясь на свое послѣдствіе, производитъ его при помощи такихъ посредствующихъ силъ, которыя уже въ силу естественныхъ законовъ своего существованія необходимо принимаютъ то, а не другое направленіе, если имъ будетъ данъ опредѣленный толчокъ. Второе, напротивъ, пользуясь и силами этого рода, гораздо чаще прибѣгаетъ къ помощи та-

нихъ посредствующихъ силъ, которыя обладаютъ собственнымъ самоопредѣленіемъ въ болѣе или менѣе замѣтной степени. Читатель и слушатель, прежде чѣмъ перейти къ исполненію, взвѣшиваютъ въ своемъ умѣ доводы автора, обсуживаютъ ихъ и даютъ окончательный отвѣтъ не только по тѣмъ основаніямъ, которыя указаны авторомъ, но и по своимъ собственнымъ мотивамъ. Это различіе съ особенною силою для области слова ставитъ вопросъ: когда оно можетъ быть признано причиною разнообразныхъ внѣшнихъ послѣдствій, вызванныхъ имъ, и когда, наоборотъ, оно не возвышается далѣе значенія повода? Каковы признаки, лежащіе въ самомъ характерѣ слова или въ окружающей его обстановкѣ, которыя въ силахъ дать возможность провести рѣзкую грань между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ?

VII.

На отысканіе этихъ-то признаковъ и были направлены усилія германской науки и практическихъ дѣятелей, которымъ, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, приходилось высказывать свой голосъ о законодательствѣ печати. Ихъ путь былъ уже значительно расчищенъ романскими націями и тѣмъ, общимъ для всей западной Европы, движеніемъ къ освобожденію личности отъ государственнаго абсолютизма, которое, начавшись еще въ XVI-мъ столѣтіи, въ наши дни стало окончательно выясняться.

Движеніе это, какъ извѣстно, потому и было прочно, что оно сознательно и прежде всего направилось на освобожденіе внутренняго чловѣка, его міра убѣжденій и мысли, отъ государственной зависимости. Воспитанное эпохою возрожденія, показавшее христіанскому міру, что и языческая древность способна была возвыситься до неподражаемаго совершенства въ области искусства и обогнала тогдашній христіанскій міръ даже въ области науки, движеніе это началось отрѣшеніемъ отъ идеи религіозной замкнутости и нетерпимости, характеризовавшей средневѣковую Европу. Домашнія неурядицы въ мірѣ христіанскомъ, личный развратъ папъ и духовенства при самой смѣлой требовательности религіозной чистоты отъ непосвященныхъ, ихъ политическая заносчивость, возростающая по мѣрѣ того, какъ политическая сила выходила изъ ихъ рукъ, откупная система должностей и религіозныхъ требъ, — всѣ эти обстоятельства соединили самыя разнообразныя партіи и общественные классы противъ па-

пизма, и свобода религіознаго убѣжденія была первымъ плодомъ, который принесенъ интересующимъ насъ движеніемъ.

Это былъ первый шагъ въ исторіи освобожденія мысли. Она сбросила съ себя зависимость отъ церкви. Но затѣмъ оставались еще общественные предрасудки, давленіе политическихъ интересовъ и масса другихъ условій, дѣлавшихъ невозможнымъ свободный анализъ окружающихъ явленій. Къ ниспроверженію ихъ и была направлена дальнѣйшая дѣятельность новаго движенія. Оно кончилось успѣшно, побѣда его была признана, оставалось формулировать словами закона тѣ результаты, къ которымъ она привела.

Задачу эту взяли на себя главнымъ образомъ укладныя (конституціонныя) грамоты. Формула, выбранная ими, остановилась на наукѣ. Наука признана безусловно независимою отъ государственнаго вмѣшательства, каковъ бы ни былъ ея предметъ, каковы бы ни были ея отвѣты. Все, что бы ни сказала наука, юридически безразлично; но мысль, не удовлетворяющая условіямъ науки, можетъ дать мѣсто государственному вмѣшательству.

Весьма скоро оказалось, однако, что мнѣніе государственныхъ людей, будто бы принадлежность или непринадлежность мысли къ области науки составляетъ прочный объективный признакъ различія между словомъ юридически-безразличнымъ и могущимъ быть предметомъ юридической отвѣтственности, было не болѣе, какъ неудавшаяся мечта. Законъ не опредѣлилъ, да и не могъ опредѣлить понятія науки, такъ что на практикѣ очень скоро и настойчиво былъ поставленъ вопросъ: что считать наукой, какое выраженіе мысли, какое слово должно быть признано принадлежностью ея, и какое, напротивъ, не вправѣ претендовать на эту роль? Неудачные и сбивчивые отвѣты, дававшіеся на этотъ вопросъ, убѣдили лишь въ одномъ, что научность или ненаучность мысли не можетъ быть признакомъ, на которомъ должно и можно построить юридическую теорію отвѣтственности слова. Но не безынтересно прослѣдить попытки, имѣвшія мѣсто по этому вопросу; исторія ихъ поучительна, какъ урокъ будущему.

Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Германіи замѣчается направленіе, поддерживавшееся еще знаменитымъ Мозеромъ и осмѣянное Гейне, согласно которому научность или ненаучность сочиненія должна опредѣляться по официально-ученому положенію ихъ авторовъ. Исслѣдованія изъ области права и политики, только прикрываясь авторитетомъ докторовъ правъ и профессоровъ юридическихъ факультетовъ, могли рассчитывать на пропускъ и нѣкоторую неприкосновенность со стороны органовъ го-

сударственной власти, точно также какъ богословскія сочиненія рекомендовалось прикрывать именемъ докторовъ теологін. Но, сдѣлавшись удѣломъ немногихъ, спустившись на степень привилегіи, возбуждавшей зависть и неудовольствіе тѣхъ, которымъ было въ ней отказано, право свободнаго изслѣдованія eo ipso оказалось весьма непрочнымъ и для классовъ, которымъ оно было пожаловано. Самый незначительный поводъ былъ достаточенъ, чтобы выставились серьезныя сомнѣнія противъ оставленія права за докторомъ или профессоромъ, навлекшимъ неудовольствіе. Съ другой стороны, эпохѣ общаго антагонизма привилегіямъ болѣе всего не гармонировали привилегіи въ области мысли, и потому этотъ порядокъ разрѣшенія поставленнаго вопроса угасъ, не оставивъ никакихъ слѣдовъ.

Другая попытка разрѣшенія его принадлежитъ по преимуществу Франціи, но она имѣла подражателей и въ Германіи. Все человѣческое знаніе, даже по взглядамъ, живущимъ во Франціи до сихъ поръ, распадается на знаніе научное и знаніе литературное или словесное, *les sciences* и *les lettres*. Къ *sciences* относятся только, такъ-называемыя, науки точныя, къ *lettres*—всѣ остальные, причемъ иногда богословскія и юридическія науки выдѣляются въ отдѣльныя группы. Къ этому-то литературно-историческому дѣленію пробовало примкнуть и законодательство, ограничивая область юридически-безразличнаго слова науками въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ французскаго термина „*sciences*“. Но держаться его оно было въ состояніи самое недолгое время; по мѣрѣ своего окрѣпленія, движеніе къ освобожденію мысли отвоевало независимость и для наукъ словесныхъ, и прежде всего для исторіи, такъ что пришлось отказаться и отъ этой попытки.

Гораздо болѣе живучей, явившейся позже другихъ, но до сихъ поръ существующей во многихъ государствахъ, оказалась попытка разрѣшенія вопроса о научности или ненаучности произведеній мысли по органамъ распространенія ея, по той—да позволено будетъ такъ выразиться—оберткѣ, въ которой онѣ являлись передъ читателемъ. Я имѣю въ виду дѣленіе произведеній мысли на *книгу, брошюру и періодическую печать*. Первая—говорили—трагуетъ выбираемый ею предметъ съ возможною полнотою аргументовъ, предполагаетъ въ читателѣ предварительное знакомство съ нимъ, требуетъ отъ него самую работу мысли при чтеніи, и такимъ образомъ попадаетъ въ руки только читателямъ отборнымъ, которые сумѣютъ взвѣсить доводы автора. Это—наука, надъ голосомъ которой государство не можетъ и не должно

имѣть ровно никакой власти. Каковы бы ни были содержание книги и даваемые ею отвѣты—государству дѣла нѣтъ, это юридически безразлично. Совершенно другой характеръ брошюры, или, по англійской терминологіи, памфлета. Отъ своего читателя она не требуетъ никакой подготовки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предметѣ, выбираемомъ ею. Она поднимаетъ вопросы, которые уже стали или могутъ стать модною темою разговора въ данную минуту, и обыкновенно говоритъ не аргументами, направленными на умъ читателя, а соображеніями, находящими отголосокъ въ его чувствѣ, въ его страстяхъ, стараясь не убѣдить, а возбудить своего читателя, не доказать, а расшевелить его. Между тѣмъ, какъ книга имѣетъ единственную задачу—выяснить предметъ своего разсмотрѣнія, брошюра дѣлаетъ шагъ больше—она рассчитываетъ на практическое осуществленіе защищаемаго положенія, и, притомъ, по возможности быстро. Выступъ съ тѣмъ, брошюра дешевле и доступна большому кругу читателей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, брошюрѣ отведено въ той неприкосновенности, которая гарантирована книгѣ. Громы уголовного преслѣдованія не должны пронестись мимо ея, если она заслужитъ ихъ своимъ содержаніемъ или своею формою. Наконецъ, для періодическихъ произведеній неприкосновенность существуетъ еще въ меньшей степени. Они еще менѣе научны, еще болѣе живутъ интересами минуты и играютъ на струнахъ чувства, постоянно заводимаго ими. Отъ лица, обращающагося къ періодическому изданію, какъ органу своей мысли, требуется еще меньшая предварительная подготовка, еще менѣе специальное знакомство съ выбраннымъ предметомъ, чѣмъ отъ автора брошюры. Кромѣ того, періодическое произведеніе представляетъ и ту, несуществующую со стороны брошюры, опасность, что оно дѣйствуетъ на читателя постепенно и продолжительно. Незамѣтно для самого себя, читатель понемногу свыкается съ его идеями и служитъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ нѣсколькихъ человѣкъ, завѣдывающихъ періодическимъ изданіемъ.

Вотъ аргументы, на которыхъ основывается дѣленіе всѣхъ произведеній человѣческой мысли на книгу, брошюру и періодическую печать, съ различными, для каждой группы, юридическими опредѣленіями. Я привелъ ихъ со всевозможною объективностью. Это—въ данномъ случаѣ, необходимѣйшая оговорка: до такой степени чужды они дѣйствительности, что съ трудомъ въришь въ самую возможность провозглашенія и сколько-нибудь серьезной ихъ защиты. Здѣсь не время и не мѣсто входить въ обстоятельный анализъ всякаго приведеннаго соображенія, до-

статочно будетъ ограничиться немногими замѣчаніями, имѣющими наиболѣе общій характеръ, которыя были приведены противъ этого дѣленія.

Брошюра отличается отъ книги количествомъ листовъ. Каково должно быть это количество для установленія понятія книги или брошюры—рѣшить общимъ образомъ никто не взялся, и исторія этого вопроса показываетъ, что брошюра все болѣе и болѣе сливалась съ книгой. Въ эпоху австрійской гегемоніи для понятія книги требовалось не менѣе 20-ти листовъ; въ дѣйствующемъ саксонскомъ законодательствѣ количество это упало на 90⁰/. Периодическая печать, конечно, имѣетъ многія литературныя и соціально-хозяйственныя особенности сравнительно съ книгой и брошюрой, но далеко не тѣ, которыя выставлены разсматриваемымъ дѣленіемъ. Онѣ ведутся многими лицами, раздѣленіе труда въ нихъ проведено гораздо шире, чѣмъ въ изданіяхъ другого рода. Капиталь, который необходимо на нихъ затратить, обыкновенно значительно превышаетъ затраты, требующіяся для изданія книги. Вращаясь въ одномъ и томъ же кругу читателей, периодическое изданіе говоритъ понятными ему аргументами, для другихъ же кружковъ самая принадлежность мнѣнія враждебному или чуждому направленію представляетъ сильное побужденіе отнестись къ нему недружелюбно. Книга можетъ убѣдить читателей всѣхъ партій, журналъ и газета—обыкновенно только своихъ. Кругъ ихъ дѣйствія, такимъ образомъ, значительно тѣснѣе. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что периодическія изданія ежеминутно должны быть на сторожѣ затраченнаго капитала; подъ страхомъ опасности потерять его или не воспользоваться надлежащею рентою, онѣ обязаны стоять какъ можно ближе къ среднему уровню общества и уважать интересы, господствующіе въ немъ въ данную минуту. Этою стороною периодическое изданіе, конечно, отличается отъ книги и брошюры, но въ пользу, а не въ невыгоду для существующаго порядка. Не ждите, въ общемъ правилѣ, отъ него тѣхъ смѣлыхъ требованій нововведеній, тѣхъ рѣшительныхъ протестовъ существующему, опирающихся на аргументацію, которая не хочетъ знать ничего, кромѣ истины,—какія встрѣчаются въ книгѣ. Изъ всѣхъ консервативныхъ силъ общества, периодическое изданіе есть наиболѣе консервативная, потому что оно вынуждено искать поддержку въ массѣ. Этимъ своимъ качествомъ, конечно, оно отличается отъ науки, но въ немъ для законодательныхъ опредѣленій мало проку, какъ потому, что оно ничего не говоритъ за или противъ объявленія данныхъ мыслей юридически безразличными, такъ и потому, что

качество это—далеко не абсолютное, характеризующее далеко не всё периодическія изданія. Мысль, составляющая несомнѣнное достояніе науки, можетъ найти себѣ мѣсто и въ книгѣ, и въ брошюрѣ, и въ периодическомъ изданіи. Примѣры *ученыхъ* изданій, выходящихъ въ правильные промежутки времени и имѣющихъ опредѣленный кругъ читателей, теперь не рѣдки. Кроме того, признавъ права исторической науки, объявивъ ее стоящею внѣ государственнаго вмѣшательства, защитники этой теоріи уже не вправѣ ставить юридическіе тормазы для какихъ бы то ни было сообщеній, для какихъ бы то ни было мыслей. Все это—матеріалъ исторіи, и посягая на него, они тѣмъ самымъ посягаютъ на историческую истину, т.-е., на основу исторической науки.

Очевидно, такимъ образомъ, что дѣленіе произведеній мысли по органамъ ея на книгу, брошюру и периодическое изданіе не даетъ критерія научности или ненаучности выраженія мысли. Самое возникновеніе его можетъ быть понято только, какъ историческій фактъ. Прежде всего явилась книга: она была сперва исключительною формою, въ которую облекалась мысль. Явившись раньше, она раньше успѣла завоевать себѣ свободу отъ административнаго произвола. Но вотъ, интересы жизни росли, жизнь стала идти скорѣе, колеса ея закрутились съ быстротой, за которой тяжеловѣсная, объемистая in-folio книга XV—XVIII ст. не въ силахъ была поспѣвать. Новыя условія вызвали новую форму, явилась брошюра. Ея компактность позволяла двигаться быстрѣе, ея незначительная величина открывала доступъ въ литературу большому числу лицъ. Мало-по-малу, въ сферѣ умственной дѣятельности образовались различныя направленія, болѣе или менѣе рѣзко обособившіяся. Явленія жизни стали смѣняться еще быстрѣе, онѣ не могли болѣе выжидать, пока у кого-либо явится рѣшимость издать брошюру; онѣ требовали постоянного, неуспываго наблюденія. Для удовлетворенія этой потребности новаго времени явилась периодическая пресса. Ее не знаетъ классическая древность, она чужда государствамъ политическаго и социальна-хозяйственнаго застоя; периодическая пресса—форма новѣйшаго времени. Явившись позже другихъ, она еще не успѣла приобрести себѣ ту долю независимости, какая принадлежитъ уже двумъ первымъ. Но что и она можетъ стать на ту же ступень, что и для нея сгладится различіе, которое уже успѣло уничтожиться между книгой и брошюрой; порукой въ томъ—исторія Англій и Сѣверо-Американскаго Союза, быстро вертящаяся жизнь которыхъ успѣла уже отвоевать для своего питомца равное съ кни-

гой и брошюрой положеніе. То же самое явленіе представляетъ Германія, въ новѣйшихъ законодательствахъ которой все болѣе и болѣе сглаживается различіе этихъ органовъ мысли. Проекты Виндгорста-Бидермана и правительственный удерживаютъ его только по вопросу о предварительномъ арестѣ и о соучастіи, но даже и въ этихъ слабыхъ размѣрахъ сохраненіе его не встрѣчаетъ болѣе сочувствія въ средѣ германской литературы.

VIII.

Когда была замѣчена непрочность послѣдняго признака для проведенія разграничительной черты между юридически-безразличнымъ и юридически-отвѣтственнымъ словомъ, оказалось необходимымъ обратить вниманіе на природу самыхъ выражений мысли, независимо отъ тѣхъ или другихъ органовъ ея. И такъ какъ въ каждомъ словѣ можно различать содержаніе и форму, то оба эти элемента выставлялись послѣдовательно, какъ критеріи для опредѣленія степени вмѣшательства государственныхъ силъ въ область слова. По содержанію, такое слово объявлено юридически-отвѣтственнымъ, которое возбуждаетъ читателей къ совершенію запрещенныхъ закономъ нарушеній. Это возбужденіе можегъ быть двойное: прямое—и тогда оно обнимается общими карательными опредѣленіями, предлагая составъ подстрекательства; или же непрямое — и въ такомъ случаѣ къ нему необходимо, говорить, приложить другія уголовно-юридическія начала, такъ какъ постановленія о подстрекательствѣ для случаевъ этого рода были бы очень строги. Подстрекательство вообще, а слѣд. и подстрекательство печатнымъ словомъ, навазуюмо только при дѣйствительномъ произведеніи тѣхъ нарушеній, которыя имѣлись въ виду подстрекателемъ. Напротивъ, къ непрямому возбужденію путемъ преступнаго слова карательныя мѣры должны быть примѣняемы и тогда, когда оно не произвело никакого вліянія на читателя, когда сфера юридическихъ отношеній осталась нетронутою, такъ какъ авторъ слова, опубликовавъ его, сдѣлалъ все, что могъ, дальнѣйшее было не въ его власти и даже внѣ области его дѣйствія. Это разрѣшеніе вопроса принадлежитъ бывшему вѣнскому профессору, теперь австрійскому министру юстиціи—Глазеру, съ именемъ котораго мы уже имѣли случай встрѣчаться въ предыдущемъ изложеніи. Въ работѣ, представленной 6-му съѣзду

германскихъ юристовъ ¹⁾, Глазеръ высказывается, что всякое слово теряетъ характеръ юридически-безразличнаго явленія, ставясь прямымъ или непрямымъ возбужденіемъ въ правонарушенію. Въ первомъ случаѣ это есть общее преступленіе, для состава котораго совершенно одинаково, совершается ли оно путемъ слова или другимъ способомъ дѣйствія. Во второмъ—мы имѣемъ дѣло съ преступленіями слова въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, такъ какъ они не могутъ быть совершаемы иначе, какъ именно путемъ слова. Первые запрещаются какъ правонарушенія; запрещеніе вторыхъ дѣлается исключительно по соображеніямъ безопасности общественнаго порядка. Кромѣ того, въ область преступленій слова, въ собственномъ смыслѣ этого термина, Глазеръ относитъ и такія выраженія мысли, которыя, не представляя характера возбужденія, направляются на объектъ, стоящій подъ особою охраною закона, въ формѣ, которая неумѣстна сама по себѣ (an sich verwerflich).

Глазеръ, счумѣвшій успѣшнѣе другихъ представить доводы этой теоріи, не былъ однако ея родоначальникомъ. Ее мы встрѣчаемъ уже во французскомъ законѣ 17-го мая 1819 г., который пытался построить отвѣтственность всей печати на началѣ непрямого возбужденія (provocation indirecte), и Карно, извѣстный своими свѣтлыми взглядами криминалистъ Франціи, тогда же подвергъ тщательному анализу его опредѣленія, доказавъ полнѣйшую несомвѣстимость ихъ съ общими началами права. Несмотря однако на его аргументы, мы встрѣчаемъ ту же самую теорію въ дальнѣйшихъ законодательныхъ актахъ Франціи, откуда она успѣла перейти и въ германскіе законы о печати; поэтому намъ придется остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Возбужденіе есть признакъ въ высшей степени субъективный. Рѣшить вопросъ, возбуждаетъ или не возбуждаетъ данное слово къ опредѣленному роду дѣятельности, не зная его результатовъ,—мы не въ состояніи, если будемъ основываться только на характерѣ слова; громадное значеніе имѣетъ тутъ влияніе читателя. Одно и то же слово на различныхъ лицъ оказываетъ различное дѣйствіе. Процензуровавъ сочиненіе Neercassel'я: «Amor penitens vive de recto clavium usu». Utrecht 1683,—папа Александръ VIII запретилъ его девретомъ священнои конгрегациі, какъ книгу въ высшей степени возмутительную; но когда о ней загѣмъ сообщили

¹⁾ Gutachten des Professor Dr. Glaser in Wien über die durch den deutschen Journalistentag angeregte Gesetzgebungsfrage, betreffend die Pressvergehen. В. Jahrbhandlungen, 1865, т. I, стр. 68 и слѣд.

Инокентію XI, то онъ не только не согласился подтвердить прещеніе своего предшественника, но даже съ особенною силою рекомендовалъ вѣрующимъ это «преврасное сочиненіе святого автора» (il libro e buono e l'autore e un sancto). Даже различныя положенія, въ которыхъ находится одно и то же лицо, слушающая одно и то же слово, не остаются безъ вліянія на отношеніе его къ слову. Apolline comte de Guibert, авторъ знаменитаго въ свое время «Essai général de Tactique», написалъ также, между прочимъ, маленькую пьеску для театра подъ заглавіемъ «Le connetable de Bourbon». Прочитавъ ее, Людовикъ XVI изъяснилъ полную готовность на представленіе ея въ театрѣ; но когда онъ ее увидѣлъ на сценѣ, то въ высшей степени былъ «удивленъ дерзостью лицъ, нестѣсняющихся выводить подобныя вещи предъ его глазами», сказалъ, что онъ обманулся при чтеніи, и предписалъ уничтожить пьесу Гибера со всевозможною тщательностью. Еще сильнѣе мѣняется впечатлительность массы. Не рѣдки примѣры, что слово, которое сегодня оставалось безъ всякаго на нее вліянія, на другой день оказывалось какъ-бы магическою силою, совершенно овладѣвавшею ею.

Тѣмъ не менѣе, однако, было сдѣлано нѣсколько небезинтересныхъ попытокъ указать внѣшніе признаки слова, понимающагося на степень возбужденія къ противозаконной дѣтельности, но не переходящаго въ подстрекательство. Попытки эти шли двумя различными путями. Одинъ изъ нихъ можно назвать по преимуществу объективнымъ. Принятый французскимъ закономъ 18-го мая 1819 г., которому подражаетъ отчасти и прусскій законъ 1851 г. (§ 48), этотъ путь ограничивается перечисленіемъ отдѣльныхъ выраженій слова, и путемъ безусловнаго, легальнаго предположенія объявляетъ названныя выраженія видами преступнаго возбужденія. Подъ вліяніемъ этого именно направленія, въ законодательствахъ появились постановленія о диффамациі, вытѣснившія прежніе законы о клеветѣ. Очевидно однако, что въ случаяхъ этого рода слово подвергается отвѣтственности не какъ средство возбужденія, а какъ самостоятельное преступленіе, и потому вопросъ о юридической отвѣтственности или о юридическомъ безразличіи его, строго говоря, разрѣшается здѣсь на основаніи собственныхъ элементовъ его состава, а не по степени возбужденности его.

Другой путь становится на почву впечатлѣній, которыя могутъ быть вызваны словомъ въ умахъ читателей; согласно ему, слово тогда признается преступнымъ способомъ возбужденія, если оно вызываетъ презрѣніе и ненависть къ опредѣленнымъ въ за-

конѣ предметамъ. Еще французскій законъ 17—18 марта 1822 г., известный подъ именемъ «закона тенденціи», применилъ къ этому разрѣшенію вопроса; хотя онъ и былъ отмѣненъ въ 1828 г., однако рекомендованная имъ формула восстановлена закономъ 2 августа 1848 года. Къ ней же применили впоследствии итальянскій законъ 1859 г., прусскій 1851, баварскій 1862, австрійскій 1862 и многіе другіе.

Скоро, однако, оказалось, что этотъ признакъ не могъ доставить судебной практикѣ никакого прочнаго указанія для опредѣленія того, какое слово должно признавать юридически-отвѣственнымъ. Высшіе кассационные суды объявляли вопросъ, возбуждаетъ ли данное сочиненіе ненависть или презрѣніе къ правительству, вопросомъ факта, и упорно отказывались отъ разрѣшенія его. Въ свою очередь, суды по существу также были лишены возможности юридическаго разрѣшенія его и сваливали все дѣло на личный вкусъ и непосредственное впечатлѣніе. Да и понятно: никто не можетъ сказать, а тѣмъ болѣе доказать, какое слово возбуждительно. Странно только, что, между тѣмъ какъ о впечатлѣніи можетъ свидѣтельствовать лишь то лицо, которое его испытываетъ, оцѣнка силы возможнаго впечатлѣнія, предлагаемаго словомъ, возлагается на судей, т.-е., на лицъ, которые вовсе не были возбуждены, и отъ которыхъ самъ законодатель требуетъ, чтобы на нихъ слово не произвело впечатлѣнія, интересующаго его. «Ненависть и презрѣніе, какъ прекрасно замѣчаетъ Лентнеръ, суть внутреннія ощущенія, неподдающіяся никакому контролю, пока онѣ не выразятся во внѣ дѣйствіями или дѣлами. Но и это происходитъ очень рѣдко, такъ какъ, вообще, чрезвычайно трудно превратить ощущеніе въ дѣло. Многое, вызывающее чувство ненависти или презрѣнія, коренится такъ глубоко въ человѣческихъ слабостяхъ и недостаткахъ, что существованіе его, какъ необходимаго зла, вполне обезпечено». «Что сказали бы о частномъ человѣкѣ», прибавляетъ онъ далѣе, «который бы обратился съ претензіями къ другому за то, что онъ его презираетъ или ненавидитъ? Предоставьте же людямъ презирать и уважать, любить и ненавидѣть кого и что хотятъ, если они только не могутъ сдѣлать то, дѣлать чего они не должны». Еще раньше графъ de Serge, прославившійся въ исторіи французскаго законодательства печати, съ неменьшимъ правомъ сказалъ: «*la haine, le mépris se sent, il se comprend, il ne peut pas se définir*».

Всѣ эти соображенія были приняты бельгійскими законодательными дѣятелями, которые, по инициативѣ Гауса, еще въ 1839 г. рѣшились отказаться отъ французской формулы. Изъ

интересующихъ насъ проектовъ, проектъ Виндгорста-Бидермана также чуждъ ей, постановляя въ § 5, что слово признается юридически-безразличнымъ или юридически-отвѣтственнымъ не иначе, какъ на основаніи общихъ уголовно-юридическихъ началъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ германскомъ уголовномъ уложеніи. Проектъ Бисмарка, напротивъ, становится къ нимъ въ самое враждебное отношеніе, такъ какъ § 20 его, съ которымъ мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи, объявляетъ преступными такіа выраженія мысли, которыя, не удовлетворяя условіямъ общаго уголовного кодекса, представляются лишь непрямымъ возбужденіемъ къ запрещеннымъ въ законѣ нарушеніямъ.

Къ ряду направленій, ставящихъ границу между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ въ его содержаніи, относится еще взглядъ, согласно которому слово, обращаясь къ публичности для выясненія истины, всегда и неуклонно должно стоять подъ знаменемъ истины. Измѣняя ей, оно дѣлается юридически-отвѣтственнымъ; оставаясь вѣрнымъ ей, оно стоитъ внѣ области государственныхъ мѣръ. Направленіе это не ново по времени; еще римскіе папы оправдывали религіозные громы противъ слова своею обязанностью во всей чистотѣ поддерживать истину христіанскаго ученія. На той же идеѣ стояла впоследствии государственная власть: преслѣдуя сочиненія политическаго содержанія, она оправдывалась тѣмъ, что на ея обязанности лежитъ защита истинныхъ началъ государственнаго строя. Словомъ, тутъ повторилась обыкновенная исторія: истина оказывалась тамъ, гдѣ была сила. Кромѣ того, даже въ случаяхъ, гдѣ вовсе не замѣшаны интересы представителей силы, этотъ признакъ не выдерживаетъ критики. Истина обыкновенно не дается вдругъ, къ ней ведетъ не прямая дорога, а множество окольныхъ, выпрямляемыхъ лишь мало-по-малу. Мильтонъ былъ въ высшей степени правъ, говоря, что только при помощи заблужденій можно придти къ истинѣ. Не менѣе правъ Лессингъ, по замѣчанію котораго «не обладаніе истиной, а усилія, положенныя на отысканіе ея, составляютъ нравственную заслугу человѣка». По всѣмъ этимъ соображеніямъ, приведенный признакъ также оказывается непрочнымъ, также не гарантируетъ слово отъ напрасныхъ и неумѣстныхъ преслѣдованій.

Не болѣе удачными оказались попытки разрѣшенія этого вопроса по *формѣ* слова. Онѣ принадлежатъ той исторической эпохѣ, когда убѣжденіе въ неумѣстности преслѣдованій мысли успѣло значительно охладѣть, когда появилось уже убѣжденіе,

что каково бы ни было содержание слова, оно должно пользоваться неприкосновенностью со стороны государства, если только оно не подпадает под общія условия преступности. Но эта неприкосновенность обеспечена съ тѣмъ, чтобы слово выражалось въ скромной и мягкой формѣ, совмѣстимой съ общежитіемъ: «Хотя всякій имѣетъ право дѣлиться съ публикой, при помощи типографскаго станка, своими взглядами и убѣжденіями по различнымъ вопросамъ религіи» — говорить подъ вліяніемъ этого направленія виртембергскій законъ о печати 1817 г., дѣйствующій и въ настоящее время — «однако только честнымъ (ernsten) тономъ, приличнымъ изслѣдователю истины и старательно избѣгая всего, что давало бы возможность заключить о намѣреніи автора подвергнуть презрѣнію и осмѣянію лица и предметы религіознаго почитанія общества» (§ 4). Тогда-то стали говорить о «формѣ, которая неумѣстна сама по себѣ», о «юридически-неумѣстной формѣ», неразрывно связывая съ нею вопросъ юридической отвѣтственности. Выдержать это начало, впрочемъ, со всею послѣдовательностью оказалось невозможнымъ, такъ какъ форма неразрывно связана съ содержаніемъ слова и можетъ получить юридическое значеніе только разсматриваемая въ связи съ тѣмъ предметомъ, на который оно обращается. И въ самомъ дѣлѣ, законодательства о печати обыкновенно вооружаются противъ этой «неумѣстной формы» только относительно нѣкоторыхъ предметовъ, требуя, чтобы аргументація о нихъ шла «умѣстными формами слова». Таковы религія, нравственность, верховное правительство, юстиція и т. п. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что форма слова, выбираемые имъ обороты и сближенія, оказываются элементами первой величины при оцѣнѣ возможнаго вліянія слова на читателя. Но тотъ мотивъ, который побуждаетъ законодателя обращать вниманіе на этотъ элементъ — мотивъ противодѣйствія слову наиболее опасному, — стоитъ въ обратномъ отношеніи къ совершенству формы. «Неумѣстную форму» съ его точки зрѣнія слѣдовало бы поставить на мѣсто «умѣстной», и наоборотъ, — такъ какъ форма неумѣстная въ теперешнемъ смыслѣ этого слова, т. е., форма грубая, неотдѣланная, выступающая безъ всякой элегантности, менѣе всѣхъ другихъ способна приобрести adeptовъ въ рядахъ читателей. Презрѣніе, омерзение, и по меньшей мѣрѣ пренебреженіе къ слову, выступившему въ «неумѣстной формѣ» — вотъ ея единственно возможные результаты. Съ другой стороны, современное состояніе литературы знаетъ такое богатство различныхъ формъ выраженія мысли, что для автора есть полная возможность обратиться къ любой изъ нихъ съ одинако-

выми почти шансами успѣха, такъ что преслѣдованіе нѣкоторыхъ формъ для государства оказывается совершенно бесполезною тратой времени и силъ. Гдѣ стѣснена обличительная литература, можно прибѣгнуть къ юмору, гораздо болѣе злому, чѣмъ всякое прямое обличеніе, и не оставляющему никакой лазейки для прокуратуры. Ходить за примѣромъ не далеко, такъ какъ современная русская литература не разъ доказывала что самая ѣдкая проія можетъ уложиться въ самыхъ неуволнимыхъ для государственнаго преслѣдованія формахъ. «Неумѣстная» форма теперь означаетъ форму «неумѣльную», и наказывать за нее значитъ наказывать автора за недостаточно ловкое владѣніе языкомъ, на которомъ онъ выражается. Это было бы любопытное примѣненіе воспитательной теоріи кары. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, германскіе законы о печати новаго времени уже отказались отъ этого признака юридически-отвѣтственнаго слова. О немъ не говорятъ и проекты германскихъ журналистовъ, его не приняла также имперская дума. Проектъ Бисмарка стоитъ совершенно особнякомъ. § 20-ый этого проекта, говорящій о формѣ «расходящейся съ требованіями нравственности, юридическаго смысла и любви къ отечеству», представляетъ собою любопытный примѣръ начала переживанія, встрѣченный со стороны германской литературы протестомъ и насмѣшкой.

IX.

Всѣ изложенныя попытки, такимъ образомъ, оказались безуспѣшными для общаго разрѣшенія вопроса о юридической отвѣтственности слова. Причина этого заключается въ совершенномъ игнорированіи общихъ началъ уголовного права и въ стремленіи разрѣшить поставленный вопросъ особнякомъ отъ нихъ. Въ результатѣ оказывались угловатости и произвольные отвѣты. Даже такой талантливый публицистъ, какъ Лоренцъ Штейнъ—быть можетъ потому именно, что и онъ отвесилъ въ нему, какъ публицистъ, а не какъ юристъ—не свободенъ отъ этого упрека. Слово, по его теоріи, является въ печати или какъ духовная *работа*, или какъ духовное *дѣло*. Въ первомъ своемъ качествѣ, оно представляетъ не болѣе, какъ ходъ мысли автора, ограничивающейся аргументаціей за и противъ даннаго положенія; это—чистое воцѣленіе ума свободнаго и признающаго свободу другихъ. Читатель можетъ согласиться, можетъ и не согласиться съ приведенными аргументами; согласившись съ ними, онъ же дѣлаетъ изъ нихъ тотъ

или другой выводъ, авторъ его не приневоливаетъ ни къ какому, онъ не указываетъ никакого вывода, оставляя это самостоятельной работѣ мысли читателя. Иное—духовное дѣло. Здѣсь мысль автора вторгается готовою въ духовную жизнь другого лица; готовою въ томъ смыслѣ, что она не ставитъ себя въ зависимость отъ свободнаго анализа читателя, но является для него, какъ объективный фактъ, какъ явленіе, покоящееся исключительно на самоопредѣленіи автора. Духовная работа стоитъ къ читателю въ отношеніи внутреннемъ, котораго чужда юридическая дѣятельность государства; а духовное дѣло—въ отношеніи внѣшнемъ. Первая требуетъ свободы, устраненія всякаго вмѣшательства внѣшней силы; второе—системы юридическихъ началъ, опредѣляющихъ сферу правъ духовнаго дѣла и его отвѣтственность. Юридически-отвѣтственнымъ духовное дѣло является въ трехъ главныхъ формахъ. Первая и самая понятная, самая бесспорная—оскорбленіе чести и обида во всѣхъ ея видахъ. Вторая—отрицаніе основъ нравственнаго и правового порядка общежитія выраженіемъ таковой «готовой» мысли. Третья, наконецъ,—возбужденіе другихъ лицъ къ физическому дѣйствію, которое, будь оно совершено, представляло бы нарушеніе какого-нибудь права. Что этими духовными дѣлами можетъ быть произведена неправда—никогда не было и не будетъ спорнымъ. Вопросъ о *составѣ*, необходимомъ для признанія неправды въ этихъ видахъ духовнаго дѣла, разрѣшается закономъ и судомъ; вопросъ о размѣрѣ наказанія ихъ есть дѣло законодательства.

Таковы положенія Лоренца Штейна. Авторъ чрезвычайно мѣтко указываетъ различіе между духовной работой и духовнымъ дѣломъ; но значеніе этого различія, быть можетъ и важное для публициста, быть можетъ не лишнее интереса для литератора и ислѣдователя философіи мысли, совершенно ничтожно для юриста. Оно не въ силахъ быть критеріемъ юридически-отвѣтственнаго и юридически-безразличнаго слова. Доказательства на лицо у самого Штейна. Съ одной стороны, авторъ не въ силахъ сдѣлать какіе-либо практическіе выводы изъ своего положенія о различіи между духовной работой и духовнымъ дѣломъ, не въ силахъ опредѣлить область юридической отвѣтственности слова. Онъ далъ лишь указаніе, что слово на степени духовной работы есть явленіе юридически-безразличное; но какое слово, восходящее на степень духовнаго дѣла, должно быть признано юридически-отвѣтственнымъ, на основаніи его теорій рѣшить нельзя. Казалось бы, что всякое такое слово должно подлежать юридической отвѣтственности, такъ какъ всякое духовное дѣло по

Штейну есть вторженіе въ духовную область другого лица, составляя рѣшительную противоположность духовной работѣ, и только для послѣдней авторъ настаиваетъ на полной свободѣ. Но съ этимъ выводомъ своей теоріи не соглашается самъ Штейнъ. Совершенно особнякомъ отъ нея, онъ выставляетъ три вида отвѣтственной неправды, въ которыхъ можетъ выразиться духовное дѣло; онъ замѣствуетъ ихъ изъ исторіи, но даже не пытается подерѣпить ихъ аргументами своей теоріи и представить ихъ, какъ логическіе ея выводы. Да это и невозможно: общая теорія Штейна не состоитъ съ ними ни въ какой связи. Вотъ почему въ указаніи видовъ юридически-отвѣтственнаго духовнаго дѣла, которые Штейнъ считаетъ безспорными во вѣки вѣвовъ, замѣчается полный произволъ. Мы будемъ имѣть случай привести въ слѣдующей главѣ доказательства этой мысли; теперь же достаточно будетъ замѣтить, что теорія Штейна оставляетъ нетронутымъ существующій произволъ въ разрѣшеніи вопроса, какое слово можетъ быть разсматриваемо юридически-отвѣтственнымъ возбужденіемъ къ запрещенному физическому дѣйствію. Свести его къ тѣснымъ границамъ подстревательства Штейнъ не соглашается, но не указываетъ также никакого другого критерія. Съ другой стороны, самое различіе между словомъ, какъ духовной работой и духовнымъ дѣломъ, на которомъ покоится вся теорія Штейна, построено на такомъ признакѣ, который не въ силахъ принести никакой пользы для размежеванія сферы юридически-безразличнаго и юридически-отвѣтственнаго слова. Духовная работа оставляетъ читателю полную свободу, духовное дѣло предлагаетъ ему данную мысль, какъ объективный фактъ. Хотя и съ этимъ согласиться едва ли возможно, такъ какъ и «духовная работа» оказываетъ на читателя весьма значительное вліяніе, но допустимъ, что положеніе Штейна безспорно, примемъ его за чистую монету. Этимъ предположеніемъ, однако, вопросъ о различіи между духовной работой и духовнымъ дѣломъ еще не разрѣшается, на очереди стоитъ другой вводный вопросъ: почему же, по какимъ внѣшне-распознаваемымъ чертамъ мы можемъ классифицировать слово на духовную работу и на духовное дѣло? «По тому, отвѣчаетъ Штейнъ, даетъ ли авторъ выводъ изъ своей мысли готовымъ, или предоставляетъ самому читателю дойти до него. Если авторъ предлагаетъ свою мысль безъ выводовъ, если онъ не стѣсняется ими читателя, его слово есть духовная работа. Но какъ только сюда прибавились выводы, сдѣланные самимъ авторомъ, слово становится духовнымъ дѣломъ». Неумѣстность подобнаго признака очевидна. Одно и то же сочиненіе можетъ быть то ду-

ховной работой, то духовнымъ дѣломъ, одинъ и тотъ же трактатъ можетъ быть юридически-безразличнымъ или юридически-отвѣственнымъ, смотря потому, выйдетъ ли онъ съ выводами или безъ выводовъ автора. Притомъ, Штейнъ не различаетъ, будутъ ли это выводы ученые, художественные или личные; не говоритъ также, какихъ сторонъ они должны касаться, что должно быть ихъ предметомъ. Вотъ почему онъ и не могъ построить рѣшеніе вопроса объ объемѣ преступленій слова на своей теоріи и обратился за нимъ, просто-на-просто, къ дѣйствовавшимъ законамъ о печати, достоинства которыхъ оспаривались имъ самимъ.

Эта и другія неудачныя попытки, изложенныя выше, объясняются стремленіемъ публицистовъ и полицейстовъ разрѣшить поставленный вопросъ совершенно отдѣльно и независимо отъ общихъ юридическихъ началъ. Неподражаемые въ деталяхъ, публицисты, по самому характеру своей науки въ современномъ ея развитіи, пасудогъ всякій разъ, какъ только зайдетъ рѣчь о разрѣшеніи того или другого затрудненія общимъ образомъ. Глядя на предметъ своей специальности какъ на совершенно самостоятельное и замкнутое цѣлое, они лишаютъ себя возможности воспользоваться тѣми указаніями, которыя были бы въ состояніи предложить имъ болѣе развитыя отрасли науки права. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я старался дозавать, что пока государствовѣдѣніе не станетъ на эту дорогу, оно осуждаетъ себя на путь частныхъ и общааетъ лишь красиво отдѣланныя монографіи, не лишеныя достоинствъ въ частныхъ штрихахъ, но съ полнымъ отсутствіемъ сколько-нибудь прочнаго общаго плана. Всякая область знанія, претендующая на прогрессъ, должна опереться на другія, болѣе разработанныя области, начиная съ однородныхъ. Законъ этотъ, существующій для наукъ вообще, примѣняется, конечно, и къ наукамъ юридико-политическимъ. Не вина публицистовъ, конечно, что до сихъ поръ они не сумѣли стать на правовую почву: всякое понятіе, всякій юридическій институтъ долженъ предварительно пройти стадію полицейскую и только мало-помалу достигаетъ своего правового характера. Это—общій историческій законъ. Такъ было прежде съ институтомъ собственности и имущественными преступленіями; нѣсколько сотъ лѣтъ тому эту картину представляли личныя преступленія, а теперь въ ея рамкахъ стоятъ преступленія слова вообще и печатнаго слова въ частности. Для преступленій общихъ, эта стадія уже канула въ Лету; стоя на началахъ ея, публицисты не въ силахъ дать сколь-

¹⁾ См. „Война и Судъ“ въ Жур. Гражд. и Угол. Права, 1873 № 4-й.

во-нибудь удовлетворительные отвѣты о границахъ юридически-отвѣтственнаго слова, и потому теперь уже пора протестовать противъ нихъ и для этого института пора поискать разрѣшеніе его юридической природы въ наукахъ юридическихъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Какъ гражданское, такъ и уголовное право построены на началѣ конкретности. «Право» въ субъективномъ смыслѣ есть власть, принадлежащая данному лицу относительно конкретно-опредѣленнаго предмета. Если въ учебникахъ гражданского права и говорится объ общихъ юридическихъ институтахъ независимо отъ принадлежности ихъ Петру, Андрею или Ивану, то только въ интересахъ лучшаго изученія этихъ институтовъ; право собственности можетъ быть разсматриваемо какъ общее понятіе, и только при этомъ условіи возможно изучить его разнообразныя формы и послѣдствія, въ дѣйствительности же это право существуетъ только въ видѣ отдѣльныхъ институтовъ, принадлежащихъ даннымъ лицамъ. Точно также можно вступить въ бракъ съ даннымъ лицомъ другого пола, но вступить въ бракъ вообще — нельзя. Тотъ же характеръ конкретности представляютъ отношенія уголовно-юридическія. Кража въ смыслѣ ихъ можетъ имѣть мѣсто только для конкретно-опредѣленнаго лица относительно конкретно-опредѣленнаго предмета и при помощи конкретно-опредѣленнаго дѣйствія; но было бы юридическою нелѣпостью признавать кого-либо виновнымъ въ кражѣ вообще. Убить можно Петра, Сидора, Андрея, какого-либо даннаго человѣка, но не человѣка вообще. Это начало конкретности есть общій, руководящій законъ гражданского и уголовного права. Все, лежащее за предѣлами конкретности, чуждо юридической сферѣ; заключенное же въ ея предѣлахъ *можетъ* быть предметомъ ея.

Признакъ этотъ въ высшей степени важенъ для опредѣленія границы между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безразличнымъ, потому что слово можетъ имѣть своимъ предметомъ какъ общее, такъ и конкретное. До тѣхъ поръ, пока слово остается въ области общаго, пока оно не касается конкретно-опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридической сферѣ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Никогда не слѣдуетъ забывать, что общее существуетъ только въ умѣ человѣческомъ, что оно не имѣетъ внѣшняго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшнимъ дѣйствіемъ. Только переходя въ сферу конкретнаго, только направляясь противъ конкретно-опредѣленнаго отношенія, мысль становится подъ эгиду юридическихъ мѣръ, и если эти отношенія получили значеніе правъ, она дѣлается юридически-отвѣтственной. Всякое иное раз-

рѣшеніе вопроса расходитъ съ началами права, и такъ какъ послѣднія, въ тѣхъ или другихъ формахъ, всегда жили въ обществахъ, то и идея о юридическомъ безразличіи мысли, остающейся въ области общаго, очень часто проглядываетъ въ исторіи законодательства печати. Этимъ именно объясняется убѣжденіе, пустившее уже глубокіе корни въ сознаніе правительствъ и народовъ, что «наука и ея ученія свободны». Этимъ же объясняется протестъ противъ различныхъ произвольныхъ ограниченій понятія науки по органамъ слова и по содержанію или по формѣ, такъ какъ всякій органъ пригоденъ для разъясненія и пропаганды общаго, общее можетъ вылиться въ любомъ содержаніи и въ любой формѣ. На основаніи того же начала, литература отвоевала себѣ право свободного изображенія типовъ; имъ же объясняется побѣда исторической науки надъ прежними стѣсненіями. Въ немъ же находятъ свое объясненіе тѣ особенности мѣръ, къ которымъ государство всѣхъ временъ прибѣгаетъ къ слову, по своимъ задачамъ остающемуся всегда въ области конкретнаго, именно къ рекламамъ, афишамъ и т. д.

Идея эта живетъ давно, ростки ея можно прослѣдить въ глубокой древности, ее уже вырѣзали на XII-ти мѣдныхъ таблицахъ, вѣщавшихъ молодому Риму его права и его обязанности. Но все это время она росла тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъ же законамъ, какъ всякая другая идея; сперва она была сознаана для небольшой области отношеній, которая расширялась понемногу, такъ что на вызрѣваніе ея потребовалось много вѣковъ, много усилій человѣческой мысли и еще больше усилій дѣятелей, поставившихъ задачею практическое ея осуществленіе. Какъ бы то ни было, важнѣйшія преграды пали, и современное состояніе знаетъ уже нѣсколько государствъ, гдѣ законодательство и судебная практика объявили принципъ полной непримѣнимости государственныхъ мѣръ къ тому печатному слову, которое остается въ области общаго. Критика вступила здѣсь во всѣ свои права.

На этотъ путь, избранный Великобританіей и Сѣверо-американскимъ Союзомъ, стали въ послѣднее время становиться и многія германскія законодательства. Прочный починъ ему данъ савсонскимъ закономъ 1870, который не заключаетъ въ себѣ ни одного спеціальнаго опредѣленія о преступленіяхъ печати ни по содержанію, ни по формѣ слова, предоставивъ эту задачу всецѣло и исключительно общему уголовному кодексу и, такимъ образомъ, объявивъ общія уголовно-юридическія начала обязательными и для печатнаго слова. Проектъ Виндгорста-Бидермана шелъ тѣмъ же путемъ, но проектъ Бисмарка представляетъ

рѣзкое отъ него отступленіе, такъ какъ онъ знаетъ особаго преступленія слова, неизвѣстнаго уголовному уложенію, объявляя юридически-отвѣтственнымъ даже такое слово, которое не выходитъ изъ области общаго (§ 20).

Согласно общей юридической системѣ, юридически-отвѣтственнымъ *можетъ* быть признано только такое слово, которое вторгается въ область конкретнаго. Но, разумѣется, не всякое слово, спустившееся въ область конкретнаго, eo ipso становится юридически-отвѣтственнымъ. Слово можетъ быть направлено на данное юридическое отношеніе двояко. Съ одной стороны, автору для достиженія задуманнаго послѣдствія необходима посредствующая физическая дѣятельность другихъ лицъ, и эту-то задачу онъ желаетъ достигнуть своимъ словомъ. Общее уголовное право знаетъ одну изъ формъ этого рода—подстрекательство въ техническомъ смыслѣ, и несомнѣнно, оно можетъ быть совершено какъ словомъ устнымъ, такъ и словомъ письменнымъ или печатнымъ. Однако, границы этого понятія слишкомъ узки: оно предполагаетъ склоненіе опредѣленнаго лица къ опредѣленному дѣйствию для запрещеннаго закономъ нарушенія, и необходимо требуетъ реальный сговоръ подстрекателя съ подстрекаемымъ, такъ что послѣдній сознательно и свободно дѣлается орудіемъ мысли перваго. Но случаями этого рода не исчерпывается вліяніе слова на дѣятельность другого лица. Эта мысль уже давно стала достояніемъ публицистовъ, но дать на нее отвѣта они до сихъ поръ не были въ силахъ, изощряя свой умъ на изобрѣтеніи особыхъ порядковъ отвѣтственности слова. Между тѣмъ, общая уголовно-юридическая теорія легко и просто даетъ прямой отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Согласно ей, лицо признается причиною даннаго явленія не только въ томъ случаѣ, если оно произвело его непосредственно своею физическою дѣятельностью, но и тогда, когда оно *насиліемъ* или *обманомъ* успѣло побудить другое лицо къ произведенію его. Но насиліе и обманъ могутъ выразиться и въ человѣческомъ словѣ; въ случаяхъ такого рода оно можетъ быть признано отвѣтственнымъ за противозаконное нарушеніе или покушеніе на него—по общимъ началамъ уголовного права, или же за дѣятельность болѣе отдаленную отъ послѣдствія—по началамъ преступной угрозы. На этотъ путь стали въ послѣднее время и германскія законодательства. Уголовное уложеніе 1870 признаетъ печатное слово возможнымъ орудіемъ вымогательства, преступнаго противодѣйствія свободному отправленію избирательныхъ правъ, возмущенія, мошенничества и всѣхъ вообще преступленій, послѣдствіе которыхъ зависитъ отъ насильственной

или обманной дѣятельности, могущей имѣть мѣсто путемъ слова, или путемъ физическаго дѣйствія. — Съ другой стороны, авторъ слова, не нуждаясь для произведенія задуманнаго послѣдствія въ возбужденіи третьихъ лицъ къ противозаконной дѣятельности, вторгается своимъ словомъ въ конкретную сферу правъ другого лица, для которой законъ гарантируетъ неприкосновенность. Такова именно сфера чести. Здѣсь слово не ставитъ себя въ зависимость отъ того, будетъ ли оно или не будетъ принято третьими лицами къ свѣдѣнію и исполненію, а потому и отвѣтственность его обсуживается совершенно независимо отъ этого момента.

Х.

Игнорированіе общихъ юридическихъ началъ отвѣтственности для человѣческаго слова отозвалось наиболѣе грустными послѣдствіями въ обрисовкѣ предмета преступленій печати. Мы уже видѣли, что преступленіе мыслимо только какъ нарушеніе конкретно-существующаго права. Публицисты же и полицейсты, какъ по недостаточному знакомству своему съ науками юридическими, такъ и въ виду вышеуказаннаго закона объ исторической предшественности полицейскаго разрѣшенія юридическихъ вопросовъ правовому, — придали предмету отвѣтственнаго слова совершенно иную окраску. Согласно имъ, религія, нравственность, юстиція, государство, правительство, — могутъ быть нарушаемы словомъ, оставаясь понятіями общими. Эту идею мы еще встрѣчаемъ у Штейна, не говоря уже о звѣздахъ второстепенной и третьестепенной величины, къ разряду которыхъ въ германской литературѣ относятся Лентнеръ, Лау, Виснеръ и друг.

Германскія законодательства, однако, въ послѣднее время начали отступать отъ этого пути, и общегерманское уголовное уложеніе 1870 года избѣгаетъ дѣлать какія бы то ни было особыя постановленія о предметѣ преступленій печати, примыкая свои опредѣленія о нихъ къ общимъ преступленіямъ. Мысль, что общее не имѣетъ внѣшняго конкретнаго бытія и потому не можетъ быть нарушаемо внѣшнимъ дѣйствіемъ, что абстракція не вправе претендовать на юридическую охрану, казалось, успѣла совершенно упрочиться въ сознаніи германскихъ правительствъ и народовъ. Еще на шестомъ съѣздѣ германскихъ юристовъ, Глазеръ могъ заявить при полномъ сочувствіи всего юридическаго сословія Германіи, что «публично высказанное слово можетъ дѣлать спорными (verleugnen) положенія права, нравствен-

ности и религіи, но не можетъ нарушать (verletzen) ихъ». Выходя изъ этого же положенія, проектъ Виндгорста-Бидермана уклонился отъ всякихъ особыхъ постановленій о предметѣ преступнаго слова. Успѣхъ правового направленія, повидимому, былъ совершенно упроченъ послѣ того, когда имперская дума стала на его сторону.

Понятно послѣ этого, какою неожиданностью для всей Германіи былъ § 20 правительственнаго проекта, рѣзко ставшій подъ старое, давно полинявшее знамя. Намъ такъ часто приходилось ссылаться на этотъ §, что теперь будетъ нелишнимъ привести его цѣликомъ. «Заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости до 2 лѣтъ» — говоритъ онъ — «подвергаются: уличенные въ посягательствѣ путемъ печати противъ (началь) семьи, собственности, общей воинской повинности или иныхъ основъ государственнаго порядка, въ формѣ, подрывающей нравственность, правовой смыслъ (? Rechtsinn) или любовь къ отечеству;—уличенные въ объявленія достойными подражанія, примѣрными или обязательными, такихъ дѣйствій, которыя законъ признаетъ наказуемыми;—призванные виновными въ изложеніи отношеній гражданскаго общества опаснымъ для публичнаго порядка образомъ.» Семья, собственность, общая воинская повинность — развѣ это «права» или «правоотношенія»? Конечно, нѣтъ. Собственность есть правоотношеніе, если она рассматривается въ примѣненіи къ тому или другому лицу, семья — тоже, и каждый юристъ отлично понимаетъ, что въ *этихъ* случаяхъ можно говорить о нарушеніи ихъ въ юридическомъ смыслѣ. Но приведенный § употребляетъ названные термины не въ этомъ смыслѣ, а въ смыслѣ абстрактныхъ понятій, въ смыслѣ отвлеченій изъ конкретныхъ институтовъ, существующихъ только въ умѣ законодателя. Проектъ Бисмарка называетъ эти понятія «основами государственнаго порядка», но и съ этимъ опредѣленіемъ трудно согласиться, если эти «основы» — какъ слѣдуетъ изъ буквальнаго смысла—означаютъ «основные законы» государственной жизни. Соціальная этика, конечно, знаетъ такіе законы, но сюда она относитъ не семью, собственность и воинскую повинность, а *законъ движенія*, по которому каждое человѣческое дѣйствіе и упущеніе зависитъ отъ самоопредѣленія дѣятеля, *законъ spontaneitatis*, изъ котораго вытекаетъ личная отвѣтственность, *законъ организаци*, вслѣдствіе котораго человечество слагается въ семейства, роды, народности и другія нравственно-соціальныя единицы, во главѣ которыхъ стоитъ государственность. Таковы по современному состоянію эмпирическаго изслѣдованія важнѣшія основы государственнаго существованія. Въ наукѣ, у нихъ

есть много защитниковъ, но много и противниковъ. Дѣло ли законодательства печати рѣшать ученый споръ ихъ, кто правъ, кто заблуждается? Но если принять даже, что семья, собственность и воинская повинность суть «основы государственнаго порядка», все же изъ этого не вытекаетъ необходимости охраны ихъ личнымъ наказаніемъ. Государство есть форма общежитія, стоящая независимо и выше частной воли, частной дѣятельности. Оно образовалось по прочнымъ, обязательнымъ для человѣчества законамъ, которыхъ не въ силахъ одолѣть ни отдѣльное лицо, ни даже совокупная дѣятельность многихъ лицъ. Основы государства до такой степени прочны, что онѣ вовсе не нуждаются въ слабой охранѣ репрессивныхъ мѣръ. Последнія, такимъ образомъ, оказываются совершенно бесполезными и ненужными. Настолько же основательно было бы наказывать человѣка, который спичкой собираетъ сжечь колонны Исаіевскаго собора.

Гораздо болѣе вниманія со стороны германской литературы обратила на себя вторая часть приведеннаго параграфа, вооружающаяся противъ безнравственныхъ сочиненій. Какъ извѣстно, въ большихъ центрахъ населенія въ последнее время нерѣдко появлялась и до сихъ поръ появляется особая отрасль литературы, которая, подъ названіемъ литературы табачныхъ лавочекъ и пивныхъ, оказываетъ доказанное статистическими изслѣдованіями развращающее вліяніе на низшіе слои городского населенія, особенно на наиболѣе юные его классы. Обращаясь къ формамъ самымъ грубымъ, незнающимъ ничего священнаго, оскорбляющимъ самыя скромныя нравственныя требованія, эта отрасль литературы радикально расходится съ задачами печатнаго слова, и оказывая преимущественное вліяніе на юные классы населенія, даетъ государству право принять относительно ея нѣкоторыя особенности, аналогично тому, какъ и въ общихъ преступленіяхъ законодатель нѣсколько расширяетъ границы ихъ состава, если онѣ обращаются противъ лицъ несовершеннолѣтнихъ, малоопытныхъ и потому требующихъ съ его стороны больше заботливости. Но далеко не эту отрасль литературы имѣлъ въ виду проектъ Бисмарка. «Нравственность» понимается гдѣ въ смыслѣ политическомъ, въ смыслѣ кодекса нравственныхъ началъ господствующихъ классовъ. «Этотъ параграфъ, говорятъ инициаторы къ проекту, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду установить мѣры противъ социальна-демократической партіи, которая, въ виду привлеченія на свою сторону рабочихъ классовъ, облечена въ форму агитаціи въ формы, неподдающіяся общимъ опредѣленіямъ главныхъ законовъ. Она стремится достигнуть свою цѣль, ста-

раясь поставить рабочаго во враждебныя отношенія къ совокупности нравственныхъ основаній государственной жизни, убивая въ нихъ чувство права, нравственности и любви къ отечеству и возбуждая въ нихъ вмѣсто того чувство зависти и горечи къ владѣющимъ классамъ». Извѣстно, что германская нація отличается поразительною упорностью въ защитѣ мнѣній; нигдѣ идеи не доводятся до такой крайности, никакая литература не выступаетъ съ такимъ жаромъ противъ противныхъ ученій, какъ германская. Соціально-демократическая партія имѣетъ въ германской литературѣ множество ожесточенныхъ враговъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ другихъ сферахъ общественной жизни; но замѣчательно, что § 20 проекта Бисмарка встрѣтилъ отпоръ даже съ ихъ стороны. Причина этого двоякая. Разъ, § 20 написанъ въ редакціи до того общей, что подѣ опредѣленія ея подходитъ всякій трактатъ о нравственности, построенный на началахъ, расходящихся въ любомъ отношеніи съ общепринятыми въ настоящее время. Работы Тейлора, опровергающія рядомъ энтологическихъ приѣмовъ сверхъ-естественныя основы нравственности и сводящія нравственныя догмы къ историко-экономическимъ законамъ общегитія, въ такой же степени могли бы подпасть подѣ опредѣленія § 20, какъ и сочиненія соціально-демократической партіи. Еще глубже идетъ второй мотивъ. Допуская, что соціально-демократическая литература, возбуждающая въ рабочихъ чувство зависти и горечи къ владѣющимъ классамъ, дѣйствительно въ высшей степени нежелательна для государства, адвокаты его протестуютъ однако противъ борьбы съ нимъ мѣрами регрессивными, какъ потому, что этимъ направлениемъ далеко не исчерпывается область ученій, нежелательныхъ для государства, такъ и потому, что борьба съ ними—дѣло самой литературы, непремѣнная задача критики, которой государственное вмѣшательство не только не поможетъ, но даже ослабитъ ея силу искусственнымъ уменьшениемъ матеріала и лишениемъ ея нравственнаго простора, свободнаго изслѣдованія. Только свобода создаетъ порядокъ, стѣсненія же мысли производятъ радикализмъ. Это—историческій законъ, не разъ подтверждавшійся цѣною человѣческой крови: «Какъ ни желательно—справедливо замѣчаетъ Глазеръ,—чтобы опредѣленные начала о религіи, нравственности и государствѣ были признаваемы всѣми, но не менѣе желательно и не менѣе важно, чтобъ это признаніе не было вынужденнымъ, а основывалось на внутреннемъ убѣжденіи, въ которому вѣдетъ только свободное изслѣдованіе. Вынуждать признаніе ихъ, значитъ лишать ихъ всякой силы и всякаго значенія». Къ тому

же, при условіяхъ настоящей общественности, печать составляетъ далеко не единственный органъ распространенія мысли; народы приходятъ между собою въ весьма частое соприкосновеніе и иными средствами, пути сообщенія сдѣлали невозможнымъ поддержаніе прежнихъ стѣнъ мысли для тѣхъ или другихъ общественныхъ кружковъ, такъ что въ результатѣ оказывается, что репрессивныя мѣры противъ литературы этого рода совершенно бесполезны и вредны для самого государства.

Не умѣя различить общаго отъ конкретнаго, считая слово юридически-отвѣтственнымъ и тогда, когда оно направлено противъ общаго, полицейская школа печати ставила еще вопросъ, въ высшей степени любопытный и совершенно непонятный для юриста: должно ли сочиненіе представлять условія преступнаго состава своимъ прямымъ смысломъ, или же наказуемость можетъ имѣть мѣсто и тогда, когда о несогласіи автора съ существующими началами о нравственности, религіи и государствѣ можно сдѣлать заключеніе только по духу его работы, по тенденціи ея? Очевидно, для юриста вопросъ этотъ вовсе не можетъ имѣть мѣста: оперируя съ внѣшними отношеніями, юристъ всегда долженъ оставаться чуждъ духовъ вообще и духовъ слова въ частности. Читая между строкъ онъ не умѣетъ и не долженъ, еще менѣе онъ вправѣ доискиваться внутреннихъ пружинъ той или другой мысли, сокровенныхъ желаній того или другого автора. Его дѣло—опредѣлить, заключается ли въ данномъ сочиненіи нарушеніе какого-либо конкретнаго права или покушеніе на него, и эта задача рѣшается имъ по общимъ началамъ толкованія письменныхъ документовъ, причемъ онъ основывается какъ на отдѣльныхъ выраженіяхъ, такъ и на сопоставленіи ихъ между собою. Но идти дальше этого и видѣть въ «духѣ» или тенденціи сочиненія возможное орудіе внѣшняго нарушенія объективныхъ предметовъ юристъ не можетъ: противъ этого протестуютъ коренныя аксіомы его науки. Вотъ почему и въ германскихъ законодательствахъ новѣйшаго времени, рѣшившихся поставить печать на почву права, замѣчается явное стремленіе къ таковой редакціи постановленій о наказуемыхъ видахъ печати, которая исключала бы всякую возможность назначенія отвѣтственности за «духъ» или тенденцію сочиненія. Проектъ Виндгорста-Бидермана, уклоняясь отъ созданія особыхъ преступленій печати по содержанію или по формѣ слова, примыкаетъ къ этому именно направленію. Напротивъ, проектъ Бисмарка оставляетъ возможность судебного преслѣдованія сочиненій исключительно по тенденціи ихъ. Для наказуемости и посягательствъ путемъ слова противъ началъ семьи, собствен-

ности, общей воинской повинности и иныхъ основъ государственнаго порядка онъ требуетъ лишь, чтобы слово заключало въ себѣ «нарушеніе нравственности, юридическаго смысла или любви къ отечеству», и подвергаетъ наказанію всякое изложеніе отношеній гражданскаго общества, которое можетъ быть опасно для общаго спокойствія. Напрасно искать въ этихъ постановленіяхъ иное желаніе, кромѣ желанія заставить возмозможностью преслѣдованія сочиненій, которыя могутъ не понравиться только своею тенденціею.

XI.

Внутренняя вина, основанная на вѣнненіи, по общимъ началамъ уголовного права, есть непремѣнное условіе преступности и наказуемости дѣйствія. Отъ полицейской школы мы должны ждать игнорированія и этого начала, такъ какъ она не въ силахъ была выяснитъ себѣ съ достаточною точностью предметъ преступленій печати. Наше ожиданіе вполнѣ подтверждается фактами. Вѣнненіе юридическое, какъ извѣстно, слагается изъ элементовъ знанія и воли. То и другая могутъ быть обращены на внѣшнее дѣйствіе, какъ способъ нарушенія, или на самое нарушеніе. По общимъ началамъ уголовного права требуется, чтобы виновный зналъ и желалъ не только дѣйствія, которымъ онъ производитъ нарушеніе въ данной области отношеній, но и послѣдствія его. Безъ желанія послѣдствія мы имѣемъ дѣло съ неосторожностью, безъ знанія и желанія послѣдствія говорятъ о явленіяхъ случайныхъ, стоящихъ внѣ области юридическаго вѣнненія, хотя бы было доказано, что дѣятель желалъ произвести то дѣйствіе, неожиданнымъ результатомъ котораго былъ ущербъ для юридической сферы другихъ. Пока печать стояла совершенно въ сторонѣ отъ судовъ, полицейская школа успѣла парализовать для нея это начало юридическаго вѣнненія и разбирала сочиненія, не справляясь съ виною автора. Съ учрежденіемъ судебного порядка, поступать такимъ образомъ она болѣе не могла, ей волею-неволею пришлось признать и для печати обязательность этихъ началъ, но она употребила всѣ усилія, чтобы придать имъ только формальную, мнимую силу. Соглашаясь повидимому, что и преступленія слова зависятъ отъ элементовъ вѣнненія, она постаралась сообщить имъ для этой области такія уклоненія отъ общаго правила, которыя имѣли въ результатѣ то, что въ дѣйствительности для нея они остались совершенно чуждыми. Достигнувъ этого они слѣдующимъ путемъ. Они слили въ одинъ моментъ

дѣйствіе и послѣдствіе, объявивъ, что знаніе и желаніе дѣйствія есть вмѣстѣ съ тѣмъ знаніе и желаніе послѣдствія. Произнося или печатая слово, заключающее въ себѣ опредѣленное нарушеніе, авторъ—говорили они—тѣмъ самымъ высказываетъ желаніе произвести послѣднее. Сдѣлать этотъ прыжокъ отъ дѣйствія къ послѣдствію для нихъ было тѣмъ легче и тѣмъ болѣе казалось естественнымъ и необходимымъ, что возможнымъ предметомъ преступнаго слова они считали не только конкретное, но и общее, признаніе или непризнаніе котораго, дѣйствительно, связано неразрывнымъ образомъ съ аргументаціею автора и уже совершенно достаточно опредѣляется содержаніемъ или формою слова. Но этотъ способъ разрѣшенія вопроса о винѣ оказался непригоднымъ для судебной дѣятельности. Принявъ печать отъ администраціи, въ силу естественнаго хода вещей, она должна была замѣнить полицейскія начала правовыми и потребовала распространеніе на печать общихъ уголовно-юридическихъ условій вмѣненія. Движеніе это для Германіи еще нельзя признать законченнымъ, до сихъ поръ еще во многихъ сепаративныхъ законахъ проглядываетъ мысль, что для вмѣненія въ вину преступленій печати слѣдуетъ ограничиваться знаніемъ и желаніемъ дѣйствія (обнародованія слова), хотя бы послѣдствіе его вовсе не предвидѣлось и не желалось авторомъ. Таковы, напр., многія постановленія дѣйствующихъ виртембергскаго и баварскаго законовъ о печати. Тѣмъ не менѣе, однако, въ пестромъ калейдоскопѣ германскихъ законовъ о печати встрѣчаются уже весьма серьезныя попытки въ правовомъ направленіи, которыя присоединяютъ вопросъ о вмѣненія въ преступленіяхъ печати къ общимъ уголовно-юридическимъ опредѣленіямъ. Примѣры баденскаго и новосаксонскаго законовъ о печати дали сѣздамъ германскихъ юристовъ и журналистовъ право считать, что эти сепаративныя попытки могутъ быть возведены въ общее для всей Германіи правило, и потому проектъ Виндгорста-Бидермана объявляетъ себя за него. Правительственный проектъ, напротивъ, тянетъ къ прошлому; его редація § 20 требуетъ наличность внутреннихъ элементовъ вины только относительно дѣйствія (выраженія слова), каково бы ни было отношеніе ихъ къ послѣдствію.

Въ тѣсной связи съ разсмотрѣнными постановленіями стоятъ употребляемыя особыми законами о печати начала для опредѣленія моментовъ наказуемаго покушенія и совершенія. Согласно общимъ положеніямъ уголовного права, совершеніе признается только съ того момента, когда отъ дѣйствія лица послѣдовало реальное нарушеніе какого-либо блага, охраняемаго закономъ

подъ угрозою наказанія; напр., убійство признается совершившимся только съ момента смерти, кража—съ момента изъятія опредѣленнаго имущества изъ владѣнія собственника и перехода его во владѣніе вора, и т. под. Если до сихъ поръ встрѣчаются изъятія изъ этого общаго начала, вызваншія со стороны криминалистовъ любопытное опредѣленіе, по которому «преступленіе считается совершившимся, если дѣятель сдѣлалъ все, что законъ требуетъ для понятія совершенія», то онѣ болѣе и болѣе вымираютъ, представляя собою остатки предупредительно-полицейской эпохи, пережившіе свое время. Этимъ началомъ опредѣляется и моментъ наказуемаго покушенія. Въ область его внѣшнее дѣйствіе вступаетъ только тогда, когда оно направляется на предметъ преступления, напр. при убійствѣ—съ прицѣливанія въ убиваемаго, при кражѣ—съ актовъ, которыми виновный приступаетъ къ взытію вещи и т. п. Напротивъ, всл дѣятельность, направленная на средства преступления для присканія, приобрѣтенія и приспособленія ихъ къ произведенію преступнаго нарушенія, стоитъ внѣ предѣловъ наказуемости, наполняя обширную область приготовленія. Примѣняя эти общія начала къ преступленіямъ печати, моментъ совершенія ихъ слѣдовало бы опредѣлить тѣмъ моментомъ, когда слово успѣло произвести реальное нарушеніе какого-либо блага, напр., чести, или возбудить другихъ къ противозаконному дѣйствію, окончившемуся дѣйствительнымъ нарушеніемъ, напр., возстаніемъ противъ властей. Покушеніе же начинается здѣсь только съ того момента, когда слово успѣло дѣйствительно обратиться къ читателю, т.-е., съ момента обнародованія его. Все, лежащее за этою границею, относится въ области приготовленія и не подлежитъ никакимъ карательнымъ мѣрамъ.

Этихъ-то началъ и не желала признать полицейская негодн печати ни въ своихъ теоретическихъ трактатахъ, ни въ тѣхъ законахъ, которые составлялись подъ прямымъ ея влияніемъ. Дѣйствующіе по этому вопросу законы Германіи избираютъ двойную редакцію для разрѣшенія его. Одни, именно баденскій § 15, саксенъ-веймарскій art. 11 и отчасти новосаксонскій § 5, обозначаютъ моменты совершенія и наказуемаго покушенія преступленій печати порознь, опредѣляя совершеніе не реальнымъ на ушеніемъ какого-либо конкретнаго права, а обнародованіемъ с.к.а: покушеніе же охватываетъ всю область дѣйствія, направленную на распространеніе слова. Это направленіе, такимъ образомъ, и привлекаетъ человеческое слово на скамью подсудимыхъ гораздо раньше обнародованія его, т.-е., гораздо раньше того крайн-го

момента, съ котораго слово можетъ имѣть юридическое значеніе для государства. Другой путь стараетсяъ установить моментъ наказуемости слова, и редакцію законодательствъ, придерживающихся его, интересуетъ не разграниченіе покушенія и совершенія, задача котораго возлагается на общее уголовное законодательство, а точное установленіе той стадіи дѣятельности печатнаго слова, съ которой начинается наказуемость. Сволько мнѣ извѣстно, починъ этому направленію въ Германіи данъ баварскимъ закономъ о печати 17-го марта 1850, который въ ст. 1-й постановляетъ: «уголовно-юридическая отвѣтственность за содержаніе сочиненія наступаетъ съ того момента, когда сочиненіе дѣйствительно опубликовано, роздано подписчикамъ, выставлено для продажи или инымъ способомъ пущено въ общественный оборотъ». Къ нему скоро применилъ прусскій законъ о печати, содержащій въ §§ 32 и 33 однородныя постановленія ¹⁾. Но признавая моментъ обнародованія крайнимъ пунктомъ, съ котораго начинается уголовная отвѣтственность слова, германскіе законы далеко не всегда придавали этому понятію тотъ смыслъ, который соединяется съ нимъ въ обыкновенной рѣчи. Они были согласны только въ одномъ, что напечатаніе сочиненія еще не равносильно обнародованію его; прямое признаніе этого начала мы встрѣчаемъ въ законодательствахъ баденскомъ, саксонскомъ, прусскомъ, баварскомъ и др. За то стадіа дѣятельности, лежащая между печатаніемъ и дѣйствительнымъ распространеніемъ продуктовъ типографскаго станка, возбуждала много споровъ и сомнѣній. Вѣрная своему принципу, полицейская школа всѣми силами старалась и здѣсь поставить фикцію на мѣсто достовѣрности и замѣнить «дѣйствительное распространеніе слова» предполагаемымъ. Съ этою цѣлью она прибѣгла къ созданнымъ ею же обязанностямъ рассылать произведенія слова не иначе, какъ по государственной почтѣ и представлять административнымъ органамъ всякое произведеніе типографскаго станка до его распространенія. Моментъ такого представленія сочиненія или сдачи его государственной почтѣ былъ объявленъ моментомъ распространенія его. Лишенная прочныхъ указаній со стороны законодателя, находясь подъ свѣжимъ вліяніемъ полицейской школы, такъ недавно еще объявлявшей за собой исключительное и верховное право

¹⁾ § 32. Наказуемость преступленія или проступка, учиненнаго путемъ печати, начинается съ момента опубликованія произведенія печати.

§ 33. Опубликованіе произведенія печати имѣетъ мѣсто, какъ скоро сочиненіе роздано, разослано, распространено или выставлено въ мѣстахъ публичныхъ.

разрѣшенія вопросовъ объ отношеніи государства къ человѣческой мысли и человѣческому слову, даже судебная практика тѣхъ государствъ Германіи, которыя поставили своей задачей обезпечить для печати силу общаго права, склонялась иногда на сторону прежняго режима. Такъ, несмотря на ясныя повидимому опредѣленія §§ 32 и 33 прусскаго закона 1851, прусская судебная практика отождествляла моментъ сдачи сочиненія государственной почтѣ для разсылки съ моментомъ дѣйствительнаго распространенія его. Выученные этимъ уваженіемъ опыта, германскіе юристы и журналисты полагали необходимымъ внести въ законъ о печати точное опредѣленіе, что слѣдуетъ считать распространеніемъ сочиненія. Въ § 4 проекта «*Berliner Presse*» мы читаемъ: «распространеніемъ произведеній печати считается предложеніе для покупки, распредѣленіе, публичное выставленіе и публичное объявленіе о выходѣ въ свѣтъ множества экземпляровъ для неопредѣленнаго множества лицъ, или выставка произведеній печати въ такихъ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ могутъ быть разсматриваемы всякимъ желающимъ. Сдача сочиненія на почту для разсылки не признается распространеніемъ его». Подобныя же опредѣленія содержали въ себѣ проекты Виндгорста и Бидермана. Имперская Дума выразила это начало въ слѣдующей редакціи: «распространеніе сочиненія въ смыслѣ настоящаго закона признается въ наличности, когда данное произведеніе выдано покупщику, когда о немъ публично объявлено (*angeschlagen*), когда оно выставлено въ публичныхъ мѣстахъ, въ публичныхъ читальныхъ кабинетахъ или ссудныхъ библіотекахъ, или же когда оно раздавалось неопредѣленному множеству лицъ. Сдача изданія на почту для пересылки еще не считается распространеніемъ его». Словомъ, всѣ эти проекты нашли нужнымъ съ особою ясностью иллюминировать понятіе распространенія, чтобы положить конецъ тѣмъ произвольнымъ расширеніямъ его, которыя встрѣтились въ судебной практикѣ. Напротивъ, правительственный проектъ обходить этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ; въ этомъ германская литература не безъ основанія увидѣла сочувствіе его къ толкованію прусскихъ судовъ.

XII.

Такимъ образомъ, не самая мысль интересуется и можетъ интересоваться законодателя, не облеченіе ея въ то или иное слово, наконецъ, не тисненіе слова на типографскомъ станкѣ, а ея распространеніе. Этимъ объясняется, что даже перепечатка можетъ быть преступною. Потому же обыкновенно требуется дѣятельность многихъ лицъ, прежде чѣмъ слово дойдетъ до той ступени, съ которой оно можетъ имѣть юридическое значеніе. Принципъ раздѣленія труда проводится здѣсь въ весьма широкихъ размѣрахъ; рядомъ съ авторомъ стоятъ редакторъ, издатель, типографъ, наборщикъ, коммиссіонеръ, книгопродавецъ, разнощикъ и масса другихъ дѣятелей, совокупными усилиями которыхъ мысль, переставая быть частнымъ достояніемъ автора, распространяется въ массѣ. Это обстоятельство порождаетъ цѣлый рядъ вопросовъ объ условіяхъ и размѣрахъ юридической отвѣтственности каждаго изъ названныхъ дѣятелей.

Легче всего вопросъ этотъ рѣшается для автора. Если распространеніе сдѣлано съ его вѣдома и согласія, онъ несетъ отвѣтственность за послѣдствіе въ полномъ ея размѣрѣ. Въ германской литературѣ возникли лишь сомнѣнія, да и то весьма слабыя, относительно отвѣтственности автора за статьи, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Общепринятая теорія и въ случаяхъ этого рода признаетъ автора виновникомъ или дѣятелемъ преступленія, *Thäter*, виновникомъ физическимъ въ отличіе отъ интеллектуальнаго, *Urheber*. Взглядъ этотъ опирается на то соображеніе, что статья, присылаемая авторомъ въ періодическое изданіе, печатается по его инициативѣ и желанію; его добрая воля воспользоваться органомъ мысли, открытымъ для всѣхъ, и лица, завѣдывающія періодическимъ изданіемъ, исполняютъ лишь волю автора, согласную, конечно, съ ихъ собственными планами, помѣщая у себя его статью. Противоположный взглядъ высказанъ кѣнигсбергскимъ профессоромъ Іономъ. По мнѣнію этого почтеннаго германскаго юриста, одного изъ самыхъ выдающихся защитниковъ правового порядка печати, дѣятельность автора статей, помѣщаемыхъ въ періодическомъ изданіи, существенно отличается отъ дѣятельности автора самостоятельной книги и брошюры. Его нельзя признать дѣятелемъ преступленія печати въ юридическомъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ его власти только написать и не написать статью черниломъ; разрѣшеніе же вопроса о печата-

ни и распространеніи ея онъ ставить въ полную зависимость отъ лицъ, завѣдывающихъ періодическимъ изданіемъ, и потому не можетъ отвѣчать за эти послѣдствія; 2) посылая свою статью въ редакцію, онъ собственно посылаетъ ее не для напечатанія, а для оцѣнки ее редакторомъ, совершающимъ окончательный выборъ и подборъ статей для даннаго номера изъ всей массы присланнаго матеріала: это такая же умственная работа, какъ и работа каждаго отдѣльнаго писателя, положенная на составленіе своей статьи. Только цѣлое даетъ періодическому изданію его особенный цвѣтъ и контуры; оно же производится не авторомъ отдѣльныхъ статей, а редакторомъ всего изданія. Кромѣ того, въ повременныхъ изданіяхъ отдѣльная статья нерѣдко имѣетъ тотъ или другой смыслъ только по соотношенію ея съ другими частями изданія, съ его направлениемъ и общими задачами. Странно было бы наказывать автора за то, что не принадлежитъ ему; въ статьяхъ же періодическаго изданія невозможно отличить принадлежащее отъ чуждаго ему. Наконецъ, 3) къ чему бы — спрашиваетъ Ионъ — существовали на всемъ свѣтѣ отвѣтственные редакторы, еслибъ они не отвѣчали за статьи періодическаго изданія?

Однако, аргументы Иона не нашли адептовъ въ Германіи. Противъ перваго положенія его замѣтили, что, присылая свою статью въ редакцію періодическаго изданія, авторъ даетъ послѣднему возможность напечатать ее и, слѣдовательно, не можетъ умыть руки соображеніемъ, будто бы редакція вольна была напечатать или не печатать ее. Есть масса общихъ преступленій, въ которыхъ наступленіе послѣдствія ставится въ зависимость отъ дѣятельности третьихъ лицъ, и, однако, это обстоятельство не подрываетъ отвѣтственности того, кто далъ имъ первый толчокъ; таковы всѣ случаи подстрекательства, тотъ же характеръ носитъ прелюбодѣяніе, убійство по соизволенію, мошенничество и т. под. Второе соображеніе Иона также не убѣдительно. Изъ него можно заключить лишь, что редакторъ можетъ и долженъ подлежать отвѣтственности вмѣстѣ съ авторомъ, такъ какъ и на его долю приходится часть интеллектуальной работы, результаты которой появляются въ №№ періодическаго изданія; дѣлать же выводъ о безотвѣтственности автора оно не даетъ никакого права. То же можно замѣтить противъ третьяго положенія его; кромѣ того, институтъ отвѣтственныхъ редакторовъ — далеко не такая безусловная міровая необходимость, какою ее представляетъ себѣ Ионъ. Это продуктъ полицейскаго направленія въ дѣлахъ печати послѣднее исчезаетъ по мѣрѣ перехода послѣдней въ эпоху прав

вую. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, теорія безотвѣтственности автора за статьи и сообщенія, помѣщаемыя въ періодическихъ изданіяхъ, несмотря на авторитетъ ея защитника, не была принята ни однимъ германскимъ закономъ, не нашла себѣ мѣста ни въ одномъ проектѣ, лежащемъ въ настоящую минуту передъ моими глазами. Настаивая на ней, Іонъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду разрѣшить жгучій вопросъ о правѣ анонима и псевдонима. Право это, какъ доказалъ опытъ, въ высшей степени важно для обезпеченія за литературой свободы изслѣдованія, и нарушение его общало бы весьма серьезныя неудобства. Но для удержанія его вовсе не нужно прибѣгать къ тѣмъ отступленіямъ отъ юридическихъ началъ отвѣтственности, которыя предлагаетъ Іонъ. Право анонима и псевдонима есть выводъ принципа свободы печати; пока существуетъ свобода печати, будетъ существовать и право анонима; но оно отпадаетъ при злоупотребленіи этой свободой, т. е., при совершеніи помощью печати дѣйствій, отвѣчающихъ на опредѣленія о преступности. Такимъ образомъ, право судебной власти разыскивать дѣйствительнаго автора данной статьи вовсе не отрицаетъ права анонима и псевдонима, точно также какъ право подвергать тюремному заключенію за воровство не отрицаетъ начала личной свободы. Невѣренъ только выводъ, который дѣлала отсюда полицейская школа, утверждая, что государство можетъ обязать опредѣленныхъ лицъ, каковы редакторъ, издатель, книгопродавецъ и т. под., назвать дѣйствительнаго автора статьи: лица эти, какъ обвиняемые, не могутъ быть принуждаемы ни къ какому показанію, а слѣд., не могутъ быть наказуемы за отказъ назвать автора. Это—коренной принципъ уголовного процесса. Но у судебной власти есть масса другихъ средствъ узнать дѣйствительнаго автора, и къ помощи ихъ она можетъ прибѣгать по общимъ уголовно-юридическимъ началамъ, нисколько не подрывая тѣмъ права анонима и псевдонима.

Второе поочереды лицо, ближе всѣхъ остальныхъ стоящее къ автору статей, помѣщенныхъ въ періодическомъ изданіи—редакторъ его. Мы уже имѣли случай замѣтить въ предыдущемъ изложеніи, что институтъ отвѣтственныхъ редакторовъ начинается замѣтно вымирать въ германскихъ законодательствахъ послѣдняго времени, такъ какъ въ той обрисовкѣ, которую дала ему полицейская школа, онъ оказался совершенно несовмѣстимымъ съ правовымъ порядкомъ печати. Но, какъ бытовое явленіе, институтъ редакторства безъ прибавки «отвѣтственнаго» имѣетъ весьма прочныя корни въ природѣ того органа слова, который объединяетъ

подъ одно знамя множество литературныхъ силъ. Отъ редактора зависигъ принять или не-принять присланный матеріалъ, нерѣдко онъ даже заказываетъ статьи и направленіе ихъ, еще чаще онъ вооруженъ магическимъ карандашемъ, перечеркивающимъ одно, прибавляющимъ другое и дѣлающимъ неузнаваемою для самого автора статью, появившуюся на страницахъ его изданія. Словомъ, у редактора есть множество авторскихъ атрибутовъ, и если даже онъ не пользуется своею цензорскою властью въ измѣненіи отдѣльныхъ статей, все-таки въ его рукахъ остается ихъ подборъ. Весьма нерѣдко редакторъ самъ превращается въ автора. Это богатство авторскихъ атрибутовъ до такой степени поразило Іона, что онъ считается даже необходимымъ узаконить правило, по которому «отвѣтственный редакторъ есть авторъ всего періодическаго изданія», отстаивая его съ большимъ упорствомъ и искусствомъ въ своемъ рефератѣ, представленномъ шестому съѣзду германскихъ юристовъ въ отвѣтъ на рефератъ Глазера. На немъ онъ основывалъ защиту начала безотвѣтственности автора статей, помѣщенныхъ въ періодическомъ изданіи. Безъ этой послѣдней прибавки, оно принимается многими германскими законодательствами, которыя постановляютъ, что «отвѣтственный редакторъ во всякомъ случаѣ признается главнымъ виновникомъ того преступленія, которое учинено періодическимъ изданіемъ.» Проектъ Бисмарка держится этого именно пути: его репрессивныя мѣры для періодическихъ изданій имѣютъ въ виду отвѣтственнаго редактора гораздо болѣе, чѣмъ автора. Однако, положеніе Іона имѣетъ недостатки, свойственные всякой безусловной фикціи. Редакторъ оказываетъ большое вліяніе на періодическое изданіе, но скорѣе какъ дирижеръ оркестра или какъ установитель (monteur) машины, а не какъ отдѣльный музыкантъ или машинное колесо; съ другой стороны, такимъ вліяющимъ редакторомъ далеко не всегда бываетъ отвѣтственный редакторъ. Не рѣдки также случаи, когда не авторъ зависитъ отъ редактора, а редакторъ отъ автора; не было бы также новостью увидѣть редактора, совершенно зависящаго отъ издателя или собственника періодическаго изданія. Безусловная легальная фикція отнимаетъ у суда всякую возможность обращать вниманіе на эти особенности каждаго случая, и потому имѣетъ въ своемъ результатѣ формальную истину, вмѣсто матеріальной, къ которой въ общемъ правилѣ стремиа судебнo-уголовная дѣятельность.

Издатель или собственникъ изданія занимаетъ третье мѣсто. Отношеніе его къ изданію можетъ быть самое разнообразное, начиная отъ наиболѣе пассивнаго и кончая наиболѣе активнымъ.

Одинъ издатель требуетъ только денегъ, предоставляя редактору и авторамъ полную свободу въ выборѣ матеріала и направленія; другой рядомъ съ запросомъ на деньги ставитъ запросъ на определенное направленіе, вмѣшиваясь въ постановку каждаго номера; третій, наконецъ, жертвуетъ деньгами для направленія книги, газеты или журнала. Благодаря своему экономическому положенію и экономической отъ него зависимости какъ редактора, такъ и отдѣльныхъ сотрудниковъ, собственникъ изданія въ большей части случаевъ можетъ смѣло рассчитывать на успѣхъ своихъ домогательствъ относительно направленія изданія. Его карманъ дѣлаетъ его господиномъ изданія во всѣхъ отношеніяхъ, если онъ этого только пожелаетъ ¹⁾. Вотъ почему полное освобожденіе издателя отъ всякой отвѣтственности, если на лицо есть авторъ или редакторъ,—какъ желаетъ буржуазная бельгійская система,—не одобряется теперь въ Германіи. Вальбергъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ германскихъ криминалистовъ, бросилъ ей перчатку. Во многихъ случаяхъ освобожденіе издателя отъ отвѣтственности было бы потачкой самой главной причинѣ преступленія, интеллектуальному его виновнику, и дѣятельность его весьма часто удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ подстрекательства къ преступленію печати. «Опытные практики свидѣтельствуютъ, по словамъ Лентнера, о впечатлѣніи въ высшей степени печальномъ, которое производится безотвѣтственностью издателя на знающихъ, что онъ именно и былъ главною пружиною всего преступленія, что онъ управлялъ имъ, редакторъ же и авторы были лишь послушными орудіями въ его рукахъ.» Но эти случаи,—повторяю—далеко не общее правило; весьма нерѣдко дѣятельность издателя относительно направленія и содержанія издаваемого сочиненія — чисто пассивная. Поэтому-то примѣненіе къ нему какой-нибудь безусловной полицейской фикціи всего менѣе желательно, и дѣятельность его должна быть поставлена подъ определенія закона, которыя обладали бы достаточною гибкостью для примѣненія ихъ къ самымъ разнообразнымъ обстановкамъ. Этотъ характеръ носить общія уголовно-юридическія начала о подстрекательствѣ. Однако, германскія законодательства, находящіяся еще подъ замѣтнымъ вліяніемъ полицейской школы, не сдѣлали пока этого шага: онѣ или освобождаютъ издателя отъ всякой отвѣтственности, или подвергаютъ его полному наказанію и различнымъ формальнымъ основаніямъ, не справляясь съ его

¹⁾ Сошлюсь въ доказательство примѣнимости этой мысли къ Германіи на прежнюю брошюру *Вутке: Die deutschen Zeitschriften und die Entstehung der öffentlichen Meinung. Hamburg, 1866.*

виною. Проектъ Бисмарка не приводитъ издателя въ ряду лицъ, отвѣтственныхъ въ полной мѣрѣ за содержаніе произведеній печати; проекты Виндгорста-Бидермана примѣняютъ къ нему начала бельгійской системы.

Таковы лица, которыя могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за содержаніе или форму произведеній типографскаго станка согласно общимъ уголовно-юридическимъ началамъ. Подъ опредѣленія ихъ, конечно, можетъ подойти и масса другихъ лицъ, не имѣющихъ напередъ установленной вѣлички въ литературно-типографскомъ предпріятіи; напр., другъ автора можетъ убѣдить его совершить преступленіе печати, авторъ и редакторъ могутъ дѣйствовать по подкупу лица, совершенно посторонняго области этого предпріятія, чтó, однако, не можетъ освободить его отъ отвѣтственности по общимъ началамъ. Это правило уже пустило ростки во многіе германскіе законы, которые (напр., прусскій § 34, баденскій § 12), выставляя особенныя опредѣленія о лицахъ, наказуемыхъ за преступленія печати, придаютъ имъ лишь значеніе ограниченной общаго уголовного законодательства, а не отиѣны его. Еще дальше идетъ новосаксонскій законъ, рассматривающій эти особенности (ст. 19) какъ дополненія общаго правила на случай отсутствія всѣхъ условій, необходимыхъ для примѣненія его ¹⁾. Къ тому же направленію примыкаетъ проектъ Бисмарка; объявляя для преступленій печати общія начала соучастія, онъ дополняетъ ихъ фивціями, унаслѣдованными отъ полицейской школы. Издатель, коммиссіонеръ и типографъ, если къ нимъ не могутъ быть примѣнены общія начала соучастія, подвергаются денежному взысканію въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, такъ какъ оно отпадаетъ при названіи автора. Проекты Виндгорста-Бидермана возлагаютъ на издателя, коммиссіонера и распространителя отвѣтственность, совершенно не справляясь съ ихъ виною; но и другія лица могутъ быть привлечены къ отвѣтственности по общимъ уголовно-юридическимъ началамъ.

Отвѣтственность распространителя сочиненія, книгопродавца, типографа и другихъ дѣятелей, вызвала еще болѣе серьезныя затрудненія, которыми литература и законодательство обязаны полицейской школѣ. Послѣдняя старалась рѣшить этотъ вопросъ

¹⁾ Ст. 19. Если содержаніе произведенія печати нарушаетъ уголовный законъ, то къ нему примѣняются предписанія послѣдняго.

Ст. 20. Но если произведеніе печати, не принадлежащее къ періодическимъ изданіямъ и нарушающее уголовный законъ, не можетъ быть привлечено къ отвѣтственности по ст. 19, то за содержаніе его подвергаются дисциплинарному взысканію издатель, коммиссіонеръ, типографъ и распространитель (по началамъ бельгійской системы.)

исключительно по положенію лица, не справляясь съ его виною, но положеніе не всегда свидѣтельствуетъ о винѣ. Книгопродавецъ, типографъ, комиссіонеръ, наборщикъ и др. лица вкладываютъ въ произведеніе печати дѣятельность чисто механическую, которая существенно отличается отъ сторонъ печати, интересующихъ законодателя, и участіе въ первыхъ еще не свидѣтельствуетъ объ участіи во вторыхъ. Въ послѣднее время въ Германіи болѣе и болѣе окрѣпаетъ слѣдующій взглядъ, лежащій въ основу этого вопроса и получающій значеніе критерія юридической отвѣтственности названныхъ дѣятелей. Онъ различаетъ акты, входящіе въ область правильного производства даннаго промысла и совершаемые съ соблюденіемъ его началъ, отъ актовъ, уклоняющихся отъ нихъ. Первые устанавливаютъ предположеніе невинности, вторые, напротивъ, свидѣтельствуютъ о вѣроятномъ участіи дѣятеля въ преступленіи. Такъ, напр., типографъ, получивши заказъ въ обыкновенномъ порядкѣ, выполнившій всѣ требованія промысловаго устава относительно производства и полученія его, не подлежитъ отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ, хотя бы заказъ удовлетворялъ признакамъ преступленія; напротивъ, если онъ не исполнилъ этихъ требованій, то можетъ быть преслѣдуемъ за нарушеніе правилъ промысловаго устава и, кромѣ того, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности какъ одинъ изъ участниковъ преступленія печати, когда будетъ доказано, что его дѣятельность отвѣчаетъ общимъ уголовно-юридическимъ постановленіямъ. Въ томъ же положеніи стоитъ книгопродавецъ. Еще сильнѣе допущеніе невинности для наборщиковъ, разносчиковъ, разсылныхъ и т. под. лицъ: производя данную работу, какъ одну изъ частей своего постоянного занятія, дозволяемаго закономъ, они совершенно освобождаются отъ отвѣтственности. Наборъ, разноска, корректура статьи только тогда могутъ возбуждать подозрѣніе въ виновности, если въ данномъ случаѣ ими занимаются лица, для которыхъ это дѣло не входитъ въ обыкновенный кругъ занятій, или занимаются имъ при необыкновенныхъ условіяхъ, напр., не въ типографіи и безъ соблюденія правилъ, установленныхъ промысловымъ уставомъ.

Начала эти болѣе и болѣе проникаютъ въ германскія законодательства; законы баденскій, новосаксонскій и особенно баварскій уже очень близки къ полному осуществленію ихъ, и тѣ исключенія, которыя въ нихъ еще встрѣчаются относительно типографа, книгопродавца и распространителя противозаконнаго сочиненія, дѣлаются съ возможною осторожностью: они уже не рѣшаются примѣнять къ этимъ лицамъ общихъ карательныхъ мѣръ

при отсутствіи доказаннаго соучастія, а только слабыя репрессивныя мѣры въ видѣ наказаній за неосторожность или за небрежное выполненіе своихъ обязанностей. На той же почвѣ стоятъ интересующіе насъ проекты общегерманскаго закона о печати. Однако, и это рѣшеніе вопроса оказывается болѣе и болѣе неудобнымъ, такъ какъ при современномъ состояніи книжнаго дѣла книгопродавецъ и типографъ не имѣютъ никакой возможности ознакомиться обстоятельно съ содержаніемъ и формою сочиненій, попадающихъ въ ихъ лапеу или обращающихся къ ихъ типографскому станку.

XIII.

Подъ вліяніемъ прежняго отношенія государства къ мысли, для печати создавалась цѣлая сѣть особыхъ наказаній, или, вѣрнѣе, карательныхъ послѣдствій, не имѣвшихъ ничего общаго съ наказаніемъ въ уголовно-юридическомъ смыслѣ. Сюда, между прочимъ, принадлежатъ мѣры, входящія въ область, такъ-называемаго, объективнаго производства, о которомъ была рѣчь выше (гл. V). Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что устраняя—по принципу цензурнаго порядка—личную отвѣтственность виновныхъ, онѣ направляются на самое предпріятіе, въ той или другой формѣ, эксплуатирующее печатный станокъ, и имѣютъ своей задачей сдѣлать экономически невозможнымъ продолженіе его, если оно встало на путь, расходящійся съ интересами государственной власти. Юридическая негодность мѣръ этого рода уже признана. Еще Бенжаменъ Констанъ, говоря о проектѣ французскаго закона 1819, который раздѣлялъ отвѣтственность автора и книги, постановляя, что судъ можетъ преслѣдовать сочиненія, не ставя вопроса о винѣ автора и возбуждая противъ него преслѣдованіе только тогда, когда авторъ не согласится съ приговоромъ о книгѣ, энергически возсталъ противъ этого порядка. Опаснымъ и вреднымъ для государства онъ его считаетъ: 1) какъ нападеніе въ потемкахъ, неприличное судебной власти и подрывающее къ ней уваженіе общества; 2) какъ мѣру безнравственную, потому что онъ подкупаетъ молчаніе автора обѣщаніемъ безнаказанности того, что самъ законъ признаетъ преступнымъ; и 3) какъ невыгодное для подсудимаго нарушеніе уголовно-процессуальныхъ началъ, потому что онъ превращаетъ автора изъ положенія обороняющейся стороны въ гораздо болѣе трудное положеніе стороны наступающей, будто бы требующей наказанія. Мы уже имѣли случай замѣ-

тить, что предложенное на почвѣ австрійской начало объективнаго производства не встрѣтило себѣ сочувствія въ Германіи. Его не знаетъ ни одинъ германскій законъ, къ нему не примыкаетъ ни одинъ изъ интересующихъ насъ проектовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, начало это до таковой степени тѣсно срослось съ цензурнымъ порядкомъ печати, что даже законодательства, открыто пишущія на своемъ знамени несогласіе съ нимъ, не могли не отдать ему дань въ эпоху броженія, когда полицейскій порядокъ быстро вымиралъ, но правовой еще не успѣлъ окончательно стать на его мѣсто. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе или менѣе крупныя проявленія его мы встрѣчаемъ почти во всѣхъ германскихъ законахъ о печати, дѣйствующихъ въ настоящее время.

Этотъ именно характеръ носятъ всѣ карательныя мѣры, разсчитанныя исключительно на предпріятіе: закрытіе типографіи или книготорговли, прекращеніе и пріостановленіе періодическихъ изданій и подобныя имъ мѣры, которыми были богаты нѣмецкіе уставы о печати прежняго времени, которые кое-гдѣ ¹⁾ встрѣчаются и до сихъ поръ, но быстро близятся уже къ своему концу. Въ частности судебное прекращеніе періодическихъ изданій или пріостановленіе ихъ на болѣе или менѣе значительный срокъ не принято ни однимъ изъ германскихъ законовъ послѣдняго выпуска, справедливо полагавшихъ, что эта мѣра по своей природѣ составляетъ не кару за вину, а средство противъ возможной опасности изданія въ будущемъ. Уже прусскій законъ 1851 г. не знаетъ ее въ качествѣ самостоятельнаго наказанія для повременныхъ произведеній, издаваемыхъ въ предѣлахъ Пруссіи; новосаксонскій 1870 г. долженъ былъ согласиться, что она неумѣстна и для иностранныхъ повременныхъ изданій; поэтому-то, удерживая для нихъ эту мѣру, онъ формулировалъ ее не какъ наказаніе, а какъ напередъ назначаемый арестъ каждаго отдѣльнаго № изданія въ теченіи опредѣленнаго времени. Баварскій законъ 1850 г. дозволяетъ судебное пріостановленіе иностранныхъ повременныхъ изданій только въ такомъ случаѣ, когда завѣдывающіе имъ не исполняютъ назначеннаго судомъ приговора (art. 6). § 6 проекта Бидермана прямо высказывается противъ судебного прекращенія повременныхъ изданій; это начало принято и окончательнымъ проектомъ германскихъ журналистовъ, опредѣленія котораго переписываетъ проектъ Виндгорста. Проектъ же Бисмарка, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, переписываетъ

¹⁾ Мекленбургскій законъ 1850 г. § 45; прусскій 1851 г. § 50; даже баварскій 1850 г. §§ 2, 6, 51; новосаксонскій ст. 22, 23, 25 и другіе.

опредѣленія прусскаго закона 1851 г., перенося на имперскаго канцлера право пріостанавливать въ извѣстныхъ случаяхъ распространеніе въ Германіи иностранныхъ повременныхъ изданій срокомъ до 2-хъ лѣтъ.

Разсматривая печать какъ общеопасное явленіе соціальной жизни, съ утвержденіемъ судебного порядка печати полицейская школа требовала назначеніе болѣе строгихъ наказаній за нарушенія, совершенныя путемъ печати, чѣмъ за однородныя и одинаковыя съ ними по важности нарушенія, совершенныя иными способами дѣйствія. Но по мѣрѣ признанія мысли, высказанной еще старикомъ Зонефельсомъ: «опаснымъ не можетъ быть то, что совершается публично, уже благодаря своей публичности», и этотъ выводъ полицейской школы началъ встрѣчать противодѣйствіе. § 7 проекта «Berliner Presse» прямо требуетъ примѣненія къ преступленіямъ печати тѣхъ самыхъ наказаній, которыя установлены германскимъ уголовнымъ кодексомъ для однородныхъ съ ними преступленій, совершаемыхъ иными способами дѣйствія. Эта мысль встрѣтила поддержку и со стороны имперской думы. Проектъ Бисмарка, напротивъ, выступаетъ противъ нея, постановляя во второй части § 20, что публичное поношеніе религіи или существующихъ въ имперіи религіозныхъ корпорацій, совершаемая печатью, наказывается строже, чѣмъ при совершеніи того же дѣйствія живымъ словомъ съ трибуны оратора, или другимъ способомъ.

Тѣмъ же предположеніемъ общеопасности печатнаго слова объясняется усиленіе, въ случаяхъ этого рода, наказуемости за рецидивъ значительно выше размѣровъ, извѣстныхъ, какъ общее правило, уголовному кодексу страны. Дѣйствующіе германскіе законы еще очень богаты такими постановленіями, особенно для формальныхъ проступковъ печати, состоящихъ въ неисполненіи различныхъ правилъ, данныхъ для отправленія предпріятій этого рода, и ближе другихъ частей этой вѣтви законодательства примыкающихъ къ полицейскому порядку. Впрочемъ, въ тѣхъ законахъ, которые падаютъ на ближайшій къ намъ періодъ времени, слѣды этого направленія гораздо слабѣе, а интересующіе насъ проекты рѣшились навсегда покончить съ нимъ: ни проекты журналистовъ, ни даже правительственный проектъ не содержатъ никакихъ особыхъ постановленій о рецидивѣ въ дѣлахъ печати, ставя на ихъ мѣсто общее правило имперскаго уголовного кодекса.

Только такія особенности въ мѣрахъ, постановляемыхъ судебнымъ приговоромъ относительно преступленій печати, находятъ

себѣ сочувствіе въ германскихъ законахъ послѣдняго времени, которыя при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются не болѣе, какъ примѣненіемъ общаго уголовно-юридическаго начала сообразно особымъ свойствамъ печати. Такъ, при общихъ преступленіяхъ судъ имѣетъ право включить въ свой приговоръ постановленіе объ уничтоженіи орудій или средствъ преступленія, или о востановленіи нарушеннаго права, если оно оказывается возможнымъ. Слѣдуя тому же принципу, германскіе законы о печати даютъ суду право, совмѣстно съ назначеніемъ личнаго наказанія, включать въ свой приговоръ опредѣленіе объ уничтоженіи тѣхъ частей сочиненія, которыя признаны преступными, а для изданій періодическихъ — право возлагать на лицъ, завѣдывающихъ ими, обязанность помѣщенія въ ближайшемъ № обвинительнаго судебного приговора. Эти опредѣленія мы встрѣчаемъ и во всѣхъ интересующихъ насъ проектахъ.

Тѣмъ же сознаніемъ необходимости примѣнять общее начало не иначе какъ согласно особенностямъ печати, объясняются особые постановленія о давности по преступленіямъ, которыя совершаются путемъ печати. Всѣ германскія законодательства, выходя изъ мысли, что въ преступленіяхъ печати важенъ моментъ распространенія данной мысли въ обществѣ и что эта мысль, оставшись безъ всякаго вліянія на общество тотчасъ по появленіи ея, тѣмъ самымъ доказываетъ свое безсиліе и излишность примѣненія къ себѣ карательныхъ мѣръ, обыкновенно устанавливаютъ для преступленій этого рода болѣе короткій срокъ давности, чѣмъ для другихъ преступленій. Нигдѣ онъ не идетъ дальше года, иногда спускается на 3-мѣсячный срокъ, обыкновенно же держится на полугодичной цифрѣ. Ее держатся и интересующіе насъ проекты. По вопросу о счетѣ давностнаго срока, проекты германскихъ журналистовъ принимаютъ къ взгляду Глазера, принятому также Иономъ, согласно которому теченіе давности начинается съ момента перваго появленія данной статьи или извѣстія въ печати, такъ что этимъ моментомъ регулируются и всѣ позднѣйшія перепечатки; проектъ Бисмарка обходитъ этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ.

XIV.

Заслуга постановки и анализа процессуальнаго положенія печати, самымъ существеннымъ пунктомъ котораго является вопросъ, должны ли преступленія печати вѣдаться судами присяжными или судами исключительно коронными, принадлежать не

столько германской, сколько французской и английской національностямъ. Тамъ положены прочныя корни его, оттуда же распространились и на Германію начала, къ осуществленію которыхъ были направлены попытки многихъ литературныхъ и законодательныхъ ея дѣателей.

Такъ, еще въ первой четверти текущаго столѣтія, писатель, котораго отнюдь нельзя назвать защитникомъ свободы печати, который былъ, напротивъ, самымъ горячимъ и самымъ талантливымъ адвокатомъ цензуры, настоятельно рекомендовалъ врученіе дѣлъ печати юрисдикціи присяжныхъ. Я имѣю въ виду статью Фридриха Генца (Gentz), помѣщенную въ *Jahrbücher der (österreichischen) Literatur* 1818 года. «Приговоръ о политической безвредности или опасности любого произведенія мысли—говорить онъ—никогда не можетъ избѣгнуть упрека въ произволъ. Мы имѣемъ въ виду не тотъ безчестный произволъ, который, издѣваясь надъ истиной и собственнымъ убѣжденіемъ, почерпаетъ свои рѣшенія изъ слѣпотаго пристрастія или изъ чуждыхъ вліаній, а только необходимый произволъ мысли, которая, при безконечномъ различіи человѣческихъ взглядовъ, заставляетъ одного смотрѣть какъ на примѣрное и достойное подражанія, что другому кажется заслуживающимъ полное порицаніе. Но умѣстно ли превращать авторитетъ судовъ въ арену борьбы партій? Должностныхъ лицъ, вредить и уваженіе которыхъ въ глазахъ общества такъ трудно сохранить во всей чистотѣ и непривосновенности, необходимыхъ какъ для общественнаго блага, такъ и для ихъ собственнаго спокойствія, умѣстно ли превращать въ орудія произвола, хотя бы и не намѣреннаго, хотя бы только кажущагося? Это соображеніе не лишено вѣса. Каждый просвѣщенный судья, сознающій высокое значеніе своихъ задачъ, безъ сомнѣнія, отклонитъ отъ себя трудъ, который лишаетъ его положеніе благодѣтельной независимости строго нормированной закономъ дѣятельности, и ставить ее на рыхлую почву, гдѣ онъ ежеминутно можетъ подвергнуться тяжелымъ упрекамъ въ произволъ и не имѣетъ никакой руководящей нити для своихъ приговоровъ. Что въ состояніи искупить ему то жгучее чувство горести, которое онъ испытываетъ, будучи вынужденъ постановить свой приговоръ противъ государства, преслѣдующаго автора, противъ тѣхъ, которыми онъ обязанъ постояннымъ уваженіемъ и мнѣніе которыхъ никогда не безразлично для него? Напротивъ, осуждая автора, чѣмъ обезпеченъ онъ противъ неприяностей всякаго рода, которыми ему грозитъ страстный, быть можетъ даже нарочно возбужденный голосъ народа? Еще болѣе критическимъ становится

это положеніе короннаго суда, если принять во вниманіе, что, какъ учрежденіе постоянное, онъ опирается на свою предшествующую практику, и потому взгляды, выработанные при однихъ условіяхъ жизни, обязательны для него и при измѣненіи ихъ. Направленіе судебной дѣятельности, являющееся для каждаго посторонняго взгляда систематической оппозиціей правительству или народу—таковъ необходимый результатъ этого порядка вещей. Но то и другое въ высшей степени печально. Въ первомъ случаѣ правительство, замѣщающее суды, будетъ смотрѣть на нихъ съ враждебной точки зрѣнія, во второмъ—судъ будетъ представляться народу, какъ слѣбое орудіе физической силы. Въ результатъ, тамъ и здѣсь судья, въ дѣйствительности или по взглядамъ общества, теряетъ независимость своего положенія, утрачиваетъ уваженіе и довѣріе лучшей части націи. Для устраненія силы нѣкоторыхъ соображеній, представленныхъ выше, предлагали передать разсмотрѣніе дѣлъ о сочиненіяхъ, не нравящихся правительству, особымъ трибуналамъ, которыя бы состояли изъ дѣйствительныхъ судей, засѣдателей политическаго отгѣнка и научно-образованныхъ членовъ, участвующихъ въ качествѣ экспертовъ съ совѣщательнымъ и рѣшающимъ голосомъ. Но такое учрежденіе не было бы судомъ, а лишь чрезвычайною комиссіею, никогда не могущею заступить мѣсто дѣйствительнаго суда. Выгрѣшь отъ привлеченія научно-образованныхъ членовъ—ничто въ сравненіи съ тою потерей въ независимости, самостоятельности и общественномъ довѣрїи, которая составляетъ неизбѣжный удѣлъ чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій всякаго рода. Несравненно лучший выходъ изъ этихъ затрудненій предлагаетъ путь, практикуемый въ Англїи; согласно ему, въ процессахъ этого рода судебная власть раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ дѣятельность одной—короннаго судьи—ограничивается веденіемъ процесса и произнесеніемъ окончательнаго приговора, другая же—жюри—разрѣшаетъ главный вопросъ о винѣ и невинности. Мы далеки отъ того увлеченія, которое (съ особенною силою въ теперешней Франціи) считаетъ институтъ присяжныхъ совершенствомъ первой величины. Мы думаемъ даже, что въ обсужденіи политическихъ сочиненій институтъ присяжныхъ есть учрежденіе, гораздо менѣе умѣстное, чѣмъ обыкновенные трибуналы. Но такъ какъ, согласно представленнымъ выше замѣчаніямъ, ни одно судебное опредѣленіе не можетъ быть свободнымъ отъ подозрѣнія въ произволъ и въ пристрастіи, если оно постановляется въ дѣлахъ по преступленіямъ печати, то мы считаемъ безспорно лучшимъ, чтобы это подозрѣніе падало на представи-

телей народа, а не на коронныхъ судей. По этому единственно основанію мы рекомендуемъ правительствамъ всѣхъ странъ, гдѣ уже существуетъ судъ присяжныхъ, или гдѣ онъ совмѣстимъ съ дѣйствующими формами уголовного процесса, передать въ полное вѣдѣніе присяжныхъ всѣ дѣла печати, вполне освободивъ судей коронныхъ отъ ответственности за нихъ, такъ какъ ее мы считаемъ величайшимъ зломъ».

Таковы политическіе аргументы въ пользу суда присяжныхъ по дѣламъ печати, представленные крайнимъ антагонистомъ ея свободы и всего института присяжныхъ. Безспорно, число ихъ можетъ быть увеличено въ тысячу разъ. Глазеръ также высказывается за судъ присяжныхъ по дѣламъ печати, стоя главнымъ образомъ на аргументахъ, приведенныхъ у Генца. «Преступленія печати» говоритъ онъ, «никогда не могутъ быть опредѣлены математически-точнымъ образомъ. Законы о печати всегда будутъ содержать въ себѣ признаки, наличность которыхъ еще не вытекаетъ изъ судебного опредѣленія состава данного дѣла, признаніе или непризнаніе которыхъ есть дѣло оцѣнки частнаго случая, т. е., субъективнаго взгляда на него. Для рѣшенія этой задачи присяжные компетентны болѣе, чѣмъ судьи коронные. Возложить на нихъ исключительно эту обязанность важно также и въ интересахъ независимости судебного сословія и безупречности его отъ возможныхъ обвиненій въ произволѣ».

Совершенно на иную почву поставленъ этотъ вопросъ кѣнигсбергскимъ профессоромъ Иономъ. «Разрѣшеніе его, — говоритъ онъ, сколько-нибудь прочное никогда не можетъ быть дано, пока мы будемъ держаться политическихъ соображеній или спрашивать себя, кто способенѣе взглянуть вѣрнѣе и глубже на дѣло, судьи ли коронные или судьи изъ народа, кто изъ нихъ независимѣе и безпристрастнѣе можетъ отнестись къ задачамъ судебной дѣятельности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ? За хорошо организованнымъ институтомъ коронныхъ судей, эта способность въ видѣ общаго правила, существуетъ въ той же мѣрѣ, какъ и за присяжными. Только ставъ на почву права можно избѣгнуть произвола въ его рѣшеніи и дать на него прочный отвѣтъ, не зависящій ни отъ какихъ политическихъ соображеній. Съ этой точки зрѣнія должно ставить вопросъ не о томъ, кто способенѣе рѣшить дѣло лучше — коронные судьи или присяжные, а только о томъ, могутъ ли присяжные быть признаны способными рѣшать вопросъ о винѣ и невинности въ преступленіяхъ печати. «Отвѣтъ на него, — говоритъ Ионъ, долженъ быть утвердительный по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ принципѣ, всѣ дѣла должны быть рассматри-

всемы съ участіемъ присяжныхъ; противоположный порядокъ есть исключеніе, и, какъ такое, требуетъ особыхъ основаній, которыя бы доказывали его необходимость и цѣлесообразность въ данномъ случаѣ. Для печати же ихъ не существуетъ; напротивъ, она должна регулироваться общимъ правиломъ. Юрисдикціи присяжныхъ уже повсемѣстно отведены важнѣйшія дѣла; а такъ какъ въ дѣлахъ печати послѣдняя далеко не всегда является элементомъ нападающимъ, напротивъ, сплошь и рядомъ нападаютъ на нее, то дѣла этого рода должны быть отнесены къ важнѣйшимъ. Кроме того, опредѣленія преступленій печати обыкновенно страдаютъ тѣтучествомъ и эластичностью; примѣненіе строгаго юридическаго метода анализа въ дѣлахъ этого рода часто было бы явною несправедливостью и невозможностью; а между тѣмъ въ дѣлахъ этого рода, точно также какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, законъ долженъ потребовать отъ короннаго суда приведеніе всѣхъ основаній его приговора. Выходъ изъ этихъ затрудненій можетъ быть данъ только предоставленіемъ дѣлъ печати вѣдомству судовъ присяжныхъ; оно, такимъ образомъ, является правовою необходимостью, совершенно независимо отъ разныхъ политическихъ соображеній, которыя могутъ быть указаны по этому вопросу».

Осуществленіе этихъ началъ мы встрѣчаемъ въ германскихъ законахъ о печати новаго времени, которые сочли необходимымъ предоставить разбирательство дѣлъ печати судамъ присяжныхъ. Таковы законы прусскій, баварскій, саксонскій, баденскій и др., выдѣляющіе изъ компетентности присяжныхъ лишь незначительныя нарушенія, стоящія въ связи съ типографскимъ станкомъ. Въ Германіи новѣйшаго времени, этотъ вопросъ гровилъ стать въ совершенно особенное положеніе, благодаря стараніямъ Шварце и его послѣдователей, направленнымъ противъ института присяжныхъ вообще и предлагающимъ замѣнить его «болѣе національнымъ учрежденіемъ судебныхъ засѣдателей изъ народа (шефферновъ)». Любопытно, однако, что институтъ шефферновъ для дѣлъ печати не нашелъ поддержки ни въ средѣ германскихъ юристовъ и журналистовъ, ни въ имперской думѣ; всѣ они высказались за удержаніе присяжныхъ по общимъ процессуальнымъ началамъ. Проектъ Бисмарка обходить этотъ вопросъ совершеннымъ молчаніемъ, разсчитывая такимъ образомъ, что институтъ шефферновъ самъ собою займетъ мѣсто присяжныхъ.

Изложивъ содержаніе важнѣйшихъ частей германскаго законодательства о печати новѣйшаго времени и тѣхъ проектовъ общегерманскаго закона, которые представлены въ послѣднее время, мнѣ остается упомянуть о судьбѣ каждаго изъ нихъ.

Проектъ Бидермана встрѣтилъ полную поддержку со стороны имперской думы, которая, рассмотрѣвъ его по предложенію одного изъ своихъ членовъ, Виндгорста, сдѣлала въ немъ весьма легкія измѣненія и уже приняла его первымъ чтеніемъ. Заявленіе кн. Бисмарка, что правительство готовится внести отъ себя проектъ по этому вопросу, задержало дальнѣйшій ходъ этого дѣла. Когда проектъ Бисмарка сталъ извѣстнымъ, онъ вызвалъ противъ себя самый оживленный протестъ германской литературы: всѣ партіи союзились для отраженія его, редакторы множества періодическихъ изданій опубликовали противъ него коллективный протестъ. Партія національныхъ либераловъ, стоящая всегда на сторонѣ Бисмарка, была въ отчаяніи; партія социальна-демократическая торжествовала, заявляя, что отъ національныхъ либераловъ ничего иного нельзя было и ждать. Дѣло грозило затянуться надолго, тѣмъ болѣе, что кн. Бисмаркъ хотя и вынужденъ былъ допустить, что представленный имъ проектъ требуетъ измѣненій, но принялъ очень горячо нападки на него. Тогда-то Виндгорстъ, вмѣстѣ съ другими депутатами, вошелъ въ имперскую думу съ новымъ проектомъ, состоящимъ всего изъ двухъ статей. Онъ имѣетъ въ виду только систему залога и административно-финансовыхъ пошлинъ на произведенія печати; опираясь на соображеніе, что и проектъ, одобренный имперской думой, и правительственный проектъ высказались противъ этихъ мѣръ, Виндгорстъ предложилъ уничтоженіе ихъ до рассмотрѣнія другихъ вопросовъ, связанныхъ съ законодательствомъ печати. § 2 его проекта назначаетъ 1-е августа 1873 г. срокомъ вступленія его въ силу. Но и это предложеніе Виндгорста не могло быть рассмотрѣно: правительство потребовало отъ имперской думы разрѣшенія другихъ вопросовъ (военнаго характера), а къ тому времени наступилъ срокъ распущенія ея. Съ новой сессіей вновь должны подняться пренія по вопросу объ общемъ германскомъ законодательствѣ печати.

И. в. Фойницкій.

КУИ ЖЕЛЪЗО, ПОКА ГОРЯЧО.

НОВЫЙ АНГЛІЙСКІЙ РОМАНЪ.

Taken at the flood, by the Author of „Lady Audlay's Secret“, „Strangers and Pilgrims“ &c, &c, &c.

ГЛАВА VI *).

Разговоръ между миссисъ Стенденъ и ея сыномъ.

Въ половинѣ десятаго гости оставили дебановъ домъ, провели восхитительный вечеръ, какъ о томъ съ увлеченіемъ заявили объ миссѣ Тойнби. Этотъ вечеръ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на всѣ восхитительныя вечеринки въ Гедингемѣ. Сначала былъ поданъ хорошій обѣдъ, не имѣвшій ничего общаго съ тѣми баснословными пирами, какими могли угощать своихъ гостей Гелиогабалъ или регентъ Филиппъ Орлеанскій. Такіе пиры были немислимы въ Гедингемѣ, гдѣ всякій зналъ, какими особенными талантами обладала сосѣдняя кухарка, и заранѣе отгадывалъ содержимое каждаго серебрянаго блюда, до снятія съ него крышки. Послѣ обѣда въ сумеркахъ дамы побродили по саду, любуясь грунтовыми растениями, даже посѣтили теплицы, несмотря на рискъ, которому подвергались ихъ свѣжіе туалеты; между тѣмъ какъ мужская компанія, Эдмондъ Стенденъ, м-ръ Тойнби и м-ръ Гольмсъ, приходскій священникъ, разсуждали о политикѣ, провѣтривая довольно консервативныя мнѣнія, и запи-

*) См. выше: янв. 381 стр.

вая ихъ влеретомъ и кофе. Потомъ всѣ опять сошлись въ большую, прохладную гостинную, гдѣ ихъ угостили чаемъ и музыкой, причѣмъ они съ благодушной улыбкой изъявляли свое одобреніе пѣснямъ и мазуркамъ, которыя имъ не впервые приходилось выслушивать съ послѣднихъ святокъ; наконецъ, разошлись, въ восхищеніи другъ отъ друга и отъ такой жизни, въ которой яркими точками выдѣляются подобныя дружескія пирушки.

Если существуютъ удобныя минуты для семейныхъ ссоръ, то, конечно, таковыми можно считать тѣ свободныя полчаса, которые наступаютъ вслѣдъ за званымъ обѣдомъ. Гости развѣхались, общественная маска, хотя подчасъ бессознательно надѣваемая, спадаетъ. Чувства, подавляемыя въ промежуткѣ искусственнаго воодушевленія, вступаютъ въ свои права съ болѣею силой. Мы накладываемъ тяжелые запоры на тотъ темный уголокъ нашей души, въ которомъ гнѣздится наше горе, но страсти разбиваютъ всѣ оковы, какъ только сдерживающее вліяніе общества устраняется.

Эсэиръ Рочдэлъ, извиняясь усталостью, простилась съ своей пріемной матерью тотчасъ по удаленіи гостей. — «Доброй ночи, тетушка», сказала она, «надѣюсь, что вы также скоро пойдете спать; вы такъ блѣдны и измучены, мнѣ кажется, сегодняшняя жара слишкомъ утомила васъ».

Издавна было заведено, чтобъ Эсэиръ называла свою благодѣтельницу «тетушкой». Во всемъ рѣшительно м-съ Стендэнъ заступила мѣсто матери для сиротки, но она не могла выносить, чтобы кто-нибудь, кромѣ ея собственныхъ дѣтей, называлъ ее матерью. Несмотря на всю ея любовь къ замужней дочери, нашедшей себѣ новыя связи и новый очагъ, только голосъ Эдмонда придавалъ этому священному имени особенную прелесть. Въ глубинѣ ея сердца Эдмондъ былъ какъ-бы ея единственнымъ дѣтищемъ. Ни за что въ свѣтѣ она не призналась бы въ этомъ чувствѣ, возставая вообще противъ всякой сентиментальности; однакожъ, именно это чувство руководило ею въ былые дни, когда она учила маленькую сиротку изъ Индіи называть ее «тетушкой».

— Солнце дѣйствительно нынче очень пекло, но не *это* меня утомило, сказала м-съ Стендэнъ, невольно взглянувъ на сына.

— Что же васъ такъ обезпокоило сегодня, кромѣ жары, матушка? спросилъ Эдмондъ, когда Эсэиръ вышла изъ комнаты.

Онъ не въ силахъ былъ долѣе сдерживать свое душевное волненіе. Скучный, длинный вечеръ, казавшійся еще безконечнѣе

вдали отъ Сильвіи, прозаическое переливаніе изъ пустого въ порожнее м-ра Тойнои и священника, привели его въ раздраженіе. Онъ чувствовалъ, что ссора съ кѣмъ бы то ни было, будь то даже съ матерью, облегчить его. Никакой нѣжности не звучало въ этомъ священномъ имени, когда его уста произносили его въ тотъ вечеръ.

— Я страдала за тебя, Эдмондъ, отвѣчала м-съ Стенденъ, съ печалью во взорѣ.

— Я не вижу причины, почему вы беспокоитесь о мнѣ, матушка, холодно оказалъ молодой человѣкъ.—Я всегда былъ покорнымъ для васъ сыномъ.

— Такимъ ты былъ, дѣйствительно, отвѣчала мать, утрадой нѣжно поглядѣвъ на своего любимца, въ нетерпѣніи шагавшаго назадъ и впередъ по комнатѣ.

— И впередъ буду такимъ. Если же я не смогу покориться, то по крайней мѣрѣ буду знать, какъ подчиняться обстоятельствамъ. Изъ-за чего же вамъ-то тревожиться, матушка? Вы приняли твердое рѣшеніе, и я готовъ ему подчиниться. Мы можемъ все-таки оставаться друзьями.

— Нѣтъ, наши отношенія не тѣ, что были прежде—мы другъ для друга не то, чѣмъ были мѣсяць тому назадъ.

— Пожалуй, есть маленькая разница въ обоюдномъ настроеніи, отвѣчалъ Эдмондъ съ горькой усмѣшкой: не такъ-то легко человѣку привыкать къ мысли, что его родная мать хочетъ лишить его наслѣдства. Я не говорю о перемѣнѣ его матеріальнаго положенія. Это бездѣлица. Но ему приходится свыкаться съ мыслью, что нѣжно-любимая имъ мать можетъ такъ жестоко поступить съ нимъ.

— А ты думаешь, Эдмондъ, мнѣ легко жестоко поступать съ тобой?

— Если бы вамъ было тяжело, едва-ли вы бы такъ поступили.

— Я поступаю такъ для твоего же блага, Эдмондъ. Такъ какъ я не могу повліять на тебя моею любовью, то я должна употребить власть, предоставленную мнѣ послѣдней волей твоего отца. Я сдѣлаю все, что могу, чтобъ помѣшати этому несчастному браку.

— Этого вы никогда не сдѣлаете. Вы можете повергнуть меня въ нищету, но не можете отнять любимой женщины. Ничто, кромѣ судьбы, не разлучитъ меня съ нею.

— Итакъ, ты рѣшился жениться на Сильвіи Керью? спросила мать, съ отчаяніемъ.

Она никакъ не могла повѣрить, чтобъ боготворимый ею сынъ могъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи, вопреки ея волѣ. Она со слезами убѣждала его; она готова была броситься передъ нимъ на колѣни, будь у нея малѣйшая надежда на успѣхъ.

— Я вамъ сказалъ объ этомъ еще третьяго дня, отвѣчалъ онъ сурово.

— Да. Но могло же какое-нибудь благодѣтельное вліяніе смягчить твое сердце съ тѣхъ поръ?

— Я не чувствую жестокости въ своемъ сердцѣ. Я только твердо рѣшился жениться на женщинѣ, которую могу искренно любить. Неужели это не въ порядкѣ вещей, чтобъ человекъ самъ выбралъ себѣ жену? Мнѣ кажется, матушка, что вы иногда забываете, что я уже взрослый. Вы все еще воображаете, что я тотъ малый ребенокъ, котораго нужно было ограждать отъ опасности свалиться съ лѣстницы, запирая дверь изъ дѣтской, какъ это дѣлалось лѣтъ двадцать тому назадъ.

— Я бы не рѣшилась вмѣшаться въ твой выборъ, еслибъ онъ былъ разумнымъ, обдуманнымъ результатомъ трезваго разсудка—привязанность, испытанная временемъ; но, видѣть, что ты рѣшился жениться на дѣвушкѣ, съ которой познакомился лишь въ маѣ мѣсяцѣ, и про которую положительно ничего не знаешь, кромѣ того, что у нея хорошенькое личико...

— И того, что это—единственное личико для меня во всей вселенной, что я люблю ею, и самъ люблю ее. Таково начало, середина и конецъ всякой любовной пѣсни, матушка. Ничего въ ней не измѣните, ничего не прибавите, ничего не убавите. Ни одинъ бракъ по любви, со времени Париса и Елены, не имѣлъ болѣе пространной исторіи. Слушая ваши разсужденія о трезвомъ разсудкѣ и рациональныхъ привязанностяхъ, можно вообразить, что вы сами, матушка, никогда не были влюблены.

Эта стрѣла попала въ цѣль. М-съ Стендаль тоже пережила свою мечту о чистой любви за семь лѣтъ до замужства съ солиднымъ банкиромъ, наступившаго уже въ зрѣлый періодъ двадцати-шести лѣтъ. Она любила и была любима, и принесла въ жертву на алтарь семейныхъ соображеній сладчайшія надежды своего дѣвичьяго сердца. Не лишнимъ было бы воздвигать въ залѣ каждаго дома небольшой каменный жертвенникъ, какъ символъ того незримаго алтаря, на которомъ постоянно подвергаются закланію такое множество нѣжныхъ чувствъ, приносимыхъ въ жертву неумолимому домашнему богу, Нуждѣ!

М-съ Стендаль не хотѣла отрывая Эдмонду, что и на ея долю выпало не мало страданій. Это было бы не деликатно по

отношенію къ ея благородному супругу, который такъ искренно любилъ и уважалъ ее. Но она подошла къ сыну, нѣжно взяла его за руку, и сказала:

— Я тоже знаю, Эдмондъ, что такое страдать и обмануться въ ожиданіяхъ; но знаю также, что затѣмъ приходитъ сознаніе, что эта неудача повела къ спасенію.

— Я нисколько не желаю такого сомнительнаго благополучія, сказалъ нетерпѣливо Эдмондъ. Къ тому же я, матушка, не вижу пользы обсуждать этотъ вопросъ. Я всегда останусь преданнымъ сыномъ. Ничто не измѣнитъ моей привязанности къ вамъ. Но я не измѣню и намѣренія жениться на любимой мною дѣвушкѣ.

Заявивъ категорически о своемъ рѣшеніи съ видомъ полнѣйшаго спокойствія, м-ръ Стенденъ почувствовалъ, что тотъ бурный демонъ, который терзалъ его въ теченіе всего вечера, снова взволновалъ всѣ его страсти, и онъ сердито воскликнулъ:

— Право, я не понимаю, какія могутъ быть у васъ существенныя причины противиться этому браку. Какое имѣемъ мы право ставить себя на ряду съ древними фамиліями графства?

— Съ моей стороны, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право гордиться хорошимъ происхожденіемъ, сказала м-съ Стенденъ съ достоинствомъ. Фамилія Боссини одна изъ древнѣйшихъ въ восточной Англіи.

М-съ Стенденъ была урожденная миссъ Боссини. Подъ развалинами поросшаго плющемъ склепа на кладбищѣ покоился прахъ ея предковъ. Уорстерскій обѣденный сервизъ и дербійскій десертный она получила въ наслѣдство отъ Боссини.

— Точно такъ же, какъ фамиліи Капшльстоновъ и Трелони, я полагаю, возразилъ презрительно Эдмондъ. — Но если дѣло зашло объ именахъ, то имя Керью нисколько не хуже.

— Очень хорошее имя для тѣхъ, кто его носитъ; но я бы желала узнать, какое право на него имѣетъ приходскій школьный учитель.

— Какъ! вамъ никогда не случалось слышать, чтобъ джентльменъ попадалъ въ стѣсненные обстоятельства?

— Очень рѣдкій джентльменъ согласится вести такую темную жизнь, какъ м-ръ Керью, не имѣя особенныхъ причинъ довольствоваться такою безвѣстностью, отвѣчала м-съ Стенденъ.

— Вы полны предразсудковъ, матушка, воскликнулъ Эдмондъ, запагавъ еще быстрѣе.

— Это не предразсудки, Эдмондъ, но истиннѣе. Повѣрь предчувствію матери въ подобномъ случаѣ. Если это вопросъ

жизни и смерти для тебя, то вѣдь и для меня также. Погубивъ свое счастье, ты погубишь и мое. Я изучила эту дѣвочку съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что ты увлекся ею.

— Въ продолжительный періодъ трехъ или четырехъ недѣль возразилъ сынъ, съ пренебреженіемъ.

— Достаточный для меня, чтобъ увидеть многое. Я разспрашивала людей, знающихъ Сильвію Керью. Я была въ школѣ раза три или четыре, чтобы наблюдать за ней собственными глазами.

— Ея характеръ не выставленъ на показъ въ стеклянной коробѣ, какъ брелоки за витриной ювелира, замѣтилъ сынъ.

— Для меня она достаточна ясна и я вижу ее насквозь, проникаю въ самые сокровенные тайники ея души, отвѣчала м-съ Стенденъ. — Пустота, надменность, тщеславіе — вотъ отличительныя свойства ея характера, какъ мнѣ говорили, и то, что я видѣла, вполне подтверждаетъ это мнѣніе.

— Я удивляюсь, какъ вы можете унижать себя, выслушивая презрѣнныя деревенскія сплетни, злостныя нареванія женщинъ, завидующихъ красотѣ моей Сильвіи.

— Я говорила съ лицами, чуждыми зависти. М-съ Ванвортъ коротко знаетъ миссъ Керью, и ея мнѣніе крайне осторожное, — потому что она слишкомъ добрая женщина, чтобъ осуждать легкомысленно, — совпадаетъ съ моимъ собственнымъ инстинктомъ. Эта дѣвочка не стоить жертвы, которую ты хочешь принести ради нея.

— Жертвы? повторилъ Эдмондъ. — Будь я императоромъ, я бы гордился побѣдой надъ ней.

— Еслибъ тутъ дѣло шло только о нарушеніи свѣтскихъ приличій, или о разницѣ въ вашемъ общественномъ положеніи, я бы не стала превословить тебѣ, сказала мать, стараясь примириться съ обожаемымъ сыномъ, чувствуя, какъ широко зияла пропасть, отрывшаяся между ними. Я бы даже умолчала о таинственности, окружающей жизнь м-ра Керью; несообразность его положенія бросается въ глаза каждому. Если бы только она то сама была хорошей дѣвушкой.

— Какъ вы можете говорить, что она нехорошая дѣвушка? вскрикнулъ Эдмондъ, и долго-сдерживаемое пламя прорвалось, наконецъ, наружу. Какъ смѣете вы судить ее, — вы, которые руководитесь въ жизни Евангелиемъ?

Это было не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Чѣмъ можетъ женщина объяснить тотъ смутный страхъ, внушаемый предчувствіемъ, которое она называетъ инстинктомъ?

— Я желаю, чтобы ты была счастлива, Эдмондъ, грустно проговорила мать.

— Я могу быть счастлива только въ одномъ случаѣ, — если я женюсь на единственной женщинѣ, которую полюбилъ.

— Развѣ ты можешь отвѣчать за свое сердце? Вѣдь ты недавно еще была мальчишкой.

— Хорошо вамъ, матушка, считать меня мальчишкой, но предоставьте мнѣ право въ двадцать-четыре года считать себя взрослымъ мужчиной.

— И ты готовъ стать лицомъ къ лицу съ нищетой, ради этой дѣвочки?

— Я согласенъ отказаться отъ наслѣдства.

— Какъ Исава, сказала мать съ горечью.

— Если хотите, какъ Исава. Впослѣдствіи дѣла Исава пошли не совсѣмъ дурно, у него были свои стада, равно какъ у его болѣе любваго брата. Нѣтъ, матушка, я не боюсь нищеты; я буду работать изъ-за куска хлѣба, какъ многіе лучшіе люди дѣлали это до меня. Я надѣюсь на успѣхъ, съ Божьей помощью и любовью моей молодой жены. — Въ голосъ его внезапно зазвучала нѣжность. — Я съ упованіемъ предвижу тотъ день, когда вы примиритесь съ моимъ выборомъ, и скажете мнѣ: «Да, Эдмондъ, преданное сердце самый вѣрный совѣтникъ!» — Взглядъ честныхъ глазъ молодого человѣка, взглядъ полный любви, нѣжность, звучавшая въ его голосъ, глубоко тронули мать.

Обыкновенно сдержанная въ проявленіи своихъ ощущеній, она не выдержала въ этотъ вечеръ, и положивъ голову на плечо сына, громко зарыдала.

— Сынъ мой, произнесла она, на видъ я поступаю съ тобою жестоко, между тѣмъ, какъ люблю тебя болѣе всего на свѣтѣ.

— Ахъ, вы! — неразумная мать, весело сказалъ Эдмондъ, — всякое чувство горечи исчезло при видѣ слезъ матери, — неужели вы думали, что это-нибудь, или что-нибудь можетъ измѣнить нашу привязанность? Могли ли вы допустить мысль, что пустой, денежный вопросъ разъединитъ насъ? Неужели я меньше люблю васъ, потому что настаиваю на собственномъ выборѣ жены? Узкое должно быть сердце у человѣка, если оно не можетъ совмѣстить любовь къ женѣ съ любовью матери.

— Дорогой сынъ! промолвила м-съ Стенденъ. — Тотъ, кто управляетъ міромъ, видитъ въ сердцѣ моемъ, что никакое эгоистическое чувство не руководитъ мною относительно тебя. Не личное предубѣжденіе, не материнская ревность побуждаютъ меня противиться этому браку. Но ты уже на него рѣшился — мнѣ

нечего болѣе говорить объ этомъ. Пусть исчезнетъ всякая горечь между нами. Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ молиться о твоёмъ счастьи.

М-съ Стендъ, отыгравъ своего козырнаго туза, бросила карты. Она думала, что положивъ на вѣсы утрату отцовскаго наслѣдства и исполненіе собственнаго каприза, Эдмондъ поколеблется купить свою мечту такой дорогой цѣной. Она увидала его твердую рѣшимость, непоколебимую въ виду даже такой громадной жертвы; она увидала, что онъ готовъ отказаться отъ наслѣдства такъ легко, какъ если бы дѣло шло объ одной изъ серебряныхъ табакерокъ покойнаго банкира, этой святыни, хранимой подъ стекляннымъ колпакомъ на одной изъ шифоньерокъ. Она увидала, что тактика ея потерпѣла полное фіаско. Она вовсе и не располагала лишать Эдмонда наслѣдства, принадлежащаго ему по праву и обогатить дочь въ ущербъ сыну. Она только пыталась стать между Эдмондомъ и его страстью, которая, какъ ей подсказывалъ вѣрный инстинктъ материнской любви, должна была погубить его.

ГЛАВА VII.

С н ы н а я в у.

Послѣ разговора съ матерью, начатаго въ раздраженіи и окончившагося взаимнымъ примиреніемъ, Эдмондъ Стендъ опустилъ, наконецъ, душевный миръ, котораго уже такъ давно лишился. По крайней мѣрѣ они вполне поняли другъ друга, и Эдмонда радовало сознаніе, что избравъ свою собственную дорогу, онъ могъ не расходиться съ нѣжно-любимой матерью. Онъ охотно мечталъ теперь, что устроивъ свою новую жизнь въ Монтегемптонѣ, въ нѣсколькихъ лишь миляхъ отъ деканова дома, онъ можетъ во всякое время видѣться съ матерью. Она не будетъ чувствовать своего одиночества. Онъ же будетъ нѣжно о ней заботиться, и постарается доказать ей на каждомъ шагу, что несмотря на то, что онъ послушался влеченія собственнаго сердца, онъ тѣмъ не менѣе остался ея преданнымъ сыномъ.

Онъ не спѣшилъ ложиться спать, хотя пробило уже полночь, когда онъ простился съ м-съ Стендъ у дверей ея комнаты, и это былъ необыкновенно поздній часъ въ декановомъ домѣ. Луна ярко свѣтила сквозь высокія окна его спальни.

Онъ подвнялъ шторы и мягкій свѣтъ широко разлился по ком-

ватѣ, по которой онѣ принялся шагать въ раздумьи, но уже безъ всякой горечи въ мысляхъ. Да, онѣ примирить свои обязанности къ матери съ чувствомъ всепоглощающей любви. Не было надобности разрывать со старой привязанностью въ виду новыхъ узъ. А со временемъ, когда м-съ Стенденъ примирится съ совершившимся фактомъ, она вѣрно смягчится въ отношеніи Сильвіи. Ей не захочется стать преградой къ дружескимъ отношеніямъ двухъ домовъ, и она не исключитъ изъ семейнаго круга жену своего сына.

«Время все сглаживаетъ», разсуждалъ онѣ самъ съ собой.— «Впослѣдствіи онѣ даже могутъ полюбить другъ друга. Въ случаѣ же, если моя ненаглядная подаритъ меня ребенкомъ, то эти новыя узы еще тѣснѣе свяжутъ всѣхъ насъ. Нѣтъ, я не страшусь будущаго; что же касается бѣдности...»

Эдмондъ Стенденъ, никогда въ жизни не испытавшій нужды, безопасно улыбнулся при этой мысли и не докончилъ даже фразы.

Онѣ набрасывалъ планы своей будущей жизни также тщательно, какъ бы какой-нибудь изящный архитектурный планъ загородной виллы. Безъ всякаго сомнѣнія, онѣ получитъ мѣсто въ банкирской конторѣ съ годовымъ жалованьемъ, ну, хоть въ 250 фунтовъ для начала.

Они съ Сильвіей могутъ отлично устроиться съ двумястами пятидесятью фунтами. Они найдутъ себѣ прелестный домикъ, полу-коттеджъ, полу-виллу, въ окрестностяхъ города, на Брумфилдской горѣ, напримѣръ, съ извилистой дорожкой, съ которой черезъ лѣса и дуга открывался бы видъ на устье Уэксъе, гдѣ она сливается съ моремъ. Жить они будутъ очень тихо, съ тѣмъ скромнымъ изяществомъ, которое Эдмондъ, ничего не смыслившій въ домоводствѣ, воображалъ вполне совмѣстимымъ съ годовымъ доходомъ въ двѣсти-пятьдесятъ фунтовъ. Принимать гостей будутъ они очень рѣдко, такъ какъ имъ всего приятнѣе будетъ быть вдвоемъ. Они станутъ жить лишь другъ для друга, и тратить деньги только на себя. У Эдмонда уже положено начало порядочной библіотеки, изъ книгъ избранныхъ имъ самимъ и купленныхъ на собственныя карманныя деньги. Онѣ будетъ и впередъ заниматься приятнымъ дѣломъ составленія библіотеки. Доходы его, конечно, ему позволятъ. А какіе прелестные вечера будутъ они проводить вмѣстѣ, по окончаніи дневной работы. Лѣтніе вечера будутъ они сидѣть въ своемъ садикѣ, разливающимъ вокругъ благоуханіе цвѣтовъ, и гдѣ будетъ по-крайней мѣрѣ одно старое дерево, широко раскидывающее свою тѣнь: садъ же будетъ расположенъ на склонѣ той крутой горы, съ ко-

второй имъ можно будетъ любоваться, какъ пурпурное солнце погружается въ прохладную лазурь моря. Въ зимніе же вечера, скрывшись за ставнями отъ всего внѣшняго міра, пріютятся они у своего веселаго очага, и переговарять обо всемъ на свѣтѣ, подъ тихій ропотъ отдаленныхъ волнъ этого вѣчно-блещущаго моря.

Какъ пріятно ему будетъ читать вслухъ молодой женѣ, которая будетъ сидѣть за работой. Она, разумѣется, любитъ рукодѣлія. Всѣ нѣжныя, домовитыя женщины охотницы до нихъ. Онъ могъ вызвать въ своемъ воображеніи образъ ея прелестнаго личика, наклоненнаго съ пристальнымъ взглядомъ надъ рабочимъ ящичкомъ, эмблемой доброй семьянишки. Онъ представлялъ себѣ, какъ ея нетронутый молодой умъ разовьется подъ его влияніемъ. Безъ сомнѣнія, въ двадцать-четыре года, онъ считалъ себя вполне зрѣлымъ на то, чтобы руководить и воспитать ее. Недостатки ея образованія, пріобрѣтеннаго ею по большей части самоучкой и придававшаго ей внѣшній лоскъ образованности, будутъ пополнены его заботливыми и рациональными стараніями. Онъ самъ образуетъ умъ жены своей, запечатлѣвъ на его чистыхъ страницахъ изреченія древнихъ мудрецовъ, мечтанія гениальныхъ поэтовъ; онъ сдѣлаетъ ее своимъ товарищемъ, своимъ двойникомъ.

Какія сладкія мечты! Онъ взглянулъ на садъ, залитый луннымъ свѣтомъ. На ровной, гладкой лужайкѣ ложились черныя тѣни старыхъ деревьевъ, словно отражаясь на гладкой поверхности тихаго пруда. Онъ разсѣянно взглянулъ на эту знакомую, спокойную картину, и съ радостнымъ замираніемъ сердца подумалъ о другомъ жилищѣ, которое будетъ лучше уже потому, что онъ поселится въ немъ вмѣстѣ съ Сильвіей.

— Завтра, тотчасъ послѣ завтрака, я съѣзжу въ Монкгеитонъ, чтобъ повидаться съ директоромъ банка, сказалъ онъ себѣ, а вечеромъ побываю у м-ра Керью. Теперь все разъяснилось для меня, и пусть весь Гедингемъ узнаетъ, что я женюсь на Сильвіи Керью. И, совершенно довольный своими планами, м-ръ Стенденъ легъ спать.

— Между прочимъ, хотѣлось бы мнѣ знать, знаетъ-ли Эсфирь Рочдель о моемъ сватовствѣ, подумалъ онъ, засыпая.

Какъ прекрасенъ казался міръ Эдмонду Стендену, когда на слѣдующее утро онъ сошелъ внизъ, чтобъ присоединиться къ общей молитвѣ, предшествовавшей первому завтраку, подаваемому въ восемь часовъ, въ декановомъ домѣ. Филѣчатая столовая, темныя дубовыя панели которой были раскрашены бѣлой краской какимъ-то удалымъ вандаломъ, представляла въ это ясное,

солнечное утро, чрезвычайно уютный видъ. Тщательно сервированный столъ, накрытый бѣлоснѣжною скатертью, съ вазою цвѣтовъ посерединѣ и стариннымъ серебрянымъ самоваромъ, возбуждалъ аппетитъ. Буфетъ, съ своимъ *резервомъ* ветчины и холоднаго филея, дополнялъ картину. Отворавшіяся до полу окна дѣлали изъ цвѣтника какъ-бы часть этой комнаты. Птички распѣвали свои пріветственные утренніе гимны солнцу и земли. Лѣтній туманъ легкою дымкой носился еще надъ росистою травой.

Эсэиръ Рочдель была одна въ комнатѣ, когда вошелъ въ нее Эдмондъ. Она стояла у одного изъ открытыхъ оконъ, задумчиво глядя въ садъ тѣмъ неподвижнымъ взглядомъ, который ничего не видитъ, и была погружена въ свои думы. Тѣмъ не менѣе, она пріветствовала Эдмонда дружеской улыбкой, когда онъ, здороваясь, пожалъ ей руку. До поѣздки его въ Германію они попросту цѣловались, здороваясь по утрамъ и вечерамъ. Но по возвращеніи изъ путешествія м-ръ Стенденъ не обрѣлъ уже поцѣлуя на устахъ своей пріемной сестры, хотя встрѣча была изъ самыхъ душевныхъ, и онъ безсознательно почувствовалъ, что пора этихъ ребяческихъ пріветствій миновала.

Эсэиръ была моложе его пятью годами, но казалась еще моложе, такъ тонка и стройна была вся ея фигура, такая юность дышала въ ея тонкихъ чертахъ, въ невинномъ выраженіи ея смуглаго овальнаго личика.

То было одно изъ тѣхъ лицъ, отличительная прелесть которыхъ заключается въ нѣжности, сповойной, задумчивой, подчасъ даже до меланхолии. Въ миссъ Рочдель незнакомецъ никогда бы не заподозрилъ дѣвушку съ независимымъ состояніемъ. Дѣйствительно, ея обращеніе было такое скромное, всѣ ея мысли такъ не самоувѣренны, что ее часто принимали за особу, благодѣтельствованную м-съ Стенденъ. — «Какъ это хорошо со стороны м-съ Стенденъ держать у себя эту бѣдняжку миссъ Рочдель», говорили добрые люди, и не вѣрили своимъ ушамъ, когда узнавали что у этой «бѣдняжки» есть несомнѣнный доходъ въ шестьсотъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Однакожъ, не слѣдуетъ предполагать, что миссъ Рочдель была изъ числа тѣхъ застѣнчивыхъ и глуповатыхъ дѣвушекъ, которыя не умѣютъ рта раскрыть въ присутствіи своихъ знакомыхъ. Подъ этой спокойной и ертовой наружностью билось сердце, способное на геройскіе подвиги; ея высокій лобъ указывалъ на умъ, могущій возвыситься до высокихъ помысловъ. Въ девятнадцать лѣтъ у Эсэиръ Рочдель было свое собственное мнѣніе о людяхъ и книгахъ. Она перечла и передумала уже очень многое, благо-

даря мирной жизни въ декановомъ домѣ, представлявшей большой просторъ для занятій, равно какъ и для всякихъ самоотверженныхъ поступковъ. Миссъ Рочдель была правой рукой м-ра Ванкортъ въ отношеніи бѣдныхъ, и дѣлала одна гораздо болѣе, чѣмъ всѣ три его дочери вмѣстѣ, хотя едва-ли имя ея было извѣстно въ Доркасскомъ клубѣ, или фигурировало на какомъ-либо подписномъ листѣ. Ея лѣвая рука никогда не вѣдала о томъ, что удѣляла бѣднымъ ея правая изъ ея значительныхъ доходовъ.

— Какой у васъ радостный видъ сегодня, Эдмондъ, сказала она, пока они стояли у окна въ ожиданіи прихода м-съ Стенденъ и звона колокола, каждое утро созывавшаго аккуратную прислугу въ тотъ моментъ, когда на часахъ было восемь. Часы въ залѣ не успѣвали пробить восемь, какъ уже раздавался пронзительный звонъ колокола. — Мрачный взглядъ, который я такъ часто замѣчала за послѣднее время, разсѣялся безслѣдно.

— Моя милая Эсэиръ, радостно отвѣтила Эдмондъ, — при моемъ характерѣ, секреты просто невыносимы, а я за послѣднее время именно находился подъ тяжелымъ гнетомъ глубокой тайны.

— Вы, Эдмондъ, воскликнула Эсэиръ, съ недоувѣрчивымъ взглядомъ, — я никогда не предполагала чтобъ какая-нибудь тайна могла найти доступъ въ декановъ домъ. Даже сама прислуга сообщаетъ тетушкѣ или мнѣ все, что съ нею случается. — А у васъ есть секретъ? неужели же у васъ есть какая-либо тайна отъ матери?

— Для моей матери это не было тайной за эти послѣдніе три дня. Я ей обо всемъ разсказалъ во вторникъ.

— Неужели это было причиной ея печали? третьяго дня она плакала въ своей комнатѣ, и вчера тоже передъ тѣмъ, чтобъ одѣваться для выѣзда. Я видѣла слѣды слезъ на лицѣ ея оба раза. О, Эдмондъ, что могли вы сдѣлать такого, чтобъ такъ сильно огорчить ее? Случилось ли это еще въ Германіи? Если вся тревога вышла изъ-за денегъ, то не забудьте, что мои средства въ вашѣмъ услугамъ.

У нея было смутное понятіе о томъ, что Германія наводнена игроками, и что Эдмондъ могъ сдѣлаться жертвой этихъ кровопійцъ.

— Ахъ вы милая, невинная Эсэиръ, воскликнулъ Эдмондъ, глубоко тронутый ея добротой. — Дѣло не въ деньгахъ, а если бы оно было и такъ, то неужели вы думаете, что я такая низкая тварь, что буду эксплуатировать вашу дружбу во мнѣ. Тайна моя касается гораздо ближе моего сердца, чѣмъ моего кармана, которымъ, вы знаете, я не слишкомъ-то дорожу, прибавилъ молодой человѣкъ съ горделивымъ видомъ.

— Но какъ же вамъ не стыдно было такъ опечалить тетюшку?

— Вольно же ей было такъ принять мое сообщеніе, Эсэирь. Это была не моя вина. Но мы теперь съ матерью совсѣмъ помирились. Облачко недоразумѣній разсѣялось навсегда, и мнѣ кажется она начинаетъ понимать, что бываютъ кризисы въ жизни мужчины, когда онъ имѣетъ право распоряжаться своей судьбой.

Дѣвушка взглянула на него съ удивленіемъ, даже, вѣрнѣе сказать, нѣсколько оторопѣла.

— Какой же это кризисъ, Эдмондъ? спросила она спокойно. Смущеніе такъ же быстро исчезло съ ея лица, какъ скользить лучъ солнца по цвѣтку.

— Когда человѣкъ въ первый разъ въ жизни полюбитъ честно, глубоко и неизмѣнно.

Наступило минутное молчаніе. Въ этотъ моментъ Эсэирь слегка поблѣднѣла, губы ея вздрогнули и въ ея глубокихъ, задумчивыхъ глазахъ отразилась печаль. Но выраженіе это было мимолетно, а влюбленные—такіе эгоисты, что Эдмондъ ничего не замѣтилъ. Наконецъ, нѣжныя губки подарили его ласковой улыбкой, а маленькая ручка съ довѣріемъ сжала его руку.

— Я радуюсь всему, что можетъ васъ сдѣлать счастливымъ, Эдмондъ,—сказала она съ нѣжностью. Но надѣюсь, что эта любовь разумная. Впрочемъ, еслибы это было такъ, то вѣроятно ваша мать не была бы такъ огорчена.

— О! у моей матушки, безъ сомнѣнія, свои планы на счетъ моей жизни и она вѣрно желала бы, чтобъ я влюбился по ея назначенію.

Выраженіе боли гораздо яснѣе, чѣмъ передъ тѣмъ, отразилось на лицѣ Эсэири; но она глядѣла внизъ, а Эдмондъ не слѣдилъ за выраженіемъ ея лица. Онъ припоминалъ свои собственные страданія. Не смотря на примиреніе съ матерью, чувство горечи еще не вполне изгладилось изъ его души. Рана зажила, но еще не зажила совсѣмъ.

— Что касается до разумности моего выбора, продолжать онъ, то это языкъ постороннихъ наблюдателей, который немилосиво примѣнитъ къ истинной любви. Человѣкъ не разуменъ въ этихъ дѣлахъ. Онъ повинуется своей судьбѣ, не останавливаясь для соображенія, есть ли у любимой имъ женщины деньги въ вѣрныхъ фондахъ или связи, могущія составить его карьеру. Онъ любитъ потому, что ему любится. Я не предполагаю, чтобъ Гедингемская буржуазія, съ ея узкими понятіями и мелочными правилами, одобрила мой выборъ. Но мой выборъ внушенъ мнѣ мо-

имъ сердцемъ, и я ни на волосъ не забочусь о мнѣніи тѣхъ мудрецовъ, которые обзовутъ меня безумцемъ.

— Даже о мнѣніи вашей матери, Эдмондъ? спросила Эсэиръ; а я полагала, что не можетъ быть такихъ случаевъ въ вашей жизни, когда бы это мнѣніе не принималось въ расчетъ.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что въ сердечныхъ дѣлахъ человекъ самъ рѣшаетъ за себя? Полноте, дитя, что вы въ этомъ понимаете? Подождите, пока вы по-уши не влюбитесь въ какого-нибудь дэнди изъ Оксфорда или Сандгерста, и тогда посмотримъ, насколько тетушкины разумные совѣты возьмутъ верхъ надъ обаяніемъ вашего поклонника. Вы не должны становиться на сторону свѣтской мудрости, Эсэиръ. Я рассчитывалъ на ваше вліяніе, чтобъ смягчить сердце моей матери въ отношеніи Сильвіи.

— Сильвіи! воскликнула Эсэиръ, съ выраженіемъ ужаса, Сильвіи Керью!

— Я не знаю никакой другой Сильвіи въ нашей мѣстности, отвѣчалъ хладнокровно Эдмондъ, — имя это не совсѣмъ обыкновенно.

— Вы влюблены въ Сильвію Керью, въ хорошенькую дочку школьнаго учителя!

— И мою будущую жену, отвѣчалъ Эдмондъ съ достоинствомъ. — Надѣюсь, вы ничего не можете сказать противъ нея.

— О, Эдмондъ, какъ могли вы сдѣлать такой роковой выборъ?

— Роковой! Вы и матушка, наконецъ, меня съ ума сведете. Роковой! При имени Сильвіи вы обѣ впадаете въ преувеличеніи и вдыхаете, и раскрываете глаза, толкуете о рокѣ, будто я членъ семьи Эдипа, осужденный на разрѣшеніе труднѣйшихъ задачъ. Въ сущности, Эсэиръ, что вы имѣете противъ миссъ Керью?

— Конечно не многое, отвѣчала Эсэиръ съ своей обычной кротостью. Она мнѣ казалась тщеславной — и злой; но быть можетъ я ошибалась.

— Тщеславна — пожалуй: она знаетъ, что она самая хорошенькая дѣвушка во всемъ околоткѣ, на пятьдесятъ миль въ окружности Гедингема. Зла — тутъ я увѣренъ, вы ошибаетесь.

Онъ вспомнилъ кроткую улыбку Сильвіи — и обращенный къ нему взоръ этихъ чудныхъ карихъ глазъ. Зла — съ такимъ взглядомъ, съ такою улыбкой! Какъ эти женщины клеветаютъ другъ на друга.

— Можетъ быть, я необдуманно осудила ее, Эдмондъ. Одна-

кожѣ, сколько мнѣ помнится, я не ошибаюсь, отвѣчала Эсэирь мягко. — Я видѣла, какъ она была бѣдныхъ ребятишекъ.

— Вы видѣли, какъ она была бѣдныхъ ребятишекъ, повторилъ Эдмондъ презрительно.

— Еслибы вамъ приходилось столько же возиться съ этими жалкими ребятишками, сколько Сильвіи, то я сомнѣваюсь, чтобы вы могли удержаться, чтобы случайно какъ-нибудь не вспылить. Вы посѣщаете школу разъ или два въ недѣлю, какъ *дилеттантка*, когда вамъ заблагоразсудится, и ставите себя судьей, произносящимъ приговоръ надъ Сильвіей, которая должна выносить эту пытку возни съ ребятишками каждый Божій день.

Эсэирь не напомнила ему, что она аккуратно исполняла свои обязанности въ воскресной школѣ, и ходила изъ деканова дома въ Гедингемъ, во всякую погоду, въ дождь или зной, въ вѣтеръ или грозу, весь круглый годъ, не справляясь съ расположеніемъ своего духа—не взирая ни на головную боль, ни на невралгію, ни на какія страданія, которымъ подвержено человѣчество, когда долгъ призывалъ ее. Она отвѣтила ему лишь едва слышнымъ вздохомъ.

ГЛАВА VIII.

Дурныя вѣсти изъ Демерары.

— А вотъ и матушка,—сказалъ Эдмондъ, услыжавъ шорохъ платья м-съ Стенденъ, раздавшійся на лѣстницѣ. Въ ту же минуту колоколь прозвонилъ свой призывъ.

— Что это, какъ ты блѣдна сегодня, дитя! сказала м-съ Стенденъ, цѣлуя свою приемную дочь.

— Неужели, тетушка? Я довольно долго гуляла по саду; а сегодня утромъ нѣсколько жарко. У меня заболѣла голова.

— Бѣдная головка, такая дѣятельная и заботливая, когда дѣло коснется до другихъ, сказала м-съ Стенденъ, приглаживая мягкіе, темные волосы молодой дѣвушки.

Мать съ сыномъ поцѣловались на старый душевный ладъ. Тучи совсѣмъ разъяснились. Онѣ разразились въ тѣхъ страстныхъ слезахъ, излившихся изъ растерзаннаго материнскаго сердца.

Одна за другою вошли пять служанокъ.

Въ составѣ прислуги въ декановомъ домѣ не было ни одного мужчины. М-съ Стенденъ любила своихъ доморожденныхъ опрятныхъ служанокъ, но ни за что не соглашалась бы раздѣ-

лить власть съ наискуснѣйшимъ дворецкимъ. Двѣ пожилыя женщины, кухарка и горничная м-съ Стенденъ, и три цвѣтущія дѣвушки, буфетчица, служанка и прачка составляли штатъ деканова дома.

По прочтеніи молитвъ и утренней главы изъ Библіи, начался завтракъ. Едва м-съ Стенденъ успѣла занять свое мѣсто около самовара, какъ у воротъ раздался громкій звонокъ, отъ котораго всѣ встрепенулись. То былъ звонокъ, предназначенный преимущественно для посѣтителей. Всѣ торговцы и лица низшаго сословія, за исключеніемъ почтальона или случайнаго посѣтителя, входили черезъ ворота, ведущія въ конюшнѣ.

— Кто бы это могъ явиться въ такой ранній часъ? воскликнулъ Эдмондъ, думая о Сильвіи. Ужъ не занемогла ли она, или не случилось ли съ ней чего-нибудь? Не она ли прислала за нимъ?

Буфетчица принесла одинъ изъ тѣхъ зловѣщихъ желтыхъ конвертовъ, которые повергаютъ въ ужасъ нѣкоторые простые сердца. Дѣло происходило еще до времени изобрѣтенія электрическихъ телеграфовъ. Пакетъ этотъ былъ отправленъ съ нарочнымъ изъ Монегемптона.

— Слѣдуетъ заплатить полкроны, сударыня, сказала буфетчица, владея пакетъ у тарелки м-съ Стенденъ, и просить отнѣтитъ на пакетъ, когда получено.

Видъ этого желчно-цвѣтнаго пакета взволновалъ м-съ Стенденъ. Телеграфическія извѣстія были рѣдкостью въ декановомъ домѣ. Она беспомощно глядѣла на бумагу.

— Дайте я за васъ все это сдѣлаю, матушка, сказала Эдмондъ, взглянувъ на свои часы. Телеграмма не могла быть отъ Сильвіи, потому онъ совершенно спокойно относился къ ея содержанію. Пусть хоть весь міръ провалится, была бы она цѣла.

Онъ нацарапалъ требуемую надпись на бумагѣ, досталъ изъ карманнаго жилета полкроны и отдалъ деньги и бумагу служанкѣ, пока мать читала посланіе.

— Въ чемъ дѣло, матушка? спросилъ онъ, не опасаясь никакого несчастія. Но мать его вдругъ страшно поблѣднѣла и передала ему телеграмму, не произнося ни слова.

«Отъ Гансайда и Пенгроссъ, Грезъ-иннъ, м-съ Стенденъ, Декановъ домъ, близъ Гедингема.—Прискорбныя извѣстія получены по почтѣ вчера вечеромъ изъ Демерары. Одинъ знакомый телеграфируетъ намъ изъ Соуттемптона, что м-ръ Саржентъ скоростижно умеръ отъ болѣзни сердца, пятнадцатаго іюня. М-съ Саржентъ серьезно больна. Если возможно, слѣдо-

вало бы кому-нибудь отправиться немедленно къ ней. Лучше всего было бы брату, который могъ бы устроить ея дѣла. Мы опасаемся, что дѣла м-ра Саржента остались далеко не въ удовлетворительномъ положеніи. Почтовый пароходъ, отправляющійся на островъ св. Ёомы, отходить изъ Соуттемптона завтра вечеромъ. Слѣдуетъ подробное письмо».

— Бѣдный Жоржъ—въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, какихъ-нибудь тридцати шести лѣтъ и такъ неожиданно сраженъ, прошептала м-съ Стенденъ, вся въ слезахъ.

— О, тетушка, что случилось? спросила Эсэриъ.

— Жоржъ Саржентъ скончался. И подумать, что мое бѣдное дитя теперь одна въ чужой странѣ. Что намъ дѣлать, Эдмондъ? Могу ли я просить тебя съѣздить къ ней?

Она вспомнила про его сватовство—захочетъ ли онъ уѣхать изъ того мѣста, гдѣ жила Сильвія Керью, хотя бы для того, чтобы помочь овдовѣвшей сестрѣ?

— Нужно ли вамъ просить меня объ исполненіи моей обязанности, матушка! Безъ сомнѣнія, я отправлюсь въ Демерару. Бѣдный Жоржъ! Онъ былъ отличный малый, но, какъ кажется, не особенно осмотрительный. Повидимому, онъ оставилъ дѣла очень запутанными. Не плачьте, дорогая матушка. Мы телеграфируемъ Еленѣ, что я поспѣшу прійхать къ ней. Я поѣду въ Лондонъ на скоромъ поѣздѣ, отходящемъ въ часъ, а завтра по почтовому пароходу отправлюсь къ островамъ св. Ёомы.

— Какъ ты добръ и благороденъ, Эдмондъ! воскликнула м-съ Стенденъ, материнскому сердцу которой это самоотверженіе казалось героизмомъ, достойнымъ римлянина.

— Я теперь не боюсь повинуть Гедингемъ, матушка, сказалъ юноша, понизивъ голосъ, наклонившись надъ ухомъ матери, я могу вполне положиться на вашу честность, не опасаясь, что вы пустите въ ходъ свое вліяніе, чтобы разлучить насъ съ Сильвіей во время моего отсутствія.

— Нѣтъ, Эдмондъ, я на это, положительно, неспособна, я пойду съ нею повидаться, если ты желаешь этого, съ трудомъ выговорила она, въ твое отсутствіе и постараюсь полюбить ее.

— Пожалуйста, голубушка. Вамъ стоить только увидеть ее, чтобы полюбить.

Эдмондъ посмотрѣлъ на часы. Еще не было девяти часовъ. У него оставалось еще цѣлыхъ три часа, чтобы проститься съ Сильвіей и переговорить съ м-ромъ Керью. Онъ рѣшился не оставлять ничего невыясненнымъ. Его женитьба на Сильвіи должна

быть рѣшеннымъ вопросомъ, прежде чѣмъ онъ уѣдетъ изъ Геддингема.

— Что я буду безъ тебя дѣлать, Эдмондъ? сказала вздыхая его мать, между тѣмъ, какъ онъ механически ѣлъ и пилъ, съѣвша покончить съ завтракомъ.

— Полноте, дорогая матушка, нечего раздумывать. Я пробуду въ отсутствіи не болѣе, какъ три мѣсяца. Шесть недѣль на путешествіе туда и обратно, приблизительно мѣсяцъ пробуду я въ Демерарѣ. Я полагаю, что слѣдуетъ привести Нелли съ собой.

— Конечно. Зачѣмъ ей, бѣдняжкѣ, оставаться тамъ теперь. Она, вѣроятно, получить пенсію, и помимо того, врядъ ли будутъ у ней какіе-нибудь доходы, если Жоржъ оставилъ по себѣ долги. Онъ былъ всегда такой безпечный, и такъ много рассчитывалъ на ожидаемое отъ дядюшки-генерала наслѣдство. А теперь, дядя пережилъ племянника. Какъ это грустно.

— *Vitae summa brevis spem nos vetat inchoare longam*, — пробормоталъ Эдмондъ. Скучное дѣло рассчитывать на обвоки покойниковъ.

— Скажи твоей бѣдной сестрѣ, Эдмондъ, что ей нечего искать себѣ другого пристанища, что она всегда найдетъ себѣ кровъ въ нашемъ домѣ.

— А дѣтей, спросилъ онъ съ скрытымъ неудовольствіемъ, тоже привезти сюда? Посчитаемте, сколько ихъ тамъ, кажется, цѣлая тройка. Вѣдь послѣдній ребенокъ, сколько помнится, уже третій по счету?

— Будто у тебя нѣтъ другого дѣла, какъ считать, сколько дѣтей у твоей единственной сестры, сказала м-съ Стенденъ съ упрекомъ.

— Они такъ быстро прибываютъ, что не успѣваешь считать ихъ. Итакъ, я привезу ее, матушка, съ ребятишками и со всѣмъ скарбомъ. Я полагаю, что вамъ не совсѣмъ по вкусу придутся липкіе слѣды ихъ лапокъ на мебели и разбитыя игрушки въ углахъ всѣхъ комнатъ. Но за то они развлекутъ васъ и Эсмеръ, когда я переѣду.

Онъ весело болталъ, чтобъ успокоить мать, несмотря на то, что грусть тяжело давила его сердце. Три мѣсяца, три долгихъ мѣсяца предстоитъ ему быть въ разлукѣ съ Сильвией. Долго не придется ему любоваться этимъ очаровательнымъ личicomъ, и нѣжный взоръ ея прелестныхъ глазъ долго не будетъ свѣтить ему.

«Какъ я буду жаждать прикосновенія ея крошечной ручкы, какъ я буду тосковать по моей голубкѣ, думалъ онъ. Какъ часто

въ обманчивыхъ снахъ я буду видѣть ее около себя, и, пробудившись, еще горячѣе почувствую разлуку.

Онъ скоро справился съ своимъ завтракомъ, и вставая, извинился передъ матерью и Эсэирью, говоря, что ему пора послѣпить въ Гедингемъ.

— Вы будете такъ добры, матушка, и уложите мой чемоданчикъ, не правда-ли? спросилъ онъ. Многого укладывать не надо, такъ какъ у меня нѣтъ востюма пригоднаго для тропическаго климата. Я зайду въ магазинъ готоваго платья въ Корнгиллѣ, и запасусь всѣмъ нужнымъ. Велите заложить телѣжку къ половинѣ перваго, и положить въ нее чемоданъ. Я къ тому времени вернусь.

— Ты идешь въ Гедингемъ?

— Да, я хочу переговорить съ моимъ будущемъ тестемъ.

М-съ Стенденъ передернуло. Довольно неприятно было ей думать о Сильвіи въ качествѣ невѣстки, но еще хуже было подумать объ ея отцѣ. Деревенскій школьный учитель—человѣкъ, у котораго всего было сорокъ фунтовъ годового дохода, съ квартирой, отопленіемъ и освѣщеніемъ. Не ужасно ли было вспомнить, что этотъ скромный чиновничекъ будетъ со временемъ имѣть право входа въ декановъ домъ, и будетъ состоять въ свойствѣ съ его хозяйкой.

«Этотъ человѣкъ по виду и языку настоящій джентльменъ, раздумывала м-съ Стенденъ. Въ этомъ-то и бѣда. У него, надо полагать, были какія-нибудь важныя причины заживо похоронить себя въ Гедингемъ.»

Она вздохнула при мысли о женитьбѣ сына, мысли, съ которой все еще не могла она примириться, хотя въ порывѣ благодарности и великодушія она только что обѣщала ему навѣстить Сильвію. Она взглянула на озабоченное лицо Эсэири, обращенное къ ней съ выраженіемъ нѣжнаго сочувствія. Она взглянула и вспомнила, съ искренней печалью, о надеждѣ, которую столько лѣтъ лелѣяла, и отъ которой пришлось отказаться надняхъ. Слезы навернулись на ея глаза и она отвернулася, будучи не въ силахъ подавить надрывающій душу вздохъ.

— Дорогая тѣтя, что вы такъ печалитесь? спросила дѣвушка съ любовью, васъ теперь тревожитъ положеніе бѣдной м-съ Саржентъ?

— Нѣтъ, душа моя, меня тревожитъ мой сынъ. Онъ окончательно рѣшился жениться.

— Противъ вашей воли. Я знаю, милая тетушка. Эдмондъ сообщалъ мнѣ это нынче утромъ.

М-съ Стенденъ пыливо взглянула на нее.

— И ты не сердисься на него за такой выборъ?

— За что же мнѣ сердиться? Мнѣ остается только пожелать ему счастья — и если онъ можетъ быть счастливъ съ Сильвией Керью, я не вижу никакой бѣды въ различіи ихъ общественнаго положенія? Она дѣйствительно очень приличная дѣвушка по наружности и манерамъ, и лучше воспитана, чѣмъ вы это предполагаете.

— *Если* онъ можетъ быть счастливъ, повторила м-съ Стенденъ съ удареніемъ. Въ томъ-то и дѣло, Эсвиръ, что это «если» меня особенно тревожить.

ГЛАВА IX.

Сильвія у себя дома.

Весело смотрѣлъ Гедингемъ въ то ясное, знойное утро, когда Эдмондъ Стенденъ шелъ по небольшой улицѣ, гдѣ журчащій ручеекъ извивался мимо котѣджей и садиковъ. Онъ проходилъ мимо зеленыхъ изгородей, черезъ которыя то поглядывала любопытная бѣлая кляча, то степенная корова просовывала свою большую, неуклюжую голову, съ полу-глупыми, полу-удивленными глазами.

На кладбищѣ царствовали обычные тѣнь и покой, когда Эдмондъ проходилъ черезъ него по знакомой тропинкѣ, которая вела въ старому школьному дому. Звонкій крикъ дѣтскихъ голосовъ несся изъ открытыхъ оконъ, потому что ученики м-ра Керью съ шумомъ повлонулись Минервѣ и музамъ. Вѣтхій старинный школьный домъ взаимѣнъ котораго приходскій священникъ, м-ръ Ванкортъ, очень желалъ воздвигнуть изящное готическое строеніе, отличался безыскусственно живописнымъ видомъ, какового врядъ-ли можно ожидать отъ болѣе современной постройки. Трава беспрепятственно росла на почернѣвшей отъ времени соломенной крышѣ, вкруто спускавшейся до самыхъ оконъ классной и столовой. Но все строеніе отличалось прелестью старины. Стѣны, выбѣленные шаршавой известкой, были наполовину скрыты подъ роскошной растительностью вѣковыхъ миртъ и вьющихся розъ. Садъ, занимавшій четверть акра, гдѣ цвѣты и овощи дружно, по-братски, росли рядомъ, былъ наполненъ яркими штокъ-розами и гвоздиками, густыми кустарниками лаванды, нѣжнымъ благоуханіемъ которыхъ былъ насыщенъ лѣтній воздухъ, и рядомъ

красовались пунцовые цвѣты скромныхъ бобовъ, сѣровато-голубой цвѣтъ лука.

Въ это утро, школьный домъ показался Эдмону прелестнѣйшимъ жилищемъ. Ему припомнился пароходъ, долгое, утомительное путешествіе въ Демерару, и ему захотѣлось остаться тутъ и промѣнять на мирную жизнь, полную безконечной радости, тотъ удѣлъ, который Провидѣніе отвело ему въ совсѣмъ иной сферѣ жизни.

— Если всѣ мои планы рунатся, я могу сдѣлаться школьнымъ учителемъ, размышлялъ онъ. Мнѣ не страшно было бы полдня возиться съ глупыми ребятишками, еслибы остальную его часть я могъ проводить въ обществѣ Сильвіи.

Онъ отворилъ скромную дверь, которая вела въ комнату, гдѣ помѣщался м-ръ Керью. Дверь отворялась прямо въ пріемную, довольно просторную комнату, бѣдно омеблированную, но которую видимо старались украсить насколько возможно.

Бѣлыя кисейныя занавѣси были навѣшаны на двухъ низкихъ, рѣшетчатыхъ окнахъ. Изъ нихъ то, которое выходило на солнечную сторону, было уставлено цвѣточными горшками; стѣны были украшены дешевыми литографированными картинами, чехлы изъ цвѣтного ситца скрывали ветхость стараго дивана, висячія полки съ тремя рядами книгъ, изящная фарфоровая чернильница и пюпитръ на маленькомъ столикѣ украшали углубленіе оволо камина; пара зеленыхъ стеклянныхъ подсвѣчниковъ и надтреснутая фарфоровая ваза красовались на высокомъ каминѣ. Комната эта свидѣтельствовала, что хозяйка ея не неряшлива, и м-ръ Стенденъ оглянулся кругомъ съ восхищеніемъ. Если его невѣста придавала прелесть даже таковой бѣдной обстановкѣ, то какіе чары прольетъ она на то изящное гнѣздышко, которое онъ надѣялся устроить ей.

Сильвія была занята въ сосѣдней комнатѣ—крошечной кухнѣ, потому что содержаніе, получаемое м-ромъ Керью не позволяло ему нанимать прислугу, и дочь его исполняла всю домашнюю работу. На его счастье, она справлялась съ ней очень искусно, держала бѣдныя комнатки въ величайшей чистотѣ, готовила къ полному его удовольствію весьма вкусные обѣды, никогда не оставляла ведеръ съ водой или пустыхъ кувшиновъ на виду, вставляла съ птичками, и продѣлывала всю черную работу, прежде нежели Гедингемская буржуазія возстанетъ отъ сна, для того, чтобы никто не увидаль ея въ простомъ ситцевомъ платьѣ, съ рукавами, засученными выше локтя. Къ ея высшему благополучію, руки ея не пострадали отъ этихъ трудовъ и нисколько не

огрубѣли. Она сьумѣла съ двѣнадцатилѣтняго возраста замѣнить отцу своему прислугу, и это обстоятельство нисколько не повредило ея развивающейся красотѣ. Даже, быть можетъ, красота ея выиграла отъ этой усиленной дѣятельности, придававшей необыкновенную свѣжесть ея лицу и яркій блескъ ея очамъ.

Услыхавъ звукъ отворявшейся двери и шаги своего возлюбленнаго, она вышла изъ кухни, гдѣ готовила изъ остатковъ вчерашняго цыпленка фрикассе на нынѣшній день. Выраженіе радости, хорошо знакомое Эдмонду, озарило ея лицо при видѣ его, но вдругъ оно смѣнилось выраженіемъ испуга.

— Что случилось, моя ненаглядная? спросилъ онъ, обвиняя ее.

— Ты пришелъ переговорить съ папѣ, а я боюсь этого. Я знаю, что онъ разсердится, оскорбитъ тебя, пожалуй, если ты ему сообщишь рѣшеніе своей матери. Отчего не оставить его въ заблужденіи, Эдмондъ? Попроши его согласія на бракъ со мной, и только.

— Дорогая моя, ты просишь меня поступить безчестно, отвѣчалъ Эдмондъ, цѣлуя ея въ лобъ при этомъ, какъ-бы желая смягчить суровость своихъ словъ; еслибы даже я попытался обмануть твоего отца, то это врядъ ли бы мнѣ удалось. Онъ можетъ потребовать отъ меня какого-нибудь обезпеченія, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, и пролетарію трудно будетъ удовлетворить его желаніе.

Сильвію передернуло при этомъ словѣ. Тяжело разставаться съ блестящими мечтами, а самою сладкою мечтой Сильвіи было то, что, кромѣ побѣды надъ любимымъ ею поклонникомъ, она приобрѣтала въ Эдмондѣ Стенденѣ и богатаго жениха.

— Я долженъ свазать м-ру Керью всю правду, душа моя, и не могу долѣе медлить, продолжалъ твердо Эдмондъ. Но въ сожалѣнію, я принесъ, кромѣ того, худыя вѣсти.

— Худыя вѣсти! Въ чемъ онѣ могутъ заключаться? Чего еще хочешь лишить тебя мать?

— Эти худыя вѣсти не касаются нашей женитьбы, Сильвія; дѣло идетъ о нашей разлуцѣ. Мнѣ приходится уѣхать изъ Гедингема на цѣлыхъ три мѣсяца.

Она вдругъ поблѣднѣла, но ни одна слеза не отуманила ея блестящихъ глазъ. Она пристально взглянула на него, губы ея дрогнули.

— Ты измѣнилъ свои намѣренія, ты хочешь отказаться съ меня! проговорила она.

— Отказаться отъ тебя, когда я здѣсь именно затѣмъ, чтобы просить твоей руки у твоего отца, чтобы формально заявить ему о нашей помолвкѣ.

— Что же можетъ разлучить насъ?

— Долгъ призываетъ меня въ далекія страны.

Онъ сообщилъ ей печальныя извѣстія, полученныя изъ Демерары, и вызывающія его быстрый отъѣздъ. Сильвія молчала и глядѣла на него съ отчаяніемъ. Она не испытывала ни малѣйшаго участія въ незнакомой вдовѣ, тѣмъ болѣе, что въ пользу этой самой вдовы намѣревались отнять у ея возлюбленнаго его законное наслѣдство.

— Это ужасно, что тебѣ приходится ѣхать туда, Эдмондъ, сказала она.— Неужели же твоя сестра не можетъ найти никого другого, кто бы устроилъ ея дѣла и привезъ ее обратно въ Англію, если только ей нужно провозжатаго. Я полагаю, что замужнія женщины совершенно самостоятельны, и могутъ сами для себя все дѣлать.

— Подумай же объ ея положеніи, Сильвія,—она такъ неожиданно лишилась своего мужа. Она была замужемъ всего шесть лѣтъ, и это былъ настоящій бракъ по любви. Я рѣдко встрѣчалъ людей, болѣе любившихъ другъ друга!

— Зачѣмъ же они уѣхали въ Демерару? спросила Сильвія, все съ тѣмъ же видомъ отчаянія.

— Жоржъ былъ адвокатомъ и имѣлъ очень порядочную практику, когда женился; они съ сестрой жили такъ же счастливо, какъ пара голубковъ, въ хорошенькомъ домикѣ въ южномъ Кенсингтонѣ. Но два года тому назадъ онъ получилъ мѣсто судьи въ Демерарѣ. Это было слишкомъ выгодное назначеніе, чтобы отказываться отъ него, и они рѣшились уѣхать къ величайшему огорченію матушки. Они обыкновенно каждую осень проводили у насъ цѣлый мѣсяцъ.

«Разумѣется, подумала Сильвія,—заранѣе соображая о томъ, какъ бы ограбить тебя».

— Сильвія, произнесъ грустно Эдмондъ, разлука эта не измѣнитъ твоей любви ко мнѣ, не правда ли? Ты останешься вѣрна мнѣ?

Любашіе глаза обратились на него, маленькія ручки крѣпко сжали его руку. Какого иначе отвѣта могъ онъ требовать?

— Я слишкомъ сильно тебя люблю, чтобы измѣнить, сказала на, и потомъ задумчиво прибавила: иногда я желала бы меньше любить тебя.

— Почему же это, моя дорогая.

— Потому что я не думаю, чтобы любовь наша принесла мнѣ счастье? Что, кромѣ печали, дала она тебѣ до сихъ поръ? что общаетъ она намъ въ будущемъ?

— Счастіе, безцѣнная. Счастіе, которое не можетъ быть измѣряемо деньгами. Довѣрь мнѣ свою судьбу, и мы будемъ счастливы вмѣстѣ, въ богатствѣ или бѣдности. Тучи уже начинаютъ разсѣиваться. Я вчера вечеромъ откровенно говорилъ съ матерью, и мы помирились. Вѣдь она любитъ меня со всей полнотой своего самоотверженнаго сердца; у нея добрѣйшая душа, вопреки всѣмъ ея предрасудкамъ. И со временемъ, она вѣрно полюбитъ и тебя, мой ангелъ. Она даже теперь обѣщала мнѣ навѣщать тебя въ мое отсутствіе.

— Даже, повторила Сильвія, съ легкой улыбкой, — я должна, безъ сомнѣнія, быть очень благодарна за такое снисхожденіе.

— Не правда ли, ты ее хорошо примешь, Сильвія, ради меня.

— Ради тебя я готова на все на свѣтѣ, проговорила дѣвушка съ любовью. Нравъ ея былъ непостояннѣ апрѣльской погоды.

— И ты будешь постоянна, Сильвія?

— Я не могу быть иной. Никогда въ жизни еще я никого, кромѣ тебя, не любила, и до конца дней своихъ буду любить тебя одного.

И въ эту минуту она дѣйствительно была искренна.

ГЛАВА X.

Оскорбительный отказъ.

Свиданіе Эдмонда Стендена съ м-ромъ Керью окончилось далеко не удовлетворительно. Его искренность не встрѣтила великодушнаго отвѣта со стороны школьнаго учителя.

— Если ваша мать намѣревается лишить васъ наслѣдства, и вамъ предстоитъ начать жизнь безъ гроша въ карманѣ, то я не вижу, чѣмъ улучшится положеніе моей дочери, когда она выйдетъ за васъ замужъ, сухо отвѣтилъ Джемсъ Керью.

Онъ только-что бросилъ шумную толпу школьниковъ на произволъ судьбы и пришелъ въ приемную, куда Сильвія позвала его и быстро скрылась, предоставивъ своему жениху самому сражаться за нее.

— Но вѣдь мы любимъ другъ друга, убѣждалъ Эдмондъ.

— Это ребяческій аргументъ. Я не считаю взаимную зависимость достаточной причиной для взаимной голодной смерти. Толковать о женитбѣ теперь, при вашихъ обстоятельствахъ, — это нелѣпо. Приходите ко мнѣ со временемъ, когда вы будете въ

состояніи содержать жену, тогда, быть можетъ, я дамъ вамъ болѣе удовлетворительный отвѣтъ.

— Да я и не прошу вашего согласія на немедленный бракъ, отвѣчалъ Эдмондъ. — Я готовъ ждать нѣсколько мѣсяцевъ. Къ концу этого срока я надѣюсь обезпечить себѣ доходъ и кровъ для моей жены. Она, кажется, не привыкла къ богатству и роскоши, прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на опрятную пріемную, и сумѣетъ вести хозяйство при умѣренныхъ средствахъ.

— Она даже привыкла къ крайней бѣдности, отвѣчалъ м-ръ Керью, но я не вижу причины, почему она обречена испытывать лишения до конца дней своихъ. Такая красавица, какъ дочь моя, должна улучшить свое положеніе замужствомъ.

— Это значить, что вы готовы продать ее болѣе выгодному покупщику, съ горечью возразилъ Эдмондъ.

— Нисколько; это только означаетъ, что я не соглашусь на ея бракъ съ человѣкомъ, имѣющимъ менѣе тысячи фунтовъ въ годъ обезпеченнаго дохода. Это не слишкомъ высокое требованіе въ виду современныхъ потребностей жизни, прибавилъ м-ръ Керью, съ такою важностью, какъ будто онъ никогда не пользовался меньшими средствами.

— Итакъ, я долженъ понять, что вы отказываете въ нашемъ согласіи, сказалъ Эдмондъ, блѣднѣя отъ гнѣва.

— Окончательно.

— И что вы употребите все свое вліяніе, чтобъ воспрепятствовать моему браку съ вашей дочерью.

— Положительно.

— Очень хорошо, м-ръ Керью. Однакожъ, я долженъ вамъ замѣтить, что я сомнѣваюсь, чтобъ дочь ваша подчинилась вашему рѣшенію въ этомъ дѣлѣ.

— Это какъ ей будетъ угодно, отвѣчалъ равнодушно школьный учитель: я только могу пытаться воспрепятствовать тому, чтобъ она не бросилась въ бездну, но если она рѣшилась, по внушенію ли своего сердца, или ума,—я въ точности не знаю, что именно руководить побужденіями женщинъ выйти замужъ за нищаго,—то я тутъ ни причемъ. Я только могу отказать вамъ отъ моего дома, заключилъ онъ, съ такой важностью, какъ-будто е о скромная пріемная была дворцомъ.

— Вы напрасно объ этомъ беспокоитесь, отвѣчалъ Эдмондъ, я сегодня въ первый и послѣдній разъ переступилъ вашъ порогъ. И нынче я явился лишь затѣмъ, что исполнить свой долгъ.

— О! конечно, вы обязаны были сообщить мнѣ о томъ, что

вы украла сердце моей дочери, сказалъ школьный учитель, съ леденящимъ выраженіемъ.

Эдмондъ не считалъ нужнымъ отвѣтить на это оскорбленіе, хотя оно глубоко задѣло его. Сильвія была виновата, что онъ раньше не сообщилъ о всемъ ея отцу, но онъ умолчалъ объ этомъ.

— Я уѣзжаю изъ Англіи на нѣкоторое время по семейнымъ обстоятельствамъ, сказалъ онъ спокойно: позволите-ли вы мнѣ проститься съ Сильвіей.

— Я не могу позволить ничего подобнаго. Вообще я не допущу никакихъ сношеній между вами. Если же она предпочитаетъ не слушаться меня, то пусть она и отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ поступковъ, и испытить свое безуміе въ тюрьмѣ или самоубійствомъ. Я не буду жалѣть ее.

— А я сочту добрымъ дѣломъ избавить ее отъ опеки подобнаго отца, воскликнулъ въ негодованіи Эдмондъ.

— Прощайте, сэръ, сказалъ учитель, направляясь къ двери; мои воспитанники такъ расшумѣлись, что мнѣ необходимо вернуться къ нимъ.

Эдмондъ гордо кивнулъ ему головой и вышелъ вонъ, возмущенный до глубины души. Чтѣ скажутъ въ Гедингемѣ, когда узнаютъ, что онъ добивался руки дочери школьнаго учителя и былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ. Сердце его расходилось отъ оскорбленной гордости.

Онъ былъ настолько провинціалъ, что придавалъ себѣ извѣстное значеніе, хотя и легко относился къ различію общественнаго положенія между нимъ и Сильвіей, когда защищалъ свою любовь передъ м-съ Стенденъ. Онъ чувствовалъ, что respeitabльность имени Стенденовъ была оскорблена въ его лицѣ.

Въ порывѣ негодованія онъ почти позабылъ про Сильвію и свою любовь. Проходя черезъ кладбище и поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ тѣнь кипарисовъ и тисовъ особенно была густа, около поросшей плющемъ могилы Боссиніевъ, онъ услышалъ за собой легкіе шаги, и немедленно двѣ ручки обвились вокругъ его руки.

— Эдмондъ, неужели ты хотѣлъ уѣхать, не простившись со мной?

Негодованіе исчезло при звукѣ этого голоса. Онъ взглянулъ на нее прежнимъ, нѣжнымъ взоромъ, омраченнымъ грустью.

— Милая моя, мое сердце надрывалось отъ такой разлуки, но я не могъ медлить, а отецъ твой запретилъ мнѣ видѣться съ тобою.

— Отецъ мой? Да я вовсе не забочусь объ его запретахъ, когда дѣло касается тебя. Мнѣ кажется, я бы бѣгомъ

бѣжала до Монегемптона, подъ палящими лучами солнца, чтобъ застать тебя на станціи, еслибъ я не нагнала тебя здѣсь. Но такъ какъ я тебя нагнала, то посидимъ, Эдмондъ, подъ тѣнью этихъ деревьевъ, и передъ отбѣздомъ поцѣлуй меня, и скажи мнѣ еще одинъ разокъ, что ты меня любишь.

Поцѣлуй и клятва въ любви были повторены многократно. «Моя дорогая жена», страстно сказала Эдмондъ.

Слова эти заставили Сильвію вострепнуться, и она съ удивленіемъ взглянула на него.

Онъ еще впервые называлъ ее этимъ нѣжнымъ именемъ.

— Твоя жена! повторила она. — Неужели ты думаешь, Эдмондъ, что это когда-нибудь сбудется.

— Чтѣ, дорогая?

— Наша свадьба. Ты видишь, что теперь уже два лица желаютъ помѣшатель ей, м-съ Стенденъ и папѣ. Можетъ быть они сговорятся и будутъ за одно интриговать противъ насъ.

— Моя мать будетъ интриговать? Какъ тебѣ не стыдно, Сильвія!

— Напрасно ты обижаешься. Я сказала то же самое и про моего отца и вполнѣ увѣрена, что онъ способенъ интриговать. Все, повидимому, слагается противъ насъ, напримѣръ, эта поѣздка въ Демерару, свалившаяся такъ неожиданно, какъ снѣгъ на голову. Искренно ли ты вѣришь въ то, что мы когда-нибудь женимся, Эдмондъ?

— Конечно. Если мы только останемся вѣрны другъ другу.

Онъ обнялъ ее еще разъ, и это былъ дѣйствительно прощальный поцѣлуй, потому что раздавался хриплый звонъ церковныхъ часовъ, пробившихъ двѣнадцать ударовъ, отъ которыхъ поколебался окружающій воздухъ.

— Будь мнѣ вѣрна, моя ненаглядная, воскликнулъ онъ почти съ безнадежною страстью, — будь вѣрна мнѣ, какъ я останусь вѣренъ тебѣ, влянусь въ томъ Богомъ. Затѣмъ онъ съ отчаяніемъ вырвался изъ ея объятій, и послѣпно удалился, ослѣпленный слезами, которыхъ стыдился самъ. У него не хватало духа произнести слово «прощай». Онъ оставилъ Сильвію, прислонившеюся въ раздумьи къ могилѣ Боссиніевъ, не въ слезахъ — Сильвія рѣдко плакала, но тяжело вздыхающею объ утратѣ такого вѣрнаго друга.

«Какъ мнѣ будетъ грустно безъ него», подумала она въ угнѣніи.

ГЛАВА XI.

Сэръ Обри заинтересовался.

Благотворительный базаръ имѣлъ громадный успѣхъ. Онъ доставилъ такой значительный фондъ, что м-ръ Ванвортъ рѣшился пригласить изъ Монкгемптона архитектора для осмотра школьнаго дома и для составленія плана новой школы, которую предполагалось построить на томъ же самомъ мѣстѣ.

Викарій, съ одной изъ своихъ дочерей, вѣхалъ въ торговнй городокъ утромъ того же самаго дня, когда Эдмондъ Стенденъ такъ неохотно разставался съ Гедингемомъ и со всѣмъ, что въ немъ находилось. Викарій былъ погруженъ въ свои соображенія, миссъ Мери Ванвортъ занята созерцаніемъ магазинныхъ оконъ, на которыхъ красовались всѣ новинки осеннихъ модъ и привлекали женскіе взоры.

— О! посмотрите, папа, на эти смѣшныя полосы коричневаго и желтаго цвѣта, воскликнула она, принуждая своего жирнаго пони выступать погребальнымъ шагомъ вдоль блестящихъ оконъ м-ра Генцлейна, крупнаго торговца галантерейными товарами въ Монкгемптонѣ.—Онѣ будутъ въ страшной модѣ въ нынѣшнемъ году. Флоренцъ Тойнби сказала мнѣ это, а вы вѣдь знаете, у нея одна кузина живетъ въ Парижѣ. Оно не красиво, но не лишено оригинальности. Я думаю купить себѣ такое платье.

М-ръ Ванвортъ равнодушно взглянулъ на великолѣпные товары Генцлейна. Въ его окнахъ были выставлены воротнички и рукавички послѣдняго привоза изъ Парижа или Спитальфилдса, Эршайрскія вышивки, самыя дорогія произведенія Мадерскихъ монастырей, блестящія шелковыя матеріи, изящныя зонтики. Но викарій былъ поглощенъ своей любимой мечтой: школьнымъ домомъ въ готическомъ вкусѣ, и потому не раздѣлялъ симпатій и стремленій дочери, неизмѣнно обращенныхъ къ нарядамъ.

— Поѣзжай немного скорѣе, моя милая, сказалъ онъ очутившись: мнѣ хочется застать м-ра Спильби, пока онъ не уездетъ изъ конторы.

М-ръ Спильби былъ архитекторъ, который къ строго-реальному и эстетическому занятію архитектурой присоединялъ бо : постоянную и выгодную должность аукціониста и комиссіонера. У него была небольшая контора на самомъ бойкомъ мѣстѣ Г стрита въ Монкгемптонѣ, на углу, надъ самыми пожарными

пинами, тамъ, откуда двѣ второстепенныя улицы развѣтвлялись отъ главной: словомъ, въ лучшей части города.

— Ты можешь меня здѣсь подождать, душа моя, сказалъ м-ръ Ванкорть, когда пони остановился передъ стеклянной дверью конторы м-ра Спилъби. Контора м-ра Спилъби отличалась изящнымъ убранствомъ; стѣны были увѣшаны видами различныхъ виллъ и сельскихъ резиденцій, назначаемыхъ въ продажѣ или найму, домовъ, архитектурныя достоинства которыхъ еще болѣе выдавались, благодаря сверхъестественной яркости зелени и тропическому небу.

— Ты здѣсь подождешь меня, Мери, пока я перекинусь словечкомъ-другимъ съ м-ромъ Спилъби. Я не пробуду болѣе пяти минутъ.

Миссъ Ванкорть слегка вздохнула, зная по опыту, что въ подобныхъ случаяхъ пять минутъ викарія длились добрыхъ полчаса. Но ничего не возразила и, усѣвшись въ удобномъ кабріолетѣ, распустила свой зонтикъ настолько, чтобы онъ достаточно защитилъ ее отъ солнечныхъ лучей, не мѣшая въ то же время смотрѣть на людей и себя имъ показывать. Монкгемптонъ въ четыре часа по-полудни бывалъ очень оживленъ. Три или четыре экипажа, изъ разряда отвидныхъ колясокъ или ландо, проѣзжали по Гайстриту, между четырьмя и пятью часами, а одновонные и менѣе значительные экипажи видѣлись во множествѣ.

Миссъ Ванкорть не приходилось скучать, такъ какъ она знала почти каждаго прохожаго и проѣзжаго. Она то посылала поцѣлуй кончиками своихъ обтянутыхъ перчатками пальчиковъ обладателямъ моднаго ландо, то кивала головой владѣльцу одноколки, то обмѣнивалась нѣсколькими словами съ пѣшеходами, которые останавливались, чтобы пожать ей руку, сдѣлать нѣсколько замѣчаній о состояннн погоды, разспросить о здоровьи семейства Ванкортовъ, съ такимъ участіемъ, какъ-будто бы они недавно слышали, что все семейство при смерти.

Обмѣнявшись нѣсколькими подобными привѣтствіями, миссъ Ванкорть подавила легкую зѣвоту, быть можетъ причиненную знойною погодою или же незанимательностью ея знакомыхъ.

«Жаль, что я не остановилась противъ Генцлейна»; подумала она, «я могла бы хорошенько разглядѣть новыя фасоны. А не то купила бы себѣ пару перчатокъ, чтобы убить время».

Она взглянула на часы и открыла, что пять минутъ викарія зашли за двадцать.

„Онъ навѣрное еще цѣлый часъ пробудетъ у м-ра Спилъби, раздумывала она, толкуя объ этой старой школѣ (такъ называла

она новую школу). Я право сожалѣю подѣ-часъ, что мы помогли папашѣ нашимъ благотворительнымъ базаромъ. Теперь не предвидится конца разговорамъ объ этомъ несносномъ школьномъ домѣ; между тѣмъ какъ и старое зданіе могло бы еще послужить. Оно достаточно защищаетъ отъ вѣтра и непогоды; если же дѣтямъ немного въ немъ и тѣсно, то имъ не привыкать къ тѣснотѣ, послѣ ихъ собственныхъ домовъ. И къ чему перепутывать жизненные понятія этихъ бѣдныхъ малютокъ изящной архитектурой, когда имъ все же приходится возвращаться въ свои лачуги?"

Миссъ Ванкорть вторично зѣвнула, не стараясь на этотъ разъ скрыть зѣвоту. Въ эту минуту она была застигнута появленіемъ господина на хорошо выхоленной гнѣдой лошади, остановившагося по другую сторону ея шарабана.

— Кажется, если не ошибаюсь, сказалъ джентльменъ, я вижу миссъ Ванкорть.

Зѣвотъ былъ послѣшно подавленъ, и миссъ Ванкорть просіяла улыбкой и оживилась.

— Какъ вы поживаете, сэръ Обри? сказала она, *пожимая руку мѣстнаго землевладѣльца. — Папа въ конторѣ, толкуетъ съ м-ромъ Спильби о новомъ помѣщеніи для школы.

— Вотъ какъ! Знаете ли, что я очень заинтересованъ этимъ новымъ школьнымъ домомъ. Вчерашній аркадскій праздникъ былъ прелестенъ. Я давно не былъ такъ доволенъ.

— Неужели! воскликнула миссъ Ванкорть, сіяя радостью. Какъ пріятно слушать похвалы такихъ лицъ. — Это, вонечно, была лишь скромная попытка, но для благотворительнаго базара она сошла чрезвычайно удачно.

— Ахъ, да, базаръ! воскликнулъ сэръ Обри, я не о немъ заговорилъ сначала, хотя онъ былъ тоже очень милъ, и дѣлаетъ вамъ, молодымъ дѣвицамъ, много чести — всѣ эти хорошенькія вещицы — произведеніе вашихъ искусныхъ ручекъ — дѣйствительно прелестны. Но что мнѣ особенно понравилось, такъ это угощеніе малютокъ, — такая хорошенькая сельская картина, въ этомъ прекрасномъ старомъ фруктовомъ саду, эти веселые ребятишки и — гмъ, гмъ, — эта — гмъ, гмъ, — хорошенькая дѣвица, которая помогала ихъ угощать чаемъ; все вмѣстѣ представляло прелестную картину. Баронетъ запнулся въ концѣ этой фразы.

— Я полагаю, что вы говорите о дочери м-ра Керью, сн-зала презрительно миссъ Ванкорть. — Черезъ-чуръ смѣлая молодая особа. Мы съ сестрой прежде были довольно хороши съ нею пока это было возможно. Но послѣднее время ходили о не нѣсколько неблагоприятные слухи.

— Неблагоприятные слухи! повторилъ сэръ Обри: въ какомъ же родѣ эти слухи?

— Пожалуйста, сэръ Обри, оставимъ этотъ разговоръ, отвѣтила миссъ Ванкорть, чопорно сжимая губы.

— Мнѣ очень жаль, что деревенскія сплетни не падаютъ такого невиннаго существа, сказала баронетъ, потому что не требуется даже особенно глубокаго знанія человѣческой природы, чтобъ прочесть невинность на этомъ прелестномъ личикѣ.

Миссъ Ванкорть вдохнула слегка, но не отвѣчала ни слова. Едва-ли стоило распространяться о нравственности Сильвіи съ этимъ пожилымъ баронетомъ, который очевидно восхищался ея красотой. Да и многое ли могла сказать миссъ Ванкорть въ обвиненіе этой дѣвушки, еслибы ее попросили откровенно высказаться на ея счетъ! Она только слышала отъ кого-то, въ свою очередь слышавшаго отъ кого-то другого, что Сильвію Керью видали гуляющей съ Эдмондомъ Стенденомъ поздно вечеромъ. Да и это могло показаться сэру Обри Перриаму недостаточнымъ поводомъ къ осужденію сельской красавицы.

Въ эту минуту м-ръ Ванкорть выпелъ изъ конторы м-ра Спильби и избавилъ дочь отъ необходимости дальнѣйшихъ объясненій.

— Какъ ваше здоровье, сэръ Обри? какая прекрасная погода для хлѣбовъ! Я очень радъ заявить вамъ, что нашъ маленькій праздникъ, который вы были столь добры почтить своимъ присутствіемъ, увѣнчался положительнымъ успѣхомъ. Базаръ доставилъ намъ приблизительно около восьмидесяти фунтовъ. Это, вмѣстѣ съ прежними сборами, составляетъ около трехсотъ фунтовъ. Такъ что года черезъ два, если дѣла пойдутъ успѣшно, мы можемъ рассчитывать почти на тысячу, и къ тому времени, конечно, можемъ начать наши работы. Старое зданіе можетъ еще пока послужить года два.

— Я увѣрена, папъ, что оно послужитъ еще съ полстолѣтія, презрительно замѣтила миссъ Ванкорть. — Я рѣшительно не понимаю, куда вы торопитесь съ постройкой новыхъ школъ. Это вѣрное окончится долгомъ, который придется вамъ же уплачивать.

— Надо надѣяться, что прихожане м-ра Ванворта будутъ настолько щедры, что не допустятъ подобной несправедливости, сказалъ сэръ Обри, съ видомъ, показывавшимъ его собственную отовность оказать ему помощь.

Однакожь, всеобщая молва въ Гедингемъ, Суанфордъ и въ осѣднихъ приходяхъ утверждала, что сэръ Обри Перриамъ очень

скупъ, и что если существовало въ мірѣ что-нибудь для него ненавистное, то это именно денежные пожертвованія. Низкія сплетни заходили даже такъ далеко, что гласили—будто, вопреки изяществу его манеръ, одежды и домашней обстановки, сэръ Обри былъ почти скрягой. Онъ не откладывалъ денегъ въ желѣзные несгораемые ящики, онъ не зарывалъ ихъ въ землю; но перестывалъ ихъ отъ времени до времени съ глубокимъ вниманіемъ, и весьма трудно было изобличить его въ ихъ растратѣ.

— Я быть можетъ слишкомъ поторопился, сказалъ викарій, такъ какъ пока у меня всего триста фунтовъ въ рукахъ, но я пригласилъ Спильби прійхать нынче вечеромъ, чтобъ осмотрѣть старое мѣсто, и подать свое мнѣніе о томъ, какого рода зданіе всего болѣе пристало къ мѣстности. Конечно, оно должно быть въ готическомъ вкусѣ.

Сэръ Обри казался необыкновенно заинтересованнымъ.

— Какъ, Спильби долженъ осмотрѣть вашу шпеольный домъ сегодня вечеромъ? сказалъ онъ. Мнѣ бы очень хотѣлось слышать его мнѣніе. Спильби способный малый.

Сэръ Обри всегда всѣхъ расхваливалъ. Это ему ничего не стоило, и вообще доставляло всѣмъ удовольствіе.

— Если бы вы намъ сдѣлали честь отобѣдать у насъ, сэръ Обри, радушно произнесъ м-ръ Ванкортъ, но внезапно остановился, озадаченный строгимъ взглядомъ своей дочери, означавшимъ, что домашній обѣдъ въ викариатѣ не довольно хорошъ, чтобъ врасплохъ угощать имъ такую особу, какъ сэръ Обри. Но мужчины такъ несообразительны!

„Вотъ пришла фантазія папашѣ приглашать къ себѣ сэра Обри, когда у насъ нѣтъ ничего, кромѣ супа и холодной передней части баранины“, подумала въ негодованіи миссъ Ванкортъ.

Должно быть сэръ Обри понялъ причину неоконченной фразы, потому что поспѣшилъ отклонить приглашеніе викарія.

— Вы очень добры, отвѣчалъ онъ,—но меня братъ будетъ ждать къ обѣду. Я долженъ вернуться домой, и прійду въ Геддингемъ тотчасъ послѣ обѣда. Въ какое время вы ожидаете Спильби?

— Около половины восьмого.

— Такъ задержите его до половины девятого. Я къ . му времени прійду; прощайте, миссъ Ванкортъ; до свиданія, въ сарій, и баронетъ слегка дотронулся поводомъ до бархатной . еи своего гнѣдого коня, и поѣхалъ крупной рысью.

ГЛАВА XII.

Интересъ сэра Обри растеть.

Солнце освѣтило прощальнымъ красноватымъ лучомъ тисовыя и кипарисныя деревья на владбищѣ, когда сэръ Обри Перриамъ отворилъ калитку у сада швольнаго дома. Онъ оставилъ свою лошадь въ гостинницѣ, хозяинъ и прислуга которой были не мало изумлены, увидѣвъ владѣльца замка въ такой поздній часъ. Наружность его выражала благосклонность, казалось, онъ собирался облагодѣтельствовать Гедингемъ.

— Невольно переносишься въ былыя времена, сэръ Обри, когда видишь васъ среди насъ — неопредѣленно замѣтилъ трактирщикъ. И дѣйствительно, врядъ-ли кто помнилъ такія времена, когда бы сэръ Обри часто навѣдывался въ Гедингемъ.

— Я пріѣхалъ повидаться съ архитекторомъ, который долженъ составить планъ новаго швольнаго дома, сказалъ баронетъ снисходительно.

— Боже милостивый, да! нашъ викарій такой дѣятельный человекъ, вѣчно что-нибудь да затѣваетъ, отвѣчалъ м-ръ Барфордъ. Онъ охотно предпочелъ бы болѣе вялаго викарія, который не такъ часто посягалъ бы на его карманъ.

Улучшенія, вводимыя м-ромъ Ванкортомъ, ложились тяжкимъ бременемъ на Гедингемъ... Но вѣдь за то велика была и честь жить въ мѣстечкѣ, которое такъ преуспѣвало на пути прогресса. М-ръ Ванкортъ толковалъ даже о передѣлкахъ въ церкви, объ уничтоженіи галерей, въ которой цѣлыя поволовнія Гедингемскихъ обывателей внимали въ тихой дремотѣ снотворнымъ вечернимъ проповѣдямъ, и о какихъ-то необыкновенныхъ украшеніяхъ для алтаря и придѣловъ. Но жители Гедингема ревностно противились такимъ нововведеніямъ. Имъ была дорога церковь въ томъ видѣ, въ какомъ она служила предкамъ,—говорили они сентиментально; но еще дороже имъ были ихъ денежки,—о послѣднемъ они, конечно, умалчивали. М-ръ Ванкортъ и архитекторъ уже съ полчаса какъ мѣрили пространство, обсуждали и соображали будущую постройку. Сэръ Обри услышалъ ихъ голоса въ то время, какъ отворялъ калитку и входилъ въ садъ швольнаго участка, но не торопился подойти къ нимъ. Онъ медленно шелъ по узкой дорожкѣ, любуясь безыскусственнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ и овощей, спутавшихся между собою. Гвоздика и Иванъ-да-Марья окаймлялись густыми буксами, которые привольно раз-

рослись за послѣднія сорокъ лѣтъ; высокія штовъ-розы заслоняя собою капусту и бобы расейдистыми кустарниками розъ. Дядя челоуѣка, проживавшаго половину года въ Парижѣ, этотъ сельскій садъ имѣлъ свою прелесть.

— Что ни говори, а нѣтъ мѣста на свѣтѣ лучше Англии, сказалъ онъ про себя, и нѣтъ женщинъ красивѣе англичанокъ. Гдѣ на континентѣ встрѣтишь такую свѣжесть лица, какъ у этой дѣвушки?

Онъ засталъ м-ра Ванкорта и архитектора расказывающими по зеленой лужайкѣ передъ приѣмной м-ра Керью. Сильвія сидѣла у раскрытыхъ дверей, слѣдя за ними между дѣломъ. Художникъ не могъ пожелать болѣе прелестнаго зрѣлища, какъ эта дѣвушка, выдѣлявшаяся въ сумеречномъ полусвѣтѣ.

Отецъ ея помѣстился у двери, курия свою вечернюю трубку.

Сэръ Обри вивнулъ головой викарію и м-ру Спильби, и прямо направился къ двери, гдѣ снявъ шляпу, пожелалъ добраго вечера миссъ Керью.

Молодая дѣвушка слегка вздрогнула при первомъ его явленіи, и хорошенькое личико ея зарумянилось. Чтѣ могло привести его сюда въ этотъ вечеръ... въ тотъ самый вечеръ, когда бѣдный Эдмондъ пустился въ свое скучное путешествіе и былъ уже на пути въ Соутгемптонъ.

Сэръ Обри замѣтилъ ея смущеніе и остался имъ очень доволенъ. Нѣкоторыя знакомыя ему дамы считали его уже за старика. Ему было очень пріятно убѣдиться, что отъ его прихода сердце сильно забилося у этого очаровательнаго созданія.

— Я надѣюсь, что вчерашнія хлопоты не очень утомили васъ, сказалъ онъ любезно.

Школьный учитель отложилъ въ сторону свою трубку и вынесъ изъ дому стулъ.

— Я нисколько не устала, благодарю васъ, сэръ Обри, отвѣчала дѣвушка, улыбаясь на его вопросъ и сіяя молодостью и здоровьемъ. — Я право и не знаю, что такое усталость. Я объясняю это тѣмъ, что никогда не ѣзжу въ экипажахъ.

— Я бы завтра же заперъ свои конюшни и распустилъ своихъ конюховъ, если бы могъ разсчитывать на такое же преимущество, сказалъ сэръ Обри, слегка вздыхая и опускаясь на стулъ, который подаль ему Джемсъ Керью.

Онъ поблагодарилъ школьнаго учителя за его любезность и утихимъ наклоненіемъ головы.

— Я полагаю, что этотъ джентльменъ вашъ отецъ? сказалъ онъ Сильвіи вопросительно.

— Да, сэръ Обри.

— Очень радъ съ вами познакомиться, м-ръ Керью, про-
молвилъ баронетъ снисходительно. — Вчера я не видалъ васъ
въ саду.

— Нѣтъ, сэръ Обри. Дѣтскій празднигъ единственный день,
въ который я пользуюсь отдыхомъ. А такъ какъ я не осо-
бенно крѣпкаго здоровья, то и предоставляю болѣе молодымъ и
веселымъ людямъ забавлять дѣтей. Я даже думаю, что мое при-
сутствіе заставило бы ихъ по привычкѣ выкигивать свои таб-
лицы умноженія.

— Очень вѣроятно, сказалъ сэръ Обри, смѣясь тѣмъ лег-
кимъ машинальнымъ смѣхомъ, привычка въ которому приобрѣ-
гается въ хорошемъ обществѣ.

— Вполнѣ справедливо, м-ръ Керью. А эта молодая дѣ-
вушка ваша младшая дочь?

— Это моя единственная дочь, сэръ Обри, мое единствен-
ное дитя.

— Вотъ какъ! Вы, я думаю, очень ее любите?

Джемсъ Керью посмотрѣлъ на дочь съ недоумѣніемъ, созна-
вая, что ему слѣдовало бы сказать что-нибудь нѣжное—дать волю
душевному порыву, каваго можно было ожидать отъ отца един-
ственного дѣтища. Но ни отецъ, ни дочь не привыкли къ сер-
дечнымъ изліаніямъ, и у м-ра Керью не оказалось на-готовѣ
необходимыхъ для того словъ.

— Мы очень хорошо съ нею ладимъ, сказалъ онъ, стараясь
изъ всѣхъ силъ привать нѣжный тонъ: но я опасаюсь, что она
порядочно скучаетъ при нашемъ образѣ жизни.

— Ваша рѣчь отличается такимъ изяществомъ, каваго я
едва ли могъ ожидать отъ...

— Отъ Гедингемскаго школьнаго учителя, подхватилъ м-ръ
Керью. Не знаю, можетъ быть... хотя я очень отсталъ отъ новаго
поколѣнія народныхъ учителей, которые должны совмѣщать въ себѣ
всѣ отрасли знанія. Я же пріѣхалъ въ Гедингемъ въ доброе ста-
рое время, когда отъ сельскаго учителя требовалось только умѣ-
ніе правильно читать и четко писать.

М-ръ Керью могъ бы еще прибавить, что въ то блаженное
і емя свидѣтельство о нравственности не такъ строго рассматри-
і лось, какъ нынче.

— А вы уже такъ давно въ Гедингемѣ, спросилъ сэръ Обри.

— Пятнадцать лѣтъ.

— Вы удивляете меня; съ вашимъ образованіемъ вы могли
і . мнѣ кажется, давно найти себѣ лучшее мѣсто.

Сильвія не могла подавить вздоха нетерпѣнія. Мысль баронета такъ часто высказывалась ею.

— Папашѣ совсѣмъ чуждо честолюбіе, сказала она.

— Нѣтъ, я не честолюбивъ. Немногое нужно человѣку на землѣ, да и въ этомъ немногомъ нуждается онъ не долго. И стоить ли портить тотъ краткій мигъ, въ который онъ можетъ наслаждаться малымъ, бесплодными стараніями добиться большаго. «Боги ни въ чемъ не нуждаются», говорили греки, «и человѣкъ, у котораго потребности ограничены, приближается къ богамъ». Я умѣю обуздывать свои желанія еще лучше, чѣмъ учить сельскихъ ребятишекъ, и, какъ примѣрный пастырь Гольдсмита, чувствую себя богаче богачей съ моимъ годовымъ доходомъ въ сорокъ фунтовъ.

М-ръ Керью могъ бы еще прибавить, что вопреки сходству съ идеальнымъ пастыремъ, онъ тратилъ свои сорокъ фунтовъ исключительно на свою персону, и потому ему хватало этихъ денегъ.

— Я преклоняюсь передъ вашими философскими взглядами, сэръ, проговорилъ одобрительно баронетъ. Если бы на свѣтѣ было больше людей съ вашимъ образомъ мысли, то меньше было бы революцій. Однако-жъ, ради вашей дочери нельзя не пожалѣть, что вы удовольствовались положеніемъ, которое такъ значительно ниже вашихъ способностей.

Сильвія опять вздохнула.

— О, папá никогда обо мнѣ не думаетъ. Пока у него есть даровая прислуга, онъ вполне доволенъ.

Эти слова были очень нелюбезны, и будь они произнесены менѣ красивыми устами, то показались бы непочтительными. Но сэръ Обри любовался устами и не ввѣривалъ словъ, выходящихъ изъ нихъ. Онъ думалъ, какъ мила и умна эта дѣвушка, и какъ жаль, что она заживо похоронена въ этой глуши; обстановка ея, конечно, мила и идиллична, если посмотрѣть на нее, какъ на картинку, въ лѣтнія сумерки, но она недостойна такой красавицы.

Онъ поспѣшно всталъ, и направился черезъ лужайку къ въварію и м-ру Спильби, которые стояли прислонясь къ оградѣ и горячо бесѣдовали. Архитекторъ держалъ въ рукѣ карандашъ и записную книжку.

«Въ моемъ положеніи человѣкъ не можетъ позволять себѣ глупостей», подумалъ баронетъ.

Перриамскій замокъ со всѣми его угодами висѣлъ на шеѣ, какъ жерновъ, котораго онъ не могъ страхнуть.

«Будь я юношей, я могъ бы подуматься и жениться этой дѣвушкѣ», размышлялъ онъ.

Между тѣмъ, со стороны молодого человѣка, который только что начинаетъ жить, таковой поступокъ былъ бы гораздо рискованнѣе, чѣмъ для человѣка въ возрастѣ сэра Обри, который прожилъ уже лучшую часть своей жизни, и, конечно, вправѣ думать о томъ, какъ бы ему скрасить остатокъ дней своихъ. Никогда, быть можетъ, не было человѣка болѣе свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ сэръ Обри. У него не было близкихъ родственниковъ, за исключеніемъ брата, безвреднаго чудака, м-ра Перриамъ, который вдобавокъ слылъ за человѣка слегка тронутаго въ умѣ. Для него положительно не существовало никакихъ препятствій къ удовлетворенію его желаній, кромѣ личныхъ предрасудковъ. Но послѣднія были очень сильны. У него было преувеличенное понятіе о своемъ собственномъ достоинствѣ, о значеніи его въ большомъ свѣтѣ. Онъ никогда ни въ чемъ не конкурировалъ съ другими, а потому никогда и не испытывалъ неудачъ. Въ жизни съ нимъ не случалось ничего такого, что бы могло умалить его вѣру въ самого себя.

Въ молодости онъ былъ обрученъ съ дочерью одного герцога. Герцогъ былъ бѣденъ, но принадлежалъ къ высшей аристократіи Англій. Молодая дѣвушка, леди Гуннивера, умерла за мѣсяць до дня, назначеннаго для свадьбы, и ударъ этотъ тяжело обрушился на Обри Перриамъ. Портретъ его невѣсты все еще висѣлъ въ его кабинетѣ въ Перриамѣ, и онъ не могъ взглянуть на него безъ глубокаго вздоха сожалѣнія.

Это разочарованіе, или скорѣе воспоминаніе объ этомъ разочарованіи, потому что оно давно уже перешло въ область воспоминанія, заставило сэра Обри оставаться холостякомъ. Къ воспоминанію о томъ, что его Гуннивера была милѣйшимъ созданіемъ, всегда примѣшивалась мысль, что она тоже была дочерью одного изъ древнѣйшихъ герцоговъ Англій. Онъ встрѣчалъ безчисленное множество хорошенькихъ и пріятныхъ женщинъ, которыя охотно согласились бы сдѣлаться леди Перриамъ; но ни одна не была достойна занять мѣсто, предназначавшееся Гунниверѣ. Онѣ могли оживить его очагъ всѣми радостями семейной жизни; но онѣ не могли дать въ дѣдушки его дѣтямъ герцога. Сэръ Обри принялъ этотъ фактъ въ сердце, и остался холостымъ.

Но на всякой жизненной тропѣ крестя змѣя. Сэръ Обри и тѣлъ артистическіе вкусы. У него была своя мечта, свой идеаль ч той красоты, котораго онъ никогда не надѣялся встрѣтить и лче, какъ на картинахъ своего любимца Тиціана. И вдругъ, п редъ нимъ во-очію предстала его художественная мечта, идеаль

женской красоты, который воспѣвали поэты и живописали художники во всѣ вѣка. Онъ встрѣтилъ этотъ идеалъ здѣсь, въ деревнѣ Гедингемъ—въ своихъ собственныхъ владѣнiяхъ,—лишь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ своего дома. Онъ учтиво выслушивалъ мнѣнiя м-ра Спильби о новомъ школьномъ домѣ. М-ръ Спильби подгадалъ, что настоящее зданiе до того обветшало, состарѣлось, что едва-ли продержится еще съ мѣсяць.

— Оно врядъ ли могло защищать отъ непогоды за эти послѣднiя десять лѣтъ, сказалъ м-ръ Спильби съ глубокимъ презрѣнiемъ, и для меня непостижимо, какъ еще могли держаться эти почтенныя, ветхiя стѣны.

— Я боюсь, Спильби, что имъ придется простоять еще годикъ-другой, сказалъ виварiй. Но вы можете представить намъ свою смѣту, когда хотите. Намъ легче будетъ разсчитать свои средства, имѣя ее въ рукахъ.

Сэръ Обри выказывалъ большой интересъ, и когда м-ръ Спильби ушелъ за своимъ кабриолетомъ въ гостинницу, чтобы вернуться въ Монкгемптонъ, баронетъ все еще мѣшкалъ, и на этотъ разъ не отклонилъ предложенiя виварiа распить бутылочку кларету. Домъ виварiа стоялъ по-ту сторону кладбища. Имъ пришлось пройти, подъ сѣнью мрачныхъ кипарисовъ, приютившихъ Эдмонда и Сильвию въ моментъ прощанiя ихъ, другую болѣе открытую часть сельскаго кладбища, и они очутились передъ внушительными на видъ окнами солиднаго жилища виварiа. Низкая стѣна отдѣляла его садъ отъ мѣста, усыпаннаго могилами. Кусты георгинъ и арки, обвитыя розами, красиво выглядывали изъ-за дерноваго вала, а изъ-за поросшихъ мхомъ надгробныхъ памятниковъ привѣтливо выглядывали освѣщенные окна гостинной Вивартортовъ. Обручи отъ вровета, разбросанные мячики и молоточки еще валялись на лугу.

— Вашъ школьный учитель довольно оригинальный человекъ, сказалъ баронетъ, пока они проходили по кладбищу,—человекъ, повидимому, знававшiй лучшiе дни. Извѣстно-ли вамъ что-нибудь изъ его прошлаго?

— Ничего ровно. Вѣдь онъ поселился здѣсь еще до меня.

— Я удивляюсь, какимъ образомъ онъ попалъ на это мѣсто. По говору онъ не похожъ на жителя западныхъ провинцiй.

— Между тѣмъ, Керью—фамилiя изъ западныхъ провинцiй.

— Да, и очень хорошая фамилiя. Я неоднократно пытался разузнать, къ какимъ Керью онъ принадлежать. Но онъ ужасно скрытенъ... отъ него ничего не добьешься. Онъ, во всякомъ случаѣ, неприятный человекъ, но несомнѣнно хорошiй учитель.

— Какое получаетъ онъ жалованье?

— Сорось фунтовъ въ годъ, отопленіе, освѣщеніе и квартиру.

— Бѣдняга! Но онъ по разговорѣ совершенный джентльменъ. И дочка его очень интересна. Вы ее хорошо знаете?

— Она расцѣбла на моихъ глазахъ. Ей было приблизительно двѣнадцать лѣтъ, когда я здѣсь поселился.

— Она, повидимому, очень мила, вообще кажется хорошей дѣвушкой.

— Какъ большинство молодыхъ дѣвушекъ, сказалъ викарій тономъ, который показывалъ, что онъ вообще не высокаго мнѣнія о молодыхъ дѣвушкахъ. — Дочери мои говорятъ, что она тщеславна, но такъ какъ я нахожу, что онѣ сами не свободны отъ этой женской слабости, то и не придаю большого вѣса этому обвиненію. Такая красивая дѣвушка, какъ Сильвія, не можетъ ничего не знать о своей красотѣ.

Ни слова не сказалъ викарій о сельскихъ сплетняхъ или о томъ, что доброе имя ея пострадало. Сэръ Обри былъ этимъ очень доволенъ. Но сталъ разспрашивать дальше.

— Ваша дочь упоминала нынче вечеромъ о какихъ-то неблагоприятныхъ слухахъ, помѣшавшихъ ей продолжать прежнія дружескія сношенія съ миссъ Керью, сказалъ онъ. — Вы не слыхали, какого рода эти слухи?

— Слухи! воскликнулъ викарій, почти съ гнѣвомъ. Гедингемъ наполненъ слухами! Самый воздухъ ими пропитанъ! Если вы выйдете изъ дому поздно вечеромъ, васъ ожидаетъ сплетня! Если вы предпримете до завтрака непривычную прогулку — новая сплетня! Если гость отобѣдаетъ у васъ — опять сплетня! Вы даже не можете пообѣдать у себя дома въ одиночествѣ, чтобъ не возбудить толковъ. Вы кушаете курицу, когда другіе ѣдятъ говядину, значить, вы необыкновенно кутите! За обѣдомъ у васъ холодный филей съ салатомъ — вы скряга! У меня не хватаетъ терпѣнія выслушивать разносчиковъ деревенскихъ сплетенъ, и моя ненависть къ ихъ болтовнѣ такъ извѣстна, что очень немногіе изъ нихъ осмѣливаются попадаться мнѣ на пути. Что же касается до Сильвіи Керью, я знаю ее съ дѣтства, и никогда не имѣлъ причины дурно отзываться о ней.

Сэръ Обри былъ очень доволенъ. Собственно нельзя было предполагать, что бы мысли или мнѣнія людей объ этой деревенской красавицѣ могли имѣть какую-нибудь цѣну въ его глазахъ: однакожь, въ глубинѣ души онъ былъ теперь очень счастливъ.

А. 9.

И Д Е Я

ЛИЧНАГО БЛАГОСОСТОЯНІЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Ueber die Freiheit in der Volkswirtschaft. Von Dr. *Heinrich Maurus*. Heidelberg. 1873.

Подъ *личнымъ благосостояніемъ* человѣка разумѣютъ такое его положеніе въ обществѣ, когда онъ можетъ, свободнымъ употребленіемъ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, спокойно и вполне удовлетворять свои матеріальныя и нравственныя потребности. Въ настоящей статьѣ мы будемъ говорить главнымъ образомъ лишь о матеріальной сторонѣ личнаго благосостоянія; но такъ какъ нравственныя потребности человѣка тѣсно связаны съ матеріальнымъ его обезпеченіемъ, то понятно, что наши выводы могутъ имѣть отношеніе и къ обезпеченію нравственнаго развитія человѣка въ обществѣ.

Личное благосостояніе человѣка въ обществѣ, какъ должно его понимать, не есть ни эгоистическое возвышеніе всякими средствами матеріальнаго благосостоянія той, либо другой личности въ обществѣ, или какаго-либо отдѣльнаго класса надъ всѣми другими, ни поглощеніе благосостоянія каждаго члена общества въ какомъ-то фантастическомъ общемъ благосостояніи всѣхъ, но благосостояніе именно каждаго отдѣльнаго лица, смотря по его природнымъ и приобрѣтеннымъ способностямъ и талантамъ. Ради своего личнаго благосостоянія человѣкъ не только пожертвовалъ своею

первобытною свободою и вступилъ въ общую жизнь съ своими ближними, но и затѣмъ, въ самомъ обществѣ, еще много разъ урѣзывалъ свою личную волю въ разныхъ направленіяхъ, лишь бы добиться безопаснаго пользованія своею жизнью и ея благами. Исторія народовъ съ самыхъ раннихъ временъ — лучшая свидѣтельница всѣхъ формъ и видовъ этого стремленія. Множество самыхъ разнообразныхъ средствъ употреблялъ человѣкъ для достиженія своего личнаго благосостоянія въ общественной жизни, и хотя усилія его не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе, то нравственное и умственное развитіе, какое уже приобрѣтено человечествомъ путемъ цивилизаціи, показываетъ, что люди во всякомъ случаѣ трудились не даромъ, и справедливость такого заключенія нисколько не опровергается тѣмъ, что и въ современномъ обществѣ всего образованнаго міра не всѣ могутъ пользоваться болѣе или менѣе прочнымъ личнымъ благосостояніемъ. Человѣческій опытъ, насколько онъ выражается въ современной наукѣ, успѣлъ уже отрѣшиться отъ всякихъ эгоистическихъ взглядовъ на общественную жизнь, и ставить, наконецъ, широкую задачу обезпеченія благосостоянія каждаго человѣка въ обществѣ. Практика общественной жизни тоже придумывала разные учрежденія и мѣры, такъ или иначе способствующія разрѣшенію этой важной жизненной и научной задачи. Нѣкоторые, по большей части отрицательные результаты этихъ мѣръ, дали здравый толчокъ критическому анализу въ этой области изслѣдованія; каждый въ свою очередь, вмѣстѣ съ научными изысканіями въ другихъ отрасляхъ знанія, составилъ прочное основаніе многимъ теоріямъ личнаго благосостоянія въ обществѣ. Но только въ нашемъ XIX-мъ вѣкѣ, послѣ того какъ было отражено одно изъ самыхъ бойкихъ и рѣшительныхъ отрицаній (Мальтусъ) всякой возможности человѣческаго благосостоянія на земномъ шарѣ; утвердились, наконецъ, два взгляда, два направленія научной мысли относительно практическаго разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Явившись въ общедоступномъ изложеніи, оба взгляда быстро сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія и тѣмъ сильнѣйшаго, что каждый изъ нихъ льстилъ самолюбію берущихся между собою отдѣльныхъ сторонъ. Такимъ образомъ, ставъ разомъ знаменемъ двухъ враждебныхъ партій, оба идеала наилучшаго общественнаго устройства, вмѣсто того, чтобы подлежать дальнѣйшей критической разработкѣ, явились въ жизни современнаго общества какъ-бы окончательнымъ выводомъ науки, вполне пригоднымъ для введенія въ положительное законодательство всѣхъ странъ образованной половины міра. Политическое возбужденіе, которому эти взгляды

сами служили жгучимъ поощреніемъ, внесло въ нихъ самыхъ страстное отношеніе въ дѣйствительности, и чѣмъ дальше шла борьба партій, чѣмъ ожесточеннѣе проявлялась взаимная вражда, тѣмъ болѣе крайними и рѣзкими становились требованія обоихъ идеаловъ; а между тѣмъ сама жизнь начала уже представлять сильныя доказательства противъ состоятельности не только крайнихъ требованій этихъ обычныхъ партій, но также исходной точки системъ обоихъ взглядовъ. Въ наше время, практика какъ «буржуазной» экономіи, такъ и «соціалистической» или «коммунистской» представляется одинаково несостоятельною: въ экономической дѣятельности какъ полная личная свобода, такъ и рѣшительное ея уничтоженіе не даютъ пока нивакихъ прочныхъ данныхъ для увѣрованія въ научную достовѣрность которой-либо изъ обычныхъ теорій. Ученіе *laissez faire* не уничтожаетъ пролетаріата и только возбуждаетъ противъ послѣдняго экономическую вражду въ богатыхъ классахъ; между тѣмъ какъ социализмъ, нисколько не помогая бѣднымъ классамъ, напрасно раздражаетъ ихъ противъ всего общественнаго строя. Партіи ожесточенно враждуютъ между собою, даже проливаютъ иногда кровь, но дѣйствительнаго дѣла въ суматохѣ этой борьбы не видать, и положеніе современнаго общественнаго строя остается почти все тамъ же, гдѣ его оставилъ конецъ прошедшаго столѣтія. Очевидно, что въ самыхъ взглядахъ враждующихъ сторонъ есть какая-то крупная ошибка, которая мѣшаетъ людямъ разглядѣть ихъ общій интересъ и понять главную сущность раздѣляющаго ихъ вопроса.

Наиболѣе проникательные и свѣдущіе наслѣдователи въ области экономическихъ фактовъ уже давно чувствовали нѣкоторую неловкость въ системахъ обычныхъ партій. Такъ, напримѣръ, Джонъ Стюартъ Милль, говоря о собственности въ своей «Политической экономіи», относится съ большимъ сочувствіемъ въ социализму, и если онъ остался твердымъ приверженцемъ основныхъ взглядовъ буржуазной экономіи, то лишь потому, что, по его мнѣнію, «принципъ частной собственности не подвергался еще добросовѣстному испытанію ни въ одной странѣ». Съ другой стороны, Пьеръ-Жозефъ Прудонъ, называя собственность кражею, тѣмъ же менѣе жестоко порицалъ всѣ коммунистическія и соціалистическія теоріи, въ которыхъ такъ или иначе высказывалось стремленіе превратить націю «въ большой полициникъ», или «прикрѣпить людей, какъ устриць, на скалѣ братства». Ясно, что и Милль и Прудонъ не были довольны главными началами тѣхъ теоретическихъ системъ, представителями которыхъ ихъ считаютъ.

И оба они, въ дѣйствительности, старались только найти новыя начала, но не нашли ихъ.

Въ настоящей статьѣ мы намѣрены обратить вниманіе на такую же попытку безпристрастнаго и серьезнаго нѣмецкаго ученаго, Гейриха Мауруса, который цѣлымъ рядомъ трудовъ (съ 1868 г.) старается установить въ наукѣ новый взглядъ на идею личнаго благосостоянія. Въ первомъ своемъ сочиненіи: «Die Grundsätze der Volkswirtschaftslehre vom Standpunkte der socialen Reform», нашъ авторъ разбираетъ всѣ выводы политической экономіи съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Во второмъ: «Die moderne Besteuerung und die Besteuerungsreform» (1870 г.) онъ подвергъ критикѣ съ той же самой точки зрѣнія податную систему, господствующую въ современныхъ государствахъ, и пришелъ къ необходимости полнаго ея преобразованія въ интересахъ справедливости въ немущимъ классамъ. Наконецъ, въ послѣднемъ своемъ сочиненіи Маурусъ уже представляетъ обстоятельную критику «буржуазной» и «соціалистической» системъ, чтобы на ихъ развалинахъ построить свой собственный планъ сквозь который проходить оригинальное воззрѣніе автора на отношеніе свободы человѣка въ его личному благосостоянію.

Извѣстно, что, такъ-называемая, буржуазная экономія, въ лицѣ Бастіа, ставитъ высшимъ принципомъ въ экономическомъ порядкѣ общества *личную свободу* въ формѣ «свободы труда» и «свободы капитала». Этотъ принципъ учить: «пусть всякій, какъ пожелаетъ, трудится или нѣтъ, употребляетъ свой капиталъ на дѣло или на бездѣлье—и все пойдетъ хорошо ко всеобщей гармоніи всѣхъ интересовъ». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, полная, безконтрольная свобода человѣка въ удовлетвореніи своихъ экономическихъ потребностей мыслима только нѣтъ общества, гдѣ человѣкъ имѣлъ бы дѣло только съ одною природою. Но въ прямой борьбѣ съ природою, одинъ-на-одинъ, человѣкъ, какъ можно догадываться по жизни дикихъ племенъ, часто не можетъ удовлетворять даже первыхъ потребностей жизни. Человѣка въ одинокомъ состояніи мы совсѣмъ не знаемъ, его никогда не наблюдали. Человѣкъ, слѣдовательно, уже съ самаго начала своего существованія долженъ былъ отказаться отъ своей безусловно-личной, животной свободы, ибо только въ сообществѣ съ другими могъ онъ ожидать сколько-нибудь плодотворныхъ результатовъ отъ своей борьбы съ природою; только сперва въ семейной, или родовой, а потомъ въ общественной жизни могъ онъ надѣяться на болѣе или менѣе серьезное обезпеченіе своей личной безопасности и результатовъ своей борьбы съ природою, своего труда.

Но вступленіе въ общество ради этой цѣли требовало неминуемо, чтобы человѣкъ отказался отъ своей животной независимости, и вотъ произошло первое ограниченіе безусловной свободы.

Съ развитіемъ общественной жизни у древнихъ, болѣе сильныя и энергическія личности стали выше слабыхъ, и общественная жизнь превратилась въ порабощеніе одной части населенія другою. Еслибы порабощенные не начали затѣмъ искать выхода изъ этого новаго положенія, то существенная цѣль общества — охраненіе личнаго благополучія всѣхъ членовъ, его составляющихъ, была бы совершенно устранена, и тогда человѣкъ, «рожденный быть свободнымъ», проводилъ бы свою жизнь въ вѣчныхъ цѣпяхъ». Но человѣкъ вступалъ въ общество не для такой цѣли: онъ искалъ въ немъ, напротивъ, общаго благосостоянія всѣхъ и каждаго. Въ современномъ обществѣ указываютъ на два фактора, предназначенныхъ для ослабленія господства физической силы въ обществѣ, именно: гражданскую свободу и свободу политическую. Обѣ эти свободы, если вникнуть въ ихъ сущность, суть вовсе не свободы, а новыя ограниченія первоначальной, животной свободы человѣка. Такъ, гражданская свобода, имѣя въ виду уничтожить всѣ препятствія и затрудненія внутренней дѣятельности въ обществѣ, и дать каждому гражданину возможность достигать своего матеріальнаго и нравственнаго благополучія, вводитъ въ жизнь *законы*, одинаково и равно обязательный для всѣхъ гражданъ. Политическая свобода, съ своей стороны, имѣя въ виду обезпечить за гражданами справедливое и равное для всѣхъ законодательство, администрацію и судъ, а также въѣшнюю безопасность, требуетъ отъ людей личной службы и личныхъ средствъ для удовлетворенія всѣхъ государственныхъ потребностей. Въ установленіи этихъ обонхъ видовъ ограниченія безусловной свободы человѣка, если ограниченіе проводится въ равной мѣрѣ для всѣхъ гражданъ въ обществѣ, лежитъ основа «наилучшаго и ничѣмъ ненарушаемаго удовлетворенія постоянно возрастающихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей жизни — умноженія благосостоянія всѣхъ» (стр. 5). Такъ заключаетъ Мауръсъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи и Англіи хотя положеніи довольно прочныя основы гражданской и политической свободы, но далеко не въ полномъ совершенствѣ и безъ соблюденія многихъ условий, требуемыхъ принципомъ общаго благосостоянія. Тамоншіе законы хотя признаютъ равноправность гражданъ во многихъ отношеніяхъ и въ принципахъ, но допускаютъ также многія привилегіи; съ другой стороны, въ политической жизни не на всѣхъ

равнымъ образомъ падаютъ государственныя повинности и не всѣ одинаково несутъ на себѣ разнаго рода государственную службу. Вообще говоря, даже въ этихъ государствахъ, политическія и гражданскія права гражданъ основаны на случайныхъ историческихъ вліяніяхъ, въ которыхъ существенная и единственная цѣль общественной жизни — обезпеченіе личнаго благосостоянія гражданъ играетъ далеко не преобладающую роль.

Разъ существуетъ неравенство въ гражданскихъ и политическихъ законахъ страны, разъ допущены въ нихъ привилегіи и монополіи, — и нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ самой жизни общества, въ матеріальномъ и духовномъ развитіи гражданъ, должны сказаться вліянія этихъ отклоненій отъ требованій основной общественной цѣли. Законъ, являясь въ общественномъ строѣ уравнивающей силой физическаго превосходства одного человѣка надъ другимъ, дѣлается самъ невыгоднымъ вліяніемъ, какъ только устанавливаетъ неестественное превосходство одного человѣка или цѣлаго класса надъ другимъ человекомъ или цѣлымъ классомъ людей, и это тѣмъ скорѣе, что въ общественной жизни, въ силу самой этой жизни, создаются новыя экономическія силы, сами по себѣ благотѣльныя для умноженія общественнаго благосостоянія, но онѣ, оставаясь внѣ правительственнаго руководства, могутъ становиться предметомъ тяготѣнія однихъ слоевъ общества надъ другими. Эти силы: *собственность, деньги, кредитъ, конкуренція и торговля*. Споръ объ управленіи этими силами и о значеніи ихъ въ вопросѣ общественнаго благосостоянія и составляетъ главную сущность всѣхъ экономическихъ теорій, касающихся устройства современнаго общества. «Буржуазная экономія» желаетъ дать этимъ силамъ безграничную свободу, между тѣмъ какъ социализмъ совѣтуетъ совершенно ихъ уничтожить; — первая видитъ въ нихъ юридическія учрежденія, весьма выгодныя для умноженія *общественно* богатства, а послѣдній считаетъ ихъ тоже юридическими учрежденіями, придуманными буржуазной партіей съ спеціальною цѣлью наживы на счетъ трудящихся классовъ. Въ дѣйствительности же, эти силы суть разумный результатъ самой общественной жизни при условіяхъ раздѣленія труда, и онѣ существовали съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началось въ общественной жизни раздѣленіе труда. Если въ современномъ обществѣ, допускающемъ съ небольшими исключеніями полную свободу проявленія этихъ общественно-экономическихъ силъ, ихъ вліяніе могло произвести *пролетариатъ*, то въ этомъ виновю не сами силы, а только одни злоупотребленія ими. И эти-то злоупотребленія, а не самыя силы, Маурюсъ желалъ бы уничтожить, такъ какъ

иначе эти силы никогда не сдѣлаются доступными всѣмъ и каждому, а между тѣмъ безъ ихъ общедоступности невозможно личное благосостояніе всѣхъ членовъ въ обществѣ.

Уже древніе философы понимали, что экономическая дѣятельность въ обществѣ невозможна въ формѣ отдѣльнаго, личнаго хозяйства, совершенно независимаго отъ всѣхъ другихъ. Въ настоящее время, когда раздѣленіе труда достигло своего высшаго развитія, и когда каждый человѣкъ употребляетъ свой трудъ не на то, что нужно для его собственнаго потребленія, а на то, что нужно другимъ, — вліяніе каждаго отдѣльнаго экономическаго факта на всю экономію общества и обратно не подлежитъ никакому спору. «Самый послѣдній поденщикъ на фабрикѣ, едва зарабатывающій необходимое для поддержанія его жизни количество хлѣба, способствуетъ тѣмъ не менѣе однимъ фактомъ своего труда успѣху производства, въ которомъ онъ принимаетъ участіе; онъ трудится, слѣдовательно, не для себя только, но также для выгоды фабриканта и для умноженія общаго благосостоянія». Также точно, экономическая дѣятельность можетъ терпѣть неудачу не отъ личной ошибки предпринимателя или работника, но отъ тѣхъ же общественныхъ силъ. Такъ, «спекулянты въ хлѣбной торговлѣ банкротятся вслѣдствіе того, что падаютъ цѣны на хлѣбъ при непредвидѣнномъ богатомъ урожаѣ; рабочій голодаетъ, когда поднимаются цѣны на живые припасы вслѣдствіе разныхъ случайностей, которыхъ рабочій ни устранить, ни создать не можетъ; фабрикантъ гибнетъ, если вслѣдствіе всеобщей излишней производительности вдругъ остановится продажа его товара, приготовленнаго имъ въ огромномъ количествѣ; пролетарій остается безъ работы и безъ хлѣба всякій разъ, когда на фабрикѣ, гдѣ онъ работаетъ, вдругъ не окажется сырыхъ произведеній для работы, несмотря на то, что въ этомъ недостаткѣ не были виноваты ни фабрикантъ, ни самъ пролетарій». Такихъ случайностей можно привести безчисленное множество, ибо изъ нихъ состоитъ почти всякая экономическая дѣятельность, и нѣтъ не можетъ сказать про себя, что съ нимъ ничего подобнаго случиться не можетъ: кто-то справедливо сказалъ, «что въ экономической области нынѣ каждый несетъ отвѣтственность за то, чего онъ не дѣлалъ». Между тѣмъ, извѣстно, что фактъ этой странной отвѣтственности обусловливается самымъ общественнымъ устройствомъ, создавшимъ тѣ общественно-экономическія силы, о которыхъ мы говорили выше, и которыя, будучи созданы самою общественною жизнью для умноженія общаго благосостоянія, могли бы вполне дости-

гать этой цѣли, еслибъ онѣ стали доступными для всѣхъ членовъ въ обществѣ... Но какъ это сдѣлать? — вотъ вопросъ, который задаетъ себѣ Маурусъ, оразивъ доводы, съ одной стороны, «буржуазной» экономіи, а съ другой—фантастическія теоріи социализмовъ.

I.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію преобразовательныхъ воззрѣній Мауруса, необходимо показать, въ какомъ положеніи находится личное благосостояніе человѣка въ современномъ обществѣ,—чѣмъ оно обуславливается и какія благодѣтельныя мѣры имѣеть уже въ своемъ распоряженіи государство для обезпеченія этого благосостоянія или, по крайней мѣрѣ, для проложенія пути къ нему.

Единственною основою для личнаго благосостоянія служить, разумѣется, *трудъ*, какъ сознательная человѣческая дѣятельность для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Но трудъ самъ по себѣ не можетъ производить полезныхъ для этой цѣли вещей, не имѣя подъ руками необходимыхъ для работы орудій и матеріаловъ; — поэтому, только то общественное устройство можно считать выгоднымъ и благоприятнымъ для личнаго благосостоянія, въ которомъ труду всегда доступны необходимыя для его дѣятельности средства. Между тѣмъ, въ современномъ обществѣ многіе часто остаются безъ работы, или ее столь мало, что приходится часто браться за нее при такихъ условіяхъ, что заработокъ едва хватаетъ на проормленіе. Отсюда *пролетариатъ*,—это крайне ненормальное явленіе, потрясавшее уже нѣсколько разъ общественный порядокъ и угрожающее въ будущемъ еще новыми потрясеніями. Рождается важный вопросъ: самъ ли земной шаръ такъ устроенъ, что въ обществѣ долженъ быть пролетариатъ, или въ самомъ общественномъ строѣ есть какія-нибудь поврежденія или недостатки, способствующіе возникновенію столь тревожнаго явленія?..

«Буржуазная» экономія въ прежнія времена отвѣчала на этотъ вопросъ широкимъ философскимъ отвѣтомъ Мальтуса, что вся бѣда заключается въ несоотвѣтствіи возрастанія жизненныхъ средствъ, продовольствія, съ увеличеніемъ народонаселенія на земномъ шарѣ; что люди, будто бы, размножаются въ геометрической прогрессіи, а жизненные средства только въ арифметической. Это самое ученіе подтверждалъ потомъ знаменитый химикъ Либихъ, который ставилъ своимъ главнымъ доводомъ тотъ фактъ, что про-

изводительность земли, какова бы земля ни была и какими бы превосходными способами обработки ни подвергалась, имѣет свои предѣлы, между тѣмъ какъ человеческой способности размноженія есть только одинъ предѣлъ: недостатокъ жизненныхъ средствъ. Но, не говоря о томъ, что эта теорія ничѣмъ не доказываетъ, что физиологическія способности организма размножаться должны вѣчно пребывать такими, каковы они теперь, она не заслуживаетъ въ настоящее время никакого вниманія для нашего экономическаго вопроса еще потому, что земной шаръ заселенъ пока слишкомъ мало, и могъ бы даже, при нынѣшнихъ способахъ обработки земли, кормить не только теперь, но и въ далекомъ будущемъ нынѣшнее населеніе каждой страны въ образованномъ мѣрѣ. Если же, несмотря на возможность обилія, мы встрѣчаемъ нищету, то причину такого факта слѣдуетъ искать именно въ дурномъ хозяйствѣ, которое допускаетъ сидѣть безъ работы и тогда, когда рабочаго матеріала существуетъ въ обществѣ вдоволь. Возьмемъ, наприимѣръ, Англію, страну очень бережливую и расчетливую и въ которой эгоизмъ и конкуренція,—эти двѣ важнѣйшія силы буржуазной экономіи,—дѣйствовали всегда вполне свободно, и рассмотримъ ея хозяйство. Чтѣ мы тамъ видимъ?.. Есть тамъ 200,000 землевладѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ, конечно, недостатка въ капиталѣ. Имъ принадлежитъ 37,319,205 французскихъ гектаровъ земли, изъ которыхъ только 7,743,762 гектара находятся подъ напашею, и слишкомъ 6 милліоновъ лежатъ совершенно необработанные; остальные остаются подъ лугами. Обрабатываемая земля даетъ самое скудное существованіе $3\frac{1}{2}$ милліонамъ разныхъ рабочихъ. Развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что еслибы необработанная часть тоже пошла въ работу, то не только эти $3\frac{1}{2}$ милліона рабочихъ приобрѣли бы разомъ гораздо лучшій заработокъ, но еще цѣлый милліонъ другихъ. Несомнѣнно также, что съ этой новой работой въ странѣ и фабричныя рабочіе почувствовали бы себя лучше, такъ какъ и ихъ заработная плата также поднялась бы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшилась бы и цифра пролетаріата (1,061,630 человекъ), на общественное призваніе котораго страна издерживала въ томъ же, 1866 году, 11,498,588 фунтовъ стерлинговъ. Не слѣдуетъ забывать, что мы еще ничего не говорили о лугахъ, а съ ними можно было бы также поступить гораздо выгоднѣе для общественнаго благосостоянія.

Не одна поземельная собственность только допускаетъ громадное расширеніе производства. Такому же расширенію подлежатъ и промышленность при выгодномъ для общества употребленіи, на-

примѣръ, денежнаго капитала. Возьмите тѣ миллиарды неприводительныхъ государственныхъ долговъ и тѣ многочисленныя милліоны, которые употребляются на биржевую игру и на разныя денежные спекуляціи;—всѣ эти милліоны и миллиарды отняты у производства, а чѣмъ въ меньшемъ количествѣ потребляется капиталъ на производство, тѣмъ ограниченнѣе становится вѣрность дѣятельности рабочихъ силъ, тѣмъ ниже падаетъ заработная плата и тѣмъ больше, слѣдовательно, нищеты въ обществѣ.

Последній выводъ мы дѣлаемъ на основаніи другой аномаліи: на опредѣленіи рабочей платы посредствомъ конкуренціи между спросомъ и предложеніемъ, какъ будто трудъ не что иное, какъ товаръ. Но трудъ—это сила, которую если можно съ чѣмъ-либо сравнивать, то развѣ съ силами природы, трудъ—это одинъ изъ факторовъ производства товаровъ, но не товаръ. «Буржуазная» экономія сама, въ лицѣ Торитона, отличаетъ трудъ отъ товара въ слѣдующихъ пяти пунктахъ: 1) трудъ—вещь неосязаемая, невидимая, и обладатель труда принужденъ постоянно сбывать его; 2) трудъ нельзя пересылать, такъ какъ онъ нераздѣленъ съ своимъ собственникомъ; 3) между рабочимъ и капиталистомъ (собственникомъ рабочихъ средствъ) не происходитъ никакого обмѣна продуктовъ, какъ при куплѣ и продажѣ,—между ними составляется скорѣе нѣкотораго рода взаимное обязательство; 4) трудъ не переносится, какъ проданная вещь, отъ одного владельца къ другому, — оттого и въ обыденномъ языкѣ говорится о *рабочей платѣ*, о *наймѣ рабочимъ*, а не о куплѣ или цѣнѣ труда; 5) трудъ не можетъ быть проданъ весь и навсегда (рабство). Имѣя въ виду эти отличія, «буржуазная» экономія приходитъ къ тому выводу, что нормальная рабочая плата должна была бы содержать въ себѣ не только вознагражденіе за потребляемую силу, но также опредѣленныя доли на воспитаніе рабочаго и на обезпеченіе его на случай болѣзни и въ старости. Правда, такое справедливое признаніе права на высокую плату совершилось лишь въ очень недавнее время, однако тѣмъ не менѣе эта плата все-таки продолжаетъ опредѣляться спросомъ и предложеніемъ, такъ какъ въ практической дѣйствительности нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что слѣдуетъ считать содержаніемъ рабочаго, что должно быть воспитаніемъ его и какаѣ доли должны быть опредѣлены на болѣзни и старость. Такимъ образомъ, «буржуазная» экономія, признавая общепользыя явленіемъ полную свободу капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ распоряженіи ихъ собственности, принуждена искать уступокъ у самихъ рабочихъ; и вотъ она предлагаетъ имъ ждать повышенія зара-

ботной платы отъ уменьшенія предложенія труда, а этого уменьшенія она ожидаетъ лишь отъ воздержанія рабочихъ отъ брака: отсюда сохраненіе во многихъ государствахъ разныхъ стѣснительныхъ постановленій касательно вступленія въ бракъ и суровыхъ законовъ о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ. Между тѣмъ, статистика давно доказала, что тамъ, гдѣ всего сильнѣе господствовалъ стѣснительные брачные законы, какъ въ Баваріи и Австріи, число незаконныхъ рожденій было больше, чѣмъ, напримѣръ, въ пререйнской Баваріи, гдѣ таковыхъ стѣсненій не было.

Остается еще другой способъ борьбы съ нищетою: путемъ увеличенія работъ въ обществѣ. Но вмѣсто того, чтобы обратиться за работою прямо къ тѣмъ классамъ, въ рукахъ которыхъ общественныя условія сосредоточили весь рабочій матеріалъ и орудія, въ западной Европѣ создаются на счетъ плательщиковъ податей общественныя работы и презрѣніе нищихъ въ рабочихъ домахъ, или равнодушно смотрятъ сквозь пальцы на бродяжничество и нищенское попрошайничество, какъ, наприм., въ Итали.

Что касается до рабочихъ домовъ, наилучшее устройство ихъ мы находимъ въ Англіи. Содержаніе ихъ обходится весьма дорого, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что число ихъ не соответствуетъ потребности;—нерѣдко всѣ они бывають до того переполнены, что иной бѣднякъ, въ ожиданіи впуска, такъ и умираетъ съ голоду на порогѣ рабочаго дома. Тамъ, въ этихъ домахъ, требуютъ работы обыкновенно бессмысленной и соблюдаютъ, разумѣется, крайне строгую дисциплину, чѣмъ и достигаютъ того факта, что въ рабочій домъ идутъ изъ числа бѣдняковъ лишь самые отлѣпые или находящіеся чуть не наканунѣ голодной смерти. Неудивительно, поэтому, что рабочіе дома стали притокомъ весьма сомнительнаго общества, которое служитъ постоянною угрозою общественному порядку. Англійскія власти сами это знаютъ и потому создали еще другую общественную помощь всѣмъ рабочимъ домовъ: рабочіе, остающіеся безъ работы, получаютъ деньги или билеты на приобрѣтеніе пищи; но такъ какъ этою отраслю помощи успѣвають пользоваться не только невинные въ своей нищетѣ рабочіе, но и разные проходимцы, то общественная благотворительность становится, при такомъ порядкѣ вещей, ничѣмъ инымъ, какъ поддерживаю бродяжничества и бѣдальничества.

Общественныя работы оказываются лучшимъ средствомъ для борьбы съ безработицею, но только временнымъ, а не постояннымъ;—онѣ, во всякомъ случаѣ, не способствуютъ деморализаціи населенія и поднимають заработную плату лишь простымъ уве-

личіемъ количества труда въ странѣ. Но предпринятія съ такою цѣлью общественныя работы, хотя и полезныя для страны (дороги, каналы и т. п.), должны быть непременно громадныя, и онѣ привлекаютъ къ себѣ, поэтому, огромное число рабочихъ. Часть этихъ рабочихъ уйдетъ отъ разныхъ отраслей промышленнаго производства, въ которыхъ, поэтому, произойдетъ временное замѣшательство и, можетъ быть, повышение платы оставшимся рабочимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышение цѣны на товаръ: въ обществѣ будетъ произведено меньше полезнаго товара и потребитель будетъ платить за него дороже. Общество, слѣдовательно, останется въ проигрышѣ. Съ другой стороны, общественныя работы нельзя вести долгое время по той простой причинѣ, что средства государства не безграничны,—а какъ только наступитъ прекращеніе работъ, вся эта масса искусственнымъ образомъ привлеченныхъ рабочихъ, вмѣстѣ съ чиновниками-наблюдателями, непременно производятъ кризисъ на рабочемъ рынкѣ, и исторія не разъ уже свидѣтельствовала объ опасности подобнаго кризиса не тѣмъ или другимъ рабочимъ только, но всему обществу строю.

Всѣ нынѣшнія усилія въ западной Европѣ для прямой борьбы съ пролетаріатомъ ведутъ, какъ мы видимъ теперь, лишь къ тому, чтобы тратить крупныя податныя суммы отчасти на увеличеніе заработной платы рабочихъ, эксплуатируемыхъ нѣкоторыми отраслями промышленности, и отчасти просто для распространенія деморализаціи среди голодающаго и бродяжничающаго пролетаріата.

Но если государство не можетъ помочь рабочимъ классамъ непосредственно, путемъ прямого законодательства по вопросу опредѣленія заработной платы спросомъ и предложениемъ, то оно въ состояніи оказывать поддержку косвеннымъ путемъ, давая имъ возможность совершенствовать свои естественныя силы и способности. Такую возможность представляютъ: *народное образованіе* и *община* или *артели*. Современная государственная власть, почти во всѣхъ странахъ образованнаго міра, дѣйствительно сочувствуетъ и образованію, и артелямъ, и общинѣ крестьянъ. Дѣйствительно, образованіе необходимо рабочей силѣ не по какимъ-либо высшимъ, идеальнымъ требованіямъ, а по той простой причинѣ, что во всякомъ человѣческомъ трудѣ, какъ бы простъ онъ ни былъ, участвуетъ, кромѣ животной силы, также умъ, а чѣмъ развитѣе этотъ умъ, тѣмъ лучше и искуснѣе будетъ совершаться работа. Образованіе всей народной массы есть одно изъ существенныхъ требованій общественнаго благо-

состоянія. Государственная власть, повсюду, везде принимает въ немъ самое дѣятельное участіе; — руководствуясь высшею общественною цѣлью, она можетъ и должна въ этомъ вопросѣ употреблять и общественныя деньги и понудительныя средства. Общественная цѣль требуетъ, чтобы государство давало всѣ средства къ образованію, и чтобы граждане обязаны были пользоваться этими средствами: съ одной стороны — даровое образованіе, и низшее, и среднее, и высшее, а съ другой — обязанность посѣщенія школы съ опредѣленнымъ курсомъ наукъ, до извѣстнаго возраста и въ продолженіе узаконеннаго числа лѣтъ. Маурусъ признаетъ, что это послѣднее постановленіе наноситъ ущербъ семействамъ бѣдныхъ классовъ, но этотъ ущербъ онъ совѣтуетъ покрыть, напримѣръ, денежными преміями ученикамъ, прилежно посѣщающимъ школу: «общество требуетъ этихъ дѣтей въ школы и общества же, слѣдовательно, должно вознаграждать за то родителей; — назначаютъ же денежныя преміи на скачкахъ лошадей или за хорошия уходъ за скотомъ, отчего не назначить ихъ бѣднымъ дѣтямъ за прилежное посѣщеніе школы?» Фабриканты и землевладѣльцы, пользующіеся дѣтскимъ трудомъ, должны сами устраивать и содержать школы для работающихъ дѣтей, такъ какъ сами же фабриканты извлекаютъ потомъ свои выгоды изъ этого образованія. Наибольше проинициательные фабриканты уже теперь понимаютъ, что это такъ, и строятъ школы для дѣтей своихъ рабочихъ; — можетъ быть, тутъ примѣшивается и гуманный элементъ, но тѣмъ скорѣе является со стороны государства обязанность понудить и всѣхъ другихъ поступать въ этомъ дѣлѣ такъ, какъ поступаютъ наилучшіе и наиболѣе способные изъ фабрикантовъ и землевладѣльцевъ.

Принципъ *обязательности* образованія провозглашаютъ, правда, во многихъ европейскихъ государствахъ, но дѣйствительно практикуется только въ Германіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Исландіи, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ; но эта обязательность даетъ народнымъ массамъ лишь мало полезное въ практической жизни образованіе, такъ какъ вся программа тамошней народной школы не идетъ дальше грамоты, кое-какихъ отрывковъ математики и естественной исторіи. Въ каждомъ изъ этихъ государствъ есть, правда, высшія народныя школы, но онѣ не государственныя школы, а частныя, и потому недоступны бѣднымъ людямъ. Въ Даніи въ такихъ школахъ учатъ крестьянскихъ дѣтей географіи и геологіи, исторіи и естествознанію, съ химическими и физическими опытами, а также математикѣ и датской конституціи. — *Даровое образованіе* вообще

почти вовсе не въ ходу въ современномъ обществѣ: опять нѣкоторые кантоны Швейцаріи, Соединенные Штаты, да скандинавскія государства — вотъ и все. О среднемъ и высшемъ образованіи нечего и говорить.

Маурусъ выставляетъ всѣ эти неравенства въ дѣлѣ народнаго образованія только для того, чтобы указать на ихъ существованіе, а не для того, чтобы опредѣлить въ нихъ одну изъ важныхъ причинъ матеріальной несостоятельности рабочихъ классовъ. Маурусъ утверждаетъ даже (стр. 73), что и «при самомъ лучшемъ устройствѣ народной школы и ремесленныхъ училищъ матеріальное положеніе даже будущаго поколѣнія все еще не улучшилось бы»; ему кажется, что высшее образованіе рабочихъ только ухудшило бы ихъ личное благополучіе, такъ какъ они, приобретъвъ посредствомъ образованія болѣе высокія понятія о своемъ значеніи въ обществѣ и умноживъ свою рабочую силу, стали бы тяготѣться своимъ зависимымъ и низшимъ положеніемъ еще сильнѣе, чѣмъ теперь. Но съ этимъ мрачнымъ взглядомъ нашего автора можно было бы согласиться только въ такомъ случаѣ, еслибы матеріальныя стороны въ обществѣ были всѣмъ, а умственные ничѣмъ. Знанія, которыми образованіе снабжаетъ каждаго, развиваютъ не только его рабочую силу въ производствѣ, но и въ самой государственной или общественной жизни; они поднимаютъ его человѣческое достоинство не только въ его собственныхъ глазахъ, но и въ глазахъ всего остальнаго общества, они дѣлаютъ его болѣе нравственнымъ существомъ.

О началѣ артельномъ или общинномъ нашъ авторъ хотя отзывается вообще благосклонно, но тоже съ значительными оговорками; онъ вполне признаетъ воспитательное значеніе общины, но указываетъ при этомъ и на ея темныя стороны.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что не одинъ Маурусъ смотритъ подозрительно, напримѣръ, на стачки въ Англіи, гдѣ *trade-unions* существовали открыто уже съ 1824 года, хотя гражданскія права ихъ, какъ закономъ признаваемыхъ обществъ, утверждены парламентомъ лишь въ 1871 году. Теперь этихъ обществъ въ Англіи 2000 съ 600,000 членовъ и съ фондомъ въ 300,000 фунтовъ стерлинговъ (около 2 милл. руб.). Финансы ихъ состояются изъ членскихъ взносовъ, обыкновенно по 4—7½ пенсовъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ даже по цѣлому фунту. Деньги эти употребляются, впрочемъ, не для веденія стачекъ исключительно, но еще для поддержанія членовъ во время болѣзни или въ старости, или во время безработицы; бывали, однако, случаи траты по 50 или 60 тысячъ фунтовъ на одну

стачку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что стачка, унося столь громадныя суммы изъ кармановъ рабочихъ, разоряя вмѣстѣ съ тѣмъ капиталистовъ и приостанавливая производство, наноситъ значительный ущербъ и рабочимъ, и капиталистамъ, и всему обществу. Кромѣ экономическихъ интересовъ всѣхъ лицъ, заинтересованныхъ въ производствѣ, стачковныя союзы нарушаютъ нерядо и нравственные интересы своихъ членовъ, понуждая ихъ своими общими постановленіями поступать съ нанимателями и съ исполненіемъ самыхъ работъ не такъ, какъ бы поступалъ и исполнялъ этотъ членъ вѣдъ союза. Нѣкоторые союзы, когда ихъ еще не признавали законными обществами, совершали даже равныя преступленія и убійства надъ своими противниками. Все это справедливо, но сторонники *trade-unions* указываютъ, что въ 30-ти-лѣтнее существованіе стачковныхъ союзовъ рабочая плата англійскихъ рабочихъ увеличилась на 5-ть милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Маурусъ возражаетъ противъ этого предположеніемъ, что въ тѣ же 30 лѣтъ повысились несомнѣнно на такую же сумму цѣны на сѣбствныя припасы, хотя въ дѣйствительности, какъ это можно видѣть въ книгѣ Леона Леви: «Wages and earnings of the working classes», въ особой таблицѣ, опредѣляющей цѣны на мясо, масло, сыръ, пиво, хлѣбъ, муку, свѣчи, уголь, сахаръ и чай,—только первые четыре стали дороже на 6, 17¹/₂, 52 и 73 процента, между тѣмъ какъ остальные шесть, благодаря реформамъ въ таможенномъ тарифѣ, подешевѣли на 14, 27, 11, 4, 43 и 47 процентовъ. Нашему автору кажется также несомнѣннымъ, что если бы капиталисты серьезно не захотѣли повышать заработной платы ни въ какомъ случаѣ, то они непременно довели бы стачковныя союзы до полного разоренія. Но Маурусъ забываетъ, что вмѣстѣ съ разореніемъ стачковныхъ союзовъ разорились бы и сами капиталисты: противъ капиталиста, особенно въ Англии, кромѣ рабочихъ есть еще одинъ весьма опасный врагъ — иностранная конкуренція; сверхъ того, рабочіе тамъ очень часто находятъ поддержку въ общественномъ мнѣніи, въ печати, въ которой они имѣютъ полную возможность приводить всѣ оправдательныя въ пользу своихъ требованій доводы. Вотъ почему именно въ Англии рабочимъ удалось понудить фабрикантовъ къ составленію съ ними, на всѣхъ равныхъ правахъ, третейскаго суда для рѣшенія споровъ о рабочей платѣ. Вотъ почему также самый страшный врагъ стачекъ, капиталистъ Бриггсъ, принужденный постоянными стачками рабочихъ, ввелъ въ своихъ заведеніяхъ тотъ самый порядокъ расчета съ рабочими, который и Маурусъ находитъ образцовымъ.

Разумѣется, было бы гораздо лучше и рабочимъ, и капиталистамъ, и всему обществу, еслибъ стачекъ вовсе не было, но въ такомъ случаѣ ихъ надо замѣнить чѣмъ-нибудь столь же хорошо обезпечивающимъ интересы всѣхъ сторонъ.

Относительно другихъ формъ ассоціацій нашъ авторъ держится того же мнѣнія, что и о стачковыхъ,—то-есть, что сами по себѣ онѣ неспособны спасти рабочую силу изъ-подъ господства капитала. Нѣкоторыя формы, на примѣръ, ассоціаціи потребительныя, для торговли сырыми произведеніями, сберегательныя и ссудныя кассы, имѣютъ несомнѣнно хорошее вліяніе на рабочихъ и весьма легко создаются и управляются самими рабочими. Но потребительныя ассоціаціи, если, повидимому, и удешевляютъ жизнь рабочаго, то очень часто лишь для того, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ капиталистъ, воспользовавшись этимъ фактомъ, понизилъ заработную плату рабочаго, въ силу все того же экономического закона, что, при господствующей системѣ спроса и предложенія, рабочая плата не можетъ подняться выше суммы, необходимой на содержаніе рабочаго. Стало содержаніе рабочаго дешевле, и уровень его заработной платы можетъ, слѣдовательно, сойти ниже. Что же касается до остальныхъ ассоціацій, то всѣ онѣ доступны лишь мелкимъ ремесленникамъ, а не рабочимъ, да и ремесленники извлекаютъ изъ нихъ лишь ничтожную выгоду, такъ какъ сберегательная касса даетъ процентъ лишь очень невысокій, а ссудная нерѣдко требуетъ залоговъ.

Особенную важность придаютъ нѣкоторые экономисты производительнымъ ассоціаціямъ. Но нашъ авторъ полагаетъ, что и эти ассоціаціи не въ состояніи преодолѣть капиталистическую форму производства. У рабочихъ нѣтъ для этого ни достаточныхъ средствъ, ни достаточнаго умѣнья, ни необходимыхъ знаній. Капиталисты, соединившись между собою, могутъ подавить посредствомъ конкуренціи всякое предпріятіе рабочихъ. Но даже не прибѣгая къ столь энергическимъ средствамъ, капиталистическое производство можетъ побѣдить ассоціаціонное просто потому, что оно гораздо удобнѣе организовано. Капиталистическое производство устроено гораздо проще и ерѣпче: вся сила его заключается въ умномъ и ловкомъ веденіи дѣла, чему ничто не препятствуетъ. Между тѣмъ, въ ассоціаціи равныхъ во всемъ производителей требуется избраніе умныхъ и добросовѣстныхъ руководителей, соблюденіе дисциплины между самими рабочими и въ то же время ихъ бдительный надзоръ надъ руководителями; однимъ словомъ, здѣсь повторяются всѣ тѣ затрудненія—да еще

въ злѣйшемъ видѣ, — съ которыми борются акціонерныя компаніи. Здѣсь требуется также полная гласность. Всѣ эти затрудненія дѣйствительно существуютъ, и ими главнымъ образомъ слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что сравнительно съ другими формами ассоціаціи производительныя развиваются крайне туго. «Въ Германіи въ 1870 ихъ было 74, въ Англіи ихъ не стоить и считать, и даже въ ихъ собственной отчизнѣ, Франціи, онѣ не представляютъ успѣховъ достойныхъ вниманія, и скорѣе развиваются назадъ, а не впередъ» (стр. 82). Въ послѣдней странѣ можно еще приписывать неуспѣхъ этихъ ассоціацій политическому вмѣшательству государства, но въ Англіи отчего? — тамъ ихъ развитію не мѣшало ничто, кромѣ обыкновенныхъ причинъ, и тамъ у нихъ были также опытные и честные руководители. Попытокъ было много вездѣ, но удались очень немногія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи устройства производительныхъ ассоціацій можно найти, наконецъ, чисто хозяйственныя, внутреннія причины ихъ неудачи. Оказывается, что онѣ, во-первыхъ, вовсе неприложимы ко многимъ отраслямъ производства, и во вторыхъ, повышаютъ заработную плату въ слишкомъ ничтожныхъ размѣрахъ, чтобы стоило принимать на себя весь рискъ предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ, производительная ассоціація изъ своего заработка можетъ отдавать членамъ лишь небольшую долю его, такъ какъ этотъ же заработокъ долженъ создавать «резервный фондъ» на предупрежденіе разныхъ случайностей и опасностей, и увеличивать средства производства, — и только оставшее составитъ заработную плату; не забудьте также, что члены ассоціаціи, чуть что случится, несутъ на себѣ отвѣтственность не какъ рабочіе только, но и какъ предприниматели. Такимъ образомъ, если сравнить производительную ассоціацію рабочихъ съ ассоціаціей, гдѣ капиталистъ находится въ союзѣ съ рабочими, но во главѣ предпріятія, и даетъ рабочимъ кромѣ заработной платы еще проценты съ доходовъ предпріятія, то преимущество скажется на сторонѣ послѣдней: рабочій получаетъ здѣсь хорошую плату за трудъ и не подвергается никакимъ случайностямъ столь труднаго предпріятія, какъ производительная ассоціація.

II.

Соціализмъ отлично видитъ слабыя стороны современнаго общественнаго строя; но соціализмъ, вмѣсто того, чтобы искать въ самомъ нынѣшнемъ обществѣ средствъ къ удаленію изъ него вредныхъ для личнаго благосостоянія гражданъ злоупотребленій разными общественно-экономическими силами, ошибочно отвергаетъ прямо въ принципѣ весь современный порядокъ вещей. Соціализмъ понимаетъ, что безграничная свобода собственности, конкуренціи и денегъ въ разныхъ формахъ служить одною изъ причинъ невыгоднаго положенія вещей и враждебнаго отношенія между богатыми и бѣдными классами, но вмѣсто того, чтобы искать улучшенія въ ограниченіи свободы самыхъ экономическихъ силъ, онъ прямо требуетъ уничтоженія ихъ въ интересахъ однихъ бѣдныхъ классовъ, — онъ стремится однимъ словомъ, не къ *обновленію* общества на прежнихъ началахъ, а къ *пересозданію* его на совершенно новыхъ. Вмѣсто того, чтобы допустить государственное вмѣшательство въ экономическую дѣятельность общества лишь настолько, чтобы оно прекратило всякія монополіи, соціализмъ даетъ этому вмѣшательству безграничный произволъ во всемъ, что касается удовлетворенія потребностей бѣдныхъ классовъ.

Въ соціализмѣ нѣтъ еще полнаго соглашенія относительно организаціи будущаго общества, и потому предлагаются не одна, но нѣсколько особенныхъ системъ, которыя всѣ можно свести въ двѣ: въ одной устройство труда ведется отдѣльно отъ остальной жизни (собственно соціализмъ), а въ другой — вмѣстѣ (коммунизмъ). Обѣ эти системы вполнѣ несостоятельны.

Въ чисто соціалистическихъ системахъ играютъ главную роль производительныя ассоціаціи (Лассаль) и національныя мастерскія (Луи-Бланъ); тѣ и другія учреждаются на сборъ денегъ подъ государственнымъ обезпеченіемъ процента или просто на государственныйя деньги. Что касается до нынѣшняго капиталистическаго производства, то его, по мнѣнію соціалистовъ, слѣдуетъ просто устранить, такъ какъ, по мнѣнію Лассалья, «кучка ассоціированныхъ рабочихъ», даже и при государственной поддержкѣ, легко погибаетъ при свободной конкуренціи съ частнымъ капиталомъ. Лассаль считаетъ, поэтому, необходимымъ, чтобы *вся* существующая рабочая сила каждой отрасли производства организовалась въ городскія или областныя производительныя ассоціаціи; только такимъ обширнымъ ассоціаціямъ государство обязано оказывать

свой кредитъ. Разумѣется, если *вся* рабочая сила уйдетъ въ ассоціаціи, то капиталистическое производство должно прекратиться. Но еще болѣе разумѣется, что о подобной свободной или добровольной организаціи всѣхъ рабочихъ въ одну ассоціацію можно только фантазировать. Да еслибъ даже всѣ рабочіе и заявили въ одинъ прекрасный день, что они желаютъ устроиться въ лассалевскія ассоціаціи, такое желаніе неисполнимо просто потому, что ни у государства, ни у рабочихъ нѣтъ для того необходимыхъ средствъ. На такое устройство понадобится также и много времени, а чѣмъ же будутъ жить рабочіе въ ожиданіи окончанія новой организаціи? Такимъ образомъ, какъ ни фантазируйте, а уничтожить однимъ взмахомъ пера капиталистическое производство и замѣнить его новымъ, еще нигдѣ не испытаннымъ производствомъ — праздная мечта. Лассалевскій способъ введенія государственныхъ производительныхъ ассоціацій оказывается, слѣдовательно, вполне несостоятельнымъ.

Посмотримъ теперь, что будетъ, если государство начнетъ вводить производительныя ассоціаціи или національныя мастерскія одновременно съ нынѣшнимъ порядкомъ капиталистическаго производства. Являясь кредиторомъ или опекуномъ кредита новыхъ учрежденій, государство, разумѣется, должно войти во всѣ дѣла каждой ассоціаціи, какъ это оно дѣлаетъ уже теперь или, по крайней мѣрѣ, должно было бы дѣлать со всѣми предприятиями, за акціонерами которыхъ оно обезпечиваетъ право на извѣстный процентъ съ нея. Мы уже говорили выше, какъ трудно производительнымъ ассоціаціямъ конкурировать съ капиталистами. Если государство и избавляетъ ихъ отъ денежной несостоятельности, оно все-таки не можетъ придать имъ ни пракческаго умѣнья, ни требуемыхъ знаній: оно, слѣдовательно, должно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы въ его ассоціаціяхъ соблюдалась строгая дисциплина въ исполненіи обязанностей, были избраны хорошіе руководители работами, — чтобы, однимъ словомъ, дѣло велось съ такимъ же вниманіемъ, какъ у капиталистовъ. Это, во-первыхъ, невозможно; а во-вторыхъ, положеніе рабочихъ отъ такого производства нисколько не улучшится, да и само общество не только ничего не выиграетъ, но еще понесетъ напрасныя убытки. Дѣло въ томъ, что производительная ассоціація производитъ вещи въ меньшемъ количествѣ и дороже капиталистическаго производства. Въ самомъ дѣлѣ, организація ассоціаціи сложнѣе и труднѣе, и потому всѣ ея работы должны обходиться дороже, а съ другой стороны ассоціація, по самой своей сущности, не можетъ пускаться ни въ спекуляцію,

ни въ излишнюю сравнительно съ существующимъ спросомъ производительность, и потому не можетъ содержать такое же большое количество рабочихъ, какъ производство капиталистическое, которое пользуется всякими благоприятными обстоятельствами, чтобы расширить свое производство, такъ какъ всякое расширеніе приноситъ ему тѣмъ болѣе барышъ.

При коммунистическомъ устройствѣ, гдѣ вся жизнь устроивается сообща, въ какой-нибудь общинѣ, фаланстеріи и т. п., каждому члену за его работу должно давать одинаковое право на пользованіе плодами общаго труда. Но что изъ этого выйдетъ? Такъ какъ основнымъ условіемъ всякаго человѣческаго труда служитъ желаніе удовлетворить потребности жизни, то и всякій прогрессъ, всякое расширеніе труда зависитъ отъ развитія человѣческихъ потребностей; а отсюда слѣдуетъ, что всякій имѣетъ право наслаждаться тѣмъ въ болѣе мѣрѣ, чѣмъ болѣе полезныхъ вещей добываетъ онъ общественнымъ трудомъ, или чѣмъ болѣе служить ему чужой трудъ. Но разъ общество установитъ равное пользованіе для всѣхъ своихъ членовъ, причемъ трудолюбивому и талантливому нельзя будетъ ожидать никакихъ преимуществъ надъ лѣнливыми и глупыми, то у первыхъ исчезаетъ всякое побужденіе къ наивысшему развитію и напряженію ихъ личной рабочей силы. При нынѣшнемъ порядкѣ вещей, если бѣдные работаютъ гораздо больше, чѣмъ требуютъ ихъ скудныя потребности, то работаютъ теперь и богатые. При коммунизмѣ же, бѣдные станутъ работать гораздо меньше, а богатые будутъ работать тоже не больше бѣдныхъ, и въ результатѣ коммунистическаго преобразованія мы получимъ, слѣдовательно, уменьшеніе производства и затѣмъ попятное движеніе общества назадъ. Фурье увѣрялъ, правда, что такое явленіе не случится въ его фаланстеріи, такъ какъ эгоизмъ, дѣйствующій въ нынѣшнемъ обществѣ, замѣнится будто бы тамъ честолюбіемъ и соревнованіемъ въ дѣлѣ споспѣшествованія общему благополучію фаланстеріи; но въ практическомъ приложеніи его теоріи случилось какъ разъ то, чего Фурье не ожидалъ, а именно то, что мы выше указали.

III.

Ни «буржуазная» экономія, а еще менѣе крайній социализмъ, не могутъ, такимъ образомъ, вывести современное общество изъ его затруднительнаго экономическаго положенія, и ни одна изъ этихъ теорій не спасается отъ весьма справедливаго упрека въ томъ, что она задерживаетъ естественный ходъ производства и тѣмъ ослабляетъ самый прогрессъ цивилизаціи: буржуазная экономія создаетъ торговые и денежныя кризисы и вредныя монополіи, которыя препятствуютъ рабочей силѣ имѣть постоянныя и наиболѣе производительныя для общества работы; социализмъ же ослабляетъ энергію самой рабочей силы, обольщая ее несбыточными надеждами. Ясно, слѣдовательно, что не слѣдуетъ искать обезпеченія личнаго благополучія въ обществѣ ни въ безусловной свободѣ общественно-экономическихъ силъ, ни въ безразсудномъ стремленіи къ ихъ уничтоженію.

Маурусъ избираетъ средній путь: точное указаніе предѣловъ свободы собственности, конкуренціи и денегъ во всемъ, гдѣ свободная дѣятельность этихъ силъ противорѣчитъ основной цѣли ихъ существованія въ обществѣ. При этомъ онъ исходитъ изъ той мысли, что если общество вырабатываетъ въ своей жизненной дѣятельности какія-либо силы, то лишь подъ давленіемъ сознанія о необходимости этихъ силъ для общественнаго благосостоянія. Но общественныя силы, вызванныя къ жизни серьезными нуждами общества, могутъ, при недостаточномъ контролѣ надъ ними, производить явленія болѣзненные, ненормальныя, которыя въ состояніи даже повредить обществу, если послѣднее не успѣетъ во-время дать имъ другое направленіе, дѣйствительно благодѣтельное для общественной жизни. Здѣсь, въ общественной жизни, происходитъ тотъ же самый процессъ, какъ въ живомъ организмѣ, гдѣ однѣ и тѣ же силы способствуютъ и самому высшему процвѣтанію его здоровья, и окончательной его гибели, смотря по направленію, которое принимаетъ ихъ дѣятельность.

Въ основу своей экономической теоріи Маурусъ ставитъ естественное происхожденіе всѣхъ экономическихъ силъ въ обществѣ, и начинаетъ съ разбора *права собственности*, съ которымъ тѣсно связаны всѣ остальные. «Социализмъ» и «буржуазная» экономія опредѣляютъ собственность, какъ юридическое учрежденіе, а Маурусъ смотритъ на него, какъ на явленіе чисто хозяйственное. У каждаго человѣка есть естественное стремленіе обезпечить за собою исключительное владѣніе и пользованіе результатами

своего личного труда. Самъ одинъ, своими личными силами, онъ не можетъ достигнуть этой цѣли, а между тѣмъ онъ понимаетъ, что только при достиженіи ея возможно спокойное пользованіе плодами труда и потребленіе ихъ на дальнѣйшее производство. Общество можетъ дать требуемое человѣкомъ обезпеченіе, но за эту услугу оно имѣетъ право ограничить права собственника въ полезномъ для общественныхъ цѣлей направленіи. Но такъ какъ причина, побуждающая человѣка искать услугъ отъ общества, заключается, съ одной стороны, въ обезпеченіи пользованія плодами труда, а съ другой, въ стремленіи въ лучшей и полной обработкѣ собственности, то общество, признавая права собственности, должно получить вмѣстѣ съ тѣмъ власть не только заставлять всѣхъ уважать чужую собственность, но и принуждать самихъ собственниковъ къ производительности ихъ собственности. Если всѣ члены общества принимаютъ на себя обязанность охранять частную собственность, то, разумѣется, и сама собственность должна служить во благо и на пользу всѣхъ членовъ въ обществѣ; а она можетъ служить такимъ образомъ только въ такомъ случаѣ, если подвергается полной обработкѣ, все равно—самимъ ли собственникомъ или людьми, которымъ онъ отдаетъ ее въ обработку.

Собственность составляютъ земля и капиталъ, и ни одинъ изъ нихъ въ современномъ обществѣ не принуждается къ исполненію своей общественной обязанности: каждому изъ нихъ предоставлено лежать безъ всякаго употребленія или идти на какое угодно потребленіе.

Всѣмъ извѣстно, сколько каждое общество терпитъ отъ дурного состоянія земледѣлія, особенно его бѣдные классы. Во всей западной Европѣ мы видимъ огромную массу земледѣльческаго пролетариата, который живетъ изо дня въ день, не имѣя ни клочка своей земли и поддерживаемый значительную часть года общественной благотворительностью, между тѣмъ какъ повсюду разбросаны широкія пространства необработанной земли, безъ всякаго полезнаго употребленія. Это обстоятельство бросается повсюду въ глаза, а между тѣмъ оно есть прямое послѣдствіе безконтрольнаго права собственности. Защитники этой безконтрольности возражаютъ, что землевладѣльцы потому будто бы не обрабатываютъ всей земли, находящейся въ ихъ владѣніи, что у нихъ недостаетъ капитала, или мало рабочихъ, или нѣтъ предприимчивости и т. п. Но изъ недостатка капитала слѣдуетъ только необходимость отдачи земли въ аренду тѣмъ, у кого онъ есть. Что же касается до существующаго будто бы недостатка

въ рабочихъ, это фактъ совершенно ложный, особенно въ тѣхъ странахъ, изъ которыхъ происходитъ выселеніе. Напротивъ, существуетъ цѣлая масса фактовъ, доказывающихъ, что землевладельцы сами опустошаютъ свою землю: въ графствѣ Сотерландъ, въ Шотландіи, напримѣръ, тамъ, гдѣ жило прежде земледѣльческимъ трудомъ 15-ти-тысячное населеніе, осталось только пустынное пастбище для помѣщичьяго скота. Сама буржуазная экономія сознаетъ, что въ обществѣ существуетъ теперь не недостатокъ въ рабочей силѣ, а скорѣе избытокъ, ибо къ чему же ей защитники постоянно утврждаютъ, что низкій уровень заработной платы зависитъ будто бы отъ слишкомъ большого предложенія труда. Если же дѣйствительно въ разныхъ мѣстностяхъ Европы слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ, то причины этихъ жалобъ бываютъ всегда мѣстныя: или дурное обращеніе съ рабочими, или предложеніе рабочимъ крайне низкой заработной платы. Что же касается до арендаторовъ земли, то недостатокъ въ нихъ можетъ ощущать лишь крупная собственность; но она можетъ дробить свою землю на участки. Это дробленіе, какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ и самой Англій въ томъ числѣ не только не препятствуетъ развитію земледѣльческаго искусства, но, напротивъ, способствуетъ ему. Если арендуемыя земли гдѣ нибудь истощаются, то въ этомъ причиной бываютъ обыкновенно недостаточные законы, не обезпечивающіе за арендаторомъ права на его собственныя улучшенія въ арендуемой землѣ.

Относительно капиталистической собственности можно сказать то же самое, что о земледѣльческой, съ тою, однако, разницею, что она не дарована природою, но вырабатывается самими людьми. Въ названіе «капиталь» входитъ всякая вещь, добытая трудомъ, пригодная для умноженія рабочей силы и назначенная именно для этого потребленія. Если капиталъ *вырабатывается*, то онъ не можетъ происходить изъ *сбереженія*, ибо сберегать не значитъ работать; не всякая сберегаемая вещь—капиталь: скупой, сберегающій червонцы, или чудакъ, собирающій разными ненужныя вещи—не капиталистъ. *Капиталистъ* тотъ, кто имѣетъ въ своей собственности необходимыя для работы вещи и потребляющій ихъ на работу. Но можетъ выпасть таковой случай, когда отдѣльные члены общества попадаютъ въ такое положеніе, въ которомъ они не могутъ потребить свой капиталъ на собственную работу или потому, что для потребленія требуется слишкомъ большое количество рабочей силы, или потому, что при разнообразіи капитала существуетъ недостатокъ въ рабочемъ матеріалѣ. Съ другой стороны,

могутъ быть въ обществѣ также люди, которые нуждаются въ капиталистическихъ вещахъ для потребленія своей рабочей силы или своего рабочаго матеріала. Не будь въ такихъ случайностяхъ возможности отдачи капитала въ пользованіе нуждающимся, за извѣстное вознагражденіе, то значительная часть его должна была бы оставаться мертвою и бесполезною для общества, и изъ общества исчезло бы всякое стремленіе въ умноженію капитала. Эта возможность дается *правомъ собственности*, причемъ въ обществѣ создается, такъ-называемый, *процентъ*. Цѣль процента очевидна: общество видитъ въ немъ средство ввести весь существующій въ немъ капиталъ въ производительную дѣятельность, въ потребленіе рабочей силы... Между тѣмъ, современный капиталъ, пользуясь безграничною свободою въ своей дѣятельности, старается всѣми силами поднять свой процентъ возможно выше, и не только искусственнымъ образомъ исчезаетъ иногда съ рынка, чтобы не подрывать посредствомъ конкуренцій высокаго уровня своего процента, но и непосредственно употребляется на непродительныя траты, и притомъ въ столь громадныхъ размѣрахъ, что производительной дѣятельности общества приходится съуживать свой кругъ работъ и поднимать цѣны на товары: отсюда, съ одной стороны, низкая заработная плата, а съ другой, — дороговизна жизни.

Государство, по мнѣнію Маурса, имѣетъ право не допускать приведенныхъ выше злоупотребленій обоими видами собственности. Что касается до землевладѣнія, государство можетъ поставить ему въ обязанность отдавать въ обработку другимъ всю землю, которая лежитъ безъ всякаго употребленія; если же землевладѣльцы окажутъ сопротивленіе, то государство можетъ взяться само, на счетъ землевладѣльцевъ и въ ихъ пользу, за раздачу необработываемой земли въ аренду. Если, съ другой стороны, поземельная собственность окажется слишкомъ раздробленною, и видно будетъ, что будь у этихъ собственниковъ общія машины, строенія и другія принадлежности земледѣльческаго хозяйства, то и самое производство могло бы идти гораздо успѣшнѣе и дешевле; или, что развитію земледѣлія мѣшаетъ въ этой мѣстности черезполосность или недостатокъ въ общемъ орошеніи или осушеніи, то государство можетъ побудить всѣхъ собственниковъ къ подобнымъ общимъ работамъ, а если они не пожелаютъ, само взяться за нихъ на счетъ и въ пользу самихъ землевладѣльцевъ. Кромѣ того, государство имѣетъ всякую возможность способствовать общинному земледѣлію и принуждать мелкихъ землевладѣльцевъ къ образованію взаимно-кредитныхъ и страховыхъ союзовъ.

Въ настоящее время есть уже нѣсколько постановленій такого рода, въ которыхъ государственное вмѣшательство въ организаціи землевладѣнія оказываетъ благотѣльное вліяніе, вызываемое Маурусомъ. Таковы, напримѣръ, законы о лѣсоводствѣ, ограничившіе права собственниковъ въ интересахъ общества. Государство является здѣсь попечителемъ надъ культурою и пользованіемъ лѣса; безъ его позволенія собственникъ не имѣть права ни рубить лѣса, ни расчистить подъ пашню или лугъ. Поводомъ къ такому ограниченію послужили столь сильныя злоупотребленія собственниковъ своимъ правомъ торговли лѣсомъ, что они повліяли даже на климатъ цѣлыхъ провинцій. Мало того, государство въ нѣкоторыхъ странахъ даже стало принуждать землевладѣльцевъ вновь возстановлять вырубленные ими лѣса, если подобныя вырубкіи произвели вредъ окрестному земледѣлію. Но еще лучшее устройство представляеть въ нѣкоторыхъ странахъ устройство горнозаводской собственности. Здѣсь и права и обязанности собственника опредѣляются исключительно общественнымъ интересомъ. Собственнику не позволяютъ разрабатывать собственный рудникъ наиболѣе выгоднымъ и дешевымъ для него способомъ, но ему ставятъ условіемъ, чтобы онъ выработать рудникъ весь *опомъ*;—въ иныхъ случаяхъ отъ него требуютъ исполненія такихъ работъ, которыя принесутъ пользу не ему только, но его сосѣдямъ также; иногда подобныя работы исполняетъ и охраняетъ само государство на счетъ владѣльцевъ рудъ. При горныхъ работахъ очень часто приходится, опять же въ виду общественныхъ интересовъ, даже отбирать чужую собственность, напримѣръ, при проведеніи шахтъ, штоленъ и т. п., или для устройства дорогъ, мостовъ, складочныхъ мѣстъ и т. п. Мало того, само государство отказывается нерѣдко отъ обложенія горнозаводствъ податями. Маурусъ надѣется, что со временемъ государство простретъ тѣ же самыя заботы и ко всякой другой поземельной собственности, ибо только тогда земледѣліе вступить въ періодъ дѣйствительнаго процвѣтанія. Возражать противъ примѣненія горнозаводскаго законодательства къ земледѣлію вообще тѣмъ фактомъ, что въ горнозаводствѣ мы имѣемъ дѣло съ ограниченнымъ факторомъ производства — такъ возражать неосновательно, ибо и земля есть факторъ тоже ограниченный, онъ истощимъ: это истощеніе съ особенною речностью доказываютъ именно тѣ самые буржуазные экономисты, которые защищаютъ безусловную свободу поземельной собственности.

Ограниченіе капиталистической собственности можетъ быть осуществлено на практикѣ ослабленіемъ силы денегъ, при цѣлесообразномъ устройствѣ банвовъ, кредита, страхованія и государ-

ственныхъ займовъ. Нужно, чтобы денежный капиталъ лишился въ этомъ устройствѣ всякой возможности извлекать какой-либо барышъ изъ этихъ экономическихъ факторовъ. Но это ограниченіе станетъ полнымъ только въ томъ случаѣ, если государство откажется обеспечивать возвратъ и проценты капитала, отдаваемого въ заемъ не на производительный трудъ.

Современное государство сдѣлало уже нѣсколько шаговъ къ ограниченію капиталистической собственности въ видахъ общественной пользы. Таково, на примѣръ, желѣзно-дорожное законодательство въ нѣкоторыхъ странахъ для охраненія публички и интересовъ община отъ корыстолюбія желѣзно-дорожныхъ компаній; таковы также, такъ-называемые, фабричные законы, законы объ акціонерныхъ обществахъ, и равныя полицейскія предписанія касательно строеній, квартиръ, и вообще всѣ санитарныя мѣры.

Изъ ученія Мауруса о томъ, что капиталъ имѣетъ право на процентъ, какъ на вознагражденіе его за употребленіе въ производительной дѣятельности общества, вытекаетъ оригинальный взглядъ нашего автора на опредѣленіе заработной платы. Капиталъ обязанъ идти въ производство, и за исполненіе своей обязанности приобрѣтаетъ право на вознагражденіе; слѣдовательно, все, что ему принадлежитъ въ плодахъ производства, на которое его потребляютъ, должно быть равно проценту, который приобрѣтается въ странѣ при простой отдачѣ капитала въ займы. Если фабрикантъ самъ ведетъ дѣло, то онъ долженъ получать еще особую плату, какъ предприниматель. Сверхъ того, капиталъ его долженъ постоянно возвращаться назадъ съ погашеніемъ того, что пропадаетъ во время производства. Всѣ эти цифры легко опредѣляются во всякомъ промышленномъ дѣлѣ; вычтя общую сумму ихъ изъ общей суммы результатовъ производства, мы получимъ въ остаткѣ ту долю, которую должны, по справедливости, получать рабочіе. Заработная плата становится, такимъ образомъ, внѣ всякой зависимости отъ конкуренціи, и она будетъ столь велика, что рабочіе приобрѣтутъ возможность вполне удовлетворять свои общечеловѣческія потребности. Такое участіе рабочихъ въ общей прибыли капитала уже введено многими фабрикантами въ своихъ заведеніяхъ, и замѣчено, что ведѣ, гдѣ оно установлено, отношенія между рабочими и нанимателемъ улучшились, и въ производствѣ вовсе не случается такихъ затрудненій, забастовокъ и т. п., какъ это бываетъ на другихъ фабрикахъ, гдѣ плата за труды опредѣляется посредствомъ конкуренціи, какъ за товаръ. Въ Англии примѣръ фирмы Бриггъ имѣетъ уже нѣсколько послѣдователей; во Франціи такой же расчетъ устроенъ, еще прежде англійской,

комнатнымъ живописцемъ Левлеромъ, а въ Германіи докторъ фонъ-Гольцъ приложилъ ее въ недавнее время къ земледѣлію. Въ фирмѣ Бриггва рабочая плата, благодаря новой организаціи, увеличилась на 8—10 процентовъ.

«Буржуазная» экономія, какъ мы знаемъ, совсѣмъ не вытѣшается въ вопросъ опредѣленія заработной платы, и отдаетъ капиталу все, что онъ можетъ извлечь изъ конкуренціи рабочихъ между собою. Такимъ путемъ капиталъ беретъ себѣ въ вознагражденіе не только мѣстный заемный процентъ, погашеніе и управительское жалованье, но еще прибыль за то, что онъ пустился въ производительную дѣятельность и, наконецъ, за рискъ. Но, въ дѣйствительности, капиталъ не можетъ по самой своей сущности оставаться въ бездѣйствіи, а съ другой стороны, рискъ входитъ уже въ заемный процентъ. Однако, при современномъ общественномъ устройствѣ капиталъ можетъ уходить на непроеводительную дѣятельность и извлекать выгоды внѣ производства; поэтому у него является возможность требовать и *прибыль* и *рискъ*.

IV.

Капиталъ, пользуясь свободою *денегъ*, самъ устроилъ возможность потребленія ихъ на непроеводительныя для общества дѣла, вслѣдствіе чего вліяніе денежнаго капитала разрослось до невѣроятныхъ размѣровъ, причемъ повысился въ цѣнѣ и процентъ съ капитала, потребляемаго въ произвоительной дѣятельности. Отсюда съ одной стороны сильное обогащеніе на счетъ всего общества, и съ другой—тугое развитіе всѣхъ отраслей промышленности.

Между тѣмъ, деньги сами по себѣ, безъ той монополіи, которою онѣ пользуются, не заключаютъ въ себѣ никакого вреда. Въ первоначальной своей формѣ, онѣ представляютъ не что иное, какъ особаго рода товаръ, въ которомъ нуждаются всѣ члены въ обществѣ, такъ какъ посредствомъ денегъ всякій можетъ во всякое время приобрести всякій товаръ, какое пожелаетъ. Въ сравненіи съ другими товарами, деньги имѣютъ, слѣдовательно, особую монополію: владѣлецъ денегъ, когда ему отовсюду предлагаютъ товары, можетъ выбрать, что хочетъ, между тѣмъ какъ владѣлецъ товаровъ, желающій скорѣе продать ихъ, находится въ зависимости отъ владѣльца денегъ. Деньги, такимъ образомъ, приобретаютъ господ-

ство надъ всякимъ обмѣномъ товаровъ и — чрезъ то — надъ всякимъ производствомъ также. Поэтому и количество ихъ въ обществѣ не можетъ оставаться безъ вліянія на общій ходъ производства. При недостаткѣ денегъ цѣны товаровъ должны падать, при избыткѣ — подниматься. Чѣмъ меньшее пространство нужно пробѣгать деньгамъ при обращеніи, тѣмъ большее число обмѣновъ онѣ могутъ совершить въ опредѣленное время; — умноженіе населенія и хорошія пути сообщенія могутъ, слѣдовательно, способствовать ускоренію ихъ обращенія. При развитіи торговли и промышленности пересылка звонкой монеты становится, наконецъ, дѣломъ крайне тяжелымъ, и вотъ люди стали замѣнять ее росписками — векселемъ, и основали для этой цѣли особыя учрежденія — *банки*, куда они вкладываютъ свои деньги для того, чтобы въ случаѣ надобности платить *чеками* банка, вмѣсто денегъ. Этотъ способъ уплаты вошелъ нынѣ въ такое обширное употребленіе, что въ Англии, на примѣръ, девять-десятыхъ всѣхъ дѣлъ происходитъ безъ всякой монеты, путемъ взаимнаго обмѣна чеками и другими банковыми знаками. Этотъ примѣръ и многіе другіе показываютъ, что чѣмъ крупнѣе бываетъ величина товарнаго обмѣна, тѣмъ менѣе денегъ необходимо для обращенія. При естественномъ ходѣ вещей, господство денегъ надъ производствомъ всѣхъ товаровъ должно было бы все уменьшаться по мѣрѣ постоянного экономическаго прогресса въ обществѣ, такъ какъ нужда въ деньгахъ должна при этомъ также уменьшаться, а продажа и купля совершались бы все чаще безъ всякаго посредничества. Но въ современномъ обществѣ происходитъ какъ разъ наоборотъ, благодаря допускаемой безусловной и полной свободы денегъ.

Изъ банковыхъ учрежденій, благотвѣльныхъ по себѣ и имѣющихъ цѣлью освобожденіе торговли и промышленности отъ господства денегъ, денежный капиталъ создалъ особаго рода спекуляцію, которая зиждется на томъ предположеніи, что вслѣдствіе общераспространеннаго довѣрія въ постоянную состоятельность банковъ въ дѣлѣ обмѣна чековъ, или банковыхъ билетовъ, на звонкую монету, билеты эти только изрѣдка представляются въ банкъ для подобнаго обмѣна... Явились капиталисты съ наличными деньгами для учрежденія банковъ на акціонерныхъ началахъ. Внося свои деньги въ банкъ равными паями, они приготавливаютъ себѣ вмѣсто денегъ банковыя акціи, но только въ большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ вклада, и потомъ раздають ихъ, какъ долговыя обязательства, какъ банковыя билеты на предъявителя. Само собою разумѣется, что излишекъ сверхъ денежнаго вклада выданныхъ билетовъ

приносить банковымъ акціонерамъ особенный барышъ, такъ какъ эти билеты идутъ, какъ деньги, за извѣстный процентъ въ займъ нуждающемуся промышленному міру. Этотъ барышъ бываетъ такъ великъ, что не только роскошно покрываетъ всѣ издержки предприятия, но и приноситъ акціонерамъ дивидендъ болѣе высокій, чѣмъ нормальный процентъ съ капитала. Между тѣмъ, какъ бы банкъ остороженъ ни былъ, никогда нельзя поручиться въ томъ, что при выпускѣ своихъ билетовъ, металлическимъ фондомъ не обезпеченныхъ, банкъ можетъ легко перейти границу возможнаго и при первой, иногда совершенно непредвидѣнной, случайности вдругъ лишится возможности мѣнять свои билеты на наличныя деньги, то-есть, станетъ банкротомъ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного даже крупнаго или стараго банковаго учрежденія, которое не объявляло бы себя, въ продолженіе своей практики, хоть однажды несостоятельнымъ. Англійскій банкъ прекращалъ свои платежи въ 1797 году, и только съ 1821 снова сталъ состоятельнымъ; банкъ французскій, австрійскій національный, бельгійскій, брюссельскій и многіе другіе, всѣ вмѣстѣ въ 1848 году прекратили уплату по своимъ билетамъ, и нѣкоторые изъ нихъ еще нынѣ не въ состояніи приступить къ нормальной своей дѣятельности.

Какъ бы то ни было, неудобство банковыхъ операцій состоитъ главнымъ образомъ не въ бѣдствіяхъ и банкротствахъ самихъ банковъ, но во вліяніи этихъ банкротствъ на производительность страны. Прекращеніе банками платежей показываетъ, что они своими не-металлическими билетами способствуютъ чрезмѣрному умноженію денегъ въ странѣ. Всѣ эти деньги идутъ въ формѣ кредита въ развитіе промышленности: на устройство новыхъ фабрикъ и т. п. Но вотъ, происходятъ какія-нибудь политическія явленія, которыя приводятъ банкъ къ банкротству или понуждаютъ его взять назадъ часть своихъ выпущенныхъ билетовъ; — тогда фабрики, построенныя на кредитъ этого банка и захваченныя врасплохъ требованіемъ возврата денегъ, должны банкротиться, при чемъ массы рукъ остаются безъ всякой работы; — выигрываютъ, въ концѣ-концовъ, только пайщики банка, такъ какъ они успѣваютъ получить прибыль съ производительнаго труда за свои ничего не стоящіе билеты. Но пройдетъ кризисъ, и банкъ уже опять начнетъ свою игру съ производительною дѣятельностью въ странѣ.

Банки устраиваются въ государствѣ въ двойной формѣ—или главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ является *государственный банкъ*, или, такъ-называемая, *свобода банковъ*. Мауръ съ особеннымъ неудовольствіемъ смотритъ на участіе госу-

дарствѣ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ государству слѣдовало бы, напротивъ, по возможности ограничивать банковую дѣятельность. Но если государство само создаетъ банкъ или находится въ тѣсной связи съ привилегированнымъ банкомъ частныхъ капиталистовъ, то, разумѣется, о надзорѣ за операціями банка нечего и думать. Относительно этихъ банковъ издаются обыкновенно особые статуты; но кто же заставитъ государственный банкъ соблюдать ихъ, особенно если правительство войдетъ съ нимъ въ долговые обязательства, займетъ у него денегъ. Весьма нерѣдко банкъ за такіе займы выторговываетъ продолженіе своихъ привилегій; такъ удалось, на примѣръ, французскому банку въ 1857 году продлить свою привилегію еще на 30 лѣтъ, за предоставленіе государству своихъ билетовъ на 100 милл. франковъ; австрійскій банкъ при послѣднемъ возобновленіи своей привилегіи тоже выдалъ правительству на 80 милл. гульденовъ своихъ билетовъ; Англія должна своему лондонскому банку такимъ же образомъ 14 милл. фунт. стерл., на сумму которыхъ банкъ выпустилъ въ обращеніе необезпеченные звонкою монетою билеты. И тѣмъ больше правительство займетъ у своего банка, тѣмъ большее количество необезпеченныхъ билетовъ выпускаетъ банкъ, и тѣмъ, слѣдовательно, больше способствуетъ денежной спекуляціи, которая создаетъ множество и дѣйствительныхъ, и обманныхъ предпріятій; деньги въ странѣ изобилуютъ и производство достигаетъ громадныхъ, неестественныхъ размѣровъ. Случись вдругъ, что правительство начнетъ платить свои долги, причемъ банкъ станетъ вынимать свои билеты изъ обращенія, и вы получаете торговый и промышленный кризисъ. Но можетъ случиться еще хуже. Въ странѣ можетъ родиться недовѣріе въ состоятельности государственнаго банка, — люди потребуютъ тогда, чтобы банкъ мѣнялъ свои билеты на звонкую монету. Появляется лажъ на монету, и, наконецъ, банку остается только объявить себя банкротомъ, но банкротъ государственнаго банка грозитъ не только экономическими, но и политическими бѣдствіями. Правительство можетъ явиться на выручку съ принудительнымъ курсомъ; но подобная мѣра принудитъ только принимать билеты и потреблять ихъ въ обмѣнѣ товаровъ; она не можетъ принудить брать за товары столько же бумажныхъ денегъ, какъ до объявленія принудительнаго курса, — она не можетъ также назначить бумажную цѣну металлическимъ деньгамъ или избавить отъ убытковъ свою иностранную торговлю. Лажъ на деньги также остается и становится, сверхъ того, предметомъ новой биржевой игры.

При свободѣ банковъ, какъ въ Англіи, Соединенныхъ Шта-

тахъ, Швейцаріи и Германіи дѣла идутъ нѣсколько лучше, чѣмъ при одномъ государственномъ, такъ какъ опасность отъ ихъ банкротствъ меньше; но и въ этихъ мелкихъ банкахъ существуетъ тотъ же коренной недостатокъ: выпускъ излишнихъ сравнительно съ потребностью денегъ въ обществѣ банковыхъ билетовъ, цѣнность которыхъ не обезпечена и металлическимъ вкладомъ. Почти всѣ опасныя вліянія государственнаго банка могутъ рождаться и при свободѣ банковъ. Но за то свободное учрежденіе банковъ можетъ служить еще предметомъ крайне вредной спекуляціи. Сознавъ себя лишними въ денежномъ обращеніи страны, банки стараются привлечь къ себѣ капиталъ изъ здоровой, необходимой и полезной для общества производительности посредствомъ составленія новыхъ предпріятій, обыкновенно весьма сомнительнаго свойства, но пригодныхъ для спекуляціи и биржевой игры. Банкъ заявляетъ себя сторонникомъ одного изъ подобныхъ предпріятій и образуетъ такъ называемое *коммандитное* акціонерное общество, въ которомъ акціонеры вносятъ деньги на веденіе дѣла, а дѣло ведетъ представляемый банкомъ «изобрѣтатель» или «директоръ» возникающаго предпріятія. Директоръ рекомендуетъ банкомъ предъ лицомъ акціонеровъ какимъ-то изобрѣтателемъ, желающимъ при ихъ помощи осуществить весьма выгодное предпріятіе, и за это изобрѣтеніе онъ получаетъ множество акцій. Легковѣрные люди, увлекаясь отчасти репутаціей банка, и главнымъ образомъ заманчивыми объявленіями и обѣщаніями подеушленныхъ банкомъ газетъ, несутъ свои деньги въ кассу чудеснаго предпріятія. Директоръ продолжаетъ увѣрять акціонеровъ и публику въ выгоды затѣяннаго имъ дѣла, стараясь главнымъ образомъ о томъ, чтобы продать свои акціи и затѣмъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, незамѣтно исчезаетъ изъ компаніи, оставивъ обманутыхъ акціонеровъ на произволъ судьбы съ ихъ призрачнымъ предпріятіемъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что подобныя мошенничества столь ловко пользуются современнымъ законодательствомъ, что никакой судъ не можетъ ни наказать, ни даже найти виновниковъ, а между тѣмъ здѣсь вы встрѣчаетесь съ такимъ фактомъ, какъ приобрѣтеніе барыша изъ неначатаго еще предпріятія и отвѣтственность лицъ за чужія дѣйствія (акціонеровъ за директора)!

Разумѣется, такія банковыя и коммандитныя предпріятія могутъ развиваться лишь въ столицахъ, гдѣ есть и искусная продажная печать, и всѣ удобныя средства для обмана публики. При огромномъ развитіи подобныхъ и другихъ спекуляцій, въ нихъ втягиваются въ большомъ количествѣ и деньги изъ провинцій и

тѣмъ нарушается естественное распределеіе денежнаго капитала: въ мелкихъ городахъ и сельскихъ округахъ чувствуютъ тогда недостатокъ въ деньгахъ, а въ столицѣ и главныхъ городахъ, гдѣ учреждены банки, онѣ появляются въ избытѣ въ рукахъ особой банкирской кляки, обращаться въ которой за кредитомъ и деньгами приходится тогда всему промышленному и торговому міру и самому правительству, если оно имѣетъ необходимость нуаждаться въ выпускѣ займовъ. Здѣсь, въ этой банкирской клякѣ и выражается высшая точка развитія свободной, безконтрольной дѣятельности денегъ—это *плутократія*. Законодательная зала этого царя—современная биржа. Въмѣсто того, чтобы служить сборнымъ мѣстомъ для фабрикантовъ, кушцовъ и потребителей въ ихъ торговыхъ дѣлахъ, биржа стала теперь средоточіемъ торговли всякаго рода кредитными бумагами, курсъ которыхъ устанавливается кучкою плутократовъ и невѣжественныхъ, легковѣрныхъ денежныхъ спекулянтовъ, подъ вліяніемъ разныхъ впечатлѣній и событий, съ которыми дѣйствительная цѣнность бумагъ не имѣетъ обыкновенно ничего общаго. Надѣленная разными привилегіями посредствомъ нѣкоторыхъ государственныхъ постановленій, биржа приняла характеръ настоящаго игорнаго дѣла, въ которомъ спокойно совершаются, напримѣръ, такіа сдѣлки, какъ продажа цѣнныхъ бумагъ, которыхъ нѣтъ у продавцевъ, и покупка покупателемъ, который никогда ихъ не получаетъ. Но подобная игра цѣнными бумагами означаетъ не что иное, какъ игру со всею производительностью и торговлею страны. О правильности развитія общественнаго благосостоянія при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть, конечно, и рѣчи.

Для полной картины денежной эксплуатаціи остановимся еще на кредитныхъ спекуляціяхъ. *Кредитъ* организуется на довѣрїи, которое внушается извѣстнымъ лицомъ или извѣстною вещью въ томъ, что то лицо или та вещь могутъ доставить въ будущемъ то, что они желали бы доставить теперь, но не въ силахъ. Въ обыкновенномъ своемъ проявленїи кредитъ старается обезпечить свое довѣрїе лицу (личный кредитъ) или вещи (реальный кредитъ) тѣмъ, что беретъ ихъ въ свою зависимость: вещь *подъ залогъ*, а лицо подъ обязательства; въ иныхъ государствахъ кредитъ можетъ лишить лицо свободы, если оно не оправдываетъ оказаннаго ему довѣрїя. Кредитъ беретъ процентъ и тѣмъ усиливаетъ дороговизну производства. Для хорошаго, выгоднаго для производства, устройства кредита требуется, чтобы онъ давалъ за залогъ по возможности полную цѣну вещи, чтобы онъ не могъ по произволу требовать своей ссуды назадъ, когда ему вздумается, и

чтобы онъ не служилъ средствомъ къ обогащенію какихъ-либо клѣкъ или монополистовъ въ обществѣ. Между тѣмъ, при организаціи кредита посредствомъ современнаго векселя, какъ разъ происходитъ то, чего слѣдовало бы избѣгать. Вексель облеченъ всевозможными привилегіями противъ кредитующихся лицъ и, подобно денежному банку, можетъ обращаться въ странѣ, какъ настоящія деньги. Благодаря такому обстоятельству, вексель можетъ становиться также фактивною величиною, простымъ долговымъ обязательствомъ безъ всякихъ заложенныхъ товаровъ, во имя которыхъ онъ выдается. Но и товарный вексель можетъ производить спекуляцію на сумму во столько разъ большую, сколько рукъ онъ перейдетъ. Такъ, если А., напр., продастъ Б. свои товары по долгосрочному векселю, а Б. перепродастъ его потомъ В. за другой вексель, а В. опять Г. тоже подъ вексель, то въ результатъ получится нѣсколько векселей, цѣнность которыхъ ничѣмъ не обезпечена. Подобное искусственное размноженіе денегъ ведетъ въ концѣ-концовъ къ торговымъ кризисамъ. Съ другой стороны, подобные извороты векселя уносятъ изъ производствъ большую массу денежнаго капитала, процентъ на который вслѣдствіе того сильно поднимается. Векселя можно пускать въ обращеніе даже совершенно ничѣмъ необезпеченные, хотя на нихъ и будетъ написано, что подъ нихъ заложены массы товаровъ. Для этой цѣли стѣдуетъ только сговориться двумъ пріятелямъ изъ клѣвки биржевыхъ спекулянтовъ и заручиться надежными подписями (при передачѣ векселя каждый надписываетъ на немъ свою фамилію, какъ ручательство за вѣрность его). Такія подписи покупаются иногда за деньги или даются по дружбѣ какимъ-нибудь плутократомъ, который господствуетъ въ банковомъ мірѣ и имѣетъ въ виду за свою подпись побудить этихъ вексельныхъ дѣлъ мастеровъ къ участию въ разныхъ предпріятіяхъ самаго плутократа. Банки играютъ этой вексельной игрой въ большихъ размѣрахъ и сила ихъ надъ векселемъ становится такою, что и люди съ дѣйствительно вѣрными векселями должны для пріобрѣтенія кредита прибѣгать къ посредничеству все тѣхъ же банковъ и плутократовъ. Такимъ образомъ, всѣ деньги и всѣ кредитныя операціи попадаютъ въ руки банковъ или плутократинъ, которые сами, имѣя въ своемъ владѣніи лишь небольшую собственность, пріобрѣтаютъ въ свою пользу проценты и разные учеты со всѣхъ милліоновъ денегъ, которые проходятъ чрезъ ихъ руки.

Всѣ плутовскія уловки съ векселемъ кромѣ того, что при банкротствѣ банковъ производятъ кризисы въ торговлѣ и промышленности, способствуютъ еще мотовству и деморализаціи въ странѣ.

Посредствомъ векселя люди, не занимающіеся никакимъ трудомъ, могутъ получить кредитъ, который послужитъ имъ только средствомъ въ распутной праздности. Чтобы получить деньги подъ вексель, люди ставятъ на немъ наконецъ поддѣльные надписи.

Представляя читателю всю эту массу зла и вреда, которую могутъ приносить банковыя учрежденія индустріальному развитію общества, Маурусъ ставитъ простой вопросъ: но къ чему же это умноженіе денегъ въ обществѣ, и если нужно вообще, чтобы торговля шла въ кредитъ, то вѣдь шли же прежде всѣ подобныя кредитныя операціи и безъ всякаго вексельнаго кредита? Пусть лучше государство возьметъ назадъ всѣ свои привилегіи, которыми оно снабдило деньги въ такомъ изобиліи, и потребуетъ, чтобы банки вели свое дѣло такъ, какъ вели они его при своемъ возникновеніи;—пусть они принимаютъ по прежнему денежныя влады и служатъ переводчиками денегъ изъ однихъ рукъ въ другія, и пусть имъ дозволятъ выпускать кредитныя билеты на сумму, не превышающую количества вложенныхъ въ банкъ наличныхъ денегъ. Хозяйственной потребности въ банкахъ этого рода нѣтъ никакой, а если въ производствѣ является такая потребность, то государство можетъ побудить самихъ нуждающихся составлять ассоціаціонныя банки, въ которыхъ каждый членъ будетъ отвѣтственнымъ лицомъ за дѣятельность банка. Биржу тоже слѣдуетъ лишить всѣхъ ея привилегій касающихся какъ игры, такъ и спекуляцій.

Особенно много пользы можетъ принести государство въ организаціи кредита, и именно *реальною*. При настоящемъ положеніи вещей кредитъ подъ залогъ всякаго имущества устроенъ такъ, что залогодатель получаетъ въ займы за свою вещь только меньшую половину ея дѣйствительной стоимости и долженъ платить кредитору значительный процентъ; сверхъ того, самыя кредитныя учрежденія, пользуясь уже извѣстною намъ привилегіей денегъ, выпускаютъ такое множество залоговыхъ обязательствъ, что нѣредко подвергаются банкротству, увлекая за собою въ гибель и своихъ кліентовъ. Возьмемъ въ примѣръ *ипотечныя банки*, устроенныя на акціонерныхъ началахъ съ цѣлью доставлять кредитъ землевладѣльцамъ. Такіе банки могутъ создаваться съ весьма незначительнымъ основнымъ капиталомъ, такъ какъ кредитующіеся землевладѣльцы получаютъ подъ залогъ своего имѣнія лишь свои собственные залоговыя обязательства, которыя при посредничествѣ банка становятся цѣнностію, охотно покупаемою разными людьми, если они приносятъ хорошій процентъ. Землевладѣлецъ уплачиваетъ свой долгъ съ процентами въ извѣстное число лѣтъ.

Такимъ образомъ, правильно высчитывая сроки уплаты долговъ и срокъ полного очищенія займа, банкъ можетъ выдавать въ кредитъ втрое, вчетверо большую сумму, чѣмъ его основной капиталъ. Когда заемщиковъ становится слишкомъ много и нѣкоторые изъ нихъ оказываются тугими на срочную плату, то банкъ создаетъ *резервный капиталъ* все изъ средствъ его же должниковъ. Такимъ образомъ, банкъ живетъ и наживается почти исключительно изъ чужихъ денегъ за то только, что землевладѣльцы не умѣютъ сами вѣяться за это необходимое и важное для нихъ дѣло. Впрочемъ, въ этомъ была бы небольшая бѣда, еслибъ банки создавали поземельный кредитъ за небольшое вознагражденіе. Но это, очевидно, не въ интересахъ акціонеровъ банка, которымъ нуженъ только высокой дивидендъ, и весьма мало имъ дѣла до процвѣтанія земледѣлія въ странѣ. Банку нужно платить процентъ за свой основной капиталъ и за администрацію, и онъ возмещаетъ эти траты съ своихъ заемщиковъ, назначая соответственный высокой процентъ съ занимаемой ими суммы. При слишкомъ большомъ выпускѣ торговыхъ обязательствъ курсъ ихъ падаетъ; но заемщикъ несетъ и эту потерю. Далѣе, банку выгодно цѣвнить залогъ какъ можно ниже и выдать въ кредитъ лишь часть своей оцѣнки; землевладѣлецъ между тѣмъ, опасаясь, что разъ заложивши свое имѣніе, онъ лишится въ будущемъ возможности сдѣлать новый заемъ, долженъ сразу ставить самое высшее требованіе банку, между тѣмъ, какъ онъ нуждается въ суммѣ гораздо меньшей. Наконецъ, въ странѣ можетъ случиться такой кризисъ, что многіе заемщики окажутся несостоятельными вносить банку свою ежегодную дань, а банку не удастся быстро распродать имѣнія этихъ несостоятельныхъ должниковъ, особенно если въ числѣ заемщиковъ состоитъ правительство съ государственными имуществами. Тогда банкъ долженъ банкротиться.

Какъ ипотечные банки, на тѣхъ же самыхъ началахъ устроены ломбарды, банковый кредитъ подъ залогъ товаровъ, цѣнныхъ бумагъ и т. п. Гораздо выгоднѣе для общественнаго благосостоянія было бы, если бы всѣ эти кредитныя учрежденія замѣнились банками личнаго и реального кредита, основанными на принципахъ взаимности и самопомощи. Такой кредитъ особенно полезенъ мелкимъ ремесламъ, но и фабриканты и помѣщики могли бы тоже создавать на этихъ началахъ необходимыя для нихъ кредитныя учрежденія. Маурусъ желалъ бы, чтобы государство понуждало всѣхъ къ созданію союзовъ взаимнаго кредита и взаимнаго страхованія, такъ какъ страхованіе создается теперь на тѣхъ же буржуазныхъ началахъ, какія онъ нашелъ въ кредитныхъ

акціонерныхъ учрежденіяхъ. Людямъ бѣднымъ правительствомъ могло бы для этой цѣли оказывать денежную помощь, такъ какъ этимъ путемъ можно гораздо скорѣе достигнуть взаимнаго обезпеченія людей отъ всякихъ случайностей, чѣмъ благотворительностью приказовъ общественнаго призванія. Современное общество само сознаетъ справедливость такихъ предположеній, такъ какъ въ разныхъ государствахъ есть уже серьезныя попытки пробить по этому направленію широкій путь къ общему благосостоянію.

Относительно государственнаго кредита нашъ авторъ неумолимъ: онъ отвергаетъ всѣ формы займовъ не только потому, что государство совершаетъ ихъ обыкновенно не у народа, а при помощи банкировъ, но и потому, что всѣ они отзываются крайне вредно на рабочихъ силахъ страны, между тѣмъ какъ богатые люди успѣваютъ переложить тяжесть этихъ займовъ на потребителей разныхъ товаровъ, то-есть, опять же на народную массу. Мауръ предлагаетъ правительствамъ, въ случаяхъ крайней нужды, вмѣсто займовъ, брать сколько нужно налогомъ съ имущества.

V.

Капиталистическое производство, основанное на правѣ собственности, вызываетъ въ жизни еще другую общественно-экономическую силу—*конкуренцію*, которая точно также, какъ деньги, какъ кредитъ, или какъ само право собственности, можетъ или наносить значительный вредъ общественному благосостоянію, если ею злоупотребляютъ, или служить на пользу важнѣйшихъ интересовъ всѣхъ гражданъ. Конкуренція (соперничество, соревнованіе) побуждаетъ человѣческій эгоизмъ доставлять обществу самыя выгодныя услуги въ производствѣ. Путемъ взаимнаго соперничества въ приобрѣтеніи себѣ покупателей, каждый производитель приходитъ къ удешевленію и улучшенію своего производства и къ возбужденію изобрѣтательныхъ способностей своего ума. Конкуренція же опредѣляетъ настоящую мѣрную цѣнность всѣхъ товаровъ въ торговлѣ, низводя ее на степень дѣйствительной стоимости производства. Будь производство въ рукахъ монополистовъ—и они ставили бы за всякій товаръ цѣну, какую имъ угодно. Обществу выгодно, слѣдовательно, чтобы между производителями происходила самая дѣятельная конкуренція, и чтобы производство не сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ лицъ или госу-

дарства. Конкуренція полезна, наконецъ, и самимъ производителямъ, такъ какъ она способствуетъ выработкѣ ихъ личнаго характера, напрягаетъ и развиваетъ дремлющія въ нихъ рабочія силы. Постоянное побужденіе фабрикантовъ въ расширенію своего производства и введенію въ него все большаго количества капитала способствуетъ накопленію новаго капитала въ обществѣ. Такимъ образомъ, благодаря конкуренціи, капиталистическое производство приобретаетъ перевѣсъ надъ государственнымъ и ассоціаціоннымъ производствами, такъ какъ послѣднія не заключаютъ въ себѣ столь могучаго побудителя къ накопленію капиталовъ и развитію рабочей силы. Только при помощи конкуренціи общество можетъ извлечь изъ своей рабочей силы и капитала наибольшее количество произведеній, необходимыхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. Само собою разумѣется, однако, что конкуренція будетъ давать блистательные результаты лишь при полномъ умѣньи общества владѣть и управлять этою силою.

Въ современномъ обществѣ, при общей неурядицѣ въ экономическихъ отношеніяхъ, конкуренція предоставлена на произволъ судьбы, какъ будто нынѣшняя общественная жизнь снабжаетъ всѣхъ одинаковыми для экономической борьбы силами. Въ дѣйствительности же, относительно власти надъ экономическими силами, между членами общества господствуетъ самое рѣшительное неравенство, и конкуренція между ними должна необходимо приводить къ подавленію и уничтоженію слабыхъ сильными. Крупная промышленность не только поглощаетъ мелкую, но и оказываетъ еще вредное вліяніе на заработную плату, такъ что конкуренція, вмѣсто распространенія личнаго благополучія во всѣ слои общества, способствуетъ иногда накопленію громаднхъ богатствъ въ рукахъ небольшого меньшинства и усиленію бѣдности въ массахъ населенія, то-есть, ведетъ общество къ распаденію.

Главнымъ агентомъ крупной промышленности въ ея борьбѣ съ мелкою является *машина*, такъ какъ она уменьшаетъ потери капитала въ производствѣ. Крупная промышленность поэтому можетъ съ выгодною для себя удешевлять товары до такой степени, что мелкая, продавая по той же цѣнѣ, не получитъ за свою работу даже необходимыхъ средствъ для существованія, и ей остается только одинъ исходъ — идти въ наемныя рабочіе къ своему могущественному конкуренту. Относительно положенія рабочихъ машина тоже является главнымъ орудіемъ угнетенія ихъ, такъ какъ она значительно сокращаетъ спросъ на рабочую силу. Если при этомъ случается, что половина рабочихъ, остав-

шаяся при машинахъ, получаетъ даже высшую противъ прежняго заработную плату, за то другая половина остается вовсе безъ работы, и только будущее поволеніе рабочихъ уже вполне воспользуется выгодами машиннаго труда. Но машина имѣетъ свойство постоянно совершенствоваться въ своемъ дѣлѣ, то-есть, требовать для произведенія одного и того же количества товаровъ все меньшаго числа рабочихъ рукъ, и, такимъ образомъ, всякое новое важное изобрѣтеніе въ машинномъ дѣлѣ производить все новыя замѣшательства въ рабочемъ классѣ и препятствуетъ имъ въ улучшеніи ихъ быта.

Неправильная конкуренція современнаго общества оказываетъ вредное вліяніе даже на самихъ капиталистовъ, стѣсняя ихъ свободу въ производствѣ. Разъ заведена фабрика и приведены въ дѣйствіе машины, — фабрикантъ долженъ вести свои работы постоянно, такъ какъ всякая остановка въ работѣ для него убыточна. Но вдругъ совершаются непредвидѣнныя событія, уменьшающія спросъ на его товаръ. Фабрикантъ, дѣлать нечего, все продолжаетъ работать въ надеждѣ на наступленіе лучшаго времени, — онъ работаетъ, слѣдовательно, въ запасъ. То же самое дѣлаютъ одновременно съ нимъ и всѣ другіе фабриканты той же отрасли промышленности; запасъ все увеличивается и происходитъ, наконецъ, то явленіе, которое называется въ экономическомъ мірѣ «чрезмѣрнымъ производствомъ». Фабрикантамъ приходится, во что бы то ни стало, продавать свои товары, хотя бы по самымъ низкимъ цѣнамъ, или банкротиться, прекратить работы, и вотъ происходитъ *промышленный кризисъ*, причемъ, кромѣ фабрикантовъ, гибнутъ и рабочіе, лишившіеся работы. Моментомъ этой гибели фабрикантовъ и рабочихъ пользуются спекулянты, чтобы скупить накопленный товаръ почти за безцѣножь, и крупные промышленники, которые избавляются такимъ путемъ отъ конкуренціи небольшихъ капиталовъ. Весьма нерѣдко даже самъ кризисъ производится искусственно крупными промышленниками и спекулянтами.

Чтобъ устранить всѣ дурныя послѣдствія конкуренціи, нашъ авторъ предлагаетъ нѣсколько различныхъ мѣръ для охраненія интересовъ, какъ рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ, такъ и небольшихъ капиталистовъ. Последнимъ онъ совѣтуетъ составлять общества взаимнаго кредита; и такія общества можетъ быть давно бы существовали во многихъ государствахъ, еслибъ появленію ихъ сочувствовали крупные промышленники. Маурусъ требуетъ поэтому, чтобы государство само вмѣшалось въ это дѣло,

побудило и поощрило мелкихъ фабрикантовъ къ составленію, исключительнo, между собою подобныхъ обществъ.

Для помощи мелкимъ ремесленникамъ Маурусъ тоже находитъ необходимымъ принудительныя общества взаимнаго кредита и взаимной помощи. Сверхъ того, мелкое ремесло можетъ различнымъ способомъ ловко пользоваться своимъ положеніемъ: выборомъ своего мѣстопребыванія, внесеніемъ мелкихъ машинъ въ свои дома, даже примѣненіемъ водяной или паровой силы. Для этого необходимо, чтобы въ государствѣ существовала полная свобода поселенія и чтобы государство само, гдѣ нужно, оказывало нѣкоторую помощь для образованія ремесленныхъ городковъ или мѣстечекъ.

Относительно рабочихъ требуется введеніе въ промышленность, вмѣсто конкурентной заработной платы, той другой, о которой мы говорили выше, и затѣмъ строгіе законы противъ разныхъ злоупотребленій въ самой организаціи фабрикъ, особенно въ гигиеническомъ отношеніи. Нужно, чтобы законъ строго охранялъ жизнь и здоровье фабричныхъ рабочихъ, чтобы введеніе машинъ въ производство совершалось съ тою постепенностью, съ какою рабочіе могли бы, безъ напрасныхъ и тѣмъ не менѣе жестокихъ бѣдствій, переходить отъ ручной работы къ машинной. По мнѣнію Мауруса, для послѣдней цѣли можно было бы побудить фабрикантовъ машинныхъ произведеній удѣлять, какъ за введеніе новыхъ машинъ, такъ и за потребленіе уже существующихъ, опредѣленную долю барыша то одновременно, то періодическими взносами, въ особую кассу для оказанія помощи рабочимъ во время промышленныхъ застоевъ или безработицы. Государству слѣдуетъ также обращать серьезное вниманіе на состояніе, такъ-называемыхъ, *фабричныхъ округовъ*, которые создаются разными предпринимателями ради своихъ личныхъ выгодъ, безъ всякой заботы о томъ, хорошо ли будетъ жить его рабочимъ въ избранномъ мѣстѣ. Если современное законодательство ограничиваетъ право фабрикантовъ создавать свои фабрики гдѣ угодно, ради охраненія ближайшей къ фабрикѣ мѣстности отъ пожара, взрыва газовъ, необыкновеннаго дыма или вредныхъ паровъ и т.-п., то точно также ему слѣдовало бы простереть свои заботы на здоровье и продовольствіе рабочихъ, когда создается новое фабричное мѣсто. Относительно продовольствія, въ этомъ случаѣ было бы полезнѣе всего ставить предпринимателю условіемъ на дѣленіе рабочихъ участками земли.

Конкуренція дѣйствуетъ не только на производство товаровъ, на производителей и трудъ, но и на обмѣнъ товаровъ, на рас-

предѣленіе ихъ между потребителями; въ этой послѣдней дѣятельности мы наблюдаемъ ее какъ особую общественно-экономическую силу, подъ названіемъ *торга* и *торговли*. Подъ именемъ *торга* (Verkehr) разумѣется не простая мѣна, но сумма всѣхъ человѣческихъ работъ, необходимыхъ для того, чтобы обмѣнъ товаровъ совершался между членами обществъ непосредственно, — а торговлю называютъ на барышъ разсчитывающее посредничество во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ производитель и потребитель мѣновыхъ вещей живутъ далеко другъ отъ друга и непосредственный торгъ между ними соединенъ съ большою тратой времени и труда или съ сильными затрудненіями и даже опасностями для людей и товаровъ. Усердная и успѣшная борьба со всѣми препятствіями, мѣшающими непосредственному сношенію между производителями и потребителями, устраняетъ посреднической, барышнической элементъ, и тѣмъ способствуетъ удешевленію товаровъ. Общественный прогрессъ, слѣдовательно, въ дѣлѣ обмѣна товаровъ заключается въ наибольшемъ сокращеніи предѣловъ торговли и въ наибольшемъ расширеніи *торга*. Экономическіе же успѣхи *торга* должны состоять въ томъ, чтобы онъ производилъ, при возможно маломъ трудѣ, то-есть, при наименьшихъ издержкахъ, наибольшее количество обмѣновъ. Для *торга* весьма важно, конечно, чтобы между торгующими сторонами происходило какъ можно менѣе сдѣловъ, въ которыхъ необходимо участіе денегъ. Между тѣмъ интересы торговли посредничающей среды состоятъ, напротивъ, во введеніи денежной силы въ обмѣнъ товаровъ. Для *торга* самымъ крупнымъ и страшнымъ препятствіемъ служить разстояніе между производителемъ и потребителемъ, а для торговли выгоднѣе удерживать это препятствіе въ одномъ и томъ же состояніи. Но общественное развитіе дѣлаетъ свое дѣло, и разстояніе становится все слабѣею преградой для торжества *торга* надъ торговлею. Сама естественная сила человѣческаго размноженія и расселенія служитъ однимъ изъ важныхъ дѣятелей въ устраненіи этого препятствія. Фабричный или ремесленный трудъ можетъ поселяться возлѣ земледѣльческаго, причемъ всѣ они пріобрѣтаютъ возможность непосредственно обмѣниваться своими произведеніями. Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ заключить, что интересы общества требуютъ свободы поселенія и переселенія, а также удаленія всякихъ законодательныхъ мѣръ, стѣсняющихъ вступленіе въ бракъ или какимъ-либо другимъ способомъ препятствующихъ размноженію людей. Издержки перевоза товаровъ уменьшаются еще посредствомъ путей сообщенія: обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогъ, ваналовъ и т.-п., но только въ томъ слу-

чай, если перевозчики не успѣютъ создать изъ своего посредничества монополію. Издержки уменьшаются также, когда продукты производства отправляются съ своего мѣста не въ сыромъ, то есть тяжеломъ и объѣмистомъ видѣ, а въ обработанномъ, болѣе легкомъ и менѣе объѣмистомъ. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что страна чисто земледѣльческая, въ сравненіи съ страной промышленною, терпитъ значительный уронъ уже отъ одного факта перевозки. При взаимномъ обмѣнѣ такихъ двухъ странъ между собою, земледѣльческая будетъ вывозить изъ своей страны гораздо большую массу производительнаго матеріала своей почвы, чѣмъ отдастъ ей обратно страна промышленная, и если такой обмѣнъ будетъ продолжаться долгое время, то земледѣльческая страна можетъ обдѣлѣть и попасть даже въ политическую зависимость отъ страны промышленной. Поэтому, каждая страна должна непременно употреблять всѣ свои усилія къ тому, чтобы быть и земледѣльческою и промышленною вмѣстѣ, ибо тогда она будетъ въ большомъ выигрышѣ уже отъ одного сокращенія издержекъ передвиженія.

Разбирая средства къ развитію промышленности въ государствѣ, Маурусъ доказываетъ, что земледѣльческое общество не можетъ выиграть ни отъ полнаго запрещенія вывоза сырыхъ произведеній (протекціонизмъ), ни отъ полной свободы ввоза иностранныхъ промышленныхъ произведеній (свобода торговли), такъ какъ въ первомъ случаѣ паденіе цѣнъ на сырыя произведенія можетъ сократить самую обработку почвы и привести общество къ обнищанію, а во второмъ довести страну до полнаго истощенія почвы. Остается еще средній путь: *охранительный тарифъ*, который бы поставилъ силу конкуренціи въ такія границы, что мѣстные производители могли бы выдерживать борьбу съ иностранцами лишь *при полномъ напряженіи своихъ силъ*. Нужно во всякомъ случаѣ, чтобы потребитель несъ на себѣ тяжесть таможенныхъ пошлинъ *не для обогащенія мѣстныхъ производителей*, а ради промышленной независимости страны. Поэтому Маурусъ отвергаетъ всякія таможенные препятствія въ производствѣ такихъ вещей, для приготовленія которыхъ въ странѣ нѣтъ никакихъ естественныхъ условій; не должно быть также такого тарифа, который бы отягощалъ иностранные товары больше, чѣмъ того требуютъ мѣстныя издержки производства тѣхъ же товаровъ, ибо въ такомъ случаѣ мѣстный фабрикантъ наживалъ бы свой процентъ не изъ дѣла, а прямо изъ государственнаго постановленія, и ему не нужно было бы заботиться объ улучшеніи своего производства. Вообще говоря, таможенные тарифы не мо-

гуть быть величинами постоянными: ихъ самая сущность требуетъ, однако, чтобы они постоянно уменьшались, и, наконецъ, подлежали полной отмѣнѣ, какъ этому учить примѣръ Англии.

Относительно возможности образованія монополій въ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, водяныхъ сообщеній или обыкновенныхъ дорогъ, а также почты и телеграфовъ, которые тоже оказываютъ важныя услуги торгу,—Мауръ совѣтуетъ уничтожить всѣ пошлины, препятствующія движенію товаровъ, и онъ хотѣлъ бы, чтобы государство само создавало желѣзныя дороги, почты и телеграфы и устроивало ихъ какъ можно выгоднѣе для цѣлей общественнаго благосостоянія, отдавало бы въ управленіе частнымъ людямъ, съ строгимъ соблюденіемъ общественныхъ интересовъ, за известную арендную плату. Тогда, и только тогда исчезли бы и всѣ обиды, чинимыя публикѣ желѣзнодорожными дѣятелями, и товары перевозились бы, какъ слѣдуетъ и не по высокой цѣнѣ. Теперь же желѣзная дорога составляетъ монополію, ибо съ нею можетъ конкурировать только желѣзная же дорога. Въ Англии монопольныя стремленія въ наживѣ доходили въ желѣзнодорожныхъ компаніяхъ до того, что инныя изъ нихъ покупали за дорогую цѣну конкурировавшія съ ними вѣтви исключительно для того, чтобы прекратить по нимъ ѣзду, несмотря на то, что движеніе по такимъ вѣтвямъ было полезно для всей страны!

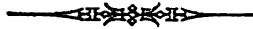
Скажемъ еще нѣсколько словъ объ ограниченіи эксплуататорской дѣятельности торговли. Что торговля способствуетъ развитію производства—этого не допустить нельзя, но вмѣстѣ съ тѣмъ она живетъ на счетъ производства, она отягощаетъ его и стѣсняетъ его свободный ходъ. Люди идутъ въ торговлю изъ желанія богатства; за свою посредническую дѣятельность торговецъ желаетъ не только получить отъ производителя и потребителя вознагражденіе за издержки и трудъ, употребленные имъ для доставки товаровъ, но еще воспользоваться въ свою пользу ихъ незнаніемъ и легковѣріемъ въ дѣлѣ потребления и производства и ихъ взаимными нуждами. Но подобное отношеніе купца къ фабриканту и потребителю отзывается на обществѣ повышеніемъ цѣнъ на товары, и слѣдовательно, нельзя не желать, чтобы купеческое посредничество принимало съ теченіемъ времени все болѣе узкія границы. Въ этомъ отношеніи значительную помощь могло бы оказать учрежденіе посемѣстныхъ рынковъ для торговли съѣстными припасами, устройство постоянныхъ складочныхъ для товаровъ мѣстъ, а также выставки и базары для фабричныхъ и ремесленныхъ произведеній въ мѣстностяхъ наибольшаго по-

требленія. Нужно уничтожить для этого всѣ привилегіи городскихъ рынковъ и всякія стѣсненія, какія налагаются въ иныхъ государствахъ общинами и даже самимъ правительствомъ на передвиженіе товаровъ.

Вся эта попытка Мауруса показать направленіе, по которому имѣетъ совершиться, быть можетъ въ отдаленномъ будущемъ, разрѣшеніе важнѣйшаго вопроса современнаго общества, — какъ мы видимъ, составлена имъ съ цѣлями чисто-научнаго характера, и потому она не настаиваетъ ни на какомъ немедленномъ практическомъ приложеніи. Маурусъ желаетъ пролить только новый свѣтъ на ту сферу человѣческой мысли, которая была запутана притязаніями «буржуазной» экономіи съ одной стороны, и съ другой — несбыточными мечтами социалистовъ. Для введенія и упроченія своихъ реформъ, Маурусъ не придаетъ человѣку никакихъ сверхъестественныхъ добродѣтелей и правъ, но беретъ его такимъ, каковымъ представляется онъ въ настоящей дѣйствительности. Современное государство, судя по нѣкоторымъ мѣрамъ, какъ мы видѣли, уже само выбивается тамъ-и-сямъ на ту дорогу, которую указываетъ и проводитъ нашъ авторъ въ полной системѣ и до послѣдняго конца. Маурусъ не даетъ также почти ни одного совѣта, который не оправдывался бы фактами современной жизни, какъ общественной, такъ и государственной. Наука ни въ чемъ не противорѣчитъ логическимъ выводамъ Мауруса, ни той искусной и пронизательной критикѣ, которой онъ подвергъ оба донныя господствующія направленія въ политико-экономической литературѣ. Нашъ авторъ поступилъ также весьма благоразумно, формулировавъ свои преобразовательныя предложенія въ общихъ выраженіяхъ и предоставляя практическимъ законодателямъ осуществлять ихъ въ жизни наиболѣе удобоприложимымъ способомъ. Несомнѣнно, что въ разныхъ странахъ преобразовательныя реформы, въ смыслѣ ограниченія общественно-экономическихъ силъ, могутъ явиться не въ одномъ и томъ же видѣ, но во всякомъ случаѣ, когда законодательство принимается за разрѣшеніе вопроса объ обеспеченіи личнаго благосостоянія въ обществѣ, мы видимъ, что оно усиливается всегда избрать себѣ то направленіе, которое пролагаетъ Маурусъ въ самой наукѣ. Довозательствомъ тому служить, наприм., дѣсное хозяйство, горное, гдѣ правительства дѣйствуютъ весьма благотѣльно, не допуская безконтрольнаго пользованія хотя бы и своею собственностью. Но все это —

отдѣльные, разсѣянные факты. Маурусъ возводитъ именно въ принципъ то, что уже началó высказываться въ самой практикѣ жизни—какъ голый фактъ. Такая научность метода въ трудѣ Мауруса, безъ всякихъ притязательныхъ требованій на полное и немедленное осуществленіе, составляетъ рѣдко встрѣчающееся достоинство; дѣйствительно, наука только указываетъ путь, но совершеніе самаго пути—это уже не ея дѣло. Относясь съ полнымъ уваженіемъ къ собственности, къ капиталу, какъ къ необходимымъ факторамъ жизни образованнаго общества, Маурусъ хочетъ придать имъ еще болѣе священное значеніе, ставя ихъ подъ контроль государства,—и тѣмъ самымъ онъ спасаетъ ихъ, съ одной стороны, отъ безусловной «свободы» собственности, проповѣдуемой «буржуазною» экономіею, и съ другой—отъ голаго отрицанія собственности и капитала въ теоріяхъ социалистовъ.

Р — ь.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1874.

Брачное торжество 11-го января. — Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія. — Призывъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія. — Адресъ московскаго дворянства и газетныя толки. — Прошедшая судьба нашей народнои школы и будущее ея развитіе. — Манифестъ о всеобщей воинской повинности. — Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія. — Льготы и изытія. — Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ. — Замятка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе.

11-го сего января было торжественно совершено бракосочетаніе Е. И. В. Великой Княжны Маріи Александровны съ Е. К. В. англійскимъ принцемъ Альфредомъ, герцогомъ Эдинбургскимъ. Съ обѣихъ сторонъ, и англійская, и наша печать также, поспѣшили, по поводу такого счастливаго событія, выразить какъ всеобщую симпатію къ августѣйшимъ новобрачнымъ, такъ и свои пожеланія, чтобы этотъ бракъ послужилъ символомъ союза двухъ націй; пусть звонъ свадебнаго колокола, по слову поэта —

Freude dieser Stadt bedente,
Friede sei ihr erst Geläute.

Около начала 1874 года сгруппировались весьма отрядныя и знаменательныя событія: изъ Высочайшаго рескрипта, 25 декабря, на имя министра народнаго просвѣщенія, мы усматриваемъ волю Государя, чтобы народныя училища получили „правильное устройство и развитіе, *сообразно съ потребностями времени и замѣчаемымъ въ настоящую пору повсемѣстно въ имперіи стремленіемъ къ образованію*“; манифестомъ 1 января обнародованъ уставъ о новой всеобщей и общеобязательной воинской повинности, совмѣщенной съ охраною интеллектуальныхъ силъ страны; наконецъ, изъ опубликованной 8 января государственной росписи на 1874 годъ усматривается предположеніе о значительномъ уже превышеніи расходовъ доходами.

Изъ всѣхъ этихъ событій наиболѣе комментаріевъ вызвали въ обществѣ не столько обнародованное положеніе о воинской повинности, съ основаніями котораго оно уже заранѣе и постепенно освоилось, сколько именно указанія Высочайшаго рескрипта 25-го декабря.

Въ государственной жизни, какъ бы ни были важны матеріальныя ея успѣхи, успѣхи нравственнаго развитія общества несравненно выше и существеннѣе. А въ послѣднемъ рескриптѣ мы находимъ опредѣленіе нашего именно нравственнаго уровня, высказанное намъ высшимъ авторитетомъ въ странѣ. Рескриптъ обращается собственно къ лицу министра народнаго просвѣщенія; но министерство народнаго просвѣщенія и есть прежде всего то вѣдомство, въ рукахъ котораго находится сильнѣйшее орудіе къ укорененію нравственныхъ началъ, а слѣдовательно, оно и несетъ прежде всѣхъ другихъ отвѣтственность предъ верховною властью.

Въ будущемъ году исполнится десять лѣтъ нынѣшнему министерству народнаго просвѣщенія. Въ какомъ положеніи оно нашло состояніе общественной нравственности при началѣ своей дѣятельности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ тотъ же высокій голосъ, которому мы внимали на-дняхъ.

По словамъ рескрипта 13-го мая, министерству народнаго просвѣщенія приходилось въ началѣ своей дѣятельности „охранять русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, еслибы развитію ихъ не было постановлено преградъ“. Съ того времени прошло восемь лѣтъ. Въ эти восемь лѣтъ, какъ извѣстно, все вниманіе министерства народнаго просвѣщенія было направлено на бдительный надзоръ: о возростаніи этой бдительности можно судить по одному возростанію стоимости расхода на инспекцію; но къ великому и, безъ сомнѣнія, всеобщему сожалѣнію, общественная нравственность не сдѣлала большихъ успѣховъ за эти восемь лѣтъ. Настоящій рескриптъ говоритъ уже не объ однихъ зародышахъ зловерныхъ ученій, но и о нѣкоторыхъ попыткахъ къ нравственному растлѣнію народа. Мы, конечно, утѣшаемъ себя мыслью, что такія попытки были единичны и, безъ сомнѣнія, остались безплодными, по крайней мѣрѣ, нельзя не пожелать имъ безплодія; но во всякомъ случаѣ западная Европа была бы неправа, еслибы успѣшила заключить объ ослабленіи въ нашемъ обществѣ гражданскихъ связей и основъ внутренняго порядка. Слова рескрипта свидѣтельствуютъ, конечно, только о чрезвычайной заботливости верховной власти — предупреждать всякое зло, какъ бы ни были ничтожны попытки къ тому, а также и о томъ, что мѣры, принимаемыя спеціальною администраціею въ теченіе

ни восьми лѣтъ, не принесли желаемого результата: то, что было прежде въ зародышѣ, выросло до поштыки.

Наша печать за все это время, довольно единодушно и насколько то позволяли условія ея дѣятельности, свидѣтельствовала о томъ, что усиливаемая инспекція училищъ, при всѣхъ ея благихъ цѣляхъ, не можетъ достигнуть именно этихъ цѣлей; напротивъ, требуя для себя значительныхъ средствъ, инспекція уменьшала эти средства у просвѣщенія, широкое распространеніе котораго и есть лучшее огражденіе отъ всякихъ заблужденій. Высокое нравственное развитіе западныхъ обществъ состоитъ, какъ извѣстно, не въ отсутствіи заблужденій, а въ преобладаніи и широкомъ распространеніи самаго просвѣщенія въ общественныхъ массахъ. Положимъ, если инспекція стѣбитъ полмилліона, то это значитъ, что на полмилліона уменьшены средства въ распространенію истиннаго просвѣщенія, и слѣдовательно, конкуренція съ заблужденіями сдѣлалась затруднительнѣе на ту самую сумму, въ которую обошлась инспекція. Разумѣется, печать въ своихъ выводахъ опиралась на общія начала; но вотъ теперъ опытъ восьми лѣтъ, засвидѣтельствованный высшимъ авторитетомъ страны, показываетъ, что дорого стоящая административная инспекція не принесла желаемыхъ результатовъ, что настоящая сила министерства народнаго просвѣщенія, которою оно неотразимо могло бы поражать всякое заблужденіе, состоитъ въ распространеніи этого самаго просвѣщенія, и притомъ на всѣ тѣ средства, которыми оно располагаетъ. Впрочемъ, верховная власть въ своей мудрости давно уже указала косвенно на несостоятельность административнаго надзора, и еще въ рескриптѣ 13-го мая мы читали: „Я имѣю твердую увѣренность, что видамъ Моимъ по этому важному предмету (по вопросу о преуспѣяннн истиннаго просвѣщенія) будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу *домашняго* воспитанія“. Очевидно, само общество призывалось къ надзору и заботамъ о торжествѣ нравственныхъ началъ. А каково это общество, мы видимъ опять изъ словъ того же самаго рескрипта, которыми предписывалось всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ здравыхъ, охранительныхъ и добродѣтельныхъ силъ, которыми *Россія* всегда была обильна и доселѣ, благодаря Богу, *преизобилуетъ*“. Вотъ гдѣ указать настоящей и даровой оплотъ общественной нравственности; масса общества измѣняется въ своихъ качествахъ, и хорошихъ, и дурныхъ, весьма медленно, а потому справедливо можно заключить, что свидѣтельство о преизобилванн добродѣтельныхъ силъ Россіи восемь лѣтъ тому назадъ продолжаетъ имѣть прѣжнее значеніе и до настоящей минуты. Послѣдній рескриптъ развиваетъ еще подробнѣе вышесказанную мысль, такъ какъ

ныя призываются къ поддержанію и упроченію истиннаго просвѣщенія „*естъ просвѣщенійныи люди страны*“, а не одно только духовенство. Особенно указывается затѣмъ пещись о томъ же русскому дворянству, „*всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу*“. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы“. Не предрѣшая практическихъ подробностей приведенія такой воли въ исполненіе, верховная власть ограничивается повелѣніемъ министру народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, „*обратиться къ мѣстнымъ предводителямъ дворянства, дабы они въ званіи попечителей училищъ въ ихъ губерніяхъ и уѣздахъ, и на основаніи правъ, которыя имъ будутъ предоставлены особыми о томъ постановленіями, способствовали ближайшимъ своимъ участіемъ къ обезпеченію нравственнаго направленія этихъ школъ, а также ихъ благоустройству и размноженію*“.

Въ виду заявленія такихъ высочайшихъ мыслей, и печати, и обществу оставалось только пожелать, чтобы при приведеніи ихъ въ дѣйствительность всѣ были проникнуты ими до конца, имѣя постоянно въ виду первыя слова рескрипта: „Я обращаю особенное Мое вниманіе на дѣло народнаго просвѣщенія, видя въ немъ движущую силу всякаго успѣха и утвержденіе тѣхъ нравственныхъ основъ, на которыхъ зиждутся государства“. Излишне было бы прибавлять что-нибудь къ такимъ словамъ, которыя должны служить девизомъ всѣхъ друзей народнаго просвѣщенія; въ обществѣ и въ печати могутъ только расходиться въ мнѣніяхъ и гаданіяхъ относительно дальнѣйшаго развитія на практикѣ, какое могутъ получить въ послѣдствіи тѣ высокія предначертанія. На этомъ остановимся и мы.

Въ обществѣ нѣмне интересовались прежде всего совпаденіемъ рескрипта съ манифестомъ о войскаго повинности. Разсуждали такъ, что дворянство, утрачивая послѣднюю изъ своихъ важныхъ привилегій — а именно, свободу отъ воинской службы, въ то же время удостоилось знака особаго довѣрія, и отсюда легко было перейти къ заключенію, что новое призваніе дворянства къ заботамъ о просвѣщеніи есть будто бы сословная привилегія. Намъ кажется, что хронологическое совпаденіе рескрипта 25-го декабря съ манифестомъ 1-го января само по себѣ не могло имѣть такого особеннаго значенія. Установленіе общеобязательности воинской повинности на объявленныхъ началахъ должно само по себѣ оказать весьма сильное вліяніе на народную школу; но точки соприкосновенія ея съ военной реформой лежать въ массѣ народа, а не въ дворянствѣ. Не на немъ скажется образовательное вліяніе военной реформы, и призывъ дворянства къ участію въ попеченіи о народной школѣ не имѣетъ, по сущности дѣла, ничего общаго съ обязанностью дворянъ отбывать

воинскую повинность. Мы не допускаемъ и мысли, чтобы дворянству требовалось какое-либо вознагражденіе за призывъ въ ряды для участія въ защитѣ государства, и во всякомъ случаѣ было бы непонятно, какимъ образомъ, призывъ къ попеченію о народной школѣ могъ бы служить дворянству такимъ вознагражденіемъ.

Въ другихъ кружкахъ высказывалось по этому же поводу еще и такая мысль, что права, какія, согласно указанію рескрипта 25-го декабря, будутъ предоставлены представителямъ дворянскаго сословія по обезпеченію нравственнаго направленія начальныхъ училищъ, благоустройству и размноженію ихъ, служить только „первымъ шагомъ“ къ предоставленію этому сословію совершенно новыхъ правъ и новой дѣятельности въ государствѣ. Мысль эта нашла нѣкоторый откликъ и въ адресѣ московскаго дворянства, гдѣ говорится, между прочимъ, что „призывомъ русскаго дворянства къ участію въ великомъ дѣлѣ народнаго образованія, одновременно полагается и начало обновленію самаго учрежденія о дворянствѣ“. Тамъ же, въ Москвѣ, въ печати, мысль эта была заявлена болѣе общимъ, но болѣе рельефнымъ образомъ: „опытъ преобразованій“, сказали „Московскія Вѣдомости“, „доказываетъ все болѣе и болѣе необходимость той службы въ государственной жизни, которую несло дворянство, и въ мысли, правящей судьбами нашего отечества, значеніе его не умалилось, и ему въ обновленной Россіи предстоитъ новая дѣятельность...“ Мы вполне сочувствуемъ благородному побужденію, внушившему московскому дворянству его адресъ, умѣемъ цѣнить выражаемую имъ готовность служить дѣлу народнаго образованія, и можемъ напомнить о томъ, чего, конечно, не имѣло нужды напоминать московское дворянство, а именно, что и доселѣ единственная, сколько-нибудь значительная, частная инициатива въ дѣлѣ учрежденія учебныхъ заведеній принадлежала лицамъ дворянскаго сословія. Купеческое сословіе всегда предпочитало давать своимъ пожертвованіямъ иное назначеніе, но дворянами учреждены многія высшія и среднія учебныя заведенія, даже ученыя учрежденія. Сверхъ того, въ самомъ земствѣ, въ то время, когда крестьяне еще недостаточно сознавали потребность въ школѣ, дѣятельнымъ элементомъ по устройству народныхъ школъ являлось дворянство же. Легко указать въ земствѣ на нѣсколько именъ лицъ, которыя посвятили всѣ свои усилія служенію дѣлу народной школы и крестьянскаго кредита, и эти имена принадлежать дворянамъ.

Но, отдавая полную справедливость заслугамъ нашего дворянства въ этомъ отношеніи, мы все-таки не можемъ уяснить себѣ, что должно разумѣть подъ высказываемымъ ожиданіемъ, что призывомъ дворянства къ участію въ дѣлѣ образованія „одновременно полагается и начало обновленію самаго учрежденія о дворянствѣ?“ Не

звоніи ясна также смысла по поводу народной школы въ московскомъ адресѣ на „дарованное дворянству грамотою Екатерины II-й значеніе, которое дворянство ставить выше всего“. Изъ сопоставленія приведенныхъ двухъ мѣстъ легко могутъ выводиться предположенія, будто дворянство всего болѣе дорожить именно своимъ положеніемъ и своими правами, какъ сословія, и видятъ въ призывѣ къ участию въ дѣлѣ школы первый шагъ такихъ новыхъ сословныхъ правъ, которыя сдѣлали бы изъ него мѣстное государственное учрежденіе. Такія предположенія, пожалуй, будутъ строити на адресѣ, но это было бы, конечно, добровольнымъ заблужденіемъ. Адресъ есть отвѣтъ на высочайшій рескриптъ, отвѣтъ, выражающій готовность слѣдовать призыву къ участию въ дѣлѣ народной школы. Адресъ, благосклонно принятый верховной властью, не могъ быть составленъ и не долженъ быть разумѣемъ иначе, какъ въ точномъ смыслѣ рескрипта, которому онъ служилъ отзывомъ. А въ рескриптѣ дворянство призывается къ участию въ дѣлѣ школы вовсе не на основаніи сословныхъ правъ, не въ качествѣ дворянскаго „учрежденія“; тамъ весьма ясно и положительно сказано, что дѣлу благоустройства народной школы должны служить „всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны“ и затѣмъ призывъ обращается, „по преимуществу“, къ дворянству, „всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу“. Итакъ, рескриптомъ 25-го декабря прямо и исключительно указывается на умственное и нравственное значеніе дворянства, въ силу котораго и обращается къ нему призывъ, а не на значеніе, дарованное ему грамотою Екатерины II-й. Призывъ обращенъ къ дворянству, какъ къ классу „просвѣщеннѣйшихъ людей“ въ государствѣ, а не какъ къ учрежденію, не какъ къ сословію, надѣленному привилегіями въ силу грамоты Екатерины и учрежденія ея о губерніяхъ. Того высокаго значенія, въ силу котораго рескриптъ обращается къ дворянству, ему не могла даровать никакая грамота, потому что никакая грамота не могла дать классу людей свойство просвѣщеннѣйшаго, не могла сдѣлать его примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу. Рескриптъ 25-го декабря, въ своемъ обращеніи къ дворянству, сходится не съ дворянскою грамотою Екатерины II-й, а съ указами Петра Великаго, который призывалъ дворянъ на службу государству, просто какъ передовой классъ, и хотѣлъ создать изъ него первый умственный элементъ для просвѣщенія Россіи въ европейскомъ смыслѣ. Намъ кажется, едва-ли и нынѣшній рескриптъ допускаетъ иное толкованіе, внѣ этого прямого и совершенно яснаго его смысла.

Правда, рескриптъ, объявляя объ имѣющихъ быть изданными постановленіяхъ, которыми опредѣлится форма участія дворянства въ

управленія народными школами и ихъ разнѣженіи, указывать органомъ дворянства въ исполненіи этой обязанности—предводителей дворянства, которымъ дано будетъ званіе попечителей начальныхъ училищъ. Но это не измѣняетъ смысла призыва, обращеннаго къ дворянству. Само собою разумѣется, что участіе его въ дѣлѣ школы должно было выразиться посредствомъ официально-призванныхъ его органовъ. Какимъ же другимъ образомъ дворянству могло бы быть фактически предоставлено наблюденіе за школами, если не въ лицѣ его представителей? Но основная мысль рескрипта тѣмъ не менѣе ясна: дворянство призывается къ этому дѣлу не въ качествѣ политическаго сословнаго элемента, но въ качествѣ просвѣщеннаго класса, въ качествѣ наиболѣе интеллигентной части общества. Смотрѣть на рескриптъ, какъ на „первый шагъ“ къ предоставленію дворянству значенія сословно-политическаго элемента въ государствѣ, было бы ошибочно.

Для осуществленія подобной мысли нѣтъ данныхъ и въ самой русской дѣйствительности. Политическіе элементы, какъ извѣстно, не создаются законоположеніемъ: они являются дѣйствительными элементами народной жизни, живыми организмами, произведенными исторіею. Этой истинѣ не могутъ отрицать и тѣ изъ нашихъ консерваторовъ, которыхъ соблазняетъ мысль о предоставленіи дворянству крупной сословной роли, быть можетъ и преобладанія въ государствѣ. Они не могутъ отрицать того положенія, которое именно для консерваторовъ священно и совершенно обязательно,—положенія, что историческій складъ общества не долженъ быть насилуемъ законодательствомъ, что законодательство должно только служить отраженіемъ исторически-бытовыхъ условий, и потѣму оно не можетъ, съ надеждою на какую-либо прочность, предпринимать общественную передѣлку, создавать въ силу предвзятой теоріи порядокъ, для котораго нѣтъ историческихъ основъ. Слишкомъ долго и слишкомъ единогласно всѣ консерваторы называли противоположный взглядъ—принципомъ революціоннымъ, чтобы нынѣ они могли доказывать возможность внезапнаго созданія въ Россіи сословно-политической силы дворянства. Тамъ, гдѣ дворянство на самомъ дѣлѣ, по исторической судьбѣ, являлось такою силой въ прежнія времена, оно могло еще сохранить и доселѣ нѣкоторые остатки такого значенія. Но тамъ, гдѣ, какъ въ Россіи, дворянство такого значенія и въ прежнія времена не имѣло, оно не можетъ получить его искусственнымъ образомъ и въ наше время. Провозвѣстники „дворянской идеи“ въ этомъ смыслѣ у насъ обыкновенно указываютъ на Англію и Пруссію. Но *parva comperere magnis*—позволительно только до извѣстной степени, за которою такое сопоставленіе становится уже абсурдомъ. Роль дворянства, какъ феодальныхъ бароновъ въ Англіи, а въ особенности, какъ царей и

членовъ общинъ британскаго государства, не можетъ уже ни въ какой, хотя бы отдаленнѣйшей мѣрѣ, быть сопоставлена съ привилегіями жалованной дворянству Екатериною II-ю грамоты. Что касается Пруссіи, то она была рыцарскою общиною, прежде чѣмъ сдѣлалась государствомъ. Между тѣмъ, политическая жизнь постоянно и довольно быстро демократизируется въ самой Англии, а въ Пруссіи въ новѣйшее время упало и политическое значеніе дворянства, и преобладаніе его въ мѣстномъ управленіи. Какимъ же образомъ мы пойдемъ назадъ, къ такому идеалу, который въ Россіи, вдобавокъ, никогда и не существовалъ.

Русское дворянство создано главнымъ образомъ государственною службою, не исключая и родовъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ Рюрика, такъ какъ знатность въ Московскомъ царствѣ сообщалась и поддерживалась только службою, и внѣ ея древнѣйшіе роды „худѣли“ и исчезали. Дворянство въ смыслѣ наследственнаго землевладѣльческаго класса никогда не имѣло и не имѣетъ у насъ устойчивости. Чрезъ каждыя два, много три, поколѣнія, все землевладѣніе у насъ, за немногими исключеніями, переходило въ другія руки, и дворянство—если его разумѣть въ связи съ понятіемъ о землѣ—наростало у насъ новое. При отсутствіи майората, какъ общаго условія, и при легкости приобрѣтенія дворянскихъ правъ службою, и не могло быть иначе. Правда, приобрѣтеніе дворянства службою теперь, сравнительно съ прежними временами, значительно ограничено. Но за то-же, съ отмѣною крѣпостнаго права, право землевладѣнія стало общимъ достояніемъ всѣхъ сословій. Право владѣть „населенною землею“, крѣпостное право, и было единственною политическою чертою въ значеніи нашего дворянства. При немъ могло еще, до нѣкоторой степени, быть реально понятіе о правительствѣ, управляющемъ судьбою государства, и о дворянствѣ, управлявшемъ судьбою если не всего народа, то значительной его части. Это право исчезло—и соотвѣтствовавшее ему понятіе не имѣетъ болѣе ни одного реальнаго для себя условія.

Предположимъ, что для русскаго дворянства—въ качествѣ землевладѣнія—придуманъ кругъ власти въ мѣстномъ управленіи. Но въ дѣйствительный составъ нашего землевладѣнія, безпрестанно мѣняясь, безпрестанно обновляясь, вовсе не соотвѣтствовало бы тому дворянскому идеалу, въ силу котораго ему предоставлялась бы подобная роль: ни прочной наследственной связи съ мѣстностью, ни традицій, ни испытанной доблести и преданности гражданскому долгу не было бы возможности считать характеристическими, неотъемлемыми чертами наличнаго въ данный моментъ класса землевладѣльцевъ, въ которомъ представители древнихъ, мѣстныхъ дворянскихъ родовъ составляли бы меньшинство, а большинство представлялось бы купив-

ними землю недавно капиталистами, торговцами, разбогатѣвшими чиновниками, техниками, удачными спекулянтами. *Дворянское* землевладѣніе непремѣнно предполагаетъ ограниченіе права владѣть землею (поземельные законы въ Англіи, Rittergüter въ Пруссіи, населенныя крѣпостными имѣнія прежде, въ Россіи,—все элементы или уже исчезнушіе или близкіе повсюду къ утратѣ своихъ жизненныхъ условій). Ограничить право владѣть землею въ Россіи—невозможно: послѣдствіемъ его было бы неизбежное и быстрое разореніе всего землевладѣнія. Достаточно было ограничить право приобрѣтенія земли (воспрещеніемъ лицамъ польскаго происхожденія приобрѣтать ее), для того, чтобы въ Ковенской губерніи, напр., покупная цѣна имѣній, доходившая 10—15 лѣтъ тому назадъ отъ 40 до 100 рублей за десятину, понизилась до 15—40 рублей (труды Комиссіи Сельскаго Хоз. Прилож. II, Отд. IV, стр. 3). Безъ ограниченія же этого права, землевладѣніе въ Россіи, какъ во Франціи, будетъ представлять просто капиталъ, то-есть, нѣчто по сущности своей весьма подвижное, вѣчно переходящее изъ руки въ руки. Понятіе о недвижимомъ владѣніи представляется весьма условнымъ, когда оно зависитъ исключительно отъ понятія прямо противоположнаго, понятія о движимой цѣнности, о капиталѣ. А между тѣмъ, всѣ условія сельскаго хозяйства въ Россіи именно таковы, что землевладѣніе становится и будетъ становиться все въ болѣшую зависимость отъ наличнаго, оборотнаго капитала. Имѣнія будутъ переходить въ руки капиталистовъ, какого бы происхожденія капиталисты не были.

Вотъ почему намъ кажется, что люди говорящіе у насъ о дворянствѣ съ его умственнымъ развитіемъ и его традиціями — и о землевладѣніи съ его реальными условіями, смѣшивая оба эти понятія или представляя одно какъ бы присущимъ другому, впадаютъ въ добровольное заблужденіе. Конечно, нѣтъ матеріальной невозможности предоставить закономъ хотя бы обширный кругъ административныхъ правъ — землевладѣнію. Но трудно будетъ оправдывать это высокими нравственными свойствами, приписываемыми дворянству. Промышленникъ, который купилъ имѣніе собственно съ цѣлью срубить и распродать его лѣса, а черезъ нѣсколько лѣтъ продать и самое имѣніе, воспользуется, пока будетъ владѣть имъ, всѣми предполагаемыми правами землевладѣльческаго сословія. Но въ какой мѣрѣ интересъ мѣстности, будетъ солидаренъ съ его личнымъ интересомъ, въ какой мѣрѣ онъ представитъ собою „охранительный элементъ“, не говоря уже о его традиціяхъ и преданности гражданскому долгу—слишкомъ ясно. Несомнѣнно, что доселѣ весьма значительное число дворянъ оставалось землевладѣльцами по неволѣ, то-есть, потому собственно, что имъ не предлагалось сколько нибудь выгодной цѣны за ихъ имѣнія. Много ли въ Россіи, однако, такихъ имѣ-

ній, которыя не находятся постоянно на рынкѣ? За весьма немногими исключеніями, каждое изъ нихъ можетъ быть тотчасъ куплено, если дать за него хорошую цѣну. Землевладѣніе въ Россіи и теперь уже представляетъ довольно пестрое общество, въ которомъ старинный мѣстный элементъ слабъ и постепенно все слабѣетъ. Но громадное накопленіе бумажныхъ цѣнностей всякаго рода и другія экономическія причины будутъ постоянно усиливать разнохарактерность землевладѣльческаго сословія. Съ одной стороны, прогрессивное и быстрое вздорожаніе труда сдѣлаетъ совершенно невозможнымъ веденіе сельскаго хазайства безъ переменъ системы и способовъ культуры, т.-е., безъ оборотнаго капитала; съ другой стороны, вздорожаніе земли, замѣчаемое уже и нынѣ, дастъ дворянамъ землевладѣльцамъ возможность выгодно отдѣлаться отъ ихъ имѣній.

Однимъ словомъ, будущность русскаго землевладѣнія, неизбежно принадлежитъ не дворянамъ, а капиталистамъ. Но безъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ, приписываемыхъ справедливо дворянству, и которыя если принадлежать ему, то должны принадлежать дворянину независимо отъ того, владѣетъ ли онъ землею или нѣтъ—безъ этихъ свойствъ, говоримъ мы, и безъ устойчивости, чѣмъ же можетъ рекомендовать себя землевладѣніе въ полученію особыхъ въ государствѣ правъ, особой роли въ мѣстной администраціи и особаго, признаннаго законами вліянія, болѣе чѣмъ вообще капиталъ во всякой его формѣ? Почему лѣсопромышленникъ, аптекарь, содержатель кассы ссудъ, если они приобретутъ имѣнія—какъ то нерѣдко случается нынѣ и все чаще должно случаться впредь,—должны получать болшія права, пользоваться болшимъ авторитетомъ въ государствѣ, чѣмъ въ то время, когда капиталъ ихъ представлялся не количествомъ десятинъ, но дровянымъ дворомъ, аптекою и ссудною конторой? Неужели на покупныя деньги, данныя за имѣніе, они вмѣстѣ съ владѣніемъ записью приобретутъ „охранительныя“ свойства?

Разсуждая такимъ образомъ, мы должны были становиться на точку зрѣнія, признающую нравственные преимущества дворянскаго сословія. Намъ достаточно было показать, что и принявъ ее, невозможно ожидать созданія въ Россіи дворянства въ смыслѣ сословно-политической силы въ государствѣ. Надѣлать особыми политическими правами, по участию въ мѣстномъ управленіи, многочисленный классъ, представляющій наличность русскаго дворянства, нѣтъ возможности. Надѣлать же такими правами землевладѣніе—не значитъ надѣлать ими дворянство и не значитъ создавать прочную, наследственную, сословную силу, живущую однимъ духомъ, потому что сословіе владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ Россіи въ недалекомъ будущемъ будетъ столь же однородно, какъ сословіе владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ, то-есть, доновладѣльцевъ.

Справедливо, что и у владѣльцевъ петербургскихъ домовъ есть свои общіе интересы матеріальные. Но можно ли признать совокупность этихъ владѣльцевъ сословіемъ въ смыслѣ живого, прочнаго организма, имѣющаго нравственную связь, соединеннаго однимъ духомъ, имѣющаго свою нравственную физиономію, короче—соединяющаго тѣ именно свойства, безъ которыхъ немислимъ какой-либо политической авторитетъ?

Или предполагаютъ, что возможно будетъ устроить двойное землевладѣніе—землевладѣніе дворянское, участвующее въ мѣстномъ управленіи, и землевладѣніе не-дворянское, лишенное такого участія? Но въ такомъ случаѣ, пусть уже не ссылаются на Англію, въ которой не только нѣтъ слѣдовъ подобнаго разграниченія, но и само дворянство не ограничено отъ прочихъ сословій никакимъ оффиціальнымъ удостовѣреніемъ о благородствѣ происхожденія. Это уже значило бы создавать въ Россіи нѣсколько искаженное подражаніе тѣмъ самымъ Rittergüter, которыя теперь и въ Пруссіи утратили свои исключительныя права по мѣстному управленію. Если для участія въ мѣстномъ управленіи будутъ требоваться два условія: въ-первыхъ, земельный цензъ, во-вторыхъ, дворянское происхожденіе, то это будетъ нѣчто совершенно оригинальное, нигдѣ несуществующее и противорѣчащее всякой справедливости. Неужели же владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, если онъ не дворянинъ, можетъ быть лишенъ участія въ мѣстномъ управленіи, какое получить дворянинъ, владѣющій сотнями десятинъ? Исходъ изъ всей этой путаницы—одинъ, и этотъ исходъ въ Россіи уже найденъ: землевладѣніе, какъ фактъ, основанный на капиталѣ, можетъ представлять только экономическій, но не нравственный элементъ, и вотъ ему, на ряду съ прочими экономическими элементами, отведено уже подобающее и весьма значительное мѣсто въ кругу мѣстнаго управленія—въ земскихъ учрежденіяхъ. Нѣтъ никакого основанія создавать капиталу, представляемому землевладѣніемъ, какое либо положеніе внѣ этихъ учреждений, и предоставленіе ему такого отдѣльнаго положенія было бы дѣломъ искусственнымъ, несоотвѣтствующимъ русской жизни. Отдѣльное положеніе все-таки не дало бы нашему разнохарактерному, безпрерывно обновляющемуся землевладѣнію ни общаго духа, ни солидарности, ни устойчивости, ни нравственнаго авторитета, ни охранительныхъ свойствъ, которыя, какъ свойства нравственныя, не могутъ приобрѣтаться одной покупкой земли.

Что касается дворянства вообще, независимо отъ факта владѣнія или невладѣнія землею, мы не можемъ не признать, что говоря вообще, дворянскій классъ—самый образованный классъ въ Россіи, прибавимъ, единственный, который хоть сколько-нибудь могъ усвоить себѣ наслѣдственно привычку понимать свои права. Мы готовы

согласится, что русская печать сдѣлала не мало ошибокъ въ своемъ отношеніи къ дворянству, которое въ Россіи совсѣмъ не заражено тѣмъ духомъ исключительности и наклонности къ реакціи, какимъ оно отличается въ Пруссіи. Но хорошія свои свойства русское дворянство сохранить независимо отъ всякаго привилегированнаго положенія, да притомъ, какое же привилегированное положеніе можно дать столь многочисленному классу? Объ этомъ не думаютъ и сами провозвѣстники „дворянской идеи“. Они когда говорятъ о дворянствѣ и его нравственныхъ свойствахъ, то разумѣютъ собственно землевладѣніе. А землевладѣніе, въ Россіи открытое для всѣхъ, какъ всѣ прочіе промыслы, и одинаково неустойчивое, можетъ и не имѣть такихъ нравственныхъ свойствъ.

Предшествующія соображенія имѣли цѣлью одно: выяснить, что въ рескриптѣ 25 декабря нѣтъ возможности видѣть „перваго шага“ къ такъ-называемому „обновленію дворянскаго учрежденія“, къ предоставленію дворянству роли сословно-политической силы, которая не можетъ быть создана закономъ, когда не существуетъ въ дѣйствительной жизни. Призывъ къ попеченію о народной школѣ обращенъ къ дворянству прямо, какъ къ просвѣщеннѣйшему классу, и если при этомъ органами дворянства избраны сословные его представители, то иначе и быть не могло, и это все-таки не значить, что школа поручается опеку землевладѣнія; дворянство призывается къ ней только какъ просвѣщеннѣйшая часть общества. Изъ этого шага логически не вытекаетъ потребности никакихъ иныхъ шаговъ. Одно дѣло призвать образованное меньшинство, хотя бы въ лицѣ одного сословія, къ попеченію о школѣ, и совершенно иное дѣло—дать меньшинству, одному сословію, преобладаніе въ управленіи экономическими и административными интересами всего народа. Предводители дворянства могутъ быть попечителями народныхъ школъ безъ нарушенія чьихъ либо интересовъ, какъ и доселѣ почетные смотрители или попечители училищъ разныхъ степеней были, по большей части, именно дворяне. Но они не должны и — насколько намъ извѣстенъ характеръ русскаго дворянства—не будутъ считать себя при отправленіи этой обязанности представителями интересовъ одного сословія, но будутъ смотрѣть на себя, какъ на органы всего класса просвѣщенныхъ людей, что и будетъ вполне согласно съ точнымъ смысломъ рескрипта 25-го декабря.

Исторія народной школы въ Россіи въ теченіи послѣднихъ лѣтъ 18-ти представляетъ пока скорѣе исторію различныхъ „направленій“, предложенныхъ для школы, чѣмъ исторію фактическую. Для того чтобы опредѣлить значеніе нынѣшняго предначертанія о передачѣ ближайшаго участія въ управленіи и самомъ устройствѣ народной

школы обществу, въ лицѣ предводителей дворянства, необходимо оставить его въ связь съ прошедшимъ.

Министерство народнаго просвѣщенія въ 1861 году вносило въ государственный совѣтъ предположеніе о томъ, чтобы все дѣло начальнаго образованія, всѣ народныя школы совершенно изъять изъ вѣдомства этого министерства и передать синоду, такъ чтобы наблюденіе за народными школами и самое преподаваніе въ нихъ принадлежали исключительно духовенству. Впослѣдствіи, другой министр народнаго просвѣщенія, Е. П. Ковалевскій, высказывалъ мнѣніе, чтобы въ надзорѣ за народнымъ образованіемъ приняло дѣятельное участіе само общество, доказывая, что при устраненіи отъ нихъ общества, нельзя ожидать, чтобы оно дѣлало значительныя затраты на ихъ содержаніе, а у правительства не можетъ быть ни достаточно средствъ для содержанія ихъ, ни достаточно надежныхъ лицъ для односторонняго за ними наблюденія. Хотя предположеніе предшественника Е. П. Ковалевскаго о передачѣ всѣхъ народныхъ школъ духовенству и не прошло, но судьба ихъ оставалась еще нерѣшенной. Бывшій предсѣдатель государственнаго совѣта, графъ Блудовъ, высказывалъ мысль, что духовенство можетъ дать народнымъ школамъ 35 тысячъ учителей, что лучшими наставниками для народныхъ школъ могутъ быть духовные семинаристы, въ ожиданіи священническихъ мѣстъ, и что всѣ суммы, какія правительство можетъ назначить на дѣло начальнаго образованія, лучше всего обратить на добавочное содержаніе духовенству за труды его по народнымъ школамъ. Посмертная записка гр. Блудова, составленная въ такомъ смыслѣ, читалась въ государственномъ совѣтѣ не за-долго до внесенія въ это собраніе проекта положенія о начальныхъ училищахъ, составленнаго преемникомъ Е. П. Ковалевскаго въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія, А. В. Головиннымъ. Положеніе это подчиняло всѣ народныя школы министерству народнаго просвѣщенія; для наблюденія и попечительства надъ ними учреждались училищныя совѣты губернскіе и уѣздные, изъ членовъ отъ министерства просвѣщенія и выборныхъ членовъ отъ земства. Но сообразно требованіямъ того времени, въ составъ этихъ училищныхъ совѣтовъ вошли еще члены отъ духовнаго вѣдомства и отъ министерства внутреннихъ дѣлъ; самое предсѣдательство въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ предоставлено было архіерею. Положеніе это было утверждено. Вслѣдъ затѣмъ, тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, справедливо полагая, что одно устройство наблюденія за народными школами въ такой странѣ, гдѣ прежде всего мало самыхъ школъ и вовсе нѣтъ удовлетворительныхъ для нихъ учителей, еще не разрѣшаетъ вопроса о народномъ образованіи, составило

предположеніе объ учрежденіи свѣтскихъ учительскихъ семинарій на счетъ государства, для приготовленія народныхъ учителей.

Такимъ образомъ, дѣло, казалось, было поставлено, наконецъ, на прямой путь и требовало только поддержанія. Но въ 1866 году, за новой переимѣной въ управленіи министерствомъ народнаго просвѣщенія, внезапно переимѣнились и всѣ взгляды на вопросъ. Новое министерство усвоило себѣ такое возрѣніе, что учреждать учительскихъ семинарій не нужно, что въ Россіи въ нихъ не чувствуется надобности, что наше духовенство само способно дать народному образованію нравственно-религіозное направленіе, что учить въ школахъ должны духовныя лица и неимѣющіе мѣста семинаристы, получая за то вознагражденіе. Въ этихъ видахъ, въ духовныхъ семинаріяхъ предположено было ввести преподаваніе педагогики. Что касается надзора за народными школами, то новое министерство просвѣщенія не думало упускать его изъ своихъ рукъ, но зато, мало по малу, начиная съ 1869 года, когда была учреждена должность губернскихъ инспекторовъ народныхъ училищъ, состоящихъ членами губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, но непосредственно подчиненныхъ попечителю, а чрезъ него—министру, стало оказывать предпочтеніе чисто административному, централизованному надзору за народными школами, предъ содѣйствіемъ этому дѣлу общества въ лицѣ училищныхъ совѣтовъ, съ ихъ земскими членами. Въ положеніи 1871 года о городскихъ училищахъ ни земству, ни городскимъ обществамъ не было предоставлено никакого участія въ наблюденіи за ними, несмотря на то, что высказывалось ожиданіе матеріальнаго содѣйствія и городскихъ обществъ, и земства къ учрежденію такихъ училищъ. „Журналъ Министерства Нар. Просв.“ сталъ прямо высказывать неудовлетворительность училищныхъ совѣтовъ и необходимость сосредоточить наблюденіе за народными школами прямо въ рукахъ инспекторовъ министерства.

Въ этомъ смыслѣ и былъ составленъ министерствомъ проектъ, внесенный въ государственный совѣтъ въ концѣ 1872 года. Въ этомъ проектѣ предполагалось учредить обширное чисто административное наблюденіе за школами, съ учрежденіемъ директоровъ народныхъ школъ въ губерніяхъ и инспекторовъ въ ихъ уѣздахъ, при значительныхъ окладахъ содержаніе. Училищные совѣты уже предположено было подчинить этимъ директорамъ и инспекторамъ, прямо подвѣдомственнымъ попечителю; имъ поручалось предсѣдательство въ училищныхъ совѣтахъ, которые, для виду сохраняемые, обращались въ сущности въ совѣты инспекторовъ. Министерство высказывало при этомъ мысль, что для удовлетворительнаго устройства такого надзора необходимо было бы отпускать изъ государственнаго казначейства до 800 т. рублей въ годъ, и только въ виду финансо-

внѣхъ соображеній соглашалось ограничиться назначеніемъ на инспекцію вновь около 300 т. р., вдобавокъ къ нынѣ отпускаемымъ 68 т. р., и предполагало усилить инспекцію новыми 142 чиновниками.

Проектъ этотъ и доселѣ не былъ взятъ назадъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а напротивъ, въ финансовую смѣту на 1874 годъ имъ включено было на народныя училища 1,098,701 рубль, въ каковой суммѣ почти все превышеніе противъ прошлаго года, составляющее 337,464 рублей, представляло именно новое пожертвованіе, требуемое отъ государственнаго казначейства на усиленіе инспекціи народныхъ училищъ: вновь прибавлены два инспектора по дерптскому округу, а сверхъ нихъ окладовъ, почти вся остальная сумма, болѣе 300 т. р., представляетъ расходъ на содержаніе предположенныхъ министерствомъ въ учрежденію дирекцій народныхъ училищъ.

Что касается возможности обойтись для преподаванія въ народныхъ училищахъ духовными семинаристами, чашими мѣсть, то въ этомъ отношеніи можно было думать, что министерство впослѣдствіи отреглось отъ прежнихъ своихъ взглядовъ, такъ какъ оно въ 1871 году обратилось къ учрежденію учительскихъ институтовъ, по одному на каждый учебный округъ, и такимъ образомъ стало осуществлять мысль прежняго министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи учительскихъ семинарій. По этому предмету мы встрѣтили, однако, свѣжій фактъ довольно загадочнаго свойства. Извѣстно, что одна московская газета всегда по меньшей мѣрѣ *знаетъ* впередъ предположенія министерства просвѣщенія. И вотъ въ ней, въ этой газетѣ, мы нашли въ статьѣ по поводу рескрипта 25 декабря, между прочимъ, слѣдующія замѣчательныя строки:

„Одною изъ главныхъ задачъ, при дальнѣйшемъ развитіи нашей народной школы должно быть приведеніе ея въ болѣе плодотворную связь съ церковными учрежденіями, чему уже и положено начало послѣдними реформами по духовному вѣдомству. Наиболѣе призванными наставниками народной школы должны считаться молодые люди, окончившіе курсъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и готовые принять священство, но обязанные ждать возраста, требуемаго канонами, котораго дѣйствіе возобновлено у насъ въ послѣднее время. Веденіе школы есть лучшее приготовленіе къ священству, и лицамъ, предназначающимъ себя къ оному, могло бы быть поставлено въ обязанность, не безъ пользы для нихъ и съ великою пользою для народнаго просвѣщенія, предварительное служеніе на учебномъ поприщѣ. Такъ называемыя учительскія семинаріи, долженствующія специально готовить учителей для народныхъ школъ, составляютъ въ настоящее время неоспоримую потребность, въ виду множества непрерывно возникающихъ народныхъ училищъ; но намъ кажется, что главный запасъ учительскихъ силъ для народныхъ школъ должно доставлять духовенство, и что всякое распоряженіе, которое поощритъ и побудитъ людей церкви къ этого рода дѣятельности, было бы полезнѣе, чѣмъ размноженіе, свыше надобности (?), особнхъ, не находящихся въ связи съ церковью учительскихъ семинарій, и что значительныя суммы, которыя требуются на содержаніе этихъ учительскихъ семинарій, тратились бы съ болѣею пользою на улучшеніе быта сельскихъ учителей, получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и ожидающихъ очереди священства.

„Но каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы нашей народной школы, какъ бы въ послѣдствіи ни установилась связь ея съ церковью, народная школа все-таки останется дѣломъ свѣтскаго управленія, въ настоящее же время“ и т. д.

Читатели видятъ, что „Моск. Вѣд.“, изъ которыхъ мы заимствовали это мѣсто, предвидятъ для народной школы у насъ такое *дальнѣйшее развитіе* и *дальнѣйшія судьбы*, которыя составляли бы новый поворотъ назадъ, къ возрѣніямъ гр. Путятина и гр. Блудова на учительство въ народныхъ школахъ, и къ первоначальнымъ возрѣніямъ самого нынѣшняго министерства. Но отъ всего подобнаго гарантируетъ насъ рескриптъ 25-го декабря.

Какое же положеніе создается нынѣ народной школою рескриптомъ 25 декабря и какое значеніе получаютъ его указанія въ связи съ прошедшимъ? Въ рескриптѣ, въ числѣ первыхъ указаній на тѣ основы, которыя предначертаны верховной властью для устройства и размноженія народныхъ училищъ, упоминается слѣдующее: „Озаботася равно о томъ, чтобы свѣтъ благого просвѣщенія распространялся во всѣхъ слояхъ населенія, *Я повелѣлъ учредить учительскіе институты и семинаріи* для приготовленія наставниковъ народныхъ училищъ, городскихъ и сельскихъ.“ Слова эти намъ поручаютъ, что это бы ни раздѣляло возрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ о сравнительной малополезности „размноженія свыше надобности. особыхъ, не находящихся въ связи съ церковью учительскихъ семинарій“, тому придется отказаться отъ надежды на приведеніе подобныхъ взглядовъ въ исполненіе.

Относительно порядка наблюденія за народными школами, рескриптъ 25 декабря представляетъ не менѣе важное указаніе. Не смотря на усиленныя съ 1866 года заботы объ устраненіи отъ народной школы всякихъ вредныхъ вліяній, посредствомъ предоставленія преподаванія въ ней по возможности лицамъ вышедшимъ изъ духовныхъ учебныхъ заведеній и посредствомъ учрежденія особыхъ, непосредственныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенія, инспекторовъ для наблюденія за народною школою, усилія эти, къ сожалѣнію, далеко не привели къ успѣху. Оказалось необходимымъ, чтобы сама державная мысль, пекущаяся о благѣ народа, высказала опасеніе, что то, чтó должно служить къ просвѣщенію, „могло бы, при недостаткѣ попечительнаго наблюденія, быть обращено въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, къ чему уже обнаружены нѣкоторыя попытки“. Перемѣна при томъ предположена уже не въ смыслѣ продолженія прежняго пути, съ умноженіемъ числа прежнихъ органовъ наблюденія, то-есть инспекторовъ, но въ совершенно иномъ направленіи. Верховная власть указываетъ устранить недостатокъ попечительнаго наблюденія за народною школою, при помощи содѣйствія всего просвѣщеннаго общества, и въ видѣ органовъ его при-

зывается къ наблюдению за школой мѣстныхъ предводителей дворянства.

Въ какой формѣ опредѣлится участіе предводителей дворянства въ дѣлѣ размноженія народныхъ училищъ и наблюдения за ними это мы увидимъ, когда будутъ изданы возвышенныя рескрипты постановленія. Будутъ ли при этомъ сохранены нынѣшніе училищныя совѣты или нѣтъ, и въ какомъ видѣ новая обязанность предводителей дворянства будетъ соглашена съ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ—вотъ два вопроса „формы“, которые возникаютъ при этомъ. Но выше всякаго вопроса формы стоитъ здѣсь потребность, чтобы верховной волѣ было дано дѣйствительно достаточное примѣненіе, чтобы предводителямъ дано было въ этомъ дѣлѣ участіе широкое и плодотворное. Ясно, что нельзя идти одновременно путемъ мѣстнаго общественнаго надзора за школою и путемъ усиленія, централизованнаго бюрократическаго за нею надзора, который уже оказался недостаточнымъ. Проектъ министерства народнаго просвѣщенія объ усиленіи административной инспекціи теперь, за силою рескрипта 25 декабря, будетъ вѣроятно взять назадъ уже по одному тому соображенію, что не можетъ быть основанія призывать для наблюдения за школами 142 новыхъ чиновниковъ и затрачивать на это вновь 300 т. рублей, когда для болѣе вѣрнаго достиженія той же цѣли, призывается уже столько лицъ, сколько есть губерній и уѣздовъ, а именно, всѣ предводители дворянства, которые обязанность эту будутъ исполнять, не отягощая государственную казну никакимъ новымъ пожертвованіемъ. И этому послѣдствію рескрипта можно будетъ только радоваться: на казнѣ лежитъ столько государственныхъ потребностей, что тѣ средства, какія она можетъ удѣлять народнымъ школамъ должны уже всецѣло быть обращаемы на самое устройство школъ и пособія имъ, а не уменьшаемы значительными расходами на одинъ надзоръ по щедро составленнымъ штатамъ.

Забота о распространеніи просвѣщенія въ народѣ выразилась и въ другомъ актѣ, еще большей государственной важности, обнаруженномъ при началѣ года. „Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все наше царствованіе“—такія знаменательныя слова содержатся въ манифестѣ о введеніи общеобязательной воинской повинности. „Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы, и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ Намъ отъ Бога, почитаемъ вести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ и не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правиль-

ный и непрерывный ход онаго, ограждая безопасность государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруемая же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ въ распространенію въ народѣ Нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ Мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія“. Драгоцѣнное завѣреніе, что верховная власть не намѣрена отступать отъ началъ, которыми слѣдовала доселѣ во все время царствованія, представлявшаго рядъ великихъ реформъ, имѣеть великое значеніе, превосходящее далеко и самыя предѣлы нынѣ объявляемой реформы, то-есть воинскаго преобразованія. За этими словами, надо надѣяться, умолкнуть, наконецъ, всякіе недоброжелательные именно мирному преуспѣянію Россіи и всестороннему внутреннему ея развитію слухи о неизбѣжномъ будто-бы отступленіи назадъ отъ началъ преуспѣянія и развитія къ застою, безгласности и бюрократизму до-реформеннаго времени.

Что касается образовательнаго значенія вводимой нынѣ воинской повинности, обстоятельства сложились такъ, что мѣ, сказать правду, ожидаемъ даже болѣе для распространенія начальнаго образованія въ народѣ отъ основъ воинской повинности, какъ онѣ были выработаны въ военномъ вѣдомствѣ, чѣмъ отъ непосредственныхъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія о народной школѣ. Военное управленіе даетъ большую цѣну начальному образованію: полковыя школы, о которыхъ оно много заботится, уже доселѣ успѣли создать въ арміи огромный контингентъ грамотныхъ; въ полкахъ гвардіи уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ грамотныхъ солдатъ было болѣе, чѣмъ не грамотныхъ (въ нѣкоторыхъ полкахъ $\frac{3}{4}$ всего числа солдатъ грамотны). Если полковыя школы достигаютъ такихъ результатовъ, поучая рекрутъ, въ средѣ которыхъ грамотные составляютъ только 11%, то понятно, какое огромное вліяніе онѣ получаютъ, когда чрезъ каждыя пять лѣтъ будетъ возобновляться весь наличный составъ постоянной арміи. Полковыя школы получаютъ народное значеніе. Но и самыя льготы по образованію, то-есть, установленіе въ уставѣ о воинской повинности сокращенныхъ сроковъ службы для получившихъ образованіе, послужать могущественнымъ рычагомъ къ расширенію образованія.

Сроки эти установлены уставомъ совершенно согласно съ предположеніями комиссіи, выработывавшей проектъ, при военномъ вѣдомствѣ: для окончившихъ курсъ въ университетахъ, и другихъ училищахъ перваго разряда, срокъ дѣйствительной службы, по жребію, устанавливается въ 6 мѣсяцевъ; для окончившихъ курсъ шести классовъ гимназій и реальныхъ училищъ и втораго класса духовныхъ семинарій—1 $\frac{1}{2}$ года, для окончившихъ курсъ прогимназій и училищъ

3-го разряда—3 года, для имѣющихъ свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, опредѣленнаго положеніемъ о нихъ 1864 года,—4 года. И такъ, народная школа будетъ сокращать на дѣлюю треть срокъ дѣйствительной службы въ арміи. Можно себѣ представить, какъ бросится въ нее все подростящее мужское населеніе! Нѣтъ ничего преувеличеннаго въ предположеніи, что уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, процентъ грамотныхъ рекрутъ, поступающихъ въ войска возрастетъ съ 11 до 25, а лѣтъ черезъ 10 и до 50 процентовъ. Нѣтъ сомнѣній, что все подростящее поколѣніе пожелаетъ учиться, и все затрудненіе будетъ лишь въ томъ, что народныхъ школъ мало, что число учителей ничтожно въ сравненіи съ будущимъ числомъ учениковъ. А у насъ еще предполагалось жертвовать лѣтъ 300 т. р. на одну инспекцію! Вѣдь уже на одѣ эти деньги можно содержать тысячу народныхъ школъ.

Великая мысль внушила то положеніе устава о воинской повинности, которое устанавливаетъ такое громадное подспорье для хода народнаго образованія. Не слѣдуетъ забывать и заслуги комиссій, учрежденной при военномъ вѣдомствѣ, которая первоначально предложила сокращенные сроки для кончившихъ курсъ всѣхъ степеней, въ томъ числѣ и самой низшей. Предоставленіе льготы низшей, народной школѣ, пожалуй, еще важнѣе, чѣмъ предоставленіе льготъ школамъ высшимъ. Сколько извѣстно, при обсужденіи вопроса о льготахъ по образованію, въ особомъ присутствіи, учрежденномъ при государственномъ совѣтѣ, большинство членовъ склонялось въ пользу уменьшенія льготъ, проецированныхъ комиссіею военнаго вѣдомства для училищъ двухъ высшихъ разрядовъ. Вѣдомство, къ кругу дѣйствій котораго специально относится просвѣщеніе, по слухамъ, находило эти льготы по образованію преувеличенными и полагало заставить молодыхъ людей, получившихъ высшее и среднее образованіе служить въ рядахъ арміи гораздо болѣе продолжительное время, чѣмъ то было признаваемо за нужное военнымъ министерствомъ. За послѣднимъ останется навсегда та заслуга, что оно сдѣлало для успѣховъ просвѣщенія въ Россіи болѣе, чѣмъ могла, или хотѣла сдѣлать какая-либо изъ сторонъ, участвовавшихъ въ выработкѣ проекта. Мудрость верховной власти рѣшила вопросъ въ пользу его предположеній; она усмотрѣла необходимость „дарованія важныхъ преимуществъ молодымъ людямъ, получившимъ образованіе“, и Высочайшій манифестъ 1 января прямо указываетъ въ дарованіи такихъ важныхъ преимуществъ „новое орудіе къ распространенію истиннаго просвѣщенія“.

Нашъ новый законъ, справедливо соображаясь въ такомъ бытовомъ вопросѣ прежде всего съ мѣстными условіями, вполне логически провелъ мысль о распредѣленіи сроковъ. Однажды приз-

насъ необходимымъ введеніе у насъ срока гораздо болѣе продолжительнаго, двойнаго противъ того, какой принять въ Пруссіи, и объясняя необходимость его меньшей развитостью массы населенія у насъ, законъ долженъ былъ значительно сократить этотъ срокъ для лицъ, представляющихъ достаточныя условія умственнаго развитія. Сверхъ того, необходимость охранить отъ сколько нибудь продолжительныхъ перерывовъ дѣятельность гораздо менѣе многочисленныхъ у насъ, чѣмъ въ Германіи, лицъ съ высшимъ образованіемъ, нашъ законъ вполне рационально установилъ для нихъ службы въ рядахъ сроки, по возможности, краткіе, не освободивъ ихъ вовсе отъ военной службы единственно съ той цѣлью, чтобы не нарушить принципа ея общеобязательности.

Учрежденіе вольноопредѣляющихся, въ которыхъ въ Пруссіи и проявляется льгота по образованію, вводится и у насъ. Оно связано у насъ съ особымъ сокращеніемъ сроковъ. Лица, поступающія въ службу внѣ жребія, по собственному желанію, будутъ служить: окончившіе курсъ училищъ 1-го разряда—3 мѣсяца (вмѣсто 6-ти), 2-го разряда—6 мѣсяцевъ (вмѣсто 1½ года), и выдержавшіе испытаніе по особой программѣ, соотвѣтствующей курсу 3-го разряда—2 года (вмѣсто 3-хъ). Это послѣднее сокращеніе кажется недостаточнымъ: едва ли есть расчетъ добровольно идти въ службу для сокращенія ея на годъ, когда по жребію рискъ составляетъ всего 1 на 3.

Замѣтимъ, что при льготахъ по образованію, совершенно равная льгота предоставляется тѣмъ воспитанникамъ гимназій, которые прошли чрезъ VII классъ и получили, такъ-называемый, аттестатъ зрѣлости: они будутъ служить по жребію 1½ года, по охотѣ 6 мѣсяцевъ, наравнѣ съ своими товарищами, кончившими курсъ только первыхъ шести классовъ. Вольноопредѣляющіеся пользуются правомъ избирать часть войскъ, въ которой желаютъ служить; въ гвардіи и кавалеріи они содержатся на свой счетъ, въ прочихъ частяхъ, если не изъявятъ желаніе содержать себя—что предоставляетъ имъ право жить на вольныхъ квартирахъ, за исключеніемъ лагернаго времени—содержатся на казенный счетъ. Впрочемъ льгота, въ силу которой окончившіе курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, добровольно опредѣляясь въ армію, служатъ столь краткій срокъ—всего три мѣсяца, не представляетъ само по себѣ ничего новаго. По дѣйствовавшимъ доселѣ правиламъ отбыванія воинской повинности, такимъ вольноопредѣляющимся предоставлялось право производства въ офицеры чрезъ три мѣсяца, воспитанникамъ же среднихъ учебныхъ заведеній—чрезъ годъ.

Льготы по образованію представляютъ ту сторону новаго устава воинской повинности, которая наиболѣе важна для хода внутрен-

ного развитія. Что касается общихъ положеній, то здѣсь на первомъ планѣ представляется окончательное уравненіе сословій передъ закономъ отъѣною изъятій отъ воинской повинности и льготъ при ея отбываніи—по происхожденію; на второмъ—сокращеніе общаго срока службы въ войскахъ.

Относительно необходимости отъѣны изъятій отъ службы по происхожденію не могло быть сомнѣнія. До настоящаго времени въ имперіи освобождались отъ службы въ рядахъ по происхожденію всѣ лица, не принадлежащія къ податнымъ сословіямъ и, сверхъ того, нѣсколько разрядовъ податныхъ, какъ то: колонисты, амщики въ Петербургѣ, Тоснѣ и Ижорѣ, всѣ сибирскіе инородцы, русскіе учителя отдаленныхъ мѣстностей Сибири, самоѣды, бѣлопапцы, законные дѣти, воспитанные въ сиротскихъ домахъ и т. д. Въ царствѣ польскомъ же и доселѣ наборъ производился со всѣхъ сословій, на основаніи удержаннаго тамъ французскаго начала конскрипціи. Сверхъ того, для изъятыхъ отъ повинности, но вступавшихъ въ ряды по охотѣ, существовали льготы по происхожденію: такъ, потомственные дворяне обязаны были прослужить въ рядахъ, до производства въ первый классный чинъ, только два года; соответствующая льгота предоставлялась почетнымъ гражданамъ, лицамъ духовнаго происхожденія, сыновьямъ купцовъ первыхъ двухъ гильдій— всѣ они служили до производства въ первый классный чинъ 4 года. Всѣ такія изъятія и льготы по происхожденію нынѣ отъѣняются. За исключеніемъ священно-служителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и православныхъ псаломщиковъ, кончившихъ курсъ въ какихъ либо духовныхъ училищахъ, всѣ обязаны служить. При этомъ допускаются изъятія только въ видѣ прямого отчисленія въ запасъ для лицъ, состоящихъ въ нѣкоторыхъ званіяхъ, а также по семейному положенію. Наконецъ, для числящихся въ запасѣ, но занимающихъ численныя въ законѣ должности въ государственной и общественной службѣ, положена та льгота, что они не могутъ быть призываемы изъ запаса на дѣйствительную службу. Но все это изъятія личныя, а не сословныя.

Кромѣ полной свободы отъ воинской службы, признававшейся доселѣ за привилегированными сословіями, широкой дорогой для изъятій на дѣлѣ представлялось право замѣны или выкупа, которыми могли пользоваться податныя сословія. Это право совершенно отъѣняется. Исполненіе воинской повинности, имѣвшее доселѣ характеръ повинности общественной, такъ какъ рекруты требовались отъ обществъ, которымъ засчитывались и поставленные рекруты и представляемые обществами рекрутскія квитанціи,—отнынѣ становится обязанностью *личною*; повинность падаетъ уже на лице, а не на общество, къ которому оно принадлежитъ.

Новый уставъ распредѣляетъ вооруженныя силы государства на двѣ части: I—*постоянныя войска*, которыя состоятъ изъ 1) *арміи* и флота, пополняемыхъ ежегодными наборами; 2) *запаса* арміи и флота, который служитъ для приведенія войскъ въ полный составъ и состоитъ самъ изъ людей уволенныхъ изъ дѣйствительной службы до выслуги полного срока всей службы; 3) казачьихъ войскъ, и войскъ, образуемыхъ изъ инородцовъ; и II—*ополченіе*, которое созывается только въ чрезвычайныхъ основаніяхъ военного времени. Наборъ производится посредствомъ жребія который вынимается однажды на всю жизнь. Кто вынетъ жребій, освобождающій отъ набора, тотъ прямо зачисляется въ ополченіе, т. е., не идетъ на дѣйствительную службу и не зачисляется въ запасъ. Къ жребію призывается тотъ возрастъ населенія, который состоитъ изъ молодыхъ лѣтъ, коимъ въ 1 января года набора минуло 20 лѣтъ отъ роду. Общій срокъ службы въ сухопутныхъ войскахъ, по жребію, опредѣленъ въ 15 лѣтъ, изъ коихъ *шесть* лѣтъ дѣйствительной службы и *девять* лѣтъ въ запасѣ: во флотѣ 10 лѣтъ, изъ коихъ 7 лѣтъ дѣйствительной службы и 3 года въ запасѣ. Прослужившіе срокъ въ дѣйствительной службѣ зачисляются въ запасъ. Всѣ же, освобожденные жребіемъ, зачисляются прямо въ ополченіе, въ которомъ и состоятъ съ 20-ти до 40-ка лѣтъ отъ роду. Но и тѣ лица, которыя уже прослужили свои сроки въ запасѣ арміи и флота, не увольняются до 40 лѣтъ отъ роду отъ призыва въ ополченіе. И такъ, по общему сроку, молодой человѣкъ 20-ти лѣтъ обязанъ находиться 6 лѣтъ подъ знаменами (время это можетъ сокращаемо на 1 годъ посредствомъ отпусковъ), затѣмъ 9 лѣтъ состоятъ въ запасѣ, наконецъ, еще 5 лѣтъ числиться въ ополченіи. Ополченіе раздѣляется на два разряда, изъ которыхъ первый, состоящій изъ людей уволенныхъ отъ службы при послѣднихъ четырехъ призывахъ, можетъ быть, въ случаѣ недостатка въ наличномъ составѣ постоянныхъ войскъ, обращаемъ и на пополненіе ихъ; второй же разрядъ, состоящій изъ людей 24—40 лѣтъ отъ роду, служитъ только для образованія частей ополченія.

Вотъ основныя черты новаго устройства арміи. Что установленный нынѣ срокъ пребыванія подъ знаменами, вдвое большій, чѣмъ тотъ, какой существуетъ въ Пруссіи, представляется намъ слишкомъ продолжительнымъ—это мы излагали уже съ нѣкоторой подробностью въ прошломъ году, при обсужденіи предполагавшихся основъ военной реформы, и въ настоящую минуту не будемъ возвращаться къ этому вопросу. Мы удерживаемъ также свое мнѣніе о томъ, что льготы по образованію могли касаться и сокращенія срока состоянія въ запасѣ. Цѣлью нашею теперь было только представить въ краткомъ очеркѣ окончательное рѣшеніе этого дѣла о преобразованіи воинской

повинности и указать въ особенности на громадное его значеніе для ускоренія хода народнаго образованія въ Россіи. Но не слѣдуетъ забывать, что льготы, предоставляемыя образованію этимъ уставомъ, могутъ усилить въ народѣ только *побужденіе* учиться; средствъ же для удовлетворенія этого побужденія онѣ не создаютъ, и въ этомъ отношеніи требуется самая энергическая дѣятельность со стороны спеціальнаго вѣдомства просвѣщенія, съ рѣшительной пережѣвкою его первоначальныхъ взглядовъ на дѣло приготовленія народныхъ учителей, и усердной неуклонной работою въ смыслѣ, указанномъ рескриптомъ 25 декабря на имя министра народнаго просвѣщенія, а именно, при содѣйствіи общественнаго элемента, — представителемъ котораго, въ настоящемъ случаѣ, избрано не одно духовенство, а преимущественно дворянство въ лицѣ своихъ выборныхъ представителей.

Въ концѣ прошлаго года, на Выборгской сторонѣ происходило открытіе новой Клиники, основанной на часть капитала, завѣщаннаго въ 1854 г. извѣстнымъ баронетомъ Вилліе, лейбъ-медикомъ имп. Александра I; баронетъ оставилъ для этой цѣли сумму болѣе милліона рублей. Корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“, сообщая объ открытіи этой Клиники (№ 3), припоминаетъ, что этотъ же Вилліе еще въ 1841 году устроилъ стипендію, для которой представилъ министерству народнаго просвѣщенія сто тысячъ рублей ассигнац. съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ этого капитала воспитывать и готовить на службу въ военное вѣдомство отлично-образованныхъ врачей-наставниковъ; къ этому присоединены были условія, которыя долженъ былъ выполнять стипендіатъ. „И что же?—восклицаютъ въ „Москов. Вѣд.“ — ни единого пункта выраженного здѣсь (въ условіяхъ) нынѣ не приводится въ исполненіе. Никакой совѣтъ никакого университета не назначаетъ „по конкурсу изъ окончившихъ въ немъ курсъ студентовъ“ стипендіата баронета Вилліе. Никакого „экзамена на степень доктора въ назначенное совѣтомъ университета время“ не держатъ этотъ миѳическій стипендіатъ. Министерство Просвѣщенія, „въ распоряженіе“ котораго желалъ баронетъ Вилліе предоставить и капиталъ во сто тысячъ рублей, опредѣленный имъ на стипендію, и „выборъ мѣста, гдѣ пансіонеръ его долженъ обучаться медицинѣ“, не распоряжается ни тѣмъ, ни другимъ. Капиталомъ этимъ владѣетъ все то же военное вѣдомство, и располагаетъ имъ по своему произволу. *Произошло это въ то время, когда Министромъ Народнаго Просвѣщенія управлялъ статсъ-секретарь Головинъ, а на какомъ основаніи, въ силу какихъ соображеній — темно и не вѣстно.*“

Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“ можетъ имѣть у себя те

ныхъ корреспондентовъ, но ей самой нельзя оправдываться незнаціемъ законовъ. Вопросъ о томъ, на какомъ основаніи и въ силу какихъ соображеній произошли всѣ перемѣны съ капиталомъ Вилліе,—вовсе не „темный“ и не „неизвѣстный“. Все это совершилось на основаніи положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденнаго 11-го марта 1866 года; а комитетъ министровъ положилъ на основаніи записки военнаго министра 12-го января, за № 14, представившаго вмѣстѣ съ тѣмъ предложенія военно-медицинскаго ученаго комитета „о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ Высочайше утвержденномъ, 28-го февраля 1841 года, положеніи о стипендіи баронета Вилліе, могущихъ способствовать къ вѣрнѣйшему достиженію цѣли завѣщателя“. Роль министерства народнаго просвѣщенія во всемъ этомъ вопросѣ была слѣдующая: предложенія военно-медиц. уч. комитета были предварительно отпращены на разсмотрѣніе въ министерство народнаго просвѣщенія. Тайный совѣтникъ Деляновъ, отъ 11-го августа, за № 6345, отвѣчая на вопросъ: нѣтъ ли со стороны министерства препятствій? отвѣчалъ въ заключеніи: „Къ измѣненію положенія о стипендіи баронета Вилліе едва ли настоятъ какая-либо существенная потребность. Мин. Н. Просв. тѣмъ менѣе можетъ согласиться на нарушеніе воли учредителя стипендіи, что по одному подобному же представленію комитетъ гг. министровъ положеніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія 16-го августа 1849 года, постановилъ, что воля завѣщателя должна исполняться въ точности безъ всякаго измѣненія и вовсе независимо отъ соображенія, что то или другое изъ его предложеній могло бы быть удовлетворено лучше инымъ образомъ“. Военный министръ представилъ такимъ образомъ въ комитетъ министровъ мнѣніе военно-мед. уч. комитета въ пользу измѣненій духовнаго завѣщанія, *противное* мнѣніе министерства народнаго просвѣщенія, и свое возраженіе на послѣднее. Комитетъ министровъ въ своемъ составѣ 1849 г. нашель, что лучше держаться буквы завѣщанія, даже и въ томъ случаѣ, если отступленіе отъ буквы содѣйствовало бы къ лучшему удовлетворенію предложеній завѣщателя; а комитетъ министровъ въ 1866 году полагалъ, и не безъ основанія, что успѣхъ дѣла въ духѣ завѣщанія важнѣе сохраненія буквы, а потому и согласился съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ пользу измѣненій и дополненій; такое положеніе комитета и было Высочайше утверждено. Что же „неизвѣстнаго“ или „темнаго“ въ этомъ дѣлѣ, которое совершилось самымъ законнымъ образомъ въ то самое время, „когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ статсъ-секретарь Головининъ“, а за отсутствіемъ его отвѣчалъ на запросъ военнаго министерства тайный совѣтникъ Деляновъ? Пусть на это отвѣтитъ сама редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, а мы пока сдѣлаемъ еще небольшую поправку въ той же коррес-

понденціи. Зная, вѣроятно, нѣкоторыя „слабости“ этой газеты, корреспондентъ ввернулъ одно неудачное, впрочемъ, соображеніе о пользѣ классицизма. Онъ привелъ слова бар. Вилліе, изъ его записки 1841 года, какъ доказательство пользы того, что и такой „большой“ человѣкъ считалъ, еще въ 1841 году, необходимымъ для медиковъ вообще строгое классическое образованіе. Дѣйствительно, бар. Вилліе считалъ необходимымъ классическое образованіе, но какое? — „классическое воспитаніе въ какомъ-либо *университетѣ*, пройдя полный курсъ, такъ-называемыхъ, свободныхъ наукъ“. По его мнѣнію, такимъ образомъ, классическое воспитаніе въ гимназіяхъ было бы еще недостаточно и не дало бы ученаго врача. Но сколько мы имѣли бы врачей подъ этимъ условіемъ? И гдѣ тутъ доказательство въ пользу *гимназическаго* классицизма для будущаго врача? Напротивъ, баронетъ Вилліе признавалъ его недостаточнымъ; по его мнѣнію, будущій ученый врачъ долженъ кончить предварительно курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ. Что было бы, еслибъ буквально послѣдовать мнѣнію Вилліе? А между тѣмъ въ „Москов. Вѣдом.“ на это мнѣніе указываютъ какъ на прихѣръ, образецъ.

ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ

въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи.

I.

Земскія собранія, обсуждавшія вопросъ о преобразованіи системы подушныхъ сборовъ, рѣшительно и единогласно высказались въ пользу отмѣны податныхъ привилегій и установленія всесословныхъ прямыхъ налоговъ.

Причина такого повсемѣстнаго признанія настоятельной необходимости облегчить крестьянъ въ государственныхъ повинностяхъ, посредствомъ переложенія части сборовъ, лежащихъ на нихъ, на другія сословія, — кроется, безъ сомнѣнія, въ непосредственномъ знакомствѣ земскихъ дѣятелей съ мало удовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія, обремененнаго разнаго рода платежами, сумма которыхъ далеко превышаетъ производительныя силы крестьянскаго хозяйства. Дѣйствительно, по свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяй-

ства, прямыя сборы, уплачиваемыя нынѣ сельскимъ податнымъ сословіемъ, находятся въ слѣдующемъ отношеніи къ *доходности* надѣла:

Названіе губерній:	У бывшихъ государственныхъ крестьянъ.		У бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.		У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.			
					а) при вѣдомствѣ надѣлѣ.		б) при вѣдомствѣ надѣлѣ.	
	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до	Отъ	до
Новгородской	160	—	161	„	210	„	„	565
Симбирской	54	60	48	70	80	122	169	240
Тульской	32	64	—	—	56	130	115	258
Орловской	55	„	58	„	64	75	149	170
Въ Брянскомъ уѣздѣ	148	„	—	—	172	200	400	456
Харьковской	50	„	—	—	74	117	139	226
Екатеринославской	27	39	—	—	80	110	157	229
Вообще	27	160	48	161	56	210	114	565

Эти цифры, собранныя официальнымъ путемъ, достаточно ясно говорятъ, въ какомъ мало обезпеченномъ состояніи находится матеріальное положеніе земледѣльца.

Выводы комиссіи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что они совершенно подтверждаются, какъ мы увидимъ, другими источниками и относительно другихъ мѣстностей.

Въ виду столь знаменательныхъ фактовъ, касающихся благосостоянія 50 мил. душъ обоюго пола, или 82% всего населенія европейской Россіи, преобразование нашей податной системы получаетъ характеръ первостепенной государственной важности, и можно думать, что правительство въ скоромъ времени найдетъ возможность утвердительно разрѣшить вопросъ о замѣнѣ прямыхъ государственныхъ сборовъ, падающихъ исключительно на сельскихъ обывателей, равномернымъ всеобщимъ налогомъ.

Не принимая на себя труда въ подробности разсмотрѣть предстоящее преобразование, мы, однако, пользуясь смѣтами и раскладами государственныхъ и земскихъ сборовъ, журналами земскихъ собраній и управъ, а равно другими официальными источниками, постараемся разъяснить, *насколько* въ дѣйствительности можно ожидать облегченія сельскаго податнаго сословія *однимъ* путемъ установленія прямыхъ всеобщихъ налоговъ?

Мы поставили цѣлью такое изслѣдованіе именно потому, что важность собственно податной реформы полагаемъ единственно въ *размѣрѣ* уменьшенія крестьянскихъ повинностей.

Просимъ впередъ извиненія у читателей за многочисленность таблицъ, но безъ таблицъ въ вопросѣ подобнаго рода нельзя сдѣлать ни одного сколько нибудь вѣрнаго шага.

II.

Вся масса прямыхъ денежныхъ сборовъ, падающая на крестьянское хозяйство, подраздѣляется на четыре главныхъ категорiи: а) мирскiя повинности; б) мѣстные земскiе сборы; в) государственные налоги, и г) оброчные и выкупные платежи.

Къ сожалѣнiю, мы имѣемъ полныя свѣдѣнiя о мирскихъ повинностяхъ только по 6-ти губернiямъ; но и этотъ материалъ оказывается драгоцѣннымъ для опредѣленiя относительнаго размѣра каждаго изъ поименованныхъ сборовъ:

Таблица № 1. Общая сумма крестьянскихъ платежей.

Названiе губернiи:	Мирскiя повинности.	Мѣстные земскiе сборы.	Государственные прямые налоги.	Выкупные и оброчные платежи ¹⁾ .	Всего:
	Рубл.	Рубл.	Рубл.	Рубл.	Рубл.
Московская	503,123	203,050	1.435,664	2.780,944	4.922,781
Тамбовская	468,217	363,684	2,431,203	3.935,537	7.198,641
Новгородская	282,870	318,003	730,789	1.986,428	3.313,090
Пензенская	279,473	232,084	1.186,274	2.505,137	4.192,968
Псковская	294,975	194,130	530,570	1.434,824	2.504,499
С.-Петербургская	260,986	150,495	481,860	1.156,478	2.049,819
Итого	2.069,644	1.451,446	6.796,360	13.849,348	24.136,798

Таблица № 2. Относительный размѣръ крестьянскихъ платежей.

Названiе губернiи:	Мирскiя повинности.	Мѣстные земскiе сборы.	Государственные прямые налоги.	Выкупные и оброчные платежи.
	%	%	%	%
Московская	10,0	4,1	29,1	56,4
Тамбовская	6,3	5,0	33,7	54,6
Новгородская	8,3	9,3	22,0	59,3
Пензенская	6,6	5,0	28,3	59,3
Псковская	11,7	7,7	21,1	59,3
С.-Петербургская	12,7	7,3	23,5	56,4
Среднiй выводъ	8,6	6,0	28,0	57,3

¹⁾ Поземельные платежи временно-обязанныхъ крестьянъ приняты въ одинаковомъ размѣрѣ съ выкупными платежами бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, хотя сборы временно-обязанныхъ крестьянъ превышаютъ, обыкновенно, выкупные платежи на 20% (см. положенiе о выкупѣ); въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эта разница еще больше. Такъ въ Полтавской губернiи—оброкъ 2 р. 90 к. съ десятины, а выкупные платежи 2 р. 10 к. съ десятины, т.-е., оброкъ выше на 27%. Примѣчанiе это относится также къ таблицѣ № 4.

Таблица № 3. Отношеніе крестьянскихъ платежей къ доходности
надѣла ¹⁾.

Названіе губерній:	Мірскіе платежи.	Мѣстные земскіе сборы.	Государствен- ныя прямыя налоги.	Выкупные и оброчные платежи.	Всего:
	%	%	%	%	%
Московская	19,2	7,7	54,2	106,2	188,2
Тамбовская	4,2	8,2	28,2	38,2	69,2
Новгородская	10,2	11,2	26,2	72,2	120,2
Пензенская	7,2	6,2	32,2	68,2	115,2
Псковская	18,2	12,2	38,2	92,2	156,2
С.-Петербургская . .	17,2	9,2	81,2	75,2	198,2
<hr/>					
Средній выводъ.	9,2	6,2	30,2	61,7	107,2

Разсмотрѣніе приведенныхъ таблицъ показываетъ, что въ числѣ крестьянскихъ повинностей первое мѣсто по размѣру принадлежитъ поземельнымъ выкупнымъ и оброчнымъ платежамъ, которые, въ среднемъ выводѣ (по 6-ти губерніямъ), составляютъ 57% всѣхъ повинностей и поглощаютъ слишкомъ 61% дохода крестьянскаго надѣла. Второе мѣсто занимаютъ государственные прямыя налоги: 28% общей суммы сборовъ, или около 30% доходности надѣла. Наконецъ, совокупность мѣстныхъ сборовъ (мірскихъ и земскихъ) не превышаетъ 15% повинностей, или 16% доходности надѣла.

Насколько собственно поземельные выкупные и оброчные платежи превосходятъ прямыя государственные налоги можно судить по ниже-слѣдующей таблицѣ № 4:

¹⁾ Доходность надѣла опредѣлена по *спеціальной* земской оцѣнкѣ крестьянской десятины. Насколько не преувеличены эти выводы можно убѣдиться изъ сравненія показанныхъ цифръ по Новгородской губерніи съ свѣдѣніями по той же губерніи Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства.

Таблица № 4. Прямые государственные налоги в сѣ

НАЗВАНІЕ ГУБЕРНІЙ ЕВРО- ПЕЙСКОЙ РОССІИ.	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЯМЫЕ НАЛОГИ.				
	Подушная подать.	Госуд. земскій сборъ.		В С Е Г О.	
		Рубл.	Подушный	Поземел.	Общая сумма.
	Рубл.	Рубл.	Рубл.	Рубл.	Рубл.
1. Архангельская	150,069	16,785	3,216	170,070	—
2. Астраханская	143,609	21,749	14,562	179,920	—
3. Бессарабская	522,099	182,264	39,933	744,346	—
4. Виленская	553,432	118,572	51,123	723,127	—
5. Витебская	450,108	47,597	14,357	512,062	—
6. Владимирская	1,015,876	309,406	106,077	1,431,359	—
7. Вологодская	590,021	118,644	21,459	730,124	—
8. Волынская	981,718	270,540	147,451	1,349,704	—
9. Воронежская	1,568,191	612,749	385,351	2,566,291	—
10. Вятская	1,487,336	568,084	110,870	2,166,290	—
11. Гродненская	509,640	113,871	40,881	664,392	—
12. Екатеринославская	686,619	199,694	113,802	1,000,115	—
13. Казанская	1,170,305	401,241	138,311	1,709,857	—
14. Калужская	747,494	149,217	34,818	931,529	—
15. Киевская	1,311,518	522,760	170,881	2,005,159	1
16. Ковенская	612,949	196,664	83,938	893,551	—
17. Костромская	774,482	174,880	32,707	982,069	—
18. Курляндская	431,984	160,185	26,754	618,923	1
19. Курская	1,459,664	567,470	237,529	2,264,663	—
20. Лифляндская	686,650	не взи мается	—	686,650	—
21. Минская	620,546	117,925	27,297	765,768	—
22. Могилевская	511,671	77,182	14,988	603,841	—
23. Московская	984,661	367,396	83,707	1,435,664	—
24. Нижегородская	1,004,781	322,783	77,384	1,404,948	—
25. Новгородская	643,082	61,548	26,189	730,789	—
26. Олонецкая	163,846	19,007	5,163	188,016	—
27. Орловская	1,084,472	369,603	174,158	1,628,233	—
28. Пензенская	824,562	239,860	121,852	1,186,274	—
29. Пермская	1,416,330	420,786	58,660	1,895,776	—
30. Подольская	1,230,810	484,170	171,499	1,886,479	1
31. Полтавская	1,556,623	313,922	131,700	2,002,245	1
32. Псковская	442,758	69,109	18,703	530,570	—
33. Рязанская	1,185,854	295,316	156,482	1,637,652	—
34. Самарская	1,271,823	518,392	163,498	1,953,713	—
35. С.-Петербургская	845,737	118,758	17,365	481,860	—
36. Саратовская	1,191,469	480,756	270,398	1,942,623	—
37. Симбирская	899,911	353,057	212,352	1,470,320	—
38. Смоленская	719,069	72,142	26,054	817,265	—
39. Ставропольская	172,093	36,079	22,716	230,893	—
40. Таврическая	414,367	64,786	60,518	539,671	—
41. Тамбовская	1,528,929	586,323	315,451	2,431,208	—
42. Тверская	1,095,205	233,608	46,029	1,374,842	—
43. Тульская	863,316	234,384	108,235	1,210,935	—
44. Уфимская	1,135,391	326,557	116,353	1,578,301	—
45. Харьковская	1,145,456	477,628	198,034	1,821,118	—
46. Херсонская	644,212	165,149	88,995	898,356	—
47. Черниговская	1,090,669	243,571	98,289	1,432,529	—
48. Эстляндская	233,563	не взи мается	—	233,563	—
49. Ярославская	741,247	227,395	52,100	1,020,742	—
50. Область войска Донскаго	196,763	не взи мается	—	196,763	—
51. Оренбургская	511,121	152,318	61,651	725,090	—
ИТОГО	41,679,071	12,207,782	4,694,890	58,586,744	—

1) Поземельные платежи съ временно-обязанныхъ крестьянъ приняты въ одну суму, см. прим. къ таблицѣ № 1.

2) По области войска Донскаго и губерніямъ Лифляндской и Эстляндской.

3) Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ существуютъ Особныя Положенія о поземельныхъ

ИЗЪЕМНЫХЪ ВЫКУПНЫХЪ И ОБРОЧНЫХЪ ПЛАТЕЖЕЙ.

ВЫКУПНЫЕ И ОБРОЧНЫЕ ПЛАТЕЖИ ЗА НАДѢЛЬ.			Итого государственныхъ прямыхъ налоговъ и платежей за надѣль.			Процентное отношеніе гос. прямыхъ надл. и плат. за над.	
Общая сумма.	Причитается на десятину.		Общая сумма.	Причитается на десятину.		Государств. прям. налогов.	Вмк. и оброч. плат. за над.
Рубл.	Рубл.	Коп.	Рубл.	Рубл.	Коп.	%	%
175,738	—	65,4	345,808	1	28,7	49,1	50,8
387,268	—	26,6	567,188	—	38,7	31,7	68,2
свѣдѣній	нѣ	гь.	—	—	—	—	—
1.014,560	—	75,0	1.737,687	1	30,0	41,6	58,2
1.295,312	1	14,0	1.807,374	1	59,0	28,3	71,6
2.951,525	1	52,1	4.382,884	2	25,8	32,2	67,8
1.486,672	—	33,0	2.216,796	—	50,5	32,0	67,0
1.676,173	—	84,3	3.025,877	1	52,1	44,0	55,9
3.568,412	—	93,3	6.134,703	1	60,4	41,3	58,7
3.474,159	—	49,3	5.640,449	—	80,0	38,4	61,5
867,404	—	66,1	1.531,796	1	16,7	43,3	56,6
1.931,510	—	73,7	2.931,625	1	11,3	34,1	65,8
2.727,651	—	86,4	4.437,508	1	40,3	38,5	61,4
2.346,646	1	68,8	3.278,175	2	35,0	28,4	71,5
2.778,150	1	60,4	4.733,309	2	76,1	41,0	58,0
2.106,124	1	47,7	2.999,675	2	10,3	29,7	70,2
2.476,899	1	11,7	3.453,968	1	55,9	28,3	71,6
)	—	—	—	—	—	—	—
3.641,284	1	53,3	5.905,947	2	48,0	38,3	61,6
)	—	—	—	—	—	—	—
986,612	—	54,0	1.752,330	—	97,0	43,0	56,9
1.555,628	1	27,7	2.459,469	1	69,3	24,5	75,4
2.780,944	1	76,7	4.216,608	2	67,0	34,0	65,9
2.927,858	1	43,3	4.332,336	2	14,3	32,4	67,5
1.986,428	—	73,7	2.717,217	1	0,3	26,3	73,7
236,325	—	13,0	424,341	—	24,4	44,3	55,6
3.232,551	1	61,0	4.860,784	2	42,1	33,4	66,5
2.505,137	1	24,3	3.691,411	1	33,3	32,1	67,8
3.673,437	—	61,0	5.574,263	—	93,3	34,0	65,9
2.658,600	1	64,1	4.545,079	2	30,3	41,5	58,4
1.537,488	—	93,4	3.539,733	2	15,0	56,3	43,6
1.484,324	1	2,1	2.015,394	1	38,3	26,3	73,6
3.358,122	1	72,7	4.995,774	2	56,0	32,7	67,2
2.986,071	—	44,3	4.939,784	—	74,1	39,3	60,6
1.156,478	1	11,1	1.633,338	1	57,4	29,4	70,5
3.320,074	—	97,3	5.262,697	1	54,3	36,0	63,9
2.216,048	1	29,3	3.686,368	2	15,4	39,3	60,6
2.693,708	1	42,3	3.410,973	1	87,3	23,0	76,9
326,041	—	14,3	556,934	—	24,4	41,4	58,5
579,921	—	31,0	1.119,592	—	61,4	48,3	51,7
3.985,537	1	30,0	6.366,740	2	11,3	33,1	61,8
3.379,778	1	29,3	4.754,620	1	31,3	28,0	71,9
2.911,797	2	15,4	4.122,732	3	4,0	29,3	70,6
751,327	—	10,1	2.329,628	—	31,3	67,7	32,2
2.995,513	1	18,3	4.816,631	1	90,3	37,3	62,6
1.644,169	—	78,0	2.542,525	1	22,0	35,3	64,6
1.678,996	—	91,0	3.111,525	1	63,0	46,0	53,9
)	—	—	—	—	—	—	—
2.279,952	1	43,3	3.300,694	2	7,4	30,0	69,9
свѣдѣній	нѣ	гь.	—	—	—	—	—
477,866	—	7,3	1.203,456	—	19,3	60,3	39,7
97.367,297	—	84,3	153.473,796	1	33,3	36,3	63,6

вѣрѣ съ выкупными платежами бывшихъ помещичьихъ крестьянъ, приступившихъ къ вы-

нѣ точныхъ свѣдѣній о количествѣ крестьянской земли.

крестьянъ.

Итакъ, въ средней сложности по 46-ти губерніямъ, изъ общей суммы государственныхъ прямыхъ налоговъ и поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей на долю первыхъ выпадаетъ около 36%, тогда какъ вторые превышаютъ 63%.

Принимая въ расчетъ исключительно данныя объ относительно-мъ размѣрѣ крестьянскихъ повинностей, уже можно предвидѣть, насколько трудно ожидать значительнаго облегченія сельскаго сословія, если ограничиться только преобразованиемъ системы прямыхъ налоговъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ весьма малую часть платежей, лежащихъ на крестьянахъ, именно около 28% всѣхъ сборовъ, или 36% общей массы государственныхъ налоговъ и поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей.

III.

Прямые государственные сборы, взимаемые съ сельскихъ податныхъ классовъ, какъ видно изъ таблицы № 4, составляютъ въ европейской Россіи около 58½ мил. рублей.

Спрашивается, какая часть этой суммы будетъ переложена на другія сословія?

Предрѣшить этотъ вопросъ, конечно, мы не имѣемъ возможности; но допуская, что обложеніе лицъ, вновь привлекаемыхъ къ платежу государственныхъ налоговъ, не превыситъ 5% получаемаго ими дохода, мы, основываясь на болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактахъ, покажемъ, что при такихъ условіяхъ съ сельскаго населенія будетъ сложена *по крайней мѣрѣ* половина подушныхъ сборовъ, достигающихъ 54 мил. рублей.

Главные источники доходовъ подраздѣляются на пять разрядовъ: 1) промыслы; 2) торговля; 3) недвижимыя имущества; 4) процентныя бумаги и акціи, и 5) трудъ.

А. Промыслы. Кустарная и мелкая сельско-хозяйственная промышленности въ болѣе части относятся къ домашнему крестьянскому хозяйству, а ремесленная къ мѣщанскимъ промысламъ ¹⁾, поэтому мы будемъ имѣть въ виду только главныя отрасли фабрично-заводской промышленности.

По официальнымъ свѣдѣніямъ департамента мануфактуръ и т р

¹⁾ Въ европейской Россіи мѣщане платятъ: подушнаго, государственнаго и мѣщанскаго сбора 1.300,000 руб. и промышленныхъ налоговъ около 100,000 руб.

говли (1867 г.) ¹⁾, производство наиболѣе крупныхъ фабрикъ и заводовъ доходить до 340 мил. рублей:

Таблица № 5.

Родъ промышленности.	Сумма произ- водства. Руб. въ тыся- чахъ:
I. Хлопчато-бумажная: бумагопрядильная, бумаго-ткацкая и ситце-набивная	97,500
II. Льно-прядильная и полотняная	10,500
III. Пенько-прядильная, канатная и веревочная	4,000
IV. Шерстяная, шерсто-прядильная, шерсто-ткацкая, суконная и ковровая	50,000
V. Шелко-ткацкая, ленточная, парчевая, позументная, тесемочная, чулочная, красильная и отдѣлочная	11,000
VI. Писчебумажная, въ томъ числѣ обойная	5,500
VII. Химическая: химическихъ и красильныхъ продуктовъ; косметическое, уксусное, приготовленіе минеральныхъ водъ, заживительныхъ спичекъ, лаковарное и сургучное	7,000
VIII. Кожевенная промышленность: дубильное производство, сафьянное, замшевое и кожелакировальное	16,000
IX. Свѣчвая и мыловарная	14,000
X. Свеклосахарная	40,000
XI. Винокуренная	55,000
XII. Стекланная и гончарная	5,250
XIII. Машино-строительная	32,500
Всего около. . . 340 мил.	

Въ итогъ промысловыхъ заведеній не вошли: а) изъ сельскохозяйственныхъ: мукомольныя, крахмальные, льно- и пенько-трепательныя, шерстомойныя, шелко-мотательныя, костеобжигательныя, селитренныя, сыроварныя, рыбныя, кирпичныя, лѣсопильныя, рогожныя, смологонныя, скипидарныя, дегтарныя, масло и воско-бойныя, салотопные и т. п.; и б) изъ носящихъ болѣе или менѣе характеръ ремесленного производства: столярныя, мебельныя, экипажныя, токарныя, скульптурныя, слесарныя, шорныя, скорняжныя, шляпныя, перчаточныя, пробочныя, войлочныя, ватныя, клееночныя и т. п.

Разсматривая общую сумму производства главныхъ отраслей промышленности (340 м.), основанную на показаніи заводчиковъ и фабрикантовъ, г. Тимирязевъ приходитъ къ заключенію, что она далеко не выражаетъ дѣйствительнаго размѣра производства. Причины

¹⁾ Статистическій Атласъ главнѣйшихъ отраслей фабрично-заводской промышленности. Тимирязева.

тому: а) значительный пропускъ не только мелкихъ, но даже крупныхъ фабрикъ и заводовъ, входящихъ, напр., по кожевенному производству до $\frac{1}{5}$ всѣхъ заведеній; б) умыленное уменьшеніе заводчиками и фабрикантами суммы производства, вслѣдствіе боязни фискальныхъ пѣлей правительства; между прочимъ, изъ сравненія дѣйствительной суммы производства 25-ти кожевенныхъ заводовъ съ цифрой, показанной въ официальномъ отчетѣ, оказалось уменьшенія на 80%, а изъ сличенія свѣдѣній департамента мануфактуръ и торговли съ каталогами мануфактурныхъ выставокъ (1865 и 1870 гг.) уменьшеніе такого рода, достигающее въ частности до 40% по писчебумажнымъ фабрикамъ, можно полагать вообще въ 15—20%; и г) наконецъ, многіе промышленники, умыленно или по недоразумѣнію, суммою годового производства показываютъ одну чистую прибыль. По всѣмъ этимъ соображеніямъ г. Тимирязевъ считаетъ необходимымъ, для приближенія къ истинѣ, возвысить приведенную въ таблицѣ № 5-й сумму производства заводской и фабричной промышленности до 50%.

Хотя такая поправка вполне рациональна, тѣмъ болѣе, что совпадаетъ съ другими изслѣдованіями ¹⁾, но мы, соблюдая чрезвычайную осторожность въ своихъ выводахъ, увеличили итогъ производства (340 т.) всего на 15% ²⁾.

Допуская, что доходъ промышленниковъ составляетъ только 10% суммы производства, опредѣленной нами въ 400 милл., доходъ этотъ окажется въ 40 милл. рублей.

Б. *Торговля.* Отыскать приблизительно вѣрную сумму дохода торговцевъ гораздо болѣе затруднительно. При отсутствіи данныхъ мы должны отказаться отъ всякой попытки исчислить доходность торговли по ея оборотному капиталу; почему прибѣгнемъ къ другому способу, который хотя и не обезпечиваетъ насъ отъ грубыхъ ошибокъ, но все-таки является менѣе произвольнымъ и основаннымъ на какихъ-либо фактахъ. Мы говоримъ объ опредѣленіи дохода торговцевъ по существующему налогу на торговля заведенія.

Размѣръ торговыхъ и промысловыхъ пошлинъ согласованъ до нѣкоторой степени, во-первыхъ, съ значительностью самыхъ заведеній,

¹⁾ По вычисленію „Военно-Статист. Сборн.“, основанному преимущественно на цифрахъ, собранныхъ цент. стат. ком., исправленныхъ и дополненныхъ по свѣдѣніямъ министерства финансовъ, фабрично-заводское, въ томъ числѣ и наиболѣе крупное сельско-хозяйственное, производство оцѣнивается въ 584 милл. руб.

²⁾ Въ Атласъ Тимирязева не вошли, между прочимъ, слѣдующія крупныя производства: пиво и медо-варенное—6½ милл.; водочное и виноградныхъ винъ—13 т. и.

подлежащихъ обложенію, и во-вторыхъ, по мѣстностямъ, какъ видно изъ трудовъ податной комиссіи ¹⁾, съ густотою населенія, развитіемъ фабричной и заводской промышленности, цѣнностью и количествомъ отпусковой и привозной торговли и другими данными, обуславливающими значеніе разныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Конечно, свѣдѣнія, находившіяся въ распоряженіи составителей уст. о пошлин., могли быть весьма ошибочны и неполны, а выводы комиссіи произвольны и гадательны, но тѣмъ не менѣе установленный размѣръ пошлины имѣеть нѣкоторое соотношеніе въ дѣйствительнымъ доходамъ промышленниковъ, хотя неодинаковое въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако выясненное на практикѣ.

Гильдейскіе и промысловые свидѣтельства и билеты падаютъ не только на торговлю, но также на промышленность: заводы, фабрики, мастерскія и ремесленныя заведенія; поэтому для выясненія, по нашему способу, торговыхъ доходовъ, слѣдуетъ изъ общей суммы пошлины вычесть извѣстный процентъ на долю промышленности.

По уст. о торг. и промысл. пошлинахъ, содержатели фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній обязаны взятіемъ слѣдующихъ гильдейскихъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и билетовъ: 1) если употребляютъ машины и снаряды, приводимые въ дѣйствіе паромъ или водою, или содержатъ болѣе 16 работниковъ—свидѣтельства и билеты 2-й гильдіи (ст. 34); и 2) если не употребляютъ машинъ и снарядовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паромъ и водою, но содержатъ: а) отъ 10 до 16 рабочихъ—свидѣтельство и билетъ на мелочной торгъ; б) отъ 5 до 9 рабочихъ—только свидѣтельство на мелочной торгъ, и в) отъ 1 до 4 рабочихъ—свидѣтельство на мелочной торгъ съ половиною пошлиной (ст. 41).

Въ матеріалахъ центр. стат. комитета и департамента мануфак. и торгов. ²⁾ имѣются свѣдѣнія о числѣ фабрикъ, заводовъ и другихъ промысловыхъ заведеній, правда, безъ дѣленія ихъ на дѣйствующія при помощи машинъ и безъ оныхъ, но за то съ показаніемъ числа рабочихъ.

Руководствуясь этими данными, мы составили нижеслѣдующія двѣ таблицы, № 6 и 7, показывающія, сколько именно пошлины причитается съ промысловыхъ заведеній:

¹⁾ Томъ V, Труды податной комиссіи. О пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, 1868 г.

²⁾ См. „Военно-Статистическій Сборникъ“ томъ IV, стр. 322—352.

Таблица № 6. Распредѣленіе фабрикъ, заводовъ и другихъ промысловыхъ заведеній на разряды по числу рабочихъ.

Названія фабрикъ, заводовъ и другихъ промысловыхъ заведеній, подлежащихъ обложенію пошлинами.	Распредѣленіе промысловыхъ заведеній по числу рабочихъ.			
	Отъ 1 до 4 рабочихъ.	Отъ 5 до 9-ти рабочихъ.	Отъ 10 до 16 рабочихъ.	Свыше 16-ти рабочихъ.
1. Шерстемойныя и сортировальныя	—	—	—	60
2. Шерстопрядильныя и шерстяныхъ тканей	26	—	—	149
3. Суковныя	14	89	46	334
4. Ситшаннхъ шерстяныхъ тканей	1	—	—	29
5. Ковровыя	—	—	—	11
6. Чулочныя и кромчатныя	—	—	5	9
7. Войлочные	73	—	1	4
8. Льно-трепальныя	—	3	36	70
9. Льно-прядильныя	—	—	—	19
10. Пенько-трепальныя	—	1	125	—
11. Пенько-прядильныя	—	—	—	81
12. Канатныя и веревочныя	153	36	21	48
13. Полотняныя	1	39	—	76
14. Тесемочныя и канвовыя	2	—	1	5
15. Бумагопрядильныя	9	25	21	51
16. Бумаготкацкія	—	—	—	386
17. Ватныя	75	14	2	3
18. Шелкомотальныя и сортировальныя	9	—	—	11
19. Шелко-ткацкія	102	—	—	121
20. Леночныя и басовныя	1	—	3	8
21. Золототкацкія, эполетныя и пр.	87	1	—	43
22. Клееночныя	2	1	2	—
23. Ситценабивныя, красильныя, отдѣлочныя, бѣльщныя и пр.	347	38	94	276
24. Шляпныя	5	2	—	15
25. Писчебумажныя	1	6	3	136
26. Обойныя, еарточныя, футлярныя и пр.	2	2	1	31
27. Лѣсопильныя	85	93	23	69
28. Столярныя, мебельныя и бочарныя	209	10	12	9
29. Резиновыя	—	1	—	2
30. Газовыя	13	—	3	7
31. Кожевенныя	2,864	731	199	96
32. Шорныя, сафьянныя, замшевыя и пр.	251	18	36	38
33. Сальныя и мыловаренныя	917	915	200	51
34. Восковыя	208	38	4	37
35. Волосыныя и щетинныя	5	3	1	27
36. Роговыя и клеевыя	149	36	22	5
37. Кирпичныя и черепичныя	3,171	1,149	145	119
38. Гончарныя и горшечныя	1,380	74	11	—
39. Фарфоровыя и фаянсовыя	2	3	1	52
40. Стекланныя, зеркальныя и пр.	2	3	38	151
41. Карандашныя, чернильныя и пр.	1	2	—	18
42. Чугуно-литейныя	17	14	12	204
43. Желѣзодѣлательныя	63	5	21	147
44. Сталелитейныя	—	2	—	16
45. Оружейныя и слесарныя	—	5	—	24
46. Прочихъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій ¹⁾	23	2	—	163
47. Мѣдныя и бронзовыя	50	16	9	189

¹⁾ Сюда не вошли машинныя и инструментальныя заводы, какъ освобожденные отъ пошлинъ.

Названія фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній, подлежащихъ обложенію пошлиною.	Распределеніе промышленныхъ заведеній по числу рабочихъ.			
	Отъ 1 до 4 рабочихъ.	Отъ 5-ти до 9 рабочихъ.	Отъ 10 до 16 рабочихъ.	Свыше 16 рабочихъ.
48. Серебра, золота, накладного серебра и мельхиора	5	215	—	82
49. Игольные и булавочныя	—	—	—	5
50. Пуговичныя	5	—	—	13
51. Словоитныя	—	—	—	8
52. Проволочныя и металлическія	—	—	1	12
53. Жестяныя и дробныя	3	7	—	3
54. Маслобйныя	8,227	—	—	70
55. Мукомольныя ¹⁾	10,691	7,611	41	83
56. Экипажныя	73	53	42	28
57. Музыкальныхъ инструментовъ	3	—	—	24
58. Паточныя	36	59	7	5
59. Дрожжевыя и солодовныя	249	25	5	—
60. Макароныя, прищичныя и пр.	71	24	5	10
Итого	29,683	11,871	1,199	3,815

Таблица № 7. Ичисленіе общей суммы пошлинъ съ промышленныхъ заведеній.

Фабрики, заводы и другія промышленныя заведенія.	Общее число промышленныхъ заведеній.	Цѣна свидѣтельствъ ²⁾ .	Сумма сбора за свидѣтельства.		Сумма сбора за билеты.		Всего сбора.
			Рубли.	Цѣна билета ²⁾ .	Рубли.	Рубли.	
I. Имѣющія свыше 16 работниковъ	3,815	45 р.	171,675	15 р.	57,225	228,900	
II. Имѣющія отъ 10 до 16-ти работниковъ	1,199	15 р.	17,985	6 р.	7,194	25,179	
III. Имѣющія отъ 5 до 10-ти работниковъ	11,871	15 р.	170,565	—	—	170,565	
IV. Имѣющія отъ 1 до 4 работниковъ	29,683	7р.50к.	222,623	—	—	222,623	
Итого	46,068	—	—	—	—	647,267	

¹⁾ Промысленный налогъ взимается далеко не со всѣхъ мукомольныхъ заведеній, а только съ тѣхъ, которыя или находятся на чужихъ земляхъ, или въ чертѣ городскихъ поселеній, или же имѣютъ болѣе 16 работниковъ, или машины, {дѣйствующія водой или паромъ. Мы показали всѣ мельницы, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, чтобы избѣжать упрека въ произвольномъ уменьшеніи цифръ.

²⁾ Цѣнность свидѣтельствъ и билетовъ опредѣлена уставомъ о пошлинахъ [по мѣстностямъ, раздѣленнымъ на 5 разрядовъ. Мы взяли цѣнность свидѣтельствъ и билетовъ, установленную для средняго разряда мѣстностей, т. е., третьяго разряда.

Мы должны сознаться, что предлагаемыя нами таблицы не охватываютъ всѣхъ промышленныхъ заведеній, въ особенности же чувствуется пробѣлъ въ ремесленныхъ и мастерскихъ заведеніяхъ, какъ видно изъ таблицы № 6-й. Не приняты также въ расчетъ винокуренные и свеклосахарные заводы, равно табачныя фабрики, такъ какъ они облагаются промышленнымъ сборомъ совершенно на другихъ основаніяхъ — патентами и акцизными свидѣтельствами; собственно же гильдейскія *свидѣтельства* обязательны только для нѣкоторыхъ содержателей поименованныхъ заводовъ и фабрикъ. Все это въ совокупности и возможность другихъ погрѣшностей побудили насъ увеличить полученный итогъ промышленныхъ пошлинъ на 100%, принявъ его въ 1.300,000 рублей.

Исключивъ изъ общей массы торговыхъ и промышленныхъ пошлинъ, кромѣ этой суммы, еще сборъ за мѣщанскіе *промыслы* и за развозную и разносную торговлю, въ большей части случаевъ являющейся подспорьемъ крестьянскаго хозяйства (офени, коробайники, ходешники и т. п.), мы получимъ цифру, выражающую собой количество налога на торговлю, производимую лицами, не принадлежащими къ податнымъ сословіямъ, всего около 8.400,000 рублей.

Теперь остается опредѣлить доходъ торговцевъ, выяснивъ его отношеніе къ торговымъ пошлинамъ. •

Какъ извѣстно, торговля и промыслы облагаются у насъ пошлинами совершенно на одинаковыхъ основаніяхъ, исключая подлежащихъ акцизнымъ сборамъ. Законъ прямо даже причисляетъ содержаніе фабрикъ, заводовъ, ремесленныхъ и нѣкоторыхъ сельско-хозяйственныхъ заведеній къ торговымъ дѣйствіямъ (ст. 9 уст. о пошл.). Цѣнность свидѣтельствъ и билетовъ по мѣстностямъ одинакова для торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Все это даетъ намъ право предполагать, что обложеніе торговли и промысловъ не представляетъ большой разницы.

Если мы возьмемъ *минимум* дохода промышленниковъ и *максимум* сбора съ промышленныхъ заведеній, выше приведенныхъ, то послѣдній окажется въ 3% дохода ¹⁾. Мы смѣло могли бы принять такое же отношеніе для исчисленія торговыхъ доходовъ, но имѣя въ виду особую цѣль нашего изслѣдованія, допустимъ, что торговныя пошлины достигаютъ 4% дохода ²⁾. Итого, доходъ торговцевъ 210.000,000 рублей.

¹⁾ При исчисленіи промышленнаго налога мы привели массу такихъ производствъ, которыя не вошли въ таблицу № 5. Если принять это, то показанный процентъ обложенія долженъ еще болѣе уменьшиться.

²⁾ Для наглядности мы приводимъ здѣсь расчетъ — какому доходу будутъ соот-

Но это только часть доходовъ, такъ какъ мы вовсе еще не касались торговли ерѣвскими напитками и табакомъ.

Названная торговля, взимая билетнаго сбора, облагается патентами и акцизными свидѣтельствами; слѣдовательно, для опредѣленія дохода вино-и табако-торговцевъ, мы должны поставить въ счетъ сумму этого спеціальнаго налога на торговлю.

Патентный сборъ съ питейныхъ торговыхъ заведеній взимается въ размѣрѣ далеко превышающемъ торговья пошлины; впрочемъ, несмотря на это, особья выгоды, сопряженныя съ торговлей ерѣвскими напитками, заставляютъ думать, что цѣна патентовъ, въ сред-

нѣхъ имѣютъ равныя торговья свидѣтельства и билеты по мѣстностямъ, если принять наше отношеніе.

Названіе торговыхъ документовъ.	Цѣна торгового документа.	Соответствующій доходъ.	Названіе торговыхъ документовъ.	Цѣна торгового документа.	Соответствующій доходъ.
<i>Свидѣтельство 1 гильдіи.</i>	265	6,625	3-го класса	20	500
<i>Свидѣтельство 2 гильдіи:</i>			4-го "	15	375
1-го класса	65	1,625	5-го "	10	250
2-го "	55	1,375	<i>Билеты 2 гильдіи:</i>		
3-го "	45	1,125	1-го класса	20	500
4-го "	35	875	2-го "	17	425
5-го "	25	625	3-го "	15	375
<i>Свидѣтельство на мелочной торж (съ полной пошлиной):</i>			4-го "	10	250
1-го класса	20	500	5-го "	5	125
2-го "	18	450	<i>Билеты на мелочной торж:</i>		
3-го "	15	375	1-го класса	10	250
4-го "	10	250	2-го "	8	200
5-го "	8	200	3-го "	6	150
<i>Билеты 1 гильдіи:</i>			4-го "	4	100
1-го класса	30	750	5-го "	2	50
2-го "	25	625			

Изъ этой таблицы можно вывести средній доходъ, получаемый торговцами при одномъ торговомъ помѣщеніи (каждому соответствуетъ билетъ), взявъ для этого цѣнность торговыхъ документовъ средней мѣстности, то-есть, третьяго разряда:

Названіе торговцевъ.	Цѣнность документовъ.		Средній доходъ торговцевъ.
	Свидѣтельства.	Билеты.	
	Рубл.	Рубл.	Рубл.
I. Купецъ 1-й гильдіи	265	20	7,125
II. Купецъ 2-й гильдіи	45	15	1,500
III. Мелочной торговецъ	15	6	525

Надобно имѣть въ виду, что по одному свидѣтельству можно содержать нѣсколько торговыхъ заведеній, взявъ только на каждое особый билетъ; такъ что средній доходъ торговца съ каждаго отдѣльнаго магазина, лавочки, склада и т. п. значительно долженъ быть ниже нами указаннаго, при томъ же отношеніи пошлины къ доходамъ (4%).

ней сложности, едва ли болѣе 9—10% дохода торговцевъ; но мы, во избѣжаніе всякихъ сомнѣній, согласны принять, что патентный сборъ на 200% болѣе торговыхъ пошлинъ, то-есть составляетъ 12% дохода торговцевъ ¹⁾.

Не считая столицъ, доходность разнаго рода питейныхъ заведеній представится, по нашему предположенію, въ слѣдующемъ видѣ:

Названіе торговыхъ заведеній.	Цѣна патента.		Названіе торговыхъ заведеній.	Цѣна патента.	
	Рубли.	Копѣйки.		Рубли.	Копѣйки.
<i>Оптовые склады:</i>			<i>Портерныя и пивныя.</i>		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	100	833	а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	30	250
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	50	416	б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	15	125
<i>Рейнское погребовъ.</i>			<i>Питейныя заведенія, включая нижестомосванскія.</i>		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	100	833	а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	140	1,166
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	35	291	б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	70	583
<i>Погребовъ русскихъ виноградныхъ винъ.</i>			<i>Питейныя заведенія въ губерніяхъ западныхъ, Малороссійскихъ, Новороссійскихъ и Бессарабской губерній.</i>		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	15	125	а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	70	583
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	5	41	б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	45	375
<i>Трактирныя заведенія.</i>			<i>Съ корчемъ Прибалтійскихъ губ., въ уѣздахъ.</i>		
а) Въ губ. и портовыхъ городахъ	55	458		15	125
б) Въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ	35	291			

Разсматривая эти данныя, нельзя усомниться въ крайней умѣренности принятаго нами процента для исчисленія дохода. Если, съ одной стороны, доходъ получаемый виноторговцами съ питейныхъ заведеній въ великороссійскихъ губерніяхъ (отъ 1166 до 583) можетъ показаться высокимъ (для людей, незнакомыхъ съ выгодами питейной торговли), то съ другой, никто не будетъ отрицать миниатюрность предположенныхъ доходовъ содержателей оптовыхъ складовъ, рейнскихъ погребовъ, погребовъ русскихъ виноградныхъ винъ, трактирныхъ заведеній, портерныхъ и пивныхъ лавокъ и всѣхъ остальныхъ питейныхъ заведеній.

¹⁾ Высочайше утвержденнымъ, 16-го іюня 1873 г., мѣншемъ Государственнаго совѣта, стоимость почти всѣхъ патентовъ на торговныя заведенія увеличена на 100%, но мы не могли принять это въ расчетъ, такъ какъ еще нельзя предвидѣть, насколько такая мѣра можетъ измѣнить общую сумму патентнаго сбора и численность питейныхъ заведеній. Помянутыя правила введены въ дѣйствіе только съ 1-го января настоящаго года.

Патентный сборъ составляетъ всего 10 милл. рублей; доходъ виноторговцевъ опредѣлится, по нашему способу, въ 83 милл. рублей.

Цѣнность табачныхъ акцизныхъ свидѣтельствъ почти вдвое меньше патентнаго сбора, такъ что максимумъ—6% дохода. Стоимость всѣхъ торговыхъ табачныхъ свидѣтельствъ около 800 т. руб.; доходъ табако-торговцевъ—13 милл. рублей.

Итого доходъ всѣхъ торговцевъ 306.000,000 рублей.

III. *Недвижимыя имущества.* Изъ раскладки поземельнаго государственнаго земскаго сбора видно, что въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ европейской Россіи, не считая Прибалтійскихъ губерній: Эстляндской и Лифляндской, а также области войска Донскаго, сосредоточено 86.772,000 десятинъ удобной земли. Затѣмъ, въ Эстляндской и Лифляндской за помѣщиками числится 4.500,000 десятинъ удобной земли ¹⁾, по области же войска Донскаго нѣтъ свѣдѣній о размѣрѣ частнаго землевладѣнія. Если даже не обратить вниманія на этотъ пробѣлъ, то все-таки общее количество удобной земли, находящейся во владѣніи лицъ, не принадлежащихъ къ податному сословію, простирается до 91 милл. десятинъ.

Достовѣрно исчислить доходъ, получаемый владѣльцами этого недвижимаго имущества, мы не въ состояніи, по отсутствію данныхъ. Но обращаясь къ земскимъ раскладамъ, основаннымъ на цѣнности и доходности облагаемыхъ предметовъ, есть вѣроятіе нѣсколько приблизиться къ истинной цифрѣ дохода. Мы говоримъ *нѣсколько*, такъ какъ, во-первыхъ, земскія оцѣнки вообще ниже сравнительно съ дѣйствительной доходностью, и во-вторыхъ, производятся по весьма различнымъ способамъ, не только въ отдѣльныхъ губерніяхъ, но и уѣздахъ.

Таблица № 8. Поземельные доходы, по земской оцѣнкѣ.

Названія губерній.	Доходность десятины. Руб. Коп.	Названія губерній.	Доходность десятины. Руб. Коп.
Владимирская	1 16,8	Рязанская	2 20,0
Воронежская	2 11,2	Самарская	— 80,2
Вятская	— 63,7	С.-Петербургская	— 92,0
Екатеринославская	1 12,2	Саратовская	1 46,4
Казанская	— 88,0	Симбирская	1 1,0
Калужская	— 77,1	Смоленская	— 86,2
Костромская	— 49,7	Таврическая	1 5,1
Курская	1 84,1	Тамбовская	2 24,2
Московская	1 55,4	Тверская	— 94,0
Нижегородская	— 65,1	Харьковская	1 96,2
Новгородская	— 47,4	Херсонская	— 85,0
Олонская	— 11,0	Черниговская	1 35,2
Пермская	— 29,1	Ярославская	1 28,2
Полтавская	1 50,1		
Псковская	— 75,0		
Орловская	2 24,0		
		Итого, въ среднемъ выво- дѣ по 29 губерніямъ	0 99,1

¹⁾ См. Воен. Стат. Сбор. т. IV.

Мы должны оговорить, что при опредѣленіи средней доходности десятины приняты и казенныя земли, оцѣнка которыхъ значительно менѣе остальныхъ. Такъ, по земскимъ раскладамъ:

Въ губерніяхъ:	Доходность одной десяти- ны казенной земли. Копѣйки.	Менѣе средней до- ходности вообще.		
		Рубл.	Коп.	Про- центы.
Вятской	10,4	—	53,3	83,3
Новгородской	21,7	—	25,7	54,3
Полтавской	14,9	1	35,9	90,9
Симбирской	46,5	—	55,1	54,3

Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ казенной земли немного (Полтавской, Симбирской), это обстоятельство, конечно, не вліяетъ на средніе выводы о доходности земель частныхъ землевладѣльцевъ; но за то тамъ, гдѣ онѣ составляютъ замѣтный процентъ, средняя доходность (табл. № 8-й) должна быть значительно увеличена; такъ, напр., въ Вятской губерніи на 33,7 коп., или болѣе чѣмъ на 52%.

Въ виду этого, а равно умѣренности земскихъ оцѣнокъ, казалось бы справедливымъ повысить нѣсколько среднюю доходность десятины (99,1 коп.); но принимая во вниманіе, что выводъ нашъ сдѣланъ только по 29-ти губерніямъ и допуская, что въ остальныхъ мѣстностяхъ цѣнность земель сравнительно меньше, мы примемъ доходность удобной десятины для всей Европейской Россіи въ 80 коп., т.-е., на 20% ниже земской оцѣнки; слѣдовательно, по малой мѣрѣ, доходъ частныхъ землевладѣльцевъ 73 милл. рублей.

Оставляя въ сторонѣ уѣздныя строенія, по ихъ относительной малопродуктивности, мы перейдемъ къ изслѣдованію дохода владѣльцевъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, причемъ въ основаніе нашего расчета возьмемъ отношеніе государственнаго налога къ доходности этихъ имуществъ.

Хотя мы имѣемъ полныя свѣдѣнія о мѣстныхъ оцѣнкахъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ налогу, но они до такой степени лишены достовѣрности, вслѣдствіе очевиднаго уменьшенія цѣнности, что мы полагаемъ совершенно достаточнымъ привести только нѣкоторые образчики.

Названія городовъ:	Цѣнность го- родскихъ не- движимыхъ имуществъ. Р у б л и к.	Названія городовъ:	Цѣнность го- родскихъ не- движимыхъ имуществъ. Р у б л и к.
Витебскъ	1.275,000	Тверь	1.362,968
Вологда	1.025,884	Черниговъ	1.496,356
Вятка	851,700	Глобъ	48,000
Калуга	1.400,942	Царское-Село	863,700
Оренбургъ	895,752	Гатчина	89,600
Рязань	1.203,165	Ораниенбаумъ	405,800
Симбирскъ	1.501,218	Павловскъ	812,435
Смоленскъ	1.540,948		
Тамбовъ	1.381,907		
		Итого	16.175,324

Если положимъ доходность въ 5% цѣнности, то въ поименованныхъ городахъ государственный налогъ съ имуществовъ окажется *все-таки* не болѣе 10% дохода. Въ другихъ же городахъ, гдѣ оцѣнка болѣе приближается къ дѣйствительности (хотя далеко не вполне), налогъ составляетъ: въ Вильнѣ—5% дохода; Владиміръ—5%; Екатеринбургъ—5%; Митавѣ—4%; Минскѣ—6%; Могилевѣ—3½%: Орлѣ—5½%; Перми ¹⁾—4½%; Подольскѣ—5½%; С.-Петербургѣ—5% ²⁾; Симферополѣ—3%; и т. д. Такъ что, на самомъ дѣлѣ, налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществовъ не превышаетъ 2—4% доходности; но мы готовы считать его въ 6%. Налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществовъ 2 мил.; доходъ ихъ владѣльцевъ—33 мил. рублей.

Итого доходъ владѣльцевъ всѣхъ недвижимыхъ имуществовъ—106 мил. рублей.

IV. *Процентныя бумаги.* Изъ числа процентныхъ бумагъ, по закону, не могутъ подлежать обложенію: а) бумаги государственныхъ безсрочныхъ займовъ—внутреннихъ и вѣнскихъ, и б) три выпуска консолидированныхъ желѣзно-дорожныхъ облигацій; всего на сумму 825.870,790 рублей. Затѣмъ, капиталъ всѣхъ остальныхъ государственныхъ и частныхъ бумагъ, могущихъ подлежать обложенію, составляетъ (въ 1873 г.) 2.708,314,931 ³⁾ рубль, съ доходомъ въ 135.250,000 рублей, какъ видно изъ таблицъ №№ 9-й и 10-й:

Таблица № 9.

Названіе государственныхъ процентныхъ бумагъ.	Капиталъ. Р у б л и.	Доходъ (процентъ). Р у б л и.
I. <i>Срочные отъиміе займы</i> (1-й голландскій; англо-голландскіе 1864 и 1866 гг.; 4½%-ные: 1-й и 2-й; 4%-ные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й)	195.036,849	9.143,658
II. <i>Срочные внутренніе займы и билеты государственнаго банка</i> (5% банковые билеты 1859, 1861, 1863 и 1869 гг. и выкупныя свидѣтельства; 4% металлические билеты; 4% польскій заемъ; 5½% свидѣтельства государственнаго банка на непрерывный доходъ по выкупу)	818.799,954	40.777,393
III. 4,25% билеты государственнаго казначейства (серіи) и 4% облигаціи казначейства Царства Польскаго	239.820,885	10.264,055
Итого	1.253.157,188	60.185,066

¹⁾ Въ Перми городскія недвижимыя имущества оцѣнены всего въ 1.495,000 руб.

²⁾ Въ Петербургѣ—оцѣнка 113 мил. рублей.

³⁾ См. Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ въ Россіи, И. Гейлера, и собранія узаконеній и распоряженій правительства за 1871 и 1872 гг. Изъ помѣщенныхъ въ Сборникѣ Гейлера бумагъ не введены въ расчетъ: 2-й голландскій заемъ, 3-й и 4-й 5%-ные займы и гарантія по греческому дѣлу, какъ окончательно погашенныя въ 1871 г. Бумаги, выпущенныя на иностранныя валюты или на металлическіе рубли, переведены въ кредитныя рубли, по курсу 2-го мая 1873 г.

Таблица № 10 ¹⁾.

Названіе частныхъ процентныхъ бумагъ.	Капиталъ ²⁾ . Р у б л и.	Доходъ ³⁾ . Р у б л и.
I. Бумаги ипотечныхъ обществъ и банковъ ⁴⁾	122.995,211	6.223,672
II. Бумаги банковыхъ обществъ	68.450,000	4.894,060
III. Бумаги страховыхъ обществъ	27.150,000	2.418,800
IV. Бумаги пароходныхъ обществъ ⁵⁾	26.848,937	2.924,044
V. Бумаги желѣзно-дорожныхъ обществъ ⁶⁾	1.082.007,871	49.699,006
VI. Бумаги торгово-промышленныхъ обществъ ⁷⁾	177.705,724	9.405,526
Итого	1.455.157,743	75.075,098

V. *Трудъ*. Подъ этимъ источникомъ дохода мы подразумѣваемъ вознагражденіе, получаемое лицами, не принадлежащими къ податнымъ сословіямъ, на *государственной, общественной и частной службѣ*.

Мы располагаемъ только свѣдѣніями о размѣрѣ содержанія лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, но и они не полны, такъ какъ извлечены изъ старыхъ смѣтъ (1867 г.) и въ нихъ не вошли составъ министерства Двора и императрицы Маріи:

¹⁾ Общественные городскіе банки, общества взаимнаго кредита (исключая поземельнаго), и ссудо-сберегательныя товарищества не вошли въ расчетъ.

²⁾ При неизмѣнн свѣдѣніи о количествѣ и цѣнности бумагъ показаны основныя капиталы общества.

³⁾ Доходъ съ паевъ и акцій принять: 1) средній размѣръ дѣйствительнаго выданнаго въ 1867—69 гг. (а въ некоторыхъ случаяхъ 1867—70 гг.) дивиденда; 2) при неизмѣнн свѣдѣніи объ этомъ—гарантированный правительствомъ процентъ; и 3) если нѣтъ и гарантіи—доходъ принять въ 5% капитала.

⁴⁾ Изъ помѣщенныхъ въ Сборникъ Гейлера бумагъ не введены въ расчетъ, за невѣдѣнностью ни дѣйствительно выпущеннаго, ни основнаго капитала, бумаги обществъ: рижскаго город. кредит.; ревельскаго город. кредит.; земскаго кредит. въ Царствѣ Польскомъ; лифлянд. дворян. земск. кредит.; курианд. двор. земск. кредит. и лифляндск. крестьянскаго непрерыв. доход. банка.

⁵⁾ Бумаги с.-петерб.-любскаго общества не вошли въ таблицу, такъ какъ общество это въ 1871 г. ликвидировало свои дѣла.

⁶⁾ Въ 1871—72 гг. послѣдовало уменьшеніе основнаго капитала по акціямъ рижско-бологовской желѣзной дороги на 8.347,680 р., которые исключены изъ счета и соотвѣтственно тому пониженъ доходъ этого общества, принятый въ размѣрѣ средняго дивиденда (3¹/₂%).

⁷⁾ Въ расчетъ не вошли: а) всѣ благотворительныя общества, и б) акціи российско-американской компаніи, какъ прекратившей свои дѣйствія. Изъ общей суммы исключено также уменьшеніе основнаго капитала по снасской бумагопрядильнѣ и ткацкаму фабр. и варшавскаго общества сахарн. завод., всего на — 3.400,000 руб. съ доходомъ (полагая его въ 5%) въ 170,000 рублей.

Таблица № 11. Содержаніе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ¹⁾.

Размѣръ содержанія.	Число лицъ.	Сумма содержанія.	Размѣръ содержанія.	Число лицъ.	Сумма содержанія.
Рубл.		Рубл.	Рубл.		Рубл.
Свыше 10 т.	48	1.010,414	Отъ 800 до 900	1,690	1.433,481
Отъ 9 до 10 т.	14	185,339	„ 700 „ 800	2,665	2.005,734
„ 8 „ 9 т.	12	100,419	„ 600 „ 700	4,449	2,393,359
„ 7 „ 8 т.	47	344,322	„ 500 „ 600	9,339	5.204,047
„ 6 „ 7 т.	59	387,002	„ 400 „ 500	11,120	5.007,586
„ 5 „ 6 т.	118	641,737	„ 300 „ 400	19,815	6.819,476
„ 4 „ 5 т.	207	915,582	„ 200 „ 300	14,136	3.757,123
„ 3 „ 4 т.	425	1.492,383	„ 100 „ 200	8,055	1.279,438
„ 2 „ 3 т.	1,344	3.351,712	Менѣе 100	5,033	284,677
„ 1 „ 2 т.	7,113	9.494,469	Содержаніе безъ означенія числа лицъ.	—	—
„ 900 „ 1 т.	3,208	3.132,164	Итого	—	10.380,276
					60.071,203 ²⁾

Если присоединить къ этому итогу содержаніе, получаемое: мировыми посредниками, мировыми судьями, членами и секретарями губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, предсѣдателями, членами, секретарями, бухгалтерами городскихъ и земскихъ управъ, адвокатами, стряпчими, нотаріусами, маклерами, равно служащими по желѣзнымъ дорогамъ и въ другихъ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ, то это составитъ прибавку не менѣе 10 милл. рублей, считая на каждую губернію всего по 200 т. рублей.

Насколько мы осторожны въ нашемъ выводѣ, всякій можетъ рѣшить, взглянувъ на слѣдующія цифры, относящіяся до Тамбовской губерніи, собранныя мѣстной губернской управой:

Названіе учрежденій и мѣстъ	Число лицъ.	Получаемое содержаніе.
I. По дворянскимъ учрежденіямъ (9 уѣздовъ)	64	19,860
II. По мировымъ учрежденіямъ (по всей губерніи).	187	229,481
III. По городскимъ учрежденіямъ (10 уѣздовъ)	81	17,913
IV. По крестьянскимъ учрежденіямъ (въ 7 уѣздахъ).	82	44,594
V. По земскому управленію (во всей губерніи).	557	185,332
VI. По желѣзнымъ дорогамъ (во всей губерніи).	2,394	643,586
Итого	3,865	1.140,766

Впрочемъ, имѣя слишкомъ много въ запасѣ для подтвержденія нашей мысли, высказанной въ началѣ настоящей главы, мы не воспользуемся даже этой поправкой, принявъ, что трудъ привилегированныхъ сословій оплачивается всего 60 милл. рублей³⁾.

¹⁾ Труды комиссіи для пересмотра правилъ о служебныхъ преимуществахъ и пенсіоннаго устава.

²⁾ Въ эту сумму не включены: а) содержаніе канцелярскихъ служителей (около 8 мил. руб.) и б) содержаніе нижнихъ воинскихъ чиновъ (5 м.).

³⁾ Мы не брали въ расчетъ также пенсіи, сумма которыхъ, выдаваемая изъ государственнаго казначейства, составила въ 1867 г. болѣе 16 мил. рублей на 141 т. пенсіонеровъ, т.-е. въ среднемъ—но 118 рублей на каждого.

Такимъ образомъ, результатомъ нашихъ изслѣдованій о доходахъ лицъ, не принадлежащихъ къ податному населенію, оказывается:

Доходъ промышленниковъ	40.000,000 руб.
„ торговцевъ	306.000,000 „
„ землевладѣльцевъ	73.000,000 „
„ владѣльцевъ городскихъ недви- жимыхъ имуществъ	33.000,000 „
„ владѣльцевъ разнаго рода про- центныхъ бумагъ и акцій . . .	135.000,000 „
„ лицъ, состоящихъ на государ- ственной службѣ	60.000,000 „
Итого	647.000,000 руб. ¹⁾

Пять процентовъ этой суммы—32 милл., тогда, какъ половина подушныхъ сборовъ составляетъ 27 милл., т.-е., первая цифра болѣе послѣдней на 18⁰/₀.

Можетъ ли быть дальнѣйшій споръ о возможности переложить съ податныхъ сословій на другія половину подушныхъ сборовъ?

VI.

Возвращаясь къ таблицамъ II-й главы, мы увидимъ, что сложеніе половины подушныхъ сборовъ съ податныхъ сословій выразится въ уменьшеніи на 15⁰/₀ всѣхъ крестьянскихъ повинностей, или на 18⁰/₀ общей суммы государственныхъ сборовъ и *поземельныхъ* выкупныхъ и оброчныхъ платежей.

Въ дѣйствительности, такое облегченіе сельскаго населенія весьма *ничтожно*, какъ можно заключить по свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства, равно и по другимъ даннымъ.

Но *тягость* повинностей, лежащихъ на податномъ сословіи, обусловливается не только массой ихъ, но также *неуравнительнымъ* распредѣленіемъ государственныхъ сборовъ и *поземельныхъ* выкупныхъ и оброчныхъ платежей, наиболѣе рѣзкимъ въ отношеніи крестьянъ разныхъ наименованій.

Все сельское населеніе европейской Россіи можно раздѣлить на двѣ почти равныя части (въ каждой свыше 20 милл. душъ обоего пола), съ одной стороны — на бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а съ другой—на бывшихъ государственныхъ (около 20 милл. душъ обоего пола) и удѣльныхъ крестьянъ, колонистовъ и крестьянъ другихъ вѣдомствъ. Характеризовать эти два разряда сельскихъ обывателей можно такъ: первые владѣютъ *меньшимъ* количествомъ земли и пла-

¹⁾ Полученный итогъ, конечно, не имѣетъ никакого реальнаго значенія; онъ важенъ только какъ аргументъ для защиты нашего предположенія, ибо, безъ сомнѣнія, выражаетъ собой *минимумъ* дохода привилегированныхъ сословій.

тять *больше* повинностей, а вторые владѣютъ *большимъ* надѣломъ и платятъ *меньше* повинностей.

Возьмемъ для сравненія нѣсколько губерній, по которымъ мы имѣемъ достовѣрныя цифры о количествѣ надѣловъ и *поземельныхъ* платежей бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ ¹⁾:

Таблица № 12. О размѣрѣ поземельнаго надѣла бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Названія губерній.	Количество десятинъ, причитающихся на душу.		Надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ <i>меньше</i> %.
	У бывшихъ государственныхъ крестьянъ (по сѣнамъ гдѣмъ).	У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.	
Астраханская	15,7	10,2	34,2
Бессарабская	7,9	7,8	1,2
Владимірская	4,8	3,7	19,5
Екатеринославская	6,7	3,4	49,2
Костромская	5,7	4,9	14,0
Курская	4,2	2,2	45,2
Нижегородская	4,7	3,4	27,6
Новгородская	6,9	5,8	18,8
Псковская	5,9	4,2	4,0
Смоленская	5,7	4,0	29,9
Таврическая	9,8	6,2	35,4
Тверская	4,1	4,0	2,4
Харьковская	4,8	2,8	48,2
Херсонская	6,7	3,2	48,2
Уфимская	6,2	4,2	36,7

Таблица № 13. О неуравнительности государственныхъ сборовъ, падающихъ на крестьянъ.

Названія губерній.	Бывшіе государственные крестьяне платятъ съ десятины.			Бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ съ десятины.			Вѣнше помѣщичьи крестьяне платятъ больше государственныхъ сборовъ съ десятины.
	Государственныхъ помѣщичьихъ сборовъ.	Государственныхъ помѣщичьихъ сборовъ.	Всего съ десятины государственныхъ сборовъ.	Государственныхъ помѣщичьихъ сборовъ.	Государственныхъ помѣщичьихъ сборовъ.	Всего съ десятины государственныхъ сборовъ.	
	Копѣйки	Копѣйки	Копѣйки	Руб. К.	Копѣйки	Руб. К.	%
Астраханская	10,2	1	11,2	15,8	1	16,8	48,8
Бессарабская	24,4	4,2	28,6	24,7	4,2	28,9	1,8
Владимірская	57,1	5,2	62,3	71,0	5,2	76,2	22,2
Екатеринославская	27,7	4,2	32,0	54,7	4,2	59,0	84,2
Костромская	37,8	1,5	39,3	44,0	1,5	45,5	15,7
Курская	63,2	10,0	73,2	1 16,2	10,0	1 26,2	71,4
Нижегородская	54,2	3,4	57,6	75,0	3,4	78,4	36,1
Новгородская	26,2	1,0	27,2	31,2	1,0	32,2	22,4
Псковская	34,2	1,2	35,4	36,0	1,2	37,2	3,2
Смоленская	30,2	1,4	31,6	44,0	1,4	45,4	40,8
Таврическая	28,0	3,2	31,2	35,2	3,2	38,4	47,8
Тверская	53,4	1,2	54,6	54,7	1,2	55,9	2,2
Харьковская	55,4	7,8	63,2	98,0	7,8	1 5,8	67,4
Херсонская	32,8	4,2	37,0	58,1	4,2	62,3	67,7
Уфимская	36,4	1,2	37,6	57,2	1,2	58,4	55,7

¹⁾ Отчетъ о работахъ по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ

Таблица № 14. О неуравнительности поземельныхъ, выкупныхъ и оброч. платежей бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Названія губерній.	Размѣры поземельныхъ выкупныхъ и оброчныхъ платежей:				Всѣмъ поземельн. на крестьянъ платится болѣе съ десятины.
	У бывшихъ госуд. крестьянъ.		У бывшихъ помѣщич. крестьянъ.		
	на душу.	на десятину.	на душу.	на десятину.	
	Руб. К.	Копѣйки	Руб. К.	Руб. К.	%
Астраханская	4 —	25,2	6 41	—62,0	146,2
Бессарабская	8 65,2	45,2	13 91,2	1 78	291,2
Владимирская	4 3,7	86,7	7 1,2	1 86,7	115,2
Екатеринославская	3 56,2	53,0	6 35,2	1 86,2	251,2
Костромская	3 84,7	66,2	6 94,0	1 41,2	113,7
Курская	4 —	94,7	6 0,2	2 59,2	174,2
Нижегородская	3 53,2	74,7	6 53,0	1 89,7	153,2
Новгородская	3 27,7	47,2	7 8,2	1 25,2	165,2
Псковская	2 96,0	58,0	6 41,0	1 32,2	127,2
Смоленская	3 32,2	57,7	6 55,2	1 62,2	181,2
Таврическая	4 13,0	43,2	7 20,0	1 14,2	163,2
Тверская	4 5,0	96,2	6 94,2	1 71,7	77,2
Харьковская	4 25,7	92,0	5 82,0	2 23,2	142,2
Херсонская	3 48,0	51,2	6 76,0	1 75,7	241,2
Уфимская	3 71,7	54,2	6 68,2	1 54,2	184,2

Цифры эти внушительны и способны возбудить самыя невыгодныя предположенія; но они не разъясняютъ еще окончательно размѣръ тѣхъ средствъ, которыя необходимы для устраненія экономической разности въ положеніи бывшихъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ.

Мы постараемся сдѣлать приблизительный расчетъ.

Въ 48-ми губерніяхъ европейской Россіи, по раскладкѣ государственнаго поземельнаго земскаго сбора, во владѣніи крестьянъ всѣхъ наименованій считается 116.000,000 десятинъ удобной земли. Въ предѣлахъ этой мѣстности: бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — около 10.540,000, а государственныхъ, удѣльныхъ и другихъ вѣдомствъ — 12.540,000 душъ м. п. Средній душевой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ — 3,50 десятины; всего въ рукахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—37.000,000 десятинъ. На остальныхъ приходится 79.100,000 десятинъ, слѣдовательно, на каждую душу 6,30 дес.

Средніе оклады: подушной подати (1 р. 78 коп.) и подушнаго государственнаго земскаго сбора (54,2 коп.) для всѣхъ крестьянъ одинаково — по 2 р. 32,2 коп. съ души; поземельнаго государственнаго земскаго сбора вообще съ каждою десятиною—3,2 коп.; оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ—70,0 коп. съ десятины; и, наконецъ, выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ 1 р. 57,0 коп. съ десятины.

Переводя всѣ эти повинности на десятину помѣщичьихъ и госу-

дарственныхъ крестьянъ, мы получимъ такіе средніе выводы почти для всей европейской Россіи (48 губ.):

Таблица № 15. Сравнительный обзоръ экономическаго положенія бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ.

Размѣръ посельнаго надѣла на душу крестьянъ бывшихъ:		У помѣщичьихъ крестьянъ на десятину земли. %	Количество государственныхъ сборовъ съ крестьянъ бывшихъ:		Помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе государ. налоговъ. %	Количество поземельныхъ, оброчныхъ и выкупныхъ платежей крестьянъ бывшихъ:		Помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе поземельныхъ сборовъ. %	Всего платежей крестьянъ бывшихъ:		Итого помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе %
Государственныхъ.	Помѣщичьихъ.		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ.		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ.		Государственныхъ.	Помѣщичьихъ.	
Десятинъ.	Десятинъ.		Съ десятины.			Съ десятины.			Съ десятины.		
			Копѣекъ.			Коп.	Руб. К.		Руб. К.	Руб. К.	
6,30	3,50	44,44	40,7	70,2	72,4	70,0	1 57,0	124,2	1 10,7	2 27,2	105,2

Итакъ, бывшіе помѣщичьи крестьяне *вдвое меньше* надѣлены землей, причѣмъ платятъ *вдвое болѣе*, сравнительно съ государственными.

Громадное значеніе этого факта въ организмѣ нашей государственной жизни обрисовуется въ глазахъ каждаго, кто вспомнитъ, во-первыхъ, что сравненіе наше относится къ двумъ категоріямъ сельскихъ обывателей, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ свыше *двадцати милліоновъ* душъ обоюго пола; и во-вторыхъ, что матеріальное положеніе государственныхъ крестьянъ *само по себѣ* далеко не обезпечено и требуетъ облегченія въ платежахъ, какъ можно судить по свѣдѣніямъ Высочайше утвержденной комиссіи для изслѣдованія сельскаго хозяйства.

Но обратимся къ цифрамъ.

Изъ таблицы № 15-й видно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне платятъ болѣе бывшихъ государственныхъ на 105%, или на 1 р. 17 коп. съ десятины, а всего на 43.000.000 рублей.

Вотъ *та сумма*, которая должна быть сложена съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, чтобы *только* приравнять сборы, падающіе на нихъ, къ размѣру повинностей государственныхъ крестьянъ.

Половина подушныхъ сборовъ, могущая по нашему предположенію перейти съ податныхъ на другія сословія, составляетъ сумму въ 27 милл. рублей. Если эти *милліоны* даже исключительно предназначить на уменьшеніе повинностей бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то *тягость* сборовъ, оставшаяся на послѣднихъ все-таки будетъ, относительно тягости платежей лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ,—*болѣе* на 39%, или на 43,2 коп. съ десятины, всего же на 16 милл. руб. Это при надѣлѣ, который меньше на 44,4%, сравнительно съ надѣломъ остальныхъ крестьянъ.

Ясно, что податная реформа, въ размѣрахъ нами предположенныхъ, окажется еще не въ силахъ развязать этотъ *юрдиевъ узелъ*, помимо даже облегченія государственныхъ сборовъ, причитающихся съ колонистовъ, бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ.

Но средства, которыми располагаетъ государство, громадны. Рядомъ съ податной реформой могутъ быть приняты другія, въ совокупности болѣе дѣйствительныя мѣры: а) соотвѣтственное уменьшеніе выкупныхъ платежей; б) надѣленіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это признается удобнымъ и необходимымъ, казенными землями на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ; в) открытіе широкаго государственнаго кредита сельскому сословію для покупки частныхъ земель; г) отмена круговой поруки во всѣхъ ея видахъ; д) уничтоженіе паспортной системы, и ж) обезпеченіе болѣе свободнаго выхода изъ сельскихъ обществъ, въ особенности относительно бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ ¹⁾.

Л. Бухъ.

¹⁾ *Общее положеніе о крестьянахъ*. Ст. 130. Для увольненія крестьянъ изъ сельскихъ обществъ требуется соблюденіе слѣдующихъ условій:... 2) чтобы къ увольненію не было препятствія по отправленію рекрутской повинности; 3) чтобы на семействъ увольняемаго не было никакихъ казенныхъ, земскихъ, ни мірскихъ недоимокъ, и чтобы, при томъ, подати были уплачены имъ по 1-е января слѣдующаго года; 4) чтобы на увольняемомъ не было безспорныхъ *частныхъ* взысканій и обязательствъ, предъявленныхъ волостному управленію; 5) чтобы увольняемый не состоялъ подъ судомъ и слѣдствіемъ; 6) чтобы *родители* увольняемаго были согласны на увольненіе; 7) чтобы оставшіеся въ обществѣ, въ семействѣ увольняемаго крестьянина малолѣтныя и другія лица, неспособныя къ работѣ, были *обезпечены* въ своемъ содержаніи; 8) чтобы на увольняемомъ крестьянинѣ, если онъ пользуется надѣломъ помѣщичьей земли, не было недоимокъ въ повинностяхъ, причитающихся за такое пользованіе, и 9) чтобы желающій получить увольненіе представилъ приемный приговоръ отъ того общества, куда онъ переходитъ... (Кромѣ того случая, когда переходъ совершается въ предѣлахъ одной и той же волости).

Положеніе о выкупѣ. Ст. 173. Когда земля приобрѣтена отъ помѣщика цѣлымъ сельскимъ обществомъ, то отдѣльными членамъ сего общества дозволяется увольненіе изъ онаго, по уплатѣ *половины капитальнаго долга*, причитающагося по выкупной казенной ссудѣ на участокъ, состоящій въ пользованіи увольняемаго, буде мірское общество приметъ на себя ручательство за остальную половину. Въ такомъ случаѣ вышеозначенный взносъ обращается на погашеніе соразмѣрной части выкупнаго долга, съ уменьшеніемъ выкупныхъ платежей общества, а полевой надѣлъ и усадебная земля увольняемаго крестьянина *поступаютъ въ распоряженіе общ. ства*.... Ст. 174. Изъ крестьянскаго общества, на которомъ числится недоимка по выкупнымъ платежамъ или казеннымъ податямъ, никто не можетъ быть уволенъ безъ предварительнаго на то согласія губернскаго присутствія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое февраля, 1874.

Распущеніе палаты общинъ.—Посланія Гладстона и Дизраэли.—Государственный переворотъ въ Испаніи и новое правительство.—Министерскій кризисъ въ Версагѣ.—Бисмаркъ и иностранная печать.

Англійская палата общинъ, которая уже была созвана на 5-ое февраля, неожиданно распущена 24-го января, и объявлено о производствѣ новыхъ выборовъ. Неутѣшительная перспектива для того немалого числа консервативныхъ депутатовъ, которые съ осени минувшаго года одерживали побѣды надъ министерской партіею, но еще не имѣли случая засѣдать въ палатѣ: имъ предстоитъ теперь начинать все дѣло сначала. вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о рѣшеніи правительства, въ газетахъ появилось сообщеніе Гладстона къ его избирателямъ въ Гринвичѣ, которое содержитъ обстоятельное объясненіе поводовъ къ распущенію парламента и программу намѣреній министерства на будущее время, если результатъ выборовъ будетъ ему благоприятенъ. Нынѣ распущенная палата общинъ была избрана въ 1867 году, и по закону могла засѣдать до конца текущаго года. Но палата всегда распускается до истеченія полнаго срока.

Распущеніе парламента встрѣчено было съ одобреніемъ не только той печатью, которая поддерживаетъ министерство, напр., газетами „Daily Telegraph“ и „Daily News“, но и, такъ-называемымъ, органомъ лондонской City—газетой „Times“. Последнее обстоятельство довольно неожиданно, такъ какъ „Times“ давно уже не особенно благоприятно относился къ Гладстону. „Times“, очевидно, подкупленъ обѣщаніями, которыя выражены въ посланіи премьера къ его избирателямъ. Перевѣсъ доходовъ надъ расходами въ пять милліоновъ фунтовъ, и обращеніе его на отиѣну налога съ доходовъ, а также нѣкоторыхъ налоговъ на потребление и на уменьшеніе налоговъ по мѣстному

управленію—это такая программа, которая всегда вызоветъ сочувствіе коммерческаго міра. Одобреніе „Times“ есть хорошее предзнаменованіе для удачи министерства при будущихъ выборахъ. Но оппозиціонная печать самымъ рѣзкимъ образомъ высказываетъ осужденіе распущенію парламента въ настоящую минуту. Распустить парламента за 10 дней до срока его созванія и тѣмъ отдалить недѣли на двѣ открытіе парламентской сессіи, по мнѣнію оппозиціонной печати, значитъ прибѣгать къ чрезвычайной мѣрѣ, которая, по всей вѣроятности, была внушена и чрезвычайными поводами. Гладстонъ боится предстать предъ парламентомъ въ то самое время, когда на Золотомъ-Берегу командующій британскими войсками, сэръ Гарнетъ Уэльсли, предпринялъ рискованный походъ противъ апантіевъ внутри страны. Еслибы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе и парламента открыли бы съ такимъ извѣстіемъ, то судьба министерства немедленно была бы рѣшена. Безразсудное „разжиганіе“ этого дѣла, которому придали значеніе серьезной войны, съ большими затратами денегъ и большой опасностью для войскъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться простой и легкой обороной англійскихъ фортовъ, въ случаѣ неуспѣха, явилось бы такимъ поразительнымъ упрекомъ правительству, противъ котораго оно не могло бы устоять. Вотъ почему Гладстонъ распущеніемъ парламента отсрочилъ сессію, а великодушныя свои обѣщанія, слишкомъ щедрые свои дары бросилъ избирателямъ, чтобы подкупить ихъ такими благами на случай пораженія въ Африкѣ. Мы биты, но у насъ въ карманѣ нѣсколько лишнихъ фунтовъ— пусть они такъ утѣшаютъ себя и снисходительно относятся къ правительству. Таковъ общій смыслъ разсужденій оппозиціонной печати.

Легко указать въ нихъ основную натажку: если Гладстонъ боится предстать въ настоящую минуту предъ парламентомъ, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ бояться предстать предъ избирателями. Если настоящая минута неблагопріятна для Гладстона, то какъ же онъ могъ избрать ее для производства выборовъ, которые лѣтъ на пять создадутъ новое отношеніе между партіями? Нѣтъ серьезнаго повода не вѣрить тому объясненію, какое далъ самъ Гладстонъ въ своемъ письмѣ къ гринвичскимъ избирателямъ: онъ желаетъ почерпнуть новую силу въ выборахъ и дѣлаетъ избирателямъ обширныя обѣщанія по части облегченія въ налогахъ. Онъ продолжаетъ выступать кандидатомъ бережливости и, благодаря сдѣланному огромному сбереженію, видитъ возможность облегчить налоги, а наиболѣе нелюбимый буржуазіею налогъ съ доходовъ полагаетъ возможнымъ отменить совсѣмъ. Теперь стало понятно, почему осенью, при преобразованіи кабинета, Гладстонъ взялъ финансы въ свое непосредственное управленіе. Онъ хотѣлъ лично явиться передъ страной съ блестя-

щимъ финансовымъ результатомъ и побудить ее къ изъявленію довѣрія лично самому главѣ либеральной партіи.

Оппозиціонныя газеты, впрочемъ, глумятся надъ этимъ свойствомъ Гладстона,—его бережливостію. Онъ сберегаетъ лишь деньги, но не бережетъ нашей чести—такъ разсуждаютъ онѣ. Недавно появилось въ одной газетѣ частное письмо, въ которомъ съ горькой ироніей разсказывался слѣдующій фактъ: одинъ полкъ долженъ былъ сдать въ арсеналъ, въ Лондонѣ, свое старое знамя; путь изъ окрестности, гдѣ стоялъ полкъ, былъ недалекъ, и отрядъ, сопровождавшій знамя, нѣшкомъ пришелъ за нимъ къ мѣсту назначенія, „для избѣжанія расхода“ на переѣздъ по желѣзной дорогѣ. Это было знамя, которое полкъ носилъ въ битвѣ подъ Инверманомъ. Бѣдное знамя, какъ госпитальный гробъ бѣдняка, толкалось оно по улицамъ Лондона, безъ вниманія, безъ издержки лишняго гроша, какъ будто знамя Инвермана не стоило ничтожной жертвы, какъ будто оно не заслужило общественной благотворительности—въ этомъ родѣ разсуждали люди, считающіе постыдными подобныя сбереженія. Увы, когда-то на континентѣ Европы возможны будутъ подобныя жалобы. Несчастныя англичане! какъ обижаютъ ихъ Гладстонъ: ему жалко издержать лишній фунтъ стерл. изъ общественныхъ денегъ на военную церемонію. Вотъ уже поистинѣ, можно сказать, нечѣмъ попрекнуть правительство, если попрекаютъ его бережливостію.

Самое обращеніе Гладстона къ мнѣнію страны, въ формѣ сообщенія, къ его гринвичскимъ избирателямъ оппозицію вмѣняетъ Гладстону въ осужденіе, какъ нѣчто необычайное, нѣчто въ родѣ личнаго его „манifestа о выборахъ“, какъ призывъ отъ лица самого премьера къ „плебисциту“ для выраженія ему лично довѣрія. Это королевская или императорская прокламація, требующая плебисцита,—такъ разсуждаютъ противники Гладстона. Разумѣется, никто не оспариваетъ у него права держать объяснительныя рѣчи своимъ избирателямъ или дѣлать имъ письменныя сообщенія. Но одно дѣло, если бы премьеръ, пропустивъ нѣкоторое время, явился съ такимъ объясненіемъ собственно для поддержки своего избранія вновь въ Гринвичѣ; другое дѣло—когда онъ издаетъ свое сообщеніе въ тотъ самый день, когда объявлено о распущеніи парламента, и пишетъ это сообщеніе еще до официальнаго изданія декрета о распущеніи: тогда такое сообщеніе является уже именно манифестомъ Гладстона къ странѣ. Во всякомъ случаѣ, и какъ бы необычайно ни было такое сообщеніе Гладстона, мы видимъ, что глава его противниковъ, Дизраэли, поспѣшилъ послѣдовать его примѣру, издавъ вслѣдъ за сообщеніемъ Гладстона подобное же обращеніе къ своимъ избирателямъ въ Бѣкингемшерѣ. Мы сейчасъ упомянемъ.

о посланіи вождя торіевъ, но прежде займемся „манifestомъ“ Гладстона.

Гладстонъ заявляетъ, что правительство уже не пользуется въ настоящее время такимъ авторитетомъ, который ему необходимъ для того, чтобы съ увѣренностью работать для развитія благосостоянія страны. Въ этой удивительной странѣ все идѣляется, и говорится какъ-то совсѣмъ иначе, чѣмъ на континентѣ. Во Франціи не монархія—республика, а между тѣмъ, большинство 14-ти голосовъ было сочтено маршаломъ Макъ-Магономъ и его правительствомъ вполне достаточнымъ для принятія власти, даже для открытія новой эры внутренней политики, эры нравственного порядка. Правая сторона, когда предприняла замѣну республики монархіею, хлопотала только о приобрѣтеніи *одного* голоса большинства для перемѣны самой формы правленія. Недавно, при обсужденіи закона о порядкѣ назначенія жюрьовъ, одно весьма существенное постановленіе его прошло большинствомъ всего 5-ти голосовъ, несмотря на то, что въ составѣ большинства было 8 голосовъ министровъ и посланниковъ—и, однако, министерство Броули продолжаетъ существовать. Въ Пруссіи правительство считаетъ свой авторитетъ не зависящимъ отъ народа, а палатѣ даетъ иногда совѣты не вотировать такой-то мѣры потому, что оно, все равно, не утвердитъ ее. Въ Даніи народное представительство многократно выразило прямо недовѣріе министерству, и палата, только-что вышедшая изъ выборовъ, подтвердила такой приговоръ; но авторитетъ министерства нисколько этимъ не поколебленъ; оно остается на мѣстахъ. А Гладстонъ, который и доселѣ располагаетъ въ палатѣ общинъ большинствомъ въ 60 голосовъ, находитъ, что такого авторитета правительству уже недостаточно для успѣшнаго веденія дѣлъ, и обращается къ странѣ съ просьбою усилить его авторитетъ, за что и предлагаетъ облегчить ей налоги въ рублѣхъ милліоновъ на 35 въ годъ!

Недостатокъ авторитета, какой сознаетъ за собою правительство, по словамъ англійскаго премьера, можетъ быть пополненъ не иначе, какъ обращеніемъ къ странѣ, приглашеніемъ ее высказать свое мнѣніе, какъ исполнялись полномочія, данныя народомъ въ 1867 году, и какой партіи онъ въ настоящее время желалъ бы поручить управленіе дѣлами. Гладстонъ ссылается на пораженіе, понесенное министерствомъ въ важнѣйшемъ вопросѣ минувшей сессіи—въ биллѣ объ ирландскомъ университетѣ; пораженіе это, выказавъ недостатокъ авторитета нынѣшняго правительства, между тѣмъ, не разъяснило вопроса, какое правительство могло бы быть авторитетнѣе нынѣшняго. По крайней мѣрѣ, г. Дизраэли, глава оппозиціи, призванный въ то время къ составленію новаго кабинета, не призналъ возмож-

нимъ вѣстаться за это дѣло. Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ самой страной. Правда, съ тѣхъ поръ происходило нѣсколько частныхъ избраній, но отдѣльныя избранія, по словамъ Гладстона, ничего не доказываютъ: въ единичныхъ случаяхъ условія мѣстныхъ, относительная сила и дисциплина партій могутъ служить объясненіемъ того или другого результата, между тѣмъ, какъ результатъ общихъ выборовъ, происходящихъ среди многообразныхъ условий, выражаетъ уже дѣйствительно мнѣніе страны. Переходя къ своимъ воззрѣніямъ на вопросы вѣдшей и внутренней политики, Гладстонъ излагаетъ, что принципомъ вѣдшей политики Англіи должно быть—ожидать и требовать отъ другихъ державъ для Англіи только то, что сама Англія готова давать имъ съ своей стороны: уважая чужія права, Англія должна требовать, чтобы и другими уважались ея права. Относительно войны съ ашантиями, премьеръ высказываетъ намѣреніе „ограничить эту несчастную войну такими предѣлами, какіе только допускаются справедливостью и безопасностью въ будущемъ“ и выражаетъ надежду на „сворый и благопріятный выходъ (emerging) изъ этого столкновенія“. Во внутреннихъ дѣлахъ Гладстонъ указываетъ на три преобразованія, которыхъ требуетъ передовая часть либеральной партіи, а именно: на измѣненіе въ либеральномъ смыслѣ закона о начальномъ образованіи, на пересмотръ законовъ, опредѣляющихъ отношенія между рабочими и нанимателями и на распространеніе избирательнаго права, какъ оно существуетъ въ городахъ—на населеніе сельскихъ округовъ. Затѣмъ онъ возвѣщаетъ, что по счетамъ за финансовый годъ, который кончится въ будущемъ апрѣлѣ, можно ожидать излишка доходовъ предъ расходами до 5 милл. фунтовъ, и обѣщаетъ воспользоваться имъ для приступленія къ полной отмѣнѣ income-tax, который доставляетъ всего 5—6 милл. фунтовъ въ годъ, для преобразованія и облегченія системы мѣстныхъ сборовъ (local taxation) и для пониженія нѣкоторыхъ налоговъ на потребленіе.

Относительно заявленія премьера можно сдѣлать одно серьезное возраженіе: до сихъ поръ въ Англіи распушеніе палаты общинъ обыкновенно дѣлалось по поводу опредѣленнаго политическаго вопроса, а не по поводу одного вопроса о личномъ составѣ правительства. Потерпѣвъ пораженіе въ парламентѣ по поводу какого-нибудь важнаго вопроса, правительство, если полагало, что большинство избирателей согласно съ нимъ въ этомъ вопросѣ и что палата не выразила мнѣнія страны, то распускало палату и приглашало страну рѣшить судьбу этого вопроса. Само собою разумѣется, что при этомъ рѣшалась и судьба самого правительства, рѣшался вопросъ, въ чьихъ рукахъ должна находиться власть. Но все-таки личный

вопросъ былъ, такъ-сказать, замаскированъ важнымъ, стоящимъ прямо на очереди, общественнымъ интересомъ. Такая практика вполне согласна со смысломъ политической борьбы въ Англии: тамъ борьба происходитъ въ самомъ дѣлѣ между реальными интересами разныхъ слоевъ общества, и хотя интересы эти представляются личнымъ составомъ той или иной группы политическихъ людей, но все-таки на первомъ планѣ стоятъ общественные интересы, а не наоборотъ, то-есть, не партіи стоятъ впереди, а интересы позади, какъ во Франціи. Вотъ почему вопросъ тутъ хотя, повидимому, только въ формѣ, но и форма весьма важна, когда она указываетъ на здравую традицію и освящается ею. Едва ли не въ первый разъ нынѣшніе англійскіе избиратели прямо приглашаются рѣшить: „какой долженъ быть составъ правительства, какой партіи народъ желалъ бы поручить власть“. Этимъ нынѣшній премьеръ и далъ своимъ противникамъ нѣкоторое основаніе называть его обращеніе къ избирателямъ „императорскимъ воззваніемъ къ плебисциту“. Правда, онъ ссылается на вопросъ объ университетскомъ биллѣ для Ирландіи, въ которомъ министерство потерпѣло поражение. Но вѣдь это было въ мартѣ 1873 г., т.-е., почти годъ тому назадъ. Еслибы правительство распустило палату *въ то время*, то имѣло бы полное основаніе сослаться на этотъ вопросъ, и тогда распущеніе было бы вполне correct, то-есть, не только правильно по закону, но и согласно съ установившимися обычаями. Но въ то время вопросъ объ ирландскомъ университетѣ не былъ сочтенъ достаточно важнымъ для спроса о немъ мнѣнія страны, главнымъ образомъ потому, конечно, что едва ли было бы въ интересахъ правительства дѣлать его поводомъ къ выборамъ.

Дизраэли въ своемъ сообщеніи къ бѣкингемскимъ избирателямъ, которое служитъ какъ-бы избирательнымъ конгрессомъ манифестомъ партіи консервативной, послѣ свойственныхъ ему ироническихъ выходокъ, старается вырвать изъ рукъ противника ту программу, которую тотъ представилъ, тѣ обѣщанія, которыми тотъ хочетъ расположить избирателей въ пользу либеральной партіи. Относительно пониженія налоговъ Дизраэли говоритъ, что это могъ бы сдѣлать всякій министръ, это вопросъ только о возможности осуществить пониженіе въ данную минуту. Относительно распространенія городского ценза на сельскіе округа, Дизраэли говоритъ, что эта мысль принадлежала консервативной партіи, что вождь либераловъ только ухватился за нее. Что касается измѣненія въ законѣ о народномъ обученіи, то здѣсь Дизраэли усматриваетъ, и не безъ основанія, покушеніе на господство англиканской церкви. Онъ не приписываетъ прямо Гладстону намѣреніе отмѣнить господство англиканской церк-

ви въ Англіи, но говорить, что къ числу приверженцевъ Гладстона принадлежатъ тѣ люди, которые требуютъ этого переворота въ національныхъ учрежденіяхъ. Здѣсь слѣдуетъ напомнить, что хотя Гладстонъ, опасаясь сильной оппозиціи англиканскаго духовенства, которая могла бы сказаться весьма замѣтно на выборахъ, самъ лично положительно опровергалъ приписанное ему намѣреніе отиѣнить Establishment; но тѣ измѣненія въ законѣ о начальномъ обученіи, которыя онъ обѣщаетъ теперь въ общихъ выраженіяхъ, могутъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ исключеніи изъ начального обученія вѣроисповѣднаго элемента и въ ослабленіи вліянія англиканскаго духовенства на это дѣло. Что такое именно значеніе будутъ имѣть предполагаемыя измѣненія, въ этомъ ручается уже самый фактъ присутствія Брайта въ кабинетѣ. Гладстону недостаточно группировать либеральную партію вокругъ statu quo. Онъ хочетъ, чтобы она имѣла живой духъ, поддерживалась стремленіемъ впередъ, хочетъ удержать въ своемъ лагерѣ передовую часть либераловъ; а для этого прежде всего требуются именно тѣ указанныя нами измѣненія въ недавно изданномъ законѣ о начальномъ обученіи.

Предстоящіе Англій общіе выборы будутъ имѣть весьма большое значеніе по двумъ особымъ причинамъ: во-первыхъ, они покажутъ, насколько партія виговъ готова преобразоваться въ чисто-либеральную партію, то-есть освободиться отъ тѣхъ національныхъ преданій, которыя уже превратились съ теченіемъ времени просто въ предрасудки; во-вторыхъ, общіе выборы, которые въ первый разъ будутъ происходить при системѣ закрытой подачи голосовъ, покажутъ, кому благоприятствуетъ въ дѣйствительности эта система—либераламъ ли, которые осуществили ее, или же консерваторамъ, какъ то можно было, пожалуй, вывести изъ результатовъ большинства отдѣльныхъ выборовъ, произведенныхъ послѣ ея установленія.

Ровно годъ тому назадъ въ Испаніи была провозглашена республика. Мы замѣтили тогда, что явленіе это не имѣло ничего общаго съ реальными интересами Испаніи. Еслибы судьбами этой страны управлялъ въ самомъ дѣлѣ ея народъ, а не смѣняющіеся кружки искателей приключеній и любознательныхъ публицистовъ, дѣлающихъ надъ ней опыты, и еслибы народъ въ самомъ дѣлѣ желалъ республики, то онъ провозгласилъ бы ее въ 1868 году, когда изгнали Изабеллу. Въ то время было бы естественно замѣнить республикой монархію, дискредитированную въ лицѣ этой королевы. Этого въ 1868 году не сдѣлали; стало быть, или народъ не былъ волею распоряжаться своей судьбой, или республика не была въ собственныхъ его помыслахъ. Какое же довѣріе могла внушить республика,

когда въ началѣ 1873 года она являлась на сцѣнѣ монархіи честной, либеральной, повидимому слишкомъ либеральной для Испаніи? Провозглашеніе республики было дѣломъ публицистовъ, желавшихъ примѣнить свои теоріи, и авантюристовъ, желавшихъ ежемѣсячной сцѣны правительствъ съ ежемѣсячной перетасовкою мѣстъ, ежемѣсячными пронаводствами „за отличие“.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи года, мы видимъ въ Испаніи *мятое* правительство (не министерство—счесть министерскимъ счѣнамъ давно потерявъ). Фигерасъ, Пи-и-Маргалль, Сальмеронъ, Кастеларъ, перебивали президентами, и, наконецъ, имъ сталъ Серрано, регентъ 1868 г. Въ іюнѣ Испанія была провозглашена республикой федеративною; чрезъ 7-мь мѣсяцевъ она возвращается къ республикѣ унитарной. Новое правительство является продуктомъ государственнаго переворота. Испанія какъ будто ищетъ, какой сцены изъ исторіи политическихъ драмъ она еще не представила доселѣ: и вотъ выборъ ея режиссеровъ остановился въ этотъ разъ на 18-мъ брѹмера: этого у насъ еще не бывало; представимъ это! Представленіе удалось какъ нельзя лучше, потому что актеры обладаютъ большою опытностью и любятъ свое дѣло. Французскій репертуаръ они вообще предпочитаютъ: въ теченіе одного 1873 года они представили изъ новѣйшихъ французскихъ пьесъ: провозглашеніе республики, коммуну, 18-е брѹмера (въ первый разъ по возобновленіи) и, наконецъ, „консервативную республику“, съ маршаломъ во главѣ, и притомъ маршаломъ-монархистомъ. Что присяжные искатели приключеній, каковы главные члены новаго испанскаго правительства: Серрано, Топете, Сагаста, прежде не создали и теперь не создадутъ ничего прочнаго, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; таковъ ихъ интересъ, ихъ призваніе—смута и интрига. Но жалкую по-истинѣ роль разыграли въ теченіе прошлаго года добросовѣстные публицисты и доктринеры: Фигерасъ, Пи-и-Маргалль, Сальмеронъ, въ особенности Кастеларъ, краснорѣчивѣйшій изъ всѣхъ современныхъ ораторовъ,—поэтъ трибуны. Его весьма мѣтко назвали Ламартиномъ Испаніи. Каждую переиѣну, даже каждый новый декретъ люди эти объясняли, какъ нѣчто вѣщающее спасеніе не только Испаніи, но всему міру; и что же осталось отъ этихъ великихъ дѣлъ? Только 2-го января Кастеларъ провозглашалъ въ своемъ посланіи къ кортесамъ: „періодъ пронунсіаміентовъ (военныхъ революцій) въ Испаніи окончился; народъ долженъ убѣдиться, что имѣя всеобщую подачу голосовъ, онъ всего можетъ добиться чрезъ нее; войско—что его призваніе—защищать законный порядокъ и повиноваться рѣшеніямъ кортесовъ“. На другой же день, генералъ-капитанъ Мадрида, Павія окружилъ кортесы войскомъ, послалъ имъ

приглашеніе разойтись, и видя, что депутаты не уходятъ, „очистить“ отъ нихъ залу военной силою.

Въ числѣ влиятельнѣйшихъ органовъ печати въ Европѣ нѣтъ ни одного, который былъ бы глубоко возмущенъ такимъ актомъ и безусловно сталъ бы на сторону кортесовъ. Англійская печать, которой говоръ имѣетъ авторитетъ въ вопросахъ объ интересахъ свободы, едва находитъ нѣсколько словъ осужденія для самаго акта насилия, во призываетъ его естественнымъ и возмущается наиболѣе не тѣмъ, что солдаты вытолкали членовъ кортесовъ, но тѣмъ, что эти вытолканные кортесы были до такой степени неспособны, недѣльны, ничтожны. Одинъ громкій голосъ раздался въ иностранной печати противъ совершеннаго насилия и въ защиту кортесовъ: это былъ голосъ самого Кастелъара, которому кортесы только-что выразили недовѣріе, котораго они хотѣли смѣнить. Письмо его было напечатано англійскими газетами: „Я протестую всею силою души противъ грубаго акта насилия, совершеннаго надъ учредительными кортесами мадридскимъ генераль-капитаномъ, совѣсть не позволяетъ мнѣ вступать въ союзъ съ демагогами; но та же совѣсть и честь отвращаютъ меня отъ порядка вещей, созданнаго силою штыковъ“. Такъ выражается доуз-Эмилио Кастелъаръ: „силою штыковъ“—опять французская реминисценція, позаймствование, прескитательное, впрочемъ, у Мирабб: *puis vomes ici par la volonté du peuple* и такъ далѣе. Англійскую печать сильно возмущаетъ, между прочимъ, и это самообольщеніе неанглійскихъ публицистовъ, которые дѣлаютъ одну глупость за другою, ослѣпая ихъ напыщенными пошлостями, и при этомъ воображаютъ будто они разрабатываютъ будущность всего человѣчества, готовятъ для него новыя судьбы. Нѣкоторыя англійскія газеты по этому поводу высказываютъ глубочайшее презрѣніе ко всему испанскому народу. Когда такимъ образомъ разсуждаетъ печать англійская, удивляться ли, что нѣмецкая національно-либеральная „*Kölnische Zeitung*“ называетъ генерала Павіо „спасителемъ“ Испаніи, а совершенное имъ дѣло актомъ „достохвальной рѣшимости“ (*rühmenswürdiger Entschlossenheit*).

Многое можно было бы возразить на всѣ эти упреки, многое сказать въ оправданіе несчастнаго народа Испаніи и даже ея публицистовъ, „разрабатывавшихъ будущность“. Ограничимся двумя замѣчаніями. Если безпрестанныя перемѣны, эксперименты, движенія въ нынѣшней Испаніи способны внушить презрѣніе къ ней за ея предѣлами, то въ этомъ виновата трехсотлѣтняя неподвижность, продолжительный застой подъ всевластіемъ Бурбоновъ и инквизиціи; испанскій народъ лишенъ политическаго воспитанія, онъ не умѣетъ управлять своими дѣлами, и имъ управляютъ люди случая. Англій-

ская газета „Pall Mall“ называетъ сцену изгнанія испанскихъ донутатовъ солдатами — сценою изъ „Rabagas“, и говоритъ, что испанскій народъ, во всякомъ случаѣ, останется дравиннымъ, обезчещеннымъ народомъ на нѣсколько лѣтъ; затѣмъ слѣдуютъ совѣты, что всего важнѣе соблюдать порядокъ, заниматься управленіемъ, а не вопросами о республикѣ или монархіи и т. д. Все это прекрасно; все это очень легко сказать и, во всякомъ случаѣ, англичане имѣютъ болѣе права забавляться такими бесплодными разсужденіями, потому что они сами не даромъ приобрѣли ту опытность и практичность въ политическихъ дѣлахъ, которыми отличаются. Когда солдаты Кроуелля заперли парламентъ и вывѣсили на дверяхъ его надпись: „отдается въ наемъ“, то это было, пожалуй, еще болѣе похоже на подвигъ генерала Павія, чѣмъ любая сцена изъ „Rabagas“.

Эту оговорку необходимо было сдѣлать потому, что въ смыслѣ безусловномъ, то-есть, безъ всякихъ сравненій, мы должны сказать объ испанскихъ дѣлахъ то же самое, что говорятъ англійскія газеты. Слишкомъ очевидно, что въ Испаніи преобладалъ совершенный вздоръ, и что о прекращеніи его такимъ или инымъ способомъ жалѣть нечего, если только насиліе въ самомъ дѣлѣ положить конецъ анархіи, что еще весьма сомнительно. Но выводить отсюда осужденіе для всего испанскаго народа, объяснять все особенностями его національнаго характера и, подобно фарисею, благодарить Бога за свое сравнительное совершенство — вотъ что мы считаемъ взглядомъ не только не серьезнымъ, но весьма вреднымъ, въ сужденіи о политическихъ дѣлахъ. Кто не сходилъ на арену политической борьбы, тотъ не можетъ знать, какую фигуру онъ бы на ней изъ себя сдѣлалъ.

Весь ходъ дѣлъ въ Испаніи приближался къ абсурду. Когда анархія, представляемая на сѣверѣ и въ центрѣ страны карлистами, на югѣ вантоналистами, начала угрожать государству распаденіемъ, — въ средѣ учредительныхъ кортесовъ сталъ преобладать спасительный страхъ. Въ іюлѣ прошлаго года, когда самъ Пи-и-Маргалль, ученикъ Прудона, стоявшій во главѣ правительства, призналъ необходимость отступить отъ „принциповъ“ и провозгласить осадное положеніе, кортесы пошли еще далѣе: они смѣнили Маргалля и избрали президентомъ республики Николая Сальмерона, обязавъ его дѣйствовать въ консервативномъ духѣ. Сальмеронъ повелъ дѣло усмиренія довольно успѣшно: Севилья, Валенсія, Кадиксъ были взяты съ боя, и возстаніе осталось въ силѣ только на сѣверѣ въ районахъ, занятыхъ карлистами и на югѣ въ Картагенѣ. Но одного осаднаго положенія оказывалось еще мало, такъ какъ въ самыхъ войскахъ проявлялось полнѣйшее паденіе дисциплины. Въ кортесахъ, въ октябрѣ, при обсужденіи вопроса о строгихъ мѣрахъ къ утвержденію дисци-

лины, внесено было предложеніе о восстановленіи смертной казни. Николасъ Сальмеронъ готовъ былъ дѣйствовать въ консервативномъ духѣ, хотя бы и отступая, до извѣстной мѣры, отъ „принциповъ“. Но такое отступление, котораго требовали теперь, показалось ему уже слишкомъ сильнымъ, и онъ вышелъ въ отставку, указавъ самъ на Кастелара. Избранный президентомъ исполнительной власти, Кастеларъ продолжалъ дѣло усмиренія. Странно было видѣть, какъ этотъ вдохновенный трибунъ началъ свободы и гуманности дѣлалъ приготовленія къ бомбардированію Картахены. Но обстоятельства часто смѣются надъ людьми. На сѣверъ, противъ карлистовъ, онъ назначилъ генерала Моріонеса, который, впрочемъ, имѣлъ весьма мало успѣха. Въ концѣ декабря, встрѣтивъ близъ Санъ-Себастьяна превосходящія силы карлиста Эліо, Моріонесъ, призвавъ въ Санъ-Себастьянъ эскадру, посадилъ свои войска на суда, и отплылъ къ Сантаміа, въ провинцію Сантандеръ. Отсюда онъ опять пошелъ на сѣверо-востокъ, на Бильбао, но остановился, не рѣшаясь напасть на карлистовъ, осаждавшихъ Португалете. Этотъ послѣдній городъ въ послѣднихъ числахъ января и былъ взятъ карлистами.

На югѣ, осаду Картахены Кастеларъ поручилъ генералу Лопесу Домингесу. Въ концѣ декабря, осадныя батареи были установлены и противъ Картахены открыта была стрѣльба, которая чрезъ нѣсколько дней почти совершенно разрушила этотъ городъ. Чтѣ происходило въ это время въ Картахенѣ, было похоже на игру дѣтей, несмотря на то, что вопросъ былъ о жизни и смерти. Юнта смѣнялась юнтою, причеиъ волонтеры враждовали съ солдатами. Членъ одной изъ юнтъ, смѣнявшихъ одна другую, Ла-Каллье, участвовавшій въ парижской коммунѣ, самъ издалъ декретъ о конфискаціи всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ пользу народа, но издалъ декретъ этотъ отъ имени всей юнты, которая его совсѣмъ не знала. Въ послѣднее время, президентомъ юнты былъ Гутіересъ, бывшій кандидатомъ отъ волонтеровъ, а не отъ солдатъ. Полковникъ Пернасъ, который былъ его соперникомъ на выборахъ, вождь партіи солдатской, потребовалъ, чтобы его съ регулярными солдатами выпустили изъ города. Но юнта, разумеется, не пустила его; у него сдѣлали обыскъ, нашли записку, обличавшую его въ намѣреніи продать вѣрность альфонсистамъ, арестовали его и многихъ его офицеровъ. Когда началось бомбардированіе и стали валиться дома, мѣстами заграждая улицы своими развалинами, осажденные нисколько не пали духомъ. Всякъ, кто будетъ судить объ этомъ дѣлѣ, признаетъ, что мысль о независимости города Картахены и каждаго отдѣльнаго города въ Испаніи была нелѣпностью. Но только, поэтому, никто и не захочетъ хвалить оборону Картахены. Будь эта оборона не противъ войскъ испанской республики, но про-

тивъ иноземнаго непріятеля, ее можно было бы назвать блистательною. Элементъ „блистательный“ даже слингомъ преобладалъ въ ней, какъ будто именно она была игрой. На батареяхъ служили женщины наравнѣ съ мужчинами. Такъ было и при парижской коммунѣ. Но картахенцы дрались храбрѣе, чѣмъ парижане, не казнили и не жгли. Зачинщикъ всего картахенскаго возстанія, генералъ Контрерасъ (нѣкогда генералъ-капитанъ въ Мадридѣ), лишенный командованія въ Картахенѣ еще лѣтомъ, за то, что при одной вылазкѣ онъ не выказалъ достаточнаго мужества, теперь нарочно каждый день садился у воротъ, служившихъ однимъ изъ цѣлей для непріятельскаго огня и просиживалъ тамъ по нѣскольку часовъ, отправлялся на прогулку верхомъ за городской валъ, спать постоянно въ барахъ у аванпостовъ, однимъ словомъ, дурачился, какъ только могъ, и все-таки удѣлывалъ. Другіе зачинщики и вожди возстанія, депутаты Гальвесъ и Роке-Барсія, ежедневно являлись на суда и на стѣны и держали восторженныя рѣчи, подъ огнемъ осаждающихъ. О настроеніи ихъ и вообще о духѣ той страшной игры, которою забавлялись картахенцы на свою погибель, можно судить по „плачу“ о Картахенѣ, сочиненному дономъ Роке-Барсія, изъ котораго приведемъ нѣсколько строкъ: „Взгляните на груды развалинъ, алтарь нашего народа — это былъ Картахена. Есть ли во всей вселенной сила, которая могла бы одолѣть ее? Нѣтъ! эта пустыня разбитаго мрамора—безсмертна, потому что въ ней живетъ мысль; песокъ, въ который разбиты камни Картахены, покрытъ ее волнами, и это — волны возставшей свободы! Картахена стала стѣнью, но стѣнь эта представляетъ вѣчность, въ ней — идея Бога!“

Игра, предосудительная игра словами и жизнью; игра, въ которой отъ великаго къ смѣшному даже менѣе одного шага; сумасшествіе—но не пошлость. Защита Картахены доказала еще разъ, еслибы это требовало доказательствъ, сколько жизненной силы, какая могучая энергія еще кипитъ въ духѣ этого народа, который когда-то преобладалъ въ Европѣ и обладалъ Америкою. Когда солдаты Павія вторглись въ залъ кортесовъ, въ немъ раздались крики: „умремъ здѣсь!“ Но сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, депутаты „потолкались“ съ солдатами и были, наконецъ, вытолканы ими. Положимъ, это смѣшно, но въ крикѣ „умремъ“ все-таки нѣтъ причины видѣть одно фанфаронство, какъ то дѣлаютъ иные иностранные журналисты. Кровавая исторія Испаніи почти за полвѣка показывается, что хотя въ этой странѣ легко обращаются со смертью на словахъ, но на дѣлѣ еще легче обращаются съ жизнью.

Взятіе форта Атаала, 11-го января, открыло осаждающимъ путь въ Картахену. Тогда зачинщики мятежа Контрерасъ, Гальвесъ и

другіе съ большимъ числомъ своихъ сподвижниковъ, сѣли на суда „Нумансію“ и „Мендесъ-Нуњесъ“ и съ большой ловкостью проскользнувъ сквозь линію эскадры испанскаго адмирала, отплыли къ африканскому берегу. Они высадились въ Оранѣ, гдѣ были обезоружены французскими властями. Третій корабль ихъ „Дарро“ былъ захваченъ республиканскими судами.

Паденіе Картахены послѣдовало уже при новомъ въ Испаніи правительствѣ, при Серрано. Но само собою разумѣется, что взятіе этого послѣдняго очага кантональной революціи, совершившееся чрезъ нѣсколько дней по установленіи новаго правительства, было заслугой не его, но прежняго правительства, то-есть Кастелара. Какъ Тьеръ приготовилъ освобожденіе территоріи, но состоялось оно уже при маршалѣ Макъ-Магонѣ, такъ Кастеларъ подготовилъ взятіе Картахены, но оно совершилось при маршалѣ Серрано и пошло въ пользу ему, придавъ ему нѣкоторый авторитетъ за границей. Сказали: вотъ „публицисты“ бились полгода и не могли взять Картахены; назначенъ былъ солдатъ—и чрезъ нѣсколько дней она пала.

Съ половины сентября 1873 г. Кастеларъ правилъ безъ кортесовъ, которые, предоставивъ ему право объявлять по усмотрѣнію осадное положеніе и избравъ своимъ президентомъ Сальмерона, отсрочили свои засѣданія на три мѣсяца. Затѣмъ наступили праздники, и постоянная коммиссія созвала кортесовъ только на другой день новаго года. Сессія была открыта посланіемъ Кастелара, въ которомъ высказывались всѣ тѣ благоразумныя воззрѣнія, какими теперь осмѣиваетъ Испанію иностранная печать въ видѣ упрековъ: необходимость отложить всякіе споры о формѣ правленія, приданіе министерству и администраціи того ли другого политическаго оттѣнка и т. д., необходимость прежде всего восстановить порядокъ, поборотъ Картахену и карлистовъ, упрочить дисциплину, создать какіе-нибудь финансы; все это было въ посланіи Кастелара вмѣстѣ съ объявленіемъ, что періодъ прононсіаміентовъ прошелъ, и что народъ долженъ научиться дѣлать правильное употребленіе изъ всеобщей подачи голосовъ, а армія.— научиться уважать рѣшенія кортесовъ. Практика побѣдила въ Кастеларѣ мыслителя, и за нѣкоторое время до созванія кортесовъ онъ дошелъ въ консерватизмѣ до того, что допустилъ назначеніе папою нѣсколькихъ новыхъ епископовъ въ Испанію. Мѣста ихъ долго не были заняты, въ церковной администраціи водворялась та же анархія, какая была повсюду. Кастеларъ не вступилъ самъ, официально, въ сношенія съ Ватиканомъ, но составилъ самъ списокъ наименѣе фанатическихъ прелатовъ и, стороною, списокъ этотъ былъ доставленъ въ Римъ, съ объясненіемъ, что Кастеларъ не будетъ противиться назначеніямъ. Папа тотчасъ на-

значилъ тѣхъ епископовъ, которые были въ спискѣ. Такимъ образомъ все, казалось, обстояло благополучно: не погибли „ни колонія, ни принципъ“, такъ какъ все это сдѣлано было путемъ частныхъ переговоровъ.

Но не такъ разсуждалъ президентъ кортесовъ Сальмеронъ. Выше сказано, что онъ сложилъ съ себя самое предводительство въ верховной власти, когда отъ него требовали такого нарушенія принциповъ, какъ возстановленія, хотя бы на время и условно, смертной казни. Компромиссъ Кастелара съ папою показался ему не менѣе возмутительнымъ: для него было ясно, что правительство рѣшительно вступило на путь реакціонерный и что тѣмъ нужнѣ освѣженіе его состава болѣе либеральными элементами. Слишкомъ консервативныхъ министровъ: Месаинове, Карвахала, Брегву, по мнѣнію Сальмерона, слѣдовало уволить; мало того, слѣдовало смѣнить и нѣкоторыхъ военныхъ начальниковъ, слишкомъ увлекшихся диктатурой, въ томъ числѣ мадридскаго генераль-капитанъ Павію, который послѣ усмиренія имъ Севильи и нѣкоторыхъ другихъ городовъ, получилъ отъ Кастелара генераль-губернаторскую власть въ столицѣ.

Кастеларъ рѣшительно отказался отъ всѣхъ такихъ измѣненій, видя въ нихъ бесплодную перетасовку, которая только поколебала бы еще болѣе все дѣло управления. Безспорно—Кастеларъ былъ правъ; но дальнѣйшія событія показали, что былъ правъ и Сальмеронъ, по крайней мѣрѣ относительно генерала Павія. Въ засѣданіи кортесовъ 3-го января Сальмерономъ допущено было немедленное вотированіе внесеннаго въ кортесы выраженія правительству недовѣрія. 120 голосовъ противъ 100 были поданы противъ Кастелара, единственнаго и послѣдняго изъ добросовѣстныхъ людей, пробовавшихъ устроить въ Испаніи федеративную республику. Отъ Кастелара можно было только возвратиться къ Маргаллю, а это означало отгнѣнить вездѣ и осадное положеніе и строгія мѣры противъ нарушенія дисциплины, отказаться однимъ словомъ отъ консервативнаго направленія въ то время, когда анархія разъѣдала страну. Это былъ абсурдъ.

Во время собиранія голосовъ для избранія преемника Кастелару, президентъ собранія Сальмеронъ былъ вызванъ въ корридоръ, и потомъ возвратясь въ залу заявилъ, что „генераль-капитанъ проситъ депутатовъ въ пять минутъ оставить залъ, такъ какъ иначе угрожаетъ опасность порядку“. Иные догадывались, не самъ ли Кастеларъ внушилъ Павію мысль о насиліи, въ случаѣ своей смѣны. Въ подтвержденіе такого подозрѣнія и въ послѣдствіи доказывали, что Кастелару не могло быть неизвѣстно, что Павія значительно усилилъ мадридскій гарнизонъ. Но въ опроверженіе этого достаточно навести фактъ, что послѣ насилія Кастеларъ не остался въ управленіи.

Сверхъ того, и все поведеніе его при кризисѣ и письмо, нанечатанное имъ послѣ, опровергаютъ такое подозрѣніе. Да развѣ и нужно было генералу Павіи, чтобы кто-нибудь внушилъ ему подобную мысль? Онъ вѣдь знаетъ, что за смѣной Кастаньяра первымъ будетъ уволенъ отъ должности онъ самъ. Когда Сальмеронъ сдѣлалъ свое сообщеніе, то Кастаньяръ объявилъ, что пока преемникъ ему не назначенъ, онъ остается главой исполнительной власти, отрѣшаетъ генерала Павію отъ должности и предасть его суду. Собраніе, которое только что выразило Кастаньяру свое недовѣріе, единогласно и „съ энтузіазмомъ“, провозгласило его диктаторомъ. Онъ только успѣлъ сказать: „не поздно-ли“, какъ въ дверяхъ показались солдаты. Тогда произошла сцена рассказанная выше, и залъ кортесовъ былъ „очищенъ“.

Собраніе, которое сознательно шло къ абсурду, какъ бывшіе кортесы, не можетъ внушить уваженія. Сожалѣть о немъ нельзя, нѣтъ причины даже усматривать какое-либо безпримѣрное нарушеніе законности въ подвигѣ Павіи. Можно, пожалуй, сказать, что самое созваніе этихъ учредительныхъ кортесовъ было незаконно, и что незаконность при немъ совершена была самими доктринерами: Фигерасъ, когда былъ главой исполнительной власти, своевольно распустить постоянную комиссію прежней палаты, самовольно произвелъ новые выборы въ эти, прогнанные теперь, кортесы. Если пойдемъ далѣе, то скажемъ, что и та прежняя палата, которую незаконно распустилъ Фигерасъ, была сама незаконной: избранная при королѣ Амедѣй для законодательства въ монархію, она не только приняла „просьбу короля объ отставкѣ“, но не разошлась тотчасъ же сама, по назначеніи временнаго правительства, для производства новыхъ выборовъ, а наоборотъ, начала съ того, что объявила себя „державными кортесами“ и провозгласила республику, не имѣя на это никакого права, такъ какъ народъ далъ ей вовсе не такія полномочія. Такимъ путемъ, можно, пожалуй, придти къ заключенію, что въ Испаніи осуществилось, предсказанное когда-то А. Карроли для Франціи, положеніе: „il n'y a plus rien“! Затѣмъ уже нѣтъ препятствій оправдывать подвигъ Павіи и какой угодно переворотъ. Но вотъ существенное различіе: во Франціи все-таки есть *что*, а именно уваженіе къ народному представительству, какъ бы оно ни вело себя. Это понятіе нельзя не примѣнять и къ испанскимъ дѣламъ: кортесы, какіе бы они ни были, были все-таки избранными народа, и насиліе все-таки есть насиліе. Говорятъ, кортесы вели дѣло къ ниспроверженію всякаго порядка. Но когда же порядокъ, то-есть, уваженіе къ закону, утверждался насиліемъ надъ представительствомъ народа?

Составъ новаго правительства рчается пока только за отпѣну

въ Испаніи принципа федеративной республики. Хотя эта форма государственнаго устройства и была формально провозглашена учредительными кортесами въ прошломъ іюнѣ, но можно почти навѣрное сказать, что новое правительство получить такіе кортесы, которые отмѣнять прежнее рѣшеніе и провозгласить республику унитарную. Отчасти естественная реакція противъ анархіи, какою началось примѣненіе федеративнаго начала, отчасти, и еще въ большей степени—давленіе новаго правительства на выборы, произведутъ тотъ результатъ, что въ кортесы явится достаточное число консерваторовъ и республиканцевъ-унитаріевъ. Приверженцы федеративной республики или воздержатся отъ участія въ выборахъ, протестуя тѣмъ противъ государственнаго переворота, или, явившись въ кортесы, съ такимъ же протестомъ выйдутъ изъ нихъ. Результатомъ будетъ, по всей вѣроятности, провозглашеніе республики унитарной. Правда, судя по именамъ главныхъ членовъ новаго правительства, можно бы думать, что оно скорѣе предприметъ возстановленіе монархіи: Серрано, Топете и Сагаста вовсе не республиканцы. Но примѣръ Фракціи вѣроятно задержитъ ихъ рвеніе. По крайней мѣрѣ новое правительство уже объявило, что оно будетъ поддерживать принципъ „консервативной республики“. Составъ правительства слѣдующій: президентъ маршалъ Серрано, герцогъ де-ла Торре; министръ иностранныхъ дѣлъ Сагаста; морской министръ адмиралъ Топете; министръ юстиціи Фигерола; министръ внутреннихъ дѣлъ Гарсіа-Руисъ; публичныхъ работъ—Бесерра; финансовъ—Эчегаръ; военный министръ—Савала. Въ этомъ составѣ нѣтъ ни одного приверженца идеи федеративной республики, а министръ внутреннихъ дѣлъ Гарсіа-Руисъ, издатель газеты „Pueblo,“—защитникъ республики унитарной: включивъ его въ кабинетъ, Серрано тѣмъ самымъ обязался вести дѣло въ смыслѣ унитарной республики. Иначе, въ кабинетъ не вступилъ бы ни Гарсіа-Руисъ, ни, по всей вѣроятности, тѣ демократы, которые вошли туда же: Фигерола, Бесерра, Эчегаръ. Если бы Серрано, Топете, и Сагаста замыслили теперь же вести дѣло къ возстановленію монархіи, то они не призвали бы себѣ въ товарищи этихъ людей и не дали бы военное министерство Савалѣ, который если и монархистъ, то умѣренный и перешедшій послѣ паденія монархіи въ республикѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что и впредь очень много будетъ значить примѣръ, какой дастъ Франція. Если бы въ ней воцарился Генрихъ V, то донъ-Карлосу быть можетъ удалось бы завоевать себѣ испанскій престолъ. Покажеться же въ Испаніи не будетъ хуже, чѣмъ было доселѣ.

Французскія дѣла, противъ обыкновенія, не были богаты собы-

тіями въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Правда, происходила министерскій кризисъ; но онъ имѣлъ отчасти значеніе крайности, хотя довольно характеристичной,—одного изъ тѣхъ incidents, безъ которыхъ уже немислимы не только два мѣсяца, но и недѣля французской политики.

Министерство, назначенное маршаломъ Макъ-Магономъ, по вступленіи его въ семилѣтнее президентство, слишкомъ поспѣшило послѣ вакацій новаго года проводить свой законъ, предоставляющій назначеніе мэровъ правительству (порядокъ существовавшій при имперіи и отмѣненный при республикѣ). Отсюда и произошла опасная случайность. Вакаціи собранія продолжались первую недѣлю новаго года, послѣ утвержденія 29-го декабря бюджета на 1874 годъ, а 30 декабря—проектъ новыхъ налоговъ на 80 милл. франковъ. Въ засѣданіи 8-го января, членъ крайней правой—враждебной нынѣшнему кабинету, испешнему главнымъ образомъ изъ праваго центра—маркизъ де-Франльё предложилъ отсрочить обсужденіе закона о мэрахъ для совмѣстнаго разсмотрѣнія съ закономъ о муниципальномъ управленіи вообще, который имѣетъ быть представленъ впослѣдствіи. Предложеніе само по себѣ было вполне раціонально. Какой смыслъ имѣетъ изданіе отдѣльнаго закона о мэрахъ, когда въ скоромъ времени придется обсуждать все муниципальное устройство, и стало быть вопросъ объ аттрибуціяхъ мэровъ возникнетъ вновь? только тотъ, что министру внутреннихъ дѣлъ, герцогу Брольи хотѣлось какъ можно скорѣе начать ломку состава мѣстной администраціи для того, чтобы имѣть „консервативное“ вліяніе на частные выборы въ мѣстностяхъ, гдѣ популярны республиканцы. Министерство могло просто снять съ очереди законъ о мэрахъ, еслибы вполне сознавало свою слабость, сознавало, что достаточно отсутствія нѣсколькихъ преданныхъ депутатовъ для перенесенія большинства на враждебную ему сторону. Но министерство требовало постановленія закона о мэрахъ впереди другихъ дѣлъ, и вотъ, послѣ двухъ нерѣшительныхъ голосованій, потерпѣло пораженіе большинствомъ 268 голосовъ противъ 268. Зависѣло это просто отъ того, что многіе друзья министерства еще не возвратились изъ своихъ мѣстъ отдохновенія; но тѣмъ не менѣе характеристиченъ фактъ, что нынѣшнее министерство можетъ держаться только при самомъ напряженномъ усиліи всего своего лагеря. По провозглашеніи результата этого вотированія, въ собраніи послышалось нѣсколько возгласовъ: „Павія! Павія!“

Министры подали просьбы объ отставкѣ, которыхъ Макъ-Магонъ, однако не принялъ. Немедленно созваны были, по телеграфу, всѣ отсутствовавшіе друзья, даже посланники при ближайшихъ дворахъ. Въ засѣданіи 12-го января правымъ центромъ внесено было пред-

ложение: объявить министерству довѣріе собранія и поставить законъ о мѣрахъ во главѣ списка очередныхъ дѣлъ. Противоположное предложеніе Пизара о простомъ переходѣ къ очередному порядку было сперва отвергнуто большинствомъ 356 голосовъ противъ 316, затѣмъ предложеніе благоприятное министерству было принято большинствомъ 379 голосовъ противъ 321, и министры, сочтя себя вполне удовлетворенными, остались на мѣстахъ.

Изъ послѣдующихъ засѣданій національнаго собранія весьма важно было засѣданіе 20-го числа. Въ немъ весь законъ о мѣрахъ былъ принятъ большинствомъ 367 противъ 324 голосовъ (при обсужденіи отдѣльныхъ статей правительственное большинство спускалось до 5-ти) и устраненъ былъ посредствомъ, такъ-называемаго, „предварительнаго вопроса“ запросъ клерикала Дю-Тампля о томъ, имѣетъ ли нынѣшнее правительство намѣреніе сохранить постъ французскаго посланника при королѣ Италіи. Устраненія этого запроса, „по особымъ политическимъ соображеніямъ“, потребовалъ министр иностранныхъ дѣлъ герцогъ Деказъ. При этомъ случаѣ онъ объяснилъ, что правительство состоитъ въ хорошихъ и искреннихъ отношеніяхъ (*cordialité*) съ Италіею „въ томъ видѣ, какому обстоятельства ее сдѣлали“, т.-е., признаетъ единство итальянскаго королевства, однимъ словомъ держится въ отношеніи къ Италіи прежней политики, т.-е. политики Тьера.

Къ такому объясненію герцогъ Деказъ былъ отчасти вынужденъ вымогательствами германскаго правительства, которое въ послѣднее время начинаетъ нѣсколько безцеремонно давать чувствовать свою силу сосѣдямъ. Оно сдѣлало французскому правительству внушеніе относительно его поблажки клерикаламъ и предполагаемой опасности съ его стороны для Италіи. Объясненіе герцога Деказа было отчасти побуждено этимъ, но несомнѣнно было вынуждено этимъ вмѣшательствомъ князя Бисмарка и запрещеніе фанатически-клерикальной газеты „Univers“ за оскорбленія германскому правительству. Декретъ о запрещеніи на два мѣсяца изданія газеты „Univers“, въ силу осаднаго положенія, изданъ былъ парижскимъ генераль-губернаторомъ, генераломъ Ладмиро, на котораго также недавно жаловался германскій посланникъ за его неосторожныя слова при приемѣ въ день новаго года о свойственной Франціи *prépondérance*. Какъ ни ненавидитъ и ни презираетъ газету „Univers“ огромное большинство французовъ, понятно, что такое вмѣшательство было тяжело для націи. Даже осторожный „Journal des Débats“ замѣтилъ: „послѣ утраты двухъ провинцій и уплаты пятимиллиардной суммы, такое униженіе не прибавляетъ много къ нашему бремени; но оно должно напом-

нить намъ, что въ дѣйствительности на нашей территоріи еще стоитъ непріятель". Англійскія газеты единогласно и весьма рѣзко осудили такое вмѣшательство германскаго канцлера во французскія дѣла. Но кн. Бисмаркъ въ послѣднее время сдѣлалъ еще нѣсколько подобныхъ походовъ: онъ назвалъ въ сеймѣ лжецомъ итальянскаго генерала Ламармору, за то, что тотъ, говоря объ обѣщаніяхъ Бисмарка въ 1866 году, сослался въ подтвержденіе ихъ на письмо, которое не было официально. Между тѣмъ, онъ же обнародовалъ въ „Times“ въ 1870 году проектъ о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, начертанный въ его же кабинетѣ бывшимъ французскимъ посланникомъ, и, разумѣется, уже не имѣвшій ни подписи, ни официального характера. Онъ же недавно опубликовалъ въ своей официозной печати новѣйшую папскую буллу, которая официально обнародована не была и которой самая достовѣрность теперь опровергается папскимъ дворомъ. Наконецъ, князь Бисмаркъ сдѣлалъ представленія и бельгійскому правительству противъ нападений на Германію бельгійскихъ клерикальныхъ газетъ; однимъ словомъ, онъ вступилъ на путь, которому, какъ извѣстно, слѣдовалъ Наполеонъ III, дѣлавшій Бельгіи и Сардиніи тѣ же самыя представленія.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24 (12) января.

Политическій кризисъ въ Германіи.

Благодаря тому обстоятельству, что я посвятилъ свою послѣднюю, ноябрьскую корреспонденцію исключительно одному вопросу: конференціи по реальнымъ школамъ, я теперь поставленъ въ необходимость обозрѣть политическую жизнь Германіи почти за четыре мѣсяца, въ теченіе которыхъ парламентская дѣятельность была очень оживлена, борьба государства съ ультрамонтанствомъ приняла все болѣе и болѣе широкіе размѣры, и произошли выборы въ прусскую палату депутатовъ и въ германскій рейхстагъ. Изъ нихъ послѣдніе далеко превосходятъ по интересу и значенію всѣ остальные, имѣвшіе мѣсто съ тѣхъ поръ, какъ Германія живетъ парламентской жизнью.

Въ теченіе всего лѣта и осени Германія наслаждалась, не скажу глубокимъ покоемъ, но настоящимъ политическимъ *dolce far niente*. Единственными значительными событіями были: обнародованіе переписки между папой и императоромъ Вильгельмомъ, пріѣздъ короля Виктора-Эммануила въ Берлинъ и поѣздка императора Вильгельма въ Вѣну. Наконецъ, пожалуй, оба побѣдныхъ торжества, праздновавшихся въ Берлинѣ, которыя настолько имѣютъ политическаго значенія, насколько съ ними связывалось направленіе внутренней прусской политики, ибо какъ разъ въ эти самые дни, одобренная всѣмъ министерствомъ политика министра просвѣщенія Фалька, направленная противъ злоупотребленій римско-католическаго духовенства, получила окончательную санкцію императора и вступила въ тотъ фазисъ своего развитія, послѣ котораго отступленіе стало невозможно.

Но народъ погруженъ былъ все это время въ глубокую летаргію; онъ не заботился ни о внѣшней, ни о внутренней политикѣ, и каждый считалъ, что имѣетъ право на такой отдыхъ послѣ военнаго грохота и послѣдовавшаго затѣмъ парламентскаго шума, за которыми, по крайней мѣрѣ за первымъ, съ участіемъ слѣдили всѣ сердца.

Но можно съ достовѣрностью сказать, что даже въ эпоху лѣтняго затишья происходили явленія, возникали новые взгляды, изменялись существующіе, общественное мнѣніе привлекалось новыми задачами—словомъ, совершались перемены, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности можетъ быть и незначительна, но въ общемъ результатъ можетъ оказаться весьма существенной.

Нигдѣ нельзя такъ хорошо это прослѣдить, какъ въ конституціонныхъ государствахъ, въ которыхъ выборы, происходящіе черезъ извѣстные промежутки времени, служатъ вѣрнымъ мѣриломъ общественнаго настроенія, если эти выборы свободны и происходятъ не подъ давленіемъ правительства, какъ это зачастую бываетъ, когда послѣднее старается навязать народу то настроеніе, которое ему пріятно.

Въ Пруссіи, въ теченіе довольно долгаго времени имѣло мѣсто подобное давленіе, но мало-по-малу оно исчезло. Въ пятидесятыхъ годахъ, при министерствѣ Мантейфеля вускались въ ходъ всевозможныя средства, съ цѣлію повліять на избирателей. Но графъ Эйленбургъ, который, какъ и князь Бисмаркъ, слишкомъ большой баринъ, чтобы любить мелкія бюрократическія уловки, ограничился тѣмъ, что потребовалъ отъ чиновниковъ, чтобы они энергически поддерживали при выборахъ правительство. Коротко говоря, при послѣднихъ выборахъ какъ въ палату депутатовъ, такъ и въ рейхстагъ,

правительство рѣшительно воздерживалось отъ всякаго давленія на избирателей.

Съ другой стороны, со времени великихъ событій 1866 г., а главное, съ 1870 г., оппозиція утратила значительную часть своей силы. Самымъ характернымъ доказательствомъ всеобщаго довѣрчиваго и миролюбиваго настроенія кажется мнѣ воззваніе къ избирателямъ, которое прогрессивная партія выпустила еще въ мартѣ мѣсяцѣ, въ виду приближавшихся выборовъ. Но для того, чтобы вполне оцѣнить его значеніе, надо знать прежніе документы того же рода этой партіи, и поэтому я приведу сначала отрывокъ изъ избирательнаго циркуляра прогрессивной партіи отъ октября 1867 г. (слѣдовательно, послѣ основанія сѣверо-германскаго союза и первой сессіи рейхстага). Циркуляръ начинался съ того, что съ передачей военныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе союза, палата депутатовъ должна обратиться ко внутреннимъ дѣламъ. „По части этихъ реформъ“—такъ гласилъ вышеупомянутый циркуляръ, „почти еще ничего не сдѣлано, потому что всѣ тѣ, которыхъ либеральная партія требовала въ теченіи долгихъ лѣтъ, какъ, напр., общинное и окружное положеніи, школьный законъ и т. д., не подвинулись ни на іоту впередъ. Точно также правосудіе осталось далеко недоступнымъ для каждаго, потому что все еще существуютъ монополіи обвиненія за прокуратурой, не пользующейся независимостью, и законъ о порядкѣ веденія дѣлъ при возникающихъ спорахъ о компетентности, въ силу котораго для судебного преслѣдованія чиновниковъ за преступленія по должности требуется согласіе ихъ начальниковъ. Доселѣ еще присяжные исключены изъ такъ-называемыхъ, политическихъ процессовъ или преступковъ противъ печати. Такъ же мало удавалось до сихъ поръ примѣнить на практикѣ обѣщанную въ статьѣ 12-й конституціи равноправность всѣхъ религіозныхъ общинъ. Но всего необходимѣе изданіе окружнаго или общиннаго положенія. Сельскія общины до сихъ поръ еще лишены самоуправленія, которымъ города обладаютъ уже много лѣтъ“....

Вотъ языкъ, которымъ говорила прогрессивная партія въ 1867 г. и какъ разъ 12 октября 1867 г. Это число замѣчательно тѣмъ, что оно ознаменовано изданіемъ перваго закона, изъ того длиннаго ряда, благодаря которому сначала сѣверо-германскій союзъ, а затѣмъ и германская имперія, освободились отъ всѣхъ путъ, которыми задерживалось экономическое развитіе. Законъ о паспортной системѣ (отмѣнившій паспорта или какія бы то ни было документы для путешествія по всѣмъ областямъ сѣверо-германскаго союза или для выѣзда изъ нихъ) былъ изданъ 12 октября 1867 г.

Шесть лѣтъ спустя, въ мартѣ 1873 г., избирательное воззваніе

прогрессивной партіи гласить слѣдующее:.... Избиратели! Великія цѣли, которыя нѣмецкая прогрессивная партія преслѣдовала со времени своего основанія, далеко еще не достигнуты. Совсѣмъ тѣмъ многое изъ нихъ осуществилось быстрѣе даже, чѣмъ мы надѣялись, и кто сравнитъ положеніе общественныхъ дѣлъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ ¹⁾ съ настоящимъ, тотъ долженъ будетъ согласиться, что происшедшія съ тѣхъ поръ перемены больше соответствуютъ нашей программѣ, чѣмъ программѣ нашихъ противниковъ.

„Идея германскаго единства, которую мы приняли съ самаго начала и защищали противъ нападокъ и клеветъ тогдашней правительственной партіи, олицетворилась теперь въ императорѣ и имперіи. Равномѣрная учрежденія, составленныя въ свободномъ и гуманномъ духѣ, начинаютъ распространяться по всей Германіи. Национальная экономическая жизнь, освобожденная отъ путъ, бьетъ такимъ сильнымъ и живымъ ключомъ, что порождаетъ увѣренность, что нѣкоторыя тревожныя явленія данной минуты точно также будутъ устранены....

„Прусскій ландтагъ точно также можетъ похвалиться прогрессомъ въ законодательствѣ, какого не представлялъ ни одинъ законодательный періодъ прежняго времени. Бюджетъ составляется правильно и опирается на прочныя основанія, благодаря закону о верхней контрольной палатѣ. По вопросу о налогахъ сдѣланы первые шаги на пути той реформы, которая должна вызвать болѣе правильное распредѣленіе податей и облегченіе для тѣхъ классовъ народа, которые наиболѣе удручены. Кредитъ получилъ новую обезпеченность, благодаря преобразованію ипотечной системы.

„Необходимость дальнѣйшаго развитія самоуправленія и децентрализаціи признается теперь и официальнымъ міромъ. Въ различныхъ направленіяхъ полицейская дѣятельность государства ограничена законодательствомъ, и новое окружное положеніе, конечно, окажетъ ту услугу, что разобьетъ цѣпи феодализма и отероетъ свободный путь для дѣятельныхъ народныхъ элементовъ въ дѣлѣ управленія округомъ. Наконецъ, въ сферѣ гуманнаго и личнаго развитія сдѣланы большіе шаги впередъ. Школьные путы устранены. Правительство провело законъ о надзорѣ надъ училищами и длиннымъ рядомъ церковныхъ законовъ довершило окончателъный разрывъ съ губительной системой взаимнаго страхованія между чиновническимъ владычествомъ въ государствѣ и поповскимъ владычествомъ въ церкви, которое такъ долго задерживало развитіе Пруссіи.

„Въ числѣ этихъ преобразованій есть такія, на которыя наша пар-

¹⁾ Въ 1871 г. образовалась „нѣмецкая прогрессивная партія“.

тія могла дать свое согласіе безъ колебанія. Она старалась въ свое время добиться тѣхъ измѣненій въ законахъ, которыя ей были желательны. Хотя она слишкомъ часто терпѣла при этомъ пораженія, но тѣмъ не менѣе признала необходимость поддерживать, заодно съ другими либеральными партіями, правительство въ борьбѣ, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе принимаетъ характеръ великой культурной борьбы человѣчества“.

Такъ разсуждаетъ прогрессивная партія въ 1873 г. Вы согласитесь со мной, что это скорѣе являеть правительственной партіи, и естественно возникаетъ вопросъ: не служить ли довольство прогрессивной партіи политикой правительства въ осужденіе этой послѣдней, и не оправдываетъ ли упреки, которые съ другой стороны высказываются противъ нея.

Но всеобщее довѣрчивое спокойствіе было неприятно нарушено результатомъ выборовъ. Выборы въ палату депутатовъ произошли при сравнительно слабомъ участіи избирателей, и ультрамонтанамъ удалось значительно умножить число своихъ представителей. Результатъ выборовъ оказался слѣдующій: на 432 члена, насчитываемыхъ палатой депутатовъ, они насчитывали до сихъ поръ 62 члена, а теперь число ихъ возросло до 89. Въ остальномъ оказалось значительное усиленіе либеральныхъ партій и соответствующее ему ослабленіе консервативныхъ. Національные либералы съ 128 членовъ возросли до 170, прогрессивная партія съ 50 до 63; напротивъ того, старо-консерваторы упали съ 70 до 4, ново-консерваторы, которые въ предыдущую сессію отдѣлились отъ старо-консерваторовъ, спустились съ 36 до 20, а вольные консерваторы остались въ прежнемъ составѣ около 30 членовъ. Соціалисты-демократы совершенно устранились отъ выборовъ, чтобы сосредоточить всѣ свои силы на выборахъ въ рейхстагъ, при которыхъ всеобщая, непосредственная и закрытая подача голосовъ для нихъ гораздо благоприятнѣе, чѣмъ трехъ-сословная система, по которой совершаются выборы въ прусскую палату депутатовъ.

Такой результатъ выборовъ произвелъ сильное впечатлѣніе, хотя всѣ ждали, что консерваторы проиграютъ въ численности, а клерикалы выиграютъ. Князь Бисмаркъ предсказалъ консерваторамъ ихъ судьбу, когда эти послѣдніе отдѣлились отъ правительства и стали въ оппозицію къ нему; друзья консерваторовъ также неустанно предостерегали ихъ. Но вмѣсто того, чтобы послушаться этихъ предостереженій, они бросились въ объятія вождямъ праваго консервативнаго крыла, заключили союзъ съ ультрамонтанами и стали подстрекать духовенство къ сопротивленію церковнымъ законамъ. Касательно образа дѣйствій этой партіи и ея вождей возникло длинное препи-

рательство между органомъ дружественно настроенныхъ къ правительству консерваторовъ и партией „Крестовой газеты“, изъ котораго, однако, ничего не вышло. Правительство утверждало при этомъ, что оно признаетъ необходимость существованія и право консервативной партіи, и протягиваетъ руку примиренія, но что консерваторы должны при этомъ избрать себѣ другихъ вождей и другой органъ, чѣмъ „Крестовая газета“. Но въ этомъ случаѣ повторилось лишь то, что бываетъ очень часто: каждому приходится нести послѣдствія своихъ поступковъ, а правительство не одно десятилѣтіе хлопотало о томъ, чтобы „Крестовая Газета“ стала неопровержимымъ авторитетомъ. Въ пятидесятихъ годахъ считалось вѣрнымъ признакомъ „благонамѣренности“ читать „Крестовую Газету“, и не только сельское дворянство и духовенство, но и чиновникъ, дѣлающій карьеру, студентъ-аристократъ, и прежде всѣхъ молодые офицеры читали ее и проникались государственной мудростью „передовыхъ статей“ Стала и Герлаха. Только теперь позналъ князь Бисмаркъ, какое собственно зерно заключалось въ этой политикѣ, которой онъ самъ увлекался, и недавно (въ рѣчи, сказанной въ палатѣ депутатовъ, 17 декабря) съ извѣстной ироніей онъ охарактеризовалъ Герлаха (который снова засѣдаетъ теперь въ палатѣ депутатовъ, хотя принадлежитъ евангелической, а не ультрамонтанской фракціи), какъ политическаго дѣятеля, которому знакома одна только потребность спора и который поэтому мѣняетъ свое мнѣніе, какъ скоро замѣтитъ, что кто-нибудь его раздѣляетъ. Выразался словами Гёте изъ „Фауста“, онъ „духъ, который вѣчно отрицаетъ“. Такимъ Герлахъ былъ всегда, и Бисмаркъ нѣсколько поздно спохватился объ этомъ.

Не стану предрѣшать затруднительнаго вопроса о будущности ожидающей консервативную партію. Одни и даже нѣсколько выборовъ еще не дадутъ возможности произнести окончательное сужденіе. Народное настроеніе измѣнчиво и весьма возможно, что господствующее нынѣ либеральное настроеніе уступить мѣсто консервативному, какъ это несчетное число разъ бывало въ Англіи, да и теперь замѣчается, ибо консерваторы одерживали тамъ одну избирательную побѣду за другой. Но, съ другой стороны, мѣняется не одно настроеніе, но и самый духъ партій, и англійскіе консерваторы нашего времени нисколько не похожи на консерваторовъ восемнадцатаго столѣтія. И если въ средѣ консервативной партіи въ Пруссіи и существуютъ люди, остающіеся при тѣхъ взглядахъ, которые они составили себѣ 25 лѣтъ тому назадъ, люди, которые ничего не забыли и ничему не научились, то они безъ сомнѣнія исчезнутъ вмѣстѣ съ послѣдними современниками Герлаха и Зенфъ-Шильзаха и со всѣми остальными допотопными борцами партіи „Крестовой Газеты“. Тогда

выработается другая консервативная программа и организуется другая консервативная партия.

Правительство, повидимому, этими самими соображениями утѣшало себя въ результатѣ выборовъ, хотя „*Provincial-Correspondenz*“ подъ первымъ впечатлѣніемъ назвала ослабленіе консервативной партіи печальнымъ результатомъ. Въ рѣчи, которою былъ открытъ ландтагъ, и которую читалъ министръ финансовъ Кампгаузенъ, не было никакого намека на неудовольствіе, а напротивъ того, высказывалось желаніе, чтобы правительству оказана была поддержка со стороны ландтага, и недѣлю спустя „*Provincial-Correspondenz*“ объявила, что въ результатѣ выборовъ правительство усматриваетъ не столько выраженіе мнѣній различныхъ партій, сколько выраженіе согласія, со стороны большинства страны, со взглядами и цѣлями, которыхъ держится правительство относительно величайшихъ задачъ законодательства. Пораженіе старо-консерваторовъ объясняла официальная газета тѣмъ, что избиратели не довольны оппозиціей, которую часть консерваторовъ оказывала правительству въ церковныхъ вопросахъ, и это справедливо, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ провинцій, какъ, напр., для Помераніи. Померанія, какъ извѣстно, слыветъ за консервативнѣйшую провинцію, нѣчто въ родѣ „прусской Вандеи“, а на послѣднихъ выборахъ оказалось, напр., что г. Денцинъ, землевладѣлецъ, который въ теченіе 25-ти лѣтъ былъ членомъ всѣхъ прусскихъ и германскихъ представительствъ и принадлежитъ къ крайней правой, забаллотированъ избирателями своего округа (Штольбъ-Лауэнбургъ-Бюловъ), за то, что недостаточно ясно высказалъ: намѣренъ ли онъ безусловно поддерживать правительство въ церковныхъ вопросахъ.

Вышеупомянутый офиціозный органъ (который несомнѣнно выражаетъ воззрѣнія правительства) утѣшался еще тѣмъ въ результатѣ выборовъ, что объяснялъ побѣду либеральной партіи рѣшительностью, съ какою она заявила въ своей программѣ намѣреніе поддерживать правительство въ его борьбѣ съ Римомъ: этотъ лозунгъ дѣйствовалъ побѣдоносно на населеніе иныхъ провинцій, напр., евангелической Саксоніи, Пруссіи и Помераніи.

И это воззрѣніе несомнѣнно справедливо. Положеніе правительства устанавливалось при этомъ само собой. Какъ ни тяжело было графу Эйленбургу, однако министерству ничего больше не оставалось послѣ такой блистательной побѣды либеральной партіи, какъ признать совершившійся фактъ и попытаться войти съ нею въ соглашеніе: нивому и въ голову не приходило управлять *наперекоръ* большинству, какъ въ эпоху внутренняго столкновенія. Такъ измѣнились времена!

Здѣсь я вынужденъ сдѣлать маленькое отступленіе: переимѣна въ направленіи министерства была результатомъ кризиса, который длился около года, а именно съ 20-го декабря 1872 г., когда князь Бисмаркъ получилъ отставку отъ званія президента прусскаго совѣта министровъ. Какъ ни старались тогда замазать это дѣло увѣреніями, что положеніе князя Бисмарка относительно прусскаго совѣта министровъ останется неизмѣннымъ и графъ Роонъ будетъ руководить имъ въ прежнемъ духѣ, но несомнѣнно, что имѣлось въ виду измѣнить политическую систему и придать ей болѣе консервативное и спеціально-прусское направленіе. Но случилось то, что можно было предвидѣть заранѣе: графъ Роонъ не имѣлъ настолько силы, чтобы провести тѣ планы, которые, быть можетъ, дѣлѣял; элементовъ для консервативной политики не хватало, а главное, вскорѣ выяснилось, что правительство можетъ вести борьбу съ духовенствомъ лишь при помощи либеральной партіи. Это могло быть непріятно графу Роону, но онъ съ патріотическимъ самоотверженіемъ посовѣтовалъ королю держаться энергической политики относительно духовенства. Король долго колебался и рѣшился лишь на основаніи совѣта графа Роона, строгость религіозныхъ принциповъ котораго ему была хорошо извѣстна. Также же самоотверженіе выказалъ и графъ Эйленбургъ, который сначала былъ не въ ладахъ съ княземъ Бисмаркомъ, но затѣмъ поддерживалъ его самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Отдѣльные фазисы этого кризиса неизвѣстны, но уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ возстановилось полное согласіе между Бисмаркомъ и министерствомъ.

Послѣ этого необходимаго отступленія снова обращаюсь къ выборамъ: успѣхъ ультрамонтанъ, число которыхъ, какъ я уже упоминалъ выше, возросло съ 58 на 84, обусловливается несомнѣннымъ вліяніемъ, которое они сохраняютъ до сихъ поръ надъ массами; но объ этомъ обстоятельствѣ я поговорю подробнѣе, когда коснусь выборовъ въ рейхстагъ, на которыхъ побѣда ультрамонтанъ оказалась еще значительнѣе.

Но на дѣлѣ успѣхъ ихъ (какъ въ палатѣ депутатовъ, такъ и въ рейхстагѣ) ослабляется тѣмъ, что старо-консервативная партія, бывшая союзница ультрамонтанъ, почти совсѣмъ исчезла съ арены, вслѣдствіе чего, само собой разумѣется, возникаютъ совсѣмъ новыя комбинаціи партій. Въ послѣдній законодательный періодъ не существовало устойчиваго большинства. Многочисленнѣйшая изъ партій, національ-либеральная, насчитывала ничтожное большинство; чтобы достигъ его она должна была составить союзъ или съ прогрессивной партіей, или съ вольно-консервативной. Но всѣ эти три партіи самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывались въ пользу сильнаго,

свободно развивающагося государства. Имъ противостояли старо-консерваторы, клерикалы и поляки, которые не только въ церковныхъ вопросахъ, но и въ политическихъ, какъ, напр., по вопросу объ окружномъ управленіи, дѣйствовали за-одно. Между этими двумя большими группами партій стояла еще вновь образовавшаяся ново-консервативная партія, отдѣлившаяся отъ старо-консервативной и хотя тяготѣвшая, по преданіямъ, къ послѣдней, но вотировавшая по всѣмъ вопросамъ въ пользу правительства, и такимъ образомъ усилившая партію его приверженцевъ. Вообще, такого рода парламентскія отношенія могутъ считаться за наиболѣе желательныя. Чѣмъ скорѣе прежнія отвлеченныя понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ уступятъ мѣсто конкретной и соотвѣтствующей существующимъ условіямъ группировкѣ партій, тѣмъ успѣшнѣе будетъ идти законодательная дѣятельность. Предложенія правительства рѣшаются при такомъ отношеніи не вслѣдствіе случайной разногласицы, но благодаря внушительному большинству, а это придаетъ особенную нравственную силу новымъ законамъ и усиливаетъ авторитетъ и значеніе народнаго представительства.

Такое отношеніе существуетъ въ настоящее время въ палатѣ депутатовъ, созданной выборами 7-го ноября. Первымъ политическимъ дѣйствіемъ палаты бываетъ выборъ президента, и тутъ либеральное большинство охарактеризовало до извѣстной степени программу своей будущей политики, выбравъ первымъ президентомъ національ-либерала фонъ-Беннигсена, вторымъ—члена прогрессивной партіи, бывшаго нѣкогда президентомъ Штуттартскаго „*Rumpparlament*“, доктора Лѣва, а третьимъ—вождя вольно-консервативной партіи, д-ра Фриденала. Всѣ трое избраны весьма значительнымъ большинствомъ, колебавшимся между 260 и 240 голосами, принадлежавшими всѣмъ тремъ партіямъ. Клерикалы подавали свои 80 голосовъ всякій разъ за клерикальнаго кандидата, а ново-и старо-консерваторы, у которыхъ не хватало духа подать голосъ за члена прогрессивной партіи Лѣва, вотировали за Беннигсена, а при послѣдующихъ выборахъ поддерживали собственныхъ кандидатовъ.

Союзъ между этими тремя патриотически-настроенными партіями обозначился, какъ только ультрамонтаны, съ цѣлью разстроить ихъ ряды и вызвать разладъ между ними и правительствомъ, внесли нѣсколько весьма либеральныхъ проектовъ, какъ, напр., введеніе всеобщей подачи голосовъ также и для выборовъ въ прусскую палату депутатовъ. Прогрессивная партія поставлена была въ очень неудобное положеніе относительно этихъ проектовъ, такъ какъ она раньше высказывалась за общую подачу голосовъ и теперь не могла дѣйствовать въ противномъ смыслѣ. Она не хотѣла также отвергнуть

этого проекта, ссылаясь на требованія минуты, потому что опасалась, что ея приверженцы не поймутъ этой хитрой дипломатической уловки, а потому сочла за лучшее передать проектъ комиссиі, которая бы его похоронила; но при преніяхъ прогрессисты такъ сдѣлались съ ультрамонтанами, что непроходимая пропасть, раздѣляющая ихъ, обозначилась весьма ясно. Еще рѣзче выступило разномысліе между націоналами и ультрамонтанами, когда послѣдніе, вскорѣ затѣмъ, внесли проекты, требовавшіе ни болѣе, ни менѣе, какъ отиѣны церковныхъ законовъ въ маѣ будущаго года, на томъ основаніи, что иначе невозможно возстановить миръ въ Пруссіи. Большинство 288 голосовъ противъ 96 (голоса ультрамонтанъ и поляковъ) вотированъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ „въ надеждѣ, что королевское правительство окажетъ должное вниманіе даннымъ законамъ и похлопочетъ объ изданіи законовъ, необходимыхъ для того, чтобы регулировать церковные порядки“.

При обсужденіи обонхъ проектовъ Вирховъ, членъ прогрессивной партіи, и Ласкеръ, членъ національ-либеральной — особенно строго бичевали недобросовѣстный и ребячскій образъ дѣйствія ультрамонтанъ, которые, когда дѣла ихъ того требуютъ, служатъ самой крайней реакціи (которая, самою собою разумѣется, выражаетъ ихъ искреннія политическія убѣжденія), а въ другихъ случаяхъ разгрызаютъ либераловъ.

Вслѣдъ за вотированіемъ вышеупомянутаго перехода къ очереднымъ дѣламъ министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій внесъ, какъ отвѣтъ на требованія ультрамонтанъ, законопроектъ о введеніи обязательнаго гражданскаго брака, и такимъ образомъ, благодаря благопріятному стеченію обстоятельствъ, было достигнуто, чего либералы тщетно добивались въ теченіи 25 лѣтъ.

Король съ большимъ трудомъ согласился дать свое согласіе на изданіе закона (который министръ Фалькъ заготовилъ уже 1½ года тому назадъ), да и то лишь потому, что все министерство, включая сюда и князя Бисмарка, выставило ему на видъ, что введеніе этого закона крайне необходимо для продолженія борьбы съ католической іерархіей. Да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и есть: совершенно невозможно предоставить въ полное вѣдѣніе патеровъ такіе важныя для гражданской жизни акты, какъ рожденіе, смерть и бракъ, не говоря уже о томъ, что при постоянной оппозиціи духовенства легко можетъ случиться, что государство окажется вынужденнымъ устранить отъ должности непокорныхъ, и тогда можетъ наступить величайшая смута, если веденныя ими церковныя книги останутся единственнымъ источникомъ, гдѣ будутъ засвидѣтельствованы эти акты. Этого отрицательнаго успѣха ультрамонтаны и до-

стигли; они добились также и того, что своими проектами и вѣчнымъ вѣшательствомъ въ пренія затрудняли ходъ дѣлъ, и палата депутатовъ разошлась 20 декабря, на рождественскія каникулы, съ сознаниемъ бесплодно потраченного времени. Бюджетъ не былъ во-тированъ, и ни одинъ сколько-нибудь важный законъ не прошелъ.

Вакаціи на этотъ разъ должны были длиться болѣе обыкновеннаго, потому что выборы въ рейхстагъ назначены были на 10-е января, и тѣ изъ депутатовъ, которые желали получить полномочіе и въ рейхстагъ, нуждались въ известномъ промежуткѣ времени, чтобы успѣть заявить о своей кандидатурѣ и представиться избирателямъ. Но самые вліятельные люди принадлежали, по весьма понятнымъ причинамъ, къ обонимъ парламентскимъ корпусамъ.

Что избирательная борьба будетъ жаркая, — это можно было раньше предвидѣть. Ультрамонтаны уже за-долго до того напрягли всѣ свои силы. Организация ихъ превосходна, и въ то время, какъ чиновникамъ запрещено было всякое вліяніе на избирателей, духовенство пользовалось полной свободой и могло обрабатывать свою паству, сколько душъ угодно. Средства его неистощимы и оно пользуется ими безъ зазрѣнія совѣсти. Высокопоставленные сановники церкви возвѣщали въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ, что грѣхъ вотировать — не въ ихъ духѣ. Вполнѣ зависимое отъ нихъ духовенство, могущее „вязать и разрѣшать“ въ исновѣдальнѣ и грозить церковнымъ проклятіемъ, во власти котораго отказать умирающему въ церковномъ напутствіи, которому само государство предало школы и церкви, которое съ младенческихъ лѣтъ оказываетъ мощное вліяніе на умы, — это могущественное и услужливое духовенство вы-бивается изъ силъ, чтобы угодить своему начальству.

Ультрамонтаны получили на предъидущихъ выборахъ въ рейхстагъ 57 полномочій. Изъ нихъ 2 приходилось на провинцію Пруссію, на провинцію Бранденбургъ—0 (Познань слѣдуетъ оставить въ сторонѣ, такъ какъ польскіе депутаты, хотя и заражены клерикальнымъ духомъ и вотируютъ за-одно съ ультрамонтанами, но образуютъ отдѣльную фракцію); на Силезію приходилось 2 полномочія, на Саксонію—1, на Шлезвигъ-Гольштинію—0, Ганноверъ—1, Вестфалію—8, Гессенъ-Нассау—2, Рейнскую провинцію—21, Баварію—17, Саксонію—0, Виртембергъ—1, Баденъ—1, Гессенъ—0, Ольденбургъ—1. Въ продолженіе сессіи число ихъ депутатовъ еще умножилось.

Выборы же 10 января дали 93 или 94 ультрамонтанскихъ голоса (вполнѣ точное распредѣленіе партій невозможно еще потому, что не окончены выборы 42 спорныхъ кандидатовъ — въ тѣхъ случаяхъ, когда ни одинъ кандидатъ не получилъ абсолютнаго большинства), — которые распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ про-

винции Пруссія ультрамонтаны удержали за собой оба Эрмеландскіе избирательные округа, и въ двухъ другихъ округахъ являются спорными кандидатами; въ Саксоніи за ними осталось одно полномочіе; въ провинціи Вестфалии они не приобрѣли новаго избирательнаго округа, но за то въ Рейнской провинціи за ними остались послѣдніе три округа, которыхъ имъ еще не доставало, такъ что теперь эта провинція, которая такъ гордилась своимъ просвѣщеніемъ и съ презрѣніемъ взирала на неповоротливыхъ старо-пруссавовъ, пользуется честью быть представленной исключительно клерикалами. Въ верхней Силезіи за ультрамонтанами остались всѣ семь округовъ, на которые они могли заявлять притязанія въ силу статистики вѣроисповѣданій, и Силезія посылаетъ въ рейхстагъ десять, вмѣсто двухъ, ультрамонтанъ. Въ Баденѣ ультрамонтаны удержали оба своихъ избирательныхъ округа, въ Виртембергѣ снова выбраны два ультрамонтана. Но злѣйшее пораженіе претерпѣли либералы въ Баваріи, гдѣ ультрамонтаны перебили у нихъ 15 голосовъ, и теперь Баварія посылаетъ 32 ультрамонтана въ рейхстагъ, вмѣсто 15, которые засѣдали въ прошломъ рейхстагѣ.

Всѣ баварскіе избирательные округа, которые въ 1871 г. удалось отбить у ультрамонтанъ партіямъ, построеннымъ въ либерально-національномъ духѣ, снова утрачены для послѣднихъ, и представительство Баваріи во второмъ германскомъ рейхстагѣ обставлено почти такъ же, какъ и въ германскомъ таможенномъ парламентѣ 1868—1870 гг. Снова, на югъ отъ Дуная, только первый мюнхенскій избирательный округъ и Альгау избрали либеральныхъ депутатовъ, и снова въ средней Франконіи избирательный округъ Эйхштадтъ, нѣкогда подчиненный епископскому жезлу, избралъ своимъ представителемъ ультрамонтана.

Также велика сравнительно, и даже еще значительнѣе, побѣда социалистовъ-демократовъ. Не взирая на фанатическую ненависть, съ какой сражаются другъ съ другомъ приверженцы различныхъ школъ социальнo-демократической партіи, они сумѣли объединиться въ виду выборовъ, и въ то время, какъ въ послѣднемъ рейхстагѣ засѣдало всего 2 социалиста (Бебель и Шрапсъ), въ будущемъ рейхстагѣ имъ будутъ принадлежать 8 — 10 голосовъ, больше половины которыхъ дастъ королевство Саксонія: тамъ социалисты провели своихъ кандидатовъ въ 6-ти избирательныхъ округахъ: Гейбъ (изъ Гамбурга) въ Митвейдѣ, Мостъ въ Хемницѣ, Бебель (который еще не отсидѣлъ своего двухлѣтняго крѣпостного ареста) въ Глогау, Меттелеръ въ Цвиккау и Либкнехтъ въ Шнеебергѣ. Въ ультра-консервативной Голштиніи избрано 2 социалиста-демократа и, кромѣ того, есть еще нѣсколько спорныхъ социалистическихъ кандидатовъ, при-

чемъ одинъ изъ нихъ Газенклеверъ состязается въ 6-мъ берлинскомъ избирательномъ округѣ съ величайшимъ противникомъ социалстовъ - демократовъ Шульце-Деличемъ. Въ обоихъ избирательныхъ округахъ богатаго торговаго города Гамбурга баллотируется Гартманъ, въ Аренсбергѣ—знаменитый Тельке, который съ дубиной въ рукахъ предводителствуетъ своими приверженцами, когда желаетъ разогнать нелюбезное имъ общество или собраніе и потому прославляется сатирическими листовками подъ названіемъ „Тельке съ дубиной“; въ Шлезвигъ-Гольштинскихъ избирательныхъ округахъ избраны еще 2 и т. д.

Наконецъ, поляки также насчитываютъ приращенія, такъ какъ и нѣмецкіе католики въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ вотировали за польскихъ, клерикально настроенныхъ кандидатовъ, равно какъ и тѣ мѣстности провинціи Пруссія, которыя заселены поляками.

Чтобы вполнѣ исчерпать картину будущаго рейхстага, слѣдуетъ еще прибавить, что хотя можно было нѣкоторое время надѣяться, что сюда пришлютъ Эльзасскихъ депутатовъ, которые, не будучи приверженцами новаго порядка дѣлъ и присоединенія къ Германіи, ограничатся тѣмъ не менѣ представительствомъ матеріальныхъ интересовъ своей провинціи, — но въ концѣ-концовъ оказалось, что взяла верхъ французская партія, и 15 депутатовъ придутъ сюда лишь за тѣмъ, чтобы рѣзко протестовать противъ присоединенія и поддерживать во всемъ оппозицію враждебныхъ имперіи партій.

Не слѣдуетъ заблуждаться на этотъ счетъ: картина далеко не утѣшительная, и правительство, равно какъ и патриотически настроенныя партіи въ Германіи, стремящіяся обезпечить цѣлость и безопасность имперіи, имѣютъ полное основаніе серьезно изслѣдовать причины, которыя могли вызвать такой результатъ выборовъ.

Поэтому я разсмотрю его съ обратной стороны. Что касается предстоящихъ выборовъ въ Эльзась-Лотарингіи, то здѣсь я буду кратокъ. Въ Германіи каждый знаетъ, что четыре-пятыхъ населенія Эльзась-Лотарингіи, еслибы ему предоставить въ настоящее время полную свободу, вотировали бы за обратное присоединеніе къ Франціи. Поэтому выборы тамъ могутъ обусловливаться или потребностями минуты, или темпераментомъ. Если населеніе можетъ надѣяться, что Франція вскорѣ начнетъ войну возмездія и что, слѣдовательно, настоящее положеніе продлится недолго, то понятно, что оно предпочтетъ страдать отъ гнета и нести мученической вѣнецъ, нежели осваиваться съ своимъ положеніемъ и стараться сдѣлать его наиболѣе сноснымъ. Если же, напротивъ того, оно будетъ думать, что Франція еще не скоро предприметъ вторую войну съ Германіей, то постарается стать на хорошую ногу съ нѣмецкимъ правительствомъ

и выторговать за это возможно больше преимуществъ. Таковы возрѣнія, такъ-называемой, Эльзасской партіи, которой дороги прежде всего интересы ея отечества въ *тѣсномъ* смыслѣ слова, т.-е. Эльзаза, и которая отнюдь не будетъ недовольна, еслибы прискакалась такая комбинація, въ силу которой Эльзась признанъ былъ бы нейтральной страной между Франціей и Германіей. Эта партія, какъ теперь оказывается, слабѣйшая. Измѣнить это настроеніе Германіи не можетъ и вынуждена, слѣдовательно, принять выжидательное положеніе. Дѣла пойдутъ не лучше, но и не хуже прежняго. Населеніе Эльзась-Лотарингии не можетъ жаловаться, за исключеніемъ самаго факта присоединенія, на жесткость новаго правительства, и общественное настроеніе несомнѣнно стало спокойнѣе съ теченіемъ времени.

Перехожу теперь къ социалистамъ-демократамъ. Усиленіе ихъ представительства въ будущемъ рейхстагѣ произвело среди буржуазіи настоящую панику, которая отозвалась даже въ рядахъ прогрессивной партіи, и нѣтъ недостатка въ голосахъ, которые начинаютъ уже утверждать, что общая подача голосовъ не можетъ быть долѣе терпима, и что ее слѣдуетъ ограничить. Массы, толкуютъ эти боязливые люди, всегда становятся, какъ это мы видимъ изъ исторіи древняго Рима и современной Франціи, игрушкой демагога, будетъ ли то жандармъ или натеръ, или социалистъ-демократъ или политическій агитаторъ. Избирательное право равное для всѣхъ разбиваетъ народъ на массу отдѣльныхъ группъ, неимѣющихъ между собой ни малѣйшей связи: глупо давать равное право голоса тамъ, гдѣ существуетъ такая громадная разница въ способностяхъ отдѣльныхъ личностей, ихъ образованіи, умѣ и имуществѣ. Отъ общихъ теоретическихъ разсужденій переходятъ къ конкретнымъ фактамъ. Поглядите на Гамбургъ! Вся государственная машина этого выдающагося по своей культурѣ и богатству города была бы теперь въ рукахъ единомышленниковъ парижской коммуны, еслибы въ отдѣльныхъ государствахъ дѣйствовалъ такой же избирательный законъ, какъ въ имперіи, потому что въ двухъ или трехъ избирательныхъ округахъ социалисты-демократы уже одержали побѣду.

Такъ разсуждаютъ боязливые люди и уже толкуютъ о реформѣ въ экономическомъ законодательствѣ. Короткой памяти, благодаря которой забываются уроки новѣйшей исторіи, слѣдуетъ напомнить то, что эти аргументы производятъ впечатлѣніе, потому что всѣ о нихъ высказаны десятки лѣтъ тому назадъ и значеніе ихъ оцѣнено уже тогда. Я не особенный поклонникъ всеобщей подачи голосовъ и если бы она не была введена, то, конечно, не сталъ бы вотировать за нее; но при современномъ состояніи общества безумнѣе, чѣмъ когда-либо,

затѣвать отобрать отъ массы разъ данное ей законодательнымъ путемъ право, съ которымъ она успѣла освоиться. Французское національное собраніе готовится снова впасть въ эту ошибку, и этимъ оно владеть верно новаго неизбежнаго возстанія въ будущемъ. Я твердо убѣжденъ также, что князь Бисмаркъ не далеко отъ мысли ограничить всеобщую подачу голосовъ. Онъ далъ ее не затѣмъ, чтобы расчислить пролетариату путь къ господству, но потому, что былъ убѣжденъ, что имущественные и образованные классы, консервативная (въ широкомъ значеніи этого слова) часть населенія получить большинство и при всеобщей подаче голосовъ, если *сдѣласть усиліе, если исполнить свои гражданскія обязанности*. А этого они на этотъ разъ не сдѣлали. Въ шестомъ берлинскомъ избирательномъ округѣ, напримѣръ, только $\frac{1}{8}$ избирателей подавала свой голосъ, а такъ какъ социалисты-демократы выслали въ урны всѣхъ своихъ приверженцевъ до послѣдняго, то несомнѣнно, что они не одержали бы даже *относительной* побѣды провести спорнаго кандидата, еслибы ихъ противники были дѣятельнѣе. Но характеристичной чертой либеральной буржуазіи всегда является то, что она на словахъ неутюжима въ своемъ либерализмѣ, что она (какъ мы это давно уже видимъ въ Берлинѣ) смотритъ на всякаго, заподозрѣннаго въ консервативномъ направленіи, какъ на политическаго кретина, постоянно фрондируетъ противъ правительства, и что при этомъ ей лѣнь вести избирательную борьбу, когда это требуется; а когда она своими же глупостями навлечетъ опасность на себя и на свое имущество, то прячется по своимъ норамъ и начинаетъ вызывать о помощи къ правительству.

Касательно социально-демократическихъ выборовъ можно еще замѣтить, что въ тѣхъ округахъ, гдѣ они имѣли мѣсто, существуетъ чрезвычайно многочисленное протестантское фабричное населеніе, съ которымъ не можетъ тагаться остальное. Но разъ уже приходится имѣть дѣло со всеобщей подачей голосовъ, то необходимо примириться съ ея невыгодными сторонами. Какой-нибудь десятокъ социалистовъ-демократовъ въ рейхстагѣ не можетъ же погубить имперію.

Этимъ я не хочу умалить успѣха, одержаннаго социалистами-демократами. Но нужно принять во вниманіе также и то обстоятельство, что въ послѣдніе годы наплывъ миллардовъ и акціонерная горячка особенно способствовали повышенію заработной платы и развитію самосовнанія у рабочаго, чѣмъ облегчили ему ассоціаціи и стачки и пренеполюнили его згучей ненавистью и завистью ко всякаго рода „*раичемис*“, которые выставляють напоказъ передъ цѣлымъ міромъ своимъ легко добытымъ богатства. Старая истина, что массы охотнѣе прощаютъ богатства, накопленныя издавна, чѣмъ на-

житыя людьми, которые по своему общественному положенію стоятъ не выше ихъ.

Перейдемъ, наконецъ, къ ультрамонтанамъ. Я уже выше упомянулъ о мощныхъ средствахъ поддерживать свое вліяніе на народъ, которыми обладаетъ духовенство. Не взирая на то, страшно подумать, и приходится сознаться, что въ Германіи, которая однако, по признанію злѣйшихъ ея враговъ, не уступаетъ въ образованіи никакой другой культурной странѣ, населеніе во многихъ мѣстностяхъ слѣпо подчиняется духовенству и приноситъ въ жертву его фанатизму то, что особенно дорого каждому человѣку — отечество. Эти люди, однако, пользовались до извѣстной степени благотвореніями школьнаго обученія, но, повидимому, оно не оказало на нихъ никакого вліянія. „Не особенно опасна для государства, — говоритъ одинъ національ-либеральный писатель, Альфредъ Довъ, въ одномъ изъ своихъ обзорѣній текущихъ событій, — была бы необузданность духовенства папской церкви, руководимаго издали, еслибы она не опиралась на симпатіи милліоновъ нашихъ соотечественниковъ, которые на послѣднихъ выборахъ (у него передъ глазами происходили выборы въ прусскій ландтагъ; выборы же въ рейхстагъ были еще хуже) сомкнутыми рядами выступили противъ майскихъ законовъ и своимъ голосованіемъ лишили даже своихъ священниковъ благотвореній высшей культуры“. Это — эстетическій взглядъ, который не мирится съ жесткимъ реализмомъ исторіи. Скажемъ откровенно, что нигдѣ еще до сихъ поръ не достигли цѣли *руководить* массами посредствомъ образованія. Быть можетъ, въ цѣломъ мірѣ не существуетъ города, гдѣ бы такъ много заботились объ образованіи, какъ въ Берлинѣ. Постройка училищъ не прекращается, а по части учебныхъ силъ здѣсь собирается все лучшее, что только существуетъ въ Пруссіи, такъ какъ всякаго тянетъ въ столицу. И со всѣмъ тѣмъ грубость массъ увеличивается. Еще никогда не бывало столько случаевъ убійства и грабежа, и стоить только заглянуть въ мѣстныя газетныя извѣстія, чтобы убѣдиться, какое неутѣшительное зрѣлище представляетъ здѣшняя нравственность. Въ палатахъ уже была рѣчь объ этомъ, и мнѣнія раздѣлились относительно того: слѣдуетъ ли приписать это явленіе слишкомъ большой мягкости уголовного кодекса или мягкости судей? О распространеніи образованія никто при этомъ не говорилъ. Я надѣюсь, что читатели не заподозрятъ во мнѣ врага образованія. Я хочу только сказать, что *одно* образованіе еще не опредѣляетъ культурнаго и соціального уровня страны, и что при этомъ необходимы еще и другіе факторы. Вникнувъ глубже въ ультрамонтанскіе выборы, мы увидимъ, что они ограничиваются, главнымъ образомъ, тремя большими округами: Баваріей, Прирейн-

ской областью съ частью Вестфалии и Верхней Силезіей съ отраслями, которыя проходятъ черезъ Познань въ восточную Пруссію. Всѣ эти три области принадлежать къ числу тѣхъ, которыя въ былыя времена находились подъ безусловнымъ владычествомъ духовенства, какъ, напр., Прирейнскія земли; онѣ еще въ XVIII-мъ столѣтіи являлись грязнѣйшимъ патномъ во всей Германіи, такъ-называемой, „Поповской улицей“ (именно курфиршества Майнца, Триръ и Кельнъ), гдѣ, какъ говоритъ Венедей въ одной книгѣ, о которой я упоминалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной изъ своихъ корреспонденцій, „царствуетъ такое умственное ничтожество, такая нравственная распущенность, такая бессмысленная погоня за наслажденіемъ, такое мертвящее, чисто формальное благочестіе и такая повсемѣстная безхарактерность во всѣхъ высшихъ классахъ, рядомъ съ которой уживается такое невѣжество и нищета въ низшихъ, какихъ врядъ ли можно найти въ самомъ Римѣ“. Въ другихъ же, какъ напр., въ областяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Польшѣ, и въ Баваріи, вліяніе духовенства было всегда преобладающимъ.

Что тѣ же отношенія до сихъ поръ существуютъ въ Рейнской провинціи — объ этомъ всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, хотя и не очень громко. Кельнъ—единственный большой городъ Германіи, депутаты котораго ультрамонтаны, и население Рейнской провинціи значительно отстало отъ сѣверо-германцевъ въ государственной дѣятельности.

Если ультрамонтанству въ Рейнской провинціи приходится страдать отъ вялости населенія, которая значительно мѣшаетъ его успѣхамъ, то въ Баваріи за то оно достигаетъ высокой степени фанатизма. Въ сѣверо-германскихъ газетахъ приводятся иногда выдержки изъ ультрамонтанскихъ газетъ, представляющія нѣчто невѣроятное. Весьма нерѣдко толкуютъ онѣ о будущей побѣдѣ Франціи надъ Германіей и рисуютъ распаденіе Германской имперіи. Мало того, изливаютъ потоки злобныхъ рѣчей противъ двухъ ненавистнѣйшихъ для нихъ личностей: императора Вильгельма и князя Бисмарка. Одна изъ этихъ нецеремонныхъ газетъ рѣшилась написать по случаю кончины вдовствующей королевы, что смерть поразила не того, кого слѣдуетъ, въ берлинскомъ дворцѣ! На этотъ разъ избирательная агитація превосходила тамъ всякое вѣроятіе. Въ Регенсбургѣ, Пассау, Швейнфуртѣ и т. д. духовенство и крестьянство массами тѣснились къ избирательнымъ урнамъ, чтобы спасать „гонимую церковь“ и уничтожить протестантскую имперію, которая хочетъ обратить ихъ въ лютеранство. Такъ проповѣдывали священники, переходя изъ дома въ домъ, заходя въ кабаки, во дво-

ры, въ хлѣбъ, короче сказать всюду, гдѣ могли изловить крестьянина, котораго пугали лютеранскимъ призракѣмъ; а когда этотъ послѣдній оказывался недѣйствительнымъ, то высокими налогами и дороговизной, которую принесла имперія, всепоглощающимъ милитаризмомъ и жадностью пруссаковъ, которые отнять у баварцевъ все до послѣдняго теленка. Способы, которыми ультрамонтаны въ епископствахъ Пассау и Регенсбургъ стараются опутать темную массу, описываются въ слѣдующихъ словахъ въ одной корреспонденціи:

„Уже съ годъ тому назадъ внезапно раздался съ условнымъ единодушіемъ лживый вопль: религія въ опасности! испускаемый духовенствомъ, которое организовало бурю противъ имперіи. Такъ-называемыя католическія общины выросли, какъ грибы; за ними послѣдовали, перенесенныя прямо изъ Франціи, женскія общины. Для виду эти общины занимались христіанскимъ воспитаніемъ дѣтей, но въ дѣйствительности были направлены къ тому, чтобы вліять на женщинъ и напускать ихъ на мужчинъ, пока послѣдніе, въ видахъ домашняго спокойствія, не отрекутся отъ разума и отечества. Дальнѣйшими средствами служить исповѣдальня и каеэдра. Въ фанатическихъ проповѣдяхъ описывается великое гоненіе церкви, угрожается отказомъ въ отпущеніи грѣховъ на тотъ случай, если избранъ будетъ либеральный кандидатъ. Мало того, священники не стыдились учить съ каеэдры, на которой должны раздаваться лишь евангельскія слова мира и любви, плевать въ лицо мужьямъ и отцамъ въ томъ случаѣ, если они выберутъ либеральнаго депутата.“

Но ярость этого терроризма ничего не прибавляетъ къ тому факту, что Баварія посылаетъ въ рейхстагъ фалангу ультрамонтанъ и въ своихъ депутатахъ, равно какъ и избирателяхъ, выказывается враждебною германскою имперіи.

Но за то существуютъ явленія, которыя служатъ къ выгодѣ правительства. Хотя конституція германской имперіи даетъ много исключительныхъ правъ отдѣльнымъ государствамъ, входящимъ въ ея составъ, а въ особенности южно-германскимъ, за то военная связь, скрѣпляющая имперію, сильна, и императоръ, какъ повелитель надъ военными силами имперіи, какъ отвѣтственный стражъ безопасности имперіи, пользуется всѣми возможными прерогативами. Далѣе, несомнѣнно, что чѣмъ рѣзче выступаютъ въ рейхстагѣ враждебныя германской имперіи партіи, тѣмъ тѣснѣе сплочиваются между собой либералы и націоналы, и если только правительство сблизится съ ними, они станутъ поддерживать его. Вышеназванныя партіи образуютъ большинство не только въ Пруссіи, но во всей Германіи, и требуется простой толчокъ, чтобы дать имъ самое широкое развѣ-

тіе. Даже въ самой Баваріи обѣ партіи почти равны другъ другу по силамъ, и либеральная партія, къ которой принадлежатъ образованные, достаточные и просвѣщенные люди, подобно всѣмъ гонимымъ партіямъ, гораздо рѣшительнѣе, гораздо энергичнѣе, чѣмъ здѣсь.

Словомъ, послѣдніе выборы создали такое положеніе, которое хотя и можно назвать критическимъ, но нельзя считать опаснымъ, если только правительство и преданныя ему партіи будутъ тѣсно держаться другъ друга и дѣйствовать рѣшительно. Конечно, если первый же вопросъ, который долженъ обсуждаться въ будущемъ рейхстагѣ, имперскій военный законъ, вызоветъ раздоръ между правительствомъ и лѣвымъ крыломъ либеральной партіи, тогда могутъ возникнуть серьезныя затрудненія. Но до сихъ поръ о выборахъ можно только сказать, что они, къ счастью, во-время раскрыли зло, которое развѣдаетъ Германскую имперію, что они доказали руководителямъ народа и политическимъ дѣятелямъ невозможность отдыхать на лаврахъ и складывать руки; они доказали, что нельзя безнаказанно терять время. Кто думалъ, что вслѣдъ за побѣдой надъ Франціей и основаніемъ Германской имперіи должна наступить политическая спячка, тотъ теперь горько разочаровался. Короткій промежутокъ усыпленія послѣдовалъ за крайнимъ напряженіемъ силъ. Теперь онъ миновалъ, и старинные противники съ удвоенными силами выступаютъ другъ противъ друга. Борьба снова вспыхнула и будетъ вѣдена съ ожесточеніемъ. Но развѣ какой-нибудь народъ и жогда-нибудь развивался безъ борьбы и труда? Просвѣщеніе и мракъ искони спорили другъ съ другомъ, и этотъ споръ врядъ ли когда прекратится. Борьба между Римомъ и Германіей также насчитываетъ уже цѣлое тысячелѣтіе, и она принимаетъ самыя разнообразныя формы, но, во всякомъ случаѣ, зачастую бывала гораздо опаснѣе для Германіи, чѣмъ въ настоящее время.

Теперь, когда я очертилъ общее положеніе дѣлъ, мнѣ остается только упомянуть о послѣднихъ событіяхъ. Во главѣ ихъ стоитъ обнародованіе папской буллы отъ 28 мая прошлаго года, касательно избранія папы. Въ этой буллѣ папа отвергаетъ всѣ ограниченія, которыми до сихъ поръ бывало обставлено это избраніе, и которыя до нѣкоторой степени гарантировали разумность этого избранія. Секретъ буллы отъ 28 мая заключается въ томъ, чтобы обезпечить торжество нынѣ господствующей партіи въ Римѣ и по смерти Пія IX, и сдѣлать невозможнымъ примиреніе съ Германіей. Между тѣмъ германское правительство при первомъ же столкновеніи съ папой всегда имѣло въ виду, что оно можетъ поладить съ его преемникомъ, и поэтому медлило принимать рѣшительныя мѣры противъ непокорныхъ князей церкви. Подлинность буллы оспаривалась, но безъ вся-

каго основанія. Что прусское правительство не высказывается положительно за подлинность буллы (хотя напечатаніе этого документа въ «Государственномъ Указателѣ» можетъ считаться за признаніе его подлинности), это объясняется тѣмъ, что ему необходимо дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ весьма осторожно на тотъ конецъ, еслибы подлинность буллы была опровергнута. Такъ какъ власть папы безусловна и со времени провозглашенія принципа непогрѣшимости не связана больше никакими законными формами, то онъ завтра же можетъ отиѣнить буллу. Если, кромѣ того, внимательно изучитъ обстоятельства, сопровождавшія ея обнародованіе и отношеніе итальянскаго правительства, которое приняло на себя дипломатическую инициативу, дабы подвинуть европейскія державы принять единодушныя мѣры противъ торопливыхъ и бурныхъ папскихъ выборовъ, то приходишь къ заключенію, — весьма возможно, что обнародованіе буллы было сдѣлано первоначально со стороны итальянскаго правительства и что нѣмецкое приняло лишь на себя отвѣтственность за него передъ нападавшими ультрамонтанъ.

Человѣческая жизнь бываетъ обыкновенно слишкомъ коротка, чтобы возможно было собственнымъ опытомъ провѣрять великіе кризисы, и тутъ приходится обращаться къ урокамъ исторіи, которая до послѣдняго времени мало занималась изслѣдованіемъ настоящихъ факторовъ великихъ движеній, а именно, настроенія умовъ, страстей и желаній народа, которыя въ свою очередь вытекаютъ изъ общаго строя его жизни. Поэтому тотъ, кто созерцаетъ въ настоящее время бушующее море германской жизни, лишенъ всякаго компаса. Старѣйшіе современники, правда, пережили 1848 г., но то была лишь юношеская вспышка неопытной въ практической политикѣ націи. Въ настоящее время отношенія совсѣмъ измѣнились; народъ, такъ сказать, созрѣлъ. Нѣтъ больше того одушевленія, которое тогда сообщалось всѣмъ умамъ, хотя бы и въ ложномъ направленіи. Я не стану утверждать, что умственные интересы меньше занимаютъ умы въ настоящее время, чѣмъ тогда. О, нѣтъ! Стѣбитъ только вспомнить великій успѣхъ послѣдняго произведенія Фрейтага „Предки“, вторая часть котораго, недавно появившаяся въ печати, выдержала уже третье изданіе, даромъ, что, отдавая полную справедливость познаніямъ автора, нельзя не сознаться, что она очень скучна и къ ней можно примѣнить характеристику одного критика позднѣйшихъ произведеній Гёте: — „ровно и гладко, какъ мраморъ“. Это одинъ только примѣръ, потому что я не могу привести всѣ имѣющіеся на лицо факты. Драматическія произведенія внушаютъ точно такой же интересъ, научныя лекціи усердно посѣщаются, и умственные и художественные интересы внушаютъ живое участіе въ публикѣ. Но

это существуетъ лишь въ исключительныхъ кружкахъ, мало или вовсе не соприкасающихся съ массою народа. А народъ все болѣе и болѣе заражается матеріальными интересами. Въ Берлинѣ появилось нынѣшней зимой, впервые послѣ долгаго промежутка времени, два цирка, и они каждый вечеръ бывають биткомъ набиты, а говорятъ, что оба вмѣщаютъ 7000 народа. Конечно, иностранцы могутъ поставлять довольно значительный контингентъ публики, но какъ бы то ни было, а это явленіе не особенно утѣшительно. Вопль древней римской черни: „хлѣба и зрѣлищя!“ повторяется черезъ два тысячелѣтія.

Точно также интересъ къ чистой политикѣ весьма ослабѣлъ. Масса законодательныхъ трудовъ, которымъ лучшіе люди посвящаютъ свои силы, не затрагиваетъ народъ, который, къ сожалѣнію, считаетъ прогрессъ, совершающійся въ этой сферѣ, идущимъ въ ущербъ его собственнымъ въ высшей степени основательнымъ и справедливымъ требованіямъ, которыхъ не исчерпаетъ и въ цѣлое столѣтіе. Сами депутаты преисполнены чувства долга и, погруженные въ свои труды, все болѣе и болѣе утрачиваютъ связь съ массою народа, который такъ же равнодушно взираетъ на нихъ, какъ и какой нибудь бюрократическій собратъ. Только тѣ, которые, какъ члены прогрессивной партіи, увлекаются отживающими политическими страстями или, какъ социалисты-домократы, служатъ матеріальнымъ интересамъ, еще и насчитываютъ жаркихъ поклонниковъ. Правительство за то исполнено силы. И что бы ни говорила оппозиція, оно пользуется пока этой силой умѣренно и осмотрительно. На мощной личности князя Бисмарка опирается будущее развитіе Германіи. Онъ вернулся изъ Варцины бодрѣе, чѣмъ когда-либо, и положеніе его упрочено со всѣхъ сторонъ. Ему уже удалось обратить вниманіе французскаго правительства на своихъ ультрамонтановъ, что очень обезкуражило послѣднихъ. Законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ принятъ палатою депутатовъ и пройдетъ безъ затрудненія въ палатѣ господъ. Дополненія къ майскимъ законамъ, отнимающія у непокорнаго духовенства послѣднія лазейки (за исключеніемъ отжрытаго возстанія), уже внесены и въ скоромъ времени станутъ закономъ. Такимъ образомъ, все готово къ борьбѣ и не долго ждать рѣшительныхъ ударовъ. Все что происходило до сихъ поръ, было лишь прологомъ, и мнѣ сдается, что ультрамонтаны настолько истощили при этомъ свои силы, что врядъ ли будутъ въ состояніи противостоять новымъ ударамъ.

Б.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ЛОНДОНА.

10/22 января, 1874 г.

АНГЛІЙСКАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ИРЛАНДІИ И ВЪ КОЛОНИАХЪ.

„*Imperial difficulties*“—вотъ англійское выраженіе, которымъ обозначается вся масса болѣе или менѣе серьезныѣхъ затрудненій, осаждающихъ въ настоящую минуту правительство королевы Викторіи. Въ самомъ дѣлѣ, дѣло идетъ не о самой Англіи, даже не о Великобританіи, но о тѣхъ безчисленныхъ владѣніяхъ, которыя разсыяны по всему міру и служатъ къ образованію той британской имперіи, которая одна способна соперничать въ могуществѣ и обширности съ величайшими монархіями. Это—наши окраины.

Кромѣ средне-азиатскаго вопроса, у насъ существуетъ еще много другихъ, если не столь серьезныхъ, то не менѣе спѣшныхъ, которые справедливо озабочиваютъ кабинетъ Гладстона. Во-первыхъ, голодъ, неизбѣжный въ Бенгаліи; затѣмъ, война на „Золотомъ-Берегу“, обещающая мало утѣшительнаго; наконецъ, постоянно усиливающееся волненіе въ Ирландіи. Вотъ факты, привлекающіе въ настоящее время общественное вниманіе, и обсужденіемъ которыхъ долженъ закончиться начатый мною въ послѣдней корреспонденціи обзоръ современнаго состоянія англійской политики.

Въ тотъ моментъ, какъ эти строки появятся у васъ въ печати, залы Вестминстерскаго аббатства огласятся преніями вновь собирающагося—и, быть можетъ, въ послѣдній разъ—парламента¹⁾. Статутомъ Георга III семь лѣтъ ставятся крайнимъ срокомъ существованія парламентовъ, а настоящій образовался въ 1868 г. Кабинетъ естественно состарѣлся вмѣстѣ съ нимъ. Вступленіе Брайта, какъ я уже указывалъ, оживило его нѣсколько: въ этомъ отношеніи я могу только радоваться, что взгляды, которые я высказывалъ въ прошломъ ноябрѣ, подкрѣпляются всѣми здѣшними трехмѣсячными обзорѣніями. Къ несчастію, съ тѣхъ поръ обозначились нѣкоторые, не особенно благоприятныя явленія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ членовъ министерства, м-ръ Форстеръ, и генераль-прокуроръ положительно вы-

¹⁾ Но два дня спустя послѣ того, какъ были писаны эти строки, парламентъ былъ совсѣмъ распущенъ, и назначены новыя выборы; см. выше „Иностр. Обзорѣніе“.

Ред.

сказались противъ нѣкоторыхъ заявленій м-ра Брайта. Но м-ръ Гладстонъ еще не высказывался и надо ждать, что онъ скажетъ.

Въ числѣ внѣшнихъ или, лучше сказать, колоніальныхъ вопросовъ, затрудняющихъ въ настоящее время министерство, я упоминалъ объ Ирландіи. Министръ, который такъ много сдѣлалъ для этой страны, падеть вѣроятно черезъ нее: это чуть было не случилось еще въ прошломъ году. Я намѣренно, говоря объ Ирландіи, упоминаю слово „внѣшній“, эта страна даже не колонія для Англіи. Не позже, какъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ Дублинѣ собиралась конференція - *monstre*, для установленія и пропаганды теоріи „*Home-Rule*“. Чтобы узнать, какого рода эта агитація, каковъ ея характеръ, ея причины или ея предлогъ, необходимо оглянуться назадъ на послѣднія движенія, происходившія въ Ирландіи. Сравненіе съ Польшей, которое часто дѣлали, придаетъ особый интересъ этому вопросу.

Это сравненіе, вѣрное во многихъ отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе ложно въ своемъ основаніи; я говорю о расѣ. Правда и то, конечно, что англійскіе либералы, повидимому, легко относятся къ этому вопросу. Нѣсколько времени тому назадъ, не такъ давно, я имѣлъ честь бесѣдовать объ этомъ съ однимъ изъ нихъ: это — замѣчательнѣйшій антропологъ Англіи, профессоръ Гексли. По его мнѣнію, придаютъ слишкомъ большое значеніе, такъ-называемымъ, племеннымъ отличіямъ, и весьма заблуждаются тѣ, которые безпрестанно толкуютъ о латинской расѣ. Климать, обычаи, правительственное вліяніе — вотъ настоящіе агенты, формирующіе нравы и характеръ. Я не могъ не согласиться — что касается сущности вопроса — съ знаменитымъ профессоромъ. Весь споръ сводится скорѣе на слова: тщетно было бы — согласенъ — искать латинскаго типа, въ собственномъ смыслѣ, среди французовъ и испанцевъ. Но есть нѣчто общее въ характерѣ; если кельтическая или иберійская кровь взяла перевѣсъ, то на сторонѣ римской цивилизаціи оказалось превосходство, и съ этой оговоркой правильно будетъ обозначать однимъ родовымъ прозвищемъ народы, характеръ которыхъ носить отпечатокъ общаго происхожденія и общей цивилизаціи.

То же самое нужно сказать и объ Ирландіи. Утверждали, что во многихъ частяхъ ея примѣсь саксонской крови значительно больше кельтической. Можетъ быть; но характеръ ирландскій, кельтическій, остался господствующимъ на островѣ. Даже языкъ играетъ второстепенную роль; онъ почти исчезъ, по крайней мѣрѣ изъ политическихъ и религіозныхъ сферъ. Но, не взирая на саксонскую рѣчь, признаешь тѣ черты, которыми Страбонъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ охарактеризовалъ галльское племя „раздражительное, способное къ умственной культурѣ, но прославившееся своимъ высокимъ бріемъ“.

и самохвалствомъ“. „Легкомысленные, исполненные юмора и воображенія, пишутъ м-ръ Фроудъ въ 1872 г., кельтическіе ирландцы во всемъ проявляютъ страстность: въ патриотизмѣ, въ религіи, въ привязанностяхъ; но имъ не достаетъ той мужественности, которая одна могла бы придать нѣкоторую устойчивость сентиментальной сторонѣ ихъ характера. При этомъ у нихъ такая оборожительная внѣшность, что только опытные люди могутъ противостоять очарованію 1)“.

Я знаю, что авторъ этихъ строкъ не въ чести у ирландцевъ, но нельзя отрицать, что въ нихъ большая истина. Какъ бы то ни было, но оборожительная внѣшность произвела свое дѣйствіе на завоевателей: къ тому же море служило преградой для болѣе обширной колонизаціи. Случилось поэтому то, что всегда бываетъ, когда раса завоевателей не получаетъ достаточнаго поддержанія. Нормандскіе бароны изъ свиты „*Strongbow*“ не замедлили перенять нравы и костюмъ побѣжденныхъ, и превратиться въ „*O's*“ и „*Macs*“ съ легкостью, достаточно объясняемой ихъ переселеніемъ и отчужденностью.

Наступилъ моментъ, когда Англія приняла протестантское вѣроисповѣданіе. Мы охотно признаемъ, что если вліяніе расы бываетъ иногда весьма значительно, то оно отнюдь не единственное, и вотъ тому замѣчательный примѣръ: кельты Уэльса и Корнваллиса, по многимъ причинамъ, вполнѣ понятнымъ, отдались всецѣлю движенію и стали яркими анти-папистами. Въ Ирландіи идея о патриотизмѣ и независимости слилась съ вопросомъ религіознымъ и началось серьезное сопротивленіе. Послѣ варооломеевской ночи, обгравшей кровью весь островъ въ 1641 г., желѣзная рука Кромвеля едва не положила конецъ борьбѣ между двумя странами. Его политика искорененія, столь одобряемая Маколеемъ, не успѣла принести всѣхъ своихъ плодовъ. Реставрація, оставивъ вещи въ ихъ прежнемъ видѣ, возстановила ирландскій парламентъ, и послѣ того Англія страдаетъ по сіе время.

Впрочемъ, этотъ парламентъ былъ ни чѣмъ инымъ, какъ средоточіемъ продажности и подкуповъ и орудіемъ раболѣзства; и ему Ирландія обязана своими величайшими бѣдствами. Поддерживаемые англійскими властями, ирландскіе тори постоянно противились всѣмъ либеральнымъ мѣрамъ, которыя предлагалъ Сен-Джемскій кабинетъ и которыя бы имѣли результатомъ изытаніе страны изъ-подъ ихъ владычества. Фобсъ былъ потому вѣренъ прогрессивнымъ традиціямъ, когда провозглашалъ, въ 1781 г., „что для спасенія и свободы британской имперіи необходимо сохранить старинное господство надъ Ир-

1) *Froude. The English in Ireland in the 18 century. London, 1872.*

ландіей". Въ самомъ дѣлѣ, вольности, данныя въ 1782 г., и благодаря которымъ Ирландія сохранила съ Англіей чисто федеральную связь, имѣли результатомъ возстаніе 1798 г., за которымъ послѣдовало упраздненіе ирландскаго парламента и окончательное объединеніе обѣихъ странъ.

Уничтоженіе этого объединенія стало цѣлью ирландскихъ движеній, и мы присутствуемъ при его третьемъ фазисѣ. Первое проявленіе олицетворилось въ величественной фигурѣ О'Коннеля съ его девизомъ „Уничтоженіе Союза“. Оно угасло вмѣстѣ съ нимъ, но принесло, однако, свои плоды: на примѣръ, эмансипацію католиковъ, хотя всеобщее настроеніе умовъ, даже внѣ Ирландіи, было благоприятно этой мѣрѣ.

Второй серьезный взрывъ произошелъ во время междоусобной американской войны, подъ именемъ „феніанизма“. Движеніе это носило болѣе радикальный характеръ: дѣло шло уже не о возвращеніи прежняго порядка вещей, но о провозглашеніи „ирландской республики“. Хотя католическіе священники отрезались отъ этого движенія, но оно имѣло нѣкоторый успѣхъ и привлекло значительную часть населенія. Но масса была скорѣе расположена организовать процессіи, чѣмъ дѣйствовать серьезно. Она въ сущности мало интересовалась ирландской республикой, и больше думала о девизѣ О'Коннеля, чѣмъ Стефенса, О'Донована, Росса и другихъ. Генералъ Клузера, участвовавшій въ феніанскомъ возстаніи, произнесъ надъ нимъ рѣшительный приговоръ въ „*Fraser's Magazine*“ за июль 1872 г., и мнѣніе его показалось настолько знаменательнымъ, что оно приводится въ послѣднемъ изданіи лексикона событій Гайдна. „Это возстаніе, говоритъ Клузера, было глупо задумано и не менѣе глупо выполнено“.

Сила этого движенія заключалась въ единодушномъ стремленіи всѣхъ ирландцевъ къ независимости ихъ края и, въ концѣ-концовъ, оно вызвало двѣ важныхъ мѣры, которыми либеральные англичане надѣялись примирить съ собой непримиримый островъ: отдѣленіе церкви отъ государства и „*Irish land act*“. Этотъ послѣдній законъ крайне важенъ и о немъ необходимо поговорить.

Ирландія—всѣ съ этимъ согласны—обладаетъ чрезвычайно плодородной почвой, многочисленными и превосходными портами, живымъ и смышленнымъ населеніемъ и проч. А между тѣмъ это населеніе вѣчно бѣдствуетъ, когда не умираетъ съ голоду. „Зло,—говорилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ „*Revue des Deux Mondes*“, г. Лавелэ,—зло происходитъ не отъ людей, но отъ законовъ: оно является результатомъ необезпеченности фермеровъ („*insecurity of tenure*“). Между тѣмъ актъ 1870 г. есть энергиче-

ская мѣра противъ этого зла. Во-первыхъ, онъ придалъ силу закона ольстерскому обычаю. Въ этой *протестантской* и *саксонской* провинціи—*единственно богатой*—арендаторъ не можетъ быть согнанъ безъ вознагражденія; кромѣ того, онъ имѣетъ право продать избытокъ своей аренды—*излишекъ, остающійся сверхъ естественной поземельной ренты*,—который пришлось собственнику предоставить ему за недостатокъ конкуренціи. Вотъ въ чемъ состоитъ, такъ называемый, „*Ulster tenant-right*“. Въ томъ случаѣ, когда у арендатора нѣтъ ни *tenant-right*, ни договора (*base*), законъ ограждаетъ его отъ произвольнаго увольненія со стороны владѣльца, назначая пеню или вознагражденіе, измѣняющееся сообразно съ обширностью хозяйства. Наконецъ, арендаторамъ, желающимъ купить свои фермы, съ согласія владѣльца, выдается ссуда и документы на владѣніе даруются парламентомъ.

Во Франціи такой законъ сочли бы настоящей социалистической и коммунистической попыткой: и дѣйствительно, онъ давалъ землешпцу настоящее право на землю, въ нѣкоторомъ родѣ, право на совмѣстное владѣніе земель. Вотъ потому, теперь нельзя больше говорить, что зло заключается въ законахъ, а не въ людяхъ. Мѣра эта получила свою силу 1-го августа 1870. И что же? 1-го сентября того же самаго года наступилъ третій фазисъ сепаратистскаго движенія, въ Дублинѣ, подъ названіемъ агитациі въ пользу „*Home-Rule*“ (самоуправленіе).

Причины этого новаго похода различно объясняются англійскими газетами. Мнѣ кажется, что законы политической экономіи объясняютъ его простѣйшимъ образомъ. Зачинщикомъ движенія „*Home government association*“ былъ нѣкто м-ръ Исаакъ Бутъ, талантливый адвокатъ и юристъ, но не раздѣляющій съ О'Коннелемъ счастья родиться католикомъ.

Совсѣмъ тѣмъ онъ энергически высказывался за „*sectarian's*кое“ образованіе и за основаніе католическаго университета. Национальныя тенденціи окрѣпли, и новое движеніе охватывало впервые съ рѣдкимъ единодушіемъ протестантовъ и католиковъ, либераловъ и консерваторовъ, „*orange and green*“. Нѣкоторые изъ протестантовъ съ большой досадой отнеслись къ „*disestablishment*“ англиканской церкви: епископы объявили даже, что этотъ фактъ уничтожаетъ актъ союза. Католики смотрѣли на этотъ законъ, какъ на позднее вознагражденіе за великую несправедливость. Наконецъ, обѣ мѣры считались во всей Ирландіи результатомъ признанія своей слабости со стороны англичанъ и опасеній, внушаемыхъ соединенными притязаніями націоналовъ и ультрамонтанъ, — результатъ, который легко

можно было предвидѣть, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время правительство подавало надежды на близкую амнистію для феніевъ.

Вотъ это-то самое движеніе, нынѣ укрѣпившееся, грозитъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, кабинету м-ра Гладстона. Великая конференція „*Home government association*“, происходившая въ прошломъ мѣсяцѣ въ Дублинѣ и комментируемая нынѣ на всѣ лады, дастъ намъ точныя данныя и документы для обсужденія этого процесса. Въ теченіе четырехъ дней новыя ирландскіе агитаторы, преемники О'Коннелля и О'Бриена, публично высказывали свои неудовольствія и свои притязанія.

Первый пунктъ, на которомъ они отличаются отъ первыхъ, а въ особенности отъ феніевъ, заключается въ томъ, что они утверждаютъ, будто достигнуть своей цѣли не прибѣгая къ насилію, но „съ помощью силы разума и логики событій“.

„Конференція“ утверждаетъ затѣмъ и торжественно провозглашаетъ неотъемлемое право ирландцевъ на „самоуправленіе“: наступило время предпринять энергическое движеніе въ пользу восстановленія этого права. Но важнѣйшей изъ принятыхъ резолюцій является слѣдующая, которая опредѣляетъ политическій характеръ и истинную форму новаго движенія и заслуживаетъ быть приведенной цѣликомъ:

„Требуя этихъ правъ и преимуществъ для нашей страны, мы принимаемъ принципъ федераціи (*Federal arrangement*), который бы обеспечивалъ за ирландскимъ парламентомъ право издавать законы и регулировать всѣ внутреннія дѣла Ирландіи, предоставляя императорскому правительству рѣшеніе вопросовъ, касающихся короны, управленія имперіей, законодательства колоній и другихъ владѣній, сношенія имперіи съ иностранными государствами и другія дѣла, касающіяся обороны и безопасности британской имперіи“.

Дѣло идетъ объ отмѣнѣ союза и о парламентѣ 1782 г. Путемъ федераціи ирландцы не только управляли бы собственными дѣлами, но, сохранивъ свое представительство въ центральномъ парламентѣ, сохранили бы свой контроль и вліяніе надъ общими дѣлами.

Таковъ планъ, или „*scheme*“, какъ говорятъ здѣсь. Политическіе дѣтели самыхъ противоположныхъ оттѣнковъ, м-ръ Коузъ, радикаль, недавно выбранный въ Ньюкестлѣ, лордъ Монтэгю, отъявленный тори, высказались за „*Home-Rule*“. Слова: справедливость, право, свобода и т. п. ни въ селу, ни въ городу произносятся по этому поводу. Между тѣмъ, въ настоящую минуту важнѣе, чѣмъ когда-либо, чтобы радикальная и либеральная партіи не стали жертвой призрачныхъ вещей. Справедливость—магическое слово и чудное дѣло; но необходимо свести ее съ облаковъ, куда она занесена метафизикой.

Давно тому назадъ величайшій мыслитель древности, дакъ истинное и бесспорное опредѣленіе этого слова: „Справедливость—это общее благо“—говоритъ Аристотель,—формула, которую Бентаны и Джоны Стюарты Милли только развили и подтвердили.

Здѣсь, какъ и всегда, сходятся лицомъ къ лицу два интереса; необходимо примирить ихъ, если только это возможно. Но, во-первыхъ, нельзя по совѣсти отрицать необходимость для Англіи владѣть Ирландіей. Разъ этотъ островъ попадетъ въ руки чужеземцевъ, —прости безопасность Великобританіи.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ законовъ природы, которымъ наука учитъ насъ подчиняться. Въ самомъ дѣлѣ, исторія доказываетъ намъ абсолютную невозможность для Ирландіи удержать свою независимость. Мало того, она обличаетъ передъ нами ея абсолютную неспособность къ „самоуправленію“, котораго она добивается. Истинные интересы Ирландіи требуютъ, чтобы она управлялась англійскими законами, которые вдобавокъ достаточно либеральны: и тутъ, въ счастью, чувство находится въ ладу съ дѣйствительностью. „Уже самое географическое положеніе обѣихъ странъ“, говоритъ Стюартъ Милль ¹⁾, „дѣлаетъ для нихъ болѣе пригоднымъ составлять одну націю... къ тому же я не вижу, что выиграетъ Ирландія, отдѣлившись отъ Англіи, чего бы она не могла получить, оставаясь въ союзѣ съ послѣдней; кромѣ развѣ удовольствія, быть управляемой ирландцами, то-есть, людьми, которые вѣчно питаютъ непримиримую вражду къ извѣстной части своихъ согражданъ“. Обсуждая затѣмъ—за два года до настоящаго взрыва—идею о федеральной связи между обѣими сторонами, знаменитый философъ признаетъ ея невозможность. Указываютъ на Австро-Венгрію: но отчизна Ивана Гуніада и Матвѣя Корвина во всѣ времена давала блистательныя доказательства своего политическаго такта и смысла. Нельзя никакъ сказать того же самаго объ ирландцахъ. До покоренія Англіей, страна ихъ служила театромъ вѣчныхъ разбоевъ и грабежей: но, быть можетъ, это отнесутъ къ варварству той эпохи. Но какъ бы то ни было, а ирландскій государь призвалъ саксонцевъ. Въ блаженные времена ирландскаго парламента, убійства и пожары періодически свирѣствовали въ странѣ: достаточно привести 1641 и 1798 гг. Подстрекателями при этомъ всего чаще являлись католическіе священники. И можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что бунты, возбуждаемые съ тѣхъ поръ Смитомъ О'Бріеномъ, Эмметомъ, феніями, совершенные пустяки „*mere trifles*“ въ сравненіи съ предыдущими.

Между тѣмъ, сваземъ безъ обиняковъ, кабинетъ принялъ отно-

¹⁾ *England and Ireland*. 1868 стр. 26—31.

сительно ирландскихъ католиковъ самую неудачную политику, которая привела его въ тому положенію, въ какомъ онъ теперь находится. Нельзя ничего ждать отъ религіи, которая, какъ католическая, провозглашаетъ нетерпимость—догматомъ и обязанностью. Въ планъ реформъ, имѣвшихся въ виду для Ирландіи при вступленіи въ управленіе дѣлами м-ра Гладстона, входили вопросы объ университетахъ и высшемъ образованіи. Дублинскій университетъ съ его дополненіемъ „*Trinity College*“ оставался до 1845 г. единственнымъ въ Ирландіи и пользовался тѣми же преимуществами, какъ и Оксфордъ и Кембриджъ. Членамъ протестантскаго епископата принадлежалъ исключительный контроль съ правомъ надѣлять студентовъ степенями, помимо ихъ религіозныхъ мнѣній (*irrespective of any religious tests*). Въ 1845 г. сэръ Робертъ Пилъ изъ доброжелательства къ католическому населенію основалъ три коллегіи королевы (*Queen's colleges*), въ Бельфастѣ, Коркѣ и Гальвѣ, со всякими льготами для студентовъ и безъ различія вѣроисповѣданій: университетъ королевы („*Queen's University*“) даетъ степени только ученикамъ этихъ трехъ коллегій.

Католики, добившіеся въ 1793 г. основанія коллегіи Майнота, предоставленной для ихъ исключительнаго пользованія, съ негодованіемъ отвергли этотъ новый даръ и яростно клеймили то, что они называли „смѣшанной системой“. Имъ нужно все. Въ этихъ новыхъ коллегіяхъ религіозное воспитаніе старательно обходится, потому что только свѣтское образованіе общее. Но есть ли возможность для католика слушать хотя бы лекціи математики и химіи изъ еретическихъ устъ, не рискуя спасеніемъ своей души? Въ 1870 г., большой митингъ католическихъ епископовъ собрался въ Майнотѣ, подъ предсѣдательствомъ кардинала Куллена. Отвергнувъ расширеніе смѣшанной системы путемъ учрежденія новыхъ училищъ или преобразованія старыхъ, митингъ высказалъ желаніе, чтобы былъ основанъ католическій университетъ, исключительно предназначенный для католиковъ и содержимый на счетъ государства. Такъ какъ протестантская церковь была упразднена, то они располагали, по-просту, безъ затѣй, заступить мѣсто дублинскаго университета.

Чтобы удовлетворить этимъ желаніямъ, м-ръ Гладстонъ внесъ свой злополучный билль послѣдней сессіи. Уже въ 1869 г. м-ръ Фоусетъ, радикальный членъ парламента, внесъ билль, имѣвшій цѣлью освободить „*scholarships*“ и „*fellowships*“ отъ всякихъ религіозныхъ и національныхъ путъ. Новый министръ, желавшій лично предложить реформы, касавшіяся ирландскихъ университетовъ, годъ отъ году противился обсужденію проекта м-ра Фосета, пока, наконецъ, въ февралѣ прошлаго года не представилъ собственнаго проекта, уѣн-

чавшагося тѣмъ успѣхомъ, какого онъ заслуживалъ. Министръ претерпѣлъ, какъ извѣстно, поражение и власть осталась за нимъ только потому, что оппозиція отказалась принять ее. Но вопросъ неизбежно долженъ снова подняться въ нынѣшнемъ году, и съ нимъ необходимо познакомиться.

То была одна изъ наименѣе счастливыхъ идей м-ра Гладстона. Законопроектъ состоялъ изъ двухъ частей: первая отмѣняла „tests“, религиозную присягу, но давала университетскому совѣту „право дѣлать запросы, порицать и карать всякаго профессора, который своими словами, сочиненіями или *инымъ способомъ* оскорбитъ религиозныя убѣжденія какаго-нибудь члена университета“. Преподаваніе исторіи и философіи отмѣнялось или, по крайней мѣрѣ, оба эти предмета вычеркивались изъ программы экзаменовъ. Наконецъ, вторая часть билля создавала центральный университетъ, которому предоставлялась раздача степеней. И въ этотъ разъ м-ръ Гладстонъ опять никому не угодилъ: католики находили, что эта мѣра недостаточно благоприятна. Что касается либераловъ, достойныхъ этого имени, то они не могли безъ отвращенія отнестись къ вышеупомянутому условію, лишавшему преподаваніе всякаго достоинства и всякой свободы.

Въ заключеніе настоящаго обзора положенія дѣлъ въ Ирландіи, упомяну о выборахъ, имѣющихъ быть въ настоящее время въ Лимерикѣ. Два кандидата на лицо: м-ръ О'Сулливанъ, по стремленіямъ феній и поддерживаемый „*Farmer's club*“омъ и крайними націоналистами, и другой, м-ръ Келли, болѣе умѣренный, богатый собственникъ, покровительствуемый католическимъ духовенствомъ. Оба высказываются ярыми приверженцами „*Home-Rule*“ и ирландскаго федерализма. Республиканская и кромвелевская политика — единственно пригодная для католицизма и федерализма. М-ръ Гладстонъ собираетъ въ настоящую минуту плоды своей знаменитой теоріи управленія Ирландіею посредствомъ ирландскихъ идей „*irish ideas*“...

Отъ м-ра Сулливана до короля Коффи и отъ Ирландіи до земли ашантиевъ далеко! А между тѣмъ требованія политической хроники обязываютъ насъ перескочить черезъ это разстояніе. Что бы ни говорили официозные органы, выбивающіеся изъ силъ, чтобы казаться довольными, но утѣшительнаго тамъ такъ же мало, какъ и здѣсь. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, сэръ Чарль Маккарти былъ губернаторомъ британскихъ владѣній на Золотомъ-Берегу: король ашантиевъ далъ себѣ слово обтнуть барабанъ кожей этого сановника. Немного спустя несчастный губернаторъ неосторожно забрался во владѣнія негритянскаго монарха и былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ своимъ наленькимъ отрядомъ. Увѣряютъ, что голова его съ того времени украшаетъ собой дворецъ Кумасси. Вотъ факты по-истинѣ варвар-

скіе, да и имена тоже! Англійскія газеты полны ими въ послѣдніе три мѣсяца, и это ничтожное дѣло принимаетъ ежедневно самыя неожиданныя размѣры.

Золотой-Берегъ тянется, какъ извѣстно, отъ рѣки Ассини до устьевъ Вольты на протяженіи 250 миль. Англичане, голландцы, датчане и португальцы водружали на немъ свои флаги двѣсти лѣтъ тому назадъ, имѣя главнымъ образомъ въ виду торгъ неграми, производившійся въ большихъ размѣрахъ. Позднѣе они оставались тамъ подъ предлогомъ подавленія этого зла и поощренія торговли и просвѣщенія. Португальцы отступились первые. Въ 1850 г. Англія купила владѣнія, то-есть, форты датчанъ, и въ 1872 г. форты голландцевъ были ей *переданы*, но не *проданы*—говоритъ капитанъ Бракенберри ¹⁾, авторъ маленькой книги, трактующей объ этомъ вопросѣ. Но капитанъ ни слова не говоритъ объ условіяхъ этой передачи, а между тѣмъ многіе утверждаютъ, что они очень невыгодны. На самомъ дѣлѣ Англія приобрѣла эти мало выгодныя владѣнія цѣной уступки Малайскаго пролива.

Между тѣмъ, взглянувъ на карту, всякій увидитъ, какъ важенъ этотъ проливъ, являющійся настоящими торговыми воротами между Европой и китайскими водами. Владѣя имъ на Малайскомъ полуостровѣ, англійское правительство властвовало надъ сѣверо-восточнымъ берегомъ пролива: союзъ, заключенный въ 1819 г. съ Ачинскимъ султаномъ, обезпечивалъ противоположный берегъ, образуемый островомъ Суматрою. Между тѣмъ, когда въ прошломъ году вышеупомянутый султанъ, тѣснимый голландцами, потребовалъ покровительства отъ своей старой союзницы, то лордъ Гренвилль отвѣчалъ черезъ лорда Энфильда, отъ 13 іюля 1873 г.: „что онъ не отрицаетъ существованія договора, но что новыя уговоры съ голландцами совершенно идутъ въ разрѣзъ съ его статьями; что къ тому же Англія не наблюдала его съ регулярностью“. Таково было первое официальное извѣщеніе объ этой конвенціи. Конечно, можно возразить, что Голландія не внушаетъ никакихъ опасеній. „Но не слѣдуетъ забывать“—какъ замѣчаетъ авторъ превосходной статьи объ этомъ вопросѣ ²⁾, „что это маленькое государство находится до нѣкоторой степени подъ давленіемъ Пруссіи.“

Къ тому же, какого рода права приобрѣтены надъ голландскими владѣніями Золотого - Берега? Простое право протектората надъ береговыми племенами. Но въ какихъ-нибудь пятидесяти миляхъ отъ моря лежитъ территорія апантіевъ, могучаго племени, насчитываю-

¹⁾ *Fanti and Ahanti. London. 1873.*

²⁾ *Frazer's Magazine. Январь 1874.*

этого слишкомъ миллионъ населенія, и чей король всегда заявлялъ притязанія на протекторатъ надъ тѣми же самыми племенами, свободное обращеніе съ которыми ему необходимо ради коммерческихъ цѣлей. За Эльмину, напримѣръ, голландцы платили ему дань въ 80 т. фунтовъ ст. Они не собирали также никакихъ налоговъ съ жителей и никакихъ пошлинъ съ товаровъ. Англія же, напротивъ того, обложила племена, находившіяся подъ ея протекторатомъ, налогомъ въ 2% со всѣхъ предметовъ ввоза. Затѣмъ, такъ какъ это было найдено недостаточнымъ для поощренія торговли, она удвоила этотъ налогъ въ 1868 и 1872 гг. Такъ какъ въ число предметовъ ввоза входило большое количество спиртныхъ напитковъ, пороха и огнестрѣльнаго оружія, то англійскіе сборщики таможенныхъ пошлинъ видѣли, быть можетъ, въ затрудненіяхъ, поставляемыхъ ввозу, если не способы для поощренія торговли, то, по крайней мѣрѣ, средство для распространенія благодѣяній цивилизаціи и христіанства „*blessings of christianity*“, употребляя священное обычаемъ выраженіе.

Эта мистификація не понравилась королю ашантиевъ. Не взирая на свои 3333 жены—число, котораго онъ свято держится ¹⁾ — онъ понялъ громадный ущербъ, который долженъ былъ произойти для него вслѣдствіе того, что англичане смѣнили голландцевъ, въ особенности въ Эльминѣ, его главнымъ торговымъ складѣ. Къ тому же англичане рѣшительно не хотѣли признать, какъ это дѣлали голландцы, суверенныя права этого монарха надъ вышеупомянутымъ городомъ. А между тѣмъ ихъ интересы, равно какъ и условія международнаго права не дозволяли, чтобы объѣмъ былъ произведенъ помимо желанія короля Коффи. Между тѣмъ это согласіе не было вовсе дано. Я знаю, что можно найти смѣшными толки о международныхъ правахъ, когда дѣло идетъ о какихъ-то неграхъ, и я воздержусь отъ всякихъ возгласовъ на этотъ счетъ; но эти права прежде всего опираются на силѣ; а, сколько можно судить, событія не оправдали Англію за нарушеніе этихъ правъ.

15 февраля 1871 г. подписана конвенція съ голландцами: передача, предоставлявшая весь берегъ въ распоряженіе англичанъ, произошла 6 апрѣля 1872 г. Немного времени спустя, въ Эльминѣ вспыхнулъ бунтъ: въ этомъ городѣ находился представитель короля ашантиевъ, лицо весьма вліятельное среди своего народа. Англичане захватили его, продержали нѣкоторое время плѣнникомъ, затѣмъ отправили обратно на родину съ подарками для короля. Этотъ по-

¹⁾ *Capt. Brackenbury. loc. cit. p. 103.*

слѣдній въ свою очередь отправилъ этого война тоже съ подарками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ почтеннымъ отрядомъ войска. На него напали Ассины и Фанти, племена, находящіяся подъ протекторатомъ Англии и вѣрныя ей, и вотъ какъ загорѣлась война въ январѣ 1873 г.

Английскіе агенты поступали весьма не ловко въ этомъ дѣлѣ. Они завершили свою неловкость, раздраживъ племя Эльмина, насчитывающее 13 тысячъ человекъ и расположенное вокругъ поселенія того же имени. Они хотѣли воспользоваться обстоятельствами и потребовать отъ нихъ короля присяги въ вѣрноподданничествѣ—королямъ нѣсть числа въ тѣхъ краяхъ, точно въ Иліадѣ, и многіе отставлены отъ должности англичанами съ пенсіей въ 100 ф. въ годъ!—Но этотъ король не согласился на требованія англичанъ: его захватили, засадили въ тюрьму, Эльмину бомбардировали и съ той минуты весь берегъ охваченъ огнемъ. Вышеописанное происходило въ прошломъ іюнѣ. Ашанти, прибывшіе на помощь къ племени Эльмина, были отражены. Но английскія войска, наученныя примѣромъ Маккарти, держались оборонительнаго положенія. Потребовались значительныя подрѣзненія: тысяча человекъ моряковъ и 2-й Вест-индскій полкъ посланы были на Золотой-Берегъ. Капитанъ Гловеръ получилъ приказъ подняться вверхъ по теченію Вольты и завербовать дружескія племена. Наконецъ, одинъ молодой генералъ-майоръ, сэръ Гарнетъ Уольселей, облеченный всѣми гражданскими и военными полномочіями, прибылъ на театръ войны съ званіемъ губернатора Золотого-Берега и главнокомандующаго войсками ея величества во владѣніяхъ западной Африки. Посланы были новыя подрѣзненія. Въ концѣ ноября прошлаго года получено извѣстіе, что английскія войска перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ, сожгли два или три селенія и выступили во внутрь страны.

Но тутъ начались серьезныя затрудненія. Страна покрыта сплошными и непроницаемыми лѣсами, среди которыхъ проложена дорога въ Кумасси. Этотъ городъ отстоитъ въ 123 миляхъ отъ берега, и можно легко понять, съ какими опасностями сопряженъ походъ черезъ эти дебри „*the bush*“, гдѣ на каждомъ шагѣ можно ждать нападенія со стороны туземцевъ, защищаемыхъ непроницаемой чащей. Затѣмъ перевозка съѣстныхъ припасовъ представляетъ почти непреодолимыя препятствія: союзные негры, на которыхъ возлагаютъ это дѣло, по большей части разбѣгаются. Всего удобіе въ этомъ отношеніи оказались услуги женщинъ. Прибавьте наконецъ—и это всего важнѣе—страшно нездоровый климатъ. Желтая лихорадка и диссентерія косятъ европейцевъ: даже самые туземцы страдаютъ отъ нихъ. Уже два или три офицера стали жертвой этого бича и главнокомандующій заплатилъ ему дань.

Наконецъ, на-дняхъ (19 января) получено извѣстіе, что экспедиція находится на пол-пути въ мѣсту своего назначенія. Три мѣсяца потребовалось, чтобы пройти 70 или 80 миль! Это даетъ понятіе о затруднительности предпріятія. Фабій Кунетаторъ превзойденъ, и теперь негрітійскій Аннибалъ берегись! Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы предпріятіе капитана Гловера увѣчалось успѣхомъ, и „союзныя племена“, повидимому, повернулись къ нему спиной. Толкуютъ также объ оборонительномъ союзѣ между королемъ ашантиевъ и его сосѣдомъ, могущественнымъ Дагомейскимъ королемъ.

Никого слѣдовательно не удивить, что м-ръ Дизраэли прошелся на счетъ кабинета по случаю этой злополучной войны. Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ въ концѣ ноября прошедшаго года, по случаю его водворенія въ качествѣ „лорда ректора“ университета Глазго, авторъ романа „Лотеръ“ напомнилъ о проклятіяхъ, которыми осыпали либералы министерство тори за войну съ Абиссиніей:— „наступить безъ сомнѣнія моментъ, джентльмены, когда мы узнаемъ кое-что изъ секретной исторіи этого таинственнаго дѣла: войны съ ашантиями; но въ настоящее время намъ предстоитъ одна только обязанность: помогать правительству и дать ему возможность принять мѣры, требуемыя интересами страны. Умудренный личнымъ опытомъ, я остерегусь слѣдовать тактикѣ, которой держался относительно насъ одинъ изъ членовъ современной администраціи, когда у насъ было на рукахъ дѣло съ Абиссиніей. М-ръ Лоу ¹⁾ поднималъ объ этомъ вопросъ въ парламентѣ и рѣзко осуждалъ министерство за негѣпость, безуміе, крайнюю неосторожность вмѣшательства въ абиссинскія дѣла. Онъ насмѣхался надъ честью страны, находилъ забавными страданія англійскихъ подданныхъ, удерживаемыхъ въ рабствѣ, въ сравненіи съ бѣдствіями, которыя должна была повлечь за собой война. Онъ описывалъ всѣ ужасы страны и убійственное дѣйствіе климата. Онъ объявлялъ, что не было ни малѣйшаго шанса на успѣхъ и что англійскій народъ долженъ готовиться къ ужающей катастрофѣ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что описалъ убійственность климата, и мнѣ помнится, какъ онъ говорилъ намъ о нѣкоей розовой мухѣ, способной, по его описанію, пожрать всю англійскую армію.“

Эта „розовая муха“ облетѣла всю англійскую прессу. Какъ бы то ни было, дѣло начато, и Англія не можетъ больше отступить, еслибы и хотѣла. Забудьте, что я нисколько не преувеличилъ трудностей предпріятія. Англійскія газеты видятъ ихъ такъ же хоро-

¹⁾ Теперешній министръ внутреннихъ дѣлъ.

но, какъ и я, и только изъ патриотизма высказываются менѣе рѣзко на этотъ счетъ. Даже допустивъ, что армія сэра Гарнета Уольселея достигнетъ Кумасси, что изъ того? Англичане будутъ спокойны на нѣкоторое время на Золотомъ-Берегу, а затѣмъ? интересы цивилизаціи, „*the blessings of christianity*“? Туземцевъ, говоря откровенно, ждать во всемъ этомъ одна лишь гибель. Быть можетъ, это единственный исходъ, возможный для этой низшей и варварской расы, но Англія, конечно, не рассчитываетъ дѣйствовать радикально въ этомъ отношеніи, и съ какихъ бы сторонъ мы ни рассматривали этотъ вопросъ, онъ разрѣшается къ невыгодѣ кабинета.

Если, продолжая этотъ обзоръ „колониальныхъ затрудненій“, мы обратимъ свои взоры къ Индіи, то и тамъ усмотримъ черныя точки на горизонтѣ. Тамъ голодъ грозитъ разразиться надъ богатѣйшей и преданѣйшей провинціей: Бенгаліей. Говорю: богатѣйшей, и дѣйствительно, въ бюджетѣ 1871—1872 гг. Бенгалія насчитываетъ 16,713,630 фунт. стерл. дохода, и только 5 или 6 милліоновъ расхода и даетъ такимъ образомъ казнѣ избытокъ почти 12 милліоновъ! Но въ прошломъ году лѣто было такое неблагоприятное, что жатва оказалась скудной. Уже цѣлыхъ три мѣсяца газеты жужжатъ намъ о „*Pending famine in Bengal*“. Много воплей, много криковъ, а толку до сихъ поръ мало. Но общественное мнѣніе начинаетъ, однако, волноваться и требовать болѣе дѣйствительныхъ мѣръ, чѣмъ отправка нѣсколькихъ милліоновъ тоннъ рису. „Если десять или пятнадцать милліоновъ фунт. ст. необходимы, чтобы спасти все населеніе, то слѣдуетъ ихъ дать“, восклицаетъ „*Daily-Telegraph*“. На этомъ дѣло пока остановилось: посмотримъ, что сдѣлаетъ наша администрація.

Я бы желалъ также потолковать съ вами о средне-азіатскихъ дѣлахъ, которыя снова начинаютъ занимать умы и вызываютъ безчисленное множество книгъ. Но вопросъ этотъ заслуживаетъ обстоятельнаго обсужденія, а мнѣ не хватаетъ больше ни времени, ни мѣста.

Въ концѣ-концевъ, агитаціи въ пользу „*Home-Rule*“, война съ ашантиями, голодъ въ Бенгаліи съ одной стороны, съ другой—вопросъ объ образованіи (*free school*) и освобожденіи земли (*free land*)—вотъ тѣ затрудненія, среди которыхъ застанетъ м-ра Гладстона оппозиція при открытіи парламента ¹⁾. Кабинетъ можетъ похвалиться однимъ только: блестящимъ бюджетомъ нынѣшняго года. Это конечно важный пунктъ, но его одного далеко недостаточно для обезпеченія существованія кабинета, какъ я о томъ уже говорилъ въ предъ-

¹⁾ Т.-е. при новомъ парламентѣ.—Ред.

идушемъ письмѣ, и необходимо, чтобы кабинетъ измѣнилъ свою политику. Или совѣты м-ра Джона Брайта возьмутъ верхъ, и у насъ будетъ радикальное управленіе, или торы снова попытаются доказать свое безсиліе. Какъ бы то ни было, м-ръ Гладстонъ можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что началъ великое дѣло, и только колебанія, нерѣшительность и компромиссы, какъ то случается не въ одной Англіи, мѣшаютъ ему довести его до благополучнаго конца.

R.

ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ QUASI-ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ «РУССКАГО ВЪСТНИКА».

„Русскій Вѣстникъ“ въ одной изъ послѣднихъ книжекъ прошлаго года посвятилъ моей книгѣ большую статью, подписанную его извѣстнымъ литературнымъ критикомъ А., который открывалъ и раньше походъ противъ моихъ статей, когда онѣ появлялись въ „Вѣстникѣ Европы“. Можно было себѣ впередъ представить, что критикъ журнала, столь дружественно расположеннаго къ „Вѣстнику Европы“, не сохранитъ спокойствія и не особенно будетъ заботиться о безпристрастїи: конечно, такъ и оказалось. Критика вышла извѣстнаго разбора: автору ея нуженъ былъ только матеріалъ для впередъ извѣстныхъ цѣлей; ему довольно было взять изъ всей книги два-три мѣста, выловить нѣсколько фразъ, перетолковать ихъ по своему, навязать ихъ автору, какъ его собственную мысль, и изощрять надъ ней, очень дешевое, остроуміе; критикъ не церемонится даже ставить какія-нибудь слова собственнаго изобрѣтенія въ кавычки и потомъ повторять ихъ, какъ будто принадлежащія автору книги. Цѣль критика—ожесточенная война противъ давней ненависти г-на А., къ „петербургскому журнализму“, представителемъ котораго (полагаемъ, не совѣмъ вѣрно) и считается моя книга.

Не имѣя особой охоты къ полемическимъ препирательствамъ,—особливо когда приходится имѣть дѣло съ такого рода критическимъ передергиваньемъ,—я могъ бы и нынѣшнее нападеніе г. А. оставить безъ отвѣта, какъ прежде; я и оставлю безъ отвѣта всѣ личныя нападенія: г-ну А. не нравятся мои писанія, мнѣ не нравятся его,—въ этомъ мы квиты; плодить „бранные“ эпитеты не нахожу удовольствія;—но о двухъ-трехъ пунктахъ слѣдуетъ сказать.

Одно изъ главнѣйшихъ обвиненій—мое мнимое неуваженіе къ Пушкину, мнимое униженіе его заслугъ и т. д. Это обвиненіе, какъ и разныя другія, направляются какъ лично противъ меня, такъ и вообще противъ „нынѣшней петербургской печати“, „петербургскаго журнализма“.

Замѣтимъ сначала, что г. А. не первый поднимаетъ эти обвиненія. Мы припоминаемъ, что его предупредили въ этомъ фельетониста одной мелкой петербургской газетки (не помнимъ, были ли это „Новости“, „Русскій Міръ“ или другое изданіе), высказавшіе тоже обвиненіе не менѣе, но и не болѣе пошло, чѣмъ г. А. Способъ дѣйствій и у тѣхъ фельетонистовъ и у г-на А. былъ одинаковъ; и отвѣчать на его обвиненія, собственно говоря, не было бы особенной надобности, потому что эти обвиненія—простое лганье, нужное критикѣ только для того, чтобы разыграть, на счетъ „петербургскаго журнализма“, роль благоразумнаго патріота, обличающаго зловерное легкомысліе. Но кромѣ того, не можемъ не указать г-ну А., что онъ вообще ошибается относительно „петербургскаго журнализма“: онъ имѣетъ въ послѣднемъ очень много единомышленниковъ и союзниковъ противъ меня. Въ прежнее время такова была „Заря“, теперь—„Гражданинъ“; мои мнѣнія обличались иногда въ „Голосѣ“; въ послѣднее время вновь ополчился противъ нихъ „Русскій Міръ“, въ своей новой метаморфозѣ, и наконецъ восо взглянулъ на нихъ даже критикъ Спб. Вѣдомостей... Гдѣ же „нынѣшняя петербургская печать“, которую я представляю?

Но благородный жаръ критика въ защиту Пушкина потраченъ напрасно. Я и не думалъ нападать на его заслуги, и предполагалъ ихъ столь извѣстными, что не считалъ даже нужнымъ распространяться о томъ общемъ значеніи, какое имѣетъ Пушкинъ въ исторіи нашей литературы. Я достаточно ясно оговорилъ это въ своей книгѣ¹⁾, и еслибъ г. А. относился къ дѣлу добросовѣстно,—онъ не написалъ бы своей нынѣшней филиппики.

Критикъ признаетъ возможность исторіи литературы съ общественной точки зрѣнія, но негодуетъ, что я забываю цѣнить общее

¹⁾ „Какія великія заслуги были здѣсь (въ чисто художественномъ періодѣ его дѣятельности) оказаны Пушкиннымъ, объ этомъ мы считаемъ излишнимъ говорить (т. е. имѣетъ о вещи достаточно извѣстной) и можемъ просто сослаться на двухъ его критиковъ—сороковскихъ и пятидесятныхъ годовъ. Пушкинъ положилъ послѣдній камень въ формальномъ образованіи нашей литературы: онъ окончательно установилъ въ ней права и требованія художественной поэзіи, уничтожилъ всѣ старыя узкія понятія и предразсудки, создалъ поэтическій языкъ, свободный отъ реторики и витанутости; поэзія была поставлена въ понятіяхъ общества на подобающее ей мѣсто и получила свой настоящій смыслъ“ („Характеристики“, стр. 50).

высокое значеніе Пушкинской поэзіи, и что я слишкомъ много придаю важности той мелкой эпиграмматической поэзіи, которой Пушкинъ предавался въ пору своей молодости.—Мы сейчасъ видѣли, насколько я забылъ это общее значеніе Пушкина; что касается до эпиграмматической поэзіи,—то могъ ли я не остановиться на ней съ избранной мною точки зрѣнія, когда эта поэзія (вмѣстѣ съ другими, съ ней связанными произведеніями его перваго періода) была оригинальнымъ выраженіемъ мнѣнія Пушкина въ извѣстное время, и, кромѣ того, вообще была довольно новымъ явленіемъ въ нашей общественности, въ то время очень замѣченнымъ.

Критикъ съ горячимъ негодованіемъ эстетика и съ плоховатымъ остроумничаньемъ обрушивается на мое замѣчаніе, что „общественныя и поэтическія достоинства писателя и произведенія могутъ не всегда совпадать“—точно я сказалъ какую нибудь ужасную ересь или обнаружилъ большое невѣжество. Эти самыя эпиграмматическія пьесы Пушкина могутъ доставить первый примѣръ того, какъ общественныя и эстетическія достоинства иногда не совпадаютъ. Никому не придетъ въ голову давать большую художественную цѣну этимъ пьесамъ Пушкина, но ихъ нельзя забыть, говоря о тогдашнемъ обществѣ и его отношеніи къ Пушкину: оцѣнка чисто эстетическая можетъ миновать эти пьесы, но исторія литературы съ общественной точки зрѣнія, другими словами, критика историческая, должна замѣтить ихъ по тому *впечатлѣнію*, которое онѣ тогда производили. Говоря объ этой сторонѣ дѣятельности Пушкина, мы вовсе не столько высказывали свое личное мнѣніе объ этихъ пьесахъ, сколько просто выставили фактъ—именно фактъ того впечатлѣнія, которое они оставляли въ тогдашнемъ обществѣ. Возвышенная точка зрѣнія г. А. этого не уразумѣла.

Возьмемъ другой примѣръ, гдѣ эстетическое достоинство можетъ не совпадать съ общественнымъ. Положимъ, поэтъ пишетъ панегирикъ лицу, которое его не совсѣмъ бы заслуживало. Произведеніе можетъ быть великодушнѣе въ эстетическомъ отношеніи: поэтъ можетъ съ полной искренностью идеализировать своего героя до истинно поэтическаго изображенія; но въ своемъ непосредственномъ смыслѣ произведеніе его можетъ быть тѣмъ не менѣе фальшиво: поэтъ можетъ ошибаться въ оцѣнкѣ лица, къ которому неразрывно привязано произведеніе, и если это лицо имѣетъ извѣстную роль въ обществѣ, то и произведеніе, фальшивое по пониманію этой роли, получаетъ смыслъ, вовсе не соответствующій его художественнымъ достоинствамъ.—При вмѣшательствѣ поэта въ настоящую дѣятельность подобная ошибка становится вообще весьма возможной, а потому очень возможно и не-совпаденіе достоинства поэтическаго и

достоинства общественнаго. Или, кто, напримѣръ, не знаетъ шумнаго успѣха патриотическихъ стихотвореній въ моменты великихъ національныхъ событій,—кто не знаетъ, что эти стихотворенія нерѣдко бывають далеко не безупречны въ эстетическомъ отношеніи, и что это, однако, не мѣшаетъ имъ производить болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, когда онѣ бывають отголоскомъ общественнаго настроенія?

Для г-на А. все это кажется очень удивительнымъ; онъ не можетъ понять и того, что въ моемъ изложеніи рѣчь идетъ именно не только о самыхъ произведеніяхъ, но также объ ихъ *дѣйстви*, которое было ими производимо въ данныхъ условіяхъ, объ ихъ вліяніи на понятія общества, на общественное мнѣніе.

Если самъ Пушкинъ въ послѣдствіи отвергалъ свою эпиграмматическую поэзію, какъ заблужденіе молодости, — то легко себѣ представить, что онъ могъ отвергать форму этихъ своихъ произведеній, которая не знала предѣла рѣзвости выраженій. Но отвергалъ ли онъ вмѣстѣ и содержаніе ихъ? Если отвергалъ, онъ значитъ примирялся съ героизмъ своихъ эпиграммъ, съ Аракчеевымъ, Голицынымъ, Фотиемъ и tutti quanti, сталъ смотрѣть на нихъ снисходительнѣе, оправдывалъ ихъ? Или просто находилъ, что о всѣхъ ихъ слѣдовало молчать, не выражать своего мнѣнія? Въ томъ и другомъ случаѣ это была или перемѣна взглядовъ, или безучастіе—словомъ, иное настроеніе, чѣмъ прежде—и странно было бы не остановиться на этомъ пунктѣ мнѣній Пушкина, который заслуживалъ историческаго объясненія. Замѣтимъ встать, что когда у Пушкина происходила любопытная, недавно изданная переписка съ Жуковскимъ (1826 г.) объ его связяхъ съ декабристами и отношеніяхъ къ новому двору, Пушкинъ говоритъ объ одномъ историческомъ лицѣ, умершемъ около этого времени и служившемъ, между прочимъ, цѣлью его эпиграммъ:..... „я не советѣю былъ виновать, подвѣсивъ ему до самаго гроба“. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда наступала зрѣлая пора личной жизни Пушкина и совершался—такъ или иначе—переломъ въ его жизни внутренней, Пушкинъ сознавалъ правоту своего прежняго настроенія... Пушкинъ былъ въ русской литературѣ столь необыкновеннымъ явленіемъ, привлекалъ въ такой сильной степени вниманіе и симпатіи общества, что невозможно не остановиться съ особеннымъ интересомъ на характерѣ и переходахъ его мнѣній, какъ на цѣломъ фактѣ общественной исторіи.

Далѣе, г. А. придирается къ моимъ словамъ объ одномъ изъ тѣхъ же писемъ Пушкина къ Жуковскому: „Теперь положимъ (писалъ Пушкинъ въ 1826 г.), что правительство и захочетъ прекратить мою мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю, не отвѣчать и не ручаться за

меня. Мое будущее поведеніе зависить отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства etc.“ Упомянувъ объ этихъ словахъ Пушкина, я вполнѣ признавалъ, что здѣсь высказалось высокое мнѣніе Пушкина о самомъ себѣ и сознаніе (конечно справедливое) своего достоинства и значенія. Тѣмъ не менѣе г. А. вознегодовалъ на меня за то, что я будто бы не увидѣлъ въ этихъ словахъ проявленія прямодушной и рыцарски-честной природы Пушкина (т.-е. за то, вѣроятно, что я сказалъ дѣло просто, а не съ фразистыми украшеніями); онъ вознегодовалъ и на мое замѣчаніе, что Пушкинъ едва ли не преувеличивалъ необходимость „условія“,—а это преувеличеніе могло быть, и именно потому, что въ этихъ условіяхъ могло не быть никакой надобности, такъ какъ въ собственныхъ мнѣніяхъ Пушкина произошла упомянутая перемѣна, при которой онъ едва ли бы самъ сталъ ко двору въ какія-нибудь натянутыя отношенія въ родѣ того, какъ это случалось прежде. Въ этомъ, совершенно своейимомъ замѣчаніи критику мерещится какое-то оскорбленіе Пушкину.

Далѣе, у меня также просто сказано было о томъ, что „Пушкина не даромъ не принимали въ тайное общество, въ которое онъ нѣсколько разъ самымъ горячимъ образомъ порывался проникнуть“. Это опять—только фактъ: друзья Пушкина, бывшіе въ тайномъ обществѣ дѣйствительно отклоняли его отъ вступленія въ общество: дорожа имъ, они берегли его (что было мною объяснено въ другомъ мѣстѣ), но вмѣстѣ съ тѣмъ не считали возможнымъ, и въ своемъ и въ его собственномъ интересѣ, полагаться на его пылкія увлеченія, къ каковымъ могли причислить и его тогдашній либерализмъ. Моему критику, вышеприведенное замѣчаніе мое кажется „язвительнымъ“.

Вообще, статья г-на А. пересыпана подобнымъ, черезчуръ тонкимъ пониманіемъ моихъ словъ: критику постоянно воображается, что я говорю какія-то язвительности, кого-то оскорбляю, даже вся книга кажется ему обвинительнымъ актомъ: критику повсюду забѣжитъ впередъ, по-своему растолкуеть, тонко отгадаетъ, налжеть. Удивительное чутье! Право, онъ могъ бы, кажется, найти для своихъ талантовъ болѣе широкое и дѣйствительное поприще...

Г-нъ А. свирѣпствуетъ противъ меня и по поводу Гоголя. Ему опять вообразилось, что я беру на себя полную и окончательную оцѣнку Гоголя, и опять ему невразумительно, что я, по самой своей задачѣ, останавливался въ сущности только на отношеніяхъ Гоголя къ общественному развитію, на томъ дѣйствиіи, какое произведенія его оказывали въ обществѣ, какія мнѣнія они породили и т. д. Эти вопросы объ общественномъ значеніи дѣятельности Гоголя, такъ долго занимавшіе нашу критику, для г-на А. не существуютъ. Съ его точки зрѣнія,—глубину которой онъ рекомендуетъ въ замѣнѣ и въ исправ-

леніе моего легкомыслія,—дѣло совершенно просто. Онъ за новость объясняетъ, что дѣятельность Гоголя была художественная, и чтобы понять ее, „необходимо разсматривать ее совершенно отдѣльно какъ отъ произведеній, продиктованныхъ резонерствомъ, такъ и отъ тенденціозныхъ выводовъ, навязанныхъ ему критикою Бѣлинскаго“. А критика Бѣлинскаго была пустое дѣло; она была „очень не сильна въ эстетической философіи“ (г-нъ А. сильнѣе?) и „не уразумѣла настоящаго источника мрачнаго сатирическаго направленія, замѣчаемаго ею въ произведеніяхъ Гоголя, и приписала извѣстному образу мыслей то, что было *просто* индивидуальностью художественнаго таланта“... По болѣе глубокой эстетической философіи г-на А., дѣло было *просто* въ слѣдующемъ: „въ характерѣ Гоголевскаго таланта было относиться къ типамъ и явленіямъ дѣйствительности исключительно отрицательнымъ образомъ, что вовсе *не означало* отрицанія этой дѣйствительности въ нравственномъ или общественномъ смыслѣ; это былъ просто индивидуальный авторскій приѣмъ, художественная манера, вытекавшая изъ дѣйствовавшихъ въ поэтѣ силъ комизма“. Но что же это тогда *означало*? Что же были произведенія Гоголя?

Неужели же это были только вещи, которыя должны были только служить удовлетворенію одного эстетическаго чувства, и не означали ничего болѣе? Неужели это были одни „побасенки“? Нѣтъ, самъ Гоголь въ извѣстныхъ враспорѣчивыхъ страницахъ, принадлежащихъ къ его лучшимъ страницамъ, съ негодованіемъ отвергъ эти мертвые толкованія поэзіи. „Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души“, говоря словами самого Гоголя. Нѣтъ, то могущественное впечатлѣніе, которое произвели созданія Гоголя въ русскомъ обществѣ и подъ вліяніемъ котораго наша литература, можно сказать, находится и по сію минуту,—объясняется именно тѣмъ, что за художественной увлекательностью этихъ созданій лежало глубокое чувство нравственной правды,—сила дѣйствія котораго превзошла и ожиданія самого писателя. Что Гоголь не имѣлъ какой-нибудь опредѣленной политической тенденціи, объ этомъ нечего и говорить. Г. А. страннымъ образомъ нападаетъ на меня, не замѣтивъ, что и по моему взгляду творчество Гоголя въ сильной степени было творчество бессознательное—другіе мои критики строго осуждали именно эти мои мнѣнія о свойствахъ таланта Гоголя. Но если Гоголь не опредѣлялъ началъ своихъ мнѣній объ общественныхъ предметахъ ни въ какую точную формулу,—впечатлѣніе могло быть только одно: за сатирическимъ отрицаніемъ лежало ясное положительное стремленіе, возбужденіе чувства нравственной правды и гуманности. Впечатлѣніе отъ произведеній Гоголя не было впечатлѣніе водевиля и юмористической по-

вѣстухи, и когда оно было почувствовано глубоко, было продумано, оно и приводило къ тѣмъ понятіямъ, которыя сдѣлали Гоголя писателемъ общественнымъ. Этотъ смыслъ его произведеній былъ тотчасъ почувствованъ *обѣими* сторонами общества — и той, которая уже носила въ себѣ идеалы лучшаго положенія вещей, просвѣщенія, справедливости, достоинства личности, — и той, которая относилась ко всѣмъ этимъ стремленіямъ только съ ненавистью. Гоголь съ перваго раза приобрѣлъ горячихъ почитателей и озлобленныхъ противниковъ, и, конечно, ихъ раздѣляло не различіе ихъ понятій объ эстетической философіи: обѣ стороны достаточно ясно чувствовали, о чемъ идетъ дѣло, и ихъ увлеченіе, той и другой, показывало, что рѣчь идетъ о новомъ нравственномъ, а затѣмъ и общественномъ принципѣ, — и онѣ почувствовали это раньше толкованій Бѣлинскаго.

Ничего этого г. А. не понимаетъ. Онъ продолжаетъ толковать объ „ошибкѣ“ Бѣлинскаго, — какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, ошибка или не ошибка Бѣлинскаго въ эстетикѣ создала небывалое въ русской литературѣ вліяніе Гоголя, какъ будто отъ одного Бѣлинскаго могъ зависѣть успѣхъ или неуспѣхъ его произведеній, и то или другое нравственное дѣйствіе ихъ на общество. Бѣлинскій разъяснилъ преимущественно именно художественныя достоинства произведеній Гоголя, сообщая сознательное пониманіе Гоголя тѣмъ, кто вообще былъ способенъ его понимать, — но не въ его силахъ было направить по произволу впечатлѣніе самыхъ произведеній, стать между Гоголемъ и его читателями. Да и читателей Гоголя было, безъ сомнѣнія, больше, чѣмъ читателей Бѣлинскаго. „Критика Бѣлинскаго, — продолжаетъ толковать г. А., — понявъ въ этой авторской индивидуальности въ талантѣ художника, приписало сатирическое содержаніе его произведеній отрицанію общественнаго склада русской жизни и *подказала* (такъ!) читателямъ „Мертвыхъ Душъ“ и „Ревизора“ такіе выводы, о которыхъ авторъ, державшійся относительно современныхъ ему порядковъ совсѣмъ другого мнѣнія, вовсе и не думалъ. *Именно съ тѣхъ поръ*, какъ петербургская журналистика постаралась „объяснить“ общественное значеніе произведеній Гоголя и *подказать* (еще разъ!) ему выводы, которыхъ онъ не имѣлъ въ виду — имъ овладѣваетъ внутреннее сматеніе, онъ начинаетъ провѣрять и *объяснять* самого себя, задумываться надъ нравственнымъ смысломъ своего смѣха“ и проч. Но, наконецъ, какимъ образомъ Бѣлинскій могъ такъ скоро все это подказывать? Извѣстно, что его собственные взгляды только подъ конецъ его дѣятельности приняли тотъ опредѣленный „общественный“ характеръ, при которомъ онъ могъ это подказывать, — а въ первое время онъ именно восхищался Гоголемъ только съ чисто художественной точки зрѣнія и

самъ не имѣлъ тѣхъ мнѣній, которыя будто бы подсказывалъ; а съ другой стороны, мы именно собрали достаточно данныхъ, показывающихъ, что всѣ задатки позднѣйшаго внутренняго разлада существовали у Гоголя съ самой первой поры его писательскаго поприща. Заключенія г-на А. оказываются невѣрными просто хронологически. Вѣрнѣе сказать, что самъ Гоголь не могъ не увидѣть общественнаго смысла своихъ произведеній, въ первый же разъ, когда онъ подошелъ въ нихъ нѣсколько поближе къ общественнымъ правамъ. Довольно прочесть его письма времени появленія „Ревизора“, чтобы въ этомъ убѣдиться.

Критикъ еще нѣсколько разъ повторяетъ фразы объ ошибкахъ Вѣлинскаго, о томъ, какъ петербургская журналистика (т.-е. опять тотъ же Вѣлинскій) *эксплуатировала* „чисто художественную“ (т.-е. по мнѣнью г-на А., ничего не означающую) сатиру Гоголя для цѣлей совершенно ему чуждыхъ. „Переписку съ Друзьями“ г. А. объясняетъ именно какъ слѣдствіе того, что Гоголя „раздразнила“ и „встревожила“ услужливость петербургской критики, и съ сочувствіемъ выписываетъ приведенныя нами слова одного изъ друзей Гоголя, которые, защищая Гоголя по поводу „Переписки съ Друзьями“, взводили на Вѣлинскаго именно это обвиненіе. Словомъ, г. А. разсуждаетъ здѣсь совершенно такъ, какъ разсуждали въ то время эти друзья Гоголя, оправдывавшіе его „Переписку“ и его отреченіе отъ прежнихъ произведеній, и какъ разсуждали, въ эпоху „Переписки“, прежніе враги Гоголя, которые чрезвычайно обрадовались его отреченію, — будто бы доказывавшему, какъ были они прежде правы, браня „Ревизора“ и „Мертвыя Души“. Г-нъ А. также побраниваетъ Вѣлинскаго и вступаетъ на дорожку Сенковского, Булгарина и компаніи. Счастливаго пути!

Что и здѣсь въ своихъ нападеніяхъ противъ меня, г. А. не церемонится перетолковывать слова, подставлять свои „язвительныя“ объясненія, это разумѣется само собой. Онъ разсказываетъ, будто бы я сожалѣю „не о томъ, вачѣмъ Гоголь сошелъ съ своего художественнаго пути ради нравственнаго и политическаго резонерства, но о томъ, вачѣмъ это резонерство не отвѣчало образу мыслей, раздѣляемому петербургскою журналистикою“, — когда я именно сожалѣю о томъ, что Гоголь далъ слишкомъ много мѣста своему резонерству, — конечно, очень плохому.

Далѣе критикъ утверждаетъ, будто бы мнѣ „очевидно“ даже совсѣмъ непонятно, какъ это могъ Гоголь сидѣть надъ „Мертвыми Душами“ въ то время, какъ одинъ редакторъ просилъ его написать статейку для журнала: „онъ выписываетъ отвѣтъ Гоголя на это приглашеніе съ нѣкоторымъ изумленіемъ (пишетъ г-нъ А.), подчеркивая

и сопровождаемая восклицательнымъ знакомъ эпитетъ *презрѣнный*, данный Гоголемъ „занятію ежедневнымъ дразгомъ“. Очевидно, въ понятіяхъ г. П. это занятіе несравненно почтеннѣе художественнаго творчества“...

Чтобы показать образчикъ того, до чего доходить у г-на А. безцеремонное лганье, мы находимся въ необходимости представить, такъ сказать, поличное и выписать цѣликомъ то мѣсто, къ которому относятся эти „очевидные“ выводы. Говоря о томъ, какъ рано стало проявляться у Гоголя мистическое настроеніе, съ которымъ, какъ извѣстно, соединялось у него высокое мнѣніе о своемъ трудѣ и крайне высококомѣрное и странное отношеніе къ своимъ ближайшимъ пріятелямъ,—я привелъ, въ примѣчаніи, нѣсколько выписокъ изъ писемъ Гоголя и, между прочимъ, сдѣлалъ слѣдующую цитату:

„Тогда же (въ 1841 г.), на простой вопросъ, не можетъ ли онъ прислать статьи для журнала (Погодинъ спрашивалъ объ этомъ для „Москвитянина“), Гоголь говоритъ: „Нѣтъ, клянусь, тяжкій грѣхъ отвлекать меня! Только одному невѣрующему словамъ моимъ и недоступному мыслямъ высокимъ (!) позволительно это сдѣлать. Трудъ мой великъ, мой *подвигъ* спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго; и для *презрѣннаго* ли (!) журнальнаго, пошлаго занятія ежедневнымъ дразгомъ я долженъ совершать *непрощаемыя преступленія*“, т.-е. отвлекаться отъ работы надъ „Мертвыми Душами“. Вслѣдъ затѣмъ онъ, однако, замѣчаетъ: „но статья будетъ готова и недѣля черезъ три выслана“. Затѣмъ опять: „обвините Погодина“ и пр. и пр.“

Кажется, смыслъ всей этой выписки довольно понятенъ. Въ ней видно высокое понятіе Гоголя о своемъ трудѣ, на которое онъ имѣлъ, конечно, всякое право, но вмѣстѣ съ тѣмъ видны и тѣ странности, которыя потомъ, въ эпоху „Перенески“, развились до вопіющихъ размѣровъ. У меня подчеркнуты и поставлены съ восклицательными знаками именно слова, указывающія на страшное (и не совсѣмъ послѣдовательное) высококомѣріе Гоголя, которое друзья его спокойно выносили, чѣмъ, безъ сомнѣнія, не мало ему и помогли дойти до послѣдующихъ крайностей. Вмѣсто того, чтобы просто сказать, что не можетъ дать никакой статьи, потому что не тѣмъ занятъ, и просить себя не беспокоить—Гоголь пишетъ напыщенную тираду, называетъ презрѣннымъ дѣло, которымъ занимаются его близкіе пріятели, Погодинъ, Плетневъ (а не задолго передъ тѣмъ и самъ Пушкинъ), и которое само по себѣ нисколько не презрѣнно; — при этомъ морально преувеличиваетъ, такъ какъ ему и не думали поручать никакого журнальнаго занятія ежедневнымъ дразгомъ; далѣе, считаетъ „непрощаемымъ преступленіемъ“ отвлекъся отъ „Мертвыхъ Душъ“—

а наконецъ оказывается, что это непрощаемое преступленіе онъ тутъ же собирается совершить, и общаетъ прислать статью для „презрѣннаго“ журнала и пр.

Только это и подразумѣвалось въ приведенной мною выпискѣ. Читатель видѣлъ, какъ „эксплуатировалъ“ все это г. А., и можетъ убѣдиться, что найденныя имъ „очевидности“ обнаруживаютъ въ немъ самое одно изъ двухъ—или замѣчательно-тупое непониманіе очень обыкновенныхъ вещей, или намѣренное извращеніе чужихъ словъ. Если г. А. хочетъ знать мое дѣйствительное мнѣніе о свойствѣ журнальнаго занятія,—то я, конечно, не только не считаю его презрѣннымъ, но даже почтеннымъ, когда оно ведется добросовѣстно; а съ другой стороны, журнальное лганье, конечно, считаю презрѣннымъ...

Способъ „критики“, принятый г. А., довольно объясняется приведенными сейчасъ примѣрами, и это могло бы избавить меня отъ дальнѣйшаго разбора его приговоровъ; но есть еще одинъ пунктъ, на которомъ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ на немъ г. А. думаетъ окончательно торжествовать уничтоженіе моей книги... Не знаемъ, по истинѣ, чему дивиться: дѣйствительному ли неумѣню г-на А. понимать человѣческой языкъ, или обратившейся въ природу привычкѣ, для своихъ цѣлей, извращать и перевертывать чужія слова и мысли. Г-нъ А. два раза возвращался съ торжествомъ къ одному мѣсту моей книги, въ которой указывал мое собственное опроверженіе моихъ же выводовъ. Мы приводимъ въ сноскѣ отрывокъ, который онъ выписываетъ изъ заключительной главы моей книги ¹⁾.

¹⁾ „Если отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ мы обратимся къ нашему собственному времени,—черезъ промежутокъ въ тридцать-сорокъ лѣтъ,—мы увидимъ, какъ преждевременны были *относительно большинства* эти надежды на литературную и научную самобытность русскаго общества. Не только масса общества, но можно сказать, *большинство* самой литературы слишкомъ далеки отъ сколько-нибудь серьезнаго пониманія вещей; напротивъ,—не говоря о той неизменной литературѣ, у которой нѣтъ никакого интереса, кромѣ мелкаго прислужничества и денежной аферы, даже въ такихъ кружкахъ, которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную раціональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему расчету, что смѣшно было бы говорить о присутствіи въ нихъ истинно-критическаго начала. Ослабляющія явленія возникаютъ изрѣдка въ нѣкоторыхъ отдѣльных трудахъ, иногда приходять изъ иностранной литературы, но *большинство* *наличной* литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглýmъ гаерствомъ. Правда, не останавливается рядъ разнообразныхъ изученій историческихъ, экономическихъ и проч., продолжается и возникаетъ вновь дѣятельная фактическая разработка общественной исторіи и народнаго быта,—и все это общаетъ нѣкогда полезныя результаты, но въ данную минуту еще мало оказываетъ дѣйствія на общественное мнѣніе *массы*. Современное положеніе литературы есть бесспорно упадокъ“, т.-е. въ тѣхъ условіяхъ и примѣненіяхъ, о какихъ здѣсь говорится.

„Эти строки,—говорить г. А.,—безъ сомнѣнія справедливые всего, что заключаея въ объемистой книгѣ г. П—на. Но не кажется ли г. П—ну, что онъ вѣстѣ съ тѣмъ *уничтожаетъ* всю книгу? (!!!) Если онъ поставилъ свою задачей слѣдить за прогрессомъ нашей литературы, что въ его понятіяхъ равносильно постепенному переходу отъ чисто литературныхъ и художественныхъ интересовъ къ интересамъ общественнымъ въ смыслѣ „освободительныхъ идей“, если онъ могъ указать, какъ съ молодымъ поколѣніемъ протекъ этихъ идей усиливается, такъ что образовалъ, наконецъ, „главное русло“—и если весь этотъ, пятидесяти-лѣтній прогрессъ вѣнчается сознаниемъ, что „современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ“, то *что же все это*, наконецъ, *значитъ*, и какой смыслъ должна получить исторія нашей литературы съ той особой точки зрѣнія, съ какой разсматриваетъ ее авторъ „Характеристики?“ и т. д.

Что это значить?—Только одно: что г-нь А. вырываетъ изъ книги отрывокъ и толкуетъ его вкривь и вкосъ безъ всякой связи съ тѣмъ, что говорилось прежде и что говорится дальше.

Приведенный г-мъ А. отрывокъ находится на стр. 483-й моей книги. Передъ тѣмъ, говорится у меня вообще о томъ, въ какомъ отношеніи находилось тогда литературное движеніе къ массѣ общества,—какъ далеко въ массу проникали успѣхи литературы и дѣйствовали на понятія большинства. Это отношеніе я находилъ вообще мало благоприятнымъ. Въ этомъ смыслѣ сказано въ книгѣ, что „*оптимальное положеніе* новой литературы было въ томъ періодѣ (40-хъ годовъ) *очень незавидно*“, что „она встрѣчала пониманіе и сочувствіе только въ незначительномъ *меньшинствѣ* общества; въ остальной его части находила она или невниманіе или положительную вражду и преслѣдованіе“, что „противъ этого *меньшинства* было то большинство, понятія котораго выражались системой официальной народности“ (стр. 476). Я находилъ, что это обстоятельство, т.-е. эти отношенія меньшинства и большинства, существенно важно для правильной оцѣнки нашей образованности, какъ мѣрка ея объема и распространенія. Образованность развивалась только въ ограниченномъ кругѣ общества и далеко не утвердилась прочно. Я приводилъ далѣе (стр. 477) мнѣнія, высказывавшіяся въ то время съ разныхъ сторонъ, будто русская образованность, во второй четверти нашего столѣтія, уже вступила въ періодъ самостоятельности и что Петровская реформа (предполагавшая подчиненіе нашего образованія европейскому) завершена. Эти мнѣнія казались мнѣ большою ошибкою, и на слѣдующихъ страницахъ я указывалъ на дѣйствительное положеніе образованности въ русскомъ обществѣ. Въ концѣ, я приходилъ къ выводу (стр. 481), что обѣ теоріи, и славянофильская, и особенно за-

падная, говорившія о завершеніи петровской реформы,—впали въ прискорбное заблужденіе, когда „при такомъ отношеніи *огромнаго большинства къ меньшинству*“, воображали, что вопросъ русскаго образованія рѣшенъ, что ему пришла пора полной самобытности, не только независимой отъ европейской науки, но должествующей научить и самую европейскую науку. Объ теоріи слишкомъ забыли дѣйствительное положеніе вещей... „Вѣлинскій, — сказано у меня (стр. 483),—не видѣлъ того открытаго заявленія мѣвнѣй большинства, которое выразилось рядомъ репрессивныхъ мѣръ съ 1848 года; но другіе писатели этого круга должны были горько сознаться въ ошибкахъ своего прежняго довѣрчиваго идеализма...“

Вслѣдъ за этимъ и идетъ приведенный выше (въ сноскѣ) отрывокъ, по поводу котораго г-нъ А. думалъ уличить меня въ моемъ противорѣчій всѣмъ моимъ выводамъ. Для читателя, который возьметъ это мѣсто въ связи съ предъидущимъ, совершенно ясно, что здѣсь идетъ рѣчь только и исключительно о томъ, какъ до сихъ поръ еще непрочно успѣхи нашей литературы, лучшіе результаты которой доселѣ составляютъ принадлежность *меньшинства* образованнаго общества, тогда какъ *большинство* и по сію минуту слишкомъ легко поддается внушеніямъ стараго невѣжества и умственной лѣни. Вспоминая радужныя надежды, которыя высказывались въ сорочковыхъ годахъ, я именно указывалъ, что даже и черезъ тридцать лѣтъ, въ наше время, эти надежды *относительно большинства* оказываются преждевременными. Подчеркнутыя слова, кажется, достаточно ясно показывают мою мысль.

Настоящее положеніе литературы, по внѣшнимъ ея условіямъ,—которыя выдвинули впередъ вкусы и понятія большинства и вызвали соотвѣтственную литературу, удовлетворяющую этимъ вкусамъ и понятіямъ,—есть, конечно, упадокъ; но—упадокъ внѣшній, временный и (какъ мы не сомнѣваемся) вовсе не означающій паденія тѣхъ интересовъ и идей, которые завѣщаны были намъ литературой 40-хъ годовъ и такъ оживили нашу литературу послѣ крымской войны, въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ. Настоящее положеніе литературы довольно понятно. Дѣло въ томъ, что крымская война, своимъ извѣстнымъ нравственнымъ вліяніемъ, поддѣйствовала и на большинство общества, и „прогрессъ“, которому служило лучшее меньшинство прежней литературы, сдѣлался модой; о немъ, въ первое время, заговорили даже люди и партіи, не имѣвшіе съ нимъ ничего или очень немного общаго. Но это нравственное возрожденіе, какъ извѣстно, давно уже прошло; отчасти, въ самомъ обществѣ еще не было достаточно серьезности, чтобы послѣдовательно усвоить идеи, принятія въ порывѣ увлеченія,—отчасти внѣшнія обстоятельства

складывались такъ, что этимъ идеямъ оставалось все меньше и меньше мѣста и въ умственной жизни и въ общественности. Въ шестидесятыхъ годахъ уже начинается поворотъ, въ невыгодномъ смыслѣ, и въ большинствѣ снова заговорили тѣ болѣе или менѣе грубые инстинкты, какими оно отличалось въ прежнія времена и отъ которыхъ еще не успѣло и не могло такъ скоро освободиться... Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, какъ вліяетъ на литературу и образованность подобное настроеніе большинства, когда это послѣднее, по обстоятельствамъ времени, выдвигается какъ дѣйствующая сила. Присутствіе упомянутыхъ инстинктовъ большинства дѣйствуетъ на литературу подавляющимъ образомъ — и отражается на внѣшнемъ положеніи литературы многоразличными способами: и внѣшними стѣсненіями (тяготѣющими на меньшинствѣ), и господствомъ (временнымъ) болѣе или менѣе грубыхъ вкусовъ и понятій большинства, которымъ и стремятся подслужиться писатели извѣстнаго сорта, находящіе для себя въ этомъ матеріальную выгоду.

Этотъ именно упадокъ я и разумѣю. Что по общему уровню выработаннаго содержанія современная литература стоитъ много выше прежняго, объ этомъ я говорилъ довольно ясно въ той же самой замѣчательной главѣ ¹⁾,—хотя нѣтъ сомнѣнія, что внѣшнія неблагоприятныя условія стѣсняютъ и задерживаютъ то научное развитіе, котораго задатки уже были заявлены литературой...

Упадокъ, о которомъ я говорилъ, имѣетъ очень много общаго съ тѣмъ, какой и въ прежнемъ періодѣ нашей литературы произошелъ вслѣдъ за окончаніемъ дѣятельности Бѣлинскаго, съ 1848—49 года, и о которомъ, напримѣръ, такъ горько скорбѣлъ Грановскій... Извѣстно однако, что этотъ упадокъ вовсе не произвелъ упадка самаго содержанія и развитія литературы, и она тотчасъ оживилась, какъ только внѣшнія условія сняли съ нея подавлявшія ее стѣсненія.

Если бы нужно было еще дальнѣйшее разъясненіе приведеннаго отрывка относительно настоящаго литературнаго періода, не трудно было бы представить фактическіе примѣры того, какъ „даже въ такихъ кружкахъ, которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную рациональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему расчету, что смѣшно было бы говорить

¹⁾ Между прочимъ, на той же 488 стр. тотчасъ вслѣдъ за отрывкомъ, приведеннымъ у г-на А., говорится: „Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ большинство стояло еще степенно ниже (тѣмъ въ настоящее время). Соответственно этому, общественно-критическое направленіе двухъ передовыхъ школъ (40-хъ годовъ) было еще болѣе одиноко и слабо противъ окружавшихъ его препятствій“ (тѣмъ въ настоящее время) и т. д.

о присутствіи въ нихъ истинно критическаго начала“; или примѣры того, что если и появляются изрѣдка замѣчательныя и освѣжающія явленія, — то „большинство наличной литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглымъ гаерствомъ“. Развѣ мы не видимъ того и другого — хоть въ томъ изданіи, которое, дѣтъ восемнадцать тому назадъ, съ первымъ появленіемъ своимъ привлекло къ себѣ столько симпатій своими ясно-выраженными либеральными и свободолобивыми тенденціями, и которое теперь столько же отличается этими тенденціями, какъ нѣкогда „Обвернал Пчела“. Развѣ это изданіе, ставшее, дѣтъ восемнадцать назадъ, въ первыхъ рядахъ нашего „прогресса“, не очутилось теперь... далеко не тѣмъ, чѣмъ было нѣкогда. Въ этомъ самомъ изданіи не подвергались-ли гаерскому глумленію лучшія имена европейской науки — на чью потѣху? И можно ли назвать иначе, какъ упадкомъ, расположеніе подобнаго рода литературы, которая имѣетъ массу своихъ почитателей — конечно, не въ томъ словѣ общества, который можно назвать наиболѣе принимающимъ къ сердцу интересы просвѣщенія? Недавно случилось намъ прочесть брошюру: „Трилогія на трилогію“. Какъ понравится г-ну А. изображенная тамъ дѣятельность людей, подкапывающихся подъ университетскій уставъ, писателей, имѣющихъ по четыре мѣсяца объ одномъ и томъ же предметѣ — смотря по личной надобности, и пр.? Намъ случилось также прочесть статью г. Иловайскаго о послѣднемъ періодѣ нашей печати: развѣ факты, тамъ собранные, не указываютъ теперь въ органахъ, нѣкогда прогрессивныхъ, рабскаго подчиненія ходячимъ понятіямъ и себялюбивымъ расчетамъ и т. д., и т. д.?

Съ другой стороны, есть ли въ настоящемъ положеніи литературы тѣ простыя вѣншія условія, которыя содѣйствовали бы значительности успѣховъ литературы: развѣ нынѣшняя литература не устранилась отъ многихъ вопросовъ, разработка которыхъ была уже начата въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ“? Развѣ подъ вліяніемъ другого времени не ограничилась дѣятельность и тѣхъ литературныхъ силъ, какія существуютъ? И если литература наша уже переживала подобныя періоды временнаго упадка, то настоящій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ признаютъ еще болѣе печальнымъ — тѣмъ, что паденіе захватываетъ теперь и людей, нѣкогда дѣлавшихъ болѣе достойное дѣло, людей, которые лично знаютъ преданія сороковыхъ годовъ и съ нихъ начали свое нѣкогда блестящее поприще.

Но, при всемъ томъ, повторяемъ, это упадокъ вѣншній, временная приостановка, за которой вовсе не потеряны плоды предъидущаго развитія, и общій уровень *содержанія*, въ болѣе образованномъ

обществѣ и въ лучшей части литературы, и въ настоящую минуту все-таки выше, чѣмъ онъ былъ десять лѣтъ тому назадъ.

И что показывается, наконецъ, самая критика г. А., какъ не тотъ же крайній упадокъ? — Я не преувеличиваю достоинствъ своего труда: недостатки его (какъ и многаго другого, что дѣлается въ современной литературѣ), недостатки, отъ меня зависѣвшіе и не зависѣвшіе, для меня довольно видны; мои мнѣнія и выводы могутъ казаться невѣрными, — выполненіе неудовлетворительнымъ; — но думаю, ни одинъ безпристрастный человѣкъ не откажетъ признать въ немъ трудъ искренняго и глубокаго интереса къ успѣхамъ нашей литературы и образованности. Чѣмъ отвѣчаетъ на это критика? Злобнымъ нападеніемъ, съ пѣной у рта; ея главнѣйшее оружіе — жалкое передергиванье, перевернанье чужихъ словъ, исминуація, литературные приемы школы Булгарина и Греча. При нынѣшнихъ тенденціяхъ изданія, гдѣ ратуеть г. А., это иначе и быть не можетъ.

А. Пипинъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Орѣнбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества.

Въ 11-й книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1873 годъ въ статьѣ г. Линдемана: „Прохожденіе планеты Венеры передъ Солнцемъ“, на стр. 446, авторъ, упоминая о степени участія въ предпринимаемомъ изслѣдованіи этого явленія со стороны Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и его отдѣловъ, говоритъ, между прочимъ, что „отъ Орѣнбургскаго Отдѣла Географическаго Общества не получено отвѣта“ на призывъ Пулковской Обсерваторіи.

Этимъ заявленіемъ какъ бы возводится на нашъ Отдѣлъ тяжкое для него обвиненіе въ безучастности къ дѣлу, имѣющему такое важное значеніе для географической науки, и потому я, какъ Предсѣдатель Отдѣла, считаю своею обязанностью дать объясненіе описанному случаю.

Предложеніе Пулковской Обсерваторіи обсуждалось въ общемъ Собраніи Отдѣла 19-го декабря 1870 г. ¹⁾, и такъ какъ предсѣдательствовавшій въ Отдѣленіи географіи математической, дѣйств. чл. Ал. А. Тилло, заявилъ, что надежные наблюдатели у насъ есть, также какъ нѣтъ недостатка въ точныхъ инструментахъ для опре-

¹⁾ Записки Орѣнбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, вып. 2, стр. 16—18. Казань, 1872.

дѣленія времени, то остается исколотать лишь хорошія трубы для наблюденія прикосновенія Венеры къ диску Солнца, и, кромѣ того, узнать, можно ли рассчитывать на содѣйствіе Правительственной Комиссіи, учрежденной для этого дѣла, и Пулковской Обсерваторіи, въ снабженіи наблюдателей гелиомерами и приборами для фотографическихъ снимковъ солнца, — чтобы наши изслѣдованія имѣли наибольшую полноту. Такъ какъ г-ну Тилло предстояло быть, вскорѣ послѣ упомянутаго общаго собранія Отдѣла, въ Петербургѣ, то онъ, съ одобренія Общаго Собранія, принялъ на себя трудъ лично переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ по послѣднему вопросу. Результатомъ этихъ переговоровъ было разрѣшеніе со стороны названной комиссіи въ утвердительномъ смыслѣ лишь предположенія о снабженіи нашихъ наблюдателей трубами, послѣ чего Отдѣлъ, въ общемъ собраніи 10 марта 1871 года ¹⁾, соображая, гдѣ именно въ Оренбургскомъ Краѣ можно съ большею выгодною устроить временную Обсерваторію для предстоящихъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что этому условію наиболѣе соответствуетъ гор. Иргизъ, въ которомъ, по условіямъ климата, представляется болѣшая возможность рассчитывать на ясность дня 27 ноября 1874 года.

Отсюда очевидно, что сношенія Отдѣла съ правительственными учрежденіями по изслѣдованію прохожденія Венеры, принявъ видъ личныхъ переговоровъ, не могли выразиться отвѣтною бумагой, что вѣроятно и дало поводъ г. Линдеману замѣтить объ отсутствіи отзыва со стороны нашего Отдѣла; а такое замѣчаніе вызвало въ свою очередь настоящее объясненіе, которое я покоряѣйше прошу напечатать въ ближайшей книжкѣ „Вѣстника Европы“, съ цѣлью выяснитъ передъ читателями журнала близко интересующее нашъ Отдѣлъ недоразумѣніе.

Л. Баллюзетъ.

Къ этому „объясненію“ я съ своей стороны долженъ прибавить, что упомянутые въ немъ переговоры чрезъ полковника Тилло велись, вѣроятно, совершенно частнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ комиссіи о нихъ ничего не знала: предсѣдательствующій комиссіи впервые узналъ о нихъ изъ настоящаго „объясненія“. Въ подтвержденіе моихъ словъ могу привести и факты (изъ моей же статьи): „Упомянутый въ объясненіи городъ Иргизъ уже избранъ комиссіею для харьковскихъ наблюдателей; для производства же наблюденія въ Оренбургѣ комиссіи предложены услуги и средства Оренбургскаго Военно-Топографическаго Отдѣла“. Знай комиссіи о намѣреніяхъ Оренбургскаго Отдѣла Географическаго Общества, она, конечно, распорядилась бы нѣсколько иначе.

Эд. Линдеманъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 36.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 11-го декабря 1873 года.

- 1) Выдано сто рублей писательницѣ, поставленной смертью мужа въ стѣсненное положеніе.
- 2) Выдано сто рублей молодому ученому, обремененному семействомъ и нуждавшемуся въ пособіи для производства экспериментовъ.
- 3) Выдано двумъ вдовамъ писателей, находящимся въ бѣдности: одной 50 р. и другой 40 р.
- 4) Отклонено ходатайство семейства одного писателя о назначеніи пенсіи, такъ какъ семейство это не находится въ нуждѣ.
- 5) Выдано сто р. больной писательницѣ.
- 6) Выдано 25 р. на леченіе дѣтей писателя.
- 7) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о ссудѣ, какъ несогласныя съ правилами о выдачѣ ссудъ, и трехъ лицъ о пособіи, потому что лица эти не удовлетворяютъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.
- 8) Изъявлена благодарность Общества: Н. А. Манасину за содѣйствіе комитету, и Н. И. Аванасьеву за пожертвованіе пяти билетовъ на бесплатное пользованіе въ его водолечебницѣ.

Отчетъ казначея за ноябрь.

Къ 1-му ноября въ кассѣ было 58,124 р. 13 к. Вновь поступило: взносы 22 лицъ 255 р.; единовременно отъ одного лица 100 р.; возвратъ невыданнаго пособія 50 р.; проценты съ капитала 766 р. 32 к. Израсходовано 1,367 р. 80 к., въ томъ числѣ: на пенсіи 3-мъ лицамъ 130 р.; на единовременныя пособія 9-ти лицамъ 755 р.; на воспитаніе и стипендіи 7 лицамъ 482 руб. 50 к.; за храненіе бумагъ въ Банкѣ 30 к. Къ 1-му декабря въ кассѣ состояло 57,927 р. 65 к.

Засѣданіе комитета 26-го декабря 1873 г.

- 1) Выдано 120 р. вдовѣ писателя на воспитаніе ея дѣтей.
- 2) Выдано 300 р. писателю на уплату долговъ и на расходы по переѣзду въ другую губернію.
- 3) Выдано 200 р. ученому, находящемуся въ стѣсненномъ положеніи.
- 4) Выдано 30 р. писателю на приобрѣтеніе необходимой одежды.
- 5) На мѣсто Н. Н. Тютчева, отказавшагося отъ избранія въ члены комитета, положено предложить къ избранію Н. А. Некрасова.
- 6) Отклонены ходатайства двухъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ устава Общества.

Общее собраніе членовъ Общества 6-го января 1874 г.

По открытіи собранія секретарь прочелъ слѣдующій отчетъ: „Мм. гг. Въ послѣдніе два мѣсяца прошлаго года комитетомъ Общества оказаны слѣдующія пособія: четыремъ лицамъ выдано по 300 руб., одному 200 р., одному 150 р., одному 120 р., четыремъ по 100 р., четыремъ по 50 р., двумъ по 40 р., четыремъ по 30 р. и двумъ по 25 р. Въ уплату за слушаніе лекцій четырьмя молодыми людьми внесено 150 р. Обществу для пособія нуждающимся студентамъ с.-петербургскаго университета отпущено 250 р. изъ свободныхъ остатковъ отъ суммы, назначенной на стипендіи названнымъ студентамъ. Выдано въ счетъ стипендіи студенту 1-го курса того же университета 62 р. 50 к. Предположено выдать въ началѣ текущаго года дочери писателя, въ единовременное пособіе, 100 р. и одному писателю въ ссуду 300 р. Дочери извѣстнаго писателя назначена пенсія въ 300 р. въ годъ, начиная съ 1-го января 1874 года. По просьбѣ одного писателя, комитетъ хлопоталъ о скорѣйшемъ назначеніи ему пенсіи изъ суммъ государственнаго казначейства и, благодаря благосклонному вниманію И. Д. Делянова, сдѣлано уже распоряженіе объ удовлетвореніи этого ходатайства. По желанію С. И. Черепанова, комитетъ сообщалъ редакціи газеты „Новости“ объ уплатѣ слѣдующихъ г. Черепанову, за статью его, денегъ; но отвѣта на это сообщеніе не получилъ. Одному писателю, согласно его просьбѣ, предоставлены постоянныя занятія въ одной изъ редакцій. Наконецъ, приняты мѣры къ присканію мѣста для вдовы писателя, находящейся въ весьма стѣсненномъ положеніи. Двѣнадцать лицамъ комитетъ вынужденъ былъ отказать въ пособіи, потому что одинъ изъ нихъ не имѣетъ право на помощь со стороны Общества, а другія неудовлетворяли тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ помощь эта оказывается. Семь просьбъ остались неразрѣшенными къ концу отчетнаго года, по неполученію необходимыхъ для разрѣшенія ихъ свѣдѣній“.

Послѣ того казначей доложилъ слѣдующія свѣдѣнія о состояніи кассы Общества: Къ 1-му октября 1873 г. въ кассѣ было 60,006 р. 63 к. Поступило 3,420 р. 95 к., въ томъ числѣ: взносы членовъ, 455 р., единовременно 301 р. 5 к.; возвратъ двухъ пособій 70 р.; возвратъ 6 ссудъ 1,100 р.; процентовъ съ капитала 1,494 р. 90 к. Израсходовано: на пенсіи 915 р., на единовременныя пособія 3,397 р. 50 к., на воспитаніе 1,042 р. 50 к., за храненіе процентныхъ бумагъ 30 к. — всего 5,355 р. 30 коп. Къ 1-му января 1874 г. въ кассѣ 58,072 р. 28 коп., и капитала Е. П. Ковалевскаго 8,135 р. 43 коп.

Наконецъ, была произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества, и въ члены ревизіонной комиссіи. Въ члены Общества избраны: А. В. Пальчиковъ, П. А. Висковатовъ, П. А. Брюлловъ, О. К. Нотовичъ, А. А. Рудановскій, Д. И. Стахѣвъ, Н. Н. Фирсовъ, Ц. А. Кюи, А. О. Преженцовъ, Н. Б. Преженцовъ, П. И. Чепелевская и М. Г. Ермолова. Въ составъ ревизіонной комиссіи вошли: Н. В. Кидошенковъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій, В. П. Гаевскій, В. И. Лихачевъ, Э. К. Ватсонъ и Н. Н. Тютчевъ.

По окончаніи этихъ занятій, на обсужденіе собранія было предложено заключеніе комитета о распространеніи на вольнослушателей 1-го курса с.-петербургскаго университета правилъ объ учрежденныхъ Обществомъ стипендіяхъ для студентовъ того же университета. Собраніе, значительнымъ большинствомъ голосовъ, одобрило предложеніе комитета.

Засѣданіе комитета 6-го января 1873 г.

1) Выдано: двумъ писателямъ по 40 р., одному 75 руб., одному 50 р. и одному 25 р.

2) Выдано въ стипендію студенту 1-го курса с.-петербургскаго университета 62 р. 50 к.

3) Назначена пенсія въ 300 р. писателю, лишенному, вслѣдствіе болѣзни, всякихъ средствъ къ существованію.

Отъ Редакціи. Мы получили отъ А. А. Головачева объясненіе по поводу отвѣта на его статью объ операціяхъ государственнаго банка г. Иващенко, но по недостатку мѣста были вынуждены отложить это объясненіе до слѣдующей книги.

☞ Деньги, 70 рублей, получены редакціей 23-го января отъ г. М. Рославца и собраныи 10-го января въ городѣ Кизлярѣ, для вспоможенія жителямъ Самарской губерніи, страдающимъ отъ голода, переданы 24-го января г-нѣ Предсѣдательницѣ „С.-Петербургскаго Комитета для помощи голодающимъ Самарской губерніи“.

П О П Р А В Е И.

Въ январской книжкѣ просить сдѣлать слѣдующія исправленія:

Стран.	Строч.	Напечатано:	Вмѣсто:
55	6 св.	искала	сискала
61	9 „	для нихъ	для насъ
65	3 св.	пришелъ	прошелъ
70	14 св.	ковыль	ковылъ
71	8 „	Иль	Или
72	2 „	минуэтъ	менуэтъ
416	6 св.	касъ, конторъ	касъ конторъ
„	3 „	Kassierwährung	Papierwährung

Сверхъ того, на стр. 420, таблица колебаній ланга въ Австріи, отъ 1848—1859 г. ошибочно помѣщена, при версткѣ, въ текстъ: она должна бытъ снесена въ примѣчаніе, какъ продолженіе примѣчанія 1, на стр. 419.

М. Стасѣлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ 1873.

Книга первая.—Январь.

	стр.
Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху.—По новымъ документамъ.—У. На югѣ Россіи. 1820—24.—П. В. АННЕНКОВА.	5
Портреты.—Повѣсть въ стихахъ.—ГР. А. К. ТОЛСТАГО	50
Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій.—Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.—И.—М. П. ДЕ-ПУЛЕ.	75
Девятый валь.—Романъ въ трехъ частяхъ.—Часть первая.—Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО	116
Возрастъ вступленія въ бракъ.—Антропологическій очеркъ.—И. И. МЕЧНИКОВА.	322
Овщегерманское законодательство печати.—Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.—I-V.—ИВ. ФОЙНИЦКАГО	284
Клѣ железо, пока горячо.—Новый англійскій романъ м-съ Бреддонъ.—I-V.—А. Э. ХРОНИКА.—Дѣти-преступники и ихъ судьба.—В. НИКИТИНА.	331 379
Внутреннее Овозраженіе.—Начало сессіи петербургскаго земскаго собранія.—Отношеніе столичнаго общества къ интересамъ своего земства.—Рѣчь г. губернатора и предложеніе г. Шуберта.—Народное образованіе въ земскомъ бюджетѣ, и земская учительская школа.—Вопросы народнаго здравія.—Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества.—Отчетъ комитета за 1872 годъ.—Post-scriptum: отвѣтъ не на вопросъ петербургской „Nordische-Presse“ г-ну А.	393
Отвѣтъ на вопросы объ операціяхъ Государственнаго Банка.—И. ИВАЩЕНКО.	413
Иностранное Овозраженіе.—Начало парламентской сессіи въ Пруссіи.	429
Корреспонденція изъ Парижя.—Исходъ роялистскихъ интригъ и процессъ маршала Базена.—Н.	449
Отвѣтъ на новыя „бранины“ посланія г. Погодина.—Н. КОСТОМАРОВА.	464
Извѣстія.—I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.—II. Общество вспомоществованія студентамъ С.-Петербургскаго Университета.—III. Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній	478
Видноглаголическій Листокъ.	

Книга вторая.—Февраль.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, въ Александровскую эпоху.—По новымъ документамъ.— VI. На югъ Россіи. 1823.—24.— VII. Михайловское. 1824—26.— Окончаніе.— П. В. АННЕНКОВА	481
Изъ Лонгфелло.— Стихотворенія: I. Духъ матери.— П. Проклятіе.— П. И. ВЕЙН-БЕРГА	559
Харьбовскій университетъ и Д. И. Качиновскій. Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ.— П.— Окончаніе.— М. П. ДЕ-ПУЛЕ	565
Девятый Валъ.— Романъ въ трехъ частяхъ.— Часть вторая, Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО	560
Общегерманское законодательство печати.— Историческій очеркъ новѣйшихъ работъ.— VI-XIV.— Окончаніе.— Ив. Я. ФОЙНИЦКАГО	711
Куй железо, пока горячо.— Новый англійскій романъ м-съ Брэддонъ.— VI-XII.— А. Э.	763
Иностранная литература и наука.— Идея личнаго благосостоянія въ современномъ обществѣ.— Ueber die Freiheit in der Volkswirtschaft, von Dr. H. Maunus.— Р-ъ	802
Внутреннее Овозрѣніе.— Брачное торжество 11-го января.— Рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія.— Призымъ дворянства къ дѣлу народнаго просвѣщенія.— Адресъ московскаго дворянства и газетные толки.— Прошедшая судьба нашей народной школы и будущее ее развитіе.— Манифестъ о всеобщей воинской повинности.— Ея важное значеніе въ дѣлѣ народнаго образованія.— Льготы и извѣтія.— Очеркъ новаго устройства вооруженныхъ силъ.— Замѣтка по поводу вопроса о стипендіи баронета Вилліе	846
Податной вопросъ, въ связи съ экономическимъ положеніемъ сельскаго населенія европейской Россіи.— Л. К. БУХЪ	870
Иностранное Овозрѣніе.— Распушеніе палаты общинъ.— Посланіе Гладстона и Дизраели.— Государственный переворотъ въ Испаніи, и новое правитель-ство.— Министерскій кризисъ въ Версали.— Бисмаркъ и иностранная печать	896
Корреспонденція изъ Берлина.— Политическій кризисъ въ Германіи.— К. Корреспонденція изъ Лондона.— Англійская политика въ Ирландіи и въ колоніяхъ.— В.	934
Замѣтка.— По поводу квазі-литературной критики „Русскаго Вѣстника“.— А. Н. ПЫШИНА	943
Объясненіе Оренбургскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества, и отвѣтъ Эд. ЛИНДЕМАНА	963
Извѣстія.— I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Библиографическій Листокъ	964

иных А. В. Хреноваичаго 1782—1793. По подлин. его рук., съ биограф. и объяснителн. примечаніемъ Н. Барсукова. Изд. А. Ө. Барсукова, Сиб. 1874. Стр. 610. Ц. 3 р. 50 к.

Известіи Храповицкаго близъ издаваемыхъ два а въ шибшнемъ столѣтіи, но только теперь первый разъ этотъ драгоценный памятникъ яется во всей полнотѣ и съ указателемъ, кой самъ по себѣ есть пріобрѣтеніе для науки, и какъ составитель его не ограничивается лишь указаніемъ страницъ, на которыхъ ядено то или другое имя, но при многихъ нахъ сообщать биографіи упомянутыхъ лицъ, вода приводитъ и цѣлыя документы. Полое, которое занималъ Храповицкій при са-собѣ Екатерины II-й, въ теченіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ собственнаго ея дѣла, пріадеть чрезвычайное важное и живѣе гнальное значеніе замѣткамъ автора, нава-фныхъ на бумагу во всей сибѣстахъ видн-в в слыханнаго имъ въ кабинетѣ государина, раннего утра, „при волосочесаніи“, и до-ного вечера. Первые пять дѣтъ авторъ одѣ-мазо замѣтки, и онѣ похожи на то, что е имѣютъ привычку дѣлать на блондъ стра-и своего календаря: съ 1786 г. Храпови-отвѣчаетъ усерднѣе, а 1788-й годъ запы-нмъ съ большими и весьма интересными робностями. Въ этотъ казедоскопъ попададо и слово, оброченное императрицею, и вы-на изъ „перелюстраціи“, и первая извѣстія съ-ра войны, и отъизи Екатерины II-й объ-ужающихъ ее лицахъ,—однимъ словомъ, все то обильно и подробно провадетъ для историка, а чьезъ часто коренятся первые причины ныхъ событий, являющихся послѣ какъ бы-ишио. Для историка Екатеринскаго вѣка-воваціи послужить стенографомъ, присут-е котораго не подозрѣвали сами дѣйстви-елна, хотя, впрочемъ, намъ кажется, „сте-графъ“ хорошо понималъ всю шекотливость его напяти, и потому въ его замѣткахъ нѣтъ его такого, что могло бы навлечь ему не-иность. Издатель дѣлаетъ даже догадку, что-ица увеличения Храповицкаго отъ личной-иби при императрицѣ заключалась въ расиро-иившемся слухѣ о томъ, что онъ что-то пишетъ.

Тамъ исторія въ жизнеописаніяхъ ея глав-ишшихъ дѣателей. Н. Костомарова. Ва-лудск. третій. Сиб. 1874. Стр. 521—737. Ц. 1 р. 25 к.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается пер-отдѣлъ „Русской исторіи“, содержащій се-еловое господство дома св. Владиміра. Три-уса составилъ теперь обширный томъ, ластовъ 50, гдѣ, какъ въ панорамахъ, проходитъ одно-другимъ тѣ историческія лица, которая ижиан-ише или держали въ своихъ рукахъ судьбу-ода. Последний, третій выпускъ, обнимаетъ-ю тяжелый періодъ отъ смерти Грознаго до-аренія новой династіи— смутное время, въ-подробно разработанное авторомъ въ его-истной монографіи. Остановившись на двухъ-ахъ, которыя въ концѣ эпохи Грознаго вы-ише изъ общественныхъ связей, а именно, на-кашъ и Константиѣ Острожскомъ, авторъ-мастерскихъ очеркахъ пишетъ характери-на печальныхъ и доблестныхъ героевъ смут-о времени, и заключаетъ Филаретомъ Ник-иомъ Романовымъ, родоначальникомъ новой-астии. Пожелаемъ почтенному автору съ-иизъ же успѣхомъ завершить окончательно-и обширный трудъ вторымъ отдѣломъ, кото-

рый обниметъ собой послѣдніе два съ полови-новое вѣка—новую нашу исторію.

Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣ-тей. Состав. Адел. и Як. Симонович. Т. I. Сиб. 1874. Стр. 357. Ц. за 2 тома 4 руб.

Какъ показывается заглавіе, это—сборникъ практическихъ соображеній, при какихъ условіяхъ можетъ совершаться самыя выгодныя обра-зовае физическій и умственный ростъ ребенка, какъ необходимо принимать въ соображеніе его индивидуальный темпераментъ, и въ чьезъ со-стоятъ главныя задачи здравой педагогики. Серьезныя матери семействъ просматривъ эту книжку не безъ пользы для себя и для своихъ дѣтей. Можно только пожалѣть о цѣнѣ книжки, мало доступной и еще менѣе соотвѣтствующей ея почти неоплатному виду.

Этнографическія наблюденія во время побѣды на ю.-в. Оловецкой губерніи. Н. С. Пола-кова. Сиб. 1873.

Авторъ, изучалъ мѣстность одной изъ нашихъ сѣверныхъ провинцій, напелъ тамъ признаки жизни вымершихъ племенъ, и на основаніи того составилъ очеркъ слѣдовъ существованія чело-вѣка въ доисторическую эпоху. Но къ этому онъ присоединилъ свои въ высшей степени за-бопытныя наблюденія надъ условіями жизни со-временнаго челоѣка, измѣнившаго отчасти ха-рактеръ природы, но еще болѣе измѣнившагося подъ вліяніемъ той же самой природы—въ та-кой степени, что, читая у автора описаніе оловецкой „дивинизаціи“, думаешь видѣть предъ собою какихъ-нибудь дикарей и притомъ сви-рѣбнаго племени. Авторъ не винитъ много при-роду и указываетъ на сосѣднюю Финляндію съ той же природою, но съ низшимъ уровнемъ образованія.

Популярныя лекціи о природѣ и челоѣкѣ. Соч. Отто Ула, Перев. съ нѣм. Москва. 1874. Стр. 291. Ц. 2 р. 50 к.

Ула, профессоръ университета въ Галле, одинъ изъ талантвѣйшихъ популяризаторовъ естественныхъ наукъ; у насъ были переводыи его „Химія духа“ и „Почему и потому“. Но-вый его сборникъ посвященъ разъясненію раз-личныхъ и разнообразныхъ явленій изъ жизни природы и челоѣка; рядомъ съ обыкновенными задачами физики и физиологіи, тамъ встрѣчаются попытки рѣшать тѣмъ же опытнымъ путемъ за-дачи психологіи, какъ, напр., о законахъ мысли. Цѣль этихъ бесѣдъ состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить читателя, что ни въ жизни природы, ни въ жизни челоѣка нѣтъ ничего случайнаго: „изъ природы, говоритъ авторъ, наука вытѣ-слаетъ случайное, изъ жизни—разумъ“.

Исторія Вохарн или Трансоксании съ древнѣ-ишихъ временъ до настоящаго. Г. Вамберг. Пер. А. П. Павловскаго. Сиб. 1873. Стр. 296.

Второй томъ въ русскомъ переводѣ сочи-ненія столь вѣликаго Вамбери представляется болѣе любопытнаго, такъ какъ авторъ изъ „хра-ка вѣкомъ“ выступаетъ наконецъ въ близкое къ намъ время и описываетъ состояніе Средней Азии наканунѣ нашихъ побѣдъ надъ Хивою. Несмотря на возбужденія сомнѣній въ лич-номъ знакомствѣ Вамбери съ Среднею Азіею, его ученія свѣдѣнія пользуются авторитетомъ; предвзята пенальствъ автора къ Россіи можетъ быть отложена съ сторону безъ ущерба для научнаго достоинства книги, какъ, впрочемъ, и поступилъ переводчикъ, оставивъ безъ измѣненія выходки автора противъ Россіи.

О В Ъ И З Д А Н І И
„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1874-мъ году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) Въ доставкѣ на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) Съ доставкой по городской почтѣ 16 руб.

II.—Въ Москвѣ: 1) Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловья 16 р.—2) Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

III.—Въ губерніяхъ: Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію 17 руб.

IV.—Загранично: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеназванной дѣль (17 р.) предлагается: а) 2 руб. — въ Германію и Австрію; б) 3 р.— въ Бельгію, Нидерланды и Швейцарію; в) 4 р. — по Франціи и Деніку; д) 5 р. — въ Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію и Грецію; е) 6 р.—въ Швейцарію; ф) 7 р.—въ Италію и Японію; г) 8 р. въ Америку.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

A) Отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журналовъ при книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова, въ Спб. Невск. пр. 30.

B) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ извѣстно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, въ губерніи и уѣзда, гдѣ допущена выдача газетъ и журналовъ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступилъ въ продажу

„ГОДЪ“

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

за 1872—73 гг.

Изданіе редакціи „Вѣстника Европы“.

Спб. 1873. Стр. 352. Съ приложеніями документовъ и Каталогами книгъ русскихъ и иностранныхъ за 1873 г.

Редакція «Вѣстника Европы», подъ названіемъ «ГОДА», дѣлая опытъ особаго изданія, въ формѣ историко-политическаго обзрѣнія, какъ издаются давно подобныя обзрѣнія въ западныхъ литературахъ, пользуясь отчасти при этомъ, какъ матеріаломъ, ежемѣсячными обзрѣніями журнала, исправленными въ новомъ изданіи и значительно дополненными. Отдѣлъ Россіи вмѣстѣ въ себя главнѣйшіе вопросы нашей внутренней политики и внѣшнихъ отношеній; остальная Европа, съ Соединенными-Штатами, составляетъ общую историческую картину за годъ. Обозрѣніе доводится до октября 1873 года.

Цѣна ТРИ рубля.

Для подписчиковъ „Вѣстника Европы“ — ДВА рубля, съ пересылкою въ губернію.

М. Стасюлевичъ

Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Невск. просп., 30

